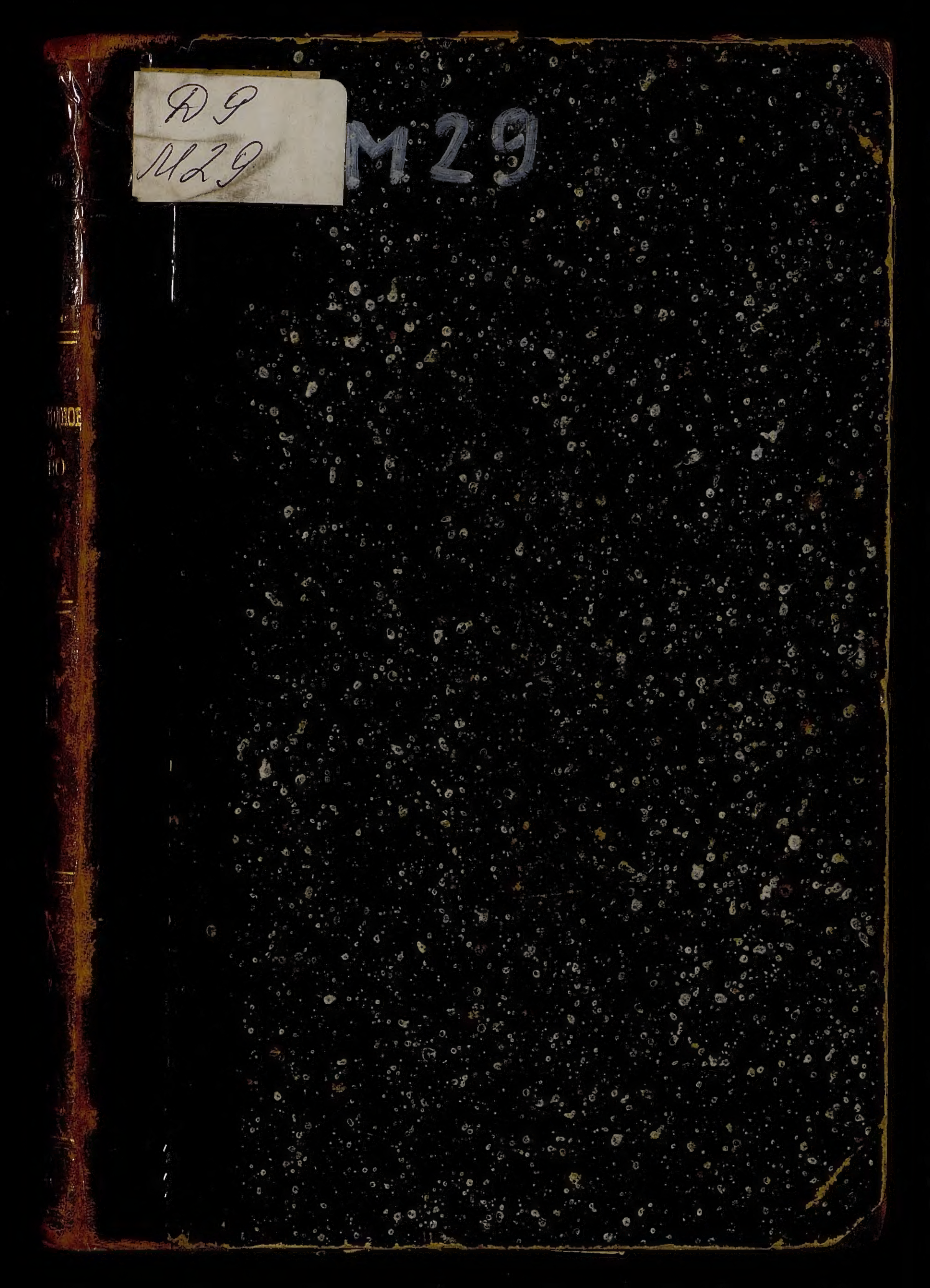
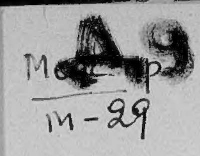

Д9
М29
М29

8184

13
22

СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ НАРОДОВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ НАРОДОВЪ.

Suum cuique.

Ф. Мартенса,

Проф. Спб. университета и Вице-президента Института Международнаго права.

Томъ I.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,

дополненное и исправленное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ, домъ № 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее третье изданіе перваго тома моего курса международнаго права значительно дополнено и исправлено въ сравненіи со вторымъ изданіемъ.

Къ нѣмецкому и французскому переводамъ настоящаго курса прибавился еще испанскій переводъ въ трехъ роскошныхъ томахъ, сдѣланный профессоромъ Прида (Prida) въ Валладолидѣ и изданный съ интересными замѣтками ученаго переводчика подъ заглавіемъ: „Tratado de Derecho Internacional por F. de Martens. Madrid 1895".

Ф. Мартенсъ.

Мартъ 1895 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Съ того самаго времени, когда мощною волею Петра Великаго Россія была введена въ семью западно-европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, она до настоящей минуты не переставала принимать непосредственное участіе въ международной жизни и въ ея развитіи. Но однимъ участіемъ не ограничивалась роль Россіи. Нѣтъ, по мѣрѣ того какъ русскій народъ шелъ впередъ по пути развитія гражданственности и внутренняго своего строя, Россія выступаетъ въ области международныхъ отношеній великою и могущественною державою, которая особенно чутко относится ко всѣмъ вопросамъ, выдвигаемымъ на первый планъ стремленіями европейскихъ народовъ къ устойчивости международнаго порядка въ видахъ необходимости его для всесторонняго внутренняго общественнаго и культурнаго ихъ развитія. Великій умъ императрицы Екатерины II нашелъ въ созданномъ ею союзѣ „вооруженнаго нейтралитета“ лучшее средство для охраны законныхъ правъ безсильныхъ нейтральныхъ народовъ. По великодушному почину Царя-Освободителя была созвана въ 1874 году Брюссельская конференція для опредѣленія обязательныхъ обычаевъ и законовъ войны, съ цѣлью смягчить ея бѣдствія и страданія. Но замѣчательно, если Россія, въ качествѣ великой державы, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разрѣшеніи международныхъ вопросовъ, то, съ другой стороны, наука международнаго права туго пускаетъ корни въ русскую почву. Русской литературы по международному праву, собственно говоря, совсѣмъ не существуетъ, и до сихъ поръ

нѣтъ ни одного систематическаго руководства по этой наукѣ, составленнаго русскимъ ученымъ. Между тѣмъ потребность въ такомъ руководствѣ, которое дало бы возможность оріентироваться въ ежедневно возникающихъ международныхъ вопросахъ, чувствуется не только юристами, но и всѣми образованными русскими людьми, интересующимися внѣшнею политикою и слѣдящими за развитіемъ общей культурной жизни цивилизованныхъ народовъ.

Съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, мы издаемъ настоящій трудъ, два тома котораго обнимутъ всю область международнаго права, какъ во время мира, такъ и войны.

Относительно этого перваго тома позволено намъ будетъ сказать нѣсколько словъ. Система, въ которой мы излагаемъ науку международнаго права, существеннымъ образомъ отличается отъ другихъ существующихъ въ богатой западно-европейской летературѣ по международному праву научныхъ системъ. Насколько она состоятельна, можно будетъ судить только по выходѣ въ свѣтъ втораго тома. Въ настоящее время мы позволяемъ себѣ только замѣтить, что въ продолженіи одиннадцати лѣтъ нашей преподавательской дѣятельности, эта система была и остается, по нашему крайнему разумѣнію, тѣмъ порядкомъ, который наилучше соотвѣтствуетъ сущности и степени развитія современныхъ международныхъ отношеній.

Въ этой системѣ занимаетъ выдающееся мѣсто исторія международныхъ отношеній, которая выясняетъ мысль, легшую въ основаніе всего этого труда. Мысль эта можетъ быть выражена коротко въ слѣдующемъ положеніи: степень развитія соціальныхъ интересовъ и внутренняго строя государства опредѣляетъ мѣру его участія въ международной жизни.

Дѣйствительно, изученіе исторіи международныхъ отношеній вообще и участіе въ нихъ Россіи въ особенности, привело насъ къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что внутренняя жизнь и порядокъ государства обнаруживаютъ роковымъ образомъ свое дѣйствіе на международныя его отношенія и политику. Международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя. Чѣмъ болѣе правительства сознаютъ свои обязанности въ отношеніи всѣхъ своихъ

подданныхъ, чѣмъ болѣе они относятся съ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ, тѣмъ устойчивѣе внутренній государственный порядокъ и тѣмъ лучше обезпечено мирное и правомѣрное теченіе международной жизни. Поэтому стоитъ только опредѣлить крѣпость внутренняго государственнаго порядка и степень общественнаго развитія даннаго народа, чтобы опредѣлить, помимо его внѣшней физической силы, степень его вліянія и значенія въ области международныхъ отношеній. Сумма политическаго могущества государства въ различные моменты его жизни можетъ, на первый взглядъ, оставаться совершенно неизмѣнною, но внутренняя и дѣйствительная сила самого государства и международное его вліяніе будутъ положительно различны, если нарушается связь общихъ соціальныхъ его интересовъ съ интересами другихъ народовъ и расшатываются основы внутренняго въ немъ порядка и власти.

По нашему глубокому убѣжденію, все значеніе международныхъ отношеній и вся сила международнаго права основываются именно на общности соціальныхъ, культурныхъ и правовыхъ интересовъ, соединяющихъ цивилизованные народы. Мы сдѣлали попытку раскрыть эту связь между общественною жизнью народовъ и взаимными внѣшними ихъ отношеніями чрезъ всю исторію международныхъ отношеній, начиная съ древности до настоящаго времени, и мы пришли къ убѣжденію, что если въ государствѣ человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ, то и международная жизнь представляетъ высокую степень развитія, порядка и права. Наоборотъ, съ государствомъ, въ которомъ человѣческая личность никакими правами не пользуется, гдѣ она безправна и угнетается, международныя отношенія не могутъ ни развиваться, ни установиться на прочныхъ основаніяхъ. Самобытность же народа, въ смыслѣ культурной индивидуальности, можетъ развиваться и окрѣпнуть только въ области международныхъ отношеній, подъ условіемъ взаимнаго уваженія и при дружномъ стремленіи народовъ къ достиженію общихъ культурныхъ идеаловъ.

Таковы основная идея и главные выводы настоящаго труда. Они основаны не на предвзятыхъ мысляхъ, но на добросовѣстномъ изученіи исторіи международныхъ отношеній и, въ особенности, развитія русской международной политики по источ-

никамъ изъ нашихъ архивовъ. Многіе факты, относящіеся до дипломатическихъ сношеній Россіи, обнародуются здѣсь въ первый разъ.

За высказанныя въ этой книгѣ мысли и положенія мы стоимъ всею силою нашихъ личныхъ убѣжденій и всею совокупностью приведенныхъ нами положительныхъ фактовъ.

Свѣтлое Воскресенье, 1882 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Основаніе международнаго права.

II. Опредѣленіе понятія международнаго права.

III. Исторія международныхъ отношеній и права.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Съ древности до Вестфальскаго мира.

А. Древнія времена.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Съ Вѣнскаго конгресса до настоящаго времени.

А. Международныя отношенія съ Вѣнскаго конгресса 1815 г. до Парижскаго мира 1856 г.

B. Международныя отношенія съ Парижскаго мира 1856 г. до новѣйшаго времени.

A. Простыя государства.

B. Сложныя государства.

a) Союзъ государствъ.

b) Соединенныя государства.

IV. Условія существованія государствъ, какъ международныхъ личностей.

A. Признаніе новыхъ государствъ.

VI. Основныя международныя права государствъ.

VII. Государи, какъ субъекты правъ въ международныхъ отношеніяхъ.

VIII. Международное положеніе членовъ семейства и свиты государей.

IX. Общественные классы, какъ субъекты правъ въ области международныхъ сообщеній.

X. Частныя лица, какъ субъекты правъ въ области международныхъ сообщеній.

А. Права человѣка въ международныхъ отношеніяхъ.

В. О правахъ государства въ отношеніи подданныхъ и иностранцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Государственная территорія и пути международныхъ сообщеній.

I. О государственной территоріи вообще.

II. Границы территоріи.

III. О способахъ пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній.

IV. О способахъ отчужденія и утраты территоріи.

V. Ограниченія права территоріальности.

VI. Объ открытомъ морѣ.

VII. О береговомъ или территоріальномъ морѣ.

VIII. О проливахъ.

IX. О рѣкахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Международные договоры.

I. О международныхъ договорахъ вообще.

II. Условія заключенія и юридической силы трактатовъ.

А. Субъективныя условія.

В. Объективныя условія.

III. Объ участіи третьихъ державъ въ договорахъ.

IV. О внѣшней формѣ договоровъ.

V. Виды международныхъ договоровъ.

VI. Исполненіе международныхъ договоровъ.

VII. Международные способы обезпеченія договоровъ.

VIII. О толкованіи международныхъ договоровъ.

IX. Прекращеніе дѣйствія и обязательности международныхъ договоровъ.

X. Прибавленіе. Международныя обязательства изъ дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Основаніе международнаго права.

§ 1. Предметъ науки международнаго права есть совокупность жизненныхъ отношеній, существующихъ между народами. Отношенія эти вызываются различными интересами и стремленіями, какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ, подданныхъ различныхъ государствъ, къ удовлетворенію, посредствомъ международнаго обмѣна, своихъ физическихъ и духовныхъ потребностей. Слѣдовательно, наука международнаго права имѣетъ своимъ основаніемъ международную жизнь и служитъ выраженіемъ правоваго общенія цивилизованныхъ народовъ. При современномъ развитіи международныхъ сношеній, она должна представлять, очевидно, большой практическій интересъ и жизненную важность [1]).

Однако, не всѣ юристы согласны въ своихъ взглядахъ на значеніе науки международнаго права. Если такой замѣчательный современный публицистъ, какъ Лоренцъ фонъ Штейнъ, относитъ ее къ высшей области юридико-политическихъ наукъ, то другіе представители юриспруденціи и преимущественно

[1]) Сравн. Phillimore. Commentaries upon International Law. 3 ed. London 1879, t. I, p. 3. „To move, and live, and have its being in the great community of nations, is as much the normal condition of a single nation, as to live in a social state is the normal condition of a single man“. Kent's Commentary on International Law, edited by Abdy. Cambridge 1866, p. 7 etc. Wheaton's. Elements of International Law, edited by Dana. London 1866, p. 23, § 14. Heffter. Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart, 7-te Auflage. Berlin 1881, § 2. Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. 3-te Aufl. Nördlingen 1878, S. 1 u. flg.

юристы-практики не находятъ возможнымъ даже считать международное право за отрасль права, или,—какъ Лассонъ,—доказываютъ, что единственнымъ его предметомъ является осуществленіе въ международныхъ отношеніяхъ грубой физической силы [1]).

Эта отрицательная точка зрѣнія на науку международнаго права объясняется причинами двоякаго рода: во-1-хъ, преобладавшимъ до послѣдняго времени характеромъ юридическаго образованія на Западѣ Европы; во-2-хъ, новѣйшимъ реалистическимъ направленіемъ исторической науки и отчасти правовѣдѣнія.

Въ Западной Европѣ и въ особенности въ германскихъ университетахъ изученіе римскаго права и пандектовъ до самаго послѣдняго времени составляло почти исключительный предметъ образованія юристовъ. Это преобладающее господство римскаго права не только замедлило развитіе другихъ отдѣловъ права, но и утвердило тотъ ложный взглядъ въ юридической наукѣ, что только та система законовъ заслуживаетъ названія науки права, которая непосредственно примѣняется къ жизни, служитъ средствомъ борьбы за повседневные интересы лица, охраняется принудительною силою, словомъ—можетъ быть основана на римскомъ правѣ. Построенное на началахъ, римскимъ юристамъ неизвѣстныхъ, часто нарушаемое на практикѣ и въ большинствѣ случаевъ имѣющее лишь отдаленный интересъ для частныхъ лицъ, международное право, въ глазахъ цивилиста, не было частью правовѣдѣнія, и потому онъ не находилъ возможнымъ посвятить ему свои труды. Но отъ этого воззрѣнія теперь отказываются даже въ Германіи. Современные юристы и политическіе дѣятели все болѣе убѣждаются, что при существующемъ строѣ общественной жизни, когда народъ, путемъ избранія своихъ представителей, призывается къ участію въ законодательствѣ и въ управленіи страны, знакомство съ однимъ Corpus juris представляется далеко недостаточнымъ. Сводъ римскаго права не даетъ никакого отвѣта на многіе жизненные вопросы, отъ которыхъ зависитъ въ настоящее время всестороннее соціальное развитіе народовъ. Вотъ почему возникаютъ новыя политико-юридическія науки, какъ наука объ общественномъ правѣ (Gesellschaftsrecht), ученіе объ управленіи (Verwaltungslehre), и вотъ почему рядомъ съ ними, достигаетъ высокой степени развитія наука международнаго права.

Вмѣстѣ съ тѣмъ римское право постепенно сходитъ съ того пьедестала, на который оно было поставлено въ Германіи силою обстоятельствъ прошлаго вре-

---

[1]) Lasson. Das Culturideal und der Krieg. Berlin 1871. — Его же: Princip und Zukunft des Völkerrechts. Berlin 1871. S. 43 etc. Срав. также Zorn. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs. Berlin 1883, Bd. II, S. 420 u. flg.

мени[1]). Было бы напраснымъ трудомъ пытаться опредѣлить международныя отношенія современныхъ народовъ на основаніи принциповъ этого права. Римляне остаются неподражаемыми мастерами въ формулированіи положеній гражданскаго права и въ приложеніи юридическаго анализа, съ которымъ каждый юристъ долженъ относиться къ изученію права вообще. Въ этомъ отношеніи римское право дастъ наукѣ международнаго права тотъ практическій методъ, тѣ орудія анализа, посредствомъ которыхъ могутъ быть выяснены юридическія нормы или законы. Но въ немъ нельзя искать юридическаго опредѣленія отношеній, существующихъ между современными народами, потому что Римляне не знали международныхъ отношеній въ томъ смыслѣ, какой придается имъ въ настоящее время. Въ своихъ сношеніяхъ съ другими народами они исходили изъ принципа, прямо противоположнаго современному: мирныя международныя сношенія, въ которыя Римъ вынужденъ былъ вступать, они признавали нарушеніемъ законнаго порядка отношеній, въ которыхъ Римляне должны находиться къ другимъ народамъ; тогда какъ теперь международная жизнь, въ мирныхъ ея проявленіяхъ, считается нормальнымъ порядкомъ вещей, вызваннымъ законными потребностями государствъ и ихъ гражданъ[2]).

Что касается второй причины, которая приводитъ къ отрицанію международнаго права, то она заключается, какъ сказано выше, въ реализмѣ, господствующемъ нынѣ не только въ наукѣ исторіи, но также и въ различныхъ отрасляхъ юриспруденціи. Нисколько не оспаривая заслугъ реалистической школы передъ наукой, нельзя однако обойти молчаніемъ и ея увлеченія и недостатки. Наиболѣе замѣчательный и послѣдовательный выразитель этого направленія, Ипполитъ Тэнъ (Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime, Paris 1876, préface), слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ методъ, которымъ реалисты могутъ разрѣшить поставленную себѣ задачу. „Природа и исторія, говоритъ онъ, для насъ сдѣлали выборъ"; онѣ опредѣлили уже впередъ весь ходъ нашей жизни, всѣ отношенія, въ которыя люди могутъ становиться, равно какъ и результаты дѣятельности, къ которымъ они въ концѣ концовъ придутъ[3]). Слѣдовательно, только на основаніи изученія историческихъ фактовъ и обстоятельствъ, могутъ быть выяснены тѣ законы про-

---

[1]) Срав. Lorenz von Stein. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands. Stuttgart, 1876. S. 48 etc.

[2]) Слишкомъ большое значеніе придаетъ Phillimore (Commentaries. t. I, p. 16, 67) римскому праву въ области современныхъ международныхъ отношеній. Римское право дѣйствительно можно назвать „written reason", но только въ области гражданскихъ правоотношеній.

[3]) Срав. Fouillée. L'idée moderne du droit en Allemagne, en Angleterre et en France. Paris 1878, p. 227, 239 etc.

*

грессивнаго развитія, подъ вліяніемъ которыхъ находилось и живетъ данное общество или народъ. Всякая инициатива, всякій произволъ, всякая случайность и всякая свобода воли отрицаются реалистическимъ направленіемъ. Прилагая этотъ методъ къ области международныхъ отношеній, реальная школа юристовъ совершенно послѣдовательно пришла къ убѣжденію, что господство физической силы составляетъ единственный законъ международныхъ отношеній; ибо не доказываетъ ли историческій опытъ, что именно она опредѣляла отношенія между государствами, была тѣмъ факторомъ, который почти всегда торжествовалъ надъ правомъ? Отсюда слѣдующіе афоризмы, при помощи которыхъ представители реальнаго направленія рѣшаютъ вопросы международнаго права: „la force prime le droit", „право безъ силы — мечта" [1]).

Но возможно ли сводить международныя отношенія къ преобладанію грубой силы, какъ ихъ верховному началу? Возможно ли доказать положительными фактами, что въ области международныхъ отношеній должна господствовать и господствуетъ одна грубая сила и произволъ? Если необходимо изучить обстоятельства и факты, среди которыхъ складывалась международная жизнь, то слѣдуетъ ли изъ этого, что свобода человѣческой воли не имѣла рѣшительно никакого вліянія на созданіе этихъ условій? — Конечно, нѣтъ. Въ основаніи всѣхъ правовыхъ отношеній, частныхъ и публичныхъ, государственныхъ и международныхъ, безъ сомнѣнія, лежитъ сама жизнь и ея условія. Но тѣ реальныя обстоятельства, подъ дѣйствіемъ которыхъ зарождались и получали опредѣленную форму тѣ или другія юридическія нормы и права, суть сами произведеніе разнообразныхъ причинъ, часто случая и нерѣдко — геніальнаго ума, воли и дѣятельности человѣка. Въ этомъ отношеніи наука международнаго права представляетъ много примѣровъ, какъ извѣстныя начала, выставленныя какимъ-либо замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, писателемъ или юристомъ, усваивались другими юристами и писателями, примѣнялись самими государствами и такимъ образомъ получали значеніе обычныхъ началъ, освященныхъ опытомъ и практикой цѣлыхъ поколѣній. Въ международномъ правѣ существуютъ многія обычныя начала и правила, которыя выработались цивилизованною жизнью народовъ, которыя уважаются и примѣняются, независимо отъ международныхъ трактатовъ и законовъ, единственно въ силу внутренней ихъ разумности и практической пользы. Таковы, напримѣръ, права и привиллегіи, которыми пользуются дипломатическіе агенты, находясь на

---

[1]) Merkel. Recht und Macht in Schmoller's Jahrbuch, 1881, S. 439 flg. Срав. также Lawrence. Essays on some disputed questions in modern International Law. Cambridge 1884, p. 1—37 (2 изд. 1885 г.). Срав. также Nys. Les origines du droit international. Bruxelles 1894, Introduction.

иностранной территоріи, ихъ неподсудность въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ суду того государства, при которомъ они аккредитованы и т. д. Всѣ эти и многія другія явленія международной жизни не имѣютъ ничего общаго съ господствомъ физической силы. Они необъяснимы съ точки зрѣнія реалистическаго направленія и могутъ быть оправданы только здравымъ смысломъ, разумомъ, сознаніемъ ихъ дѣйствительной пользы, идеей правды и справедливости, которая должна составлять высшій критерій всякаго права [1]).

Если мы оставимъ теоретическія соображенія и обратимся къ практикѣ международныхъ сношеній въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, то и здѣсь встрѣтимъ множество фактовъ, опровергающихъ писателей-юристовъ, которые полагаютъ, что международнаго права нѣтъ и что въ сферѣ международныхъ отношеній царятъ исключительно произволъ и насиліе. Мы увидимъ, что между современными образованными народами установился правильный и безпрерывный обмѣнъ ихъ промышленной, экономической и хозяйственной дѣятельности. Торговыя сношенія, связывающія современныя государства, приняли въ настоящее время такіе размѣры, о которыхъ прежде не существовало никакого понятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они сдѣлались предметомъ опредѣленія огромнаго количества международныхъ конвенцій, договоровъ торговли и мореплаванія, предусматривающихъ условія, при которыхъ эти сношенія должны продолжаться, и содержащихъ въ себѣ правила, на основаніи которыхъ они должны происходить. Но не одни экономическіе интересы сближаютъ современные народы и устанавливаютъ между ними правовыя отношенія.

Существуетъ очень много и другихъ потребностей и интересовъ, которые преслѣдуются со стороны подданныхъ различныхъ государствъ не въ предѣлахъ своего отечества, но въ области международныхъ сношеній. Въ настоящее время каждое лицо, не находящее средствъ для своего существованія или для развитія своихъ способностей и силъ въ своей странѣ, можетъ свободно переселиться въ другое государство, гдѣ оно, даже помимо трактатовъ, найдетъ полную охрану личныхъ и имущественныхъ правъ. Мало того, каждое лицо, поселившееся на иностранной территоріи, можетъ, въ силу акта натурализаціи, получить права гражданства въ мѣстѣ своего пребыванія, и такой натурализованный гражданинъ будетъ признаваться иноземцемъ даже въ предѣлахъ своей родины.

Затѣмъ, современные народы находятъ необходимымъ установить извѣстный порядокъ, регулированный правомъ, также въ области духовныхъ сво-

[1]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, 1737, lib. I, cap. II: „Ratio, ipsa, inquam, ratio est juris gentium anima“.

ихъ интересовъ. Въ отношеніи умственной и художественной дѣятельности почти всѣ западно-европейскіе народы составляютъ теперь одно международное общество, въ предѣлахъ котораго всякій литераторъ, ученый, художникъ, артистъ или композиторъ пользуются одинаковымъ правомъ на защиту суда и закона въ случаѣ нарушенія ихъ литературной и художественной собственности.

Равнымъ образомъ охраняются международными средствами общіе всѣмъ цивилизованнымъ народамъ интересы правосудія. При современномъ развитіи международныхъ сообщеній, преступнику легко, посредствомъ побѣга, ускользнуть отъ законной отвѣтственности предъ судьею мѣста совершенія преступленія, и скрыться за границей. Въ виду такой возможности избѣгнуть заслуженнаго наказанія, государства заключаютъ между собой картельныя конвенціи, опредѣляющія порядокъ выдачи преступниковъ, совершившихъ общія преступленія. Повсемѣстное господство гражданскихъ и торговыхъ законовъ обезпечивается признаніемъ равноправности между судами различныхъ государствъ, приговоры которыхъ, на основаніи существующихъ договоровъ объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ, или по началу взаимности, считаются дѣйствительными за предѣлами ихъ территоріальной юрисдикціи.

Не менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ не только фактическаго существованія, но и юридическаго опредѣленія международныхъ отношеній служатъ многочисленные конгрессы и конференціи представителей различныхъ государствъ, происходившіе въ нынѣшнемъ столѣтіи. Они указываютъ на сознанную самими государствами недостаточность одного внутренняго законодательства, безъ международныхъ соглашеній и мѣръ, для полнаго обезпеченія законныхъ интересовъ своихъ подданныхъ. Въ виду этого государства вступаютъ въ союзы, задачей которыхъ служатъ соціальные интересы народовъ. Такъ, напримѣръ, Бернскій конгрессъ 1874 г. привелъ къ устройству всемірнаго почтоваго союза, члены котораго подчиняются совершенно одинаковымъ правиламъ относительно эксплоатаціи почтовой регаліи; телеграфныя конференціи выработали однообразныя правила для пользованія въ предѣлахъ всѣхъ приступившихъ къ телеграфному союзу государствъ телеграфическими сношеніями, и т. д. Даже во время войны современные образованные народы признаютъ себя связанными извѣстными обычными и договорными правилами, опредѣляющими ихъ взаимныя отношенія. Парижская декларація 1856 г. опредѣлила права нейтральной торговли. Женевская конвенція 1864 г. установила для воюющихъ государствъ одинаковыя правила относительно ухода за ранеными и больными непріятельскими лицами. На основаніи этого международнаго акта, всякій больной или раненый во время сраженія воинъ имѣетъ

такое же право на охрану и попеченіе со стороны противника, какъ и собственные подданные послѣдняго. Петербургская декларація 1868 г. запрещаетъ употребленіе во время войны разрывныхъ пуль, вѣсомъ менѣе опредѣленнаго размѣра. Въ 1874 г., по инициативѣ покойнаго Государя Императора Александра II, была созвана Брюссельская конференція для опредѣленія вообще всѣхъ законовъ и обычаевъ сухопутной войны. Слѣдовательно, и во время непріязненныхъ отношеній современныя государства отказываются отъ принципа неограниченнаго господства физической силы, считая обязательными для себя извѣстные обычаи и соглашенія, стѣсняющіе произволъ. Вообще говоря, исторія международныхъ отношеній есть собственно непрерывный рядъ фактовъ, доказывающихъ необходимость извѣстнаго порядка во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ. Идея такъ-называемаго „политическаго равновѣсія" доказываетъ, что и въ области политическихъ отношеній народы считали необходимымъ установить извѣстный порядокъ, опредѣлить свои отношенія извѣстными правилами.

На основаніи приведенныхъ фактовъ нельзя не придти къ тому заключенію, что существующія международныя отношенія опредѣляются какъ обычаями, такъ и формальными международными актами и юридическими началами, т. е. рядомъ нормъ, законовъ, которые должны быть соблюдаемы со стороны заинтересованныхъ государствъ. Другими словами, насколько необходима международная жизнь, настолько необходимо право, ее регулирующее, и отрицать это право значило бы тоже самое, что отрицать тѣ отношенія, которыя существуютъ фактически между народами и которыя вызваны законными ихъ потребностями.

§ 2. Независимо отъ общаго направленія реальной школы, отрицающаго существованіе или практическое значеніе науки международнаго права, въ литературѣ и обществѣ весьма распространены еще спеціально юридическія возраженія противъ возможности осуществленія и опредѣленія началъ и законовъ въ области международныхъ отношеній. Возраженія эти основываются, главнымъ образомъ, на отсутствіи принудительнаго характера положеній международнаго права и, въ частности, на недостаткѣ законодательной власти и суда, общихъ всему союзу государствъ [1]).

[1]) Самымъ дѣльнымъ опроверженіемъ ходячихъ противъ существованія положительнаго международнаго права возраженій должно признать до сихъ поръ главу VI въ замѣчательномъ трудѣ Kaltenborn'a. Kritik des Völkerrechts. Lpz. 1847. Весьма также удачны замѣчанія Bulmerincq. Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. Lpz.

Во главѣ современныхъ юристовъ, видящихъ существенный признакъ права въ принужденіи или силѣ, стоитъ знаменитый германскій юристъ Герингъ, посвятившій нѣсколько сочиненій спеціально выясненію сущности права. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ нѣмецкій ученый прямо говоритъ, что „понятіе права не есть понятіе логическое, но чистое понятія о силѣ". „Сила, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не есть только средство для осуществленія права, но она становится органическою частью самаго понятія о правѣ". Герингъ доказываетъ, наконецъ, что сила представляетъ такой необходимый элементъ права, что при ея отсутствіи самое право немыслимо, что тѣ отношенія, какъ, напримѣръ, международныя, въ которыхъ принужденіе не находитъ мѣста, будутъ отношенія моральныя, а не юридическія [1]). Мнѣніе это имѣетъ много сторонниковъ и въ другихъ представителяхъ теоретической и практической юриспруденціи.

Мы не можемъ, однако, согласиться, чтобъ силѣ принадлежала такая исключительная роль въ опредѣленіи характера жизненныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что понятіе права, выставленное Герингомъ, опровергается имъ же самимъ въ дальнѣйшемъ развитіи его теоріи. Хотя знаменитый романистъ и признаетъ, что сила есть существенная составная часть права, тѣмъ не менѣе онъ доказываетъ, что сильнѣйшій, изъ уваженія къ собственнымъ интересамъ, ограничиваетъ свою силу, не продолжаетъ вѣчно борьбу съ противникомъ; онъ заключаетъ миръ, а миръ, говоритъ Герингъ, есть основаніе всякаго порядка и права. Поэтому право основывается на соглашеніи (auf dem Vertrage) [2]).

1874. S. 158 u. flg. Не менѣе замѣчательна аргументація Bergbohm (Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts. Dorpat 1877, S. 12 etc.), удачно доказывающаго, что положительный характеръ права нисколько не опредѣляется фактическою возможностью его осуществленія. Срав. также Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge. Wien. 1880. S. 7 u. flg. Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts, S. 18 u. flg.

[1]) Jhering. Der Kampf um's Recht, 1872.—Der Zweck im Recht, Lpz. 1877. B. I. S. 240: „Recht ist das System der durch Zwang gesicherten socialen Zwecken"; I, 255: „das Recht ist die Politik der Gewalt", стр. 250 и т. д. Хотя Герингъ прямо не отрицаетъ существованія международнаго права, его понятіе о правѣ, однако, приводится, какъ авторитетное доказательство въ пользу отсутствія права тамъ, гдѣ нѣтъ принужденія.

Срав. также Puchta. Gewohnheitsrecht. Erlangen 1828, Bd. I. S. 142 etc.

[2]) Весьма замѣчательны и основательны возраженія противъ теоріи Геринга о существѣ права іенскаго профессора Thon. Rechtsnorm und subjektives Recht. Weimar 1878, S. 47 u. flg. Сравн. также его статью: „Der Rechtsbegriff" въ Grünhut's Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht. Bd. VII, Heft II. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія: Dahn. Die Vernunft im Recht. Grundlagen der Rechtsphilosophie. Berlin 1879 — Merkel въ Grünhut's Zeitschrift, B. VI, Heft II.

Никто не будетъ утверждать, чтобъ эта точка зрѣнія не могла быть примѣнена къ международнымъ отношеніямъ. И здѣсь сильнѣйшее государство весьма часто, изъ уваженія къ собственной пользѣ, должно ограничивать свою силу. Охраняя свои интересы, оно входитъ въ соглашеніе съ другими слабѣйшими народами, чтобы установить порядокъ, который всегда основывается на соблюденіи извѣстныхъ юридическихъ нормъ или законовъ. Такимъ образомъ, если право гражданское, уголовное и государственное есть вообще послѣдствіе соглашеній между данными сторонами, то и международный порядокъ или право также является результатомъ соглашенія, въ которомъ участвуютъ государства различной силы и могущества.

Аналогія идетъ еще далѣе. Всѣ соціальныя отношенія, по мнѣнію Геринга, имѣютъ своимъ основаніемъ соединеніе личной цѣли съ пользою или интересомъ другого. Такъ, въ государствѣ правительственная власть уважаетъ права своихъ подданныхъ въ виду обезпеченія собственнаго блага или интереса. Но то же самое мы видимъ и въ области международныхъ сношеній. Международная жизнь представляетъ рядъ политическихъ союзовъ государствъ, союзовъ соціальныхъ, для выдачи преступниковъ, для охраненія литературной собственности и т. д., и каждый изъ нихъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ соединеніе народовъ, заключенное ради достиженія пользы каждаго путемъ уваженія интересовъ другихъ договорившихся сторонъ. Международное право также основывается на компромиссѣ интересовъ государствъ, входящихъ въ международное общеніе. Всякое же общеніе людей, признающее извѣстный порядокъ общежитія, есть общежитіе правовое.

Слѣдовательно, на основаніи теоріи самого Геринга невозможно оспаривать существованіе порядка и права въ международныхъ отношеніяхъ. Но, кромѣ того, невѣрно и самое исходное положеніе этой теоріи. Ученіе, согласно которому физическая сила и принужденіе составляютъ существенную принадлежность права, смѣшиваетъ двѣ различныя вещи: самое право и принудительный порядокъ его осуществленія. Послѣдній имѣетъ примѣненіе обыкновенно въ томъ случаѣ, когда право и законъ нарушаются. Поэтому сила есть болѣе элементъ неправды, чѣмъ права, которое, въ нормальномъ его существованіи, никогда не вызываетъ насильственнаго осуществленія. Право перестаетъ существовать съ того момента, когда оно перестало быть побудительною причиною и мотивомъ людскихъ дѣйствій, когда оно болѣе не сознается. Вотъ почему распространеніе сознанія права есть лучшее средство для того, чтобъ обезпечить его осуществленіе. Отсюда ясно, насколько лучшее примѣненіе и уваженіе началъ международнаго права состоитъ въ прямой зависимости отъ

знанія его со стороны тѣхъ, которые призваны быть его исполнителями и истолкователями [1]).

Второе юридическое возраженіе, направленное противъ международнаго права, заключается въ положеніи, что въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ законодательства. Если международная жизнь не знаетъ законодательной власти, — говорятъ защитники этого возраженія, — то не можетъ быть рѣчи о международномъ правѣ, какъ совокупности законовъ, опредѣляющихъ международныя отношенія. Нельзя не видѣть, что возраженіе основывается на совершенно неправильномъ пониманіи цѣли и задачъ законодательства. По мнѣнію его защитниковъ, законъ, изданный установленною властью, есть единственный источникъ права и обязательной его силы. Съ этой точки зрѣнія, задача законодателя будетъ состоять въ томъ, чтобы издать или даже изобрѣсти какъ можно болѣе законовъ и одарить ими подданныхъ, которые безъ этого останутся вѣчно въ безправномъ состояніи. Съ другой стороны, никакія ни личныя, ни имущественныя блага гражданъ, ни обязательственное, ни семейное право не найдутъ охраны и уваженія, если, какъ полагаютъ приверженцы разсматриваемаго взгляда, не будетъ существовать спеціальныхъ законовъ, оберегающихъ жизнь, честь и прочія права человѣка.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ нельзя согласиться. Правильно понимаемая задача законодателя состоитъ не въ изобрѣтеніи правъ, но въ добросовѣстномъ изученіи и формулированіи тѣхъ жизненныхъ отношеній и взаимныхъ интересовъ людей, которые лежатъ въ основаніи всякаго права. Эти права вытекаютъ изъ человѣческой природы и окружающихъ ея условій и потому не могутъ быть созданы законодательствомъ. Они существуютъ сами по себѣ. Люди вступали въ бракъ, владѣли вещами и заключали обязательства раньше, чѣмъ гражданскіе законы стали опредѣлять условія брака, право собственника и отношенія между контрагентами. Каждый человѣкъ имѣетъ право на уваженіе своей личности, на неприкосновенность собственности и семьи, независимо отъ того, признаетъ ихъ законъ, или нѣтъ. Напротивъ, тотъ законъ, который отрицалъ бы право лица на жизнь, честь и свободу, не имѣлъ бы права на существованіе, былъ бы противорѣчіемъ здравому смыслу и справедливости [2]).

Если законодательная власть не есть первоначальный источникъ права въ гражданскомъ и государственномъ быту, то и въ области международныхъ

---

[1]) Срав. также Bethmann-Hollweg. Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung. Berlin. 1864, Bd. I, § 12 etc.

[2]) Срав. мѣткія замѣчанія Fricker въ Zeitschrift für die gesammten Staatswissenschaften, 1872. I, S. 92 u. flg.

отношеній отсутствіе ея никакъ не можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь не существуетъ никакихъ обязательныхъ юридическихъ нормъ. Фактически установившійся въ этомъ отношеніи порядокъ вещей допускаетъ только одинъ выводъ, что современные народы не дошли еще до такой степени развитія, чтобы учредить надъ собой опредѣленный органъ законодательства, постановленія котораго имѣли бы обязательную силу для всѣхъ народовъ. Насколько возможно и желательно устройство общей верховной власти надъ государствами при настоящихъ условіяхъ международныхъ отношеній — это другой вопросъ. Хотя Блюнчли называетъ „прекрасной мечтой идеалистовъ" осуществленіе такого порядка, когда всѣ народы будутъ находиться подъ общею законодательною властью, но онъ не отрицаетъ и возможности существованія „всемірнаго государства" (Weltstaat) [1]). Мнѣ кажется, что при современномъ состояніи международной жизни — это неосуществимая утопія. Но это обстоятельство нисколько не устраняетъ факта, что и въ настоящее время международныя отношенія все-таки знаютъ опредѣленный порядокъ и, слѣдовательно, право, ихъ регулирующее. Тѣ законы, которыми опредѣляются существующія нынѣ отношенія народовъ, суть произведеніе не законодательной власти, но соглашенія между отдѣльными государствами. Дѣйствующій въ этомъ отношеніи порядокъ напоминаетъ феодальное время. Какъ въ средніе вѣка всѣ такъ-называемыя „coutumes" и „usages", феодальное частное и государственное право, основывались почти исключительно на компромиссѣ между сюзереномъ съ одной и вассалами съ другой стороны, между королемъ и средневѣковыми муниципіями, такъ въ настоящее время путь соглашенія, взаимныхъ уступокъ между договаривающимися государствами представляется нормальнымъ способомъ для установленія международныхъ законовъ [2]).

Наконецъ, послѣднее возраженіе, которое приводятъ юристы противъ господства права въ сношеніяхъ между народами, основывается на недостаткѣ постояннаго и правильно организованнаго международнаго суда, который призывалъ бы къ отвѣту нарушителей международнаго права. Отсутствіе такого трибунала служитъ, по ихъ мнѣнію, неопровержимымъ доказательствомъ,

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht, Einleitung, S. 4, § 8—10.

[2]) Неизлишне имѣть въ виду также случаи, когда государства торжественно объявляютъ о своемъ согласіи примѣнять начала европейскаго международнаго права. Такія заявленія были сдѣланы Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами въ самый моментъ объявленія своей независимости, и со стороны Бразиліи въ 1820 году. Въ Англіи, по мнѣнію Блэкстона (Commentaries on the Laws of England, book IV, ch. V) международное право разсматривается издавна, какъ неотъемлемая часть англійскаго права. Срав. Phillimore, Commentaries, I, 76.

что то, что выдается за международное право, въ дѣйствительности лишено всякой гарантіи и, слѣдовательно, не можетъ быть названо правомъ, въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Это возраженіе, также какъ и предыдущее, грѣшитъ прежде всего ошибочнымъ пониманіемъ назначенія, которое имѣетъ судъ въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ. Оно опирается на убѣжденіи, что судъ, возстановляя нарушенный юридическій порядокъ, не только утверждаетъ право, но и создаетъ его; поэтому, гдѣ нѣтъ суда, тамъ не можетъ быть и права. Но всякій судъ, гражданскій или уголовный, разрѣшаетъ собственно одну задачу: онъ выясняетъ существующія правовыя отношенія, ставшія не вполнѣ опредѣленными, благодаря ли злой волѣ человѣка, или разнымъ другимъ обстоятельствамъ; единственная цѣль судьи заключается въ томъ, чтобы выяснить, посредствомъ юридическаго анализа, всѣ условія, въ зависимости отъ которыхъ находится спорное или нарушенное право, и на этомъ основаніи рѣшить, на чьей сторонѣ находится послѣднее, на сторонѣ истца, или отвѣтчика, и нарушено ли оно обвиняемымъ лицомъ, если дѣло идетъ о преступленіи. Можно представить себѣ даже такой судъ, который въ рѣшеніяхъ своихъ будетъ насмѣхаться надъ всякими законами, божескими и человѣческими. Слѣдовательно, какъ одно существованіе суда не въ состояніи еще обезпечить законность, такъ и его отсутствіе не доказываетъ непремѣнно отсутствіе всякаго права. Другими словами: право существуетъ раньше суда и не отъ суда зависитъ его бытіе.

Прилагая эту точку зрѣнія къ международнымъ отношеніямъ, мы легко пойменъ несостоятельность того взгляда, по которому недостатокъ общей судебной власти для всѣхъ народовъ приводится, какъ свидѣтельство, что и самое международное право не существуетъ. Этотъ недостатокъ доказываетъ только, что согласіе, которое лежитъ въ основаніи международнаго права, не развилось еще до такой степени, чтобы установить постоянную судебную власть для разрѣшенія всѣхъ споровъ, которые возникаютъ между государствами. Для этого необходимо существенное измѣненіе современныхъ международныхъ отношеній, а въ особенности большее согласіе, болѣе взаимныхъ уступокъ со стороны государствъ, чѣмъ замѣчалось до настоящаго времени [1]). Впрочемъ, развитіе въ нынѣшнемъ столѣтіи третейскаго разбирательства международныхъ споровъ показываетъ, что современныя государства часто находили болѣе выгоднымъ для себя учрежденіе именно суда для прекращенія своихъ несогласій, чѣмъ другія насильственныя средства ихъ разрѣшенія. Изъ

[1]) Только сомнѣваемся, чтобы когда-нибудь международный судъ могъ быть устроенъ по проекту графа Камаровскаго (О международномъ судѣ. Москва. 1881, стр. 519 и слѣд.). Этотъ проектъ слишкомъ сложенъ и мало примѣнимъ.

такихъ судовъ особенно замѣчателенъ Женевскій третейскій трибуналъ, учрежденный въ 1871 г., на основаніи соглашенія между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, по дѣлу Алабамы: онъ присудилъ Англію къ уплатѣ огромной суммы убытковъ за тѣ незаконныя дѣйствія, которыя эта держава допустила въ предѣлахъ своихъ водъ во время междоусобной войны въ Сѣверной Америкѣ.

Во всякомъ случаѣ, не третейское разбирательство, но война остается до настоящаго времени обыкновеннымъ способомъ для рѣшенія международныхъ споровъ. Но доказываетъ ли этотъ фактъ отсутствіе международнаго права? Нисколько. Исторія судопроизводства показываетъ намъ, что въ основаніи древнѣйшаго судебнаго процесса лежатъ тѣ самыя начала, которыя господствуютъ нынѣ въ спорахъ между государствами. При неразвитомъ состояніи общественной жизни въ древнѣйшее время, каждое лицо собственною своею силою охраняло свое право. Господство самосуда доказываетъ, конечно, некультурное состояніе общества; но отсюда было бы несправедливо заключать, что члены этого общества не знали никакого права, не соблюдали ни обычаевъ, ни законовъ. Въ средніе вѣка существуетъ уже судъ, установленный верховною властью. Однако, подданные государства продолжаютъ обращаться къ поединку, какъ къ способу рѣшенія своихъ несогласій. Въ нѣкоторой степени такимъ же судебнымъ поединкомъ является въ настоящее время международная война. Сходство между ними заключается не только въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе принадлежитъ силѣ, но и въ существованіи извѣстныхъ правилъ, которыя соблюдаются при примѣненіи этой силы. Такимъ образомъ, война не есть отрицаніе права; напротивъ, она сама подчиняется извѣстнымъ законамъ, которые освящены обычаемъ и международными соглашеніями. И такъ, существуютъ международныя отношенія, требующія необходимо юридическаго опредѣленія, и существуетъ совокупность нормъ, законовъ составляющихъ международное право. Источниками правилъ, которыя должны господствовать въ области международныхъ отношеній, служатъ какъ соглашенія между государствами, такъ и обычныя начала и, наконецъ, юридическій порядокъ, который установился силою жизненныхъ потребностей. Первоначальное же основаніе международнаго права коренится въ общемъ источникѣ всѣхъ юридическихъ и политическихъ наукъ, о которомъ говоритъ англійскій мыслитель Бэконъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: „Въ природѣ, говоритъ онъ, есть извѣстный источникъ правды и справедливости, изъ котораго истекаютъ всѣ законы гражданскаго общества, и подобно тому, какъ вода принимаетъ цвѣтъ и вкусъ разнородныхъ слоевъ почвы, чрезъ которые она протекаетъ, точно также и законы гражданскаго общества различаются

по мѣстностямъ и государствамъ, въ которыя они посажены, хотя всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ“.

Несмотря на все разнообразіе политическихъ учрежденій, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ, въ основаніи ихъ права и законодательства лежитъ одинъ и тотъ же источникъ — идея правды и справедливости, присущая человѣческой природѣ. Международное право имѣетъ тотъ же источникъ, изъ котораго истекаютъ всѣ другіе отдѣлы права. Но различіе между послѣдними и международнымъ правомъ заключается въ томъ, что тогда какъ международное право развивается главнымъ образомъ путемъ соглашенія между государствами, какъ членами международнаго общенія, право государственное, гражданское и уголовное есть результатъ жизни, культуры, политики каждаго отдѣльнаго народа. Различіе географическаго положенія, экономическаго состоянія, культурныхъ условій, въ которыхъ находятся народы, обнаруживаетъ свое дѣйствіе на развитіе внутренняго ихъ строя и права; и если несмотря на это, въ основѣ права различныхъ народовъ лежатъ одни и тѣ же юридическія и нравственныя начала, то отсюда слѣдуетъ, что и международное право, насколько оно обязательно для этихъ народовъ, имѣетъ одинаковыя съ ихъ правомъ основанія. Другими словами: оно можетъ быть осуществляемо только со стороны народовъ, которые находятся на болѣе или менѣе равной степени развитія гражданской и государственной жизни; только у этихъ народовъ правосознаніе существенно одинаковое [1]).

II. Опредѣленіе понятія международнаго права.

§ 3. Литература международнаго права, весьма богатая, до настоящаго времени не знаетъ точнаго и общепринятаго опредѣленія предмета, которымъ она занимается. Существующія опредѣленія международнаго права отличаются крайнимъ разнообразіемъ и не только не сходятся между собою, но часто противорѣчатъ другъ другу. Неясность, различія и противорѣчія, замѣчаемыя въ этомъ отношеніи, могутъ быть объяснены какъ общими причинами, такъ и обстоятельствами, спеціально относящимися къ международному праву [2]).

[1]) Срав. Holtzendorff (Handbuch des Völkerrechts, § 7), соображенія котораго отличаются большою ясностью и мѣткостью.

[2]) Ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ опредѣленій, сдѣланныхъ авторитетными представителями науки международнаго права: Hugo Grotius (De jure belli ac pacis

Научное опредѣленіе всякаго вообще предмета представляетъ большія затрудненія [1]). Дѣйствительно, для того чтобы опредѣленіе науки давало полное и вмѣстѣ ясное понятіе объ изучаемомъ предметѣ, оно должно, въ немногихъ словахъ, обнять всѣ отличительныя его свойства и всѣ основныя принципы, отъ которыхъ зависятъ и съ точки зрѣнія которыхъ могутъ быть правильно объяснены особенности его, тѣ частныя явленія, которыя съ нимъ связаны и имъ обусловливаются. Задачу эту не легко разрѣшить.

Другая причина спеціально касается самой науки международнаго права. Она заключается въ относительной молодости послѣдней. Международное право—наука юная. Оно нашло для себя почву, получило опредѣленную форму и сдѣлалось предметомъ изученія со стороны юристовъ и государственныхъ людей не ранѣе XVII ст. При этихъ условіяхъ извинительно, что ея понятіе и опредѣленіе недостаточно окрѣпли и не пріобрѣли той точности, которая характеризуетъ старѣйшія юридическія науки — права гражданское, уголовное и государственное.

Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ находится также господствовавшее долгое время неправильное ея обозначеніе. Общее наименованіе, подъ которымъ она извѣстна теперь, окончательно установилось недавно. Первоначально же то названіе, которое она носила по преимуществу, нисколько не соотвѣтствовало ни ея предмету, ни истинному ея содержанію.

Когда, въ XVI ст., юристы стали впервые заниматься международнымъ правомъ, они старались найти какія-либо положительныя юридическія основанія для новой науки. Подъ вліяніемъ направленія, отличавшаго то время, они приняли за источникъ ея положеній и правилъ римское право. Послѣднее служило основой гражданскихъ законовъ европейскихъ государствъ; на немъ выросла королевская власть и сложился государственный строй Западной Европы; оно всесторонне изучалось въ существовавшихъ тогда университетахъ; сло-

1625. lib. I, § XIV: „Jus gentium est guod gentium omnium aut multarum voluntate vim obligandi accepit". Vattel (Le droit des gens ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains, préliminaires § 6): „Le droit des gens n'est originairement autre chose que le droit de la nature appliqué aux nations". Wheaton (Elements du droit international, I, 24). „Le droit international tel qu'il est compris par les nations civilisées est l'ensemble des règles de conduite, que la raison déduit, comme étant conformes à la justice, de la nature de la société qui existe parmi les nations indépendantes, en y admettant toutefois les définitions ou modifications qui peuvent être établies par l'usage et le consentement général". Срав. также Phillimore. Commentaries, I. §§ 8 и 9. Heffter. Völkerrecht § 1. Bluntschli. Modernes Völkerrecht, Einleitung, § 1.

[1]) „Omnis definitio in jure civili periculosa est; parum est enim ut non subverti possit". (Dig. lib. 50, t. XVII, § 202).

вомъ, вездѣ господствовало римское право. Естественно, что первые представители науки международнаго права обратились къ нему, чтобы его безспорнымъ авторитетомъ освятить положенія своей науки. Они заимствовали отъ него названіе международнаго права и учили, что jus gentium есть международное право.

Но на самомъ дѣлѣ это опредѣленіе представляетъ полнѣйшее смѣшеніе разнородныхъ понятій. Jus gentium есть совокупность философскихъ началъ, общихъ гражданскимъ законамъ различныхъ странъ. Предметъ его составляютъ бытовыя, частныя отношенія между отдѣльными лицами въ сферѣ ихъ личнаго, вещнаго, обязательственнаго и семейнаго права. Но очевидно, что предметомъ международнаго права являются не эти отношенія, а отношенія между независимыми государствами.

Мало по малу писатели международнаго права убѣдились, однако, что римское jus gentium не соотвѣтствуетъ понятію международнаго права. Англійскій ученый Зёчъ [1]) первый выяснилъ точнымъ образомъ, что международное право есть собственно не право народовъ — jus gentium — но право между народами — jus inter gentes, и отсюда постепенно произошли современныя наименованія международнаго права. На французскомъ языкѣ оно называется въ настоящее время droit internatonal [2]), на англійскомъ — International Law [3]), на нѣмецкомъ — Völkerrecht или Internationales Recht. У насъ, по уставу университетовъ 1835 г., оно извѣстно было подъ именемъ общенароднаго права; но теперь называется правомъ международнымъ [4]).

Подъ международнымъ правомъ мы разумѣемъ совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ условія достиженія народами своихъ жизненыхъ цѣлей въ сферѣ взаимныхъ ихъ отношеній.

Международное право, будучи совокупностью юридическихъ нормъ, имѣетъ своимъ предметомъ право, а не тѣ моральные или религіозные законы, которыми руководствуются или руководились народы во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ въ различныя эпохи своей жизни. Нравственные принципы и религіозныя воззрѣнія, безъ со-

[1]) Zouch (Zouchäus). Juris et judicii fecialis sive juris inter gentes et quaestionum de eodem explicatio. 1651.

[2]) Названіе „droit des gens“ означаетъ болѣе теорію международнаго права.

[3]) Сравн. Bentham. Principles of Morals and Legislation. chap. XIX, sect. 25, note. — Renauld. Introduction à l'étude du droit international (Paris), 1879, p. 14.

[4]) Сравн. Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts, § 2.

мнѣнія, и теперь еще оказываютъ свое дѣйствіе на международную жизнь, но не они составляютъ предметъ изученія науки международнаго права.

Международное право, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ условія, при которыхъ народы могутъ достигнуть извѣстныя поставленныя себѣ жизненныя цѣли. Другими словами: составляющіе международное право законы, обычаи, трактаты международные, которые существуютъ въ данное время, суть условія, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы народы могли удовлетворить, посредствомъ международнаго обмѣна, свои потребности. Поэтому они должны быть уважаемы со стороны народовъ. Но затѣмъ сами эти условія или законы, очевидно, находятся въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются народами, и, слѣдовательно, должны измѣняться сообразно измѣненію этихъ цѣлей. Слѣдовательно, въ основаніи международнаго права лежатъ фактическія, реальныя, жизненныя отношенія, въ которыхъ народы въ данное время состоятъ между собою, и, съ этой точки зрѣнія, каждый международный законъ имѣетъ настолько разумное основаніе и право на существованіе, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ, разумнымъ жизненнымъ отношеніямъ между народами.

Если это положеніе основательно, то изъ него могутъ быть сдѣланы слѣдующіе важные для уразумѣнія международнаго права выводы.

Если основаніе международнаго права составляютъ данныя жизненныя отношенія народовъ, то необходимо признать, что наука международнаго права имѣетъ своей задачей постоянно слѣдить за измѣненіемъ этихъ отношеній. Она только тогда будетъ стоять на высотѣ своего призванія, когда начала, ею провозглашаемыя, не будутъ насиліемъ надъ законными потребностями народовъ, когда развитіе ихъ не будетъ отставать отъ прогресса международной жизни, словомъ, когда эта жизнь и международное право будутъ въ полнѣйшемъ согласіи другъ съ другомъ. Далѣе, если жизнь всегда остается критеріемъ дѣйствующихъ международныхъ правилъ и законовъ, если положенія, выставляемыя въ наукѣ международнаго права, должны постоянно освѣщать и нормировать фактическій порядокъ вещей, господствующій въ области международныхъ отношеній, то этотъ порядокъ и будетъ давать содержаніе международному праву. Накопецъ, отсюда слѣдуетъ также, что система науки международнаго

права опредѣляется не только тѣми правилами и законами, которые выработались и приняты государствами или юристами, но также жизненными отношеніями, которыя фактически установились между народами.

Задачи и цѣли, преслѣдуемыя государствами во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ, весьма разнообразны. Онѣ могутъ быть выяснены только анализомъ существующихъ международныхъ отношеній. Исторія и современная жизнь указываютъ, однако, нѣкоторыя общія, основныя причины, которыя сближаютъ народы, заставляютъ ихъ отказываться отъ взаимной вражды и замкнутости и соединяютъ въ стремленіи къ общечеловѣческимъ, культурнымъ и политическимъ цѣлямъ.

Къ такимъ элементарнымъ силамъ, соединяющимъ народы, безъ сомнѣнія, принадлежатъ одинаковыя религіозныя вѣрованія и идеи, которыя часто примиряли враждующія государства, заставляли народы прислушиваться къ голосу человѣческой совѣсти и признавать чувство правды и справедливости и потому побуждали ихъ входить въ соглашенія для достиженія соединенными силами общихъ культурныхъ интересовъ.

Общія интеллектуальныя и нравственныя стремленія соединяютъ народы въ уваженіи къ тѣмъ высшимъ благамъ, обладаніе которыми есть первое условіе для духовнаго развитія человѣка и общественнаго прогресса народа. Сознаніе данными народами общности своего племенного происхожденія также всегда служило основаніемъ для лучшаго взаимнаго пониманія и болѣе тѣснаго сближенія.

Но особенно замѣтную роль въ международной жизни издавна играли экономическіе интересы и торговыя сношенія народовъ. Благодаря преимущественно этимъ сношеніямъ и интересамъ смягчились тѣ неприязненныя отношенія и изолированность государствъ, которыя долгое время поддерживались какъ законодательными и правительственными мѣрами, такъ и міровоззрѣніемъ народовъ. Наконецъ, сознаніе общности политическихъ интересовъ вызываетъ соединеніе государствъ въ стремленіи ихъ къ одинаковымъ международнымъ цѣлямъ [1]).

[1]) Срав. Mohl. „Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Völkerrechts" въ его „Staatsrecht, Völkerrecht und Politik". Tübingen. 1860. Bd. I, S. 579 u. flg.

Таковы главнѣйшіе факторы, опредѣляющіе международныя отношенія. Всѣ они служатъ выраженіемъ одной общей силы, съ могуществомъ которой не въ состояніи бороться ни враждебное международнымъ сношеніямъ законодательство, ни закоснѣлые предразсудки, ни дикія понятія и варварскія привычки народовъ. Эта сила заключается въ сознаніи народами своихъ потребностей, духовныхъ и матеріальныхъ, удовлетворенія которыхъ они не находятъ собственными средствами, въ предѣлахъ своихъ территорій. Какъ только народы приходятъ къ такому сознанію, какъ только ихъ стремленія и интересы превышаютъ средства, даваемыя ихъ страной, они необходимо должны искать удовлетворенія ихъ за предѣлами своего государства, они должны вступать въ сношенія съ другими народами. Можно сказать вообще, что развитіе сознанія со стороны даннаго народа своихъ потребностей есть мѣрило для участія его въ международныхъ оборотахъ, и обратно: бóльшее или мéньшее разнообразіе и сложность международныхъ сношеній государства представляютъ наилучшее доказательство степени его культуры и цивилизаціи.

§ 4. Согласно вышеизложенному опредѣленію международнаго права, дѣятелями въ сферѣ международныхъ отношеній являются политически-организованные народы или государства. Они преслѣдуютъ во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ тѣ самые жизненные интересы, которые опредѣляютъ и внутреннюю ихъ дѣятельность. Въ этомъ отношеніи международная жизнь находится въ самой тѣсной, органической связи съ жизнью государственною.

Дѣйствительно, задача каждаго государства заключается въ томъ, чтобы предоставить своимъ подданнымъ всѣ средства для возможно полнаго развитія ихъ духовныхъ и физическихъ способностей и силъ. Такъ опредѣляютъ разумную цѣль существованія государства всѣ представители науки государственнаго права. Изъ этой верховной цѣли государства естественно вытекаетъ обязанность для всякой государственной власти, если она не въ состояніи собственными силами и въ предѣлахъ своей территоріи создать условія, при которыхъ ея подданные могли бы удовлетворить свои матеріальные и

нравственные интересы, искать эти средства и условія внѣ своей территоріи, въ предѣлахъ другихъ государствъ. Но въ настоящее время нѣтъ ни одного образованнаго народа, который находилъ бы всѣ средства для своего существованія и развитія исключительно въ своемъ государствѣ. Вотъ почему всѣ современные народы, понимающіе свои жизненныя задачи, поддерживаютъ сношенія между собою и входятъ въ соглашенія, чтобы установить взаимно такія условія, при которыхъ они дѣйствительно могли бы находить удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ.

Отсюда возникаетъ международная дѣятельность (управленіе международное) государствъ — законодательная, административная и судебная, — направленная на обезпеченіе означенныхъ условій, на созданіе покровительства иностранцамъ путемъ закона и суда, признаніе личной и имущественной неприкосновенности представителей иностранныхъ державъ и т. п. Какъ разрѣшаютъ государства эти различныя свои задачи въ области международныхъ отношеній, мы увидимъ впослѣдствіи. Теперь замѣтимъ, что чѣмъ болѣе они сознаютъ свои обязанности въ отношеніи своихъ подданныхъ, чѣмъ болѣе относятся съ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ, тѣмъ менѣе будетъ произвола и во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, тѣмъ лучше будетъ обезпечено мирное и правомѣрное теченіе международной жизни. Недостатки и пробѣлы, присущіе современному международному праву, объясняются въ значительной степени отсутствіемъ законности внутри самихъ государствъ и неудовлетворительностью господствующихъ въ нихъ порядковъ.

§ 5. Рядомъ съ государствами, которымъ принадлежитъ верховное направленіе международныхъ сношеній, существуютъ различнаго рода общественные кружки, соціальныя группы, общества, товарищества, компаніи, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ международной жизни и находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, несмотря на территоріальныя границы, раздѣляющія государства. Наконецъ, отдѣльныя частныя лица играютъ видную роль въ международныхъ сношеніяхъ, и исторія представляетъ много примѣровъ,

что они нерѣдко давали этимъ сношеніямъ опредѣленное направленіе, даже вопреки намѣреніямъ и желаніямъ государственной власти.

Значеніе всѣхъ этихъ дѣятелей въ области международныхъ отношеній можетъ быть опредѣлено общимъ положеніемъ, что чѣмъ болѣе развиваются соціальные интересы внутри государствъ, чѣмъ съ большимъ уваженіемъ относится государственная власть къ разумнымъ потребностямъ общества, тѣмъ больше сближаются народы и тѣмъ роскошнѣе развивается международная жизнь. Степенью развитія соціальныхъ интересовъ внутри государства опредѣляется степень его участія въ международной жизни.

Труды знаменитыхъ современныхъ юристовъ — Лоренца фонъ-Штейна, Моля, Гнейста — выяснили положительнымъ образомъ, что жизнь государствъ сосредоточивается преимущественно въ дѣятельности, жизни общественныхъ кружковъ, классовъ, на которые раздѣляется каждый народъ, и потому измѣненія, которымъ подвергается государственный бытъ народа, устройство и управленіе страны, всегда зависятъ отъ отношеній, въ которыхъ стоятъ общественные классы къ государственной власти [1]).

Примѣняя это положеніе къ международнымъ отношеніямъ, мы необходимо придемъ къ выводу, что широкое развитіе современныхъ международныхъ сношеній и сообщеній также объясняется необыкновенной силой, которую имѣютъ въ настоящее время соціальные интересы и тѣ стремленія, которыми проникнуты различные общественные кружки въ современныхъ государствахъ. Для нихъ территоріальныя границы являются лишь тормазомъ, препятствующимъ сближенію народовъ. Съ другой стороны, если именно соціальные интересы по преимуществу соединяютъ народы въ стремленіи къ общимъ культурнымъ цѣлямъ, если отъ нихъ зависитъ развитіе между ними сношеній, то надо признать, что развитіе это мыслимо только между народами, которые стоятъ приблизительно на одинаковой ступени культурнаго и общественнаго развитія. Тамъ, гдѣ значеніе общественныхъ силъ и интересовъ ничтожно, не можетъ быть и развитыхъ международныхъ отношеній; тамъ правительство не будетъ находиться подъ вліяніемъ

---

[1]) Сравн. въ особенности Lorenz v. Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. Bd. I, Einleitung. Gneist. Der Rechtsstaat. Berlin, 1879, S. 8 u. flg.

общественныхъ классовъ, но и не будетъ обращать никакого вниманія на разумные интересы и стремленія общества и его представителей. Съ другой стороны, гдѣ общество неограниченно господствуетъ надъ государствомъ, гдѣ государство поглощается обществомъ и верховная власть есть слѣпое орудіе въ рукахъ какого-нибудь отдѣльнаго общественнаго класса, вродѣ индійской касты или современной клики, тамъ международные обороты могутъ быть только или запрещены подъ угрозою жестокихъ наказаній, или эксплуатируемы для чисто эгоистическихъ сословныхъ или корыстолюбивыхъ цѣлей.

Наоборотъ, при правильной постановкѣ отношеній общества къ государству, когда государственная власть содѣйствуетъ нормальному развитію общественныхъ интересовъ въ предѣлахъ, ею поставленныхъ, соціальныя стремленія теряютъ въ области международныхъ отношеній ту національную рѣзкость, тотъ узкій антагонизмъ, который имъ свойственъ внутри государства. Другими словами, соціальныя международныя сношенія значительно содѣйствуютъ тому, что народы вообще перестаютъ относиться другъ къ другу съ презрѣніемъ, съ тѣмъ чувствомъ пренебрежительнаго высокомѣрія, которое господствуетъ въ отношеніяхъ между народами некультурными, неразвитыми въ общественномъ смыслѣ. Не самодовольная замкнутость и похвальба національною самобытностью свидѣтельствуютъ о культурномъ бытѣ и цивилизаціи народа, но, напротивъ, сознаніе собственныхъ недостатковъ и потребностей и пониманіе великаго значенія, которое имѣютъ, для удовлетворенія ихъ, международный обмѣнъ мыслей, продуктовъ торговой и промышленной дѣятельности, вообще сношенія съ другими народами.

III. Исторія международныхъ отношеній и права.

§ 6. Задача предстоящаго очерка развитія международныхъ отношеній и права заключается не въ изложеніи голыхъ фактовъ и явленій международной жизни, не въ перечисленіи всѣхъ войнъ, дипломатическихъ переговоровъ, трактатовъ, имѣвшихъ мѣсто между раз-

личными народами, начиная съ древности до настоящаго времени, но въ характеристикѣ идей, которыя господствовали въ данное время и опредѣляли собою форму и содержаніе отношеній между государствами и права, которое къ нимъ примѣнялось. Факты по природѣ своей, преходящи и измѣнчивы; они часто являются результатомъ произвола или случая. Напротивъ, идеи, которыя проникаютъ извѣстную историческую эпоху, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ фактовъ, ее наполняющихъ, даютъ возможность разобраться, найтись въ огромной массѣ частныхъ условій и обстоятельствъ, въ которыхъ развивалась жизнь какъ отдѣльнаго народа, такъ и всѣхъ народовъ въ совокупности, принимавшихъ участіе въ европейской политической системѣ. Въ этомъ отношеніи идеи играютъ роль такихъ же двигателей, рычаговъ права, дѣйствующаго въ международныхъ отношеніяхъ въ различные эпохи и періоды его существованія, какими служатъ принципы, въ смыслѣ Монтескье, по отношенію къ формамъ и порядкамъ государственной жизни [1].

Внутренній бытъ и политическое устройство государствъ имѣютъ, какъ сказано выше (§ 3—5), могущественное вліяніе на характеръ международныхъ отношеній. Только зная внутреннюю жизнь страны и ея государственныя учрежденія, можно понять начала и правила, которыми она руководствуется въ сношеніяхъ съ другими народами. Настоящій очеркъ предполагаетъ извѣстными эти учрежденія и эту жизнь. Но онъ указываетъ и постоянно имѣетъ въ виду неразрывную связь, которая существуетъ между ними и взаимными отношеніями народовъ во всѣ эпохи ихъ исторіи.

Наконецъ, основнымъ закономъ всей исторіи международнаго права, выдающіяся черты которой будутъ представлены ниже, служитъ законъ прогрессивнаго развитія международныхъ отношеній. Онъ дастъ намъ возможность связать и понять, какъ одно цѣлое, отдѣльныя явленія, которыя встрѣчаются въ ту или другую эпоху международной жизни, и самые эти эпохи и періоды, на которые мы раздѣляемъ ея исторію. Ближайшимъ и непосредственнымъ выраженіемъ этого закона является одно начало, которое проходитъ чрезъ всю истори-

---

[1]) Montesquieu. De l'esprit des lois, liv. III, chap. I et II.

ческую жизнь народовъ, именно — начало уваженія человѣческой личности. Степень признанія, которое находитъ человѣкъ самъ по себѣ, всегда опредѣляетъ мѣру развитія международныхъ отношеній и права въ извѣстное время. Если уваженіе это велико, если человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка, то и международная жизнь представитъ высокую степень развитія порядка и права. И наоборотъ, мы не найдемъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ ни юридическаго порядка, ни уваженія къ законности, если господствующая въ государствахъ жизнь будетъ отрицаніемъ присущихъ человѣку неотъемлемыхъ правъ.

Справедливость этого положенія подтверждается вполнѣ исторіей международныхъ отношеній. Какъ мы увидимъ ниже, въ древности, на Востокѣ, въ греческихъ государствахъ и въ Римѣ, уваженія къ человѣческой личности совершенно не существовало. Соотвѣтственно этому и международныя сношенія древняго міра были вовсе не развиты: по общему правилу, государства находились тогда во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и вели между собою нескончаемыя истребительныя войны.

Въ средніе вѣка мы видимъ господство кулачнаго права, насилій и произвола. Но средневѣковые народы внесли въ международныя отношенія принципъ личности, провозглашая ее источникомъ индивидуальной и политической свободы. Такимъ образомъ, въ эту эпоху мы должны искать первоначальные зародыши международнаго права. Кромѣ того, благодаря распространенію христіанства, въ средніе вѣка получаетъ силу новое ученіе, что не подданническая связь лица съ государствомъ устанавливаетъ извѣстныя личныя и имущественныя его права, а принадлежность человѣка къ католической церкви. Наконецъ, мало по малу ученіе это распространяется на всѣхъ вообще христіанъ, безъ различія вѣроисповѣданій, и въ новѣйшее время, въ эпоху небывалаго развитія международныхъ сношеній, дѣлается аксіомой, что всякій вообще иностранецъ, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, и независимо отъ заключенныхъ на этотъ счетъ трак-

татовъ, долженъ признаваться въ каждой образованной странѣ субъектомъ извѣстныхъ личныхъ и имущественныхъ правъ.

§ 7. Исторія международныхъ отношеній и права обыкновенно дѣлится на періоды, представляющіе собою какъ бы ступени прогрессивнаго движенія международной жизни и опредѣляющихъ ее юридическихъ нормъ. На основаніи выдающихся фактовъ, принимаемыхъ за рубежи, отдѣляющіе одну эпоху отъ другой, исторія международныхъ отношеній дѣлится разными писателями то на семь періодовъ, то на четыре, то на три и т. д. [1]). Но этотъ способъ дѣленія не вполнѣ выдерживаетъ научную критику. Правда, исторія международныхъ отношеній представляетъ множество замѣчательныхъ фактовъ и событій, но не ими опредѣляются различныя ея эпохи. Въ основаніе правильнаго дѣленія исторіи международныхъ отношеній должны быть положены не отдѣльные факты, какъ бы значительны они ни были, не крупныя событія, какъ бы вліятельны ни были ихъ послѣдствія, не важныя международные акты, какъ бы многозначуще ни было ихъ содержаніе. Въ исторіи международныхъ отношеній рубежи различныхъ эпохъ или періодовъ отмѣчаются смѣною однѣхъ руководящихъ идей другими.

Съ точки зрѣнія идей, характеризующихъ собою различныя эпохи развитія международныхъ отношеній, исторія международнаго права можетъ быть раздѣлена на три періода. Мы вкратцѣ укажемъ отличительные признаки каждаго изъ нихъ и время ихъ продолженія.

Первый періодъ обнимаетъ древній міръ, средніе вѣка и новое время до половины XVII ст. или до Вестфальскаго мирнаго конгресса 1648 г. Въ продолженіе этого долгаго времени отношенія между государствами опредѣлялись по преимуществу началомъ полнѣйшей разобщенности народовъ и господства между ними физической силы. Не только народы древняго Востока, но и Греки и Римляне были проникнуты той идеей, что они представляютъ со-

[1]) Срав. Wheaton (Histoire des progrès du droit des gens. 3-me éd. Lpz. 1853) дѣлитъ на 4 періода; Calvo (Le droit international théorique et pratique, 3-me éd. Paris. 1880) на 7 періодовъ.

вершенно замкнутыя и самобытныя государства, которыя не нуждаются въ международныхъ сношеніяхъ, потому что находятъ въ предѣлахъ своихъ территорій всѣ средства для удовлетворенія своихъ потребностей. Поэтому всякій другой народъ, даже ближайшій сосѣдъ разсматривался, какъ естественный врагъ, который долженъ быть завоеванъ, порабощенъ или уничтоженъ.

Высшаго своего развитія идея физической силы достигаетъ въ средніе вѣка. Въ это время мы видимъ полное, неограниченное и повсемѣстное господство самоуправства и кулачнаго права. Можно сказать, вся средневѣковая жизнь есть ничто иное, какъ безпрерывный рядъ войнъ, которыя велись не только между государствами, но и внутри нихъ, между различными частями территоріи и между отдѣльными подданными. „Война есть законъ феодализма", справедливо замѣтилъ Лоранъ [1]). При этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о международномъ юридическомъ порядкѣ или сознаніи народами взаимныхъ правъ и обязанностей.

Однако, несмотря на общій характеръ средневѣковыхъ международныхъ отношеній, въ средніе вѣка начинаютъ зарождаться новые принципы и направленія, которые, развиваясь мало по малу, приводятъ къ новымъ идеямъ въ области международныхъ отношеній. По общему своему началу, средніе вѣка ничѣмъ не отличаются отъ древности; но въ продолженіи ихъ возникли такіе новые факторы общественной и государственной жизни, которые не могли не проявить свое дѣйствіе за предѣлами государствъ, въ отношеніяхъ международныхъ. Такое значеніе имѣли, прежде всего, христіанская религія и церковь, смѣнившія древній политеизмъ и распространившіяся во всей Западной Европѣ. Христіанство и церковь оказали самое благотворное вліяніе какъ на общественныя, такъ и на государственныя и международныя отношенія. Средневѣковые народы, правда, находятся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что они братья по вѣрѣ, что они одинаково подчиняются авторитету римско-католической церкви — папѣ, и что ихъ

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens, t. VII, p. IX.

соединяетъ въ одно духовное общество солидарность религіозныхъ вѣрованій и общность нравственнаго міросозерцанія. Вотъ почему они нерѣдко вступаютъ въ союзы между собою, чтобы соединенными силами вести защиту противъ общихъ опасностей, и въ особенности для охраненія интересовъ церкви и религіи. Крестовые походы и борьба съ Арабами и Турками показываютъ, что между средневѣковыми народами вырабатывается сознаніе извѣстнаго духовнаго общенія. Будучи членами одной церкви, признавая надъ собой духовный авторитетъ римскаго первосвященника, государства естественно смягчали взаимную свою ненависть, и борьба между ними умѣряется подъ вліяніемъ примирительнаго дѣйствія церкви. Въ этомъ отношеніи средніе вѣка составляютъ переходную ступень ко второму періоду.

Время, наполняющее собою второй періодъ развитія международныхъ отношеній и права, начинается съ 1648 года и продолжается до начала нынѣшняго столѣтія, или до Вѣнскаго конгресса 1815 г. Въ теченіи этого времени господство физической силы и изолированность между народами уступаютъ мѣсто новому принципу — идеѣ политическаго равновѣсія.

Вестфальскій конгрессъ, положившій конецъ разорительной Тридцатилѣтней войнѣ, представилъ невиданный до того времени примѣръ соединенія почти всѣхъ западно-европейскихъ народовъ въ одно мирное общее собраніе для обсужденія не только взаимныхъ своихъ отношеній, но даже внутренняго устройства отдѣльныхъ странъ. Фактъ такого собранія, очевидно, доказывалъ, что европейскія государства силою самихъ вещей пришли, наконецъ, къ сознанію необходимости покончить гибельныя для нихъ войны и установить какой либо порядокъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, Вестфальскій трактатъ опредѣлилъ начала, на основаніи которыхъ должна была устроиться новая международная жизнь. Начала эти заключались въ такъ называемой системѣ политическаго равновѣсія государствъ. Въ основаніе новаго порядка международныхъ отношеній было положено начало, въ силу котораго самостоятельность и независимость каждаго отдѣльнаго народа не

должна была подвергаться ни малѣйшей опасности со стороны другихъ народовъ.

Въ концѣ второго періода—именно со времени „великой французской революціи" 1789 г. до мирнаго конгресса въ Вѣнѣ 1815 года — система политическаго равновѣсія, если и не теряетъ вообще своей силы, какъ принципъ международныхъ отношеній, то значительно блѣднѣетъ передъ новыми идеями, провозглашенными революціей и распространенными по всей Европѣ наполеоновскими войнами. Значительно измѣнивъ внутреннее состояніе цивилизованныхъ народовъ, ихъ общественный бытъ и государственныя учрежденія, основныя начала французской революціи получаютъ въ нынѣшнемъ столѣтіи значеніе ходячей монеты и служатъ рычагами въ области современныхъ международныхъ отношеній. Такимъ образомъ, время отъ 1789 по 1815 г. есть переходное отъ втораго къ третьему и послѣднему періоду международной жизни.

Третій періодъ продолжается съ 1815 г. до настоящаго времени. Въ теченіи этой эпохи провозглашается и примѣняется, какъ новое руководящее начало международныхъ отношеній, принципъ національности. Согласно этому началу, люди одного племенного происхожденія, говорящіе на одномъ языкѣ, имѣющіе одинаковые нравы и общее историческое прошлое, исповѣдующіе общую религію, должны составлять одно государство и одинъ народъ.

Кромѣ того, этотъ періодъ характеризуютъ необыкновенный подъемъ торговыхъ и экономическихъ сношеній между народами и соотвѣтствующее ему развитіе путей и средствъ международныхъ сообщеній, какъ-то: почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Эти и подобныя имъ проявленія развитой международной жизни достигли настоящаго цвѣтущаго ихъ состоянія, благодаря господству порядка и законности, все болѣе и болѣе упрочивающихся внутри современныхъ государствъ, а также долгому внѣшнему миру, которымъ пользовались народы послѣ кровопролитныхъ войнъ французской революціи и первой имперіи.

Крымская компанія 1854—1856 гг. снова нарушила миръ и опять

поставила на очередь разные политическіе вопросы, которые касались всей системы европейской, установленной на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года. Поэтому Парижскій мирный трактатъ 1856 г., которымъ закончилась Крымская война, образуетъ переломъ въ третьемъ періодѣ и раздѣляетъ его на два отдѣла, изъ которыхъ второй начинается съ 1856 г. и продолжается до нашихъ дней. Время это полно замѣчательными историческими событіями, измѣнившими существенно и внутренніе порядки и, въ особенности, международное положеніе различныхъ государствъ Западной Европы и Россіи, и должно открывать новую эпоху въ исторіи международныхъ отношеній.

Какая идея будетъ служить руководящимъ началомъ международныхъ отношеній въ новый, грядущій періодъ ихъ развитія—это вопросъ будущаго, предрѣшать которое не представляется возможнымъ. Но для всякаго юриста и государственнаго дѣятеля, которые уяснятъ себѣ разумное назначеніе международныхъ отношеній и поймутъ правильнымъ образомъ задачи и цѣли государствъ, господствующимъ принципомъ будущаго можетъ быть только — идея права въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Ни идея разобщенности, ни идея преклоненія предъ физическою силою, ни идея политическаго равновѣсія, ни наконецъ принципъ національности не могутъ быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ея руководящее начало — идея права.

Періодъ первый.

СЪ ДРЕВНОСТИ ДО ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА.

А. Древнія времена.

§ 8. Мы начнемъ изложеніе международныхъ сношеній въ древности съ общей характеристики сношеній, въ которыя вступали различные народы древняго міра, и затѣмъ разсмотримъ отдѣльно, какъ развивались эти сношенія и какія понятія соединялись съ ними на древнемъ Востокѣ, въ Греціи и Римѣ [1]).

---

[1]) Литературныя пособія по исторіи международныхъ отношеній весьма богаты. Кромѣ извѣстныхъ капитальныхъ трудовъ по всеобщей исторіи, имѣются спеціальныя пособія для изученія исторіи международныхъ отношеній и права. Въ основаніе нашего историческаго очерка положены слѣдующія сочиненія.

Ward. An enquiry into the foundation and history of the Law of Nations in Europe from the time of the Greeks and Romans to the age of Hugo Grotius. London. 1795, 2 vls.

Pütter. Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte und Wissenschaft. Lpz. 1843.

Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum. Lpz. 1848.

Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens en Europe depuis la paix de Westphalie jusqu'au congrès de Vienne. Lpz. 1853, 2 vls.

Koch et Schoell. Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie etc. Paris 1817, 15 vls.

Garden. Histoire générale des traités de paix etc. Paris 1848—59, 14 vls.

Combes. Histoire générale de la diplomatie européenne. I. Paris 1854.

Bianchi. Storia documentata della diplomazia Europea in Italia del 1814—1861. Torino 1865—72, 8 vls.

Hosack. Rise and growth of the Law of Nations, as established by general usage and by treaties from the earliest times to the Treaty of Utrecht. London 1883.

Chauveau. Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité. Paris 1891

Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что международное право возникло съ того времени, когда начались международныя сношенія [1]). Защитники этого взгляда утверждаютъ, что всѣ народы, которые войдутъ въ какія-либо, фактическія сношенія другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ должны сознавать необходимость опредѣленія ихъ извѣстными юридическими нормами или закономъ. Въ пользу своего мнѣнія они приводятъ различные факты, заимствованные какъ изъ исторіи древнихъ народовъ, такъ и изъ жизни современныхъ намъ дикихъ и полудикихъ племенъ, которыя дѣйствительно поддерживаютъ торговыя сношенія между собою и съ иностранцами, соблюдая при этомъ извѣстныя формальности, часто не начинаютъ войны безъ предварительнаго ея объявленія и исполненія разныхъ обрядовъ и т. п. [2]).

Какъ мы увидимъ ниже, историческіе факты не подтверждаютъ справедливости приведеннаго взгляда ни по отношенію къ первобытнымъ народамъ, ни даже Грекамъ и Римлянамъ.

Но съ мнѣніемъ, что варварскіе и древніе народы знаютъ международное право нельзя согласиться и по теоретическимъ, чисто апріорнымъ соображеніямъ. Стоитъ только анализировать тѣ понятія и чувства, которыя преобладаютъ у народовъ, только-что начинающихъ исторію, и о которыхъ мы имѣемъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, чтобы убѣдиться въ совершенной невозможности предполагать у этихъ народовъ какое бы ни было сознаніе необходимости права, извѣстнаго порядка въ сферѣ взаимныхъ своихъ отношеній.

Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe. Paris 1885. 2 vls.

Prince Ouroussow. Résumé historique des principaux traités de paix conclus entre les puissances européennes. Evreux 1885.

Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales. Gand 1850 – 70, 18 vls. Это самый капитальный трудъ изъ всѣхъ приведенныхъ, но, къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ часто повторяется и рѣдко соблюдаетъ границы изучаемаго имъ предмета.

1) См. Fallati въ Zeitschrift für Staatswissenschaften 1850. S. 150 u. flg. „Keime des Völkerrechts bei wilden und halbwilden Stämmen". Сравн. также Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts, § 40.

2) Въ трудахъ Waitz (Anthropologie der Naturvölker. Lpz. 1859—1872, 6 Bde). Perty (Anthropologie. Lpz. 1874, 2 Bde). Peschel (Völkerkunde. Lpz. 1875) и др. можно найти множество любопытныхъ фактовъ для характеристики сношеній между дикими и полудикими народами или племенами.

Народъ первобытный, не знающій еще ни собственныхъ силъ, ни намѣреній другихъ народовъ, долженъ остерегаться всякихъ внѣшнихъ сношеній. Такой народъ всегда поставитъ первоначальной задачей своего существованія не международныя отношенія, но такое устройство внутренней своей жизни, общественной и государственной, которое отвѣчало бы собственнымъ его понятіямъ и стремленіямъ, было бы самобытно, съ исключеніемъ всякаго вмѣшательства чуждыхъ элементовъ.

Историческіе факты подтверждаютъ эту психологическую черту первобытной жизни всѣхъ народовъ, и по отношенію къ ней даже такіе высоко-образованные и политически-развитые народы, какъ Греки и Римляне, не составляютъ исключенія.

Лучшіе греческіе писатели и мыслители — Ѳукидидъ, Аристотель, Діонисій Галликарнасскій — постоянно проводятъ въ своихъ сочиненіяхъ идею о самобытности греческаго народа. По мнѣнію ихъ, Греки совершенно особенный народъ, избранники божества, которые въ правѣ и должны относиться съ презрѣніемъ къ другимъ народамъ. Какъ извѣстно, Демосѳенъ доказывалъ, что не греки или варвары самой природой предназначены быть рабами Эллиновъ[1]). Слѣдовательно, въ политическомъ и международно-правовомъ смыслѣ только Грекъ считался лицомъ, имѣющимъ извѣстныя человѣческія права.

Такимъ образомъ замкнутость и непріязненныя отношенія народовъ, а не миръ и не международныя сношенія характеризуютъ древнюю жизнь. Эти отличительныя ея черты являются естественнымъ послѣдствіемъ исключительности и нетерпимости, общихъ всѣмъ древнимъ народамъ. Съ этой точки зрѣнія Греки были совершенно послѣдовательны, когда представляли себѣ золотой вѣкъ, какъ такое время, когда каждый народъ жилъ совершенно изолированно, не нуждаясь ни въ какихъ сношеніяхъ съ чужеземцами.

Однако, рядомъ съ разобщенностью и враждебностью народовъ

[1]) Euripides. Iphigenia in Aulis, 1401. — Aristoteles. Politik, I, 2. Cp. Laurent. Histoire, t. II, p. 152, 287 etc

мы встрѣчаемъ въ древніе вѣка также факты иного рода. Древнему міру были извѣстны торговыя сношенія, переселенія и колоніи. Первобытные народы признавали обязанность гостепріимства. Въ нѣкоторыхъ государствахъ древности права иностранцевъ были обезпечены даже закономъ. Не противорѣчатъ ли эти факты только-что приведеннымъ основнымъ стремленіямъ древнихъ народовъ? Повидимому, да. Ниже мы укажемъ истинное значеніе этого противорѣчія. Теперь замѣтимъ, что факты, подобные означеннымъ, составляютъ одну изъ тѣхъ счастливыхъ непослѣдовательностей, которыми вообще богата исторія и которымъ культура и цивилизація человѣчества значительно обязаны своимъ развитіемъ.

Замкнутость была преобладающимъ состояніемъ всѣхъ народовъ древности; но во многихъ случаяхъ она фактически нарушалась. Такъ во-первыхъ, война, которая по сознанію философовъ и de facto представляла нормальный порядокъ международныхъ отношеній древнихъ государствъ, въ тоже время служила могущественнымъ средствомъ для сближенія народовъ. Во время войны побѣдитель вторгался на территорію противника, уводилъ къ себѣ доставшихся ему плѣнниковъ, и уже этимъ уничтожалъ свою и его изолированность. Кромѣ того, война являлась орудіемъ, при помощи котораго народы ознакомлялись другъ съ другомъ и, по заключеніи мира, завязывали мирныя сношенія и распространяли плоды своей образованности въ чужихъ земляхъ. Почти до знаменитыхъ Мидійскихъ войнъ Греки знали Персовъ только по имени; побѣдивъ ихъ, они завязали съ ними правильныя торговыя сношенія. Походы Александра Македонскаго и войны Римлянъ внесли зачатки европейской культуры въ отдаленныя части Азіи и Африки.

Такое же значеніе имѣли переселенія и колонизація, весьма распространенныя въ древнемъ мірѣ и вызывавшіяся различными причинами. Финикіяне и Карѳагеняне заводили поселенія въ Африкѣ, Галліи и Испаніи ради торговыхъ интересовъ. Греки выселялись въ Италію и Малую Азію обыкновенно вслѣдствіе политическихъ смутъ, борьбы аристократовъ и демократовъ внутри ихъ муниципій.

Для Римлянъ колонизація служила средствомъ административнаго объединенія завоеванныхъ земель съ Римомъ.

Война и колонизація способствовали развитію мирныхъ, особенно торговыхъ сношеній между древними государствами. Въ свою очередь эти сношенія расширяли умственный и политическій горизонтъ народовъ и вызывали между ними такіе обычаи и учрежденія, которые противорѣчили общему духу древняго міра. Торговыя и иныя международныя сношенія необходимо предполагаютъ отреченіе отъ нетерпимости къ иностранцамъ, признаніе за ними извѣстныхъ правъ, по крайней мѣрѣ права на жизнь и собственность. Между тѣмъ древнія государства вообще смотрѣли на чужеземца, какъ на врага, и отказывали ему въ защитѣ и покровительствѣ закона.

Взамѣнъ этой защиты среди общества выработался институтъ гостепріимства, который въ нѣкоторыхъ государствахъ былъ возведенъ даже на степень публичнаго учрежденія.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ приведенныхъ фактовъ? Можно ли говорить о международномъ правѣ древнихъ народовъ? Мы полагаемъ, что нельзя. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что въ древнемъ мірѣ дѣйствительно существуютъ международныя сношенія, даже обычаи, которыми они охранялись. Но мы не имѣемъ ни одного факта, который доказывалъ бы, что древніе народы сознавали необходимость правильныхъ взаимныхъ сношеній и обезпечивающаго ихъ права. Право же всегда основывается на сознаніи его необходимости.

§ 9. Международныя отношенія древняго Востока запечатлѣны характеромъ, общимъ всему древнему міру. Мы встрѣчаемъ здѣсь ту же замкнутость и взаимную вражду народовъ, а также тѣ фактически существующія торговыя и другія мирныя сношенія, которыя видимъ и у народовъ, болѣе къ намъ близкихъ — Грековъ и Римлянъ. Но въ одномъ отношеніи народы Востока представляютъ особенность. Указанныя выше черты международной жизни въ древніе вѣка видоизмѣняются на Востокѣ тѣмъ специфическимъ государственнымъ устройствомъ входящихъ въ него странъ, именно — устрой-

ствомъ теократическимъ и кастовымъ, котораго не знала Европа. Мы разсмотримъ руководящія начала отношеній, въ которыхъ находились народы древняго Востока между собою и съ другими народами, преимущественно съ этой точки зрѣнія.

Изъ всѣхъ государствъ, составлявшихъ древній Востокъ, Индія представляетъ наиболѣе типичныя черты, отличающія древнія теократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ страна, которую она занимала, необыкновенно одарена природой. Богатства Индіи постоянно служили предметомъ алчности завоевателей и цѣлью торговыхъ предпріятій. Благодаря этому обстоятельству, здѣсь такъ сказать концентрировалась вся международная жизнь дальняго Востока — мирная и воинственная. Поэтому древняя Индія можетъ быть принята за образецъ восточныхъ государствъ вообще и международныхъ ихъ отношеній въ частности.

Общественный и государственный порядокъ Индіи установился соотвѣтственно религіознымъ требованіямъ браманизма и затѣмъ буддизма. Религія ввела въ эту страну раздѣленіе на касты, изъ которыхъ одна—брамановъ—имѣла исключительное господство надъ всѣми другими. Огромное же большинство побѣжденнаго народонаселенія находилось внѣ кастъ и никакими человѣческими, гражданскими или политическими правами не пользовалось. Это были паріи (чандалы) общественное положеніе которыхъ было унизительно въ высшей степени [1]). Такое кастовое устройство, конечно, не могло не оказать самаго существеннаго вліянія на всѣ международныя отношенія Индіи: оно даетъ намъ впервые доказательство того значенія, которое имѣютъ для международной жизни общественные элементы, дѣйствующіе въ странѣ [2]).

При кастовомъ устройствѣ государства, та каста, которая имѣетъ главенство надъ остальнымъ населеніемъ, всегда сосредоточиваетъ въ себѣ всю полноту государственной власти. Слѣдовательно, въ каждомъ теократическомъ государствѣ извѣстный общественный классъ, подобно браманамъ Индіи, является политически господствующимъ, есть суверенъ по отношенію ко всему народу. Естественно, что эта

---

[1]) Lassen. Indische Alterthumskunde. Bonn, 1844 — 1862, 4 Bde. Bd. I, S. 794 — 819.

[2]) Срав. Talboys Whealer. Short history of India, Afghanistan, Nipal, Burma London 1880, p. 59 etc.

высшая каста будетъ пользоваться всѣми средствами, чтобы сохранить въ цѣлости свои права, чтобы другія касты не имѣли и мысли о раздѣленіи ея правъ между ними: она должна поддерживать всѣми силами неподвижность существующаго порядка вещей [1]). Но международныя сношенія, знакомство съ порядками, существующими въ другихъ государствахъ, могутъ легко подорвать значеніе и авторитетъ господствующаго класса. Поэтому всѣ внѣшнія сношенія воспрещаются въ кастовомъ государствѣ, объявляются нарушеніемъ основныхъ законовъ страны.

Постановленія священныхъ законовъ Ману, на основаніи которыхъ управлялась Индія, дѣйствительно запрещаютъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, всякія сношенія съ иностранцами (млетча). Древняя Индія, подобно Греціи и Италіи, распадалась на множество отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое было вполнѣ изолировано. Сношенія между ними могли существовать только какъ преступленіе, какъ нарушеніе установленнаго законами порядка, фактически, но не по праву. Съ другой стороны, иностранцы, по закону, состояли въ одинаковомъ положеніи съ паріями; въ предѣлахъ Индіи они считались врагами, у которыхъ не было правъ и соприкосновеніе съ которыми оскверняло Индуса.

Но бывали случаи, когда государства Индіи входили между собою въ формальныя соглашенія. Обыкновенно такіе договоры заключались въ виду и на время общей опасности, угрожавшей отъ какого-либо внѣшняго врага. Съ прекращеніемъ опасности уничтожались и самыя соглашенія [2]). Такимъ же образомъ устанавливались торговыя сношенія съ Индіей. Финикіяне, Іудеи, Персы, по большей части, силою оружія или хитростью, добивались того, что государства Индіи открывали свои города и принимали варваровъ для занятія торговлей. Фактовъ, которые доказывали бы желаніе

---

[1]) Guizot. Histoire de la civilisation en Europe. Paris 1857, p. 32: „dans l'Egypte et dans l'Inde la société est tombée dans un état stationnaire; la société continue à subsister, mais immobile et comme glacée".

[2]) Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, § 35. S. 89.

со стороны Индусовъ или сознаніе необходимости международнаго обмѣна, мы никакихъ не имѣемъ [1]).

Запрещая внѣшнія сношенія, законы Ману содержатъ, однако, цѣлый рядъ наставленій и предписаній, относящихся къ этимъ сношеніямъ. Одною изъ обязанностей брамановъ они признаютъ гостепріимство и предписываютъ имъ оказывать чужеземцу гостепріимство, даже забывая отчасти кастовое различіе. Далѣе браманы поддерживали сношенія съ сосѣдними индусскими народами при помощи посольствъ. Самый образъ дѣйствія посланниковъ очерчивается довольно подробно. Они обязаны по возможности узнавать намѣренія государя, къ которому отправлены съ порученіемъ; подкупать его министровъ, а если подкупить нельзя, то отравить; должны пользоваться неудовольствіями, существующими въ странѣ, чтобы вызвать бунтъ противъ мѣстнаго правительства и т. д. Подобнаго рода наставленія также не опровергаютъ общаго положенія, что Индія не сознавала необходимости правильныхъ международныхъ сношеній. Они доказываютъ только, что сила извѣстныхъ обстоятельствъ заставляла даже Индію нарушать свою разобщенность. Такъ, посольства имѣли главною цѣлью предупрежденіе войны, т. е. охраненіе безопасности государства. Что касается гостепріимства, то оно имѣло практическое значеніе только по отношенію къ членамъ кастъ, но не иностранцамъ въ собственномъ смыслѣ. Наконецъ, во время войны допускались всевозможныя звѣрства и насилія въ отношеніи непріятеля и въ завоеванной странѣ.

Другіе народы древняго Востока—Персы, Іудеи, Финикіяне,—руководились въ международныхъ отношеніяхъ тѣми же понятіями, какъ и Индусы [2]). Всѣ они были убѣждены, что являются единственными представителями божества на землѣ, что по этому они выше другихъ народовъ, сношенія съ которыми могутъ только оскор-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens, t. I, p. 72: „Si l'Inde a eu un droit de guerre, un système de relations internationales, il n'a pu se manifester que dans les rapports de ses populations indigènes“.

[2]) Cp. Laurent. Histoire, t. I, p. 220 et suiv. Müller-Jochmus. Geschichte, Cap. V.

бить боговъ. Особенно крайними взглядами отличались Египтяне: законы ихъ запрещали путешествія, не допускали никакихъ иностранныхъ обычаевъ въ Египтѣ, даже не признавали гостепріимства. Только въ относительно поздній періодъ своей исторіи, на основаніи договоровъ съ своими побѣдителями, Египетъ вступаетъ въ сношенія съ иностранцами.

§ 10. Если, благодаря своему теократическому устройству, восточныя государства не могли содѣйствовать развитію международныхъ отношеній, то, напротивъ, древняя Греція представляла столько благопріятныхъ для того условій, что, казалось бы, должна была сдѣлаться колыбелью сознанія о необходимости права, опредѣляющаго сношенія народовъ.

Во-первыхъ, географическое положеніе древней Греціи и природа ея страны были очень выгодны для внѣшнихъ сношеній. Удобная для морскихъ сообщеній береговая линія, изрѣзанная множествомъ пригодныхъ для стоянки кораблей заливовъ и бухтъ, положеніе на Средиземномъ морѣ, вблизи такихъ странъ, какъ Египетъ, Палестина, Малая Азія, бывшихъ въ древности главными пунктами, въ которыхъ сосредоточивалась торговля Финикіянъ и другихъ коммерческихъ народовъ, наконецъ, естественныя богатства Греціи и способности, отличавшія ея населенія,—все это должно было способствовать стремленію къ международному обмѣну и сношеніямъ съ иностранцами.

Затѣмъ, среди самихъ государствъ, на которыя раздѣлялся греческій народъ, существовало много благопріятныхъ соціальныхъ условій для того, чтобы греческія муниципіи и колоніи находились въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Народы Греціи связывались общностью племеннаго происхожденія, говорили на одномъ языкѣ, имѣли болѣе или менѣе сходныя религіозныя воззрѣнія и учрежденія, одинаковыя умственныя потребности и пр. Въ виду этого, можно было бы думать, что если не внѣ, то внутри Греціи разовьются широкія международныя сношенія, торговыя, экономическія, литературныя и др., что Греки войдутъ въ самый тѣсный союзъ между собой и установятъ такой порядокъ международный, который обезпечивалъ бы интересы каждаго отдѣльнаго греческаго государства.

Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно противоположное.

Греція, въ отличіе отъ восточныхъ теократій, не знала кастоваго раздѣленія народа: всѣ граждане греческихъ муниципій по закону были равны между собою. Но какъ ни великъ прогрессъ,

который въ этомъ отношеніи осуществила Греція, она не могла отказаться отъ другого источника неравенства между людьми въ древніе вѣка,—отъ того взгляда, что гражданство, а не человѣческая личность есть основаніе права каждаго лица. Рабство было возведено на степень необходимаго государственнаго учрежденія. Не признавая за человѣкомъ извѣстныя неотъемлемыя его права, независимо отъ національнаго его происхожденія и принадлежности къ тому или другому государству, Греки не могли имѣть и сознанія, что въ сферѣ взаимныхъ отношеній народовъ должно господствовать полное равенство. Напротивъ, каждое греческое государство, какъ бы ни было оно незначительно по объему и населенію, было проникнуто убѣжденіемъ въ неизмѣримомъ своемъ превосходствѣ надъ прочими народами и государствами. Подобно восточнымъ народамъ, Греки преклонялись предъ самими собою, считали себя одаренными высшими силами и способностями и относились съ ненавистью ко всѣмъ народамъ не эллинскаго происхожденія, которыхъ они называли презрительнымъ именемъ варваровъ (βάρβαροι). Какъ и въ восточныхъ государствахъ, послѣдніе непользовались въ Греціи никакими правами, на нихъ смотрѣли какъ на враговъ. Этотъ взглядъ на иностранцевъ, господствовавшій въ древности, дѣлалъ немыслимымъ для Греціи обезпеченіе мира и какого либо порядка въ области внѣшнихъ ея сношеній.

Обращаясь къ внутреннему строю греческихъ государствъ, къ ихъ общественной и политической жизни, мы не находимъ въ нихъ ни такого родства соціальныхъ интересовъ, которое объединяло бы ихъ въ политическомъ отношеніи, дѣлало изъ Греціи одно государство, ни достаточнаго вниманія со стороны правительствъ къ общественнымъ нуждамъ народа, которое всегда является условіемъ развитія международныхъ отношеній.

Греки не знали единства внутри своихъ республикъ. Чрезъ всю ихъ исторію идетъ нескончаемая борьба между двумя общественными классами: между бѣдными и богатыми [1]). Первые составляли собственно туземное населеніе общинъ,

---

[1]) Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles in historisch-politischen Umrissen. Lpz. 1870—75. Bd. II, S. 229 u. flg. Hellwald, Culturgeschichte in ihrer natür-

завоеванное пришельцами изъ другихъ частей Греціи; вторые были побѣдители, завладѣвшіе имуществомъ побѣжденныхъ и вмѣстѣ правительственною властью. Обстоятельство это особенно ожесточало борьбу: къ фактическому неравенству сторонъ оно присоединяло еще естественную ненависть побѣжденныхъ къ завоевателямъ, которые располагали всѣми средствами государственной власти для угнетенія своихъ противниковъ.

Исходъ борьбы опредѣлялъ устройство государства. Поэтому въ Греціи мы встрѣчаемъ въ разное время и у различныхъ народовъ неодинаковую форму правленія: одни государства представляли аристократическое устройство, другія организовались въ видѣ демократій; были также государства, монархически устроенныя, какъ напр. Спарта. Но во всѣхъ одинаково шла ожесточенная борьба общественныхъ классовъ изъ за политической власти [1]).

Опредѣляя собою форму правленія государствъ, эта борьба переходила и въ область международныхъ отношеній: аристократическая партія одного государства готова была помогать всѣми средствами аристократамъ другого въ борьбѣ ихъ съ демократами и обратно. Такимъ образомъ ни внутри греческихъ государствъ, ни въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не существовало никакого единства. Рознь была до того присуща греческому народу, что въ самыя критическія минуты его жизни, когда ему грозила опасность порабощенія, только при неимовѣрныхъ усиліяхъ можно было заставить его соединиться для защиты противъ общаго врага. При такой „прирожденной", какъ выражается Де-Мэстръ, раздѣльности Грековъ, понятно, что попытки Аѳинъ и Спарты объединить греческія государства подъ своей гегемоніей должны были окончиться неудачей: успѣхи, одержанные то Аѳинами, то Спартою, могли имѣть только преходящее значеніе [2]).

Но изъ того несомнѣннаго факта, что древніе Греки ни въ общественномъ, ни политическомъ отношеніи не достигли единства, вовсе не слѣдуетъ, чтобы они не знали международныхъ сношеній. Духъ раздѣленія и борьбы, которымъ были запечатлѣны всѣ проявленія греческой жизни, въ сферѣ международныхъ отношеній не выдерживался Греками во всей его строгости. Послѣдовательному и крайнему про-

---

lichen Entwickelung. Augsburg 1875. S. 268 u. flg. L. v. Ranke. Weltgeschichte Lpz. 1883. Bd. I, S. 157 u. flg. — Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts. § 49 u. flg.

[1]) Ср. Schoemann. Griechische Alterthümer, Bd. I, Berlin 1871, 3-te Aufl., S. 96 u. flg. S. 195 ff.

[2]) De Maistre. Du pape, liv, IV, chap. II. Сравн. Laurent. Histoire, t. II, p. 18.

веденію его въ этой области ставило неодолимую преграду то обстоятельство, что при основномъ различіи соціальныхъ стремленій, которое раздѣляло общественные классы внутри греческихъ республикъ и эти послѣднія во внѣшнихъ ихъ отношеніяхъ, существовало очень много общихъ жизненныхъ и культурныхъ интересовъ, которые соединяли греческіе народы другъ съ другомъ, заставляли ихъ отказываться отъ взаимной вражды и поддерживали между ними самыя тѣсныя связи.

Международныя сношенія Грековъ особенно развиваются послѣ Дорійскаго нашествія. Въ это время среди населенія древней Греціи впервые пробудилось сознаніе, что, несмотря на свою политическую раздробленность, оно все-таки составляетъ одну націю, по языку, религіи, нравамъ, умственнымъ стремленіямъ совершенно отличную отъ варваровъ. Затѣмъ, свободное политическое устройство, которое приняли греческія республики послѣ вторженія Дорянъ, чрезвычайно способствовало общественному и индивидуальному развитію греческихъ гражданъ, которое отразилось на международныхъ отношеніяхъ. Съ расширеніемъ умственнаго кругозора Грековъ, съ наростаніемъ ихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, предѣлы и средства муниципальной жизни оказались уже недостаточными для удовлетворенія новыхъ потребностей. Развивающіяся общественныя стремленія и нужды настоятельно требовали международнаго обмѣна и взаимныхъ сношеній греческихъ народовъ, которые и устанавливаются, сначала фактически, но затѣмъ признаются законодателями и дѣлаются предметомъ соглашенія самихъ государствъ.

Первое мѣсто между греческими республиками, которыя принимали дѣятельное участіе въ международныхъ оборотахъ, принадлежало А ѳ и н а м ъ. По степени своего просвѣщенія и культуры свободное аѳинское населеніе стояло выше всѣхъ другихъ народовъ Греціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правители и законодатели Аѳинъ хорошо понимали общественныя нужды своего народа и относились къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эта образованная республика болѣе другихъ греческихъ государствъ сознавала всю

несправедливость и невыгоды своей изолированности и скорѣе ихъ пришла къ убѣжденію въ необходимости международныхъ сношеній и терпимости къ чужимъ народамъ. Въ этомъ отношеніи Аѳины представляли полнѣйшую противоположность аристократической Спартѣ и всѣмъ тѣмъ дорическимъ республикамъ, которыя находились подъ ея вліяніемъ. Между тѣмъ какъ послѣднія законодательными и правительственными мѣрами старались удержать старый порядокъ вещей, препятствовали всѣми силами международнымъ сношеніямъ своихъ гражданъ, изгоняли изъ своей страны всѣхъ иноземцевъ,—Аѳиняне слѣдовали иной политикѣ: они видѣли основаніе своего могущества въ морскихъ сношеніяхъ и торговлѣ; они открывали свою территорію для всѣхъ иностранцевъ и гордились тѣмъ, что подъ охраной аѳинскихъ законовъ находили убѣжище и защиту всѣ гонимые и преслѣдуемые въ другихъ земляхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ неодинаковый общественный и государственный строй народа обнаруживалъ различнымъ образомъ свое вліяніе на условія международной жизни.

Изъ отдѣльныхъ соціальныхъ причинъ, которыя содѣйствовали смягченію розни между греческими народами и служили основаніями для ихъ сближенія, укажемъ на слѣдующія.

Сознаніе общаго національнаго происхожденія всегда является однимъ изъ тѣхъ связующихъ элементовъ въ международной жизни, который пробуждаетъ въ народахъ чувство родства и солидарности стремленій и интересовъ. Въ Грекахъ оно зародилось не ранѣе Дорійскаго завоеванія; по крайней мѣрѣ, до этого времени они не имѣли общаго имени, которое отличало бы ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ. Напротивъ, теперь все населеніе Греціи, какому бы государству—дорическому или іоническому—оно ни принадлежало, называется Эллинами. Понятно само собой, что это убѣжденіе въ національномъ единствѣ Грековъ должно было сильно умѣрять взаимную ихъ ненависть и вражду. Если прежде каждое незначительное греческое поселеніе, огранизованное въ видѣ самостоятельнаго государства, только себя считало избраннымъ народомъ, центромъ, къ кото-

рому должны были тяготѣть всѣ другіе народы, то съ развитіемъ сознанія объ общности происхожденія Грековъ это воззрѣніе переносится уже на весь греческій народъ: онъ выше всѣхъ другихъ народовъ, а не отдѣльныя его части. На этомъ основаніи подданные различныхъ греческихъ государствъ, хотя и продолжаютъ внѣ своего города считаться иностранцами, но въ предѣлахъ родственныхъ греческихъ муниципій вездѣ находятъ нѣкоторое признаніе своихъ правъ. Во всякомъ случаѣ, они отличались отъ варваровъ, подъ именемъ которыхъ Греки разумѣли только подданныхъ не греческихъ государствъ и которые до конца греческой исторіи остаются въ предѣлахъ Греціи лишенными всякихъ правъ [1]).

Вліяніе религіи въ древнемъ мірѣ, при господствѣ политеизма, было вообще однимъ изъ тѣхъ условій, которыя разъединяли народы. Однако, въ Греціи, когда Доряне подчинили своей политической власти первоначальныя ея племена и наложили на нихъ свой особенный религіозный культъ, мало по малу вырабатываются во всѣхъ государствахъ общія и одинаковыя вѣроисповѣдныя воззрѣнія и обряды, которые получили значеніе факторовъ, сглаживающихъ отчужденность и непріязнь, которыми раздѣлялись греческіе народы. Особенно сильное вліяніе въ этомъ смыслѣ оказывала религія на всю греческую жизнь чрезъ посредство двухъ своихъ могущественныхъ органовъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ въ древней Греціи— оракула въ Дельфахъ и Олимпійскихъ игръ [2]). Религіозное благоговѣніе, съ которымъ относились Греки къ тому и другому учрежденію, имѣло самыя благотворныя послѣдствія для ихъ международныхъ отношеній. Въ празднествахъ въ честь Юпитера, происходившихъ въ Олимпіи, раздѣленная и враждующая Греція находила единство и миръ; что касается Дельфійскаго оракула, то его совѣты часто соединяли Грековъ въ одинъ народъ для общихъ предпріятій, смягчали варварство международныхъ ихъ войнъ, наконецъ, содѣй-

[1]) Laurent, Histoire, t. II, p. 45, 103, 287 et suiv.
[2]) Ibidem, t. II, p. 79 et suiv.

ствовали распространенію въ Греціи гостепріимства и вообще уваженія къ выходцамъ изъ чужихъ государствъ [1]).

Одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ всего греческаго народа составляла цивилизація и культура, въ самомъ широкомъ значеніи этихъ выраженій. Она охватывала собою всѣ части Греціи и была, конечно, тѣмъ элементомъ общественной жизни Грековъ, который въ особенности соединялъ ихъ въ одно цѣлое. Всѣ греческія государства гордились своими поэтами, философами, ораторами, художниками, и эти лица пользовались почетомъ не только у народа, среди котораго они родились или жили, но во всей странѣ, куда только доходили извѣстія объ ихъ геніѣ, умѣ, трудахъ, дѣятельности. Такое повсемѣстное преклоненіе передъ представителями знанія и искусства служило несомнѣннымъ доказательствомъ общности культурныхъ стремленій и интересовъ греческихъ народовъ, сознаніе которой представляло прочное основаніе для взаимныхъ ихъ связей и уваженія.

Наконецъ, между соціальными факторами, которые опредѣляли международныя отношенія Грековъ, важную роль играла торговля [2]). Первоначально коммерческая и промышленная дѣятельность не находила въ Греціи всѣхъ условій, которыя благопріятствовали бы ея развитію. Во-первыхъ, Греки видѣли въ этого рода занятіяхъ нѣчто унизительное, недостойное высокаго званія гражданина свободной республики, и поэтому предоставляли экономическіе и торговые обороты исключительно низшему, порабощенному классу населенія, извѣстному подъ именемъ метейковъ и періойковъ, которые политическими правами не пользовались [3]). Во-вторыхъ, по мнѣнію древнихъ Грековъ, единственный законный путь для торговыхъ сношеній представляла земля; напротивъ, море они считали естественной преградой,

---

[1]) Срав. Fustel de Coulanges. La cité antique, Paris, 1864, Introduction, chap. XI.

[2]) Montesquieu. De l'esprit des lois, liv. XX, chap. II. „Toutes les unions sont fondées sur des devoirs mutuels. Mais si l'esprit du commerce unit les nations il n'unit pas de même les particuliers“.

[3]) Schoemann. Griechische Alterthümer, Bd. I, S. 212, 329, 373 ff. Müller-Jochmus. Geschichte, §§ 49, 50.

которую воздвигло само божество съ цѣлью предупредить всякое соприкосновеніе между народами. На этомъ основаніи они долгое время чувствовали неодолимое отвращеніе къ морскимъ сообщеніямъ, и торговля ихъ зародилась не въ приморскихъ городахъ, но на сухопутныхъ границахъ съ другими государствами. Несмотря, однако, на такіе стѣсняющіе торговыя сношенія предразсудки, торговля Грековъ, къ концу ихъ исторіи, пришла въ цвѣтущее состояніе. Прогрессирующій ростъ потребностей и природное корыстолюбіе оказались могущественнѣе всѣхъ предубѣжденій: они склонили греческихъ граждань предаться всѣми своими силами увеличенію имущественныхъ своихъ средствъ именно путемъ морской торговли, которая, при отсутствіи въ древности искусственныхъ путей сообщенія, была наилучшимъ способомъ сношеній съ отдаленными землями [1]).

Въ тѣсной связи съ торговыми оборотами не только Грековъ, но вообще всѣхъ коммерческихъ народовъ древняго міра, находится морской разбой или пиратство. Этотъ фактъ подтверждаетъ общее положеніе, что данныя международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе обществъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціальнаго и политическаго ихъ строя. Въ древнія времена руководящимъ принципомъ общественныхъ и государственныхъ отношеній была сила. Какъ всеобщее начало, сила тѣсно связывалась также съ международными торговыми сношеніями, существовавшими въ древности, и мы видимъ, что Греки, подобно другимъ древнимъ народамъ, признаютъ торговлю не только орудіемъ сближенія съ другими народами и мирнымъ способомъ пріобрѣтенія богатствъ, но и средствомъ ограбленія слабаго, нисколько не предосудительнымъ ни съ точки зрѣнія нравственности, ни закона.

Широкое развитіе пиратства въ древней Греціи, къ которому нерѣдко обращалась сама государственная власть даже такой высокообразованной и гуман-

---

1) Ср. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles, Bd. II, S. 183. Pardessus. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle. Paris 1828, t. I, Introduction, p. VII etc.

ной республики, какъ Аѳинская, даетъ намъ право сказать, что если торговые интересы и вообще соціальныя потребности греческихъ народовъ дѣйствительно служили основаніемъ для соединенія ихъ другъ съ другомъ, то государства греческія не находили нужнымъ ни признавать законности этихъ стремленій, ни считать себя обязанными содѣйствовать ихъ развитію и обезпеченію путемъ закона. Самое бóльшее, чтó дѣлала государственная власть въ Греціи въ ихъ пользу, — это относилась къ нимъ съ терпимостью, вынуждаемая къ тому непреодолимой силой реально существующихъ потребностей какъ самого государства, такъ и его гражданъ.

Если отношеніе греческихъ государствъ къ законнымъ и разумнымъ стремленіямъ своихъ народовъ было фактическое, опредѣляющееся не убѣжденіемъ въ ихъ правомѣрности и государственной пользѣ, но непреложною силою данныхъ обстоятельствъ, то будетъ совершенно понятно настоящее значеніе тѣхъ соглашеній, трактатовъ, которые иногда заключались между отдѣльными греческими республиками по предмету взаимныхъ ихъ сношеній. Такъ, на основаніи договоровъ, спеціально называвшихся σύμβολα, подданные различныхъ союзныхъ и дружественныхъ греческихъ государствъ пользовались правомъ свободнаго пребыванія въ предѣлахъ территорій договаривающихся сторонъ, и споры, которые возникли бы между этими лицами и туземцами, разрѣшались въ порядкѣ, установленномъ тѣми договорами. Подобнаго рода трактатовъ извѣстно весьма небольшое число. Еще меньше было число трактатовъ, въ силу которыхъ договаривающіяся греческія республики предоставляли взаимно своимъ гражданамъ пользоваться на чужой территоріи не только всѣми гражданскими, но, по мнѣнію Лорана, даже политическими правами. Такой союзъ назывался изополитіею. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ эти международныя обязательства не имѣли въ виду удовлетворить общественные интересы, потребность въ сношеніяхъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ государствамъ, но являлись послѣдствіемъ только нужды, съ которою не въ силахъ была бороться государственная власть, а не сознанія о необходимости вообще международнаго порядка и права [1]).

---

[1]) Ср. Hüllmann. Handelsgeschichte der Griechen, 1839, S. 193 fl. Laurent. Histoire, t. II, p. 114.

Въ этомъ же смыслѣ древнія греческія государства содѣйствовали международнымъ сношеніямъ своихъ гражданъ и инымъ образомъ. Мы знаемъ уже, что вообще тяжелое положеніе иностранцевъ въ древнемъ мірѣ породило обычай гостепріимства, которымъ положеніе это до извѣстной степени смягчалось. Гостепріимство существовало и въ древней Греціи: Греки, туземные подданные, признавали своею обязанностью охранять неприкосновенность жизни и собственности тѣхъ иностранцевъ, которые просили ихъ о покровительствѣ. Но въ отличіе отъ восточныхъ государствъ, частное гостепріимство получаетъ въ Греціи характеръ публичнаго института, — обычая, охраняемаго государственною властью. Мало того, съ цѣлью обезпеченія правъ иностранцевъ, въ греческихъ государствахъ учреждается особый разрядъ должностныхъ лицъ, которыя назывались проксенами. Это были лица, которыя избирались, первоначально инціативою самихъ заинтересованныхъ, впослѣдствіи же правительствами, для оказанія покровительства и защиты не только извѣстному гостю, но и вообще всѣмъ подданнымъ иностраннаго государства, которые находятся на отечественной территоріи [1]).

Наконецъ, орудіемъ распространенія мирныхъ международныхъ сношеній древней Греціи служила также греческая колонизація.

Многочисленныя колоніи Грековъ, учрежденныя въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, были обязаны своимъ возникновеніемъ преимущественно нашествію Дорянъ на Пелопонезъ и тѣмъ внутреннимъ раздорамъ и политической борьбѣ, которые происходили между различными партіями во всѣхъ греческихъ республикахъ и которые дѣлали неудобнымъ или даже невозможнымъ для побѣжденной стороны оставаться въ предѣлахъ родины. Въ политическомъ отношеніи такія колоніи были вполнѣ самостоятельны; но выселяясь изъ отечества, колонисты переносили въ чужую страну культурныя понятія своей родины, ея просвѣщеніе, боговъ, и вводили обыкновенно здѣсь тѣ самыя государственныя учрежденія, за которыя боролись въ Греціи. Населеніе греческихъ колоній сохраняло постоянно самыя близкія связи съ метрополіей и, согласно съ этимъ, не только распространяло начала греческой культуры и цивили-

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, London 1837, t. I, p. 11. Müller-Jochmus Geschichte, § 47.

заціи между варварами, но и поддерживало мирныя отношенія между самими греческими государствами.

Приведенныя основанія и условія, которыя побуждали народы древней Греціи не только отказываться отъ своей замкнутости и вражды, но и изыскивать средства для поддержанія взаимныхъ мирныхъ сношеній, сами собою ставятъ вопросъ: не уважали ли древніе Греки извѣстные общіе принципы права во взаимныхъ отношеніяхъ; не знали ли они международнаго права въ смыслѣ совокупности юридическихъ нормъ, законовъ, опредѣляющихъ порядокъ международныхъ отношеній? Въ наукѣ этотъ вопросъ до настоящаго времени остается спорнымъ [1]). Но несмотря на доказательства, которыя приводятъ нѣкоторые ученые въ пользу утвердительнаго его рѣшенія, большинство современныхъ писателей поддерживаетъ то мнѣніе, что международное право въ истинномъ значеніи этого слова не было извѣстно ни древнему міру вообще, ни въ частности Грекамъ [2]).

Нельзя не согласиться съ справедливостью такого заключенія: во-первыхъ, только-что изложенный очеркъ международныхъ отношеній древнихъ Грековъ убѣждаетъ, что сношенія греческихъ народовъ существовали только въ видѣ исключенія изъ общаго, нормальнаго порядка вещей; во вторыхъ, тѣ доводы, на которые опираются защитники противоположнаго взгляда, не выдерживаютъ серьезной критики.

Остановимся на главныхъ аргументахъ, приводимыхъ въ пользу существованія международнаго права въ древней Греціи.

Нѣкоторые писатели прошлаго и нынѣшняго столѣтія увлекались такъ называемыми Амфиктіоновыми союзами, которые устраивались между греческими народами и которые, какъ полагали эти писатели, были поли-

---

[1]) Wachsmuth (Jus gentium quale obtinuerit apud Graecos. Berol. 1822) и Müller-Jochmus (Geschichte, S. 106) и другіе стараются доказать существованіе у Грековъ международнаго права. Но ихъ доводы нисколько не убѣдительны и становятся въ разрѣзъ со всѣмъ міровозрѣніемъ народовъ древности. Это мнѣніе опровергалъ Heffter. (De antiquo jure gentium prolusio, Bona 1823).

[2]) Heffter. Europäisches Völkerrecht, § 6. Bluntschli. Modernes Völkerrecht, Einleitung. S. 12. Oke Manning. Commentaries on the Law of Nations, ed. by Scheldon Amos. London, 1875, p. 9. Laurent, Histoire, t. II, p. 117.

тическими союзами, имѣвшими важное международное значеніе [1]). Но дѣйствительная роль подобнаго рода союзовъ была вовсе не такова. Возникновеніе Амфиктіоній въ Греціи объясняется исключительно религіозными причинами. Такъ назывались союзы сосѣднихъ городовъ и государствъ греческихъ, которыя на общія средства строили храмъ въ честь того или другого божества, избирали изъ среды своихъ гражданъ общій совѣтъ для надзора за его постройкой и отправленія въ немъ богослуженія и взаимно обязывались охранять сокровища его и привилегіи, часто весьма значительныя, противъ всѣхъ другихъ народовъ, которые посягнули бы на нихъ. Отсюда видно, что какъ основаніе Амфиктіонова союза, такъ и назначеніе избираемаго имъ совѣта заключались единственно въ интересахъ вѣры, но не политики и права; самый совѣтъ, управлявшій имуществомъ храма, произносилъ свои рѣшенія не во имя союзныхъ государствъ, но божества, которому храмъ былъ посвященъ. Съ точки зрѣнія исторіи международныхъ отношеній, Амфиктіоніи имѣютъ развѣ только то значеніе, что указываютъ вліяніе, неизбѣжно проявляемое религіозными воззрѣніями и интересами на взаимныя отношенія государствъ, ибо нельзя отрицать, что хотя эти союзы и были вызваны спеціально религіозными цѣлями, но оказывали свое дѣйствіе вообще на сношенія между греческими государствами: подобно другимъ соціальнымъ факторамъ, они сближали народы и смягчали ихъ замкнутость [2]).

Другое доказательство, что древніе Греки знали международное право, усматриваютъ нѣкоторые писатели въ томъ, что будто уже древне-греческіе народы устраивали взаимныя свои отношенія на началахъ порядка, извѣстнаго въ новое время подъ именемъ системы политическаго равновѣсія государствъ [3]). Въ подтвержденіе этого мнѣнія, ссылаются на различные факты, представляемые исторіей Греціи. Такъ, между прочимъ, утверждаютъ, что во время борьбы изъ за гегемонію, которая происходила между Өивами и Спартой, Аөиняне заключили союзъ съ Өиванцами, будучи убѣждены, что они слабая сторона, нуждавшаяся въ помощи, но когда Эпаминондъ разбилъ своихъ противниковъ подъ Левктрами, тѣ же Аөиняне увидѣли опасность для равновѣсія греческихъ государствъ въ могуществѣ Өивъ, и потому вышли изъ союза. Однако, этотъ фактъ, равно и другіе факты, заимствованные изъ исторіи древней Греціи, едва ли убѣдительны и доказываютъ, что грече-

---

[1]) Mably. Observations sur l'histoire de la Grèce 1723, t. V, p. 10 et suiv. Cp. Laurent. Histoire, t. II, p. 80.

[2]) Срав. Bürgel. Die Pyläisch-Delphische Amphiktyonie. 1877. Max Duncker. Geschichte des Alterthums, 5-te Aufl. Berlin 1878, Neue Folge, Bd. I, S. 33 u. flg.

[3]) Cp. Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens, t. I, p. 14 et suiv. Hume's Essays, VII. „On the balance of power“.

скіе народы сознавали необходимость уравновѣшенія взаимныхъ силъ для поддержанія международнаго порядка. Очевидно, что союзъ Аѳинъ съ Ѳивами имѣлъ своею причиною не это сознаніе, но былъ вызванъ силою самихъ обстоятельствъ: они ясно показывали, что если Аѳиняне не помогутъ сосѣднимъ Ѳиванцамъ и послѣдніе будутъ побѣждены, то политической независимости самихъ Аѳинъ будетъ грозить неминуемая опасность со стороны исконнаго ихъ врага—Спарты. Лучшее опроверженіе противнаго взгляда представляетъ другой фактъ изъ греческой исторіи: поведеніе Спарты и Аѳинъ во время войны Грековъ съ македонскимъ царемъ Филиппомъ. Какъ извѣстно, эта борьба окончилась рѣшительной побѣдой македонянъ, благодаря совершенному отсутствію въ греческихъ народахъ пониманія общихъ политическихъ интересовъ.

Если основанія, на которыя опираются приверженцы существованія международнаго права въ древней Греціи, ошибочны и если факторы, дѣйствительно заставлявшіе греческіе народы входить въ сношенія между собой дѣйствовали на государства только естественной своей силой, безъ всякаго сознанія со стороны послѣднихъ о необходимости этихъ сношеній и ихъ порядка, мы должны сказать, что древніе Греки не имѣли международнаго права.

§ 11. Древній **Римъ** и особенно римское право играли выдающуюся роль въ области международныхъ отношеній. Еще и теперь нѣкоторые ученые видятъ въ римскомъ правѣ первоначальный источникъ всего современнаго международнаго права. Но ближайшее разсмотрѣніе международной жизни Римлянъ и анализъ ихъ юридическихъ понятій объ отношеніяхъ, долженствовавшихъ существовать между народами, покажутъ, насколько правиленъ этотъ взглядъ.

Сравнивая древній Римъ и древнюю Грецію, Римлянъ и Грековъ другъ съ другомъ, невольно поражаешься глубокимъ различіемъ какъ исторической роли и судьбы двухъ народовъ, такъ и началъ, которымъ они слѣдовали въ международныхъ отношеніяхъ. Уже самое географическое и топографическое положеніе обѣихъ странъ неодинаково; если Греція изрѣзана безчисленнымъ множествомъ заливовъ и бухтъ, которые вызывали на торговыя и международныя сношенія, то Римъ вовсе не имѣетъ непосредственнаго соприкосновенія съ моремъ. Но еще болѣе бросается въ глаза полнѣйшая противоположность стремленій и наклонностей, культурныхъ и политическихъ, которыя отличали древнихъ Римлянъ и Грековъ. Греки, по самой своей природѣ, стремились къ розни во всѣхъ сторонахъ своей жизни; они боялись и избѣгали всякаго соединенія

подъ общею властью. За то раздѣленіе греческихъ племенъ давало имъ возможность самаго широкаго развитія своихъ умственныхъ, нравственныхъ, вообще духовныхъ способностей и силъ: оно служило условіемъ того разнообразія и богатства литературы, поэзіи, художествъ, которыя обезсмертили Грековъ. Не то въ Римѣ. Древній римскій народъ былъ до того проникнутъ идеей политическаго единства, что стремился провести его даже въ международныхъ отношеніяхъ. Этотъ политическій идеалъ Рима наложилъ свою печать на всю его историческую судьбу. Если историческая задача греческой жизни заключалась въ обогащеніи духовной сокровищницы человѣчества, то въ римскомъ государствѣ собственно о духовной сторонѣ индивидуальной и общественной жизни не было и рѣчи: въ этомъ отношеніи Римъ лишь воспользовался результатами дѣятельности народовъ, уже сошедшихъ со сцены всемірной исторіи. Но римскій народъ вполнѣ осуществилъ иное историческое назначеніе, къ которому былъ призванъ: онъ внесъ начало единства въ древній міръ, соединивъ всѣ существовавшія тогда государства подъ своею верховною властью [1]).

Тотъ основной принципъ, которымъ должны были руководствоваться древніе Римляне, исполняя свое историческое призваніе, ясно выступаетъ, такъ сказать, съ перваго же дня ихъ существованія. Извѣстная сказка о томъ, что основатель Рима родился отъ Марса, бога войны, и былъ вскормленъ волчицею, скрываетъ въ себѣ глубокій смыслъ. Она показываетъ, что первый представитель Рима былъ представителемъ грубой физической силы, того начала, предъ которымъ должны были преклониться всѣ народы древности и которое Римляне проводили съ неуклонною послѣдовательностью во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, какъ въ частной и государственной, такъ и въ международной жизни. Дѣйствительно, если копье-hasta служило для Римлянъ символомъ права собственности, если на основаніи законовъ XII таблицъ nexum приводило къ рабству неоплатнаго должника своему кредитору, если въ семейномъ быту pater-familias былъ неограниченнымъ властелиномъ надъ домочадцами, если, наконецъ, иностранецъ не пользовался никакими гражданскими правами въ предѣлахъ Рима и одно выраженіе hostis обозначало у Римлянъ врага и иноземца, то все это было лишь частнымъ выраженіемъ основного начала римскаго jus civile — права силы [2]). Въ государственномъ быту Рима

[1]) Ср. Arnold. Cultur und Recht der Römer. Berlin 1868, Einleitung. Hellwald. Culturgeschichte, S. 324 flg. Laurent. Histoire, t. III, p. 4 et suiv. Jhering. Geist des römischen Rechtes auf den verschiedenen Stufen seiner Entwickelung, Bd. I, S. 310 flg.

[2]) Cicero. De officiis, I, 11—13. Извѣстно опредѣленіе законовъ XII табл. „Adversus hostem aeterna auctoritas". Ср. о значеніи слова „hostis" Mommsen, Römische Forschungen. Berlin 1864. Bd. I, S. 349 и Karlowa. Der römische Civil-

*

то же самое начало выражалось въ понятіи majestas Populi Romani — безусловной власти римскаго народа. Согласно съ этимъ, и въ международныхъ отношеніяхъ сила была единственнымъ мѣриломъ для опредѣленія правъ и обязанностей Римлянъ къ другимъ народамъ.

Строгое проведеніе одного начала, выраженіе его въ безусловныхъ, недопускающихъ никакихъ отступленій юридическихъ формулахъ составляло, конечно, одно изъ достоинствъ римскаго jus civile, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и великимъ его недостаткомъ. Оно дѣлало изъ римскаго права настоящее воплощеніе идеи физической силы, придавало ему тотъ суровый формализмъ и ту безпощадную логику, которые рѣшительно не допускали усвоенія его другими народами. Гражданское право Римлянъ должно было значительно смягчиться, чтобы получить всемірное значеніе, чтобы другіе народы могли воспользоваться богатыми плодами римской юридической жизни, и своимъ измѣненіемъ въ этомъ смыслѣ оно обязано исключительно силѣ международныхъ отношеній, въ которыя вступалъ Римъ и которыя заставляли его отказаться отъ первоначальныхъ, хотя и послѣдовательныхъ, но узкихъ юридическихъ воззрѣній.

Международныя отношенія древнихъ Римлянъ, какъ и другихъ народовъ, не могутъ быть поняты правильнымъ образомъ безъ уясненія и опредѣленія внутреннихъ порядковъ, господствовавшихъ въ общественной и государственной ихъ жизни. Дружескія и враждебныя сношенія, которыя существовали между „вѣчнымъ городомъ“ и другими народами, всегда находились подъ замѣтнымъ вліяніемъ этихъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи политическая исторія римскаго народа представляетъ двѣ существенно различныя эпохи — время республиканскаго управленія и періодъ имперіи, которыя не сходны между собою не только по государственнымъ учрежденіямъ, но также въ спеціальномъ своемъ характерѣ, въ свою очередь отразившемся на международныхъ отношеніяхъ Рима. Каждый изъ этихъ періодовъ мы разсмотримъ отдѣльно.

§ 12. Въ эпоху римской республики могущественное вліяніе на политику сената и на всѣ отношенія Римлянъ къ другимъ народамъ оказывала происходившая въ Римѣ упорная борьба между

prozess zur Zeit der Legisactionen. Berlin 1872. S. 222. Cp. Dirksen. Uebersicht der Versuche zur Erklärung der XII Tafelgesetze, S. 262. Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts, § 69.

патриціями и плебеями, между бѣдными и богатыми классами римскаго населенія. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ, откуда явились плебеи и чѣмъ вызвана была ихъ оппозиція сословію патриціевъ. Можно согласиться съ новѣйшими романистами, что классъ плебеевъ въ большинствѣ состоялъ изъ потомковъ тѣхъ побѣжденныхъ Римлянами народовъ, которые силою оружія вынуждены были сдѣлаться частью римскаго государства [1]). Такое происхожденіе плебеевъ поставило ихъ въ тяжелое, безправное и подчиненное въ отношеніи патриціевъ положеніе. Выходомъ изъ него могла быть только настойчивая и непрерывная борьба, къ которой и обратились плебеи, домогаясь политической и гражданской равноправности съ господствующимъ классомъ. Борьба эта проходитъ различныя фазы. Руководимые сознаніемъ своего личнаго интереса, патриціи мало-по-малу уступали законнымъ требованіямъ своихъ противниковъ и, наконецъ, согласились на полное уравненіе правъ плебеевъ съ своими привилегіями.

Послѣдовательныя уступки, которыя дѣлали патриціи въ пользу плебейскаго сословія, находятся въ тѣсной связи съ постепеннымъ измѣненіемъ отношеній Римлянъ къ другимъ народамъ. По мѣрѣ того, какъ въ Римѣ смягчался антагонизмъ между борющимися общественными классами, по мѣрѣ того какъ римское государство становилось все болѣе и болѣе единымъ по соціальному своему строю и общественнымъ интересамъ, усиливается и политическое могущество римской республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и успѣхи ея завоевательной политики не только въ Италіи, но и далеко за ея предѣлами. Сліяніе патриціевъ съ плебеями приводитъ къ тому, что Римъ достигаетъ полнаго внутренняго своего развитія, дѣлается владыкой цѣлаго міра, и до тѣхъ поръ замкнутый и нетерпимый къ другимъ народамъ является въ полномъ смыслѣ слова космополитическимъ въ области международныхъ отношеній. Рес-

[1]) Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte (Berlin. 1849), Bd. I, S. 66 flg. Fustel de Coulanges. La cité antique, p. 297 et suiv. Walter. Geschichte des römischen Rechts, Bd. I, S. 27 flg.

публиканскій Римъ позднѣйшаго времени представляетъ намъ полное единство въ государствѣ главнѣйшихъ общественныхъ стремленій и классовъ. Паденіе международнаго могущества Рима начинается съ момента разложенія римскаго общества.

Историческая задача, которую предстояло разрѣшить Римлянамъ, сама по себѣ устраняла возможность мирныхъ международныхъ сношеній и была отрицаніемъ международнаго права. Она предполагала нескончаемыя враждебныя столкновенія Рима со всѣми народами, которые не хотѣли преклониться предъ его могуществомъ и признать его власть. Согласно съ этимъ, исторія международныхъ отношеній Римлянъ, въ эпоху республики, представляетъ собственно одинъ рядъ войнъ, предпринятыхъ ими съ завоевательными цѣлями, сначала въ Италіи, а затѣмъ и за ея предѣлами. Войны эти, можно сказать, не прерывались миромъ. Тѣ такъ называемые мирные трактаты, которые въ это время заключалъ сенатъ, въ дѣйствительности были перемирія, служившія для Рима переходною ступенью къ окончательному порабощенію своихъ противниковъ [1]).

Въ послѣдовательномъ ходѣ этихъ завоеваній Римляне руководились не одинаковою политикой по отношенію ко всѣмъ народамъ: одни подчинялись безусловно суровому закону побѣдителя, съ полнымъ уничтоженіемъ ихъ независимости и правъ; напротивъ, другіе и по завоеваніи сохраняли извѣстныя преимущества и скорѣе соединялись съ Римомъ, нежели испытывали тяжелую судьбу побѣжденныхъ. Къ первымъ принадлежали преимущественно народы, отдаленные отъ Рима, жившіе внѣ Италіи, ко вторымъ — населеніе Итальянскаго полуострова [2]).

Политика римскаго сената въ отношеніи итальянскихъ народовъ вообще отличалась благоразумной осторожностью и умѣренностью. Этого требовалъ, прежде всего, собственный интересъ Римлянъ: если

---

[1]) Ward. Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations in Europe London 1795, t. I, p. 192.

[2]) Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts, § 79.

они хотѣли продолжать свои завоеванія, то, конечно, должны были озаботиться безопасностью ближайшихъ своихъ границъ и не окружать себя врагами, которые при первой же неудачѣ Рима возстали бы противъ него. Кромѣ того, различныя спеціальныя причины также содѣйствовали тому, что народы Италіи, сравнительно съ неитальянскимъ населеніемъ, заняли привилегированное положеніе подъ римскою властью: Латиняне, Самнитяне и другія племена, населявшія Италію, были одного происхожденія съ Римлянами, имѣли общій съ ними языкъ, сходныя религіозныя воззрѣнія, нравы и обычаи. Эти условія склонили Римъ къ уступчивости въ пользу непосредственныхъ своихъ сосѣдей и соплеменниковъ. На этомъ основаніи итальянскіе города, покоренные Римлянами, получили отъ своихъ побѣдителей права муниципій (jus municipii). Жители муниципальныхъ городовъ могли свободно пребывать въ Римѣ, заниматься здѣсь безопасно промыслами и торговлей, и вообще пользоваться опредѣленными правами (jus connubii и jus commercii) наравнѣ съ римскими гражданами [1]).

Однако, муниципальныя права итальянскихъ городовъ не долго сохраняли свое значеніе привилегій. По мѣрѣ усиленія внутренняго могущества Рима и распространенія римскаго владычества внѣ Италіи, эти права жаловались также жителямъ различныхъ римскихъ провинцій; съ другой стороны, всѣ народы, которые въ началѣ находились подъ властью Рима на договорныхъ условіяхъ, впослѣдствіи подчинились его закону, волѣ римскаго сената.

Съ окончательнымъ завоеваніемъ итальянскихъ государствъ, международныя отношенія римской республики расширились: она приступила къ завоеванію тѣхъ отдаленныхъ отъ Рима земель, которыя получили названіе римскихъ провинцій. Разсматривая тѣ начала, которыми руководился римскій народъ по отношенію къ государствамъ и племенамъ, занимавшимъ эти области, легко замѣтить

---

[1]) Marquardt. Römische Staatsverwaltung. Leipzig 1873. Bd. I, S. 23. Но жители муниципій не имѣли въ Римѣ политическихъ правъ: ни jus suffragii, ни jus honorum.

коренную перемѣну въ его политикѣ, заключающуюся въ томъ, что международныя его отношенія опредѣляются теперь исключительно сознаніемъ политической его силы и превосходства надъ всѣми другими народами, и согласно съ этимъ побѣжденные становятся къ нему въ положеніе совершенно безправное, подчиненное неограниченному произволу завоевателя. Это измѣненіе римской политики отразилось на международныхъ трактатахъ и актахъ, въ которые вступалъ римскій сенатъ съ иностранными государствами, какъ не подчиненными римской власти, такъ и завоеванными.

§ 13. Съ точки зрѣнія международнаго права, наиболѣе важное значеніе имѣютъ тѣ соглашенія Римлянъ съ другими народами, которыя заключались на началахъ равенства и взаимности (foedera aequa). Трактаты этого рода совершались или съ вполнѣ независимымъ народомъ, дружбою котораго интересовался Римъ, или съ противникомъ, котораго онъ не въ силахъ былъ окончательно побѣдить и сдѣлать для себя безопаснымъ. Съ такими народами Римляне заключали договоры союза, мира, дружбы и гостепріимства, на основаніи которыхъ подданные той и другой стороны имѣли въ предѣлахъ территоріи союзника извѣстныя права, дававшія возможность мирнаго пребыванія и дѣятельности въ дружественной иноземной странѣ [1]). Но трактаты, по названію равные, далеко не всегда дѣйствительно отличались этимъ характеромъ. Таковы были заключаемые Римлянами союзные трактаты, которые обыкновенно предписывали обязанности и права только въ пользу Римлянъ безъ всякихъ соотвѣтственныхъ обязательствъ съ ихъ стороны. При этомъ замѣчательно слѣдующее явленіе: по мѣрѣ успѣховъ римскаго оружія, по мѣрѣ возрастанія силы Рима, число такихъ неравныхъ договоровъ (foedera non aequa) увеличивается, и, обратно, все рѣже и рѣже встрѣчаются трактаты мира, дружбы и гостепріимства. Явленіе это объясняется тѣмъ, что болѣе

---

[1]) Marquardt. Römische Staatsverwaltung. Bd. I, S. 24. Такіе трактаты устанoвляли международныя отношенія, извѣстныя въ древней Греціи подъ названіемъ изополитія.

и болѣе расширявшіеся предѣлы римскаго владычества въ томъ же размѣрѣ сокращали международныя отношенія Рима, съ другой стороны, его сила и могущество постепенно возросли до того, что уже не находили болѣе соперниковъ, которые могли бы съ нимъ бороться. Поэтому къ концу республиканскаго времени всѣ означенные договоры уступаютъ мѣсто римскому закону, который предписывается другимъ народамъ и который не допускаетъ ни сдѣлокъ, ни соглашенія: законъ одинъ опредѣляетъ положеніе, права и обязанности народовъ, завоеванныхъ римскимъ оружіемъ. Таковъ результатъ международной политики республиканскаго Рима [1]).

§ 14. Отсюда видно, что Римляне временъ республики, въ принципѣ не должны были допускать ни мирныхъ международныхъ сношеній, ни тѣмъ болѣе порядка и права, которое бы ихъ регулировало. Но было бы ошибочно думать, что они въ дѣйствительности не имѣли подобныхъ сношеній; что они признавали права только за собою и исключали иностранцевъ отъ пользованія защитой и покровительствомъ своихъ законовъ и суда, что, словомъ, каждый иностранецъ въ предѣлахъ Рима былъ дѣйствительно врагъ. Нѣтъ, подобно всему древнему міру, и римскій народъ не былъ послѣдователенъ въ области международныхъ отношеній. Сила обстоятельствъ и потребностей, стоявшихъ выше его воли, заставляла его не только отказываться отъ вражды къ другимъ народамъ, но и признавать за нимъ извѣстные права, создавать въ пользу его подданныхъ особыя учрежденія, наконецъ, въ виду международныхъ сношеній, даже измѣнить свое строгое гражданское право.

Суровыя юридическія отношенія Римлянъ къ иностранцамъ, какъ они были опредѣлены въ законахъ XII таблицъ, съ теченіемъ времени значительно смягчились подъ вліяніемъ слѣдующихъ главныхъ условій.

Благодаря разнообразнымъ сношеніямъ, оборотамъ и сдѣлкамъ, которые происходили между частными лицами, римскими гражданами и подданными другихъ государствъ, въ Римѣ скоро возникла

[1]) Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts, § 58.

потребность найти какой-либо выходъ изъ того формальнаго юридическаго порядка, установленнаго строгимъ римскимъ правомъ, согласно которому всѣ такія сношенія и сдѣлки стояли внѣ закона. Ближайшимъ исходомъ изъ этого ненормальнаго положенія вещей явилось частное гостепріимство, на основаніи котораго каждый иностранецъ, находившійся въ Римѣ, могъ выбрать изъ среды римскихъ гражданъ патрона, который былъ по отношенію къ гостю покровителемъ и защитникомъ всѣхъ его правъ. Съ развитіемъ сношеній съ иностранцами и особенно съ распространеніемъ знакомства съ греческой культурой и цивилизаціей, въ римскомъ обществѣ складывается взглядъ, что гостепріимство есть высшая добродѣтель, какою только можетъ гордиться каждый образованный гражданинъ [1]). Отъ общества и отдѣльныхъ лицъ это высокое понятіе о гостепріимствѣ не замедлило перейти къ правительству и, наконецъ, получило свою санкцію въ законѣ.

Римское право формулировало рядъ положеній, опредѣлявшихъ обязанности уже государства по отношенію къ подданнымъ тѣхъ народовъ, которые имѣли титулъ „друзей римскаго народа“ (amici populi Romani). На основаніи jus hospitii, каждый членъ такого дружественнаго народа считался гостемъ римскаго государства, онъ жилъ на счетъ государственной казны и пользовался особыми почестями, предписываемыми закономъ. Но это особенное покровительство жаловалось только тѣмъ народностямъ, которыя жили въ Италіи или въ предѣлахъ римскихъ провинцій; Римъ никогда не входилъ въ подобныя отношенія съ варварами.

Укоренившійся въ обществѣ и признанный закономъ институтъ гостепріимства вызвалъ дальнѣйшія обезпеченія правъ и интересовъ иностранцевъ, которые находились въ Римѣ. Обезпечивая личную и имущественную неприкосновенность гостя, онъ не давалъ однако

---

[1]) Mommsen, Römische Forschungen, S. 321 flg. S. 321: „Hostis ist der Ausländer, der auf Rechtsschutz Anspruch macht“ Laurent. Histoire, t. III, p. 66 et suiv. Срав. Eustatziu. De la condition des étrangers en droit romain, en droit français et en Roumanie. Paris 1880, chap. II.

средствъ для судебной охраны его интересовъ. Споры, возникавшіе между иностранцами другъ съ другомъ и между ними и римскими гражданами, не подлежали вѣдѣнію городскаго претора (praetor urbanus), потому что de jure онъ не зналъ иностранцевъ, и jus civile не давало ему никакихъ правилъ для разрѣшенія ихъ тяжбъ. Патронъ, въ качествѣ покровителя гостя, получалъ право иска (legis actio) въ римскихъ судахъ въ пользу иностранца. Наконецъ, благодаря усилившимся мирнымъ сношеніямъ Рима съ другими народами, въ немъ была учреждена особая должность— praetor qui inter peregrinos jus dicit—спеціально для разбирательства тяжбъ, въ которыхъ были замѣшаны интересы иностранныхъ подданныхъ[1]).

Если иностранцы находили покровительство и обезпеченіе своихъ правъ въ предѣлахъ Рима, стоявшее въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми основными принципами римскаго государственнаго строя и законодательства, то потому только, что Римляне нуждались въ сношеніяхъ съ другими народами. Развивающіяся потребности общества, матерьяльныя и духовныя, не находили болѣе удовлетворенія ни въ стѣнахъ „вѣчнаго города“ съ его окрестностями, ни даже въ предѣлахъ итальянскихъ земель; онѣ вызывали дѣятельныя мирныя и торговыя сношенія Рима съ провинціями и даже съ отдаленнымъ Востокомъ. Въ этомъ отношеніи войны и завоеванія Римлянъ служили орудіемъ не только порабощенія другихъ народовъ, но и сближенія съ ними, ознакомленія съ ихъ культурой и цивилизаціей, продуктами ихъ умственной и промышленной дѣятельности, которые переходили въ Римъ и становились здѣсь предметами потребностей и жизненнаго обихода гражданъ.

Былъ ли римскій народъ по преимуществу земледѣльческимъ, какъ утверждаютъ одни писатели, или торговымъ, какъ полагаютъ другіе,—для насъ не важно[2]). Но на основаніи несомнѣнныхъ исто-

---

[1]) Voigt. Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer. (Lpz. 1858). Bd. IV, S. 40 flg. Mommsen. Römisches Staatsrecht, Bd. II, Abth. I, S. 179. Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts, § 68. Holtzendorff. Handbuch § 60.

[2]) Arnold. Cultur und Recht der Römer, S. 9 flg.

рическихъ данныхъ можно утверждать, что Римляне относились съ презрѣніемъ ко всѣмъ торговымъ сдѣлкамъ и предпріятіямъ, боялись судоходства и мореплаванія и раздѣляли взглядъ, господствовавшій въ древности, что море есть преграда, воздвигнутая между народами самой природой. Но не принимая активнаго участія въ торговыхъ сношеніяхъ, они вполнѣ сознавали необходимость ихъ для Рима; торговля обезпечивала продовольствіе римскаго населенія и давала возможность поддерживать тотъ комфортъ и изысканную роскошь, которые высоко цѣнились римскими аристократами уже въ республиканское время. Эти причины побудили Римлянъ если не отказаться отъ своихъ предразсудковъ по отношеніи къ торговой дѣятельности, то покровительствовать ея развитію путемъ обезпеченія правъ коммерсантовъ въ самомъ Римѣ и оказывать имъ помощь за его предѣлами. Такъ, чтобы очистить Средиземное море отъ морскихъ разбойниковъ, часто прекращавшихъ всякое сообщеніе столицы съ провинціями, Римъ предпринималъ неоднократно войны противъ пиратовъ, и ему удалось значительно ограничить развитіе морского разбоя, процвѣтавшаго въ древности [1]).

Наконецъ, нельзя не указать еще на одинъ изъ тѣхъ многихъ фактовъ, которые выводили Римъ изъ его уединенія и побуждали къ мирнымъ сношеніямъ съ другими народами—устройство колоній [2]). Римскія колоніи значительно отличались отъ греческихъ. Онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ не политическимъ смутамъ внутри государства, какъ греческія, но соображеніямъ административнымъ, видамъ лучшаго управленія отдаленныхъ отъ Рима и только-что завоеванныхъ имъ областей. Съ этою цѣлью сюда посылались римскіе лигіоны и граждане, которые получали въ собственность часть земли покореннаго народа и обязаны были наблюдать за миромъ въ своемъ округѣ. Такимъ образомъ составъ и назначеніе римскихъ колоній были военные; колоніи служили „оплотомъ римскому могуществу“, какъ выражается о нихъ Цицеронъ. Но въ

[1]) Ср. Laurent. Histoire, t. III, p. 247 et suiv.
[2]) Marquardt. Römische Staatsverwaltung. Bd. I, § 35.

дѣйствительности, подобно колоніямъ Греціи, онѣ имѣли также большое культурное и образовательное значеніе: онѣ распространяли среди завоеванныхъ народовъ римское просвѣщеніе, римскій языкъ, политическія и особенно юридическія воззрѣнія Римлянъ, обычаи, права и проч.

§ 15. Періодъ императорскаго самодержавія существенно отличается какъ во внутреннихъ, такъ и международныхъ отношеніяхъ отъ эпохи республиканскаго Рима. Когда императорская власть смѣнила республику, римскій народъ уже разрѣшилъ свою историческую задачу. Почти весь orbis terrarum подчинялся его власти, и „вѣчный городъ“ озабочивали теперь болѣе междоусобія внутри его владѣній, чѣмъ новыя завоеванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ внутренней его жизни запечатлѣнъ такимъ широкимъ космополитическимъ взглядомъ на отношенія между народами, входившими въ его составъ, который не встрѣчается ни въ какой другой періодъ древности, ни въ средніе вѣка и который снова получаетъ право гражданства только въ новѣйшее время [1]).

Въ эпоху имперіи завершилось то общественное и государственное объединеніе различныхъ подчиненныхъ Риму земель, начало которому было положено еще во время республики. Благодаря высокой культурѣ и цивилизаціи римскаго народа, его языкъ, образованіе, политическія и правовыя возрѣнія быстро усваивались въ провинціяхъ, и въ императорское время, въ культурномъ и соціальномъ отношеніи, провинціалы уже ничѣмъ не отличались отъ Римлянъ и Итальянцевъ. Единственное отличіе, которое продолжало еще ихъ раздѣлять, заключалось въ политическомъ неравенствѣ, которое упорно отстаивала патриціальная знать. Однако римскіе императоры и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые вышли изъ среды демократовъ, мало по малу стерли и это послѣднее различіе между побѣдителями и побѣжденными; одинъ за другимъ они распространяли права гражданства, принадлежавшія римскому и итальянскому

---

[1]) Ср. Laurent. Histoire, III, p. 275: „L'empire romain donne la paix au monde: mais cette paix était plus apparente que réelle“.

населенію, на отдѣльные провинціальные города и области. Наконецъ, конституція Антонина Каракаллы совершенно уравняла въ политическихъ правахъ все безъ исключенія римское населеніе.

Такимъ образомъ, въ результатѣ императорскій Римъ представлялъ одно внутренне-сплоченное и политически-организованное тѣло, всѣ части котораго подчинялись однообразнымъ законамъ, суду и администраціи. Поэтому о международныхъ отношеніяхъ внутри римской имперіи собственно не можетъ быть болѣе рѣчи: всѣ сношенія, которыя совершались между отдѣльными ея частями, въ границахъ ея территоріи, происходили теперь не между членами различныхъ народовъ, но подданными одного государства. Что касается сношеній ея съ европейскими варварами и азіатскими народами, Риму не подчиненными, то они имѣли отрывочный, случайный и исключительный характеръ.

Въ заключеніе очерка международныхъ отношеній древнихъ Римлянъ, остается рѣшить вопросъ: знали ли они международное право, права и обязанности, которыя должны быть уважаемы во взаимныхъ сношеніяхъ между государствами? Рѣшеніе этого вопроса не представляетъ исключительно историческій или чисто научный интересъ, но имѣетъ и большую практическую важность, потому что до настоящаго времени многіе писатели по международному праву находятъ возможнымъ искать у римскихъ юристовъ основанія для разрѣшенія не только различныхъ юридическихъ вопросовъ, которые возникаютъ въ сферѣ гражданскаго оборота между частными лицами, подданными различныхъ государствъ, но и недоразумѣній и споровъ между самими государствами, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ [1]).

Мы разсмотримъ главнѣйшіе доводы, приводимые въ пользу того, что

---

[1]) Phillimore. Commentaries upon the International Law, t. I, p. 31: „The Roman law may in truth be said to be the most valuable of all aids to a correct and full knowledge of international jurisprudence of which it is indeed, historically speaking, the actual basis". Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts. S. 134: Das Völkerrecht wurde in Rom zum Gesetz".

римскій народъ и его юристы имѣли понятіе о международномъ правѣ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Во время республики и еще ранѣе, въ Римѣ была извѣстна особая отрасль права, такъ-называемое jus feciale, содержаніе котораго составляли различные формулы и обряды, примѣняемые, въ случаѣ объявленія римскимъ сенатомъ войны или заключенія трактатовъ, особымъ классомъ жрецовъ-феціаловъ, которые играли роль представителей Римлянъ въ ихъ международныхъ сношеніяхъ. На этомъ основаніи нѣкоторые ученые полагали, что отношенія древнихъ Римлянъ къ другимъ народамъ опредѣлялись началами права, что вмѣшательство феціаловъ предупреждало несправедливыя войны и обезпечивало соблюденіе договоровъ [1]). По мнѣнію защитниковъ этого взгляда, феціалы были не только посредники въ переговорахъ своего государства съ другими народами, но и рѣшители вопросовъ войны и мира.

Однако, этого высокаго мнѣнія о феціалахъ источники не подтверждаютъ; они не даютъ ни одного примѣра, чтобы феціалы когда-либо отказывались отъ исполненія предписаній, данныхъ имъ сенатомъ или консулами; напротивъ, они всегда соглашались съ ними. Отсюда мы должны заключить, что или всѣ войны Римлянъ съ другими народами были справедливы и разумны, или что феціалы всегда были убѣждены въ совершенной законности этихъ войнъ и согласіи ихъ съ правомъ. Но трудно допустить какъ то, такъ и другое; по крайней мѣрѣ исторія показываетъ, что далеко не всѣ римскія войны основывались на правдѣ и справедливости. Поэтому должно согласиться съ другимъ взглядомъ, именно что феціалы исполняли въ извѣстныхъ случаяхъ торжественные обряды, предписываемые феціальнымъ правомъ, какъ должностныя лица, безъ всякой оцѣнки причинъ и мотивовъ, ихъ вызывавшихъ, и что, слѣдовательно, самое примѣненіе феціальнаго права было лишь пустою обрядностью, свидѣтельствовавшею о крайнемъ формализмѣ римскаго народа, но никакъ не о сознаніи имъ необходимости права и порядка въ международныхъ отношеніяхъ [2]). Нисколько также не убѣдительны заключенія, выводимыя изъ существованія у Римлянъ извѣстныхъ понятій относительно неприкосновен-

[1]) Hugo Grotius. De jure belli ac pacis (ed. 1746), lib. II, cap. XXIII, IV.: „ita sententiarum eas sequendas quae plurimis praestantissimisque nitantur auctoribus. Sic Romani veteres non nisi consulto collegio fecialium ad id instituto, Imperatores Christiani vix nisi auditis Episcopis, bella suscipiebant, ut si quid esset quod religionem posset injicere, ejus monerentur“. Ward. Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations, t. I, p. 189.

[2]) О дѣйствительномъ значеніи римскихъ феціаловъ см. Marquardt. Römische Staatsverwaltung, Bd. III, S. 398 flg. Срав. также Weiss. Le droit fétial et les fétiaux à Rome. Paris 1885.

ности личности посланниковъ (legati) [1]). Римляне сами отправляли и принимали у себя посольства отъ иностранныхъ государствъ. Но они сознавали ихъ личную неприкосновенность настолько, насколько сознаютъ ее всѣ народы, даже полудикія племена внутренней Африки.

Въ темныхъ извѣстіяхъ, дошедшихъ до насъ о древнихъ международныхъ третейскихъ судьяхъ, называемыхъ recuperatores, точно также нельзя видѣть доказательства, что послѣдніе знали международное право. Подъ именемъ recuperatores разумѣлись лица, избиравшіяся римскимъ народомъ и другимъ, съ которымъ онъ вступалъ въ договоръ, для рѣшенія какъ вообще споровъ, которые возникли бы между подданными этихъ народовъ, такъ и недоразумѣній между самими государствами, порожденныхъ исполненіемъ договора. Впрочемъ, и права, и обязанности, и самое назначеніе такихъ судей представляются, на основаніи источниковъ, крайне неопредѣленными. Несомнѣнно одно, что они учреждались не иначе, какъ на основаніи и по поводу заключенія трактатовъ и, слѣдовательно, если и допустить, что случаи ихъ назначенія дѣйствительно имѣли мѣсто, то вызывались исключительными обстоятельствами и бывали рѣдко. Въ качествѣ судей между подданными различныхъ государствъ, recuperatores сдѣлались излишними, когда сталъ развивать свою судебную дѣятельность praetor peregrinus, разбиравшій всѣ тяжбы, въ которыхъ участвовали иностранцы [2]).

Повидимому, наиболѣе убѣдительнымъ доводомъ въ пользу того, что Римляне знали международное право, служитъ римское jus gentium. Дѣйствительно, существованіе этого „права народовъ" даетъ основаніе даже весьма компетентнымъ современнымъ писателямъ поддерживать мнѣніе, что jus gentium древнихъ Римлянъ есть современное международное право цивилизованныхъ народовъ [3]). Но на самомъ дѣлѣ смыслъ и значеніе jus gentium совершенно другіе.

Какъ извѣстно, первоначальныя юридическія воззрѣнія Римлянъ, ихъ строгое jus civile отличались духомъ крайней исключительности и варварства, которыя не давали возможности ни примѣнять римскіе законы къ иностранцамъ, ни распространить ихъ среди другихъ народовъ, которые подчинились Риму. Однако, мало по малу, подъ вліяніемъ развивающихся между-

---

[1]) Caesar. De bello Gallico, III, 9: „Legati, quod nomen apud omnes nationes sanctum inviolatumque fuisset." Срав. Müller-Jochmus. Geschichte, S. 150, § 71.

[2]) Sell. Die Recuperation der Römer. Bonn 1837, S. 13 9 flg. Voigt. Das jus naturale, aequum et bonum, IV, 136. Karlowa. Der römische Civilprocess zur Zeit der Legisactionen. Cap. V: Die Recuperationsprozesse. Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts. S. 145. Laurent. Histoire, t. III, p. 29.

[3]) См. также Voigt. Das jus naturale etc., Bd. II, Abth. I, S. 24. Anmerkung.

народныхъ сношеній, эти возрѣнія измѣнялись, и узко-національное римское гражданское право все болѣе и болѣе принимало универсальный характеръ. По мѣрѣ того какъ римляне распространяли свое владычество и приходили въ соприкосновеніе съ другими народами, съ ихъ политическими учрежденіями, законами и обычаями, римскіе юристы все болѣе убѣждались, что тѣ правовыя начала, которыя они считали исключительно своими, существуютъ также у другихъ народовъ, съ которыми Римляне никакихъ сношеній не имѣли, которыхъ они презирали и противъ которыхъ вели безпощадную войну. На основаніи этого опыта они увидѣли, что кромѣ гражданскаго права, свойственнаго опредѣленному народу, существуютъ еще общіе принципы этого права, опредѣляющіе семейныя, имущественныя и обязательственныя отношенія существенно одинаково у всѣхъ народовъ—право народовъ, jus gentium [1]). Такое общенародное право имѣетъ своимъ источникомъ, очевидно, не законодательную власть, но естественный разумъ (naturalis ratio), т. е. человѣческую природу, ея законные интересы и потребности. Понятно само собой, что чѣмъ болѣе римскіе юристы проникались сознаніемъ общности правовыхъ понятій у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе въ примѣненіи своего jus civile они отказывались отъ строгаго, формальнаго его истолкованія, тѣмъ болѣе голосъ справедливости (aequitas) получалъ перевѣсъ надъ строгимъ правомъ (jus strictum).

Отсюда слѣдуетъ, что jus gentium играло огромную роль въ исторіи развитія римскаго права. Принявъ въ себя общечеловѣческія начала, лежащія въ основаніи права всѣхъ народовъ, оно распространилось не только въ древнемъ мірѣ, но и сдѣлалось источникомъ гражданско-правовыхъ законовъ и всего юридическаго образованія современныхъ образованныхъ народовъ. Но jus gentium имѣетъ своимъ предметомъ не международныя отношенія, но совокупность основныхъ правовыхъ принциповъ, опредѣляющихъ отношенія между частными лицами и общихъ всѣмъ народамъ [2]). Поэтому оно не можетъ служить ни доказательствомъ существованія международнаго права въ древнемъ мірѣ, ни тѣмъ болѣе источникомъ, изъ котораго могли бы быть почерпнуты начала для опредѣленія современныхъ международныхъ отношеній [3]).

[1]) Извѣстно классическое опредѣленіе jus gentium у Гая (Inst. I, 1): „Quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur. Et populus itaque Romanus partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utitur“. Срав. fr. 17 D. 50, 7. De legationibus.

[2]) Срав. Savigny. System, Bd. I. S. 111. § 22. См. также о понятіи „jus gentium“ превосходный трудъ Voigt. Die Lehre vom jus naturale, aequum etc. Bd. I, 64 flg.; 399 flg.

[3]) Видѣть въ абстрактныхъ разсужденіяхъ Цицерона (De officiis, I, 11; De legibus, III, 20), цѣлую „теорію международнаго права“, какъ Wheaton (Histoire, I, 17) и Calvo (Droit international, I, 3), намъ кажется совершенно невозможнымъ.

B. Средніе вѣка.

§ 16. Исторію народовъ древняго міра и международныя ихъ отношенія можно прослѣдить съ момента появленія этихъ народовъ до самой ихъ смерти. Несравненно труднѣе опредѣлить основанія господствовавшихъ въ средніе вѣка международныхъ порядковъ, когда зародились нынѣ существующія цивилизованныя государства и возникли начала современной международной системы.

Въ V столѣтіи Западная Римская имперія пала, и мѣсто ея заняли варвары, пришедшіе съ Сѣвера Европы [1]). Участь, которая постигла могущественнѣйшую изъ монархій древности, была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ внутренняго ея упадка. Подчинивъ своей власти весь древній міръ, народъ-завоеватель остановился въ своемъ общественномъ и государственномъ развитіи и не могъ сохранить то международное значеніе, которое ему принадлежало въ предшествующую эпоху.

Императорскій Римъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ ниже Рима республиканскаго. Тотъ миръ, которымъ повидимому наслаждалась имперія, въ дѣйствительности былъ процессомъ ея разложенія и признакомъ наступающей смерти. Римская имперія сама давала доказательства полнѣйшаго своего безсилія нравственнаго, экономическаго и политическаго. Уже въ республиканское время между римскими гражданами стало замѣтно утомленіе военной лужбой и отвращеніе къ ней. Юлій Цезарь былъ вынужденъ обращаться къ своимъ врагамъ—варварамъ, чтобы изъ нихъ устраивать свои легіоны (laeti). Въ императорскую эпоху германскія дружины составляли лучшее римское войско и служили единственной опорой императорскому трону [2]). Мало того, деморализація и вымираніе римскаго населенія дошли въ имперіи до такихъ размѣровъ, что не оказалось достаточно рукъ для обработки земли, и императорское правительство не находило другого средства поддержать падавшее земледѣліе, какъ помощь тѣхъ же варваровъ: оно вызывало изъ нихъ среды коло-

---

[1]) Здѣсь не мѣсто разбирать различныя теоріи происхожденія феодализма и о причинахъ паденія Западной Римской имперіи. Оригинальный взглядъ Fustel de Coulanges (Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris 1878, t. I, p. 317 et suiv.) становится въ разрѣзъ со многими положительными фактами.

[2]) Laurent. Histoire du droit des gens, t. V, p. 40 et. suiv. Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques, p. 345.

пистовъ для заселенія и воздѣлыванія пустынныхъ римскихъ земель (coloni). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Западной Имперіи, въ самомъ сердцѣ ея, сосредоточивались все большія и большія массы бывшихъ ея враговъ, которые, сдѣлавшись фактическими распорядителями римскаго государства, не замедлили уничтожить самое званіе императора и подѣлить его власть между своими королями [1]).

Паденіе Западной Римской Имперіи и окончательное раздѣленіе Римской Имперіи имѣло своимъ результатомъ раздѣленіе древняго цивилизованнаго міра на двѣ половины, историческая судьба и международная роль которыхъ существенно различались. Восточная или Византійская имперія, въ особенности послѣ отдѣленія греческой церкви отъ римской, совершенно изолировалась отъ западно-европейскихъ народовъ и нашла поприще для достиженія самостоятельныхъ политическихъ цѣлей въ Восточной Европѣ и Малой Азіи. Завоеваніе въ XV столѣтіи Константинополя Турками еще болѣе расширило пропасть, отдѣлявшую жизнь народовъ юго-восточной Европы отъ государственныхъ и международныхъ порядковъ, выработавшихся въ Западной Европѣ.

Кто были тѣ народы, которые заняли на Западѣ Европы мѣсто цивилизованныхъ Римлянъ и которые извѣстны въ исторіи подъ общимъ именемъ варваровъ? Характеристика этихъ народовъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію соціальнаго и политическаго устройства средневѣковыхъ государствъ, равно какъ и международныхъ ихъ отношеній [2]).

Варвары, уничтожившіе Западную Римскую имперію и поселившіеся въ ея предѣлахъ, принадлежали къ германскому племени. Подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, они отличались безграничнымъ уваженіемъ къ физической силѣ и видѣли въ ней источникъ всякаго права и основаніе частныхъ и общественныхъ отношеній. По понятіямъ древнихъ Германцевъ, право на существованіе могъ имѣть только тотъ, кто былъ въ состояніи охранить его собственными силами. Уваженіе къ силѣ отражалось и на порядкѣ правосудія варваровъ: спорныя имущественныя дѣла разрѣшались у нихъ судебнымъ поединкомъ; преступленіе было исключительно нарушеніемъ

[1]) Fustel de Coulanges. Histoire p. 369: „L'empire romain ne fut donc pas renversé par ceux qui l'attaquaient, il le fut par ceux qui s'étaient faits ses soldats“.

[2]) Срав. классическій трудъ Thierry. Histoire de la conquête de l'Angletterre par les Normands. Paris 1825.

*

интересовъ потерпѣвшаго лица и ближайшихъ къ нему лицъ. Неограниченное господство силы, характеризующее древній бытъ германскихъ народовъ, вполнѣ отразилось на феодальномъ порядкѣ.—Другая выдающаяся особенность варваровъ заключалась въ стремленіи къ индивидуальной свободѣ. Готы, Франки, Вандалы, и другія германскія племена были проникнуты идеей, которая не находила признанія въ древнемъ мірѣ, но которая лежитъ въ основаніи современной цивилизаціи и культуры, — идеей личности и ея права. Если народы античнаго міра присвоивали права только гражданину и если въ древности человѣкъ исчезалъ въ государствѣ, то среди варваровъ, напротивъ, каждый свободный человѣкъ считалъ себя лицомъ, которому принадлежали извѣстныя права. Человѣкъ самъ по себѣ былъ субъектомъ правъ и носилъ съ собою эти права, куда-бы ни явился. Послѣднія опредѣлялись началомъ личности, но не мѣстными или территоріальными законами. Въ послѣдовательномъ своемъ проведеніи начало личности уничтожаетъ государство. Съ точки зрѣнія безусловной индивидуальной свободы, которая составляла идеалъ варваровъ, общественный и государственный порядокъ долженъ былъ разсматриваться какъ преграда, окова, стѣсняющая человѣческую личность. Для варваровъ — человѣкъ, его личная свобода, его права были все; государство — ничто [1]). Этотъ принципъ индивидуализма породилъ тѣ центробѣжныя въ общественномъ и государственномъ отношеніи стремленія средневѣковыхъ народовъ, которыя наложили свой отпечатокъ на всю феодальную жизнь Западной Европы. Но если преобладаніе личнаго начала заставляло исчезать въ средніе вѣка соціальный порядокъ и государственную власть, то съ другой стороны, въ признаніи и осуществленіи этого начала нельзя не видѣть огромнаго прогресса какъ для общественной и государственной жизни, такъ и для международныхъ отношеній. Уваженіе къ личности, ея интересамъ и правамъ должно необходимо лежать въ основаніи всякаго порядка. Задача исторической жизни западно-европейскихъ народовъ — уста-

---

[1]) Savigny. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I, cap. III.

новленіе правильныхъ взаимныхъ отношеній между личностью и общественной властью — могла получить разрѣшеніе только благодаря варварамъ, впервые внесшимъ это начало въ европейскую жизнь.

Наконецъ, третій факторъ, подъ дѣйствіемъ котораго вырабатывался общественный и государственный бытъ средневѣковыхъ народовъ и которымъ опредѣлялись взаимныя ихъ отношенія, была христіанская религія. Въ отличіе отъ религіозныхъ вѣрованій древняго міра, которыя сами по себѣ никогда не служили ни элементомъ, смягчающимъ человѣческія отношенія, ни условіемъ, уничтожающимъ разъединеніе и вражду народовъ, христіанство, распространившееся между варварами и мирною проповѣдью и силою оружія, соединило западно-европейскіе народы въ одно церковное общество и заставило ихъ проникнуться одинаковыми религіозными воззрѣніями и вѣрованіями, послужившими первоначальнымъ и общимъ источникомъ духовнаго ихъ развитія, интеллектуальной жизни и нравственныхъ понятій. Культурное вліяніе христіанства, безъ всякаго сомнѣнія, умѣряло суровый характеръ общественной и государственной жизни Западной Европы и смягчало средневѣковыя международныя отношенія, которыя складывались на основѣ чисто германскихъ началъ, указанныхъ выше. Съ постепеннымъ соединеніемъ всѣхъ народовъ Запада въ одно духовно-религіозное общество и съ развитіемъ власти главы римско-католической церкви, все болѣе укрѣпляется сознаніе общихъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ задачъ, которыя лежатъ на всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Эти задачи разрѣшались подъ сильнымъ давленіемъ римской куріи: ея каноническое право должно было служить образцомъ для гражданскихъ и уголовныхъ законовъ средневѣковыхъ народовъ; она вмѣшивалась во внутреннія дѣла государствъ, наконецъ, присвоила себѣ право быть верховной рѣшительницей столкновеній и споровъ, возникавшихъ между различными народами.

§ 17. Имѣя въ виду указанные общіе элементы средневѣковой жизни, не трудно опредѣлить, къ какимъ результатамъ соціальнымъ и политическимъ они привели и какъ устроились

международныя отношенія западно-европейскихъ государствъ въ разсматриваемую эпоху.

Между фактическими условіями, среди которыхъ дѣйствовали означенные элементы, важную роль играло отношеніе варваровъ къ покореннымъ народамъ, входившимъ въ составъ Западной Римской имперіи. Варвары не могли и не считали нужнымъ ни измѣнять, ни тѣмъ болѣе уничтожить культуру, общественный строй, политическія учрежденія и законы, которые существовали въ занятыхъ ими римскихъ владѣніяхъ. Германскіе конунги ограничились тѣмъ, что подчинили населеніе этихъ земель своей государственной власти, обложили его податями и взяли часть его земель для раздачи, на извѣстныхъ условіяхъ, своимъ сподвижникамъ. Но это не все. Варвары сами подпали неизбѣжному вліянію развитой культуры и гражданственности, которыя они нашли въ завоеванныхъ ими провинціяхъ; они постепенно усвоили порядки и право здѣсь господствовавшіе, и сдѣлались преемниками Римлянъ въ ихъ культурѣ и просвѣщеніи, которыя въ свою очередь, передали новому времени [1]).

Въ связи съ вторженіемъ германскихъ народовъ въ предѣлы Италіи, Галліи и другихъ римскихъ областей находится развитіе городовыхъ поселеній, вызванное нашествіемъ на Южную Европу варваровъ. Послѣднее, какъ извѣстно, сопровождалось звѣрствами и опустошеніями, которыя естественно заставляли мирное населеніе искать убѣжища въ укрѣпленныхъ городахъ, служившихъ нѣкоторой защитой противъ хищничества дикихъ завоевателей. Такимъ образомъ кладется богатый зародышъ городской жизни, развитіе которой такъ сильно содѣйствовало впослѣдствіи возвышенію королевской власти и устройству нынѣ существующихъ государствъ.

Изъ тѣхъ народовъ, которые выступили на сцену всемірной исторіи во время нашествія варваровъ, одни—подобно Готамъ и Лонгобардамъ—имѣли мимолетное политическое и международное значеніе; напротивъ, другіе обогатили европейскую культурную жизнь новыми началами и въ теченіи среднихъ вѣковъ играли руководящую роль въ области международныхъ сношеній. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ Франки. Сдѣлавшись осѣдлымъ и господствующимъ населеніемъ въ Галліи, они мало по малу установили здѣсь такой порядокъ общественной и государственной жизни, изъ котораго развились

[1]) Savigny. Geschichte des römischen Rechts. Bd. III, cap. XVI. Laurent. Histoire, t. V, p. 87 et suiv.; t. VII, p. XI. Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques, p. 361 et suiv.

начала соціальнаго и политическаго строя новѣйшей Франціи. Не менѣе замѣчательно международное положеніе франкской монархіи. Оно опредѣлялось особенными отношеніями Франковъ къ римско-католической церкви и ея представителю. Кловисъ, принявъ христіанскую вѣру, сдѣлался ревностнымъ распространителемъ христіанства среди другихъ германскихъ народовъ и усерднымъ защитникомъ интересовъ римскаго католицизма. За свое усердіе въ дѣлѣ вѣры онъ получилъ отъ папъ почетный титулъ „перворожденнаго сына церкви" (filius primogenitus ecclesiae). Этотъ титулъ перешелъ къ французскимъ королямъ.

Тѣсный союзъ между франкскимъ народомъ и римско-католической церковью содѣйствовалъ какъ возвышенію власти римскаго первосвященника, такъ и распространенію на Западѣ Европы идей античнаго Рима, которыми была проникнута римская курія.

На этомъ союзѣ основалась имперія Карла Великаго, который, получивъ изъ рукъ папы императорскую корону въ 800 году, торжественнымъ образомъ былъ провозглашенъ главою всѣхъ христіанскихъ народовъ Западной Европы. Вновь возникшая имперія должна была явиться центромъ всей политической и международной жизни и воскресить то единство цивилизованнаго міра, которое было разрушено варварами. Во времена Карла В. имперія его дѣйствительно имѣла это значеніе. Новый императоръ хорошо сознавалъ свое назначеніе въ качествѣ первороднаго сына католической церкви: онъ непрерывно воевалъ съ германскими и славянскими язычниками, окружавшими его имперію, и силою оружія водворялъ между ними христіанство и основанія общественнаго порядка и права. Въ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Карлъ В. поддерживалъ международную самостоятельность западно-европейскаго міра и свой авторитетъ въ качествѣ его представителя. Въ сношеніяхъ съ халифомъ Гаруномъ-аль-Рашидомъ онъ провозглашалъ превосходство христіанскаго міросозерцанія надъ религіозными предразсудками мусульманскихъ народовъ.

Единство Карловингской Имперіи находило единственную опору въ геніальной личности перваго ея представителя. Послѣ сильныхъ

раздоровъ и междуусобной войны, которые происходили при внукахъ Карла В., франкская имперія окончательно распалась на Францію, Германію и Италію (843 г.), уже болѣе никогда не соединявшіяся на продолжительное время.

§ 18. Послѣ раздѣленія имперіи Карла В., во всѣхъ государствахъ, на которыя она распалась, обнаружилось неудержимое стремленіе къ разложенію и локализаціи верховной государственной власти. Во Франціи, въ которой уже въ X ст. насчитывалось свыше 55 различныхъ провинцій, пользовавшихся значительной независимостью отъ центральнаго правительства, раздѣленіе государственной территоріи все болѣе усиливалось. Тоже самое замѣчается въ Италіи, гдѣ процессъ обособленія отдѣльныхъ частей государства привелъ къ образованію большого числа самостоятельныхъ городовыхъ республикъ. Но ни въ одной странѣ политическое раздробленіе не приняло такихъ размѣровъ, какъ въ Германіи: здѣсь не только провинціи и города сдѣлались суверенными, но каждый замокъ, каждый баронъ стремился уйти отъ подчиненія общей государственной власти и получить независимое политическое существованіе.

Подъ вліяніемъ этихъ центробѣжныхъ стремленій на Западѣ Европы вырабатывается феодальный порядокъ. Въ основаніи его лежитъ то начало, что каждое лицо, обладающее достаточными матеріальными силами, чтобы поддержать свои права, есть вмѣстѣ съ тѣмъ представитель политической власти,—государь, которому должны подчиниться всѣ другія лица, такими силами не располагающія. Личная зависимость слабыхъ отъ сильныхъ составляетъ отличительную черту всего феодальнаго строя. Мѣра этой зависимости опредѣляла общественное положеніе и права человѣка, не находившаго защиты въ авторитетѣ правительства, котораго не существовало въ феодальное время. Такимъ образомъ каждое лицо должно было разсчитывать только на себя и свои силы. Только въ своемъ домѣ, замкѣ, семьѣ и въ кругу близкихъ сподвижниковъ была обезпеченность правъ и интересовъ. Всѣ отношенія становятся въ эту эпоху личными, непосредственными, вассальными. Вассалъ былъ обязанъ въ отношеніи своего сюзерена и

зналъ только его. Основаніе же вассальности — владѣніе землею и вытекающія отсюда личныя отношенія подчиненности[1]).

Во главѣ феодальнаго общества стояла военная и землевладѣльческая аристократія, члены которой присвоили себѣ всѣ прерогативы верховной государственной власти. Каждый феодальный сеньёръ пользовался въ предѣлахъ своихъ владѣній исключительнымъ правомъ изданія законовъ и сбора податей; ему принадлежали судебная власть и монетная регалія; онъ по своему усмотрѣнію объявлялъ войну и заключалъ миръ [2]). Остальное населеніе западно-европейскихъ государствъ составляли въ значительномъ числѣ лица, номинально свободныя, но фактически лишенныя возможности осуществлять свои права, и преобладающее по своему многолюдству сословіе крѣпостныхъ, которыми неограниченно распоряжались феодальные владѣльцы.

При такихъ обстоятельствахъ аристократія феодаловъ, благодаря отсутствію твердой центральной государственной власти, сдѣлалась въ разсматриваемую эпоху правительствующимъ классомъ, въ зависимости отъ котораго находились всѣ другія сословія, исключая только отчасти сословія духовенства. Не трудно понять, какіе внутренніе порядки установились въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ этого обстоятельства. Имѣя своимъ основаніемъ силу, господство феодаловъ было отрицаніемъ всякой устроенной государственной жизни, юридическаго порядка и законности. Ни одинъ феодалъ не обращался къ верховной власти, чтобы получить удовлетвореніе за причиненную ему обиду, но велъ на собственный страхъ войну и входилъ въ соглашеніе съ своимъ обидчикомъ. Вся исторія государственной жизни въ средніе вѣка есть непрерывный рядъ частныхъ войнъ, которыя предпринимали феодалы другъ противъ друга не только для разрѣшенія взаимныхъ недоразумѣній и споровъ, но и для удовлетворенія страсти къ войнѣ, которая, какъ говоритъ Лоранъ, составляла „поэзію существованія народовъ“ во времена феодализма [3]).

Право частной войны, которое принадлежало въ средніе вѣка каждому физическому и юридическому лицу, вносило анархію во внутреннюю жизнь западно-европейскихъ народовъ и должно было привести къ огрубѣнію нравовъ, къ царству кулачнаго права (Faustrecht, droit du poing), которое явилось высшимъ выраже-

[1]) Срав. Guizot. Histoire de la civilisation en Europe, p. 81, 92. Brougham. Monarchical government, p. 271 etc. Laurent. Histoire, t. V, p. 228.

[2]) Taine. Les origines de la France contemporaine, t. I, p. 9. „Dans la langue du temps, le noble est l'homme de guerre, le soldat (miles), et c'est lui qui pose la seconde assisse de la société moderne“.

[3]) Laurent. Histoire, t. VII, p. XI, 173 et suiv.

ніемъ господствовавшаго въ феодальное время принципа личности, индивидуальной силы, возведенной въ право и законъ. Крайнее развитіе этого начала имѣло то благотворное послѣдствіе для средневѣковыхъ общественныхъ отношеній, что убѣдило тѣ лица, которыя не видѣли въ кулакѣ основанія права или, по недостатку силы, не могли расчитывать на это средство самообороны, въ необходимости соглашенія и союза другъ съ другомъ, чтобы общими силами преслѣдовать свои интересы и обезпечивать свои права. По мѣрѣ распространенія въ обществѣ сознанія солидарности духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и необходимости защиты ихъ противъ феодаловъ соединенными силами всѣхъ заинтересованныхъ, средневѣковыя государства раздѣляются на множество отдѣльныхъ соціальныхъ группъ: на городовыя общины, корпораціи, гильдіи, цѣхи, связанные одинаковыми имущественными интересами участниковъ, общими цѣлями промышленности или торговли.

Общественный и государственный строй западно-европейскихъ народовъ феодальной эпохи оказалъ существенное вліяніе на международныя отношенія въ средніе вѣка. Если феодальный бытъ въ Западной Европѣ характеризуютъ упадокъ правительственной власти и обособленіе различныхъ общественныхъ классовъ и группъ въ самостоятельные враждебные другъ другу политическіе организмы, то и средневѣковыя международныя сношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и независимыхъ общинъ и государствъ, запечатлѣны отсутствіемъ порядка и законности и преобладающимъ значеніемъ грубой физической силы.

Какъ и внутри феодальныхъ государствъ, между средневѣковыми народами шла непрерывная война. Мирныя ихъ сношенія составляли рѣдкое исключеніе и если поддерживались, то благодаря почину и заботамъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ или общественныхъ классовъ, но не покровительству государственной власти. Торговымъ сношеніямъ въ это время препятствовали столько же войны, которыя вели феодальные господа, сколько и разбойничество рыцарей, для защиты отъ которыхъ торговые люди должны были составлять изъ себя вооруженные отряды или нанимать войска.

Необезпеченность мирныхъ международныхъ сношеній въ средніе вѣка видна, между прочимъ, изъ того тяжелаго положенія, въ кото-

ромъ находились иностранцы въ феодальной Европѣ: ихъ жизнь и свобода вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія тѣхъ владѣтелей, на землѣ которыхъ они находились. По средневѣковымъ обычаямъ, феодальный господинъ считался единственнымъ наслѣдникомъ всего имущества умершаго иностранца, которое осталось на территоріи феодала. Это право, извѣстное подъ именемъ droit d'aubaine, просуществовало въ Западной Европѣ, впрочемъ, въ значительно смягченномъ видѣ, до XIX ст. [1]).

Варварству феодальнаго быта западно-европейскія государства, были обязаны и другимъ безчеловѣчнымъ обычаемъ, долго сохранявшимъ свою силу, — береговымъ правомъ (droit de naufrage).

По общему убѣжденію, господствовавшему въ средніе вѣка, все, что выбрасывало море на землю прибрежныхъ владѣльцевъ, составляло законную ихъ добычу. Поэтому мореходцы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, захватывались мѣстными сеньерами и не только лишались остатковъ своей собственности, но часто теряли свободу и жизнь. Такое вопіющее злоупотребленіе силою вызывало протесты уже въ средніе вѣка. Не смотря на запрещенія папъ и соборовъ, равно какъ и распоряженія правительствъ, береговое право de facto осуществлялось еще въ XVIII в. и уничтожилось только тогда, когда въ морскихъ государствахъ установился твердый правительственный порядокъ, обезпечивавшій точное соблюденіе законовъ [2]).

Произволъ и насилія, отличавшія средневѣковую частную и общественную жизнь, особенно рѣзко проявлялись во время войнъ, которыя въ этотъ періодъ непрерывно вели между собою какъ частныя лица, владѣльцы замковъ, такъ и государства. Войны, происходившія въ средніе вѣка, представляютъ рядъ всевозможныхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя объясняются не только варварствомъ феодаловъ, страстью необразованныхъ и воинственныхъ людей къ пролитію крови и разрушенію, но и самымъ характеромъ феодальныхъ столкновеній: обыкновенно это были пограничныя столкновенія, которыя вызывались личными счетами и соперничествомъ сосѣдей, ожесточавшими

---

[1]) Срав. Montesquieu. Esprit des lois, liv. XXI, chap. XVII. Berner въ Bluntschli's Deutsches Staatswörterbuch, Bd. V, S. 86 flg.

[2]) Pütter. Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte, S. 120 flg. — Wheaton. Histoire, t. I, p. 89 et suiv.

борьбу и придававшими ей оттѣнокъ личной мести. Феодальное рыцарство не останавливалось ни передъ какими насиліями во время своихъ распрей и не признавало никакихъ законовъ и обычаевъ, которые ограничивали бы примѣненіе силы; оно не считало даже обязанностью точное исполненіе даннаго врагу слова: вѣроломство было однимъ изъ употребительнѣйшихъ средствъ веденія борьбы, къ которому нерѣдко прибѣгали сами государи [1]).

§ 19. Начала, на которыхъ основывается европейское международное право, зародились и развились подъ вліяніемъ общихъ условій соціальной жизни средневѣковыхъ западно-европейскихъ народовъ. Несмотря на то, что феодальныя государства Западной Европы распадались на множество независимыхъ замковъ, общинъ, провинцій, населеніе этихъ земель и участковъ связывали одинаковыя соціальныя потребности и стремленія. Общественный строй средневѣковыхъ государствъ, въ основаніяхъ своихъ, представлялся болѣе или менѣе одинаковымъ. Во всѣхъ феодальныхъ земляхъ мы видимъ тѣ же самыя сословія, общины, корпораціи, внутренняя жизнь, стремленія и интересы которыхъ были одни и тѣ же какъ на европейскомъ континентѣ, такъ и въ Англіи.

Господствующимъ классомъ во всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы была феодальная землевладѣльческая и военная аристократія. По своему характеру она не напоминала ни индійской касты, ни римскаго патриціата. Организація ея имѣла основаніемъ личную связь вассала съ своимъ сюзереномъ. Слѣдовательно, принадлежность къ высшему сословію въ средніе вѣка зависѣла не столько отъ рожденія или національнаго происхожденія, сколько отъ личныхъ способностей и достоинства человѣка [2]). Благодаря началу личной службы, лежащему въ основаніи всего феодальнаго

---

[1]) Много примѣровъ такихъ жестокостей и вѣроломства можно найти у Ward, Enquiry into the foundation and history, t. II, p. 47, 268 etc. Pütter. Beiträge, S. 87, 114 u. flg. Срав. Reeves. History of the English Law, London 1869, vol. I, p. 53 etc. Nys. La Siete Partidas et le droit de la guerre (Revue de droit int., t. XV, p. 478 et suiv.).

[2]) Laurent. Histoire, t. VII, p. 334 приводитъ слова папы Григорія VII, что Римъ языческій и христіанскій побѣждалъ потому, что „non tam generis aut patriae nobilitatem, quam animi et corporis virtutes perpendendas adjudicaverit“. Ср. также t. VII, p. 33 et suiv; p. 349 et. suiv.

строя, во-первыхъ, между аристократами и членами другихъ сословій не было такой непроходимой пропасти, какъ въ древнихъ восточныхъ государствахъ или въ Римѣ. Исторія представляетъ много примѣровъ, что германскіе императоры и различные короли феодальныхъ европейскихъ государствъ жаловали высшіе титулы и должности лицамъ самаго низкаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе на смягченіе аристократическаго духа феодальныхъ государствъ оказывала римская церковь, іерархія которой опиралась единственно на личныя способности съ исключеніемъ начала рожденія или происхожденія.

Съ другой стороны, одинаковая организація средневѣковой европейской аристократіи служила связью между феодальными аристократами различныхъ европейскихъ государствъ. Вассалъ французской короны не чувствовалъ себя чужимъ въ предѣлахъ Германской имперіи или итальянскихъ владѣній; личныя доблести уравнивали его съ феодалами этихъ земель; онъ и здѣсь оставался членомъ высшаго средневѣковаго европейскаго сословія, имѣющаго общій интересъ — охранять свой авторитетъ, свои привилегіи и независимость отъ посягательствъ королевской власти.

Космополитизмъ феодальной аристократіи нашелъ свое высшее выраженіе въ общемъ для всѣхъ средневѣковыхъ западно-европейскихъ народовъ институтѣ рыцарства. Возникновеніе его объясняется указаннымъ выше началомъ личной службы.

Создавая высокое общественное положеніе феодаловъ, отправленіе должности, службы само собой приводило къ образованію въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ аристократіи ума, добродѣтели, вообще личныхъ способностей и силъ человѣка. Такую аристократію составили рыцари, сдѣлавшіе своею обязанностью охраненіе церкви, защиту слабыхъ и угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ повсюду, гдѣ бы ни привелось находиться рыцарю. Эта общая цѣль дѣлала всѣхъ рыцарей братьями другъ друга, какого бы рожденія или національнаго происхожденія они ни были; рыцари не знали территоріальныхъ границъ и были первыми провозгласителями идеи правды и справедливости въ области международныхъ сношеній [1]).

---

[1]) Ср. въ особенности превосходный трудъ бельгійскаго юриста. Nys. Les origines du droit international. Paris 1894. Ward. Enquiry into the foundation and history, t. II, cap. XIV: Of the influence of chivalry, p. 155 etc.—Laurent, t. VII, p. 206 et suiv.—Pütter, Beiträge, S. 93 u. flg.—Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи (изд. Тиблена), т. I, стр. 457. Случаи нарушенія рыцарями даннаго слова и совершенія безчеловѣчныхъ жестокостей противъ врага не опровергаютъ, конечно, нравственнаго и культурнаго значенія самаго института рыцарства. Срав. также бар. Таубе. Исторія зарожденія современнаго международнаго права. (Средніе вѣка). Спб. 1894.

Другой общественный классъ, существовавшій въ средніе вѣка,—торговое и промышленное сословіе—сосредоточился во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ въ упрѣпленныхъ городахъ или комунахъ, которые защищались наемными силами или собственнымъ оружіемъ горожанъ. При повсемѣстномъ господствѣ кулачнаго права и слабости правительственной власти, городовыя общины Германіи, Франціи, Италіи взяли управленіе внутренними своими дѣлами и внѣшними сношеніями въ свои руки. Подобно феодальнымъ аристократамъ, онѣ имѣли право объявлять войну, заключать миръ, входить въ переговоры и соглашенія съ другими автономными общинами и отдѣльными лицами.

Пользуясь этимъ правомъ, города вступали въ союзы другъ съ другомъ для борьбы съ тѣми элементами средневѣковой общественной жизни, которые отрицали необходимость мирныхъ международныхъ сношеній, и для достиженія соединенными силами общихъ своихъ промышленныхъ и торговыхъ цѣлей.

На основаніи общности соціальныхъ интересовъ городскихъ жителей основался въ средніе вѣка знаменитый Ганзейскій союзъ, къ которому принадлежали всѣ главнѣйшіе торговые центры Западной Европы. Города, составлявшіе этотъ союзъ, установили самостоятельное правительство, имѣли свое войско, свой флотъ и не только охраняли свои коммерческія сношенія отъ нападенія отдѣльныхъ феодаловъ, но и вели войны съ государствами, нисколько не справляясь съ мнѣніемъ, интересами и желаніями подлежащихъ правительствъ [1]).

Что касается крестьянскаго сословія, то положеніе его въ средніе вѣка въ Западной Европѣ также было вездѣ по существу одинаковое: крестьяне находились въ крѣпостной зависимости отъ тѣхъ феодальныхъ господъ, на землѣ которыхъ они жили, и если уходили съ этой земли и переселялись въ другое государство, то и здѣсь не получали свободы, но становились въ крѣпостныя отношенія къ новымъ землевладѣльцамъ. Только города мало по малу измѣнили свой взглядъ на крѣпостныхъ и стали разрѣшать сельскимъ жителямъ поселяться въ предѣлахъ комуны, признавая за ними полную личную свободу.

Кромѣ указанныхъ общественныхъ элементовъ, мирному развитію средневѣковыхъ народовъ и установленію между ними близкихъ культурныхъ связей весьма содѣйствовали римско-католическая церковь и ея представители—папы. Крестовые походы были вызваны и поддерживались духовнымъ авто-

---

[1]) Ср. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка. Спб., 1879, гл. III и слѣд. — Pütter. Beiträge, S. 141 u. flg. — Ward. Enquiry, t. II, p. 276 etc.

ритетомъ церкви и ея первосвященниковъ. Папы неоднократно брали на себя роль третейскихъ судей и разрѣшали споры между различными европейскими королями, между германскимъ императоромъ и имперскими городами и чинами, между вассалами и ихъ сюзеренами. Они созывали церковные соборы и вмѣстѣ съ ними много разъ издавали и подтверждали постановленія о Божьемъ мирѣ (Treuga Dei), съ цѣлью ограничить феодальные раздоры и самоуправство. Зародыши новыхъ лучшихъ международныхъ порядковъ видны и въ тѣхъ повелѣніяхъ соборовъ и папъ, которые отмѣняли пользованіе береговымъ правомъ [1]).

Наконецъ, неограниченное господство самоуправства внутри феодальныхъ владѣній и постоянныя войны и грабительства феодальныхъ господъ заставляли частныя лица и общества прибѣгать къ взаимнымъ соглашеніямъ, съ цѣлью лучшаго обезпеченія своихъ правъ и законныхъ интересовъ. На основаніи договоровъ, отдѣльныя лица и городовыя общины обязывались не пользоваться силою въ случаѣ возникновенія между ними какихъ либо недоразумѣній, но обращаться къ третейскимъ судьямъ для мирнаго улаженія спора. Частныя обязательства замѣняли отсутствующую правительственную власть и до нѣкоторой степени обезпечивали порядокъ. Въ такія соглашенія иногда вступали, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, цѣлые народы или части государства; такъ напр., города и владѣнія, входившіе въ составъ Германской имперіи, въ виду опасности завоеванія Турками, на время отказались въ XV ст. отъ права частныхъ войнъ и признали за германскимъ императоромъ извѣстную власть въ предѣлахъ своихъ территорій [2]).

Но ни зародившiеся въ средніе вѣка общественные интересы и стремленія, ни духовный авторитетъ католической церкви, ни частные договоры и временныя соглашенія государствъ не въ силахъ были одни обезпечить прочный миръ и порядокъ во взаимныхъ сношеніяхъ средневѣковыхъ европейскихъ народовъ. Необходимыми условіями правильныхъ и мирныхъ международныхъ оборотовъ являлись единая и твердая правительственная власть и организованный юридическій порядокъ внутри государствъ, гарантирующіе безопасность и господство закона въ предѣлахъ государственной территоріи. Эти условія пока не существовали на Западѣ Европы. Правда, королевская власть во Франціи уже въ XIV ст. принимала различныя мѣры, чтобы прекратить господство кулачнаго права. Такъ, Филиппъ Красивый, въ 1303 г., запретилъ всякое самоуправство со стороны французскихъ гражданъ, но этотъ законъ могъ получить

---

[1]) Ward. Enquiry, t. II, chap. XIII, — Laurent. Histoire. t. VII. p. 265, 356, 381 et suiv. — Pütter. Beiträge, S. 120 u. flg.

[2]) Laurent. Histoire, t. VII, p. 185.

обязательную силу только съ уничтоженіемъ феодализма во французскомъ королевствѣ [1]). Въ Германіи кулачный порядокъ господствовалъ до XVI столѣтія, когда судебный поединокъ служилъ еще средствомъ для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ правонарушеній. Только въ Англіи сравнительно рано установилось то правило, что король есть верховный покровитель мира и закона во всей странѣ, и что тотъ, кто нарушаетъ юридическій порядокъ, есть оскорбитель королевскаго величества [2]).

§ 20. Если въ средніе вѣка не существовало государственной власти въ современномъ значеніи этого выраженія, то не могло быть и международныхъ отношеній, какъ они понимаются нынѣ. Средневѣковыя международныя сношенія происходили между частными лицами, между городами, между независимыми частями отдѣльныхъ феодальныхъ земель, но не государствами, которыя являются субъектами современнаго международнаго права. Отсюда проистекало то преобладающее значеніе грубой силы и та анархія среди западно-европейскихъ народовъ, которыя составляютъ отличительныя особенности среднихъ вѣковъ.

Международныя отношенія средневѣковыя переходятъ въ другой періодъ и организуются на началахъ порядка и права подъ вліяніемъ падающаго феодализма и зарождающейся въ Западной Европѣ королевской власти.

Въ разрушеніи феодальнаго строя западно-европейскихъ государствъ принимали участіе многія силы. Безъ всякаго сомнѣнія, одною изъ причинъ, ускорившихъ паденіе феодальнаго порядка, были крестовые походы.

Общій характеръ средневѣковыхъ международныхъ отношеній, только-что нами представленный, показываетъ, что всѣ сношенія, которыя происходили между европейскими народами въ средніе вѣка, имѣли своимъ руководящимъ принципомъ силу, т. е. то начало, которое въ формѣ самоуправства и кулачнаге права, безусловно царило во внутренней жизни феодальныхъ государствъ. О господствѣ права

[1]) Laurent. Histoire, t. VII, p. 181.

[2]) Gneist. Selfgovernment. Communalverfassung und Verwaltungsgerichte Englands (3. Aufl. 171), S. 103, 888 ff. — Его-же. Der Rechtsstaat, Berlin 1879, S. 38 u. flg.

и юридическаго порядка въ области международныхъ сношеній этого времени, очевидно, не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали выше, въ средніе вѣка зародились тѣ новые элементы общественной и государственной жизни, которые, постепенно развиваясь, привели къ порядку и праву, дѣйствующему въ отношеніяхъ между современными образованными народами. Международныя отношенія въ эту эпоху вполнѣ подтверждаютъ положеніе, высказанное Гизо, что не столько грубая сила, сколько идеи и нравственныя силы, скрывающіяся въ проявленіяхъ физической силы, управляютъ человѣческими обществами [1]). Это положеніе въ особенности доказывается крестовыми походами.

Всеобщее движеніе западно-европейскихъ народовъ на Востокъ, съ цѣлью освобожденія гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, вывело эти народы изъ той замкнутости, въ которой они находились до того времени, сблизило ихъ общностью религіозной цѣли, наконецъ, ознакомило съ жизнью и произведеніями восточныхъ странъ, съ которыми они вступили въ дѣятельныя торговыя сношенія. Въ этомъ отношеніи крестовые походы служили залогомъ развитія мирной международной жизни на Европейскомъ Западѣ. Но они оказали сильное вліяніе также на внутренній строй феодальныхъ государствъ, политическій и общественный. Феодальный порядокъ разлагалъ государственное и соціальное единство европейскихъ народовъ, создавая государства въ государствѣ, ставя въ положеніе правительственной власти военную аристократію и оставляя другіе общественные классы въ безправномъ состояніи. Крестовые походы, напротивъ, заставили сблизиться всѣ средневѣковыя сословія въ сознаніи христіанскаго братства людей и общихъ религіозныхъ интересовъ. Однимъ словомъ, они уравнивали средневѣковые общественные классы, создавали то внутреннее единство государствъ, которое является необходимымъ условіемъ порядка въ международныхъ отношеніяхъ [2]).

---

[1]) Guizot. Histoire de la civilisation, p. 219.

[2]) Guizot. Histoire de la civilisation, p. 200: „De même que les croisades sont un événement européen, de même, dans chaque pays, elles sont un événement national“.

Еще болѣе подорвали политическій авторитетъ вассальства средневѣковые юристы — легисты, которые вступили на службу королей и усердно боролись за права и единство государственной власти. Воспитанные на римскомъ правѣ, они явились непримиримыми врагами привилегій феодальной аристократіи и твердо установили то начало, что въ предѣлахъ государственной территоріи долженъ господствовать одинъ законъ, изданный королевской властью, и что примѣненіе этого закона должно лежать на обязанности только королевскихъ судовъ, съ полнымъ исключеніемъ юрисдикціи феодаловъ. Но болѣе всего содѣйствовалъ окончательной отмѣнѣ феодализма союзъ королей съ городскими комунами, заключенный для общей борьбы противъ своеволія и насилія феодаловъ.

Городовыя общины играли важную роль какъ въ дѣлѣ установленія государственнаго единства на западѣ Европы, такъ и въ развитіи началъ, служащихъ основаніемъ современнаго международнаго права. Дѣйствительно, если въ средніе вѣка можно найти какое нибудь сознаніе о необходимости государственнаго порядка и осуществленіе принципа государственности, то, конечно, не въ Германской имперіи, раздѣлившейся на нѣсколько сотъ отдѣльныхъ владѣній, и не во Франціи, въ которой могущественные вассалы, герцоги, графы отнимали у короля всякое политическое значеніе. Начало правительственной централизаціи, отношенія власти и подданства, обезпеченіе порядка устроеннымъ правосудіемъ признаются прежде всего въ средневѣковыхъ комунахъ и изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ распространяются уже на государства [1]).

Въ области международнаго права городскія общины имѣли не менѣе заслугъ. Такъ какъ онѣ принимали дѣятельное и независимое

Сравн. также стр. 215. Laurent. Histoire, t. VII, p. 293 et suiv. Сравн. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Lpz. 1881. 2 Aufl., S. 193 flg. Prutz. Culturgeschichte der Kreuzzüge. 1883.

[1]) Ср. превосходный трудъ французскаго историка-дипломата: Maulde-la-Clavière. La diplomatie au temps de Machiavel. Paris 1892, 3 тома. Pi y Margall. Les nationalités. Essai de philosophie politique. Paris. 1879. p. 68: „La cité est une nation en petit. Elle a son culte, ses lois, son gouvernement, son administration, ses tribunaux, ses finances, son armée; elle a son organisme, son Etat“.

участіе въ международныхъ торговыхъ оборотахъ, то силою вещей поставлены были въ необходимость точно опредѣлить тѣ обычаи, которые постепенно вырабатывались въ области морскихъ торговыхъ сношеній и совокупность которыхъ составляетъ морское международное право. Въ виду этого муниципалитеты различныхъ средневѣковыхъ западно-европейскихъ торговыхъ городовъ издавали, подъ разными названіями, сборники морскихъ торговыхъ обычаевъ, изъ которыхъ многіе сохранили значеніе источниковъ права до настоящаго времени [1]).

Союзъ королевской власти съ городовыми комунами оправдывался какъ общностью ихъ политическихъ интересовъ въ борьбѣ съ феодалами, такъ и тѣми богатыми матеріальными средствами, которыя могли доставить королямъ торговые города. Но если означенный союзъ привелъ повсемѣстно въ Европѣ къ возвышенію королевскаго авторитета и учрежденію новаго политическаго порядка, то въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ эта реформа обнаружила свое дѣйствіе неодинаковымъ образомъ.

Во Франціи сознаніе національнаго единства становится на твердыхъ основаніяхъ, благодаря въ особенности вѣковой войнѣ, которую выдержалъ французскій народъ, отстаивая свою политическую независимость отъ посягательства англійскихъ королей. Эта борьба заставила Французовъ соединить свои силы, искать общій центръ въ единой національной власти и видѣть идеалъ государственнаго устройства въ абсолютной политической централизаціи. Поэтому французскіе короли, послѣ упорной борьбы съ феодальной аристократіей, могли основать въ своемъ государствѣ такую сильную монархическую власть, другого примѣра которой не представляла Европа. Прочное національное единство дало возможность французской монархіи въ теченіи слишкомъ трехъ столѣтій играть первенствующую роль въ области международныхъ отношеній [2]).

---

[1]) Сравн. Pardessus. Collection des lois maritimes. Paris 1828. См. ниже „Источники международнаго права“.

[2]) Ср. Michelet. Histoire de France (éd. Bruxelles), t. IV, liv. V. Guizot. Histoire de la civilisation, p. 249 et suiv. — Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. I, стр. 466 и сл.

*

Иначе организовалась государственная власть въ Англіи. Ни въ одной странѣ феодализмъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней и не оставилъ столько слѣдовъ до настоящаго времени, какъ въ англійскомъ королевствѣ. Но здѣсь онъ имѣлъ совершенно другой характеръ, нежели на европейскомъ континентѣ. Послѣ завоеванія Англіи Норманнами, Вильгельмъ Завоеватель не перенесъ сюда въ чистомъ видѣ тѣ феодальные порядки, которые установились во Франціи. Онъ хорошо понималъ, что порядки эти уничтожаютъ государственное единство и дѣлаютъ королевскую власть призрачною. На этомъ основаніи онъ роздалъ англійскія земли своимъ сподвижникамъ на условіяхъ вассальной зависимости исключительно отъ него одного, какъ верховнаго покровителя мира и порядка во всей странѣ. Такимъ образомъ въ Англіи король оставался дѣйствительной главой всего государства; съ другой стороны, феодальные землевладѣльцы уравнивались въ своемъ подчиненіи королю, становились въ разрядъ его подданныхъ. Результатомъ такого порядка феодальныхъ отношеній въ Англіи явилось развитіе сознанія въ англійскомъ народѣ солидарности его интересовъ по отношенію къ власти короля, и когда Іоаннъ Безземельный дозволилъ себѣ вопіющія нарушенія вольностей королевства, всѣ сословія выступили противъ него и заставили подписать Magna Charta libertatum [1]).

Вотъ почему, если во Франціи единство государственное развилось въ смыслѣ абсолютной власти ея государя, то англійскій государственный порядокъ сложился въ смыслѣ общности интересовъ короля и народа, въ смыслѣ уваженія со стороны правительства законныхъ правъ и стремленій своихъ подданныхъ. Этимъ объясняется различіе и международной политики обоихъ государствъ: если французскіе короли находили возможнымъ преслѣдовать въ международныхъ отношеніяхъ свои династическіе интересы и личные взгляды и жертвовать для нихъ какъ имуществомъ, такъ и кровью своего народа, то въ Англіи ни о чемъ подобномъ не могло быть и рѣчи. Англійское

---

[1]) Ranke. Englische Geschichte. Bd. I, S. 45 flg. Macaulay. History of England from the accession of James the Second. London 1856, t. I, p. 43.

правительство, силою политическаго своего устройства, вынуждалось ставить единственной цѣлью международныхъ своихъ сношеній пользы и нужды англійскаго народа. Въ виду островного положенія Англіи, предпріимчивости и энергіи ея жителей, торговыя и промышленныя сношенія сдѣлались тѣмъ особеннымъ поприщемъ для международныхъ оборотовъ англійской націи, ради которыхъ она выдержала цѣлый рядъ кровопролитныхъ и продолжительныхъ войнъ съ другими народами.

Въ Германіи феодализмъ принялъ самыя крайнія формы и процвѣталъ вплоть до XVI ст. Германскіе императоры, отвлекаемые упорной борьбой съ папской властью, не могли положить предѣла раздробленію своего государства и мало по малу сдѣлались лишь номинальными представителями Германской имперіи, безсильной и раздираемой внутренними несогласіями и международными войнами. Не имѣя силы поддерживать внутренній порядокъ въ странѣ, императоры отдали Германію въ жертву всевозможнымъ проискамъ, международнымъ войнамъ и замѣшательствамъ, которыми пользовались, ради своихъ интересовъ, другія европейскія державы.

Италія была страною, въ которой феодальный порядокъ выразился первоначально въ образованіи различныхъ коммерческихъ республикъ, какъ Пиза, Амальфи, Генуа, Венеція и др., которыя, при помощи торговыхъ оборотовъ, достигли замѣчательнаго богатства и могущества. Но внутри этихъ муниципій шла непримиримая борьба между партіями аристократической и народной, истощившая цвѣтущіе города и отдавшая ихъ въ жертву завоевателямъ. Поэтому большая часть итальянскихъ республикъ исчезла, и только Венеція и Генуа сохранили свою независимость до конца XVIII ст. Послѣ того Италія представляла множество независимыхъ и слабыхъ государствъ, которыя служили приманкой и полемъ битвъ для разныхъ иностранныхъ завоевателей, окончательно и надолго ослабившихъ итальянскій народъ.

Что касается Испаніи, то до XV ст. большая часть ея территоріи находилась подъ властью мавровъ, которые управляли стра-

ной на началахъ, совершенно несогласныхъ съ общей европейской цивилизацiей и культурой.

Независимо отъ приведенныхъ причинъ, большое влiянiе на внутреннiй бытъ и международныя отношенiя европейскихъ государствъ имѣла эпоха возрожденiя, когда на Западѣ Европы распространилось знакомство съ научными и художественными произведенiями классической древности, на основѣ которыхъ сложилась общая умственная жизнь западныхъ народовъ и развился обмѣнъ продуктовъ ихъ интеллектуальной дѣятельности. Кромѣ того, изобрѣтенiе книгопечатанiя, пороха, компаса, введенiе постоянныхъ войскъ [1]) и различныя открытiя въ области географiи также содѣйствовали измѣненiю средневѣковаго строя и образованiю въ Западной Европѣ новыхъ порядковъ общественныхъ, государственныхъ и международныхъ.

Оканчивая изложенiе международныхъ отношенiй, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, намъ остается только заключить, что въ первомъ перiодѣ право физической силы дѣйствительно является руководящимъ принципомъ всѣхъ международныхъ сношенiй.

---

[1]) Бокль. Исторiя цивилизацiи въ Англiи, т. I, стр. 151 и слѣд.

Періодъ второй.

СЪ ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА ДО ВѢНСКАГО КОНГРЕССА 1815 ГОДА.

А. Международныя отношенія съ Вестфальскаго мира до первой французской революціи.

§ 21. Послѣ паденія феодальной системы Западная Европа представляла общество независимыхъ государствъ, въ которыхъ средневѣковое безначаліе и кулачное право уступили мѣсто уваженію къ закону и господству единой королевской власти.

Въ XVI ст. мирная жизнь этихъ государствъ была потрясена реформаціоннымъ движеніемъ, которое возникло сначала въ Германіи, но скоро охватило весь сѣверъ и западъ Европы. Реформація имѣла огромное международное значеніе. Она раздѣлила европейскіе народы на два враждебные лагеря, которые выдержали упорную и долгую борьбу между собою. На одной сторонѣ стояли германскій императоръ и папа, защищавшіе интересы католической церкви, то религіозное единство западныхъ народовъ, которое существовало въ теченіи столѣтій; напротивъ, протестанты требовали признанія своей религіозной свободы и своего права составить самостоятельное общество вѣрующихъ, внѣ всякой зависимости отъ римскаго первосвященника. Эта борьба привела къ кровопролитному международному

столкновенію, которое въ продолженіи тридцати лѣтъ свирѣпствовало въ нѣмецкихъ областяхъ и совершенно измѣнило европейскую политическую систему.

Религіозная, по своему происхожденію, Тридцатилѣтняя война была богата послѣдствіями чисто политическаго свойства. По мѣрѣ ея продолженія, стремленія международныя различныхъ государствъ все болѣе выступали на первый планъ. Государства, которыя по историческимъ своимъ преданіямъ, по вѣроисповѣданію своихъ монарховъ и подданныхъ, должны были бы явиться непримиримыми врагами реформаціи,—въ виду своихъ мірскихъ интересовъ стали въ ряды противниковъ римско-католической церкви. Князь церкви, кардиналъ Ришелье, отъ имени „перворожденнаго сына римско-католической церкви", заключаетъ союзъ съ шведскимъ королемъ, Густавомъ-Адольфомъ, который взялъ подъ свое покровительство протестантское движеніе въ Германіи. Этотъ фактъ показываетъ, какая рѣзкая перемѣна произошла въ отношеніяхъ между государствомъ и церковью въ новое время, сравнительно съ средними вѣками. Во время и послѣ Тридцатилѣтней войны религія была сведена на степенное мѣсто, и направленіе международной политики отнынѣ стало опредѣляться исключительно государственными цѣлями.

Тридцатилѣтняя война окончилась Вестфальскимъ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ 24 октября 1648 года. Какъ самый порядокъ заключенія этого акта, такъ и прелиминарные переговоры, ему предшествовавшіе, вполнѣ выражаютъ сознаніе со стороны государствъ и ихъ представителей новизны предпринятаго ими дѣла и необычайности своего положенія [1]).

Дѣйствительно, переговоры о мирѣ начались уже въ 1634 г.; прелиминарныя условія его были приняты сторонами въ 1645 г. Правительства и государи, принимавшіе участіе въ Тридцатилѣтней войнѣ, хорошо сознавали гибельные результаты, къ которымъ она привела и размѣры которыхъ могли

[1]) Garden. Histoire générale des traités, t. I, p. 134 et suiv. Flassan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française (1811), t. III, p. 220 et. suiv. Raumer. Geschichte Europa's seit dem XV-ten Jahrhundert (1834), Bd. III, S. 614 u. flg. Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe, t. I, part. I, p. 1 etc.

только увеличиться съ дальнѣйшимъ ея продолженіемъ. Сила обстоятельствъ вынуждала ихъ покончить съ кровопролитіемъ и такъ или иначе войти въ соглашеніе другъ съ другомъ. Но миръ можно было заключить только съ общаго согласія сторонъ и на условіяхъ, отвѣчавшихъ какъ дѣйствительному положенію вещей, такъ и стремленіямъ, которыя одушевляли воюющихъ. Новый порядокъ, долженствовавшій установиться въ области международныхъ отношеній, представлялся для нихъ неяснымъ, противорѣчилъ всѣмъ ихъ понятіямъ и историческимъ преданіямъ. Въ предшествующей жизни европейскихъ народовъ, ни въ средніе вѣка, ни въ древности, не было ни одного прецедента, чтобы представители разныхъ государствъ сообща обсуждали свои дѣла и установляли порядки, обязательные для всѣхъ народовъ[1]). Поэтому всѣ совѣщанія и обмѣнъ мыслей, которые происходили между уполномоченными европейскихъ правительствъ до созванія Вестфальскаго конгресса и на самомъ конгрессѣ, носили характеръ неопытности, сомнѣнія, ребяческихъ опасеній унизить свою честь и достоинство представляемыхъ государствъ[2]).

Послѣ долгихъ переговоровъ, уполномоченные почти всѣхъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, Польши и Англіи, собрались, наконецъ, на конгрессѣ, засѣданія котораго происходили въ двухъ городахъ, близкихъ другъ отъ друга, въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ. Необходимость этого раздѣленія на два собранія вытекала изъ невозможности соединить за однимъ столомъ представителей Швеціи съ уполномоченнымъ папской куріи. Поэтому въ Оснабрюкѣ находились уполномоченные Швеціи, Германской имперіи и различныхъ другихъ протестантскихъ государствъ; въ Мюнстерѣ — представители папской куріи, Венеціи, германскаго императора, Франціи и др.

Главнѣйшія постановленія мирнаго Вестфальскаго трактата могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ[3]).

---

[1]) Ср. Fischer. Geschichte der auswärtigen Politik und Diplomatie im Reformationszeitalter 1485 — 1556. Gotha 1874, S. 151 flg.

[2]) Mountague Bernard. Four lectures on subjects connected with diplomacy (London 1868), p. 21 etc. Ср. также Raumer. Geschichte Europa's, Bd. III, S. 618. Въ теченіи пяти лѣтъ продолжались комическіе переговоры на счетъ того, кому первому надлежало въѣхать въ Мюнстеръ и въ какія ворота; кто первый поднимется по лѣстницѣ и войдетъ въ зало совѣщаній; кого посадить справа отъ предсѣдателя и кого слѣва; какіе титулы давать представителямъ различныхъ государствъ и т. д.

[3]) Meiern, Acta pacis Westphalicae 1734 — 1736. 6 томовъ.

1) Взаимное отношеніе двухъ христіанскихъ церквей—протестантской и римско-католической—должно было опредѣляться тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились церковныя общества 1 января 1624 г. Обязательная сила Аугсбургскаго мирнаго трактата 1555 г. подтверждалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ была узаконена извѣстная дискреціонная власть каждаго государя въ отношеніи тѣхъ церковныхъ обществъ, которыя существовали въ предѣлахъ его территоріи, ибо основное правило Аугсбургскаго мира—cujus regio, ejus religio—давало право государямъ выселять изъ своей страны всѣхъ иновѣрцевъ.

2) Государства, входившія въ составъ Германской имперіи, въ числѣ 355, получали полную независимость, съ однимъ условіемъ—не заключать такихъ международныхъ договоровъ, которые противорѣчили бы пользамъ другихъ германскихъ государствъ.

3) Швейцарскій союзъ и Нидерланды, пользовавшіеся до этого времени фактическою независимостью, были признаны формальнымъ образомъ въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ.

4) Территоріальныя приращенія Франціи и Швеціи, какъ побѣдоносныхъ сторонъ, состояли въ присоединеніи къ первой—части Эльзаса, ко второй—бо́льшей части Помераніи и городовъ Висмара, Ростока и др. Кромѣ того, Франція получила сюзеренныя права надъ десятью вольными имперскими городами, находившимися въ предѣлахъ Эльзаса, въ томъ числѣ надъ Страсбургомъ.

Общее значеніе Вестфальскаго мирнаго трактата для международныхъ отношеній можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Во-1-хъ, непосредственное его значеніе состояло въ небываломъ въ прежнее время фактѣ соединенія европейскихъ государствъ въ одно международное общество, которое на столько сознаетъ солидарность своихъ интересовъ, что считаетъ нужнымъ не только совѣщаться объ общихъ своихъ дѣлахъ, но даже опредѣлять внутренній порядокъ въ государствахъ, входящихъ въ составъ этого общества. Во-2-хъ, онъ далъ формальную санкцію тому расколу, который совершился въ духовномъ единствѣ западно-европейскихъ народовъ съ отдѣленіемъ

протестантской церкви отъ римско-католической. Въ-3-хъ, признаніе политической автономіи множества нѣмецкихъ владѣній надолго обезпечивало безсиліе, государственное и международное, Германской имперіи и открывало широкій просторъ для вмѣшательства всѣхъ европейскихъ державъ во внутреннія ея дѣла. Въ-4-хъ, Вестфальскій миръ окончательно утвердилъ международное главенство Франціи, добившейся униженія своихъ вѣковыхъ соперницъ — Австріи и Германской имперіи, и выдвинулъ на нѣкоторое время Швецію, которая была дѣятельнымъ факторомъ въ международныхъ дѣлахъ Европы до тѣхъ поръ, пока внутреннія смуты, раздоры и эгоизмъ партій не лишили ея всякаго вліянія на европейскомъ континентѣ.

§ 22. Международныя событія во второй половинѣ XVII ст. и въ XVIII в. нельзя понять, не имѣя въ виду государственнаго и общественнаго строя, который установился въ государствахъ Западной Европы въ это время.

Политическій порядокъ, возникшій въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ на развалинахъ феодальной системы, долженъ былъ привести, въ естественномъ своемъ развитіи, къ возвышенію единоличной королевской власти и устройству ея на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя лежали въ основаніи политическаго авторитета и правъ феодаловъ. Короли сдѣлались преемниками всѣхъ прерогативъ, которыми прежде неограниченно пользовались феодальные сеньёры въ отношеніи какъ своей земли, такъ и населенія, на ней находившагося. Если феодалы считали принадлежащіе имъ лены своею частною собственностью, то и король, отнявъ феодальные участки въ свою пользу, сталъ смотрѣть на государственную территорію, какъ на свою вотчину, которою онъ можетъ распоряжаться по личному усмотрѣнію. Если населеніе феодальныхъ владѣній относилось къ своему господину, какъ къ покровителю, который, взамѣнъ оказываемой защиты, требовалъ безусловнаго подчиненія своей власти, то въ такое же положеніе стало оно и по отношенію къ королю, воля котораго сдѣлалась единственнымъ закономъ для его подданныхъ. Такъ выработался на континентѣ Европы принципъ неограниченнаго королевскаго самодержавства, примѣненіе котораго въ отдѣльныхъ случаяхъ, правда, прикрывалось либеральными формами, было выставляемо какъ требованіе государственнаго блага, интересовъ и нуждъ народа, но содержаніе котораго было старое, средневѣковое. Этотъ порядокъ назывался во Франціи

„просвѣщеннымъ деспотизмомъ“ [1]), у германскихъ юристовъ и историковъ онъ получилъ названіе „полицейскаго государства“.

Абсолютизмъ королевской власти нашелъ прочную опору въ общественномъ устройствѣ европейскихъ государствъ, которое въ эту эпоху было болѣе или менѣе одинаковое у всѣхъ западныхъ народовъ континента [2]). Изъ феодальной аристократіи образовалось здѣсь сословіе дворянства, надѣленное огромными привилегіями и не обязанное нести никакихъ повинностей въ пользу страны. Рядомъ съ нимъ стояло духовенство, высшій слой котораго, по общественному положенію, правамъ и льготамъ, ничѣмъ не отличался отъ дворянства [3]). Не таково было положеніе третьяго сословія и земледѣльческаго класса. Торговый классъ, представители промышленности, знанія, искусства могли бы съ честью и пользой для страны принимать участіе въ управленіи, но доступъ къ высшимъ должностямъ для нихъ былъ закрытъ. Что касается, наконецъ, крестьянъ, то они составляли податную силу, на счетъ которой существовало государство и поддерживали свой блескъ и праздность высшія сословія; въ противоположность послѣднимъ, крестьяне имѣли однѣ обязанности и никакихъ правъ.

Правительство стало на сторону дворянъ и высшаго духовенства. Оно приблизило къ престолу представителей того и другого класса, предоставляло имъ однимъ занимать высшія придворныя и государственныя мѣста, окружало ихъ всевозможными почестями и тѣсно связывало ихъ интересы со своими. Опираясь на содѣйствіе и безпрекословное подчиненіе этихъ классовъ, королевская власть могла неограниченно преслѣдовать внутри государства свои личныя желанія и династическіе интересы.

Соціальный порядокъ, сложившійся въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ въ XVII и XVIII в., рѣзко отразился на международныхъ отношеніяхъ этого времени. Тѣ цѣли, къ которымъ стремилась абсолютная королевская власть въ предѣлахъ своего государства, руководили и ея международной политикой.

---

[1]) Вотъ отвѣтъ Людовика XV парижскому парламенту 3-го марта 1766 г.: „C'est en ma personne seule que réside l'autorité souveraine... C'est à moi seul qu'appartient le pouvoir législatif sans dépendance et sans partage. L'ordre public tout entier émane de moi...“ (Taine. Les origines de la France contemporaine, t. I, p. 16), Gneist. Rechtsstaat, S. 159 u. flg.

[2]) Tocqueville. L'ancien régime, p. 68: „... dans toute l'Europe alors, les mêmes droits féodaux, précisément les mêmes, se retrouvaient“.

[3]) Taine, loc cit., p. 21. Tocqueville. L'ancien régime, p. 150 et suiv.

Личные и семейные интересы государей преобладали въ международныхъ отношеніяхъ XVII и XVIII в. надъ всѣми другими задачами государствъ. Общественныя нужды и стремленія не были въ то время удовлетворяемы ни въ одномъ континентальномъ европейскомъ государствѣ; тѣмъ болѣе они не могли найти уваженія въ области международныхъ сношеній. Въ глазахъ европейскихъ монарховъ этой эпохи подданные не имѣли никакихъ правъ по отношенію къ государственной власти, представляемой лицомъ государя. Неограниченная королевская власть произвольно распоряжалась собственностью и жизнью своихъ подчиненныхъ. Это неуваженіе къ праву отдѣльнаго лица во внутреннемъ управленіи оказало существенное вліяніе на общій характеръ международныхъ отношеній въ разсматриваемое время. Стремясь всѣми силами осуществить свои личныя эгоистическія цѣли, государи не признавали никакихъ правъ за иностранными народами и ихъ государями и не разбирали средствъ въ достиженіи поставленной себѣ задачи. Маккіавеллизмъ былъ лозунгомъ внѣшней политики и масштабомъ для опредѣленія обязательности международныхъ договоровъ.

Тѣмъ не менѣе, подобно тому, какъ внутри государствъ самыя произвольныя распоряженія правительства мотивировались соображеніями пользы и блага народа, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ этого времени всѣ войны и захваты чужихъ владѣній, какъ бы они ни были несправедливы и безсовѣстны, неизмѣнно прикрывались видомъ справедливости и права, торжественно провозглашаемыхъ въ королевскихъ манифестахъ и декретахъ. Государственные люди этой эпохи съ любовью цитируютъ въ своихъ дипломатическихъ актахъ сочиненіе Гуго Гроція, отца науки международнаго права, и ссылаются на самые возвышенные принципы нравственности и права, чтобъ прикрывать ими возмутительнѣйшія нарушенія основныхъ правъ народовъ [1]).

Послѣ Вестфальскаго мира главную роль въ международныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ играла Франція. Преобла-

[1]) M. Bernard. Four lectures, p. 78.

дающее вліяніе ея на европейскія дѣла особенно сильно сказывалось въ концѣ XVII и начала XVIII в., когда французскій престолъ занималъ Людовикъ XIV. Личная королевская политика, господствовавшая на континентѣ Европы въ теченіи всего разсматриваемаго періода, нашла въ этомъ государѣ наиболѣе типическаго своего представителя.

Территоріальныя пріобрѣтенія, расширеніе границъ своего государства на счетъ сосѣднихъ державъ — такова была задача, которую поставилъ себѣ Людовикъ XIV. Она разрѣшалась какъ дипломатическими переговорами, такъ и захватами и войнами, которые наполняютъ все царствованіе этого замѣчательнаго государя [1]).

Обстоятельства были благопріятны для плановъ французскаго короля. Государственное устройство Франціи позволяло ему безконтрольно распоряжаться всѣми силами своего народа; онъ располагалъ огромными матеріальными средствами, оставленными ему его предшественниками; онъ имѣлъ устроенные и лучшіе въ то время войско и флотъ. Напротивъ, другія европейскія государства или были ничтожны въ военномъ отношеніи, какъ Голландскіе Штаты, или представляли, подобно Германской имперіи, полнѣйшее общественное разложеніе и политическое безсиліе [2]). Щедро платимыми субсидіями Людовикъ XIV заставлялъ безпрекословно повиноваться себѣ германскихъ государей и такимъ же образомъ поддерживалъ союзъ съ правительствомъ Карла II и Іакова II, королей англійскихъ, и съ шведскимъ королевствомъ.

При этихъ условіяхъ Людовикъ XIV началъ первую свою войну съ Испаніей, которая не соглашалась уступить ему добровольно Бельгійскія провинціи, требуемыя французскимъ королемъ на томъ основаніи, что онѣ составляютъ законное наслѣдство его жены, какъ единственной дочери отъ перваго брака Филиппа IV испанскаго (par le droit de dévolution). Война за бельгійское наслѣдство окончилась Ахенскимъ миромъ въ 1668 г., благодаря союзу и посредничеству Голландіи, Англіи и Швеціи. На основаніи этого мира

[1]) Весьма удачны слова о Людовикѣ XIV Macaulay. (History of England, t. I, p. 199): „In his dealings with foreign powers he had some generosity, but no just ce... he broke trough the most sacred ties of public faith without scruple or shame whenever they interfered with his interest of that, what he called his glory“.

[2]) Ср. Ranke. Abhandlungen und Versuche. Lpz. 1872, S. 4 flg.

Людовикъ XIV пріобрѣлъ 12 фландрскихъ городовъ съ ихъ округами [1]).

Раздраженный вмѣшательствомъ Голландской республики, по инициативѣ которой составился вышеупомянутый тройственный союзъ, Людовикъ XIV въ 1672 г. объявилъ ей войну, имѣя своими союзниками англійскаго и шведскаго королей. На сторонѣ Голландіи находились: германскій императоръ, Данія, Испанія и Бранденбургъ. По мирному Нимвегенскому трактату (1678 г.). Людовикъ получилъ Франшконте, показавъ удивительное искусство въ разъединеніи своихъ противниковъ и въ подчиненіи каждаго въ отдѣльности своимъ условіямъ [2]).

Удачный миръ въ Нимвегенѣ поощрилъ французскаго короля къ дальнѣйшимъ захватамъ. Въ 1680 г. онъ учредилъ особыя судебныя коммисіи—chambres de réunion, съ назначеніемъ изслѣдовать, какія земли находились въ ленной зависимости отъ округовъ, принадлежащихъ Франціи по трактатамъ Вестфальскому, Ахенскому и др. Князья Германской имперіи и представители эльзаскихъ и фландрскихъ городовъ призывались въ эти суды для доказательства законныхъ своихъ правъ на независимое существованіе, причемъ малѣйшее сомнѣніе служило предлогомъ для присоединенія ихъ владѣній къ французской территоріи. Этимъ путемъ Людовикъ XIV захватилъ въ свою пользу значительное число городовъ и деревень въ Германіи и въ испанскихъ Нидерландахъ [3]).

Напрасно испанскій король и Голландскіе Штаты обращались къ Версальскому двору съ представленіями и протестами противъ такого вопіющаго нарушенія правъ независимыхъ государствъ: Людовикъ XIV оставлялъ ихъ безъ всякаго вниманія. Убѣжденный въ собственной силѣ и слабости другихъ государствъ, онъ продолжалъ самовольно распоряжаться чужими владѣніями. Не объявляя войны,

---

[1]) Ranke. Französische Geschichte (Lpz. 1869). Bd. III, S. 231 flg.

[2]) Dumont. Corps. universel diplomatique du droit des gens, t. VII, part. 1-re p. 350. Macaulay. History of England, t. III, p. 122.

[3]) Legrelle. Louis XIV et Strassbourg. Paris 1884, 4-me éd.

онъ осадилъ и занялъ городъ Люксембургъ; такая же судьба постигла Страсбургъ.

Со времени англійской революціи 1688 г. отношеніе континентальныхъ европейскихъ государствъ къ Франціи мало по малу измѣняется. Изъ всѣхъ государей того времени только штатгальтеръ Голландской республики, Вильгельмъ принцъ Оранскій, ясно видѣлъ общую опасность для всѣхъ государствъ отъ ненасытнаго честолюбія французскаго короля и имѣлъ мужество бороться, насколько было возможно, съ его притязаніями па неограниченное господство въ Европѣ. Лучшимъ средствомъ остановить захваты Людовика XIV онъ считалъ практическое осуществленіе идеи политическаго равновѣсія государствъ посредствомъ заключенія между европейскими государствами общаго союза для охраненія своей самостоятельности и независимости отъ посягательствъ честолюбиваго монарха. Но эти союзы мало удавались голландскому штатгальтеру, пока онъ не былъ приглашенъ, въ 1688 г., занять вакантный англійскій престолъ.

Въ качествѣ англійскаго короля, Вильгельмъ Оранскій располагалъ уже достаточнымъ вліяніемъ, силами и средствами, чтобы образовать общеевропейскую коалицію, которая и организовалась благодаря его стараніямъ, въ 1689 г., во время войны Людовика XIV съ Германской имперіей. Кромѣ послѣдней и Англіи, въ союзъ вошли Голландія, Бранденбургъ, Швеція, Данія, Испанія и Савойя. Но коалиціи не удалось побѣдить Людовика XIV. Послѣдній опять успѣлъ раздѣлить союзниковъ и предписалъ каждому свои условія мира. Рисвикскій мирный конгрессъ (1697 г.) утвердилъ за Франціей владѣніе Страсбургомъ и обогатилъ ее значительными территоріальными приращеніями на счетъ Испаніи [1].

Миръ въ Рисвикѣ былъ торжествомъ для французской политики, благодаря полнѣйшему отсутствію единодушія въ дѣйствіяхъ

---

[1]) Dumont, t. VII, 1-re part., p. 381 etc. — Macaulay. History of England, t. IV, p. 788, даетъ мѣткую характеристику порядка веденія дипломатическихъ переговоровъ на Рисвикскомъ конгрессѣ.

союзниковъ. Вся тяжесть войны падала на Англію и Голландскіе Штаты, тогда какъ германскій императоръ и имперскіе князья отличались крайнею бездѣятельностью и равнодушіемъ не только къ общеевропейскимъ интересамъ, но и къ собственной пользѣ. Это непониманіе собственныхъ выгодъ со стороны имперіи и ея государей до того возмутило Вильгельма Оранскаго, что онъ рѣшился не связывать больше интересы англійскаго народа съ ихъ интересами. Поэтому послѣ Рисвикскаго мира онъ измѣнилъ свою политику и въ 1698 г., въ Гагѣ, заключилъ съ Людовикомъ XIV трактатъ о раздѣлѣ испанскихъ владѣній, въ виду близкой смерти бездѣтнаго Карла II [1]). Но соглашеніе это не могло получить осуществленія. Раздраженный проектомъ раздѣленія своего королевства, Карлъ II, послѣ смерти въ 1699 г. баварскаго наслѣднаго принца, котораго онъ первоначально назначилъ своимъ преемникомъ, составилъ завѣщаніе въ пользу внука Людовика XIV, Филиппа Анжуйскаго. Когда Карлъ II умеръ (1700 г.), Филиппъ Анжуйскій, съ согласія французскаго короля, былъ объявленъ законнымъ государемъ всѣхъ испанскихъ земель, какъ европейскихъ, такъ и за океаномъ [2]).

Принявъ завѣщаніе, Людовикъ XIV нарушилъ раздѣльный трактатъ, заключенный съ англійскимъ королемъ, и возбудилъ опасеніе всѣхъ европейскихъ государствъ за равновѣсіе, такъ какъ Филиппъ Анжуйскій и его потомство могли соединить короны испанскую и французскую въ одномъ лицѣ. Поэтому противъ Франціи снова составилась коалиція, въ которой участвовали: Германская имперія, Англія, Голландія, Пруссія, Португалія и Савойя. Сторону французскаго короля приняла одна Испанія.

Война за испанское наслѣдство (1701—1713) довела Францію до полнаго истощенія. Рядъ рѣшительныхъ неудачъ французскихъ

---

[1]) Ranke. Englische Geschichte (Lpz. 1872). Bd. VII, S. 153 u. flg. Dumont, t. VII, 1-re part. p. 442 etc.

[2]) Mignet. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV, tome I, Introduction, p. LX et suiv. Cp. Wheaton. Histoire, t. I, p. 115 et suiv.

войскъ заставилъ Людовика просить о мирѣ, который былъ окончательно заключенъ въ Утрехтѣ въ 1713 г. Побѣжденный король все-таки достигъ своей главной цѣли: Филиппъ Анжуйскій былъ признанъ испанскимъ королемъ. Но ради поддержанія европейскаго равновѣсія Утрехтскій мирный трактатъ опредѣлилъ, что Франція и Испанія никогда не должны быть соединяемы подъ одною короною[1]). Кромѣ того, Испанія уступила въ пользу Австріи Бельгійскія провинціи и, кромѣ того (Баденскимъ трактатомъ 1814 года), Ломбардію и Неаполь. Англія пріобрѣла Гибралтаръ, съ сохраненіемъ за испанскимъ правительствомъ права первой его покупки, еслибъ она когда-либо пожелала отказаться отъ владѣнія этою крѣпостью Франція уступила Англіи часть своихъ сѣверо-американскихъ колоній и обязалась срыть укрѣпленія Дюнкирхена[2]).

Послѣ заключенія Утрехтскаго мирнаго трактата въ международной системѣ европейскихъ государствъ произошли существенныя перемѣны. Въ 1715 году умеръ Людовикъ XIV, и Франція на нѣкоторое время перестаетъ быть угрозой европейскому миру. Швеція, возведенная геніемъ Густава-Адольфа на степень первоклассной европейской державы, была истощена непрерывными войнами Карла X и Карла XII, и въ началѣ XVIII в., благодаря раздорамъ олигархическихъ партій за обладаніе государственною властью, должна была отказаться отъ выдающейся роли во внѣшней политикѣ. Въ тоже время новое могущественное государство — Россія — впервые вступила въ живыя сношенія съ Западной Европой, и, побѣдивъ въ великой Сѣверной войнѣ своихъ исконныхъ враговъ, Шведовъ, окончательно утвердила свое положеніе въ семьѣ культурныхъ европейскихъ народовъ.

---

[1]) Это постановленіе Утрехтскаго трактата получило новое подтвержденіе въ дипломатической перепискѣ между Англіей и Франціей, происходившей съ 1842 по 1847 годъ, по поводу женитьбы французскаго принца герцога Монпансье на сестрѣ испанской королевы Изабеллы. См. Lawrence. Commentaire sur Wheaton t. II, p. 209 et suiv. Phillimore. Commentaries, t. III, p. 207.

[2]) Dumont. Corps universel diplomatique du droit des gens, t. VIII, part 1, p. 339. De Clercq. Recueil des traités de la France t. I, p. 1. Cp. Garden. Histoire des traités, t. II, p. 305 et suiv.

§ 23. До XVIII ст. сношенія Россіи съ западными государствами представляли рѣдкое явленіе и носили особенный характеръ. Эти сношенія будутъ понятны, если имѣть въ виду условія, среди которыхъ складывалось русское государство. Уже самое географическое положеніе древней Россіи въ значительной степени препятствовало развитію ея сношеній съ западными народами [1]). Съ XIII ст. къ этимъ невыгоднымъ условіямъ присоединяется нашествіе Татаръ, которое въ продолженіи слишкомъ двухъ столѣтій разобщало Россію съ Западной Европой. Когда затѣмъ русская земля мало-по-малу собралась около Москвы и образовала изъ себя государство подъ верховною властью царей, то и послѣ того она не скоро еще могла дѣйствительно выступить въ роли субъекта международныхъ сношеній. Замкнутый общественный и государственный строй Москвы и недостаточное культурное развитіе ея населенія дѣлали эти сношенія невозможными и излишними. Китаизмъ соотвѣтствовалъ нравамъ и воззрѣніямъ русскаго общества, будучи въ тоже время лозунгомъ, даннымъ ему правительствомъ [2]).

Съ своей стороны, западныя европейскія государства чуждались московитовъ и относились къ нимъ непріязненно. Нельзя не видѣть главную причину этой отчужденности и вражды въ различіи основныхъ элементовъ духовной жизни тѣхъ и другихъ. Раздѣленіе церквей греческой и римской привело къ тому, что народы, исповѣдующіе православіе, благодаря вліянію католическихъ первосвященниковъ, перестали считаться на Западѣ Европы христіанами и полноправными членами европейскаго международнаго общества. Вотъ почему Кіевская и первоначально Московская Россія поддерживала сношенія не съ латинскимъ Западомъ, но почти исключительно съ Византіей, съ которой соединяла ее общность религіозныхъ вѣрованій, а впослѣдствіи,

---

[1]) См. мѣткія замѣчанія у Leroy Beaulieu. L'empire des Tzars et les Russes (Paris 1881), t. I, chap. I et III.

[2]) Вотъ что говоритъ Котошихинъ: „По поѣздѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати не позволено". („О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", глава IV, стр. 24).

когда та и другая подверглись завоеванію азіатскихъ варваровъ, также и политическихъ интересовъ.

Указанныя неблагопріятныя обстоятельства были причиной, что ни русское государство, ни русскій народъ долгое время не сознавали необходимости въ международныхъ сношеніяхъ. Поэтому до XVIII столѣтія, когда верховная власть Московскаго государства пришла, наконецъ, къ сознанію извѣстныхъ цѣлей и интересовъ, связывающихъ ее съ западными государствами, Россія играла въ области международныхъ сношеній большею частью пассивную роль. Они возникали по инціативѣ иностранцевъ и имѣли предметомъ обыкновенно торговыя выгоды, эксплоатацію русскаго народа и естественныхъ богатствъ его страны. О дѣйствительномъ сближеніи между русскими и иноземными людьми, при отсутствіи общихъ имъ культурныхъ или политическихъ интересовъ, не могло быть и рѣчи [1]).

Такой характеръ носили первоначальныя сношенія Россіи съ Англіей [2]). Они возникли въ 1553 году, когда купецъ Ченслеръ присталъ къ Холмогорамъ и отсюда отправился въ Москву, просить царя о позволеніи вести торговлю въ его государствѣ. Получивъ грамоту на свободный торгъ, Ченслеръ возвратился въ Англію, гдѣ устроилась „русская компанія" для торговли съ невѣдомой Московской землей. Съ этого времени начались частыя посылки въ Москву англійскихъ купцовъ и даже посланниковъ и, съ своей стороны, московское правительство также посылало въ Англію своихъ представителей. Уже въ началѣ XVII в. упоминается объ Англійскомъ консулѣ въ Москвѣ. Главнымъ предметомъ этихъ международныхъ сношеній неизмѣнно оставались торговые интересы Англичанъ, которые выговорили въ свою пользу не только монопольную торговлю въ предѣлахъ Россіи, но и право транзита черезъ Россію въ Персію и Индію [3]). Не ранѣе XVII ст. сношенія между Англіей и

---

[1]) Ср. Брикнеръ. Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII ст. Москва, 1878, стр. 6 и слѣд.

[2]) Мое „Собр. трактатовъ", т. X. Трактаты съ Англіею. Введеніе. Толстой. Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею 1553—1593. Спб. 1875. Введеніе.

[3]) Впрочемъ, иногда затрагивались также вопросы иного свойства. Въ 1569 году въ Лондонъ былъ отправленъ посланникомъ Совинъ, которому было приказано обратиться къ королевѣ Елизаветѣ, между прочимъ, съ слѣдующимъ вопросомъ, „Что есть ли ему, Государю, случится какая невзгода отъ недруговъ, то дозволено ли будетъ ему пріѣхать въ Англію? Равнымъ образомъ ежели тоже и съ королевою воспослѣдуетъ, то и она можетъ пріѣхать свободно въ Россію".

Москвой нѣсколько измѣняютъ свой характеръ. Убѣдившись въ могуществѣ и богатствѣ англійскаго государства, Московскіе цари стали обращаться къ нему за помощью противъ злѣйшихъ своихъ враговъ—Швеціи и Польши. Англія не отказывала въ своихъ услугахъ, постоянно имѣя въ виду новыя торговыя выгоды. Такъ, Столбовскій миръ (1617 г.) между Русскими и Шведами былъ заключенъ при посредничествѣ англійскаго уполномоченнаго Джона Мерика, который вслѣдъ затѣмъ заявилъ требованіе значительныхъ привилегій для торговли Англичанъ въ московскомъ государствѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дружественныя отношенія къ Англичанамъ охладились на нѣкоторое время вслѣдствіе извѣстія, дошедшаго до царя, о казни надъ королемъ Карломъ I. Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, которымъ англійскіе купцы „за такое злое дѣло" были изгнаны, вмѣстѣ съ своимъ консуломъ изъ Москвы; впредь дозволялось имъ пріѣзжать только въ Архангельскъ и торговать здѣсь не иначе, какъ съ уплатою пошлинъ. Дружба опять возобновилась, по возстановленіи на англійскомъ престолѣ Стюартовъ; но съ этого времени московское правительство относится уже болѣе осмотрительно къ назойливымъ домогательствамъ Англичанъ на счетъ новыхъ льготъ въ отношеніи торговли, наносившихъ ущербъ какъ русскимъ торговымъ людямъ, такъ и казнѣ.

Сношенія Россіи съ Австріей, точно также какъ и съ Англіей, начались не по иниціативѣ московскихъ царей. Римскій императоръ Фридрихъ III отправилъ въ 1489 году посольство въ Москву, прося для своего племянника Альбрехта, маркграфа Баденскаго, руки одной изъ дочерей великаго князя Ивана Васильевича, а также о воспрещенія Псковитянамъ дѣлать набѣги на Ливонію. Въ этомъ же году московскій князь послалъ отъ себя въ Австрію грека Траханіота съ товарищами для переговоровъ о свободныхъ сношеніяхъ между обоими государствами и взаимныхъ посольствахъ.

Такъ зародились постоянныя дипломатическія сношенія Россіи съ Австріей, которыя съ теченіемъ времени все болѣе укрѣплялись. Дружественность отношеній между двумя государствами поддерживалась, прежде всего, самымъ географическимъ ихъ положеніемъ: они раздѣлялись въ разсматриваемое время владѣніями другихъ государствъ, имъ враждебныхъ, и потому не имѣли поводовъ вступать въ пограничныя столкновенія, весьма естественныя между сосѣдними державами. Одною изъ важныхъ причинъ сближенія между ними было также и то, что оба государства имѣли одинаковыхъ враговъ и друзей. Дѣйствительно, вся исторія Австріи проходитъ въ захватахъ и пріобрѣтеніяхъ сосѣднихъ земель при помощи браковъ, дареній, завоеваній, которые не всегда дѣлали счастливыми народы, этими средствами присоединяемые. Такъ,

Бельгія и Венгрія имѣли много причинъ быть недовольными своей судьбой подъ австрійскою властью. Постоянные смуты и заговоры, возникавшіе въ этихъ земляхъ, открывали широкое поле для вмѣшательства въ австрійскія дѣла сосѣднихъ государствъ, Польши и Турціи. Послѣдняя захватила въ свою пользу большую часть Венгріи, и въ силу Адріанопольскаго трактата 1545 г., императоръ Фердинандъ I вынужденъ былъ платить султану ежегодную дань. Въ подобныхъ же непріязненныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ и Турціи находилась Россія. Московскіе великіе князья и цари имѣли основаніе опасаться замысловъ польскаго народа на независимость русской земли. Польша неоднократно вмѣшивалась во внутреннія дѣла Россіи и успѣла захватить многія изъ ея областей, западныхъ и южныхъ. Естественно, что московскіе князья были заклятыми врагами Польши и искали союза противъ нея въ австрійскихъ государствахъ. Не менѣе враждебно относилось московское правительство къ Туркамъ, подъ властью которыхъ находились, съ одной стороны, единовѣрные Русскимъ народы Балканскаго полуострова, съ другой—безпокойные крымскіе Татары, разорявшіе Россію своими набѣгами. Въ борьбѣ противъ Оттоманской имперіи Россія была опять естественной союзницей Австріи [1]. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ теченіи XVI и XVII ст. между обѣими державами постоянно заключаются союзные трактаты, направленные противъ общихъ ихъ враговъ, Польши и Турціи, и что отношенія между ними остаются самыя дружелюбныя [2].

Исключительно торговыя сношенія существовали между Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Смоленскомъ съ одной стороны, и германскими коммерческими городами, входившими въ составъ Ганзы—съ другой. Они возникли въ XII ст., по почину предпріимчивыхъ нѣмецкихъ торговцевъ, которые завели въ названныхъ русскихъ городахъ свои „дворы" и жили здѣсь совершенно на военномъ положеніи, постоянно опасаясь нападеній „сѣверныхъ варваровъ". Но нельзя сказать, чтобы Нѣмцы не дорожили русскими рынками. Они пользовались здѣсь обширными торговыми правами и привилегіями, которыя давали имъ полную возможность эксплоатировать русскій народъ. Всѣ стремленія нѣмецкихъ купцовъ были направлены къ расширенію своихъ вольностей на счетъ интересовъ русской торговли и сохраненію за собою монополіи торговыхъ оборотовъ съ Русскими. Затѣмъ, они нисколько не интересовались ни

---

[1] См. подробности относительно историческаго развитія сношеній Россіи съ Австріей во введеніи къ т. I моего „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами" (Спб. 1874).

[2] Fiedler. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian f. und Vasilji Ivanovic, im Jahre 1514. Wien 1863. (Sitzungsbericht der Wiener Academie der Wissenschaften).

общественнымъ строемъ, ни политическими цѣлями Великаго Новгорода или дальней Москвы, и не возбуждали въ самихъ Русскихъ никакого желанія ознакомиться ближе съ заморскою жизнью. Взаимныя сношенія ихъ ограничивались исключительно торговлей и не имѣли никакого политическаго значенія. Они должны были прекратиться въ 1478 г., когда, по уничтоженіи вольности Новгорода, нѣмецкій дворъ, по приказанію великаго князя, былъ закрытъ и отмѣненъ [1]).

Напротивъ, сношенія между московскимъ государствомъ и герцогствомъ Прусскимъ и Бранденбургскимъ маркграфствомъ, установившіяся въ XVI ст., имѣютъ своимъ основаніемъ политическіе интересы.

Герцогство Прусское и маркграфство Бранденбургское завоевали свое положеніе на востокѣ, говоря словами Ранке, тремя главными орудіями: мечемъ, плугомъ и крестомъ. Силою оружія они поработили строптивое населеніе Пруссіи, крестомъ распространили въ этомъ населеніи христіанскую вѣру, подъ покровомъ которой развилась культура и цивилизація; наконецъ, плугомъ положили они начало гражданственности. Утвердивъ на этихъ основаніяхъ свое независимое политическое существованіе, обѣ германскія страны соединились подъ однимъ скипетромъ въ XVI ст., и въ тоже время Бранденбургскій курфюрстъ убѣдился, что союзъ съ Москвою представляется для него надежнѣйшимъ средствомъ отстоять свою независимость въ борьбѣ своими врагами—Польшей и Швеціей.

Польское королевство держало въ сюзеренной зависимости отъ себя Пруссію; его владѣнія раздѣляли Пруссію и Бранденбургъ. Послѣ соединенія послѣднихъ подъ властью курфюрста, главною цѣлью политики берлинскаго правительства явилось освобожденіе отъ ленныхъ отношеній къ Польшѣ и къ обогащенію себя на счетъ владѣній этого государства. Въ преслѣдованіи подобныхъ цѣлей Бранденбургскіе курфюрсты находили естественно сочувствіе и союзъ со стороны Московскаго государства. Новымъ основаніемъ для сближенія между ними явились въ XVII ст. одинаково враждебныя отношенія ихъ къ сосѣдней Швеціи, которая завладѣла Помераніей и Прибалтійскими землями, впослѣдствіи отошедшими отъ нея къ Пруссіи и Россіи.

Такимъ образомъ, тѣсное сближеніе между Москвою и Бранденбургскимъ курфюршествомъ вызывалось общими жизненными условіями и политическими стремленіями обоихъ государствъ. Въ виду этого въ теченіи XVI и XVII ст.

---

[1]) См. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка. Спб. 1879 года. Въ особенности гл. VI и сл.—Костомаровъ. „Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII ст.“ Спб. 1862.

союзныя между ними отношенія все болѣе укрѣплялись дипломатическими сношеніями и трактатами [1]).

Въ XVI в. начались сношенія между Россіей и Нидерландами. Въ царствованіе великаго князя Василія Ивановича голландскіе купцы, благодаря подаркамъ, получили грамоту, обезпечивавшую за ними свободу пріѣзда и торговли въ Московскомъ государствѣ. Подобно Англичанамъ, Голландцы входили въ переговоры съ царями и отправляли въ Москву посольства съ исключительною цѣлью выговорить въ свою пользу возможно широкія торговыя права и привилегіи.

Сношенія Россіи съ Франціей, уже по причинѣ отдаленности этихъ государствъ другъ отъ друга, не могли получить широкаго развитія въ московское время. Но сношенія эти замѣчательны, какъ первыя и единственныя, возникшія по почину московскаго правительства [2]). По совѣту цезарскаго посла. барона Герберштейна, великій князь Василій Ивановичъ въ 1518 г. отправилъ къ французскому королю грамату, въ которой просилъ о помощи противъ Польши. Король отвѣтилъ выраженіемъ готовности оказать всякое содѣйствіе московскому государю, но на самомъ дѣлѣ ничего не предпринялъ. Не имѣло успѣха и посольство, снаряженное во Францію при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1615 г., съ жалобами на польскіе и шведскіе захваты и нападенія. Въ 1629 г. въ Москву прибыло первое французское посольство: оно имѣло цѣлью обезпечить въ предѣлахъ Россіи торговыя права Французовъ, но находило излишнимъ входить въ соглашеніе о союзѣ между Франціей и московскимъ царемъ противъ Поляковъ. По предмету этого союза московское правительство снова отправило посольство въ Версаль въ 1667 г., но опять безъ успѣха, на этотъ разъ благодаря грубости московскаго посла Потемкина, дѣлавшаго всевозможныя затрудненія французскому двору.

Сношенія Россіи съ Англіею, случайнымъ образомъ возникшія въ царствованіе царя Іоанна Грознаго, постоянно развиваются въ смыслѣ мирнаго торговаго обмѣна. Англичанамъ удалось обезпечить за собою въ Россіи совершенно исключительныя права по торговлѣ и мореплаванію, которыми они безпрепятственно пользовались въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ до конца прошлаго столѣтія. Политическіе интересы стали выдвигаться на первый планъ въ сношеніяхъ Россіи съ Англіею только въ царствованіе императрицы Екатерины II [3]).

[1]) См. мое Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. V: Трактаты съ Германіей. Спб. 1880 г. Введеніе.

[2]) Resumé historique des relations politiques de la Cour de France avec celle de Russie dès le XVII siècle jusqu'au traité de Paris en 1814. (изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Rambeau. Recueil instructions. Russie, t. I, 1890.

[3]) См. Введеніе къ т. X моего „Собранія тракт. и конвенцій“ (1892). Трактаты съ Англіею.

Болѣе важными и сложными представляются сношенія Россіи съ Швеціей. Начало этихъ сношеній восходитъ къ XIII ст. Невская битва открыла собою рядъ кровопролитныхъ столкновеній между двумя сосѣдними народами, боровшимися за обладаніе Сѣверною Русью и берегами Балтійскаго моря. Можно сказать, что съ XIII по XVIII ст. война являлась нормальнымъ порядкомъ взаимныхъ отношеній между Россіей и Швеціей. Поэтому всѣ трактаты, которые были заключены между ними въ теченіи этого времени, имѣютъ своимъ содержаніемъ условія мира или, вѣрнѣе, перемирій, на короткій срокъ пріостанавливавшихъ войну. Союзы между обоими государствами составляли рѣдкое исключеніе.

Вѣковыя непріязненныя отношенія между Швеціей и Россіей разрѣшились великою Сѣверною войною (1700 — 1721). На основаніи Ништадскаго мирнаго трактата 1721 г., Россія пріобрѣла Эстляндію, Лифляндію, Ингрію, островъ Эзель, часть Кареліи и Финляндіи съ г. Выборгомъ; другія завоеванныя финляндскія области были возвращены Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство русское обязывалось не вмѣшиваться во внутреннія шведскія дѣла и подтвердило тѣ привилегіи и права, которыми пользовалось дворянство и городское населеніе Прибалтійскаго края подъ шведскою властью.

Ништадскій миръ обезпечилъ постоянныя и правильныя сношенія русскаго народа съ Западной Европой. Съ этого времени Россія сдѣлалась необходимымъ членомъ европейскаго международнаго общества и, въ теченіи XVIII ст., безъ ея участія не получалъ рѣшеніе ни одинъ болѣе или менѣе серьезный международный вопросъ.

§ 24. Другая держава, которая выдвинулась въ XVIII ст. на первый планъ и пріобрѣла огромное значеніе въ области международныхъ отношеній, была Пруссія. Выше мы указали условія, содѣйствовавшія возвышенію Пруссіи и Бранденбурга въ XVI и XVII ст. Неуклонное стремленіе бранденбургскихъ курфюрстовъ къ расширенію своего государства и подъему его политическаго значенія среди другихъ европейскихъ державъ привело Пруссію къ упорной борьбѣ съ Австріей за преобладаніе въ Германской имперіи. Курфюрстъ Фридрихъ I короновался въ 1701 г. собственной властью королемъ прусскимъ и удержалъ этотъ титулъ, несмотря на первоначальные протесты германскаго императора. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, наступившими по смерти императора герман-

скаго Карла VI (1740 г.). Фридрихъ II прусскій увеличиваетъ свои владѣнія на счетъ Австрійскаго дома.

На основаніи Прагматической санкціи, изданной Карломъ VI, всѣ земли, входившія въ составъ Австрійской монархіи, должны были перейти въ нераздѣльное владѣніе старшей его дочери Маріи-Терезіи. Этотъ актъ нарушалъ порядокъ престолонаслѣдія, существовавшій въ Австріи, и можно было навѣрное ожидать, что европейскія державы не преминутъ воспользоваться смертью послѣдняго Габсбурга, чтобы заявить притязанія на австрійское наслѣдство. Во избѣжаніе раздѣла своихъ земель, Карлъ VI придалъ Прагматической санкціи характеръ международнаго акта. Съ великими жертвами денежными и уступками земель, онъ достигъ того, что права его дочери были признаны и гарантированы всѣми главнѣйшими европейскими государствами [1]).

Но державы, подписавшія акты гарантіи Прагматической санкціи, не нашли удобнымъ исполнить свои обѣщанія. Какъ только скончался Карлъ VI, Баварія, Саксонія, Пруссія, Сардинія и Испанія тотчасъ объявили свои права на различныя части австрійскихъ владѣній. Въ союзѣ съ Франціей, претенденты на австрійскія земли составили коалицію противъ Маріи-Терезіи и на основаніи трактата, заключеннаго въ Нимфенбургѣ въ 1741 г., согласились о раздѣлѣ ея государства [2]).

Наиболѣе энергично преслѣдовалъ свои претензіи прусскій король Фридрихъ II. Не отрицая обязательной силы Прагматической санкціи, имъ подтвержденной, онъ считалъ безспорными свои права на Нижнюю Силезію и находилъ справедливымъ занять эту австрійскую область своими войсками. Такъ началась первая Силезская война (1740 — 1742), неудачная для Австріи, которая по мирному договору въ Бреславлѣ (1742) согласилась на присоединеніе къ Пруссіи Силезіи и графства Глацкаго. Эти пріобрѣтенія прусскаго

---

[1]) Срав. Ranke. Zwölf Bücher preussischer Geschichte, Band V, Buch X. Laurent. Histoire, t. XI, p. 232 et suiv.

[2]) Martens. Recueil des traités, Suppl., t. I, p. 721.

короля были подтверждены Дрезденскимъ миромъ (1745)[1], окончившимъ вторую Силезскую войну между Австріей и Пруссіей (1744 — 1745), благодаря вмѣшательству Россіи для защиты владѣній ея союзника, польскаго короля[2]).

Въ тоже время Марія-Терезія вела войну съ Франціей, Баваріей и Испаніей, которыя также домогались территоріальныхъ пріобрѣтеній. Эта война за австрійское наслѣдство (1741 — 1748), болѣе счастливая для Австріи, нежели Силезскія войны, окончилась Ахенскимъ мирнымъ конгрессомъ 1748 г. состоявшимся при участіи Австріи, Англіи, Голландіи и Сардиніи съ одной стороны, и Франціи и Испаніи—съ другой. На основаніи Ахенскаго мирнаго трактата, всѣ завоеванія, сдѣланныя во время войны за австрійское наслѣдство, возвращались обратно, но Австрія уступала дону Филиппу, сыну испанскаго короля Филиппа V и Елизаветы Фарнезе, свои итальянскія владѣнія — Парму, Пьяченцу и Гвасталлу, и сардинскому королю—часть Ломбардіи; прусскому королю гарантировалось владѣніе Силезіей и Глацомъ[3]).

Ахенскій миръ установилъ на Западѣ Европы не такой порядокъ вещей, который удовлетворялъ бы желанія и интересы правительствъ. Австрія не могла забыть утраты Силезіи; Франція, потерявшая въ войнѣ съ Англичанами весь свой флотъ, не удержала за собой ни одной изъ завоеванныхъ ею земель. Поэтому, послѣ мира въ Ахенѣ, европейскія государства снова приготовляются къ войнѣ и поддерживаютъ другъ съ другомъ оживленные переговоры по предмету заключенія новыхъ союзныхъ трактатовъ.

Въ это время русское правительство имѣло много причинъ относиться съ недовѣріемъ и опасеніями къ прусскому королю. Возроставшее могущество Пруссіи и широкіе завоевательные планы Фридриха II сильно безпокоили императрицу Елизавету Петровну и побуждали ее искать союза съ врагами прусскаго короля. Когда послѣдній нарушилъ Бреславльскій мирный трактатъ, одною изъ поручительницъ котораго была Россія, руководитель русской политики въ царствованіе Елизаветы Петровны, канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, окончательно убѣдилъ императрицу въ томъ мнѣніи, что

---

[1]) Wenck. Codex juris gentium, t. I, p. 739; ibidem, t. II, p. 194.

[2]) Ranke. Zur Geschichte von Oesterreich und Preussen, zwischen den Friedensschlüssen zu Aachen und Hubertusburg. (Lpz. 1875), S. 65 u. flg.

[3]) De Clercq. Recueil des traités de la France, t. I, p. 65. Wenck. Codex juris gentium, t. II, p. 333 etc.

жизненные интересы русскаго государства требуютъ положить предѣлъ захватамъ прусскаго короля, стремящагося къ поколебанію европейскаго политическаго равновѣсія [1]). Кромѣ этихъ политическихъ соображеній, личная непріязнь императрицы къ прусскому королю, оскорбившему ея женское самолюбіе, значительно содѣйствовала разрыву между Россіей и Пруссіей.

Въ виду этого Елизавета Петровна вступила въ 1746 г. въ оборонительный союзъ съ Маріей-Терезіей противъ Пруссіи, и когда, стараніями графа Кауница, австрійское правительство, измѣнивъ вѣковой своей политикѣ, заключило въ 1756 г. Версальскій союзный трактатъ съ Франціей, къ этому союзу приступила также Россія (1756 г.) [2]).

Между тѣмъ еще въ 1747 г. венгеро-богемская королева вошла въ тайное соглашеніе съ курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ III на счетъ раздѣла прусскаго королевства. Получивъ извѣстія о составленной противъ него коалиціи, Фридрихъ II неожиданно двинулся, въ августѣ 1756 г., въ Саксонію и занялъ Дрезденъ. Бумаги дрезденскаго архива, захваченныя прусскими войсками, подтвердили подозрѣнія прусскаго короля [3]).

Въ начавшейся такимъ образомъ Семилѣтней войнѣ (1756—1763) принимали участіе на одной сторонѣ — Австрія, Германія, Саксонія, Франція и Россія, на другой — Пруссія въ союзѣ съ Англіей. Война привела Фридриха на край гибели. Въ концѣ 1761 г., вслѣдствіе полнаго истощенія Пруссіи и ряда пораженій, нанесенныхъ

[1]) „Сей король“, писалъ канцлеръ гр. Воронцову 11 августа 1744 г., „будучи наиближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперіи (Россіи), потому натурально и наиопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ, каковъ у него (Фридриха II) суще есть“. См. мое Собраніе трактатовъ, заключенныхъ Россіей. Т. V, стр. 337 и слѣд. Съ другой стороны, Фридрихъ II писалъ въ 1748 году графу Финкенштейну въ С.-Петербургъ: „Croyez moi, tout bien compté, nous n'avons pas besoin de l'empire moscovite et nous pouvons très bien vivre sans ce dernier“. (Politische Correspondenz Friedrich's d. Gr., Bd. V, № 2974).

[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. I, №№ 17 и 20.

[3]) Frédéric II. Histoire de la guerre de Sept ans. Pièces justificatives.— Ranke. Zur Geschichte von Oesterreich und Preussen, S. 224 u. flg.

прусскимъ войскамъ, положеніе его было безвыходное. Смерть Елизаветы Петровны и восшествіе на русскій престолъ Петра III (1761 г.) спасли Фридриха II. Новый русскій императоръ, преклонявшійся предъ пруской военной системой и личностью Фридриха II, немедленно распорядился о прекращеніи военныхъ дѣйствій со стороны Россіи и заключилъ съ Пруссіей мирный трактатъ на условіяхъ, указанныхъ самимъ Фридрихомъ [1]).

Вслѣдствіе этого, Россія вышла изъ счастливой по военнымъ успѣхамъ, но крайне убыточной для нея войны безъ всякаго вознагражденія. Воцареніе императрицы Екатерины II помѣшало привести въ исполненіе союзный между Петромъ III и Фридрихомъ договоръ, согласно которому русскія войска присоединялись къ прусскимъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ Австріи и ея союзниковъ [2]). Екатерина II ограничилась подтвержденіемъ мира, заключеннаго съ Пруссіей, но не желала поддерживать наступательный союзъ ни съ Маріей-Терезіей, ни съ Фридрихомъ II. Напротивъ, она приложила всѣ усилія, чтобы примирить противниковъ, и настоянія ея увѣнчались успѣхомъ. Въ 1763 г. Австрія и Пруссія подписали Губертусбургскій мирный трактатъ, окончательно утвердившій за Фридрихомъ Силезію и графство Глацъ. Въ томъ же году въ Парижѣ заключенъ мирный между Англіей, Франціей и Испаніей трактатъ, по которому почти всѣ французскія колоніи въ Америкѣ перешли во владѣніе Англіи [3]).

Безпримѣрная борьба, съ честью выдержанная Фридрихомъ II во время Семилѣтней войны, не только упрочила за Пруссіей авторитетъ первоклассной европейской державы, но и придала ей въ Германской имперіи значеніе, равнявшее ее съ Австріей. Съ этого времени въ особенности замѣчается постоянный антагонизмъ между Австріей и Пруссіей въ дѣлахъ Германіи, который заставлялъ и ту и другую искать союзной помощи у сосѣдней Россіи.

---

[1]) Мое „Собраніе трактатовъ", т. I, № 29; т. V, № 215.

[2]) Тоже, т. V, стр. 389 и слѣд.

[3]) Martens. Recueil des traités, t. I. p. 136; t. I, p. 197. Chatham мѣтко замѣтилъ: „Франція потеряла Америку въ Германіи".

§ 25. Особенно сблизило эти три державы раздѣленіе Польши, предпринятое въ первый разъ въ 1772 г., вторично въ 1793 г. и положившее конецъ существованію этой республики въ 1795 г.

Въ исторической литературѣ существуютъ различныя мнѣнія относительно вопроса, которой изъ трехъ державъ принадлежитъ починъ въ раздѣлѣ Польши. Но всѣ писатели согласны въ томъ, что главная причина, вызвавшая это событіе, заключалась въ „уродливомъ" государственномъ устройствѣ Рѣчи Посполитой, которое дѣлало изъ Польши анархическую страну и позволяло иностраннымъ правительствамъ постоянно вмѣшиваться во внутреннія ея дѣла [1]).

Во всякомъ случаѣ, мысль о раздѣлѣ Польши, осуществленная въ XVIII столѣтіи, не представляла ничего новаго. Уже въ 1573 г. германскій императоръ предлагалъ царю московскому, Ивану Васильевичу Грозному, раздѣлить Польшу. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія явный политическій упадокъ Польской республики породилъ нѣсколько проектовъ ея раздѣленія. Порта предложила Австріи раздѣлить Польшу въ 1769 г. За годъ до этого предложенія, князь Кауницъ выработалъ оригинальный планъ присоединенія къ Пруссіи части Польши въ обмѣнъ за отнятую отъ Австріи Силезію.

Осуществленію плана раздѣла Польши въ 1772 г., содѣйствовали слѣдующія благопріятныя политическія обстоятельства. Въ 1768 г. Турція объявила Россіи войну, которая была весьма удачна для Русскихъ. По завоеваніи Молдавіи и Валахіи въ 1770 г., Екатерина предложила Турціи миръ, съ условіемъ признанія независимости Дунайскихъ княжествъ и крымскихъ Татаръ. Въ виду заинтересованности въ этомъ дѣлѣ Австріи, Екатерина обратилась къ посредничеству Вѣнскаго кабинета. Но послѣдній отвѣтилъ отказомъ, находя, что мирныя предложенія Русскаго двора совершенно расходятся съ австрійскими интересами. Въ дѣйствительности Вѣнскій кабинетъ не могъ забыть, что Екатерина не возобновила союзнаго съ нимъ трактата 1746 г. и сблизилась съ прусскимъ королемъ, заключивъ съ нимъ въ 1764 г. союзъ, по которому Фридрихъ II обязывался къ помощи деньгами и войскомъ въ случаѣ нападенія на Россію другой державы [2]). Съ цѣлью противодѣйствія мирнымъ условіямъ, предложеннымъ Турціи Екатериной, Австрія вступила съ Портою въ союзъ. Такимъ образомъ война между Австріей и Россіей казалась неизбѣжною. Прусскій король долженъ былъ бы принять участіе въ этой войнѣ, какъ союзникъ Россіи. Между тѣмъ Фридрихъ ничего такъ не желалъ, какъ сохранить миръ, столь необходимый для его государства послѣ ряда ра-

---

[1]) См. историческое введеніе къ № 30, въ моемъ Собраніи трактатовъ, т. II.

[2]) Полное собраніе законовъ, № 12.119.

зорительныхъ войнъ первой половины его царствованія. Изыскивая средства предупредить разрывъ между Австріей и Россіей, онъ остановился на комбинаціи, долженствовавшей удовлетворить какъ собственные его интересы, такъ и интересы противниковъ.

Еще въ 1769 г. Фридрихъ сообщилъ графу Панину, чрезъ своего посланника графа Липара, проектъ раздѣленія Польши, который тогда былъ оставленъ Петербургскимъ дворомъ безъ вниманія. Болѣе благосклонный пріемъ нашли эти планы въ Петербургѣ послѣ того, какъ Австрія въ 1770 г., во время полнаго мира съ Польшею, заняла своими войсками два польскія староства и захватила соляныя копи Бохніи и Велички. Фридрихъ II расчитывалъ на то, что если Австріи будетъ предложено признать эти ея захваты и присоединить къ нимъ еще нѣсколько польскихъ пограничныхъ областей, то она навѣрно откажется отъ воинственной политики, какъ въ отношеніи Пруссіи, такъ и Россіи, и миръ Русскихъ съ Портою будетъ обезпеченъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Въ виду этого прусскій король отправилъ въ С.-Петербургъ, въ 1771 г., своего брата, принца Генриха, который въ личныхъ переговорахъ съ императрицею доказывалъ великую пользу предлагаемаго плана.

Окончательное разрѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ мнѣнія, которое восторжествуетъ при Вѣнскомъ дворѣ. Лично императрица-королева Марія-Терезія была противъ раздѣла Польши. Но руководитель австрійской политики, князь Кауницъ, и молодой германскій императоръ Іосифъ II находили этотъ раздѣлъ весьма благопріятнымъ для Австріи. Они сильно безпокоились, что Вѣнскій кабинетъ останется въ сторонѣ отъ соглашенія, уже состоявшагося по этому дѣлу между Россіей и Пруссіей. Поэтому, когда въ концѣ 1771 г. Австрійскій дворъ былъ подробно ознакомленъ съ проектомъ раздѣла, согласіе его не заставило себя долго ожидать. Въ началѣ 1772 г. установилось между тремя правительствами полное единодушіе, поведшее къ первому раздѣлу польскихъ владѣній [1]).

Благодаря состоявшемуся соглашенію относительно Польши, Вѣнскій дворъ уже не противился болѣе предположеннымъ Екатериною условіямъ мира между Россіей и Портой. На этихъ условіяхъ воюющія державы заключили Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ (1774 г.), обезпечившій Россіи ту выдающуюся роль на Балканскомъ полуостровѣ, которую она сохраняла за собою до Парижскаго мира 1856 г. [2]).

[1]) Мое Собраніе трактатовъ, т. II, №№ 30, 31, 32, 33, 34, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52.

[2]) Полное собраніе законовъ, № 14.146. Martens. Recueil des traités, II, 286.

Счастливая война съ Турціей и удачный раздѣлъ Польши возвысили Россію до того, что Петербургъ сдѣлался центромъ, въ которомъ соединялись нити дипломатическихъ переговоровъ о всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ дѣлахъ. Особенно должны были ухаживать за Екатериной II великія нѣмецкія державы, боровшіяся между собою за главенство въ Германской имперіи. Вліятельная роль русской императрицы въ этой борьбѣ обнаружилась рельефно въ 1778 г., по случаю спора между Австріей и Пруссіей о баварскомъ наслѣдствѣ. Австріи удалось заключить съ наслѣдникомъ умершаго баварскаго курфюрста, пфальцкимъ курфюрстомъ Карломъ-Теодоромъ конвенцію, по которой послѣдній уступалъ Австріи значительную часть Баваріи. Немедленно послѣ того австрійскія войска заняли уступленныя земли и стали распоряжаться здѣсь, какъ въ собственной странѣ. Фридрихъ II твердо рѣшился не допускать такого усиленія австрійскаго дома. Когда переговоры съ Австріей не привели ни къ чему, онъ двинулъ войска, и въ 1778 г. стотысячная прусская армія направилась къ Кениггрецу, въ которомъ укрѣпились Австрійцы. Однако настоящая война между Пруссіей и Австріей была предупреждена вмѣшательствомъ Россіи, къ посредничеству которой обратились обѣ стороны. Въ виду своего союза съ Франціей, Австрія пригласила также и ее принять участіе въ посредничествѣ.

Екатерина II уладила споръ. По ея предложенію, въ Тешенѣ, въ 1779 г., собрался конгрессъ, выработавшій нѣсколько международныхъ трактатовъ [1]). На основаніи главнаго трактата, Австрія заключила съ Пруссіей миръ, отказавшись отъ своихъ притязаній на баварскія земли. Другія конвенціи, присоединенныя къ главному акту, опредѣлили территоріальный составъ различныхъ нѣмецкихъ государствъ, прикосновенныхъ къ спору о баварскомъ наслѣдствѣ. По просьбѣ договаривающихся сторонъ, всѣ эти акты были гарантированы державами-посредницами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія сдѣлалась поручительницей Вестфальскаго мирнаго трак-

---

[1]) Мое Собраніе трактатовъ, т. II, № 35.

тата и созданнаго имъ на Западѣ Европы порядка вещей, ибо Тешенскій миръ возобновлялъ силу этого важнаго трактата, равно какъ договоровъ Бреславльскаго, Дрезденскаго и Губертусбургскаго.

Въ 1774 г. въ Сѣверной Америкѣ возникла война колоній съ Англіей, имѣвшая своимъ результатомъ образованіе въ 1776 г. независимыхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Событіе это отразилось на международныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ. Подъ вліяніемъ сильнаго общественнаго сочувствія къ колоніямъ, боровшимся за свою свободу, французскій король Людовикъ XVI заключилъ союзъ съ Американской республикой и объявилъ войну Англіи, которая по мирному Версальскому договору 1783 г., окончившему войну, вынуждена была признать независимость отпавшихъ отъ нея колоній [1]). На основаніи конституціи новой заатлантической державы европейское международное право было признано составною частью ея государственныхъ законовъ.

В. О международныхъ отношеніяхъ со времени французской революціи 1789 г. до Вѣнскаго конгресса 1815 г.

§ 26. Неудовлетворительное международное положеніе, которое занимала Франція въ концѣ XVIII ст., было одною изъ причинъ неудовольствія и враждебнаго настроенія французскаго народа противъ своего правительства, которыя нашли свой исходъ въ революціи 1789 г. [2]).

Французскій народъ не могъ забыть, что благодаря неспособности своихъ правителей онъ потерялъ первенствующее значеніе въ Европѣ, которое принадлежало ему при Людовикѣ XIV. Въ теченіи XVIII ст. Франція лишилась двухъ главныхъ своихъ союзницъ — Швеціи и Польши. Французское правительство допустило, что Оттоманская имперія, въ теченіи вѣковъ служившая опорой французскаго вліянія на Востокѣ, была побѣждена Россіей и отдана въ ея руки. Союзъ съ Австрійскими Габсбургами и плачевная роль, кото-

[1]) Martens, „Recueil", t. III, p. 553.

[2]) Срав. капитальное сочиненіе талантливаго французскаго писателя: Albert Sorel. L'Europe et la révolution française, t. I — V, Paris 1885—1892.

рую играла Францiя во время Семилѣтней войны, убѣждали Французовъ въ окончательной несостоятельности ихъ правительства, въ его неумѣлости и неспособности поддерживать славныя традицiи французской политики. Правда война за свободу сѣверо-американскихъ колонiй была удачна для Францiи, но не возвысила кредита французскаго правительства въ глазахъ народа; напротивъ, она показала силу французскаго общества и пробудила въ немъ надежду завоевать собственную политическую свободу, уничтоженную абсолютнымъ режимомъ.

Революцiонное движенiе, охватившее Францiю, съ самаго начала получило международное значенiе. Когда во Францiи созвано было Нацiональное Собранiе, и Людовикъ XVI былъ вынужденъ отказаться отъ прерогативъ неограниченной королевской власти и подписать конституцiю, въ другихъ государствахъ все болѣе возбуждалось сомнѣнiе, можно ли относиться равнодушно къ тому новому порядку вещей, который утверждался въ этой странѣ. Наводнившiе европейскiе дворы французскiе эмигранты неустанно доказывали, что революцiонный пожаръ во Францiи угрожаетъ всѣмъ монархическимъ государствамъ Европы. Заявленiя и дѣйствiя самихъ революцiонеровъ подтверждали это значенiе французской революцiи. Декреты революцiонной республики призывали европейскiе народы къ возстанiю противъ своихъ государей, въ союзѣ и съ помощью французскаго народа. Дѣятели Конвента открыто провозглашали, что трактаты, заключенные тиранами, не могутъ связывать суверенитетъ народа. Французская республика явно стремилась къ тому, чтобы произвести революцiю во всей Европѣ [1]).

При этихъ обстоятельствахъ составилась въ 1793 г. первая коалицiя европейскихъ государствъ противъ Францiи. Державы, въ ней участвовавшiя, боялись распространенiя революцiонныхъ идей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желали воспользоваться безначалiемъ, господствовавшимъ во Францiи, чтобы насчетъ ея расширить свои владѣнiя. Но ни остановить революцiонную пропаганду, ни обогатить себя добычею не удалось коалицiи. Союзныя державы доказали полнѣйшую нравственную и политическую несостоятельность въ борьбѣ съ французской

[1]) Brissot объявилъ въ Нацiональномъ Собранiи 22-го декабря 1792 г. „La souveraineté des peuples n'est point liée par les traités des tyrans". Hérault des Séchelles воскликнулъ: „Partout où il y a un trône, nous avons un ennemi". (См. Taine. „La conquête jacobine", p. 134). Извѣстны декреты Конвента отъ 10 ноября и 15 декабря 1792 г.: „Guerre aux châteaux, paix aux chaumières". Laurent. „Histoire", t. XV, p. 177, 246. — Phillimore, „Commentaries", t. I, p. 469.

республикой. Корыстолюбивые расчеты и эгоистическія стремленія раздѣляли союзниковъ, и войска ихъ не сражались съ тѣмъ увлеченіемъ за чуждые имъ интересы, съ которымъ бились Французы, защищая новыя идеи и свою независимость. Рядъ пораженій, нанесенныхъ союзникамъ, заставилъ распасться коалицію [1]).

Въ первомъ общемъ союзѣ европейскихъ государствъ противъ революціи не принимала активнаго участія Россія. Возстаніе въ Польшѣ и неоконченныя дѣла съ Турціей мѣшали Екатеринѣ II удовлетворить настойчивыя просьбы союзнаго Австрійскаго двора о посылкѣ русскаго корпуса на Рейнъ. Но императрица не сочувствовала революціонному движенію во Франціи и хорошо сознавала опасность, которой оно угрожало европейскому порядку и общимъ интересамъ монархическихъ государствъ [2]). Въ виду успѣховъ французскихъ войскъ и неудачи союзниковъ, она рѣшила, наконецъ, отправить свои войска на театръ войны; но смерть помѣшала ей исполнить это намѣреніе [3]).

Рознь между союзными государствами, воевавшими съ республиканской Франціей, наглядно проявилась въ 1795 г., когда Пруссія, тайно отъ Австріи, вступила въ переговоры съ французскимъ правительствомъ и заключила съ нимъ Базельскій мирный трактатъ [4]). Въ силу этого договора Пруссія отказалась отъ дальнѣйшаго участія

[1]) Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe, t. I, part. II, chap. III.— Bourgoing. Histoire diplomatique de l'Europe pendant la révolution française. Paris 1886, t. IV.

[2]) Получивъ извѣстіе о казни Людовика XVI, императрица обнародовала манифестъ, на основаніи котораго Россія прерывала „политическое, торговое и всякое съ Франціею сообщеніе"; пребывающіе въ Россіи Французы должны были выѣхать отсюда въ трехнедѣльный срокъ, исключая тѣхъ, кои обяжутся клятвою отречься отъ „неистовыхъ правилъ, въ ихъ землѣ исповѣдуемыхъ, и отъ всякаго съ нею отношенія". Объ этихъ распоряженіяхъ см. Арх. Госуд. Сов. т. I, стр. 951 и сл. Полное собр. зак. № 17101. Въ октябрѣ 1796 г., Екатерина II писала къ гр. Разумовскому, посланнику при Вѣнскомъ дворѣ: „Въ этой борьбѣ народовъ противъ престола не столько идетъ дѣло о возстановленіи во Франціи порядка, сколько о томъ, чтобы обезпечить побѣду монарховъ надъ этими зловредными началами, жертвами которыхъ прежде всего могутъ сдѣлаться наиближайшія къ Франціи владѣнія". См. мое „Собраніе трактатовъ", т. II, стр. 281.

[3]) См. мое „Собраніе трактатовъ" т. II, стр. 281 и 282.

[4]) De Clercq. „Recueil des traités", t. I, p. 232.

въ коалиціяхъ противъ Франціи и приняла обязанность не препятствовать, чтобы лѣвый берегъ Рейна сдѣлался границей между Франціей и Германской имперіей.

Австрія осталась одна противъ побѣдоноснаго французскаго полководца, Наполеона Бонапарта, и послѣ тяжелыхъ потерь должна была согласиться на условія мира, предписанныя ей побѣдителемъ. По миру, заключенному въ Кампоформіо, въ 1797 г., она уступила Франціи Бельгію и Ломбардію, получивъ взамѣнъ этихъ областей Венецію съ Истріею и Далмаціей, завоеванныхъ Наполеономъ. Сверхъ того, Австрія обязалась вывести свои войска изъ различныхъ нѣмецкихъ крѣпостей, въ томъ числѣ изъ Майнца, на Рейнѣ, вслѣдствіи чего лѣвый берегъ этой рѣки могъ быть занятъ Французами [1]).

Для обсужденія условій мира между Германской имперіей и Франціей собрался въ 1797 г. конгрессъ въ Раштаттѣ, на которомъ имперскіе чины признали уступку Франціи лѣваго берега Рейна [2]).

Миръ, заключенный между Австріей и Франціей, не былъ продолжителенъ. Завоевательные планы, которые съ успѣхомъ преслѣдовали Французы въ Италіи, въ Египтѣ и Сиріи, и республиканскіе порядки, которые они вводили въ завоеванныхъ земляхъ, были причиной новой коалиціонной противъ Франціи войны, въ которой приняли участіе Австрія, Англія, Турція и Россія (1798—1799 г.) [3]).

§ 27. Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ I заявилъ желаніе поддерживать миръ со всѣми государствами, въ томъ числѣ и съ революціонной Франціей. Но скоро онъ долженъ былъ выйти изъ нейтральнаго положенія по отношенію къ французской республикѣ, правительство которой не только не уважало несомнѣнныя его права, но наносило ему одно оскорбленіе за другимъ. Русскія войска, подъ начальствомъ Суворова, были отправлены въ Италію, гдѣ одержали рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ Французами. Эти побѣды не принесли однако ни малѣйшей пользы ни Россіи, ни ея союзникамъ. Достигнувъ,

[1]) De Clercq. „Recueil", t. I, p. 335 — Neumann. „Recueil des traités conclus par l'Autriche" t. I, p. 576.

[2]) De Clercq. loc. cit., t. I, p. 345.

[3]) См. превосходное сочиненіе Hüffer. „Der Rastatter Congress und die zweite Coalition". Bonn 1878 — 1879. 2 Bde.

благодаря Суворову, значительныхъ успѣховъ въ Италіи, Австрійское правительство спѣшило ими воспользоваться, чтобы обезпечить свое вознагражденіе на счетъ завоеванныхъ Русскими земель. Когда же императоръ Павелъ объявилъ, что онъ не можетъ допустить территоріальнаго приращенія Австріи иначе, какъ съ общаго согласія союзниковъ, Вѣнскій кабинетъ поставилъ себѣ задачей вмѣшиваться въ распоряженія Суворова и дѣлать ему всевозможныя затрудненія, чтобы парализовать военные планы фельдмаршала. Въ виду систематическаго противодѣйствія Австрійскаго двора, русскія войска, по приказанію Павла, отдѣлились отъ Австрійцевъ и двинулись въ Швейцарію. Здѣсь малочисленная армія Римскаго-Корсакова была покинута австрійскими генералами въ критическій для нея моментъ и потерпѣла пораженіе при Цюрихѣ. Суворову удалось спасти остатки своей арміи только благодаря своему генію и безпримѣрной выносливости и мужеству русскаго войска [1]).

Раздраженный вѣроломнымъ и двусмысленнымъ поведеніемъ Австріи, Павелъ I, въ октябрѣ 1799 г., рѣшительно отказался отъ союза съ нею и прервалъ дипломатическія съ нею сношенія. Дружественныя отношенія между Вѣнскимъ и Петербургскимъ кабинетами возобновились только со вступленіемъ на престолъ императора Александра I. Въ замѣчательной инструкціи отъ 10 сентября 1801 г., данной русскому послу въ Вѣнѣ, Александръ I подробно изложилъ основныя начала политической системы, которой онъ намѣренъ былъ слѣдовать въ отношеніяхъ съ иностранными государствами. „Никогда я не приму“, писалъ императоръ, „ни малѣйшаго участія во внутреннихъ смутахъ, господствующихъ въ другихъ государствахъ, и какова бы ни была форма правленія, избранная народами по собственному ихъ желанію, они могутъ находиться съ моею Имперіей въ полнѣйшемъ согласіи, если только въ отношеніи ко мнѣ они будутъ руководствоваться тѣмъ же духомъ справедливости“ [2]).

---

[1]) Милютинъ. „Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей“. Спб. 1857 г. 5 томовъ.

[2]) См. мое „Собр. трактатовъ“, т. II, 374 и слѣд.

Вслѣдствіе категорическаго отказа русскаго императора участвовать въ коалиціи противъ Франціи, Австрія опять должна была примириться съ своимъ врагомъ на условіяхъ, имъ поставленныхъ. Новый миръ былъ заключенъ въ Люневиллѣ въ 1801 г.: Австрія подтвердила условія Кампоформійскаго трактата и признала рѣки Эчъ и Рейнъ границами Франціи [1]).

Въ слѣдующемъ году состоялось примиреніе между Франціей и Англіей. По Амьенскому мирному трактату (1802 г.), Англія отдала обратно всѣ завоеванныя ею французскія колоніи, но не возвратила ни Голландцамъ островъ Цейлонъ, ни Испанцамъ островъ Тринидадъ [2]).

Въ 1804 г. Наполеонъ принялъ титулъ французскаго императора. Послѣ того Франція измѣнила свою международную политику. Французская имперія уже не пропагандируетъ революціонныя идеи, не ведетъ борьбы съ монархическими порядками и остатками феодализма, но явно стремится къ уничтоженію въ свою пользу самостоятельности всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Императоръ Александръ I горькимъ опытомъ убѣдился, что мысль, высказанная имъ въ 1801 г. о ненарушимомъ правѣ каждаго народа свободно распоряжаться внутренними своими дѣлами, не можетъ получить осуществленія по отношенію къ Франціи до тѣхъ поръ, пока полнымъ властелиномъ ея будетъ Наполеонъ. Высокомѣрное и дерзкое отношеніе французскаго императора ко всѣмъ представленіямъ русскаго правительства, произвольное нарушеніе трактатовъ, наконецъ не прекращающіеся съ его стороны захваты чужихъ владѣній, — всѣ эти обстоятельства побудили Александра I войти въ союзъ съ Англіей, которая съ 1803 г. снова воевала съ Франціей, и приложить старанія, чтобы и другія державы послѣдовали его примѣру и составили коалицію для общей борьбы противъ французскихъ посягательствъ [3]).

Образовавшаяся такимъ образомъ третья коалиція (1805 г.) противъ Франціи, изъ Англіи, Россіи, Австріи и Швеціи, не привела, какъ и предыдущія, къ цѣли, поставленной себѣ союзниками, несмотря на то, что къ этому союзу примкнула также Пруссія. Послѣ

---

[1]) Fournier. „Gentz und Cobenzl". Wien 1880, S. 40 u. flg. Neumann, „Recueil" t. II, p. I etc. De Clercq. „Recueil", t. I, p. 424.

[2]) Martens. „Recueil", t. VII, p. 404. De Clercq, t. I, p. 484.

[3]) Мое „Собраніе трактатовъ", т. II, №№ 54 и 56.

несчастной Аустерлицкой битвы (1805 г.), Австрія заключила съ Наполеономъ Пресбургскій миръ (1805 г.), уступивъ Франціи Тироль, Венецію и Далмацію, всего до 1000 кв. миль съ 3 милл. жителей [1]).

Уничтоживъ сопротивленіе Австріи, Наполеонъ предпринялъ рядъ мѣръ съ цѣлью окончательно поставить въ зависимость отъ своего произвола западную континентальную Европу и сломить противодѣйствіе Англіи. Въ 1806 г. онъ основалъ изъ 16 нѣмецкихъ государствъ Рейнскій союзъ и объявилъ себя протекторомъ этихъ государствъ, находившихся въ безусловномъ его распоряженіи. При этихъ условіяхъ существованіе Германской имперіи дѣлалось невозможнымъ, и она была фактически упразднена.

Противъ злѣйшаго своего врага, Англіи, Наполеонъ принялъ въ 1806 г. мѣру извѣстную въ исторіи подъ именемъ континентальной системы. Двумя декретами, Берлинскимъ и Миланскимъ, онъ объявилъ въ блокадѣ Британскіе острова, сообщенія съ которыми были запрещены подъ страхомъ наказанія; англійскіе подданные, находившіеся на континентѣ, были объявлены военноплѣнными; собственность англійская подлежала конфискаціи; торговля англійскими товарами была воспрещена. Соглашеніями и угрозами Наполеонъ заставлялъ европейскія государства присоединяться къ континентальной системѣ. Но Англія не смирилась. Она съ своей стороны установила „систему голода", объявивъ въ блокадѣ всѣ порты и берега Франціи и союзныхъ съ нею державъ и сдѣлавъ предписаніе о конфискаціи всякаго корабля и груза, назначеннаго въ одинъ изъ этихъ портовъ [2]).

Между тѣмъ Россія, въ союзѣ съ Англіей, продолжала войну съ Наполеономъ. Въ тоже время французскій императоръ узналъ о секретномъ соглашеніи, которое состоялось между этими державами и прусскимъ королемъ въ 1805 г. Поэтому онъ началъ въ 1806 г. военныя дѣйствія противъ Пруссіи и, послѣ ряда рѣшительныхъ пораженій прусскихъ войскъ, занялъ Берлинъ. Русская армія не въ си-

[1]) Neumann. „Recueil", t. II, p. 185. Martens. „Recueil". t. VIII, p. 388.

[2]) Massé. „Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens". Paris 1861, 3-me éd., § 244.—Мое соч. „О правѣ частной собственности во время войны". (Спб. 1869 г.), стр. 249.

лахъ была остановить побѣдоносное движеніе Французовъ и сама потерпѣла пораженіе при Фридландѣ. Тогда Фридрихъ Вильгельмъ III и Александръ I вступили съ Наполеономъ въ переговоры о мирѣ, трактатъ котораго былъ подписанъ въ Тильзитѣ въ 1807 г., при личномъ свиданіи трехъ монарховъ. Пруссія лишилась территоріи въ 2.700 кв. м. съ 5 милліонами жителей. Уступленныя земли были присоединены частью къ Франціи, частью къ новымъ государствамъ, созданнымъ Наполеономъ, — Вестфальскому королевству и герцогству Варшавскому. Россія пріобрѣла Бѣлостокскую область, но должна была приступить къ континентальной системѣ [1]).

Въ Тильзитѣ Александръ I не только примирился съ Наполеономъ, но и заключилъ съ нимъ союзъ. Послѣдній былъ подтвержденъ на конгрессѣ въ Эрфуртѣ (1808 г.), гдѣ оба императора согласились раздѣлить между собой Европу, причемъ Россія получила полную свободу дѣйствія въ отношеніи Швеціи и Оттоманской имперіи, французскій же императоръ дѣлался распорядителемъ надъ западно-европейскими государствами [2]).

Дѣйствительно, послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ уже не видѣлъ преградъ своему властолюбію. Онъ обращался съ европейскими государями, какъ съ своими вассалами. При малѣйшемъ сопротивленіи его произволу, ихъ земли занимали французскія войска. При этихъ условіяхъ Австрія снова взялась за оружіе, не находя другого средства сохранить свою независимость отъ посягательствъ французскаго императора. Такъ началась новая война между Австріей и Франціей (1809 г.). Александръ I исполнилъ принятыя на себя въ Тильзитѣ обязательства и, съ своей стороны, объявилъ войну Австріи. Русскія войска заняли Галицію. Въ сраженіи при Ваграмѣ Австрійцы были разбиты и должны были, по Шенбрунскому (или Вѣнскому) договору (1809 г.), отдать Франціи изъ своихъ владѣній 2058 кв. миль съ 3 1/2 милліонами жителей; къ Россіи отошла часть Галиціи [3]).

---

[1]) Treitschke. „Deutsche Geschichte", 1-ter Theil, S. 264 говоритъ, что „дѣйствительно, только изъ уваженія къ царю Наполеонъ ограничился въ Тильзитѣ исполнить пока только на половину свое твердое рѣшеніе уничтожить Пруссію".

[2]) Hassel. Geschichte der preussischen Politik 1807 bis 1815, 1-ter Th. (Lpz. 1881), S. 273 u. flg. Срав. Vandal. Napoléon et Alexandre I. La paix de Tilsit. Paris 1891 — 93, 2 тома.

[3]) De Clercq. „Recueil des traités", t. II, p. 143. Срав. мое „Собраніе трактатовъ", т. III, стр. 33 и слѣд.

Теперь осталось на европейскомъ материкѣ только одно государство, которое могло еще бороться съ Наполеономъ и сдерживать его честолюбивые замыслы. Для неограниченнаго господства въ Европѣ Наполеонъ долженъ былъ покончить съ Россіей. Послѣ Шенбрунскаго мира онъ сталъ относиться съ такимъ неуваженіемъ къ своимъ обязательствамъ въ отношеніи русскаго государя, что разрывъ между ними сдѣлался неизбѣженъ. Но расчеты французскаго императора на легкую побѣду надъ своимъ союзникомъ не оправдались. Война 1812 г. привела къ совершенному разгрому французской арміи и бѣгству ея изъ Россіи.

Александръ I рѣшилъ не заключать мира съ Франціей, пока она не будетъ введена въ прежнія историческія свои границы. Ближайшей задачей русской политики послѣ изгнанія Французовъ изъ Россіи было соединить европейскія государства въ одинъ союзъ для вооруженной борьбы за свою свободу, порядокъ и спокойствіе въ Европѣ[1]). Къ существовавшей уже коалиціи противъ Наполеона, изъ Англіи, Швеціи и Россіи, приступила на основаніи Калишскаго трактата (1813 г.) Пруссія. Австрія вошла въ союзъ съ Россіей послѣ неудавшагося Парижскаго конгресса [2]).

Лейпцигская битва заставила также другія нѣмецкія государства выйти изъ союза съ Наполеономъ и примкнуть къ коалиціи. Въ началѣ 1814 г. огромная союзная армія перешла за Рейнъ и вторглась въ предѣлы Франціи. Въ Шомонѣ главнѣйшія союзныя державы (Россія, Австрія, Пруссія и Англія) заключили новый между собою трактатъ, подтверждающій необходимость для союзниковъ продолжать войну противъ французскаго императора, пока онъ не приметъ предложенныя ему условія мира, и не входить въ

---

[1]) Въ русскомъ правительствѣ тогдашняго времени были два противоположныя мнѣнія относительно политики Россіи послѣ изгнанія Французовъ. См. мое „Собр. трактатовъ“ т. III, стр. 93 и слѣд.

[2]) Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, herausg. v. Ranke, Bd. IV, S. 357 u. flg. — Oncken. „Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege“ (Berlin 1876) Bd. I, S. 269, Bd. II, S. 163.—Bailleu in Sybel's. Historische Zeitschrift 1877. Heft I, 139 u. flg. Мое „Собраніе трактатовъ“, т. III, стр. 111 и слѣд.

отдѣльные съ нимъ переговоры и не подписывать мира иначе, какъ съ общаго согласія [1]).

Война всей Европы противъ Наполеона окончилась вступленіемъ союзныхъ войскъ въ Парижъ, отреченіемъ французскаго императора отъ престола, подписаннымъ въ Фонтенебло, и воцареніемъ во Франціи Людовика XVIII, представителя старой Бурбонской династіи. Послѣ того былъ заключенъ между союзными державами и Франціей первый мирный Парижскій трактатъ [2]), на основаніи котораго территоріальныя ея границы возстановлялись въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ существовали 1-го января 1792 г.; Пруссіи были возвращены прежнія ея владѣнія; Австрія получала Венецію и Миланъ за Бельгію, которая должна была соединиться съ Нидерландами въ одно государство; Германія должна была организоваться въ видѣ конфедераціи.

Для окончательнаго опредѣленія условій мира, распредѣленія завоеванныхъ земель и устройства политической системы Европы былъ созванъ конгрессъ въ Вѣнѣ. Занятія его уже приближались къ концу, когда распространилось извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, высадкѣ его во Франціи и торжественномъ вступленіи въ Парижъ. Деклараціей 13-го марта 1815 г. восемь европейскихъ державъ торжественнѣйшимъ образомъ признали возвратившагося во Францію Наполеона Бонапарта внѣ покровительства „гражданскихъ и соціальныхъ отношеній, равно и врагомъ и сокрушителемъ спокойствія міра“. Наполеонъ, говоритъ этотъ замѣчательный актъ, „самъ предалъ себя общественному мщенію“ [3]).

Въ теченіи ста дней Наполеонъ опять былъ общею опасностью для всей Европы, и великія союзныя державы вновь соединились для войны съ нарушителемъ европейскаго мира. Ватерлооская битва окончательно рѣшила судьбу Наполеона; онъ принужденъ былъ опять отказаться отъ престола и отправиться въ ссылку на островъ Св.

---

[1]) Neumann. „Recueil des traités“, II, 440.

[2]) De Clerq. Recueil, t. II, p. 414. Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи и пр. Спб. 1823 г., т. I, стр. 1 и слѣд. Полное собр. зак. № 25,587.

[3]) Angeberg. „Congrès de Vienne et les traités de 1815“, p. 912.

Елены. Заключенный вслѣдъ затѣмъ второй Парижскій миръ уменьшилъ французскую территорію до границъ, которыми она владѣла въ 1790 г.; Франція должна была заплатить котрибуцію въ 700 милліоновъ франковъ и подвергалась на пять лѣтъ оккупаціи 150 т. союзнаго войска, чтобы сдѣлать невозможнымъ возвращеніе на французскій престолъ Наполеона и обезпечить сохраненіе новаго порядка вещей во Франціи, созданнаго союзниками [1]).

§ 28. Изъ вышеизложеннаго очерка политическихъ отношеній европейскихъ государствъ видно, что со времени Вестфальскаго мирнаго конгресса до начала нынѣшняго столѣтія войны и раздѣлы чужихъ владѣній составляли исключительный предметъ вниманія государей и ихъ министровъ. Однако, сила и произволъ не были единственными факторами международныхъ отношеній въ этотъ періодъ. Рядомъ съ безчисленнымъ количествомъ примѣровъ, доказывающихъ неуваженіе независимости иностранныхъ государствъ и неисполненіе обязательствъ, самымъ торжественнымъ образомъ принятыхъ, мы имѣемъ доказательства, что въ XVII и XVIII ст. европейскіе цивилизованные народы признавали законную силу международнаго права не только во время мира, но и во время войны.

Укажемъ на нѣкоторыя наиболѣе важныя положительныя юридическія начала, которыя выработались въ международныхъ сношеніяхъ этой эпохи и сдѣлались составною частью нынѣ дѣйствующаго международнаго права.

Во-первыхъ, важнымъ результатомъ дѣятельной внѣшней политики европейскихъ государствъ послѣ Вестфальскаго мира, тѣхъ безпрерывныхъ частныхъ и общихъ соглашеній, въ которыя они входили другъ съ другомъ въ этотъ періодъ, было точное выясненіе основныхъ правъ, принадлежащихъ государствамъ и представителямъ верховной власти, какъ субъектамъ международнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и переговорахъ между государствами утвердила въ сознаніи и практикѣ

---

[1]) De Clercq. „Recueil", t. II, p. 661. „Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній", т. II, стр. 25. Полн. Собр. зак. № 25,984.

этого времени необходимость уважать личную и имущественную неприкосновенность посланниковъ, ихъ эстерриторіальность и другія привиллегіи, которыя составляютъ содержаніе права посольствъ [1]).

Далѣе, международное морское право достигло высокой степени развитія въ этомъ періодѣ. Въ 1780 г., 28 февраля, Екатерина II обнародовала знаменитую декларацію морскаго вооруженнаго нейтралитета, въ которой были провозглашены слѣдующія обязательныя во время морской войны начала: 1) война не прекращаетъ мирныя международныя сношенія между портами воюющихъ и нейтральныхъ государствъ; 2) непріятельская собственность на нейтральномъ кораблѣ неприкосновенна, если не составляетъ военной контрабанды; 3) подъ военной контрабандой разумѣются предметы, перечисленные въ ст. 10 и 11 коммерческаго договора Россіи съ Англіей 1766 г.; 4) для дѣйствительности блокады порта необходимо, чтобы доступъ къ нему былъ фактически прекращенъ стоящей по близости непріятельской эскадрой; 5) указанныя начала должны служить основаніемъ для призоваго производства. Декларація эта получила значеніе общеобязательнаго международнаго закона, ибо ее приняли и обязались защищать силою противъ всякаго нарушителя большинство европейскихъ державъ, кромѣ Англіи. Въ 1801 г. по инниціативѣ Императора Павла I, былъ заключенъ второй вооруженный нейтралитетъ, на началахъ Екатерининской деклараціи 1780 г. лишь съ измѣненіемъ опредѣленія блокады и прибавленіемъ новыхъ правилъ, касающихся осмотра кораблей [2]).

Кромѣ того, во второмъ періодѣ значительно измѣняются къ лучшему также взгляды на взаимныя отношенія воюющихъ во время сухопутной войны: военноплѣнные уже не обращаются въ рабство; они признаются законными врагами, относительно которыхъ непріятель имѣетъ извѣстныя права, но также и обязанности; на основаніи

[1]) Всеобщее негодованіе, возбужденное въ Европѣ коварнымъ убіеніемъ французскихъ посланниковъ на Раштаттскомъ конгрессѣ 1799 г., укрѣпило сознаніе въ неприкосновенности дипломатическихъ агентовъ См. Hüffer. Der Rastatter Congress, Bd. II, S. 312 u. flg.

[2]) Мое соч.: „О правѣ частной собственности во время войны", стр. 251 и слѣд.

отдѣльныхъ договоровъ, заключаемыхъ между государствами на случай войны, врачебный персоналъ и госпитали пользуются нѣкоторою неприкосновенностью со стороны воюющихъ и пр. [1]).

Наконецъ, то общее начало, которое легло въ основаніе всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ, конгрессовъ и войнъ, происходившихъ въ XVII и XVIII ст.,—идея политическаго равновѣсія—показываетъ, что государства чувствовали настоятельную потребность въ международномъ порядкѣ, который обезпечивалъ бы ихъ національную независимость, ихъ законные интересы и права.

Послѣ Вестфальскаго мира государи и ихъ представители уже не находятъ возможнымъ, какъ въ прежнее время, предпринимать международные акты, не мотивируя ихъ соображеніями, имѣющими, по крайней мѣрѣ, видъ справедливости и права. Такимъ мотивомъ являлось по преимуществу равновѣсіе государствъ. Во имя этого принципа государства входили въ союзы и составляли коалиціи; ради него объявляли войны и совершали раздѣлы чужихъ территорій. Въ поддержаніи равновѣсія заключалась вся задача международной политики XVII и XVIII в. Но въ тоже время идея политическаго равновѣсія служила оправданіемъ для всевозможныхъ насилій и захватовъ, нарушенія права и основаніемъ беззаконныхъ притязаній со стороны монарховъ и ихъ совѣтниковъ [2]).

Отсюда видно, что равновѣсіе государствъ, какъ оно понималось во второмъ періодѣ, если и указывало на сознаніе европейскими образованными народами близости своихъ интересовъ и взаимной другъ отъ друга зависимости, то не могло служить основаніемъ для опредѣленія взаимныхъ ихъ правъ и обязанностей и установленія международнаго юридическаго порядка. Система политическаго равновѣсія основывается на политической идеѣ, служащей отличнымъ орудіемъ для всевозможныхъ захватовъ и самыхъ несправедливыхъ нападеній.

---

[1]) Martens. „Recueil", t. II, p. 74. Ср. мое „Собраніе трактатовъ", т. II, № 37 и 38. См. въ особенности т. IX (X) моего „Собранія тракт.", стр. 259 и слѣд. Также мое сочин. „О правѣ частной собственности во время войны", стр. 241 и слѣд.

[2]) Въ первый разъ упоминается о „политическомъ равновѣсіи" въ Утрехтскомъ трактатѣ 1713 г. Но въ теченіи времени понятіе о равновѣсіи постоянно примѣнялось и было опредѣляемо весьма различно. См. напр. опредѣленіе князя Тальерана (Correspondance inédite du prince de Talleyrand, publ. par. Pallain. Paris 1881, préface p. XVI). Срав. Gentz. „Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa". (Lpz. 1803), S. 71 u. flg. Кромѣ того: Mountague Bernard. Four Lectures, p. 97. Bulmerincq. Praxis, Theorie und Codification, S. 40 u. flg Phillimore. Commentaries, t. I, p. 483.

Европейская политическая система, созданная Вестфальскимъ мирнымъ конгрессомъ, была разрушена завоеваніями французской революціи и имперіи Наполеона I. Побѣдивъ соединившіяся противъ нихъ европейскія государства, онѣ положили начало новому, существующему до настоящаго времени международному порядку. Роль и значеніе, которыя имѣла въ этомъ отношеніи революціонная и императорская Франція, вполнѣ объясняются тѣмъ радикальнымъ переустройствомъ ея общественнаго и государственнаго строя, которому она подверглась благодаря революціи 1789 г. Новые соціальные и политическіе порядки, установившіеся въ этой странѣ послѣ 1789 г., оказали разлагающее дѣйствіе на старый монархическій режимъ и были причиной тѣхъ преобразованій во внутреннемъ бытѣ европейскихъ народовъ, которыя должны были отразиться и на международныхъ отношеніяхъ.

Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, войны и завоеванія Наполеона имѣютъ непреходящее международное значеніе. Наполеонъ побѣдилъ Европу столько же силой оружія, сколько пропагандой новыхъ свободныхъ идей, провозглашенныхъ деклараціей правъ гражданина и человѣка. Французскія войска распространили эти идеи въ тѣхъ государствахъ, которыя они занимали, и вездѣ встрѣчали симпатію народовъ къ свободнымъ политическимъ порядкамъ, которые они учреждали въ завоеванныхъ земляхъ. Наполеонъ отлично понималъ значеніе такой пропаганды; въ инструкціяхъ и манифестахъ онъ постоянно объявлялъ, что ведетъ войну съ ненавистными всѣмъ народамъ феодальными порядками и желаетъ основывать свою власть не на порабощеніи народовъ, но на ихъ сочувствіи.

Вотъ почему первоначально Французы не встрѣтили той ненависти и сопротивленія со стороны западно-европейскихъ народовъ, на которыя расчитывали ихъ государи. Но характеръ борьбы между послѣдними и Наполеономъ измѣняется съ 1813 г. Съ этого времени въ Германіи, Италіи и Испаніи народный энтузіазмъ достигаетъ небывалыхъ размѣровъ; вокругъ монарховъ собираются всѣ ихъ народы для войны за свободу и независимость своихъ государствъ. Эта перемѣна объясняется, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что

народы убѣдились въ истинныхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ Наполеона, который стремился болѣе къ возвышенію своей личной императорской власти, нежели къ обезпеченію блага и интересовъ своихъ подданныхъ, съ другой, тѣми обѣщаніями, которыя были даны народамъ ихъ государями относительно лучшихъ политическихъ порядковъ, свободнаго управленія и законодательства, имѣющихъ наступить по освобожденіи отъ французскаго ига. Борьба народовъ за сознанныя ими свободу и права привела къ паденію Наполеона.

Періодъ третій.

СЪ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

А. Международныя отношенія съ Вѣнскаго конгресса 1815 г. до Парижскаго мира 1856 года.

§ 29. На основаніи перваго Парижскаго трактата 1814 г. договаривающіяся державы согласились созвать конгрессъ въ Вѣнѣ для окончательнаго опредѣленія территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ во время послѣдней войны, и тѣхъ основаній, на которыхъ должна была покоиться европейская политическая система, разрушенная завоеваніями французской революціи и имперіи Наполеона. Засѣданія этого важнаго конгресса были открыты 1-го (13-го) ноября 1814 года при личномъ участіи трехъ монарховъ—русскаго, австрійскаго и прусскаго — и представительствѣ почти всѣхъ европейскихъ государствъ.

На конгрессѣ обнаружились троякаго рода воззрѣнія, согласно которымъ уполномоченные державъ полагали возможнымъ разрѣшить сложные и трудные вопросы, подлежавшіе ихъ обсужденію.

Первое воззрѣніе, представителемъ котораго былъ австрійскій канцлеръ князь Меттернихъ, отрицало необходимость какого либо общаго начала и твердаго плана для устройства судебъ и взаимныхъ отношеній европейскихъ народовъ: все должно было рѣшиться обстоятельствами, дипломатическими

интригами и компромиссами. Согласно этому взгляду международныя отношенія и переговоры дипломатическіе должны опредѣляться однимъ принципомъ случайности [1]).

Исходной точкой второго направленія былъ принципъ законности (principe de légitimité). Оно стремилось устроить европейскую систему на историческомъ правѣ, на тѣхъ началахъ, которыя господствовали въ Европѣ до французской революціи. Главнымъ защитникомъ этого направленія былъ князь Талльеранъ, уполномоченный Франціи, который удачно комбинировалъ новое начало съ принципомъ политическаго равновѣсія и доказывалъ, что оба начала должны служить основаніемъ прочнаго международнаго порядка Европы. Большинство государственныхъ людей, принимавшихъ участіе на Вѣнскомъ конгрессѣ, раздѣляли возрѣнія французскаго дипломата, какъ благодаря блестящей и остроумной аргументаціи послѣдняго въ пользу своихъ взглядовъ, такъ и потому, что большая часть членовъ конгресса боялась революціонныхъ движеній и ничего такъ ни желала, какъ возстановленія стараго законнаго порядка вещей [2]).

Выше этихъ возрѣній на задачу и значеніе Вѣнскаго конгресса были взгляды знаменитаго прусскаго министра Штейна, которые раздѣлялъ и императоръ Александръ I. Послѣдній хорошо выразилъ ихъ въ общихъ инструкціяхъ 13-го (25-го) мая 1815 г., которыми были снабжены всѣ заграничныя императорскія миссіи. Европейская политика, согласно этимъ инструкціямъ, должна была поставить себѣ задачею: „изучать и сообразоваться съ нравственнымъ положеніемъ различныхъ народовъ, чтобъ согласно съ этою общею точкою зрѣнія опредѣлить территоріальный составъ, внутренніе порядки, а равно и взаимныя отношенія государствъ, соединеніе которыхъ съ этихъ поръ должно было составить великую европейскую семью“. Уваженіе къ правамъ и интересамъ народовъ—таковъ принципъ, которымъ, по мнѣнію Александра I, долженъ былъ руководствоваться Вѣнскій конгрессъ. Союзныя правительства должны были бы, слѣдуя этому принципу, предоставить народамъ „выгоды представительной системы“; тогда удовлетворенные народные интересы „придали бы рѣшеніямъ конгресса ту прочность и силу постоянства, которыя не могутъ быть за ними обезпечены никакою иною гарантіею“ [3]).

---

[1]) Срав. „Mémoires du prince de Metternich“. (Paris 1880), t. I, p. 30 et suiv.— Treitschke. Deutsche Geschichte, Bd. I, S. 604 flg.

[2]) Correspondance inédite du prince de Talleyrand, p. 223, 447, 463. Mémoires de Talleyrand, publ. par Broglie, t. II, p. 272 etc.—Brockhaus. Das Legitimitätsprincip. (Lpz. 1868).

[3]) Ср. мое „Собраніе трактатовъ“. Т. III, стр. 210, 211.

Но эти возвышенныя идеи далеко не были проведены послѣдовательнымъ образомъ. Дѣйствіями и распоряженіями Александра I на Вѣнскомъ конгрессѣ значительно руководило то религіозно-мистическое направленіе, которое ярко выразилось въ актѣ Священнаго союза 14-го (26-го) сентября 1815 года.

Предметъ этого акта, какъ торжественно объявили государи, его подписавшіе—„открыть предъ лицомъ вселенной ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями святой вѣры, любви, правды и мира“ [1]). Понятно само собою, что это рѣшеніе никакъ не мирилось съ необходимостью сообразоваться съ законными интересами народовъ и ввести въ европейскихъ государствахъ конституціонную форму правленія. Ради поддержанія мира и дружбы съ своими союзниками, Александръ I часто отступалъ отъ тѣхъ началъ, которыя онъ считалъ справедливыми, и высказывался въ пользу несочувственныхъ ему принциповъ и мѣръ, проводимыхъ на конгрессѣ Таллейраномъ и Меттернихомъ [2]).

Однако, принципъ легитимности, который восторжествовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, также не могъ быть примѣненъ во всей своей строгости. Вмѣстѣ съ дипломатическими интригами Меттерниха, онъ привелъ къ тому, что государства, участвовавшія въ конгрессѣ, съ трудомъ могли согласиться на счетъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, подлежавшихъ ихъ обсужденію. Твердое рѣшеніе Александра I присоединить къ Россіи все Варшавское герцогство и домогательство Пруссіи по отношенію къ королевству Саксонскому встрѣтили такой враждебный отпоръ со стороны другихъ державъ, что въ началѣ 1815 года разрывъ между союзниками былъ неминуемъ. Австрія, Англія и Франція уже заключили (3-го января 1815 г.) наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи, къ которому приступили также Голландія и Баварія, и только возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило великія союзныя

[1]) Martens. Nouveau Recueil, t. II, p. 656. Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, часть I, № 99.—Срав. также Mémoires du prince de Metternich, t. I. p. 210.

[2]) Edmondo Mayor. Il trattato della Santa Aleanza e la signora di Krüdner. Torino 1883.

державы вновь соединиться и мирно окончить свои занятія на конгрессѣ [1]).

Актъ Вѣнскаго конгресса былъ подписанъ 28-го мая (9-го іюня) 1815 года. Главнѣйшія его постановленія, касающіяся территоріальныхъ измѣненій европейскихъ государствъ, заключались въ слѣдующемъ [2]).

Россія получила Варшавское герцогство, за исключеніемъ Познанской провинціи, отошедшей къ Пруссіи. Часть Галиціи, присоединенная къ русскимъ владѣніямъ въ силу Вѣнскаго трактата 1809 г., была возвращена Австріи; южная часть Варшавскаго герцогства съ городомъ Краковомъ составила самостоятельную и вѣчно нейтральную республику Краковскую, поставленную подъ особенное покровительство Россіи, Австріи и Пруссіи. Она существовала до 1846 г., когда, по рѣшенію трехъ названныхъ державъ, была присоединена къ Австрійскимъ владѣніямъ.

Австрія возстановила прежнія свои владѣнія, принадлежавшія ей до трактатовъ Кампоформійскаго, Люневильскаго и др., и сверхъ того пріобрѣла остальную часть Венеціи и обширныя области, составляющія Ломбардію.

Пруссіи досталась почти половина Саксонскаго королевства; земли, отнятыя отъ Пруссіи по Тильзитскому миру, были вновь къ ней присоединены; кромѣ того, ея владѣнія увеличились многими городами и уѣздами, лежащими по обоимъ берегамъ Рейна, и другими нѣмецкими землями.

Всѣ владѣтельные германскіе государи и вольные города, а также императоръ австрійскій, короли прусскій, датскій и нидерландскій учредили между собою вѣчный союзъ, подъ названіемъ Германскаго Союза, управляемаго сеймомъ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго уполномоченнаго. Бывшія бельгійскія провинціи были

---

[1]) De Clercq. Recueil, t. II, p. 447. Срав. также Correspondance inédite du prince de Talleyrand, p. 211. — Mémoires du prince de Metternich, t. II, p. 474 et suiv.

[2]) См. мое Собраніе трактатовъ, т. III, №№ 79—96. — Angeberg. Congrès de Vienne, 2 vls.

соединены съ Голландіей въ одно государство подъ именемъ королевства Нидерландскаго. Оно должно было служить оплотомъ противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи.

Швейцарія получила обратно отошедшія отъ нея области и ея территорія была признана вѣчно нейтральною.

Къ королевству Сардинскому была присоединена бывшая Генуэзская республика. Сѣверовосточныя провинціи, принадлежащія сардинскому королю, также объявлены нейтральными, подобно Швейцаріи.

На Вѣнскомъ конгрессѣ происходили переговоры также по вопросамъ, которые касались развитія мирныхъ и правильныхъ сношеній между народами. Сюда принадлежатъ вопросы: о свободѣ судоходства по рѣкамъ, о торгѣ неграми и о рангѣ дипломатическихъ агентовъ.

Что касается перваго вопроса, то принимая во вниманіе важное торговое значеніе тѣхъ судоходныхъ рѣкъ, которыя протекаютъ чрезъ владѣнія нѣсколькихъ государствъ или служатъ имъ границею, Вѣнскій конгрессъ выработалъ рядъ статей, на основаніи которыхъ судоходство по всему теченію такихъ рѣкъ объявлено совершенно свободнымъ для торговли всѣхъ націй; вмѣстѣ съ тѣмъ были точно опредѣлены фискальныя права и полицейскія обязанности, которыя имѣютъ въ отношеніи этихъ рѣкъ прибрежныя государства. Эти постановленія получили впослѣдствіи примѣненіе ко всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ рѣкамъ, которымъ принадлежитъ значеніе коммерческихъ артерій международнаго обмѣна.

Относительно торга чернокожими державы обнародовали на Вѣнскомъ конгрессѣ декларацію, отмѣнявшую навсегда эту безчеловѣчную отрасль торговли. Декларація эта нашла развитіе въ особенныхъ международныхъ конвенціяхъ, опредѣляющихъ ближе тѣ общія мѣры со стороны правительствъ, которыя должны были способствовать дѣйствительному прекращенію торга неграми.

Наконецъ, Вѣнскій конгрессъ выработалъ особое положеніе относительно дипломатическихъ агентовъ. Съ цѣлью предупредить на будущее время тягостные споры между представителями различныхъ державъ въ иностранныхъ государствахъ, были точно опредѣлены, во 1-хъ, классы дипломатическихъ агентовъ и, во 2-хъ, взаимныя ихъ отношенія при занятіи мѣстъ, подписаніи и заключеніи трактатовъ [1]).

---

[1]) Весьма удачно выясняетъ международное значеніе послѣднихъ постановленій Вѣнскаго конгресса: Treitschke. Deutsche Geschichte, Bd. I, 595 u. flg.

§ 30. Общій характеръ международныхъ отношеній европейскихъ государствъ послѣ 1815 г. отражаетъ на себѣ то настроеніе, которое овладѣло европейскими народами со времени освобожденія ихъ отъ французскаго ига. Надежды на широкія государственныя реформы, возбужденныя торжественными прокламаціями правительствъ во время войны за независимость, скоро смѣнилось всеобщимъ разочарованіемъ [1]). Вѣнскій конгрессъ и послѣдующія реакціонныя мѣры, принятыя сообща европейскими государями, окончательно убѣдили западныя народы, что обѣщанія, имъ данныя, не будутъ исполнены. Естественнымъ результатомъ неудовлетворенныхъ законныхъ ожиданій западно-европейскихъ обществъ явилось повсемѣстное броженіе умовъ, стремленіе народовъ освободиться отъ задерживающихъ развитіе соціальной жизни феодальныхъ тормазовъ и имѣть участіе въ государственномъ управленіи.

Съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, международныя отношенія этого періода представляютъ совокупность явленій, стоящихъ въ причинной зависимости отъ цѣлей и задачъ, преслѣдуемыхъ общественными классами внутри государствъ.

Такъ, религія не оказываетъ въ настоящее время непосредственнаго вліянія на международныя отношенія въ томъ смыслѣ, что различіе вѣры не вызываетъ уже международныхъ войнъ и не служитъ преградой для постоянныхъ мирныхъ международныхъ сношеній. Напротивъ, сознаніе общности религіозныхъ интересовъ выражается въ этотъ періодъ въ стремленіи европейскихъ народовъ охранить повсюду свободу совѣсти, право каждаго, особенно христіанскаго народа, безпрепятственно исповѣдывать свои религіозныя убѣжденія и вѣрованія. Требованіе полной вѣротерпимости въ предѣлахъ своего государства заставляетъ образованные народы относиться съ сочувствіемъ и идти на помощь къ тому народу, религіозныя воззрѣнія и вѣрованія котораго подвергаются гоненію или какимъ-либо насильственнымъ ограниченіямъ [2]).

Въ области интеллектуальныхъ и духовныхъ интересовъ европейскіе народы также сознаютъ въ разсматриваемое время извѣстныя общія связующія

[1]) Извѣстны обѣщанія прусской прокламаціи 17 марта 1813 г. См. Hardenberg's Denkwürdigkeiten. Bd. IV, S. 390. Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege, Bd. I, S. 284 flg.

[2]) Исторія греческаго возстанія и отношенія христіанской Европы къ Турціи служатъ доказательствомъ такого вліянія религіозныхъ убѣжденій и духовныхъ стремленій.

ихъ задачи. По мѣрѣ того какъ внутри европейскихъ государствъ постепенно падаютъ стѣсненія свободы научныхъ изслѣдованій, печати и слова, по мѣрѣ того какъ умственная жизнь, литературная, художественная и артистическая дѣятельность народовъ принимаютъ все большіе размѣры, по мѣрѣ того возрастаетъ потребность въ международномъ обмѣнѣ продуктовъ умственнаго и духовнаго труда и возникаетъ необходимость опредѣлить условія этого рода обмѣна. Въ виду этого заключаются литературныя конвенціи, охраняющія литературную и художественную собственность авторовъ.

Затѣмъ, хозяйственная и экономическая дѣятельность, сильно развитая въ этомъ періодѣ, создаетъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ одно общество, проникнутое стремленіемъ къ пріобрѣтенію тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя необходимы человѣку для борьбы съ окружающею его внѣшнею природою и для развитія духовныхъ способностей и силъ. Не находя на своей территоріи всѣхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія законныхъ ихъ нуждъ, отдѣльные народы по необходимости входятъ въ общеніе другъ съ другомъ, вступаютъ въ международныя коммерческія сношенія, заключаютъ торговые трактаты, устраиваютъ общіе союзы почтовые, телеграфные и т. п. Все болѣе выясняется та великая истина, что современный человѣкъ, пріобрѣтая и увеличивая свои личныя средства, пользуется результатомъ трудовъ всѣхъ народовъ, всего человѣчества. Словомъ, современная экономическая дѣятельность народовъ все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ космополитическій и правовой [1]).

Наконецъ, сознаніе общаго племеннаго и національнаго происхожденія не только служитъ въ настоящемъ періодѣ факторомъ, соединяющимъ различныя государства, но даже разсматривается, какъ высшій принципъ всего международнаго порядка. Силою своего внутренняго существа всѣ изложенные общественные интересы стремятся къ извѣстной организаціи, конкретному внѣшнему порядку и опредѣленію правомъ: всѣ общественные элементы имѣютъ одну цѣль—вліять или господствовать надъ государствомъ. Между тѣмъ государство есть членъ международнаго общенія, и потому понятно, насколько въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи общественныя стремленія должны были повліять на междугосударственныя отношенія.

§ 31. После Вѣнскаго конгресса, реакціонная внутренняя политика европейскихъ правительствъ имѣла своимъ результатомъ такого рода международные акты, которые совершенно противорѣ-

---

[1]) Срав. Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich, Band I, S. 287 flg., 303 flg.

чили общественнымъ нуждамъ и стремленіямъ народовъ. Образовавъ изъ себя такъ называемую пентархію (пятидержавіе), великія державы приняли за правило вмѣшиваться во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда порядокъ, въ нихъ установившійся, представлялъ, по ихъ мнѣнію, опасность для мира въ Европѣ [1]). При всеобщемъ въ то время враждебномъ настроеніи западно-европейскихъ обществъ противъ реакціи и стремленія народовъ къ политической свободѣ, въ поводахъ къ такому вмѣшательству не было недостатка.

Въ 1818 году вновь собрался конгрессъ изъ представителей великихъ державъ, въ Ахенѣ, на которомъ присутствовали монархи: русскій, австрійскій и прусскій. Результатомъ совѣщаній этого конгресса были постановленія, на основаніи которыхъ сокращался срокъ оккупаціи французской территоріи союзными войсками и была уменьшена контрибуція, наложенная на Францію. Въ Ахенѣ же были дополнены правила, выработанныя на Вѣнскомъ конгрессѣ относительно дипломатическихъ агентовъ, опредѣленіемъ ранга министровъ-резидентовъ. Наконецъ, декларація, изданная уполномоченными великихъ державъ по поводу переговоровъ, происходившихъ на Ахенскомъ конгрессѣ, подтверждала тѣсный союзъ участвовавшихъ на немъ монарховъ и объявляла, что послѣдніе признаютъ непремѣнною своею обязанностью руководствоваться въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ державамъ началами международнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ пять союзныхъ государей рѣшили на будущее время собираться на конгрессы или конференціи для обсужденія сообща какъ собственныхъ интересовъ, такъ и вопросовъ, по поводу которыхъ другія государства обратились бы къ нимъ съ просьбою о вмѣшательствѣ [2]).

---

[1]) Князь Меттернихъ поставилъ девизомъ своей реакціонной политики слѣдующія слова: „L'Europe fait aujourd'hui pitié à l'homme d'esprit et horreur à l'homme vertueux". (Mémoires, III, 426; см. также стр. 445).

[2]) Martens. Nouveau Recueil, t. IV. p. 554. Дипломатическіе документы, II, 351. 373 и т. д. Мое Собраніе трактатовъ, т. VII, №№ 288 — 296.

Но Ахенскій конгрессъ не разрѣшилъ тѣхъ вопросовъ, которыми интересовались европейскія общества. Напротивъ, какъ совѣщанія этого конгресса, такъ и послѣдующія мѣры Вѣнскаго кабинета, вдохновлявшаго въ то время европейскую политику, ясно показывали, что великія державы твердо рѣшились не допускать въ континентальныхъ монархическихъ государствахъ ни либеральныхъ реформъ, исходящихъ отъ правительствъ, ни тѣмъ болѣе внутреннихъ переворотовъ въ пользу общественной свободы и правъ народа. Съ цѣлью предупредить распространеніе революціонныхъ идей въ Германіи, по иниціативѣ Австріи состоялись въ 1819 г. конференціи представителей нѣмецкихъ государей въ Карлсбадѣ и Вѣнѣ, и здѣсь былъ выработанъ рядъ постановленій, направленныхъ противъ общественныхъ движеній въ Германскомъ Союзѣ [1]).

Революціи въ Испаніи, Португаліи, въ Неаполѣ и Сардиніи разсматривались великими союзными державами, какъ общеевропейскія дѣла, требовавшія вмѣшательства и возстановленія силою законнаго порядка вещей. Въ 1820 г. уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи собрались на конгрессъ въ Троппау и въ слѣдующемъ году въ Лайбахѣ для совѣщаній объ общихъ мѣрахъ противъ революціонныхъ возстаній, вспыхнувшихъ тогда въ разныхъ европейскихъ государствахъ, и въ частности о средствахъ подавить революцію въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Лайбахскій конгрессъ рѣшилъ, что австрійскія войска займутъ Неаполь и уничтожатъ конституцію, которую неаполитанскій король долженъ былъ дать своему народу [2]). Испанская революція была предметомъ обсужденій Веронскаго конгресса (1822 г.), который поручилъ экзекуцію въ отношеніи революціонныхъ кортесовъ Франціи. На этотъ разъ англійское правительство формально отказалось одобрить мѣры, принятыя конгрес-

[1]) Mémoires de Metternich, t. III, № 334, p. 283 et suiv. Martens (Murhard). Recueil, t. IV, p. 8.

[2]) Bianchi. Storia della diplomazia Europea in Italia, t. II, p. 33 e seg. — Gervinus. Geschichte des XIX Jahrhunderts, Bd. IV, S. 148 flg. Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. I, №№ 122 и 123. v. Treitschke. Deutsche Geschichte im XIX-ten Jahrhundert, Bd. III, S. 131 u. flg.

сомъ, и съ тѣхъ поръ постоянно защищаетъ начало невмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ [1]).

Въ 1821 г. вспыхнуло возстаніе Грековъ противъ турецкаго ига. Первоначально не только Меттернихъ, но и Александръ I относились враждебно къ греческой революціи и скорѣе склонялись на сторону султана, чѣмъ возмутившихся Грековъ. Но вліяніе общественнаго мнѣнія, особенно Англіи, скоро заставило европейскія правительства выйти изъ своего пассивнаго положенія и вступиться за угнетенный христіанскій народъ. Со времени образованія въ Англіи министерства Каннинга и восшествія на русскій престолъ императора Николая I, оба правительства, русское и англійское, рѣшились вынудить Турцію на уступки въ пользу греческаго народа. Въ Петербургѣ, въ 1826 г., Россія и Англія подписали протоколъ, на основаніи котораго обязались вмѣшаться въ войну противъ Турокъ и предоставить Греціи тѣ права, которыми пользовались Дунайскія княжества, если требованія ихъ не будутъ удовлетворены султаномъ. Петербургскій протоколъ былъ измѣненъ въ Лондонѣ, въ 1827 г., въ международную конвенцію, которую подписала также Франція [2]). Союзныя державы отправили свои флоты въ Архипелагъ для воспрепятствованія подвоза къ греческимъ берегамъ аммуниціи и военныхъ припасовъ. Наваринская битва, кончившаяся сожженіемъ турецкаго и египетскаго флота, привела къ русско-турецкой войнѣ 1828—1829 г. По Адріанопольскому миру съ Россіей, султанъ долженъ быть признать независимость Греціи, которая въ 1830 г., на основаніи Лондонскаго протокола, была объявлена королевствомъ и греческій престолъ занялъ баварскій принцъ Оттонъ [3]).

Греческое возстаніе открыло собою рядъ внутреннихъ переворотовъ въ европейскихъ государствахъ, которые уничтожили старый

[1]) Срав. мое Собраніе трактатовъ, т. XI, стр. 242 и слѣд. Bianchi. Storia, II, 107 e seg.—Lawrence. Commentaire sur Wheaton, t. II, p. 287.

[2]) Martens. Nouveau Recueil, t. VII, p. 40. Срав. мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. I, №№ 130 и 131. Мое Собр. трак. т. XI, стр. 344 и слѣд.

[3]) Martens. Nouveau Recueil, t. VIII, p. 143. De Clercq. Recueil, t. III, p. 557. Срав. Lawrence—Wheaton, t. II, p. 403 et suiv.—Gervinus. Geschichte, Bd. V.

режимъ, поддерживаемый великими державами, и измѣнили созданную Вѣнскимъ конгрессомъ политическую систему Европы. Французская революція 1830 г. не вызвала вмѣшательства Австріи и Россіи, потому что Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ объявить о признаніи имъ обязательной силы Вѣнскаго трактата 1815 г. Примѣръ Французовъ увлекъ сосѣднюю Бельгію. Одновременно съ іюльской революціей произошло возстаніе Бельгійцевъ противъ ненавистнаго имъ голландскаго правительства. При содѣйствіи Франціи и Англіи они отдѣлились отъ Голландіи и, въ силу Лондонскаго трактата 1831 г., Бельгія была объявлена самостоятельнымъ и вѣчно нейтральнымъ королевствомъ, престолъ котораго занялъ принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій. Голландскій король призналъ фактъ раздѣленія своихъ владѣній только въ 1839 г. [1]).

Новая революція во Франціи, вспыхнувшая въ февралѣ 1848 г., дала сигналъ къ общимъ смутамъ въ Западной Европѣ. Народныя движенія въ Германіи вызвали попытку преобразованія Германскаго Союза, которое составило задачу франкфуртскаго національнаго собранія. Въ Пруссіи, Австріи и Венгріи революціонное движеніе ниспровергаетъ принципы, провозглашенные на конгрессахъ въ Лайбахѣ и Веронѣ. Въ Даніи возстаютъ герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ съ цѣлью отдѣлиться отъ Датскаго королевства. Это возстаніе привело къ войнѣ между Даніей и Германскимъ Союзомъ, окончившейся, благодаря вмѣшательству Россіи, Берлинскимъ трактатомъ 1850 г., на основаніи котораго оба герцогства остались подъ властью датскаго короля. Въ Церковной области, Итальянцы изгнали изъ Рима папу Пія IX и учредили республику. Но послѣдняя была уничтожена французскими войсками, которыя, возстановивъ власть папы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимали Римъ [2]).

---

[1]) De Clercq, ibid., t. IV, 146, 478. Neumann. Recueil, t. IV, p. 319, 416.

[2]) Срав. Constantin Bulle. Geschichte der neuesten Zeit (Lpz. 1876). Bd. II. Bianchi. Storia, t. V, p. 11 e seg.

В. Международныя отношенія съ Парижскаго мира 1856 г. до новѣйшаго времени.

§ 32. Восточная война 1853 — 1856 г. между Россіей съ одной стороны, и Турціей, Франціей, Англіей и Сардиніей—съ другой, началась формально по поводу спора о Святыхъ мѣстахъ, но въ дѣйствительности была вызвана тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, которое было создано для Россіи въ предѣлахъ Балканскаго полуострова еще Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ. Послѣ взятія Севастополя, воюющія державы, при посредничествѣ австрійскаго двора, вступили въ переговоры о мирѣ, прелиминарныя условія котораго, заключенныя въ Вѣнѣ, послужили основаніемъ для трудовъ Парижскаго мирнаго конгресса (1856 г.) [1]).

Парижскій трактатъ о мирѣ 1856 г. отнялъ у Россіи исключительное право покровительства христіанамъ, находящимся подъ властью Турціи, и сдѣлалъ его общимъ правомъ всѣхъ державъ христіанскихъ, подписавшихъ названный трактатъ. Затѣмъ Россія должна была согласиться на нейтрализацію Чернаго моря, отказаться отъ содержанія здѣсь военнаго флота и постройки укрѣпленій и разрушить существовавшія по берегамъ этого моря крѣпости. Бессарабская область отошла отъ Россіи къ Дунайскимъ княжествамъ. Послѣднія образовали два независимыя другъ отъ друга княжества—Молдавію и Валахію, подъ властью двухъ князей, избираемыхъ населеніемъ княжествъ и утверждаемыхъ Портой. Въ такое же положеніе было поставлено Сербское княжество. Наконецъ Парижскій трактатъ объявилъ Дарданельскій проливъ на вѣчныя времена закрытымъ для прохода военныхъ судовъ. Лондонская конвенція 13 марта 1871 года существенно измѣнила постановленія Парижскаго трактата 1856 года, насколько они касались ограниченія верховныхъ правъ Россіи на русскихъ берегахъ Чернаго моря и нейтрализаціи послѣдняго.

[1]) Neumann. Recueil des traités, t. VI, p. 274. De Clercq. Recueil, t. VII, p. 59. Срав. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate. Paris 1874, 2 vols.

Послѣ подписанія Парижскаго трактата, по предложенію Франціи и Англіи, державы, участвовавшія на конгрессѣ, издали 4-го (16-го) апрѣля 1856 г. декларацію, имѣющую своимъ предметомъ международное морское право. На основаніи этого важнаго акта: 1) навсегда отмѣняется каперство; 2) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, исключая военную контрабанду; 3) нейтральный грузъ, кромѣ военной контрабанды, не подлежитъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ; 4) блокада признается дѣйствительною только въ томъ случаѣ, когда поддерживается достаточной силой, прекращающей доступъ къ непріятельскому берегу. Эти правила были предложены для подписанія также государствамъ, не участвовавшимъ въ Парижскомъ конгрессѣ, и въ настоящее время признаны огромнымъ большинствомъ цивилизованныхъ народовъ всего земнаго шара.

Послѣ Парижскаго мира мало-по-малу получаютъ рѣшеніе тѣ международные вопросы, которые были созданы Вѣнскимъ трактатомъ 1815 г. Мы укажемъ въ немногихъ словахъ главнѣйшія событія нынѣшняго времени, измѣнившія политическую систему Европы, устроенную на началахъ этого трактата.

Первый вопросъ, возникшій вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира, касался устройства Итальянскаго полуострова. Уже на конгрессѣ въ Парижѣ уполномоченный сардинскаго короля, графъ Кавуръ, представилъ записку, въ которой доказывалъ, что владычество Австріи на сѣверѣ Италіи служитъ предлогомъ для Вѣнскаго кабинета къ постоянному вмѣшательству въ итальянскія дѣла, несогласному съ законными правами итальянской націи. Въ то время Сардинія уже вступила въ соглашеніе съ Франціей на счетъ возбужденнаго итальянскаго вопроса. Въ 1859 г. сардинскій король, въ союзѣ съ французскимъ императоромъ, объявилъ войну Австріи, окончившуюся въ томъ же году прелиминарнымъ миромъ между Австріей и Франціей, заключеннымъ безъ всякаго участія Сардиніи, въ Виллафранкѣ [1]). Договаривающіяся державы согласились, чтобы границею австрійскихъ владѣній въ Италіи была рѣка Минчіо; Ломбардія уступалась французскому императору, который долженъ былъ передать ее сардин-

[1]) Martens (Samwer). Recueil, t. III, p. II, p. 376. Срав. Bianchi, Storia t. VIII, p. 21 e seg.

скому королю; всѣ итальянскія государства составляли одну федерацію, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Миръ въ Виллафранкѣ былъ окончательно подтвержденъ Цюрихскимъ трактатомъ (1859 г.), который подписалъ также сардинскій король [1]).

Но договоръ, заключенный въ Цюрихѣ, не получилъ исполненія. Во всѣхъ итальянскихъ государствахъ народъ возсталъ противъ существующихъ правительствъ и потребовалъ соединенія подъ властью сардинскаго короля. Гарибальди завоевалъ въ пользу послѣдняго все Неаполитанское королевство. Въ 1860 г. Италія фактически уже была объединена. Но формально новый порядокъ не могъ существовать на Итальянскомъ полуостровѣ безъ согласія французскаго императора. Между Сардиніей и Франціей была заключена Туринская конвенція (1860 г.), которой императоръ Французовъ признавалъ силу совершившихся фактовъ подъ условіемъ уступки въ пользу Франціи Савойи и Ниццы [2]).

Объединеніе Италіи завершилось въ 1870 году занятіемъ итальянскими королевскими войсками Папской области и города Рима. Во владѣніи папы были оставлены только Ватиканъ и Латеранъ.

Постепенно подготовлялось рѣшеніе и другого общеевропейскаго вопроса — вопроса объ устройствѣ Германіи. Въ 1864 г. открылась война между Даніей съ одной стороны и Австріей и Пруссіей съ другой. Всѣ три державы принадлежали къ Германскому Союзу, и война между ними была собственно экзекуціею, предписанной Германскимъ сеймомъ противъ Даніи изъ-за Шлезвигъ-Гольштейнскихъ герцогствъ. Послѣднія входили въ составъ Датскаго королевства на основаніи трактатовъ, гарантировавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ особенное устройство герцогствъ. Но въ 1863 г. король датскій Христіанъ IX издалъ конституцію для своего государства, которая

[1]) Martens (Samwer). Recueil, t. III, p. II, p. 531. Neumann. Recueil. (Nouvelle Suite) t. II, p. 281.

[2]) Hertslet. The map of Europe by treaty (London 1875), t. II, № 313, p. 1429; № 307, p. 1415.

распространялась и на Шлезвигъ. Германскій сеймъ увидѣлъ въ этой мѣрѣ нарушеніе правъ нѣмецкаго государства, принадлежащаго къ Союзу, и постановилъ подвергнуть датскаго короля союзной экзекуціи. Исполненіе этой мѣры взяли на себя Пруссія и Австрія. Данія была побѣждена. По Вѣнскому договору 1864 г. она отказалась отъ герцогствъ Шлезвигскаго, Гольштейнскаго и Лауенбургскаго, перешедшихъ въ совмѣстное владѣніе державъ побѣдительницъ. Но кондоминіумъ Австріи и Пруссіи продолжался недолго. Изъ-за него возникъ рядъ споровъ между двумя державами, которые привели къ войнѣ [1]).

Австро-прусская война 1866 г. окончательно разрѣшила вопросъ, которая изъ двухъ великихъ державъ должна имѣть гегемонію въ Германіи. Битва при Кениггрецѣ рѣшила этотъ вопросъ въ пользу Пруссіи. Воюющія державы заключили въ Никольсбургѣ, въ 1866 г., прелиминарный миръ и въ Прагѣ окончательный [2]). Пражскій мирный трактатъ устранилъ Австрію отъ дальнѣйшаго участія въ Германскомъ Союзѣ; она отказалась также отъ всякихъ правъ на Гольштейнъ и Шлезвигъ, по относительно послѣдняго въ V ст. мирнаго договора было постановлено, что населеніе сѣверной его части будетъ спрошено чрезъ голосованіе: желаетъ ли оно присоединенія къ Пруссіи? Прусское правительство не находило нужнымъ исполнить это постановленіе. Это обстоятельство могло служить удобнымъ предлогомъ для Австріи начать войну противъ Пруссіи. Въ 1878 г. Вѣнскій кабинетъ отказался однако отъ всякихъ притязаній на исполненіе означенной статьи.

Въ войнѣ между Австріей и Пруссіей 1866 г. участвовали противъ первой также Италія и противъ второй Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау и Саксонія. По Пражскому мирному договору Австрія должна была передать Венецію Наполеону III, а послѣдній уступилъ эту область итальян-

[1]) Neumann. Recueil (Nouvelle suite), t. III, p. 516, № 277.
[2]) Neumann. Recueil (Nouvelle suite), t. IV, №№ 356, 358.

скому королю. Побѣжденныя нѣмецкія государства, за исключеніемъ Саксоніи, были присоединены къ Пруссіи.

Послѣ Австро-прусской войны Германскій Союзъ распался и на мѣсто его былъ образованъ союзъ Сѣверо-германскій, съ прусскимъ королемъ во главѣ. Южно-германскія государства: Баварія, Виртембергъ, Баденъ и часть Гессена, по настоянію Наполеона III, остались независимыми государствами. Однако всѣ они заключили тайные договоры съ Сѣверо-германскимъ Союзомъ, на основаніи которыхъ обязались соединить, въ случаѣ войны, свои арміи съ силами Сѣверо-германскаго союза.

Объединеніе Сѣверной Германіи встрѣчено было съ большимъ неудовольствіемъ во Франціи. Общественное мнѣніе этой страны сильно обвиняло Наполеона, несъумѣвшаго предупредить такое усиленіе сосѣдняго государства. Чтобы исправить свою ошибку, французскій императоръ рѣшился воспользоваться въ 1867 г. Люксембургскимъ вопросомъ, и вступилъ въ дипломатическіе переговоры на счетъ покупки Люксембурга, принадлежавшаго Голландіи, но занятаго прусскимъ гарнизономъ. Когда эта сдѣлка не состоялась, французскій императоръ потребовалъ удаленія прусскихъ войскъ изъ Люксембурга. Пруссія медлила, и война между двумя державами казалась неизбѣжной. Она была предупреждена посредничествомъ великихъ державъ, которыя на конференціи въ Лондонѣ въ 1867 году рѣшили, что Люксембургъ останется во владѣніи Голландіи, но будетъ вѣчно нейтральною областью; прусскій гарнизонъ долженъ былъ удалиться отсюда, и Люксембургскія укрѣпленія подлежали срытію.

Разрывъ между Франціей и Пруссіей совершился въ 1870 г. по поводу кандидатуры на испанскій престолъ Гогенцоллернскаго принца Леопольда. Французское правительство, увидѣвъ въ этой кандидатурѣ стремленіе Пруссіи унизить Францію, просило короля прусскаго повелѣть принцу Леопольду не принимать предложенія, обращеннаго къ нему изъ Испаніи. Однако добровольное отреченіе принца, тотчасъ послѣдовавшее, не успокоило Наполеона III. Онъ рѣшилъ требовать отъ прусскаго короля обѣщанія, что принцъ никогда на будущее время не приметъ испанской кандидатуры.

Король, конечно, отказался удовлетворить это домогательство. Это было причиной войны, объявленной Пруссіи 19-го іюля 1870 г. Въ слѣдующемъ году, послѣ ряда неслыханныхъ пораженій, Франція вынуждена была подписать Версальскій прелиминарный и Франкфуртскій окончательный мирный договоръ, подчинившій ее крайне тяжелымъ обязательствамъ. Франція отдавала Германіи Эльзасъ и часть Лотарингіи, приняла на себя обязанность уплатить 5 мильярдовъ франковъ военной контрибуціи и до уплаты этой суммы подверглась оккупаціи нѣмецкихъ войскъ [1]).

Важнѣйшимъ результатомъ этой войны для Сѣверо-германскаго Союза было присоединеніе къ нему въ 1870 г. южно-германскихъ государствъ и образованіе въ 1871 г. Германской Имперіи подъ властью прусскаго короля, принявшаго титулъ императора Германскаго.

Послѣ 1871 г. Европа въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пользовалась миромъ. Въ продолженіи этого времени главное вниманіе европейскихъ правительствъ было обращено на развитіе путемъ международныхъ соглашеній торговыхъ оборотовъ государствъ. Въ 1874 году, по иниціативѣ Государя Императора Александра II, была созвана въ Брюсселѣ конференція для кодификаціи обычаевъ и правилъ, обязательныхъ во время сухопутной войны. Въ конференціи приняли участіе всѣ европейскія державы. Но выработанный ею проектъ законовъ войны, благодаря въ особенности восточнымъ замѣшательствамъ, возникшимъ въ 1875 г., остался безъ утвержденія.

Начавшееся въ 1875 г. Герцеговинское возстаніе мало по малу приняло размѣры, потребовавшіе вмѣшательства европейскихъ державъ. Съ осени 1875 г. Порта постоянно получала представленія со стороны европейскихъ правительствъ, побуждавшія ее измѣнить порядокъ вещей, существовавшій въ Босніи и Герцеговинѣ, и удовлетворить законныя требованія христіанскаго населенія этихъ провинцій, но эти настоянія остались неудовлетворенными. Въ концѣ 1875 г. графъ Андраши составилъ проектъ тѣхъ преобразованій,

---

[1]) Staatsarchiv, 1871. № 4441, 4443, 4615 flg. Срав. Valfrey. Histoire de la diplomatie du gouvernement de la défense nationale. (Paris. 1871—72), t. III, p. 103 et suiv.

которыя Порта должна была обязаться передъ Европою ввести въ своихъ возставшихъ областяхъ. Турція согласилась исполнить предложенныя реформы. Съ своей стороны инсургенты выставили собственныя условія, которыя однако не были приняты во вниманіе великими державами. Кровопролитіе продолжалось. Въ 1876 г. три сосѣднія державы сообщили другимъ государствамъ выработанный ими „берлинскій меморандумъ", въ которомъ опредѣлялись тѣ принудительныя мѣры, которыя, съ общаго согласія державъ, должны быть примѣнены къ Портѣ, если она откажется ввести предложенныя ей реформы. Англія отказалась присоединиться къ этому акту. Между тѣмъ возстаніе охватило Румелію; Сербія и Черногорія объявили войну Турціи. Въ октябрѣ, по настоянію Россіи, Порта заключила перемиріе, давшее возможность собраться въ Константинополѣ международной конференціи для опредѣленія условій окончательнаго мира съ Сербіей и Черногоріей и выработки реформъ, которыя Порта должна ввести въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Въ началѣ 1877 г. турецкое правительство отвергло всѣ предложенія конференціи, и она разошлась [1]). Осталось одно средство сломить сопротивленіе Порты—война, которую и начала Россія въ апрѣлѣ 1877 г. Какъ извѣстно, война была неудачна для Турціи.

Въ февралѣ 1878 г. уполномоченными Россіи и Турціи былъ подписанъ въ Санъ-Стефано прелиминарный договоръ о мирѣ, по которому Порта согласилась: 1) признать окончательно независимость княжествъ Черногоріи, Сербіи и Румыніи; 2) Болгарія должна была образовать автономное княжество, въ сюзеренной зависимости отъ Порты, граница котораго доходила до Салоникъ; 3) въ Босніи и Герцеговинѣ немедленно должны быть введены преобразованія, указанныя Константинопольскою международною конференціей; 4) размѣръ военной контрибуціи въ пользу Россіи былъ опредѣленъ въ суммѣ 1.410 милліоновъ рублей, но русское правительство, взамѣнъ большей части этой суммы, именно 1.100 милл. рублей, пріобрѣтало отъ Турціи: на Балканскомъ полуостровѣ—Тульчинскій санджакъ съ правомъ обмѣнять его на ту часть Бессарабіи, которую она уступила, по Парижскому трактату 1856 г.,

---

[1]) Очеркъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ моемъ соч. „Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г." (Спб. 1879 г.) глава IV.

Румыніи; въ Азіи—Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорію до Саганлуга.

Постановленія Санъ-Стефанскаго договора, уничтожавшія фактически существованіе Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, вызвали крайнее неудовольствіе въ Западной Европѣ. Англія и Австро-Венгрія обвиняли Россію въ неисполненіи обязательствъ, принятыхъ ею до войны и во время войны. Въ началѣ 1878 г. война между Англіей и Россіей представлялась неизбѣжною. Разрыва не произошло, благодаря посредничеству Германіи, которая предложила созваніе конгресса для обсужденія условій окончательнаго мира между Россіей и Турціей. Предложеніе это исходило изъ той мысли, что постановленія Парижскаго трактата, измѣняемыя договоромъ Санъ-Стефанскимъ, могутъ быть отмѣнены только съ общаго согласія великихъ державъ, подобно тому какъ это было въ 1871 г., когда были уничтожены статьи Парижскаго мира, ограничивавшія права Россіи по отношенію къ Черному морю.

Берлинскій конгрессъ, собравшійся 13-го іюня 1878 г., окончилъ свои труды іюля 13-го, когда былъ подписанъ трактатъ, долженствовавшій служить основаніемъ новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Главнѣйшія постановленія Берлинскаго трактата суть слѣдующія: Черногорія признана независимымъ княжествомъ и владѣнія ея увеличены, но пользованіе присоединеннымъ къ ней портомъ Антивари и прилегающимъ участкомъ морскимъ было значительно ограничено. Румынія и Сербія также признаны независимыми отъ Порты и получили территоріальныя приращенія. Княжество Болгарія не удержало тѣхъ границъ, которыя были назначены ему по договору въ Санъ-Стефано. На югъ отъ Балканскаго хребта образована особая провинція, подъ именемъ Восточной Румеліи, остающаяся подъ непосредственною политическою и военною властью султана, но съ широкою мѣстною автономіей. Россія пріобрѣла отъ Румыніи часть Бессарабской области; отъ Турціи отошли къ ней Ардаганъ, Карсъ и Батумъ, объявленный „порто-франко по преимуществу коммерческимъ“ (стат. 59). Всѣ другія земли, уступленныя

Россіи по договору въ Санъ-Стефано, возвращены Оттоманской имперіи. Провинціи Боснія и Герцоговина отданы въ управленіе Австро-Венгріи. Наконецъ, Персіи уступлены городъ и область Котуръ.

Кромѣ территоріальныхъ измѣненій, Берлинскій трактатъ опредѣлилъ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты Портою для улучшенія положенія оставшихся подъ ея властью христіанъ и за примѣненіемъ которыхъ будутъ наблюдать державы. Онъ провозгласилъ свободу судоходства по Дунаю, отъ Желѣзныхъ Воротъ до устья, гарантіей которой должны служить срытіе крѣпостей на этомъ пространствѣ и запрещеніе плавать отъ Желѣзныхъ Воротъ внизъ по теченію рѣки военнымъ судамъ. Всѣ постановленія Парижскаго трактата 1856 г., не отмѣненныя настоящимъ актомъ и Лондонскимъ договоромъ 1871 г., подтверждены [1]).

Изъ новѣйшихъ событій, происшедшихъ въ Америкѣ, имѣла большое международное значеніе война сѣверныхъ штатовъ съ южными (1861 г.). Она возникла благодаря соціальному и политическому антагонизму, издавна раздѣлявшему сѣверъ и югъ Американской республики. Окончательный разрывъ между ними произведенъ былъ вопросомъ объ отмѣнѣ невольничества, которой требовали сѣверные штаты, экономически не заинтересованные въ существованіи рабства, и которой рѣшились сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ земледѣльческіе южные штаты. Послѣдніе образовали самостоятельную конфедерацію, но послѣ пораженій, нанесенныхъ южной арміи генераломъ Грантомъ, должны были, въ 1865 г., опять войти въ составъ союза и признать власть Вашингтонскаго правительства.

Американскимъ междоусобіемъ воспользовалась Франція, чтобы устроить въ Мексикѣ имперію, престолъ которой, по приглашенію Наполеона III, занялъ эрцгерцогъ Максимиліанъ. Мексиканская народная партія, какъ извѣстно, возстала противъ навязаннаго ей государя и, одержавъ верхъ, подвергла его суду, по приговору котораго несчастный эрцгерцогъ былъ разстрѣлянъ (1866 г.).

---

[1]) Berner. Die Orientfrage beantwortet durch die Verträge von 1856 und 1878. Berlin, 1878.

§ 33. Международныя отношенія въ 3-мъ періодѣ все болѣе принимаютъ правовой характеръ. Развиваются и утверждаются начала современнаго положительнаго международнаго права. Современные образованные правительства и народы все болѣе убѣждаются въ недостаточности своихъ единичныхъ силъ для полнаго удовлетворенія развивающихся государственныхъ потребностей и въ необходимости широкихъ взаимныхъ сношеній и помощи. Въ сферѣ политическихъ отношеній интересы державъ обсуждаются на конгрессахъ и конференціяхъ, рѣшенія которыхъ получаютъ силу закона. Общественные интересы государствъ находятъ свое удовлетвореніе въ частныхъ и общихъ договорахъ по различнымъ вопросамъ, касающимся соціальныхъ сношеній народовъ. Результатомъ международныхъ соглашеній явилось установленіе положительныхъ юридическихъ началъ, правилъ, законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ. Таковы правила о международномъ представительствѣ, морской торговлѣ, свободномъ судоходствѣ по рѣкамъ и т. д.

Руководящее начало международныхъ отношеній въ разсматриваемое время есть принципъ національности. Онъ провозглашается въ XIX ст., какъ панацея противъ всѣхъ недоразумѣній и замѣшательствъ международныхъ, какъ наиболѣе разумное основаніе для разрѣшенія возникающихъ между государствами споровъ и столкновеній и для устройства такого порядка взаимныхъ ихъ отношеній, который въ состояніи обезпечить мирное развитіе каждаго народа [1]).

[1]) Сравн. Bulle. Geschichte der neuesten Zeit, II, 290 flg. Литература этого вопроса весьма богата. Ограничимся указаніемъ немногихъ пособій: Mancini. Della nazionalitá come fondamento del diritto delle genti. (Diritto internazionale. Napoli 1873). Mohl. Die Nationalitätsfrage (Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. Tübingen 1862. Bd. II, 333 flg.). Rüdiger, Ueber Nationalität. (Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Bd. III). Padelletti. L'Alsace et la Lorraine et le droit des gens. (Revue de droit international, 1871, p. 464 et suiv.). Richard. Etudes sur les nationalités, leur formation et leurs rapports. Genève 1870. Bulmerincq. Praxis, Theorie u. Codification, S. 53 flg. Neumann. Volk und Nation. Lpzig. 1888. Le langage et les nationalités par M. Bréal. (Revue des D. M. 1 Déc. 1891). Въ русской литературѣ: Градовскій, Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ. Спб. 1873.

Принципъ народности впервые былъ формулированъ французскою писательницей, мадамъ де-Сталь. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (De l'Allemagne 1810), она высказала ту мысль, что каждое государство должно состоять изъ народа, проникнутаго сознаніемъ своего національнаго единства, имѣющаго одинъ языкъ, одинаковые нравы и обычаи. Въ новѣйшее время эта мысль подверглась всесторонней разработкѣ и была провозглашаема оффиціально со стороны различныхъ государственныхъ дѣятелей (Наполеонъ III), какъ руководящее начало международной политики. По мнѣнію Лорана, „государство обыкновенно есть случайное соединеніе отдѣльныхъ лицъ, скорѣе собранныхъ, чѣмъ соединенныхъ по собственному желанію подъ одною верховною властью, надъ ними господствующею". Человѣчество, говоритъ онъ, стремится поставить на мѣсто государствъ, явившихся произведеніемъ силы или произвольныхъ сдѣлокъ, государства, основанныя на естественномъ элементѣ національности. Таже самая идея служитъ исходною точкою всей современной итальянской литературы международнаго права [1]).

Что же разумѣютъ подъ національностью тѣ писатели, которые видятъ въ ней основаніе современной международной системы? Наиболѣе удачное опредѣленіе народности принадлежитъ итальянскому ученому Манчини. Подъ націей онъ разумѣетъ естественное общество людей, которое, вслѣдствіе общности территоріи, происхожденія, нравовъ и языка, сплотилось единствомъ жизни и проникнуто соціальнымъ сознаніемъ [2]). Это соціальное сознаніе заставляетъ современные народы стремиться къ образованію изъ себя отдѣльныхъ національныхъ политическихъ организмовъ, которые, по мнѣнію сто-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens, t. XVIII, p. 523 et suiv. См. его же. Le droit civil international. Bruxelles 1880, t. I, p. 624 et suiv. Pierantoni. Storia degli studi del diritto internazionale in Italia. Modena 1869. (Нѣмецкій переводъ Roncali 1872). Palma. Del principio di nazionalità nella moderna società Europea. 1886. — Eötvös. Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX. Jahrhunderts auf den Staat (Lpz. 1854). Bd. I, S. 31 flg.

[2]) „Una societa naturale di uomini da unità di territorio, di origine, di costumi e di lingua conformati a communanza di vita e di coscienza sociale". (Diritto internazionale, 37).

ронниковъ идеи національности, совмѣщаютъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для установленія прочнаго международнаго порядка. Новѣйшая исторія европейскихъ государствъ,—доказываютъ націоналисты,—подтверждаетъ стремленіе народовъ къ свободѣ и независимости. Они указываютъ, что возстаніе Грековъ возникло благодаря сознанію греческимъ народомъ общности своего племеннаго происхожденія, языка, религіи и нравовъ. На томъ же основаніи Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи; Италія соединилась въ одно королевство; наконецъ, германскій народъ уничтожилъ свое политическое раздѣленіе, созданное Вѣнскимъ трактатомъ, и организовался въ единую имперію [1]).

Отсюда видно, что защитники національной идеи противопоставляютъ національное государство государству, сложившемуся исторически и обнимающему собою различныя народности. Противоположеніе это будетъ совершенно понятно, если имѣть въ виду тѣ способы, которыми увеличивались или уменьшались государственныя владѣнія въ періодъ неограниченнаго королевскаго самодержавія. Идея національности явилась протестомъ противъ произвольнаго распоряженія судьбою даннаго народа, противъ продажи государственной территоріи вмѣстѣ съ ея населеніемъ, отдачи ея въ приданое и другихъ подобныхъ сдѣлокъ, обыкновенныхъ въ прежнее время. Она оправдывается также требованіемъ, которое справедливо можетъ быть предъявлено каждому современному государству, чтобы оно относилось съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ элементамъ, къ тѣмъ естественнымъ народностямъ, которыя существуютъ въ его предѣлахъ. Чѣмъ менѣе эти народности будутъ находить удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей въ данномъ государствѣ, тѣмъ сильнѣе будутъ стремиться къ освобожденію изъ подъ его власти и образованію самостоятельнаго государства или соединенію

[1]) Boeckh. Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Berlin 1870. S. 1—47. Wagner. Elsass eine deutsche Provinz. Berlin 1870. Сравн. еще Renan. Qu'est ce qu'une nation. Paris 1882. — Essai sur le principe des nationalités par un diplomate. Paris 1882. Becker. Der Missbrauch der Nationalitätenlehre. Wien 1867.

съ тѣмъ государствомъ, которое родственно ему по національному составу и понимаетъ разумное свое назначеніе. Но такую притягательную силу одноплеменное государство будетъ имѣть настолько, насколько оно своимъ внутреннимъ общественнымъ строемъ и культурнымъ состояніемъ даетъ ручательства въ свободномъ развитіи человѣческой личности и въ полномъ уваженіи къ идеаламъ, сознаннымъ цивилизованными народами.

Нисколько не отрицая вліянія на международныя отношенія національныхъ связей и соглашаясь съ обязанностью каждаго правительства уважать права и интересы всѣхъ своихъ подданныхъ, какого бы національнаго происхожденія они ни были и на какомъ бы языкѣ они ни говорили, мы все-таки не можемъ присоединиться къ тому взгляду, что національный составъ государствъ служитъ обезпеченіемъ порядка и права въ области международныхъ отношеній. Не говоря уже о томъ, что осуществленіе принципа національности должно повести къ радикальному измѣненію политической карты Европы и, слѣдовательно, неминуемо вызоветъ международныя войны, мы не имѣемъ никакого ручательства, что сложившіяся „національныя государства“ будутъ проникнуты не только сознаніемъ внутренняго единства, но и уваженіемъ къ юридическому порядку въ области своихъ взаимныхъ отношеній, что они будутъ признавать обоюдныя права и обязанности. Видѣть въ принципѣ національности панацею для разрѣшенія всѣхъ международныхъ затрудненій намъ кажется настолько же неосновательнымъ, насколько опаснымъ убѣжденіе въ исключительномъ его превосходствѣ надъ всѣми руководящими идеями нашего времени [1]). Принципъ національности, будучи лишенъ исторической почвы, ничего прочнаго не создастъ, но разрушить онъ въ состояніи очень многое. Если онъ былъ при-

[1]) Совершенно справедлива оцѣнка взглядовъ итальянской школы націоналистовъ, сдѣланная Padelletti: „La théorie de nos publicistes sur ce point, sans compter qu'elle est bien loin d'être unanime et uniforme, est presque partout vague, inexacte, incertaine dans ses développements et jamais pratique dans ses conclusions extrêmes“. (Revue de droit international, III, 477). Срав. также Соловьевъ: Національный вопросъ въ Россіи 1891.

ложенъ къ Италіи, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что онъ вездѣ приложимъ съ пользою для народовъ и съ уваженіемъ къ неотмѣнимымъ требованіямъ правды и справедливости.

Международная сила общности племеннаго происхожденія всегда пропорціональна силѣ солидарности общихъ культурныхъ стремленій. Никакія жертвы, принесенныя на пользу единоплеменниковъ, никакія историческія преданія, никакія справедливыя обвиненія въ неблагодарности не въ состояніи прочно связывать одноплеменные народы, если ихъ въ тоже время не соединяютъ ни одинаковые культурные интересы, ни одинаковые государственные идеалы, ни одинаковое пониманіе политической свободы, ни вообще одинаковое уваженіе къ высшимъ благамъ человѣческой цивилизаціи.

IV. Развитіе науки международнаго права.

§ 34. Наука международнаго права и ея развитіе тѣсно связаны съ международною жизнью, съ тѣми реальными отношеніями, которыя существуютъ въ различныя эпохи между государствами. Связь эта объясняется, съ одной стороны, неизбѣжнымъ вліяніемъ, которое оказываютъ окружающая обстановка, фактически сложившіяся международныя отношенія на понятія и взгляды писателей, посвятившихъ свои труды международному праву, съ другой стороны, воздѣйствіемъ теоретическихъ возрѣній этихъ писателей на взгляды и дѣятельность правительствъ.

На этомъ основаніи большинство писателей, излагая международныя отношенія въ извѣстную эпоху, рядомъ съ ними приводятъ ученія юристовъ, которые въ то время жили. Мы не придерживались этой системы, желая дать возможность прослѣдить тотъ путь, которымъ шло органическое развитіе теоріи международнаго права. Но мы не упускаемъ изъ виду зависимости этой послѣдней отъ практики международныхъ сношеній. Въ вышеизложенномъ очеркѣ исторіи международныхъ отношеній слѣдуетъ видѣть канву для историческаго развитія науки международнаго права.

Съ этой точки зрѣнія различныя эпохи теоретической обработки международнаго права могутъ быть раздѣлены на три періода, существенно отличающіеся другъ отъ друга своимъ направленіемъ.

Первый періодъ обнимаетъ то время, когда только что зародившаяся наука международнаго права отыскивала начальныя основанія для своихъ положеній. Ея создатель и первые представители не находили другого масштаба, опредѣляющаго отношенія между государствами, кромѣ абстрактной природы, существа государства. Взаимныя права и обязанности государствъ являлись логическими выводами изъ этой природы; международное право было естественнымъ правомъ.

Во второмъ періодѣ юристы убѣдились въ безплодности попытокъ установить какія-либо правила, обязательныя для государствъ, путемъ философской абстракціи. Отказавшись отъ естественнаго права, они обратились къ изученію реальныхъ отношеній, въ которыхъ находились государства другъ къ другу, и отсюда выводили нормы, законы, дѣйствительно соблюдаемые въ международной практикѣ. Наука международнаго права получила чисто позитивный характеръ, исключавшій совершенно критическое отношеніе къ фактамъ и явленіямъ международной жизни.

Новое направленіе, развившееся въ третьемъ періодѣ, отвергло крайности обѣихъ предшествующихъ школъ. Не считая возможнымъ основывать свои ученія на отвлеченныхъ началахъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не придавало исключительнаго значенія исторіи, преданію и существующей практикѣ, которое приписывали имъ позитивисты. Напротивъ, послѣдователи этого направленія исходятъ изъ фактовъ, положительныхъ данныхъ, но признаютъ за собою свободу самостоятельной ихъ оцѣнки, научной группировки и критики съ точки зрѣнія общихъ принциповъ. Такимъ образомъ, они соединяютъ начала естественнаго права съ началами права положительнаго. Къ этой школѣ принадлежатъ лучшіе современные представители науки международнаго права.

Указанныя три главныя направленія въ научной обработкѣ международнаго права вполнѣ соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ, на которые мы раздѣлили исторію международныхъ отношеній.

Въ первомъ періодѣ, какъ мы видѣли, отношенія народовъ опредѣлялись физическою силой, которая указывала границу взаимныхъ ихъ правъ. Выводя права государства изъ его природы, представители естественнаго права логически пришли къ тому же началу силы, какъ основанію взаимныхъ отношеній государствъ. Они учили, что наиболѣе могущественное государство имѣетъ и наиболѣе правъ. Но подобно тому какъ неограниченное господство грубой силы смягчалось въ первомъ періодѣ международныхъ сношеній авторитетомъ церкви, такъ точно естественное право настаивало на ограниченіи абсолютныхъ правъ государства во имя религіи, совѣсти и чести.

Такое же соотвѣтствіе между наукой и жизнью замѣчается во второмъ періодѣ развитія международныхъ отношеній. Въ эту эпоху политическая система Европы зиждется на равновѣсіи государствъ, согласно которому фактическія отношенія, разъ установившіяся между государствами, не должны подвергаться ни малѣйшему измѣненію, нарушающему status quo. Приверженцы позитивнаго направленія также имѣютъ въ виду только фактическія взаимныя отношенія государствъ и не допускаютъ никакой критики, которая могла бы поколебать начала, примѣняемыя на практикѣ и освященныя исторіей.

Наконецъ, въ третьемъ періодѣ рядомъ съ принципомъ легитимитета, восторжествовавшемъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, получаетъ силу идея національности. Такимъ образомъ, одновременно дѣйствуютъ два начала, изъ которыхъ одно требуетъ признанія совершившихся фактовъ и исторически образовавшихся государствъ, а другое — уваженія къ естественнымъ народностямъ во имя высшихъ принциповъ свободы и независимости. Съ своей стороны, представители науки международнаго права въ новѣйшее время стараются выяснить положительныя юридическія начала, которыми должны руководствоваться государства во взаимныхъ сношеніяхъ, принимая въ

расчетъ не только исторію, фактическія обстоятельства, реальныя жизненныя условія, но также требованія научной истины и развивающагося правосознанія образованнаго міра.

А. Періодъ господства естественнаго права.

§ 35. Въ нижеслѣдующемъ краткомъ очеркѣ исторіи науки международнаго права мы изложимъ въ общихъ чертахъ ученія и систему главнѣйшихъ представителей каждаго изъ трехъ направленій, въ которыхъ она развивалась, и сдѣлаемъ критическую ихъ оцѣнку[1]).

Отцомъ науки международнаго права справедливо считается замѣчательный голландскій юристъ и государственный дѣятель, Гуго Гроцій (1583—1645). Однако этотъ знаменитый писатель имѣлъ предшественниковъ, въ трудахъ которыхъ уже проглядываетъ сознаніе о необходимости опредѣлить международныя отношенія юридическимъ образомъ.

Къ числу юристовъ, ранѣе Греція пытавшихся создать теорію международнаго права, принадлежитъ испанскій писатель конца XVI и начала XVII ст., Францискъ Суарецъ. Въ своемъ сочиненіи „De legibus ac Deo legislatore“ онъ различаетъ право народовъ (jus gentium) отъ естественнаго права (jus naturae). По его мнѣнію, христіанскія государства должны опредѣлять взаимныя отно-

[1]) Пособіями при изученіи литературы международнаго права могутъ служить слѣдующія сочиненія:

Ompteda. Literatur des gesammten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts, 2 Bd. Regensburg 1785.

Kamptz. Neue Literatur des Völkerrechts seit 1784. Berlin 1817.

Mohl. Die neuere Literatur des Völkerrechts, въ его Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, Erlangen 1855, Bd. I, S. 337 flg.

Kaltenborn. Kritik des Völkerrechts, Leipzig 1847.

Bulmerincq. Die Systematik des Völkerrechts, von Hugo Grotius bis auf die Gegenwart. Dorpat 1858.

Id., Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. Leipzig 1874.

Даневскій. Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву. Спб. 1876.—Лучшее обозрѣніе исторіи литературы вплоть до новѣйшаго времени составилъ проф. Брюссельскаго университета Rivier въ Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts. S. 395—523. Срав. также Nys. Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. Bruxelles et Lpz. 1882. Id. Les origines du droit international, Bruxelles 1894.

шенія трактатами и обычаями, совокупность которыхъ составляетъ право, отличное отъ jus naturae. Мысли эти не были имъ развиты подробно и не получили яснаго и точнаго выраженія.

Гораздо выше его стоитъ Альберикъ Джентили (Alberico Gentile), итальянецъ, умершій въ Англіи въ 1611 г. Ему принадлежитъ соч. „De jure belli“ (1583 г.), въ которомъ онъ выставляетъ требованіе, чтобы государства опредѣляли свои взаимныя отношенія не фактически существующими правилами и не соображеніями политики, но извѣстными юридическими нормами, которыя должны быть признаны всѣми европейскими народами [1]).

Самостоятельною юридическою наукою международное право сдѣлалось только со времени появленія книги Гроція „De jure belli ac pacis“ (1625 г.) [2]). На составленіе своего труда Гроцій былъ вызванъ ужасами и бѣдствіями, которые породила Тридцатилѣтняя война. Они побудили Гроція задаться вопросомъ: не должны ли христіанскіе народы, во время войны между собою, подчиняться извѣстнымъ законамъ, сдерживающимъ животныя страсти людей? Для разрѣшенія этого вопроса авторъ обратился къ исторіи и литературѣ различныхъ народовъ древняго міра и среднихъ вѣковъ. Собранное имъ огромное количество фактовъ и мнѣній авторитетныхъ мыслителей и юристовъ утвердило его въ томъ убѣжденіи, что если христіанскіе народы имѣютъ право вести войну, то вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны ограничивать свой произволъ и насилія уваженіемъ неотъемлемыхъ правъ, которыя вытекаютъ изъ человѣческой природы.

Сочиненіе Гроція посвящено преимущественно вопросамъ войны. Но съ цѣлью точнѣе выяснить эти вопросы, онъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе началъ, на которыхъ основывается право вообще и въ особенности международное право.

---

[1]) Лучшее изданіе сочиненія Джентили составилъ профессоръ Оксфордскаго университета Thomas Erskine Holland въ 1877 г.

[2]) Біографическія данныя о замѣчательной личности Гуго Гроція можно найти въ новѣйшемъ французскомъ переводѣ его сочиненія, сдѣланномъ Pradier-Fodéré (Paris 1867, 3 vls.) t. I, p. XIII etc. Лучшее изданіе сочиненія Гуго Гроція со многими комментаріями сдѣлано W. Whewell, Cambridge 1853, 3 тома.

Гуго Гроцій настаиваетъ на сознаніи каждымъ государствомъ своихъ юридическихъ обязанностей въ отношеніи другихъ рядомъ существующихъ государствъ. Подобно тому, говоритъ онъ, какъ право отдѣльнаго государства имѣетъ цѣлью охраненіе благосостоянія его подданныхъ, такъ точно существуетъ право, которое имѣетъ предметомъ благо государствъ вообще и опредѣляетъ взаимныя ихъ отношенія. Это и есть международное право. Оно не только оправдывается пользою государствъ, но и вытекаетъ изъ несомнѣнныхъ предписаній справедливости.

Но теоретическое обоснованіе международнаго права представляется у Гроція весьма казуистическимъ. Онъ раздѣляетъ все право на естественное (jus naturale) и положительное (jus voluntarium); послѣднее подраздѣляется на человѣческое право (jus humanum) и божественное (jus divinum). Человѣческое право составляютъ право гражданское (jus civile) и право международное (jus gentium). Обязательная сила этого послѣдняго опирается на согласіи воли всѣхъ или нѣсколькихъ народовъ[1]). Въ пользу существованія юридическихъ нормъ, обязательныхъ для государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, Гроцій приводитъ слѣдующее соображеніе: если, говоритъ онъ, многія лица, живущія въ разныхъ мѣстахъ и въ различное время, сходятся въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ извѣстнаго предмета, то ихъ единогласіе надо приписать всеобщей причинѣ: оно можетъ вытекать или изъ соотвѣтствія законамъ природы, или же изъ всеобщаго соглашенія людей. Первое служитъ источникомъ естественнаго права, второе — права международнаго[2]).

Такимъ образомъ, согласно мнѣнію Гроція, предписанія международнаго права должны быть выводимы изъ обычаевъ и договоровъ международныхъ, въ которыхъ выражается согласіе народовъ. Но въ его время не существовало такихъ договоровъ между государствами,

---

[1]) Hugonis Grotii. De jure belli ac pacis, lib. I, cap. I, § XIV: „Jus gentium est quod gentium omnium aut multarum voluntate vim obligandi accepit“. Ibid., Prolegomena 17: „inter civitas autem omnes aut plerasque ex consensu jura quaedam nasci potuerunt“.

[2]) De jure belli ac pacis, proleg. 40.

которые могли бы считаться общеобязательными; затѣмъ, онъ намѣренно оставилъ въ сторонѣ современную ему международную жизнь и политику, критическое отношеніе къ которымъ могло бы навлечь на него гоненія. Поэтому Гроцій долженъ былъ ограничиться только выраженіемъ желанія, чтобы международное право, имѣя своими источниками договоры и обычаи, было въ истинномъ смыслѣ положительнымъ правомъ. Въ дѣйствительности же начала международнаго права, имъ излагаемыя, подтверждаются доказательствами, заимствованными изъ исторіи и литературы прошлыхъ временъ. Его книга изобилуетъ ссылками на еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ авторовъ. Но понятно само собою, что положительное международное право XVII в. нельзя было основать ни на изреченіяхъ мыслителей, ораторовъ и поэтовъ, какъ бы они ни были остроумны и глубокомысленны, ни на практикѣ древняго міра и среднихъ вѣковъ. Придерживаясь своей методы, Гроцій самъ себя осудилъ на философскія, абстрактныя разсужденія, въ которыхъ, правда, выступаютъ самымъ рельефнымъ образомъ благородныя и гуманныя чувства автора, но которыя не въ состояніи были раскрыть положительные элементы международнаго права.

Что касается системы, которой слѣдуетъ Гуго Гроцій въ своемъ сочиненіи, то едва ли можно говорить о ней, какъ о системѣ международнаго права. Разнообразнѣйшіе вопросы, имъ затронутые разсматриваются имъ исключительно по отношенію къ праву войны; война вызвала его трудъ, и ею обусловливаются порядокъ и существо его аргументаціи [1]).

Но несмотря на всѣ недостатки, сочиненіе Гроція оказало по истинѣ изумительное вліяніе на современную ему жизнь [2]). Густавъ Адольфъ всегда имѣлъ его при себѣ въ своихъ походахъ, вмѣстѣ съ евангеліемъ, которое служило ему руководствомъ. По изданіи

¹) Срав. Bulmerincq. Systematik, S. 24.

²) Maine. Ancient Law. p. III: ... the great marvel of the treatise „De jure belli et pacis", was its rapid, complete, and universal success". Laurent. Histoire t. X, p. 477 et suiv.

этого труда въ различныхъ германскихъ университетахъ были учреждены кафедры для его изученія. Наконецъ, книга Гроція была родоначальницей тѣхъ двухъ направленій — философскаго и позитивнаго, въ которыхъ развивалась наука международнаго права послѣ него.

Первоначально получило преобладаніе абстрактное направленіе. Оно исходило изъ фикціи, развиваемой Гроціемъ, что человѣческой природѣ присущъ опредѣленный естественный законъ, источникъ котораго заключается въ разумномъ существѣ вещей и который поэтому обязателенъ самъ по себѣ, независимо ни отъ какихъ утилитарныхъ соображеній или предписаній власти. Въ этомъ направленіи, носящемъ названіе естественнаго права, нельзя не видѣть духовнаго стремленія лучшихъ людей XVII и XVIII ст. противопоставить матеріалистическимъ интересамъ, господствовавшимъ въ политикѣ того времени, требованія нравственной природы и справедливости. Чѣмъ болѣе произволъ и насиліе царили въ международныхъ отношеніяхъ, тѣмъ настойчивѣе юристы провозглашали обязанность государствъ уважать право, вытекающее изъ разумной ихъ природы и обязательное помимо всякихъ положительныхъ узаконеній и договоровъ.

Первымъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Гроція въ абстрактномъ пониманіи международнаго права былъ Пуфендорфъ[1]). Онъ довелъ это направленіе до крайности. Отрицая самую возможность существованія положительнаго международнаго права, такъ какъ государства не признаютъ никакой высшей надъ собою власти, Пуфендорфъ отождествилъ международное право съ естественнымъ (praecepta utriusque eadem sunt). Нарушеніе же послѣдняго, особенно во время войны, нельзя считать нарушеніемъ какихъ либо юридическихъ обязанностей. Поэтому отношенія между государствами въ дѣйствительности регулируются не правомъ, а силой.

Въ этомъ отношеніи Пуфендорфъ сходился со взглядами другихъ представителей естественнаго права. Такъ, Гоббезъ[2]) училъ, что

---

[1]) De jure naturae et gentium, 1672. Срав. Laurent. Histoire, t. XI, p. 503 et suiv.

[2]) Hobbes. Elementa philosophica de cive, 1642.

отношенія между государствами ничѣмъ не отличаются отъ первоначальнаго или естественнаго состоянія. людей, когда homo homini lupus est. По теоріи Спинозы[1]), всякій имѣетъ настолько права, насколько силы; слѣдовательно, и въ международныхъ отношеніяхъ сильныя государства имѣютъ больше правъ, нежели слабыя.

Идеи Пуфендорфа развивалъ его ученикъ Томазій[2]). Согласно съ мнѣніемъ своего учителя, онъ также признавалъ международное право частью естественнаго права, примѣненнаго къ государствамъ или народамъ. По его ученію, трактаты и обычаи международные не могутъ быть равносильны закону, потому что послѣдній предполагаетъ верховную власть, которой нѣтъ надъ народами. Слѣдовательно, излагая международное право, онъ собственно оспаривалъ его существованіе.

Начиная съ XVIII ст., естественное право, оставаясь все еще господствующимъ направленіемъ въ наукѣ, мало по малу воспринимаетъ въ себя начала положительнаго права. Международная практика находитъ уже нѣкоторое вниманіе въ трудѣ Вольфа, одного изъ видныхъ представителей теоріи естественнаго права[3]). Вольфъ примѣнилъ къ изложенію международнаго права свой математическій методъ, которымъ онъ изслѣдовалъ всѣ вообще этическіе и юридическіе вопросы. Конечно, не этимъ путемъ можно было выяснить основныя начала международнаго права; но благодаря этому методу, Вольфъ не оставилъ въ сторонѣ реальные факты и историческій опытъ.

Вольфъ дѣлитъ международное право на четыре вида: 1) естественное право (jus gentium naturale); 2) положительное право (j. g. voluntarium); 3) договорное право (j. g. pactitium) и 4) право обычное (j. g. consuetudinarium). Естественное право онъ считаетъ возможнымъ примѣнить къ государствамъ, но не смѣшиваетъ его съ тѣмъ естественнымъ правомъ, которое опредѣляетъ отно-

[1]) Spinoza. Tractatus theologico-politicus, 1670. Tractatus politicus, 1672, cap. II, § 3.

[2]) Thomasius. Institutionas jurisprudentiae et gentium, 7-е изд, 1730. Fundamenta juris naturae et gentium, 1705.

[3]) Wolf. Jus gentium methodo scientifica pertractatum, in quo jus gentium naturale ab eo, quod voluntarii, pactitii, consuetudinarii est, accurate distinguitur. 1749.

шенія между отдѣльными лицами; субъекты того и другого различны, потому неодинаковы и ихъ права и обязанности. Еще болѣе онъ отступаетъ отъ господствующихъ возрѣній естественноправовой школы въ ученіи о положительномъ международномъ правѣ. Обязательную силу его онъ основываетъ на предполагаемомъ согласіи народовъ (consensus gentium praesumtus). Вольфъ дѣлаетъ такъ сказать осязательнымъ это согласіе фикціей всемірнаго государства (civitas gentium maxima). Если назначеніе жизни каждаго человѣка, говоритъ Вольфъ, заключается въ усовершенствованіи своей нравственной личности, если для этой же цѣли образуются государства, то ради достиженія полнаго совершенства государства должны необходимо вступить въ международныя отношенія; они должны составить одну всемірную республику, въ которой всѣмъ имъ вмѣстѣ принадлежитъ верховная власть (imperium) надъ каждымъ отдѣльнымъ государствомъ. Изъ цѣли этой республики вытекаетъ какъ собственное ея оправданіе, такъ и обязательность дѣйствующаго въ ней положительнаго международнаго права [1]). Въ отличіе отъ этого послѣдняго, международное право договорное предполагаетъ явное согласіе народовъ (consensus expressus) и основывается на договорахъ между государствами, которые обязательны только для заключившихъ ихъ сторонъ. Наконецъ, обычное международное право имѣетъ своимъ источникомъ безмолвное согласіе народовъ (consensus tacitus).

Такимъ образомъ выработанная Вольфомъ теорія международнаго права не ограничивается одними отвлеченными началами естественнаго права, но включаетъ въ себя положительные элементы, обычаи и договоры. Система ея показываетъ, что авторъ старался придти къ органическому, чисто научному изложенію международнаго права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе Вольфа изобилуетъ промахами и коренными погрѣшностями. Прежде всего, схоластическое раздѣленіе права, имъ установленное, совершенно безполезно для теоретическаго обоснованія международнаго права; притомъ, оно не даетъ никакой возможности провести различіе между положительнымъ международнымъ правомъ, основаннымъ на предполагаемомъ согласіи народовъ, и международнымъ правомъ обычнымъ, основаніе котораго безмолвное, т. е. также предполагаемое согласіе народовъ.

[1]) „Ex fine civitates maximae“, говоритъ Вольфъ въ предисловіи: „quem perinde ac societatem inter omnes instituit ipsa natura, ut in jus istud consentire debeant gentes, non vero libertati earum relictum sit, utrum consentire malint, an nolint“.

Главный же недостатокъ теоріи Вольфа заключается въ фикціи объ универсальномъ государствѣ, которое должно обезпечивать соблюденіе положительнаго международнаго права. Эта фикція противорѣчитъ самому существу международныхъ отношеній, потому что съ подчиненіемъ отдѣльныхъ государствъ общей верховной власти уничтожится ихъ независимость; самостоятельныя государства войдутъ въ составъ федераціи, въ предѣлахъ которой будетъ дѣйствовать уже не международное право, но союзный государственный законъ. Наконецъ, къ недостаткамъ сочиненія Вольфа надо отнести крайне тяжелый латинскій языкъ, которымъ оно написано, растянутость разсужденій и убійственный математическій методъ, которому неуклонно слѣдовалъ авторъ.

Недостатки труда Вольфа думалъ исправить швейцарецъ Ваттель[1]). Признавая вообще истинными начала и выводы своего предшественника, онъ задался цѣлью сдѣлать ихъ, по языку и методу изложенія, общепонятными. Эта цѣль была вполнѣ имъ достигнута. Написанное на изящномъ французскомъ языкѣ и свободное отъ схоластическихъ разсужденій, сочиненіе Ваттеля имѣло огромный успѣхъ и до настоящаго времени остается авторитетомъ въ глазахъ дипломатовъ.

Самъ Ваттель считаетъ свой трудъ только переработкой сочиненія Вольфа. Однако было бы несправедливо отказывать ему во всякой самостоятельности. Если въ большинствѣ вопросовъ онъ только развиваетъ мысли своего учителя, то не присоединяется безусловно ко всѣмъ положеніямъ, имъ выставленнымъ. Между прочимъ, Ваттель отбросилъ Вольфову фикцію о всемірномъ государствѣ, какъ несогласную съ основнымъ условіемъ международнаго порядка и права—самостоятельностью отдѣльныхъ государствъ. Онъ создалъ свою теорію, оправдывающую обязательность положительнаго международнаго права. Всякій общественный союзъ людей, по его ученію, основывается на соглашеніи, договорѣ входящихъ въ него членовъ и, съ ихъ согласія, можетъ быть измѣненъ или даже вовсе уничтоженъ. Тоже самое относится къ обществу народовъ: оно возникаетъ изъ соглашенія государствъ, сохраняющихъ полную свою свободу и независимость [2]). Соглашеніе это служитъ источникомъ поло-

---

[1]) Vattel. Le droit des gens ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. 1758.

[2]) Vattel, ibidem, livre I, chap. II, § 16.

жительнаго международнаго права (droit des gens volontaire). Но Ваттель, подобно Вольфу, признаетъ существованіе естественнаго международнаго права, которое обязательно само по себѣ, независимо отъ воли народовъ: оно есть необходимое и неизмѣняемое право, потому что является лишь примѣненіемъ къ отношеніямъ между государствами естественнаго права, основаннаго на природѣ человѣка. Слѣдовательно, Ваттель не различаетъ естественнаго права отъ международнаго; съ другой стороны, не видно, чѣмъ отличаетъ онъ естественное международное право отъ положительнаго, такъ какъ послѣднее, по мнѣнію Ваттеля, тоже вытекаетъ изъ природы и, слѣдовательно, есть опять необходимое и неизмѣняемое право [1]).

Отсутствіе твердыхъ принциповъ и постоянныя противорѣчія составляютъ существенный недостатокъ труда Ваттеля. Кромѣ того, онъ посвящаетъ значительную часть своей книги разсужденіямъ, вовсе не относящимся къ международному праву [2]). Но при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ у него часто можно встрѣтить остроумныя и дѣльныя замѣчанія, правильное толкованіе извѣстныхъ ему фактовъ изъ исторіи и современной практики и вообще человѣколюбивые взгляды на взаимныя отношенія государствъ во время войны. Великая заслуга Ваттеля состоитъ въ томъ, что онъ распространилъ въ оффиціальныхъ сферахъ и въ публикѣ знакомство съ началами международнаго права; съ научной же точки зрѣнія онъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, которыя оправдывали бы приписываемый ему въ вопросахъ международнаго права авторитетъ, равный Гроцію и другимъ корифеямъ этой науки.

В. Періодъ преобладанія положительнаго направленія.

§ 36. Крайности естественно-философской школы вызвали реакцію со стороны тѣхъ юристовъ, которые признавали единственнымъ источникомъ международнаго права обычаи, трактаты и практику

[1]) Vattel, ibid., Préliminaires, § 6 et suiv. Срав. Laurent. Histoire, t. XI, p. 507 et suiv.

[2]) Такъ, первая книга, озаглавленная „De la nation, considérée en elle-même“ и занимающая почти треть всего сочиненія Ваттеля, имѣетъ своимъ предметомъ: обязанности народа относительно самого себя; государственное устройство; обязанности и права государя; условія хорошаго государственнаго управленія; религію, земледѣліе, торговлю, деньги, набожность, правосудіе и т. д.

международныхъ сношеній. Писатели этого направленія не только безусловно отрицали естественное право, но для нихъ всякаго рода теоретическія обобщенія и начала, предлагаемыя въ руководство государствамъ, казались оскорбленіемъ правительственной власти, дѣйствующей совершенно самостоятельно въ области внѣшней политики.

Позитивное направленіе, дошедшее до своего апогея въ XVIII столѣтіи, имѣло замѣчательныхъ представителей уже во второй половинѣ XVII в. Въ 1650 г. англійскій юристъ Зёчъ издалъ первый учебникъ международнаго права, во многихъ отношеніяхъ заслуживающій вниманія [1]).

Подъ международнымъ правомъ Зечъ разумѣетъ право, опредѣляющее отношенія народовъ и монарховъ между собою, тогда какъ jus gentium, говоритъ онъ, есть не что иное какъ естественное право, т. е. совокупность общихъ правовыхъ нормъ, которыя основываются на природѣ вещей и потому встрѣчаются у всѣхъ народовъ. Онъ различаетъ общее международное право и особенное. Первое вытекаетъ изъ общаго согласія народовъ; второе имѣетъ основаніемъ договоры, связывающіе конкретныя государства. Существованіе того и другого Зечъ старается подтвердить историческими фактами и положительными данными изъ современной ему международной жизни, чѣмъ выгодно отличается отъ Гроція. Онъ стоитъ выше послѣдняго и въ томъ отношеніи, что разсматриваетъ подробно различные вопросы международнаго права и излагаетъ ихъ систематически, въ порядкѣ, заимствованномъ изъ римскаго частнаго права. Но стремясь положить въ основаніе своихъ выводовъ преимущественно эмпирическія начала, Зёчъ не могъ ограничиться современною практикою международныхъ сношеній, потому что факты изъ этой области тогда не предавались еще гласности, считаясь государственной тайной. Оставалось обратиться къ исторіи древняго міра, въ особенности къ римскому праву, и Зёчъ серьезно доказывалъ, что феціальное право Римлянъ есть источникъ современнаго международнаго права.

Къ положительной школѣ принадлежитъ также другой юристъ XVII в., Рахель, который велъ полемику съ Пуфендорфомъ, защищая самостоятельность международнаго права [2]).

---

[1]) Zouchäus. Juris et judicii fecialis sive juris inter gentes et quaestionum de eodem explicatio, 1650. Онъ впервые употребилъ терминъ jus inter gentes, вмѣсто jus gentium.

[2]) Samuel Rachel. De jure naturae et gentium; dissertationes duae, 1676. Только второе разсужденіе имѣетъ своимъ предметомъ международное право.

Рахель признаетъ троякаго рода право: частное право, которое опредѣляетъ отношенія отдѣльныхъ частныхъ лицъ другъ къ другу; государственное право, опредѣляющее отношенія между гражданами и правительствомъ; наконецъ, международное право, которое установляетъ нормы для отношеній между государствами. Такъ какъ надъ самостоятельными народами нѣтъ высшей власти, то источникомъ положеній международнаго права служатъ международные обычаи и договоры, которые заключаютъ государства. Слѣдовательно, международное право есть право произвольное въ томъ смыслѣ, что основывается на явномъ или молчаливомъ согласіи народовъ; поэтому оно не можетъ и не должно быть смѣшиваемо съ естественнымъ правомъ, какъ дѣлаютъ это Пуфендорфъ и его послѣдователи. Подобно Зёчъ, Рахель дѣлитъ международное право на общее и особенное (jus gentium commune et j. gentium proprium); первое признается всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ образованныхъ народовъ и вытекаетъ изъ международныхъ обычаевъ; второе — обязательно для двухъ или нѣсколькихъ государствъ, заключившихъ между собою трактаты. Наконецъ, верховную цѣль международнаго права Рахель видитъ въ общей пользѣ всѣхъ государствъ, и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться предшественникомъ Бентама и другихъ, особенно англійскихъ писателей, которые провозглашаютъ интересъ, матеріальную пользу народовъ главнымъ основаніемъ международнаго права.

Немаловажная заслуга Рахеля заключалась въ томъ, что онъ боролся съ отрицателями положительнаго международнаго права и доказалъ своимъ трудомъ, что оно можетъ быть основано на практикѣ и данныхъ исторіи. Мнѣнія его были приняты и нашли послѣдователей въ лицѣ Лейбница, Текстора и другихъ мыслителей и юристовъ. Но Рахель, какъ и Зёчъ, не былъ свободенъ отъ вліянія римскаго права, и хотя отличаетъ международное право отъ jus gentium въ смыслѣ Римлянъ, но не настолько уяснилъ различіе между ними, чтобы не смѣшивать оба.

Первоначальныя попытки доказать самостоятельность международнаго права и установить его на твердыхъ положительныхъ данныхъ были затруднены недостаткомъ тѣхъ матеріаловъ, которые должны служить ему источниками. Пока международные трактаты и дипломатическіе переговоры не обнародовались во всеобщее свѣдѣніе, положительное международное право не имѣло реальной почвы, и его научная обработка не могла быть предпринята успѣшнымъ

образомъ. Факты изъ области внѣшнихъ сношеній государствъ сдѣлались болѣе или менѣе общедоступными не ранѣе Вестфальскаго конгресса. Съ этого времени правительства считаютъ полезнымъ обращаться, путемъ печати, къ общественному мнѣнію своихъ и чужихъ народовъ и для доказательства справедливости своихъ притязаній и политическихъ мѣръ издаютъ на французскомъ языкѣ всевозможнаго рода документы, записки, донесенія, оправданія и обвиненія своихъ противниковъ. Благодаря въ тоже время развитію періодическихъ органовъ печати, газетъ и журналовъ, обсуждающихъ политическіе вопросы, все болѣе выясняются принципы, которымъ слѣдуютъ государства въ международныхъ сношеніяхъ. Наконецъ, въ XVII в. входитъ въ обычай издавать мемуары, въ которыхъ государственные люди и дипломаты подробно описываютъ свою дѣятельность, ходъ и цѣль международныхъ переговоровъ, въ которыхъ они участвовали или о которыхъ имѣли свѣдѣнія. Но главнымъ источникомъ для познанія руководящихъ началъ политики и современнаго положенія международныхъ дѣлъ были, конечно, трактаты и конвенціи, которые обнародовались оффиціально и издавались, въ видѣ сборниковъ, различными писателями [1]). Такимъ образомъ накоплялся драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго можно было почерпать положительныя юридическія начала, составляющія международное право.

---

[1]) Первая попытка собранія международныхъ договоровъ была сдѣлана во Франціи, въ XVI ст. Tillet; въ XVII и слѣдующихъ столѣтіяхъ число такихъ сборниковъ было уже очень велико. Мы назовемъ здѣсь главнѣйшія собранія трактатовъ, изданныя въ это время:

Tillet. Recueil des guerres et des traités de paix. Paris 1577 (Трактаты неполные между Франціей и Англіей).

Leibnitz. Codex juris gentium diplomaticus. 1693 (съ 1100 г.). Продолженіе: Mantissa codicis juris gentium, 1700.

Bernard. Recueil des traités de paix, Amst. 1700, 4 vols.

Du Mont. Corps universel diplomatique du droit des gens (800—1731). Amst. et La Haye, 8 vols 1726—1731. Suppléments par Barbeyrac et Rousset, 1739.

Wenck. Codex juris gentium recentissimi. Lips. 3 vol. 1781—1795.

Новѣйшіе сборники трактатовъ будутъ указаны при изложеніи источниковъ международнаго права (§ 43).

Теперь представители позитивнаго направленія имѣли твердую точку опоры для построенія науки международнаго права на началахъ практики и договоровъ. Дѣйствительно, въ XVIII ст. появляется рядъ писателей, посвящающихъ свои силы выясненію этихъ началъ. Но предпринятая ими разработка матеріала положительнаго международнаго права отличалась крайнею ненаучностью; она состояла почти исключительно въ собираніи и констатированіи фактовъ, безъ критической ихъ оцѣнки и вывода какихъ-либо заключеній, достойныхъ названія принциповъ международнаго права.

Въ такомъ духѣ писалъ Мабли [1]). Въ своемъ сочиненіи объ европейскомъ международномъ правѣ онъ приводитъ массу разнообразнѣйшихъ документовъ, относящихся къ международнымъ сношеніямъ; но факты изъ этой области и постановленія трактатовъ, составляющіе все содержаніе его труда, не приведены имъ въ систему и не освѣщены научными обобщеніями и критикой.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ чисто позитивнаго направленія былъ нѣмецкій ученый Іоганъ-Якобъ Мозеръ [2]).

Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Мозеръ неизмѣнно вѣренъ принятому имъ методу—не заниматься „философствованіемъ“ и не входить въ критическое разсмотрѣніе совершившихся событій и правительственныхъ актовъ. „Сужденія частныхъ лицъ о государственныхъ и международныхъ дѣлахъ“, говоритъ Мозеръ, „надо признать безполезными и часто неприличными“. Согласно этому, онъ ограничился въ своихъ трудахъ, посвященныхъ международному праву, добросовѣстнымъ занесеніемъ всѣхъ извѣстныхъ ему фактовъ и договоровъ, заключенныхъ между государствами, и выводомъ изъ нихъ самыхъ несложныхъ заключеній; нѣтъ у него ни малѣйшей попытки обобщить и развить далѣе эти заключенія и связать ихъ какими либо теоретическими соображеніями. Его система представляетъ смѣшеніе началъ

---

[1]) Mably. Droit public de l'Europe. Paris 1747, 2 vls.

[2]) J. J. Moser. Grundsätze des jetzt üblichen europäischen Völkerrechts in Friedenszeiten, 1750; idem. Grundsätze des jetzt übl. europ. Völkerrechts in Kriegszeiter, 1752. Idem. Versuch des neuesten europ. Völkerrechts in Friedens- und Kriegszeiten, 1777—1780. 10 Bde.

Въ видѣ „приложеній“ (Beiträge) къ этимъ трудамъ, Мозеръ издалъ еще собраніе статей, составляющее 8 томовъ. Біографическія свѣдѣнія объ этомъ плодовитомъ писателѣ помѣщены у Моля (Geschichte u. Lit. der Staatswissenschaften, 1856, Bd. II. S. 401 u. flg.).

международнаго права съ принципами государственнаго права. Единственная заслуга Мозера состояла въ накопленіи изумительнаго количества матеріала для изученія международнаго права, который онъ почерпалъ не только изъ оффиціальныхъ актовъ, но и изъ періодической печати своего времени.

Въ лицѣ Мозера положительное направленіе достигло крайнихъ своихъ предѣловъ и должно было убѣдить позитивистовъ въ несостоятельности принятаго ими метода. Задача дальнѣйшаго развитія науки международнаго права очевидно заключалась въ органическомъ соединеніи положительнаго направленія съ философскимъ. Уже пытался разрѣшить эту задачу знаменитый голландскій юристъ Бинкерсгукъ [1]). Онъ не оставилъ послѣ себя цѣльной системы международнаго права, но при разсмотрѣніи разныхъ частныхъ вопросовъ онъ указываетъ на тотъ научный методъ, которому должны слѣдовать писатели по международному праву.

Въ самомъ раздѣленіи источниковъ международнаго права Бинкерсгукъ является несомнѣннымъ предтечею новаго, чисто научнаго направленія въ этой отрасли правовѣдѣнія. Онъ считаетъ главными основаніями международнаго права: во 1-хъ, обычаи (usus) и нравы (mores majorum); во 2-хъ, согласіе народовъ (consensus populorum), которое выражается какъ въ нравахъ и обычаяхъ, такъ и въ международныхъ трактатахъ. Всѣ эти положительныя основанія международнаго права подтверждаются у него весьма удачно обобщеніями историческихъ фактовъ и современныхъ данныхъ. Но Бинкерсгукъ не ограничивается пріемами позитивной школы; онъ выясняетъ также значеніе философскаго анализа, орудіемъ котораго служитъ разумъ (ratio), основывающійся на самой природѣ вещей. Разумъ долженъ быть естественнымъ пособіемъ при изслѣдованіи вопросовъ международнаго права: „Ratio, ipsa, inquam, ratio juris gentium est anima“ [2]). Бинкерсгукъ намѣтилъ тотъ путь, котораго придерживаются современные представители науки международнаго права.

C. Періодъ соединенія философскихъ началъ съ положительными элементами международнаго права.

§ 37. Если абстрактное или естественно-философское направленіе лишило науку международнаго права реальной силы и кредита

[1]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici. 1737; id. De foro legatorum tam in causa civili quam criminali. 1721.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I, cap. II.

въ глазахъ государственныхъ людей, то, какъ мы видѣли, школа позитивистовъ впала въ противуположную крайность: она обратила науку въ прислужницу практики, въ защитницу всѣхъ ея недостатковъ и злоупотребленій. Авторитетъ науки могъ быть возвышенъ не иначе, какъ примирительнымъ соединеніемъ того и другого метода, правильнымъ соотношеніемъ данныхъ опыта и философскаго умозрѣнія. Таково направленіе третьяго современнаго намъ періода развитія науки международнаго права.

Родоначальникомъ новаго, истинно научнаго метода изслѣдованія вопросовъ международнаго права былъ извѣстный Георгъ-Фридрихъ фонъ-Мартенсъ, профессоръ Геттингенскаго университета, впослѣдствіи представитель Ганноверскаго правительства при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ [1]). Мартенсъ считалъ безполезными отвлеченныя разсужденія о вопросахъ международнаго права, но возставалъ и противъ механическаго собиранія фактовъ международной жизни, безъ вывода изъ нихъ общихъ руководящихъ началъ. Ему казалось, что наука международнаго права только тогда станетъ на высоту своего призванія, когда путемъ отвлеченія и критики выяснитъ, на основаніи международныхъ обычаевъ, трактатовъ и историческихъ примѣровъ, тѣ юридическія нормы, которыми современныя ему государства дѣйствительно могутъ и должны опредѣлять взаимныя свои отношенія.

Мартенсъ признаетъ существованіе положительнаго международнаго права, основываясь, согласно своему методу, на анализахъ многочисленныхъ трактатовъ, международныхъ обычаевъ, общаго правосознанія цивилизованныхъ народовъ, доказывающихъ несомнѣнно фактическое согласіе народовъ и правительствъ на счетъ общихъ условій правомѣрной международной жизни. Нельзя не удивляться тому остроумію и учености, съ которыми онъ, изъ массы историческихъ фактовъ всѣхъ странъ и временъ, выводитъ общее заключеніе, что

[1]) G. F. von Martens († 1821). Primae lineae juris gentium Europaearum practici. Göttingen 1785. Id. Précis du droit des gens moderne de l'Europe, fondé sur les traités et l'usage. Göttingue. 1789 (имѣло много изданій, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія изданія Pinheiro-Ferreira, Paris 1831 и Charles Vergé. Paris. 1864). См. о научной дѣятельности этого писателя у Mohl. Geschichte u. Literatur der Staatswiss., B. II, S. 460 flg.

международная жизнь не есть область господства произвола, но что, напротивъ, государства признаютъ опредѣленныя взаимныя права и обязанности, при соблюденіи которыхъ только и возможно правильное ея теченіе.

Своимъ изслѣдованіямъ и выводамъ Мартенсъ придаетъ вполнѣ научную форму въ одной стройной системѣ, которая превосходитъ системы многихъ современныхъ корифеевъ науки международнаго права. Онъ начинаетъ изложеніе положительнаго международнаго права съ ученія объ его субъектахъ, которыми являются европейскія цивилизованныя государства, затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію средствъ пріобрѣтенія международныхъ правъ и опредѣляетъ права государствъ относительно территоріи и отношенія между ними по обязательствамъ, возникающимъ изъ договоровъ; война же разсматривается имъ, какъ средство для разрѣшенія международныхъ столкновеній. Наконецъ, огромное собраніе трактатовъ, изданное Мартенсомъ, и основательная разработка нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ международнаго права дали ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду авторитетныхъ писателей по международному праву.

Однако, ни труды, ни направленіе Мартенса не свободны отъ ошибокъ и односторонности. Такъ, во-первыхъ, онъ имѣетъ совершенно превратное мнѣніе о существѣ философскаго международнаго права, говоря, что оно есть только примѣненіе естественнаго права, опредѣляющаго отношенія между индивидами къ отношеніямъ государствъ другъ къ другу. Затѣмъ, во всѣхъ сочиненіяхъ Мартенса замѣчается недостатокъ самостоятельной критики и, напротивъ, излишнее пристрастіе къ фактамъ. Онъ мало осмыслилъ и обобщилъ собранныя имъ положительныя и историческія данныя и далъ имъ значительное преобладаніе надъ умозрѣніемъ.

Въ теченіи первой половины настоящаго столѣтія направленіе, котораго придерживался Мартенсъ, было вообще господствующимъ въ наукѣ международнаго права. Особенно страдаютъ недостаткомъ критическаго отношенія къ источникамъ положительнаго международнаго права труды англійскихъ и американскихъ юристовъ. Все вниманіе этихъ писателей устремлено на то, чтобы доказать, что то или другое защищаемое ими правило или учрежденіе существуетъ издавна и, кромѣ того, опирается на согласныя мнѣнія авторитетовъ. Соотвѣтствуетъ ли оно требованіямъ современной между-

народной жизни и законамъ ея развитія—объ этомъ у нихъ не возникаетъ даже вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ писатели англо-американской школы не отличаются объективностью изслѣдованія началъ международнаго права: политическія и патріотическія соображенія очень часто затемняютъ ихъ взгляды и ставятъ ихъ въ опозицію къ гуманнымъ и прогрессивнымъ стремленіямъ юристовъ континентальной Европы.

Видное мѣсто въ ряду замѣчательныхъ представителей этой школы занимаетъ сѣверо-американскій дипломатъ и юристъ Уитонъ [1]).

Подъ положительнымъ международнымъ правомъ онъ понимаетъ совокупность юридическихъ правилъ, выведенныхъ изъ природы международнаго общества и необходимыхъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній государствъ, съ тѣми ограниченіями и измѣненіями ихъ, которыя введены обычаемъ или всеобщимъ согласіемъ. Отсюда видно, что Уитонъ не замыкаетъ свое изслѣдованіе въ узкую сферу договоровъ и практики сношеній государствъ, но принимаетъ въ соображеніе „природу международнаго общества" (nature of society), которую нельзя раскрыть безъ уясненія сущности международныхъ отношеній. Однако, какъ и у Мартенса, у него нѣтъ точнаго разграниченія философскаго и положительнаго международнаго права. Подобно своему предшественнику, онъ также даетъ перевѣсъ фактамъ надъ идеями, не отличаясь ни глубиною мысли, ни логичностью выводовъ. Но метода Уитона оригинальна въ томъ отношеніи, что онъ обыкновенно сперва выставляетъ какія либо философскія начала, общія положенія, а затѣмъ сопровождаетъ ихъ подобранными фактами и обычаями международной жизни, ихъ подтверждающими. Очевидно, что этимъ путемъ никакъ невозможно выяснить существо положительнаго международнаго права, потому что отвлеченныя начала, выставляемыя Уитономъ, суть petitiones principii, предполагаютъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать.

Несравненно выше стоитъ трудъ современнаго англійскаго ученаго Филлимора: „Комментаріи международнаго права" [2]). Здѣсь охвачена вся область международнаго права, видно основательное

[1]) Wheaton. Elements of International Law. 2 vols. London 1836; французское изд. 1848 г. и второе изд. 1852; изд. Dana 1866 г., изд. Boyd 1878 въ Лондонѣ. Lawrence. Commentaire sur les Eléments du droit international et sur l'Histoire des progrès du droit des gens de Wheaton. Leipzig 1868—1880, 4 vols. Сочиненіе Уитона переведено на китайскій языкъ.

[2]) Phillimore. Commentaries upon International Law. London 1854—61. 4 vols 2 ed. 1871—1874. 3-е изд. стало выходить съ 1879 г. и не окончено за смертью автора.

знакомство съ континентальною литературой и континентальными международными отношеніями, что не всегда можно найти въ сочиненіяхъ другихъ англійскихъ юристовъ; наконецъ, Филлиморъ обратилъ вниманіе на такіе вопросы международнаго права, которые не изучались его предшественниками, напр. на отношенія римской куріи къ католическимъ государствамъ.

Весь его трудъ раздѣляется на два главные отдѣла: первые три тома имѣютъ содержаніемъ правовыя отношенія между государствами, нарушеніе которыхъ служитъ законнымъ поводомъ къ требованію удовлетворенія тѣмъ или другимъ способомъ, или къ начатію военныхъ дѣйствій. Здѣсь разсматриваются права государствъ, какъ субъектовъ международныхъ отношеній, обьекты международнаго права, право войны и нейтралитета (публичное международное право). Въ IV томѣ излагается международное частное и уголовное право, нарушеніе котораго, какъ полагаетъ Филлиморъ, не даетъ законнаго основанія объявить войну[1]). Изъ отдѣльныхъ вопросовъ англійскій юристъ весьма подробно останавливается на ученіи объ источникахъ международнаго права и, между прочимъ, признаетъ обязательными положенія, выведенныя изъ самой природы международныхъ отношеній. Но онъ придаетъ особенно важное значеніе римскому праву, называя его „written reason"—писанымъ разумомъ—и наилучшимъ пособіемъ для пріобрѣтенія точныхъ и полныхъ познаній о международномъ правѣ. Нельзя не видѣть въ подобномъ пониманіи римскаго права, которое не знало международныхъ отношеній, коренную ошибку Филлимора, невыгодно отразившуюся на всемъ его трудѣ. Несостоятельно также и его раздѣленіе международнаго права на указанные два отдѣла, потому что вся область частноправовыхъ международныхъ отношеній находится подъ такою же гарантіей правительствъ, какъ и непосредственныя отношенія между государствами. Эти недостатки не умаляютъ однако высокаго научнаго значенія труда Филлимора, остающагося до сихъ поръ однимъ изъ наиболѣе чтимыхъ авторитетовъ науки международнаго права[2]).

---

[1]) „The obligationes juris privati inter gentes are not—as the obligationes juris publici inter gentes are—the result of legal necessity, but of social convieniece, and they are called by the name of Comity—comitas gentium". Публичное международное право основывается на „Law". Commentaries, I, p. 12, § 16.

[2]) Изъ трудовъ англо-американскихъ юристовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: Travers-Twiss. The law of Nations considered as independent political communities, 2 vls. Oxford 1861; послѣднее изданіе 1884 года. Kent's. Commentary on International Law ed. by Abdy. Cambridge 1866. Halleck's. International Law ed. by Sherston Baker. London 1878. 2 vls Creasy. First platform of international

§ 38. Наука международнаго права нашла талантливыхъ и трудолюбивыхъ разрабатывателей въ нѣмецкихъ ученыхъ, и ихъ изслѣдованiямъ она значительно обязана своимъ развитiемъ. Въ противоположность англо-американскимъ юристамъ, германская литература первой половины текущаго вѣка стремилась придать философскiй характеръ изученiю положительнаго международнаго права. Въ Германiи возникла философiя международнаго права, какъ часть философiи права вообще. Кантъ, Фихте и Гегель сдѣлали международное право отдѣломъ своихъ философскихъ системъ, развивая его понятiя изъ усвоенныхъ ими высшихъ философскихъ принциповъ. Другiе же нѣмецкiе ученые занялись философской его обработкой, т. е. подвергли всестороннему изслѣдованiю фактическiя международныя отношенiя и на этомъ основанiи пытались создать одну органическую цѣльную систему положительнаго международнаго права.

Изъ послѣдователей первой методы замѣчательны: Фаллати, Гельшнеръ и Лоренцъ фонъ-Штейнъ [1]). Лучшими представителями втораго направленiя являются: Оппенгеймъ, Гефтеръ и Блюнчли. Мы ограничимся краткимъ указанiемъ на достоинства и недостатки трудовъ по международному праву трехъ послѣднихъ писателей.

Оппенгеймъ желалъ изложить систему международнаго права, но въ своемъ сочиненiи [2]) касается далеко не всѣхъ вопросовъ международнаго права; принятая имъ система отличается однако несложностью и заслуживаетъ вниманiя; но успѣху труда много вредятъ политическiя разсужденiя автора о современной ему международной практикѣ, совершенно неумѣстныя въ ученомъ трактатѣ.

Большею и вполнѣ заслуженною извѣстностью пользуется учебникъ Гефтера [3]). Нѣмецкiй ученый обработалъ юридически и съ

Law. London 1876. Hall. International Law. Oxford 1894. 4 изд. Walker. The science of International Law. London 1893.

[1]) См. о возрѣнiяхъ этихъ трехъ писателей Kaltenborn, Kritik, S. 160.

[2]) Oppenheim. System des Völkerrechts. 1845 (2-te Aufl. 1866).

[3]) Heffter. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart auf den bisherigen Grundlagen, 1844; 7-te Aufl. (Geffcken) 1881; французскiй переводъ Бергсона 1867 г.; русскiй переводъ барона К. Таубе 1880 г.

полнымъ знаніемъ дѣла огромный матеріалъ положительнаго международнаго права, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ основательное знакомство съ обширной литературой предмета. Но съ системой автора нельзя согласиться.

Гефтеръ дѣлитъ свой трудъ на три главныя части: 1) международное право во время мира; 2) международное право во время войны и 3) формы международныхъ сношеній, въ которой излагаются права и обязанности дипломатическихъ представителей и мѣры охраненія соціальныхъ интересовъ государствъ. Очевидно, что эта послѣдняя часть цѣликомъ относится къ мирному состоянію международной жизни и не должна быть излагаема особо. Кромѣ того, сопоставляя, какъ отдѣльныя части международнаго права, право мира и право войны, авторъ даетъ поводъ думать, что война есть самостоятельный порядокъ юридическихъ отношеній между государствами, а не средство охраненія международныхъ правъ, которымъ она является въ дѣйствительности.

Что касается Блюнчли, то въ своемъ сочиненіи: „Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса“ [1]), онъ желалъ дать практическимъ дѣятелямъ въ сферѣ международныхъ сношеній удобное для пользованія руководство, формулировавъ въ видѣ сжатыхъ положеній основныя начала международнаго права и приводя подъ каждымъ изъ нихъ мотивы, объясняющіе эти положенія. Блюнчли достигъ своей цѣли: его кодифицированное руководство сдѣлалось общеизвѣстно и весьма содѣйствовало распространенію знакомства съ международнымъ правомъ. Трудъ этого симпатичнаго ученаго (умершаго въ 1881 году) проникнутъ въ высшей степени просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на отношенія между народами, но страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что въ немъ часто встрѣчаются положенія, формулирующія не начала дѣйствующаго международнаго права, но pia desideria автора [2]).

---

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen 1868 г. 3-te Aufl. 1878; французскій переводъ Lardy 1881; русскій переводъ подъ редакціей гр. Камаровскаго 1876; переведено на китайскій языкъ въ 1881 году.

[2]) Заслуживаютъ еще вниманія слѣдующія новѣйшія произведенія нѣмецкой литературы: Neumann. Grundriss des heutigen europ. Völkerrechts. Wien 1877. 3 изд. 1885 г. Bulmerincq. Völkerrecht, Tübingen 1884 in Marquardsen's. Handbuch des

Литература международнаго права въ Италіи приняла въ новѣйшее время обширные размѣры. Исходною точкою ея ученій является преимущественно принципъ національности, который, какъ мы видѣли выше, провозглашается лучшими итальянскими юристами — Манчини, Пьерантони, Люиджи Пальма и др. [1]), какъ верховное начало новаго европейскаго международнаго права. Однако идея національности, ложная въ томъ значеніи, которое придаютъ ей названные писатели, нашла противниковъ среди самихъ итальянскихъ ученыхъ въ лицѣ Маміани и особенно Паделетти [1]), которые противопоставляютъ ей принципъ самостоятельности и независимости государствъ, какъ субъектовъ международнаго права. Какъ бы ни было, итальянская литература по международному праву стремится стать на высоту современныхъ научныхъ требованій и чутко относится ко всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ международной жизни.

Въ литературѣ французской, богатой монографическими трудами по различнымъ вопросамъ международнаго права, до послѣдняго времени не было попытокъ систематическаго изложенія этой науки. Этотъ пробѣлъ думали восполнить, въ 1877 г., два фран-

öffentl. Rechts, Bd. I, Halbband II. Resch. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. Graz 1885. Holtzendorff. Das europ. Völkerrecht въ его Encyclopädie der Rechtswissenschaft. Bd. I. Schulze. Grundriss zu Vorlesungen über Völkerrecht, Heidelberg 1880. Hartmann. Institutionen des praktischen Völkerrechts in Friedenszeiten. Hannov. 1874. Quaritsch. Compendium des Völkerrechts. Berlin 1875. Особенно выдающееся научное значеніе имѣетъ изданное барономъ Гольцендорфомъ, при сотрудничествѣ другихъ юристовъ, „Handbuch des Völkerrechts", IV тома, 1885 — 1889. Наконецъ, къ школѣ германскихъ юристовъ должно причислить проф. Эдинбургскаго университета Lorimer, издавшаго любопытное сочиненіе: The Institutes of the Law of Nations, London 1883 — 1884, 2 vls. Французское изданіе этого сочиненія въ извлеченіи сдѣлалъ Nys въ 1885 г. въ одномъ томѣ.

[1]) См. объ итальянской современной литературѣ: Pierantoni. Storia degli studi del diritto internazionale in Italia: его же Trattato di Diritto internazionale, Roma 1881, vol I. Всего должно быть 4 тома. Срав. кромѣ того: Pasquale Fiore. Diritt. publico internazionale; Milano. 1865; перев. на франц. языкъ Pradier-Fodéré (1869, 2 vls). Carnazza Amari. Trattato sul diritto internazionale pubblico di pace. Milano 1875.

[2]) Mamiani. Di un nuovo diritto pubblico europeo. 1859. Padelletti въ Revue de droit int. t. III.

цузскіе ученые: Функъ-Брентано и Сорель, издавъ краткій учебникъ по международному праву [1]).

Но ихъ опытъ нельзя назвать удачнымъ: они скорѣе дали рядъ публицистическихъ этюдовъ о международномъ правѣ во время мира и войны, нежели научное изложеніе началъ положительнаго международнаго права [2]).

Наконецъ, въ послѣднее время получилъ большое распространеніе трудъ южноамериканскаго юриста и дипломата Кальво [3]). Этотъ трудъ отличается богатствомъ приводимыхъ имъ фактовъ изъ области международныхъ отношеній европейскихъ и американскихъ государствъ, но недостаточно обобщаетъ эти факты и еще менѣе относится къ нимъ критически съ точки зрѣнія общихъ руководящихъ принциповъ права: практикѣ политической дано слишкомъ много мѣста въ ущербъ самостоятельной теоретической обработкѣ предмета.

Русская литература очень бѣдна самостоятельными трудами, обнимающими всю систему международнаго права. Основныя начала этой науки изложены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) Д. И. Каченовскаго (профессора Харьковскаго университета),— „Курсъ международнаго права" (2 вып. 1863—1866); сочиненіе неоконченное, остановившееся на исторіи международныхъ отношеній въ средніе вѣка.

2) А. Н. Стоянова (проф. Харьковскаго университета),— „Очерки исторіи и догматики международнаго права" (1875 г.) — изданы по запискамъ Д. И. Каченовскаго.

3) М. Капустина (бывшаго профессора Московскаго университета и нынѣшняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа) — „Обозрѣніе предметовъ международнаго права", 1856 г. и „Международное право", конспектъ лекцій, 1873 г.; — первое значительно устарѣло, второе замѣчательно, какъ попытка самостоятельной систематизаціи всей науки между-

---

[1]) Funck-Brentano et Sorel. Précis du droit des gens. Paris 1877. См. мою рецензію въ Сборникѣ госуд. знаній, т. V. Pradier-Fodéré. Traité de droit international public, 5 vls. Paris 1889—93. Это трудъ огромный, но отличающійся легкостью содержанія и безсвязностью системы. Ср. также Piédélièvre. Précis de droit int. public. Paris 1894.

[2]) По научнымъ достоинствамъ стоитъ выше сочиненія Функъ-Брентано и Сореля небольшой трудъ даровитаго французскаго ученаго Renault. Introduction à l'étude du droit international. Paris 1879. Ср. Bonfils. Manuele de droit int public. 1894.

[3]) Calvo. Derecho internacional teorico y pratico, 1868. Le droit international théorique et pratique, 2-e éd. 1870, 2 vols.; 3-e éd. 1881, 4 vols.

народнаго права, но слишкомъ кратко, чтобы служить руководствомъ для ознакомленія съ предметомъ науки.

4) Бялэцкаго (проф. Варшавскаго университета) — „О значеніи международнаго права и его матеріаловъ", 1872 г.; — полезно для ознакомленія съ различными взглядами представителей иностранной литературы относительно международныхъ трактатовъ, обычаевъ, распоряженій правительственныхъ и другихъ источниковъ международнаго права [1]).

V. Задача и цѣль науки современнаго международнаго права.

§ 39. Исторія международныхъ отношеній доказываетъ существованіе общихъ соціальныхъ и культурныхъ интересовъ между цивилизованными народами и необходимость юридическихъ нормъ, эти интересы регулирующихъ; историческое же развитіе науки международнаго права приводитъ къ убѣжденію, что система вырабатываемыхъ ею правилъ только тогда окажетъ животворное воздѣйствіе на практику, когда будетъ основана на изученіи фактическихъ взаимныхъ отношеній, въ которыхъ находятся народы въ данную эпоху подъ охраной созданнаго ими общаго права. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно сказать, что задача науки современнаго международнаго права заключается въ выясненіи правосознанія современныхъ образованныхъ народовъ, выражающагося въ стремленіи ихъ обезпечить свои законные духовные и матеріальные интересы обмѣномъ услугъ, взаимною помощью и согласіемъ.

Въ дѣйствительности далеко не всегда разумныя потребности народовъ являлись предметомъ международной политики; далеко не всегда онѣ составляютъ содержаніе тѣхъ переговоровъ, юридическихъ сдѣлокъ, трактатовъ, которые совершаются между государствами. Но отсутствіе пониманія со стороны государственной власти насущныхъ общественныхъ и государственныхъ нуждъ своего народа или недо-

[1]) Критическіе и подробные разборы сочиненій гг. Стоянова и Капустина напечатаны нами въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1876 годъ и въ Сборникѣ государственныхъ знаній, т. II. См. также Даневскій. Пособіе къ изученію исторіи и системы Международнаго права. Харьковъ 1892, 2 выпуска.

статочное къ нимъ уваженіе всегда приводятъ къ тому результату, что международныя обязательства, ею заключенныя, скоро обнаруживаютъ явную свою несостоятельность и подвергаются или измѣненію, или нарушенію. Только тѣ трактаты выдерживаютъ натискъ обстоятельствъ и служатъ развитію международныхъ отношеній, которые заключены государствами въ сознаніи и ради удовлетворенія права и для блага своихъ народовъ.

Точно также и научная обработка международнаго права должна быть направлена не на созданіе искусственныхъ системъ, не имѣющихъ почвы въ настоящемъ или противорѣчащихъ солидарности интересовъ и стремленій современныхъ образованныхъ государствъ, но должна преслѣдовать одну цѣль—установить, на основаніи данныхъ отношеній, такія начала международнаго порядка, которыя были бы согласны съ общностью культурныхъ задачъ и вытекающею отсюда полною взаимностью правъ и обязанностей цивилизованныхъ народовъ. Такой порядокъ очевидно не можетъ имѣть своимъ верховнымъ принципомъ суверенную независимость каждаго отдѣльнаго государства, ибо это начало неминуемо приводитъ къ господству и оправданію противныхъ праву исключительныхъ интересовъ въ области международныхъ отношеній. Въ основу научной системы современнаго международнаго права должна быть положена идея международнаго общенія, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единаго цѣлаго, связанная съ другими государствами общностью интересовъ и правъ.

Разсматривая съ указанной точки зрѣнія современный международный порядокъ, наука международнаго права будетъ имѣть своимъ предметомъ только положительныя юридическія нормы, которыя выработались правосознаніемъ современныхъ образованныхъ народовъ и которыя нашли свое выраженіе въ международныхъ обычаяхъ, трактатахъ и практикѣ взаимныхъ сношеній государствъ. Личныя возрѣнія того или другого ученаго, какъ бы сами по себѣ они ни были возвышенны, гуманны и достойны уваженія, необходимо не смѣшивать съ дѣйствующимъ международнымъ правомъ. Но отдѣ-

ляя свои пожеланія отъ началъ и законовъ, усвоенныхъ практикой, мы не исключаемъ критическаго отношенія къ существующему порядку. Только нельзя признать правильнымъ масштабомъ для этой критики ни принципъ политическаго равновѣсія, ни идею національности, какъ начала, не дающія никакого основанія для юридическаго опредѣленія взаимныхъ отношеній государствъ. Идея права представляется единственно возможнымъ руководящимъ принципомъ при разсмотрѣніи положительныхъ началъ международнаго права съ точки зрѣнія de lege ferenda. Въ научной системѣ не мѣсто политическимъ соображеніямъ.

Правовой принципъ былъ принятъ со стороны самихъ государствъ за руководящее начало взаимныхъ ихъ отношеній. Великія союзныя державы, собранныя на конгрессѣ въ Ахенѣ, издали декларацію [3 (15) ноября 1818 г.], которая, между прочимъ, гласила, что „монархи, вступившіе съ союзъ, признаютъ своею главною непремѣнною обязанностью, во всѣхъ сношеніяхъ какъ между собою, такъ и съ другими державами, слѣдовать неуклонно указаніямъ международнаго права“ [1]). Можно только сожалѣть, что государства, провозгласившія это начало, не всегда находили нужнымъ или возможнымъ дѣйствительно имъ руководствоваться.

VI. Основныя черты системы.

§ 40. Каждая научная система должна удовлетворять двумъ главнымъ требованіямъ: во 1-хъ, она должна обнимать всю область подлежащихъ ея изученію вопросовъ и во 2-хъ, привести послѣдніе въ извѣстный порядокъ, проникнутый одною общею идеей. Такъ какъ предметомъ науки международнаго права является совокупность жизненныхъ отношеній, существующихъ между современными образованными государствами, то ея система должна быть, очевидно, системой этихъ отношеній, а не тѣхъ законовъ и началъ, которые съ теченіемъ времени выработались въ международной жизни.

---

[1]) См. Памятники дипломатическихъ сношеній, т. II, стр. 370. Мое Собраніе трактатовъ, т. VII, № 291.

*

Большинство представителей науки международнаго права оставляетъ безъ вниманія это существенное условіе правильной систематизаціи международнаго права. Они основываютъ свою систему или на римскомъ правѣ, или на случайныхъ и личныхъ соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ объективными основаніями науки [1]). Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ общему очерку международныхъ отношеній и права, преобладаетъ систематика, заимствованная изъ римскаго гражданскаго права. Примѣняя ее къ международному праву, юристы желали, конечно, сообщить вполнѣ юридическій характеръ и придать бо́льшую опредѣленность положеніямъ своей науки, но на самомъ дѣлѣ совершенно исказили смыслъ и самостоятельное значеніе междугосударственныхъ отношеній и права, къ нимъ примѣняемаго.

Система, которой мы намѣрены придерживаться, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Мы разсматриваемъ всѣ вопросы международныхъ отношеній и науки международнаго права съ точки зрѣнія идеи международнаго общенія. Она лежитъ въ основаніи современнаго международнаго порядка и должна быть тѣмъ верховнымъ принципомъ въ наукѣ международнаго права, который оправдываетъ и связываетъ всѣ выставляемыя ею положенія. Установивъ на положительныхъ данныхъ это начало, мы изложимъ аналитически неотъемлемыя права, которыя принадлежатъ государствамъ, какъ членамъ международнаго общества — въ качествѣ субъектовъ международнаго права въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, — по отношенію къ ихъ территоріямъ, наконецъ, какъ контрагентамъ, вступающимъ въ международныя обязательства. Всѣ эти вопросы, какъ основныя для международнаго права, составляютъ содержаніе общей части нашей системы.

Въ особенной части мы разсмотримъ тѣ реальныя, жизненныя отношенія, которыя соединяютъ современные образованные народы и даютъ содержаніе международному управленію государствъ. Къ предметамъ международной администраціи мы относимъ: во 1-хъ, интересы какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и различныхъ общественныхъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ въ области духовной жизни, религіозной, умственной и эстетической, во 2-хъ, международное упра-

[1]) См. напр. странную систему Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe publ. par. Ott. Paris 1861.

вленіе въ сферѣ физической жизни, экономической и хозяйственной дѣятельности государственной, общественной и индивидуальной; въ 3-хъ, регулированіе судебнымъ порядкомъ правоотношеній гражданскихъ и уголовныхъ, имѣющее цѣлью охраненіе законныхъ правъ, принадлежащихъ государству и подданнымъ въ предѣлахъ чужихъ владѣній (международное частное и уголовное право). Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ особенной части будутъ изложены право войны и право нейтралитета, опредѣляющія законныя средства, коими располагаютъ государства для охраненія своихъ интересовъ и правъ, въ качествѣ воюющихъ или нейтральныхъ державъ.

VII. Пространство дѣйствія международнаго права.

§ 41. Современное международное право есть продуктъ культурной жизни и правосознанія народовъ европейской цивилизаціи. Какъ показываетъ исторія международныхъ отношеній, общія соціальныя задачи, преслѣдуемыя народами во взаимныхъ сношеніяхъ, и одинаковыя усвоенныя ими нравственныя и правовыя возрѣнія — эти необходимыя условія международнаго юридическаго порядка — выработались первоначально въ Европѣ и до сихъ поръ существуютъ далеко не во всѣхъ государствахъ земного шара. Согласно съ этимъ, пространство дѣйствія международнаго права ограничивается только тѣми народами, которые признаютъ основныя начала европейской культуры и достойны названія образованныхъ народовъ [1]).

Своеобразныя условія, соціальныя и государственныя, въ которыхъ живутъ народы мусульманскаго исповѣданія, а также языческія и дикія племена, не даютъ никакой возможности примѣнять международное право въ сношеніяхъ съ этими необразованными или полуобразованными народами. Международныя отношенія покоятся на идеѣ общенія, которое немыслимо безъ солидарности интересовъ и общихъ

---

[1]) Вотъ почему до настоящаго времени говорятъ еще о европейскомъ международномъ правѣ, хотя эта квалификація невѣрна въ томъ отношеніи, что современное международное право распространяетъ свое дѣйствіе также на цивилизованныя государства Америки, которыя, по примѣру Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, объявили его обязательнымъ для себя.

стремленій, соединяющихъ народы. Между тѣмъ мусульманскія земли управляются исключительно на основаніи Корана, который относится враждебно и нетерпимо ко всѣмъ иновѣрческимъ народамъ. Что касается варварскихъ племенъ, то они не только не чувствуютъ потребности въ международныхъ сношеніяхъ, но обыкновенно не имѣютъ даже твердой общественной организаціи и опредѣленныхъ территоріальныхъ границъ. Нельзя однако сказать, чтобы фактически поддерживающіяся сношенія между образованными и необразованными народами не подлежали вовсе опредѣленію права. Мы полагаемъ, что они должны подчиняться предписаніямъ естественнаго права, т. е. совокупности извѣстныхъ началъ, вытекающихъ изъ нравственной природы и разума человѣка. Естественное право требуетъ, чтобы данное слово честно исполнялось, чтобы жизнь, честь и собственность другого были уважаемы, чтобы дурные инстинкты уступили мѣсто благороднымъ побужденіямъ. Очевидно, что такое право, примѣненное къ сношеніямъ съ необразованными народами, не предполагаетъ ни солидарности интересовъ, ни сознанія необходимости взаимныхъ сношеній и, слѣдовательно, не тождественно съ положительнымъ международнымъ правомъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что цивилизованныя государства должны подавать примѣръ народамъ низшей культуры въ добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ [1]).

Противъ исключенія Турціи и нѣкоторыхъ другихъ азіатскихъ государствъ изъ международнаго общенія, существующаго между европейски образованными народами, возражаютъ, что послѣдніе не только ведутъ съ этими государствами фактическія сношенія, но и заключаютъ съ ними трактаты мира, союза и торговли, что наконецъ Турція была торжественно признана, на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., полноправнымъ членомъ семьи европейскихъ народовъ (ст. VII Парижскаго трактата). Эти возраженія только доказываютъ, что тѣ, которые желаютъ распространить международное право и на неци-

[1]) Относительно этого кардинальнаго вопроса о пространствѣ дѣйствія положительнаго международнаго права господствуетъ въ современной литературѣ полное смѣшеніе понятій: одинъ авторъ списываетъ у другого или ссылается на „авторитетъ“ другого, безъ всякой критики. Срав. Phillimore. Commentaries, I, § 28, p. 23. Woolsey. Introduction to the study of Inter. Law, § 5. Heffter, § 7. Martens. Précis, § 8 et suiv.

вилизованныя государства, не сознают положительныя основанія современнаго международнаго порядка, зиждущагося на взаимности, и смѣшивают естественное право съ положительнымъ международнымъ правомъ. Ссылка же на VII ст. Парижскаго договора не можетъ считаться убѣдительною въ виду того, что великія державы, провозгласивъ равноправность Высокой Порты съ другими европейскими правительствами, въ тоже время отклонили ея просьбу отмѣнить консульскую юрисдикцію и капитуляціи, дѣйствующія въ Турціи до настоящаго времени и несогласныя съ внутреннимъ верховенствомъ, которое признается за каждымъ цивилизованнымъ государствомъ, членомъ международнаго общества. Юрисдикція консуловъ существуетъ также въ предѣлахъ Персіи и Китая, такъ какъ и эти государства, подобно Оттоманской имперіи, не представляютъ всѣхъ гарантій, необходимыхъ для дѣйствительнаго обезпеченія интересовъ и правъ иностранцевъ, въ нихъ пребывающихъ. Пока не произойдутъ существенныя измѣненія въ законахъ, политическомъ и общественномъ порядкѣ, господствующихъ на Востокѣ, до тѣхъ поръ означенныя государства не будутъ въ международныхъ сношеніяхъ пользоваться правами, принадлежащими образованнымъ народамъ [1]).

Настаивая на томъ положеніи, что субъектами современнаго международнаго права могутъ быть признаны только государства, приблизительно одинаково развитыя въ культурномъ и соціальномъ отношеніи, мы не хотимъ этимъ сказать, что международное право основывается исключительно на христіанскихъ началахъ и обязательно только въ отношеніяхъ между народами христіанскаго вѣроисповѣданія. Нѣтъ, оно можетъ быть признаваемо и соблюдаемо независимо отъ религіозныхъ вѣрованій, господствующихъ въ странѣ, но необходимо, чтобы причастный ему народъ или руководящіе имъ классы раздѣляли возрѣнія на разумныя цѣли человѣческаго существованія и назначенія государства, выработанныя вѣковою культурой цивилизованныхъ европейскихъ народовъ.

Мы не можемъ поэтому согласиться съ мнѣніемъ, которое выражаетъ Блюнчли, что дѣйствіе международнаго права не ограничивается одними европейскими цивилизованными народами, что область его — весь міръ, что

[1]) Болѣе подробно доказывается это положеніе въ моемъ сочиненіи: „О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ“ (Спб. 1873), стр. 513 и слѣд. Въ нѣмецкомъ изданіи 1874 г., стр. 500 и слѣд. См. кромѣ того мое соч.: „Россія и Англія въ Средней Азіи“ (Спб. 1880), стр. 10—23, которое имѣется также на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

оно совпадаетъ съ правомъ всего человѣчества [1]). Такой благородный и возвышенный космополитизмъ лишаетъ международное право всякой положительной почвы и практическаго значенія; онъ обращаетъ международное право въ рядъ идеальныхъ, но неосуществимыхъ при современныхъ условіяхъ юридическихъ нормъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Дж. Ст. Милль [2]), примѣнять европейское международное право къ необразованнымъ народамъ значитъ дурно понимать право, основаніемъ котораго служитъ взаимность, т. е. именно то практическое условіе, которое заставляетъ цивилизованныя государства относиться съ уваженіемъ къ ихъ обоюднымъ правамъ и интересамъ и которое не находитъ мѣста въ сношеніяхъ съ необразованными народами.

VIII. Отношеніе международнаго права къ другимъ юридическимъ и политическимъ наукамъ.

§ 42. Положеніе, которое занимаетъ наука международнаго права среди другихъ юридическихъ и политическихъ наукъ, опредѣляется ея предметомъ, задачею и цѣлью. Международное право служитъ выраженіемъ и санкціей общенія, существующаго между всѣми сторонами индивидуальной жизни образованныхъ народовъ. Соотвѣтственно этому наука международнаго права, при полной своей самостоятельности, связана органически съ прочими отдѣлами юриспруденціи, имѣющими своимъ предметомъ правовую частную, общественную и государственную жизнь [3]).

I. Безъ всякаго сомнѣнія, международное право отличается по содержанію отъ гражданскаго и уголовнаго права. Но при современномъ развитіи международныхъ сношеній, какъ гражданское, такъ и уголовное право находятъ свою высшую охрану въ международномъ правѣ. Дѣйствительно, кодексы и уложенія, опредѣляющіе частныя правоотношенія, недостаточны, чтобы гарантировать уваже-

---

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. §§ 7, 8. Довольно вѣрно опредѣляетъ самъ Блюнчли въ другомъ сочиненіи (Politik als Wissenschaft. 1876, S. 59 flg.) существенное различіе между цивилизованными и нецивилизованными народами. Срав. также Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts, § 4.

[2]) Mill. Dissertations and discussions, I, p. 161; III, p. 166.

[3]) Срав. Heffter. Völkerrecht, § 4. Renault. Introduction, p. 27. Каченовскій. Курсъ, § 6. Holtzendorff. Handbuch, S. 47—68.

ніе къ правамъ отдѣльныхъ лицъ и судебную ихъ охрану за предѣлами данной страны. Для этого необходимо взаимное признаніе государствами обязательной силы иностранныхъ законовъ въ предѣлахъ своихъ территоріальныхъ границъ. Такимъ образомъ международное частное право является необходимымъ дополненіемъ гражданскаго права каждаго цивилизованнаго государства. Точно также современныя правительства вполнѣ сознаютъ, что юридическій порядокъ внутри государства зависитъ въ значительной степени отъ того уваженія, которое находятъ дѣйствующіе въ немъ уголовные законы со стороны другихъ государствъ. Ради обезпеченія внутренняго порядка и безопасности, они вступаютъ въ соглашенія о взаимной выдачѣ преступниковъ и содѣйствуютъ другъ другу въ раскрытіи виновныхъ и констатированіи факта преступленій. Начала, сюда относящіяся, составляютъ предметъ международнаго уголовнаго права.

II. Въ историческомъ очеркѣ международныхъ отношеній мы старались указать на связь общественной жизни народовъ съ характеромъ международной ихъ дѣятельности. Если международное общеніе и внутреннее родство народовъ основываются на общности соціальныхъ ихъ элементовъ, то понятно, что отношеніе международнаго права къ общественному праву самое близкое. Тѣ внутренніе законы, которые опредѣляютъ соціальное устройство, взаимныя права и обязанности общественныхъ классовъ и государства, очевидно должны оказывать вліяніе на право, обезпечивающее соціальные интересы каждаго народа въ области международныхъ сношеній.

III. Тоже самое надо сказать о государственномъ правѣ. Внутренніе государственные порядки всегда отражаются на порядкѣ, существующемъ въ международныхъ отношеніяхъ. Современное положительное международное право нельзя понять, не зная дѣйствующаго государственнаго права образованныхъ народовъ. Съ другой стороны, если разумная цѣль каждаго государства заключается въ установленіи такого порядка внутри страны, который обезпечивалъ бы всестороннее развитіе личныхъ силъ и способностей каждаго подданнаго, то эта цѣль можетъ быть достигнута только путемъ между-

народныхъ сношеній, обмѣномъ услугъ и взаимною помощью государствъ, какъ субъектовъ международнаго права.

IV. Рядомъ съ международнымъ правомъ обыкновенно ставятъ ученіе о внѣшнихъ сношеніяхъ государствъ или политику. Предметъ изученія международнаго права и внѣшней политики не одинаковъ: первое излагаетъ тѣ законы и юридическія начала, которыми управляются международныя отношенія; вторая учитъ искусству удовлетворенія наиболѣе цѣлесообразными средствами международныхъ интересовъ, созданныхъ географическимъ положеніемъ, культурнымъ строемъ или политическою жизнью государства. Отсюда видно, въ какомъ правильномъ отношеніи должна стоять внѣшняя политика къ международному праву. Изыскивая надлежащія средства для достиженія разумныхъ цѣлей государства въ области международныхъ сношеній, политика должна прежде всего руководствоваться тѣми юридическими нормами, которыя выставляетъ международное право, ибо несоблюденіе ихъ противорѣчило бы разумнымъ интересамъ, ею преслѣдуемымъ. Другими словами, международная политика должна быть правомѣрна, если она дѣйствительно желаетъ удовлетворить не эгоистическіе и честолюбивые интересы, но законныя потребности народа, ради которыхъ существуетъ самое международное право [1]).

V. Наконецъ, международное право не слѣдуетъ смѣшивать съ дипломатіей и правомъ дипломатіи. Дипломатія существенно не отличается отъ внѣшней политики, и названіе ея указываетъ на то, что лица, посвящающія себя иностранной политикѣ, должны основывать свою дѣятельность на изученіи положительныхъ данныхъ международныхъ трактатовъ (diploma дипломовъ), регулирующихъ взаимныя отношенія государствъ [2]). Если же дипломатія и дипло-

[1]) Срав. Holtzendorff. Principien der Politik, Cap. IV и V. Bluntschli. Politik als Wissenschaft, S. 23 flg. Heffter. Völkerrecht, § 4.

[2]) Срав. Klüber. Droit des gens, § 7. Pradier-Fodéré. Cours de droit diplomatique (Paris 1881), t. I, p. 1: „la diplomatie est l'art des négociations“. Только ошибочно опредѣленіе Прадье-Фодере дипломатическаго права, какъ „branche du droit public externe“ (p. 3). Право дипломатіи не есть часть международнаго права. Смостроумныя замѣчанія Mountague Bernard. Four Lectures, p. 111 etc.

матическое право сдѣлались синонимами произвола и хитрости, то благодаря искаженію простыхъ и здравыхъ понятій о цѣли международныхъ сношеній и задачахъ дипломатіи, оправдываемыхъ разумомъ и исторіей международнаго права.

IX. Источники международнаго права.

§ 43. Независимыя государства, образующія международный союзъ, не подчиняются верховной власти, которая опредѣляла бы своими законами взаимныя ихъ отношенія; они не подлежатъ и отвѣтственности предъ международнымъ трибуналомъ за нарушенное ими международное право. Основаніемъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ международныя отношенія, служитъ единственно сознаніе цивилизованными государствами необходимости международнаго правоваго порядка и вытекающее отсюда добровольное согласіе ихъ на признаніе его обязательности [1]). Это сознаніе и согласіе получаютъ внѣшнее свое выраженіе (формулированіе) въ международныхъ обычаяхъ и трактатахъ, въ дипломатическихъ переговорахъ, въ законодательствѣ, правительственныхъ распоряженіяхъ, наконецъ въ рѣшеніяхъ судовъ. Насколько названные акты и обычныя начала являются вѣрнымъ отраженіемъ правосознанія государствъ, настолько они могутъ считаться источниками современнаго положительнаго международнаго права.

I. Международными обычаями называются тѣ правила и порядки, которые устанавливаются въ международныхъ отношеніяхъ на основаніи постояннаго и однообразнаго примѣненія ихъ къ одинаковымъ по существу своему случаямъ. Какъ нормы международныхъ отношеній, обычныя начала имѣютъ огромное практическое и юридическое значеніе [2]).

[1]) Modestinus. „Omne jus aut consensus fecit aut necessitas constituit aut firmavit consuetudo". Срав. Heffter. Völkerrecht. § 3, S. Phillimore. Commentaries, I, p. 14 etc. Creasy. First platform, p. 65 etc. Bluntschli. Völkerrecht, § 13 flg. Holtzendorff. Völkerrecht въ Encyclopädie, I, S. 934 flg. Его же Handbuch, S. 77—156.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publ. III, 10: „Jus gentium oritur e pactis tacitis et praesumtis, quae ratio et usus inducunt". De reb. belli praef.: „Ut mores gentium mutantur, sic mutatur jus gentium". Phillimore. Commentaries I, p. 38 etc.

Со стороны практической важное значеніе международныхъ обычаевъ видно изъ того факта, что весьма многіе основные институты и положенія международнаго права не имѣютъ иной охраны, кромѣ безмолвнаго согласія государствъ на ихъ признаніе и соблюденіе. Путемъ обычая возникло и утвердилось международное договорное и посланническое право. Затѣмъ права, коими пользуются монархи и вообще представители верховной власти во время пребыванія на чужой территоріи, равно какъ и этикетъ взаимныхъ между ними сношеній, точно также выработались сами собою и сохраняютъ силу безъ всякой формальной санкціи. Морское международное право, начиная съ правилъ о товароотправленіи, морскомъ страхованіи, объ отношеніяхъ между шкиперомъ и матросами и кончая правами нейтральной торговли,—все возникло въ средніе вѣка, первоначально въ видѣ обычаевъ, которые вошли затѣмъ въ особые сборники и наконецъ сдѣлались частью законодательства различныхъ государствъ. Большинство юридическихъ нормъ, составляющихъ право войны, до настоящаго времени не формулировано ни международными соглашеніями, ни государственнымъ законодательствомъ, оставаясь въ видѣ обычаевъ. Наконецъ изъ области международнаго частнаго права можно указать на чрезвычайно важное начало: locus regit actum, которое также основывается на силѣ обычая [1]).

Съ точки зрѣнія права международные обычаи также имѣютъ большое значеніе. Если обычаи, существующіе въ государствѣ, доказываютъ, что лица, которыя ими руководствуются, связаны другъ съ другомъ общностью нравственнаго и юридическаго міросозерцанія и жизненныхъ своихъ интересовъ, то тоже самое надо сказать и о международныхъ обычаяхъ: признаніе и уваженіе ихъ со стороны государствъ служитъ доказательствомъ той взаимности интересовъ образованныхъ націй и соединяющаго ихъ одинаковаго правосознанія, на которыхъ зиждется современное международное право.

Процессъ же образованія международныхъ обычныхъ нормъ уясняетъ намъ самое существо международнаго права и высшій источникъ обязательной его силы. Въ отличіе отъ обычаевъ, дѣйствующихъ въ частномъ и общественномъ быту народовъ и вырабатываемыхъ темнымъ инстинктомъ массъ и непреложною силою обстоятельствъ, международныя обычныя правила устано-

[1]) Главнѣйшіе сборники международныхъ обычныхъ началъ слѣдующіе: Rooles d'Oleron (XII ст.); Consolato del Mare (XIV ст.); Guidon de la mer (XVI в.) Срав. Pardessus. Collection des lois maritimes, t. I.—Perels. Das internationale öffentliche Seerecht der Gegenwart. Berlin 1882, § 3.

вляются болѣе по расчету, на основаніи умозрѣнія, сознательно. Часто тѣ начала, которыя мало по малу утверждаются въ международной практикѣ въ качествѣ обычнаго права, первоначально провозглашаются, какъ разумный принципъ международныхъ отношеній, какимъ либо выдающимся юристомъ или замѣчательнымъ политическимъ дѣятелемъ. Такимъ образомъ возникновеніе международныхъ обычаевъ вполнѣ подтверждаетъ выставленное нами выше положеніе, что сознаніе необходимости юридическаго порядка въ области международныхъ отношеній есть истинный источникъ международнаго права [1]).

II. Подъ международными договорами, въ значеніи источниковъ международнаго права, мы разумѣемъ всякаго рода обязательства, взаимно принимаемыя на себя государствами,—выражены ли они въ трактатахъ и конвенціяхъ, или въ нотахъ и деклараціяхъ. Такія соглашенія государствъ представляютъ по преимуществу тотъ источникъ, изученіе котораго необходимо для полнаго уразумѣнія существующихъ международныхъ правовыхъ отношеній [2]).

Международные договоры въ этомъ смыслѣ можно раздѣлить на два главные рода: одни формулируютъ обязательныя для государствъ юридическія нормы, уважаемыя на практикѣ, какъ начала международнаго права; напротивъ, другіе суть сдѣлки между двумя или нѣсколькими государствами о частныхъ ихъ интересахъ.

Признаніе началъ международнаго права засвидѣтельствовано со стороны государствъ въ рядѣ замѣчательныхъ актовъ, имѣющихъ силу законовъ для международнаго общества. Сюда принадлежатъ: декларація Екатерины II о вооруженномъ нейтралитетѣ, и подтверждающая обязательность его принциповъ Парижская декларація 1856 г.; Женевская конвенція 1864 г. относительно облегченія участи раненыхъ воиновъ во время войны; почтовый и телеграфный всемірные союзы и пр. Всѣ подобные акты вызваны не борьбою и соглашеніемъ противоположныхъ интересовъ сторонъ, но сознанною государствами необходимостью точнаго опредѣленія тѣхъ юридическихъ

[1]) Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо положеніе Woolsey: „Self-protection and intercourse are the two sources of International Law“. (Introduction, § 6 note).

[2]) Bergbohm. Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts, S. 77 flg. Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge. Wien 1880. Renault. Introduction, p. 32 et suiv.

правилъ, которыя, будучи обязательными, не ясно выражаются въ обычаяхъ или частныхъ международныхъ соглашеніяхъ.

Къ трактатамъ второго рода, представляющимъ собою компромиссы между различными интересами договаривающихся сторонъ, принадлежатъ: договоры о мирѣ, коммерческіе трактаты, картельныя, литературныя, консульскія конвенціи и т. д. Заключенные отдѣльными правительствами ради удовлетворенія спеціально интересовъ контрагентовъ, такіе трактаты, повидимому, не могутъ служить источниками международнаго права, простирающаго свое дѣйствіе на всѣ образованныя государства. Однако, сравнивая другъ съ другомъ картельныя конвенціи или трактаты о судоходствѣ и другіе договоры, заключенные между различными государствами, мы замѣтимъ, что они обыкновенно сходны между собою не только въ своихъ основаніяхъ, но часто и въ подробностяхъ. Такимъ образомъ юридическій порядокъ, установленный въ сферѣ взаимныхъ отношеній между извѣстными контрагентами, въ дѣйствительности является общимъ порядкомъ, соединяющимъ всѣ государства, состоящія въ обязательственныхъ между собою отношеніяхъ. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, частныя соглашенія государствъ несомнѣнно должны быть признаны существеннымъ источникомъ положительнаго международнаго права [1]).

Здѣсь необходимо устранить одно недоразумѣніе. Обязательная сила между-

[1]) Съ этой точки зрѣнія собранія трактатовъ получаютъ особенное значеніе. Укажемъ на главнѣйшія: G. F. de Martens. Recueil des traités съ 1761 по настоящее время. Продолженія изданы: Saalfeld, Murhard, Samwer, Hopf. Das Staatsarchiv von Aegidi und Klauhold — Archives diplomatiques также, съ 1861 г. Отдѣльныя государства имѣютъ свои спеціальные сборники трактатовъ, какъ-то: Австро-Венгрія—Neumann. Recueil des traités 1763 — 1856. Nouvelle suite съ 1856 г. — Франція — De Clercq. Recueil des traités depuis 1763. Англія — Herstlet. Complete collection. Соед. Американскіе Штаты — Haswell. Treaties and Conventions concluded between the United States of America and other Powers, since July 4, 1776. Washington 1889. — Россія — мое Собраніе трактатовъ, 11 томовъ. Также Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ и конвенцій, имѣющихъ отношеніе къ военному мореплаванію. Изд. Морскаго Министерства. Спб. 1885. Сборникъ дѣйствующимъ трак. и конв. (изд. М. Н. Д.) 1889, 3 т. Японія — Treaties and Conventions concluded between the Empire of Japan and Foreign Nations 1854 — 1874 Tokio 1874. Вообще срав. Martitz. Les Récueils des traités internationaux (Revue de droit international, 1886, p. 168 et suiv.

народныхъ трактатовъ, не охраняемая принудительными средствами, основывается собственно на добровольномъ ограниченiи своей воли тѣми государствами, которыя вступаютъ между собою въ соглашенiе. Очевидно, что такое самоограниченiе не можетъ быть предполагаемо въ отношенiи государствъ, данный трактатъ не подписавшихъ [1]).

III. Важнымъ пособiемъ для уясненiя правовыхъ порядковъ въ области международныхъ отношенiй служатъ также дипломатическiе переговоры и акты, которые подготовляютъ рѣшенiе вопросовъ, возникающихъ между государствами, или опредѣляютъ взаимное положенiе государствъ въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

IV. Нацiональные законы и правительственныя мѣропрiятiя, поскольку они имѣютъ своимъ предметомъ отношенiя, выходящiя за предѣлы государственной территорiи, точно также могутъ и должны быть признаваемы источникомъ, ознакомляющимъ съ началами международнаго права. Въ современныхъ законодательствахъ образованныхъ народовъ многiя постановленiя, вызванныя международными отношенiями, представляются существенно одинаковыми, какъ напр. законы объ иностранцахъ, пребывающихъ въ странѣ, о консулахъ, морскiе законы и т. д. Весьма часто международныя отношенiя давали первый толчекъ къ извѣстнымъ законодательнымъ работамъ въ государствѣ или къ измѣненiю законодательства, несогласнаго съ трактатами, содержанiе которыхъ, въ свою очередь, зависитъ отъ направленiя и взглядовъ, господствующихъ въ управленiи страны. Словомъ, взаимодѣйствiе между внутреннею жизнью государства и международными его отношенiями есть безспорный фактъ [2]).

V. Значенiе судебной практики для международнаго права будетъ понятно, если имѣть въ виду, что гражданскiе и уголовные суды цивилизованныхъ государствъ призваны рѣшать не только во-

---

[1]) Поэтому мнѣнiе Блюнчли, § 110, 111, что постановленiе „европейскаго конгресса" обязательно для всѣхъ государствъ, даже для тѣхъ, которыя формальнымъ образомъ къ нему не приступили, совершенно неправильно.

[2]) Срав. Bergbohm. Staatsverträge, S. 102. Phillimore, loc. cit., I, p. 34 etc. Бялэцкiй. О значенiи международнаго права, стр. 219.

просы, относящіеся къ международному частному и уголовному праву, но нерѣдко и дѣла, которыя касаются публичнаго международнаго права, напр. о предѣлахъ неподсудности дипломатическихъ агентовъ, объ имущественной отвѣтственности монарховъ по искамъ къ нимъ частныхъ лицъ и пр.

Нѣкоторые спеціальные суды, учреждаемые въ государствѣ, имѣютъ прямо международный характеръ. Таковы призовые суды, которые учреждаются воюющимъ государствомъ для разбора дѣлъ о захватахъ собственности подданныхъ непріятельскихъ и нейтральныхъ государствъ (о призахъ) и которые руководствуются не мѣстными отечественными законами, но международнымъ правомъ. Сборники рѣшеній подобныхъ судовъ даютъ богатый матеріалъ по всѣмъ вопросамъ международнаго права, какъ войны, такъ и мира. Но не слѣдуетъ видѣть въ нихъ, какъ дѣлаютъ это англійскіе и американскіе юристы, непреложную истину, не допускающую даже сомнѣній. — Такое же значеніе имѣютъ смѣшанные международные суды, которые были учреждены въ 1874 г. въ Египтѣ изъ туземныхъ подданныхъ и лицъ, рекомендованныхъ европейскими правительствами, для разбора коммерческихъ дѣлъ, а также гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ сторонами являются иностранцы или лица разныхъ національностей.

VI. Наконецъ исторія и наука международнаго права служатъ средствомъ выясненія истиннаго смысла существующихъ трактатовъ и международныхъ обычаевъ; онѣ даютъ возможность представить въ чистомъ видѣ правосознаніе народовъ, выражающееся въ трактатахъ и обычныхъ нормахъ, и потому безспорно принадлежатъ къ числу источниковъ международнаго права [1]).

X. Кодификація началъ международнаго права.

§ 44. Основанное на приведенныхъ выше источникахъ, положительное международное право страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ — отсутствіемъ опредѣлительности и аутентичности своихъ положеній. Между тѣмъ изданіе такихъ общеобязательныхъ международныхъ актовъ, какъ Парижская декларація 1856 г. или Женевская конвенція 1864 г., показываютъ, что этотъ недостатокъ мо-

[1]) Phillimore. Commentaries, I, p. 43: „History is a record of the injustice, evil passions and folly, as well as of the justice, virtues, and wisdom of Nations".

жетъ быть вполнѣ устраненъ кодификаціей международнаго права. Убѣжденіе въ возможности составленія кодекса, опредѣляющаго взаимныя отношенія государствъ, породило различныя попытки разрѣшенія этой задачи.

Необходимость соединить въ одно органическое цѣлое, въ формѣ закона, всю совокупность началъ, составляющихъ международное право, сознавалась давно. Объ этомъ думалъ уже Бентамъ, но онъ сдѣлалъ только эскизъ того международнаго кодекса, который, по его мнѣнію, долженъ существовать [1]). Поднятый имъ вопросъ нашелъ сочувствіе и поддержку во многихъ юристахъ. Нашъ соотечественникъ, проф. Харьковскаго университета Д. И. Каченовскій, представилъ Лондонскому юридическому обществу въ 1862 году замѣчательную записку, въ которой доказывалъ необходимость кодификаціи международнаго права, предпринятой общими силами юристовъ различныхъ странъ. Итальянскій ученый Пародо, первый изложилъ въ видѣ статей закона международное частное право [2]). Болѣе удачный опытъ свода международныхъ трактатовъ въ одинъ законъ принадлежитъ Доминъ-Петрушевичу [3]). Изъ новѣйшихъ трудовъ этого рода особенно заслуживаютъ вниманія: „Кодифицированное международное право“ Блюнчли [4]), вызванное знаменитыми „полевыми инструкціями“ Нью-Іоркскаго профессора Либера [5]), и проектъ международнаго кодекса, выработанный Додлей-Фильдомъ, однимъ изъ законодателей Нью-Іоркскаго штата [6]).

Однако въ послѣднее время эти попытки встрѣтили сильныя возраженія со стороны весьма авторитетныхъ ученыхъ, категорически оспаривающихъ исполнимость и даже желательность такой кодификаціи. Противниками реформы международнаго права выступили: Гольцендорфъ, Бульмерингъ, Бергбомъ и нѣкоторые другіе

[1]) Works of Jeremy Bentham collected by John Bowring. London 1843. part. VIII, p. 538 ff.

[2]) Augusto Parodo. Saggo di codificazione del diritto internazionale. Torino 1851.

[3]) Domin-Petruschevecz. Précis d'un code du droit international. Leipzig 1861.

[4]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. 3 Aufl. 1878.

[5]) Lieber. Instructions for the government of armies of the United States in the field. 1863. См. приложенія къ соч. Блюнчли.

[6]) Dudley Field. Draft outlines of an International Code. New-York, 1872; 2 ed. 1876. Срав. также Levi. International Law. With Materials for a Code of International Law. London 1888.

юристы [1]), заимствующіе главные доводы противъ кодификаціи изъ классическаго труда Савиньи „Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“ (1814).

Прилагая выставленныя Савиньи положенія къ международному праву, они говорятъ: 1) что кодификація международнаго права, разорвавъ органическую его связь съ жизнью и правосознаніемъ народовъ, остановитъ его развитіе; 2) что если удалось болѣе или менѣе успѣшно кодифицировать гражданское и уголовное право, то потому только, что у составителей этихъ кодексовъ былъ подъ руками готовый матеріалъ въ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, которымъ не располагаютъ кодификаторы международнаго права; 3) что необходимымъ предварительнымъ условіемъ для установленія дѣйствующаго международнаго права, которое должно войти въ кодексъ, надо признать всестороннюю ученую обработку трактатовъ, направленную на разъясненіе однородныхъ ихъ опредѣленій, въ которыхъ выражается согласная воля большинства образованныхъ государствъ; только по окончаніи этой подготовительной работы можно приступить къ кодификаціи международнаго права. Между тѣмъ до настоящаго времени изученіе обширнаго матеріала, заключающагося въ трактатахъ, ничтожно; наконецъ 4), ссылаются на лучшіе ученые труды по международному праву, изложенные въ формѣ кодекса, и пробѣлами ихъ, противорѣчіями, отсутствіемъ объективности и другими недостатками доказываютъ несвоевременность подобнаго рода работъ.

Мы не вполнѣ согласны съ этими возраженіями; по нашему убѣжденію, кодификація международнаго права не только желательна, но и необходима. Въ чемъ состоитъ главная задача всякой кодификаціонной работы? Очевидно въ томъ, чтобы выяснить точнымъ образомъ, что̀ есть положительное право, законъ, и что̀ не имѣетъ его силы. Кодификація есть прежде всего очистительная работа, освобождающая дѣйствующее право отъ неясностей, противорѣчій и устарѣвшихъ нормъ; затѣмъ у всѣхъ народовъ она служила наилучшимъ средствомъ для ознакомленія съ закономъ, съ тѣми правами и обязанностями, которыя принадлежатъ каждому; наконецъ, она всегда пробуждала и въ правительствѣ и въ обществѣ уваженіе къ праву, точно опредѣленному и всѣмъ извѣстному. Эти соображенія, оправдывающія

[1]) Fr. v. Holtzendorff. Encyclopädie der Rechtswissenschaft. Bd. I, S. 768. Bulmerincq. Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts, S. 180 flg. Bergbohm. Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts, S. 70 flg.

кодификацію, имѣютъ бо́льшее значеніе въ области международнаго права, нежели въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, противники кодификаціи международнаго права ставятъ на видъ, что недостаточно признавать вообще обязательную силу международныхъ обычаевъ и законовъ, чтобы дѣйствительно и во всѣхъ случаяхъ ими руководствоваться; напротивъ, для этого необходимо основательное и близкое знакомство съ международными нормами, которое однако менѣе всего распространено въ тѣхъ именно сферахъ, которыя призваны управлять международными отношеніями. Если это положеніе справедливо, то изъ него логически вытекаетъ необходимость кодификаціи международнаго права: констатируя дѣйствующіе международные законы, она дастъ практическимъ дѣятелямъ такой источникъ, изъ котораго они легко почерпнутъ всѣ нужныя имъ достовѣрныя свѣдѣнія о правѣ, примѣнимомъ къ конкретному случаю. Доказательствомъ этого можетъ служить сочиненіе Блюнчли, излагающее все международное право въ видѣ кодекса: благодаря своей формѣ, оно получило широкое распространеніе и, конечно, болѣе содѣйствовало ознакомленію съ началами международнаго права, нежели всѣ многотомные труды его предшественниковъ; даже правительство Китая издало его въ переводѣ на свой языкъ, дабы пользоваться удобнымъ руководствомъ въ сношеніяхъ съ цивилизованными государствами. Еще болѣе убѣждаетъ въ пользѣ кодификаціи международнаго права военная практика образованныхъ народовъ. Въ войнахъ, которыя происходили въ послѣднее время, воюющія стороны въ принципѣ признавали обязательными для себя законы и обычаи войны; но между ними постоянно возникали споры объ истинномъ смыслѣ и значеніи таковыхъ, потому что не существуетъ кодекса права войны, принятаго всѣми правительствами; многія звѣрства и вопіющія нарушенія военныхъ обычаевъ были бы избѣгнуты, еслибъ арміи и населенію воюющихъ государствъ были въ точности извѣстны законы войны [1]).

[1]) См. развитіе этихъ аргументовъ въ моемъ соч.: Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 47 и слѣд. Срав. Holtzendorff. Handbuch des Völkerrechts § 36.

Но мы согласны, что кодификація международнаго права есть до такой степени сложное и трудное дѣло, что едва ли может быть выполнено удачно силами единичнаго лица. По крайней мѣрѣ, предпринятыя попытки убѣждаютъ, что даже выдающіеся и опытные въ законодательныхъ работахъ юристы, какъ Блюнчли и Додлей-Фильдъ, не въ состояніи были справиться съ этой задачей. Для ея разрѣшенія необходимо соединеніе научныхъ юридическихъ силъ, и въ виду того, что международное право вырабатывается культурною жизнью различныхъ народовъ, желательно, чтобы къ общему труду были привлечены ученые представители всѣхъ образованныхъ націй. Съ этой точки зрѣнія представляется весьма желательнымъ учрежденіе въ различныхъ европейскихъ государствахъ частныхъ обществъ съ цѣлью изученія вопросовъ международнаго права. Если между такими обществами поддерживается постоянная связь, если они совокупными силами и дружно будутъ дѣйствовать на общественное мнѣніе цивилизованныхъ народовъ въ смыслѣ его просвѣтленія и наставленія, въ международныхъ отношеніяхъ навѣрно меньше будутъ господствовать невѣжество и темныя силы, ничего общаго не имѣющія съ дѣйствительными интересами народовъ. Въ настоящее время существуютъ подобнаго рода ассоціаціи. Въ Гентѣ, въ 1873 г., былъ основанъ Институтъ международнаго права изъ ученыхъ разныхъ государствъ, съ цѣлью содѣйствовать коллективными силами его членовъ прогрессу и постепенной кодификаціи международнаго права [1]).

[1]) Вотъ извлеченіе изъ статутовъ Института международнаго права:

Art. 1. „L'Institut de droit international est une association exclusivement scientifique et sans caractère officiel. Il a pour but de favoriser le progrès du droit international: 1) en travaillant à formuler les principes généraux de la science, de manière à répondre à la conscience juridique du monde civilisé; 2) en donnant son concours à toute tentative sérieuse de codification graduelle et progressive du droit international; 3) en poursuivant la consécration officielle des principes qui auront été reconnus comme étant en harmonie avec les besoins des sociétés modernes“...

Art. 3. „L'Institut se compose de membres, d'associés et de membres honoraires“.

Art. 4. „L'Institut choisit ses membres parmi les hommes de diverses nations qui ont rendu des services au droit international, dans le domaine de la théorie ou de la pratique“. См. Annuaire de l'Institut de droit international 1879—1880.

Нѣтъ сомнѣнія, что кодификація началъ положительнаго международнаго права составляетъ именно ту задачу, въ разрѣшеніи которой Институтъ международнаго права можетъ принести наибольшую пользу. Выражая свое безпристрастное мнѣніе о томъ или другомъ спорномъ международномъ вопросѣ, онъ можетъ дѣйствительно служить выразителемъ „правовой совѣсти" цивилизованнаго міра, и нравственный его авторитетъ никѣмъ не будетъ оспариваемъ. Всѣ главнѣйшіе и наиболѣе замѣчательные труды Института исключительно относятся къ области кодификаціи.

На различныхъ ежегодныхъ собраніяхъ Института имъ были совершены, между прочимъ, слѣдующія кодификаціонныя работы: уставъ для третейскаго разбирательства международныхъ споровъ; проектъ конвенціи относительно основныхъ принциповъ международнаго частнаго права; проектъ конвенціи относительно правилъ объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ; проектъ международнаго призоваго устава и мн. др.

Безспорно наиболѣе замѣчательными и современными представляются постановленія Оксфордскаго собранія Института (1880 г.) относительно правилъ о выдачѣ преступниковъ и составленное на этомъ же собраніи „Руководство къ законамъ сухопутной войны". Наконецъ, если еще прибавить, что Институтъ, на собраніи своемъ въ Гаагѣ въ 1875 г., высказался самымъ энергическимъ образомъ за дѣло кодификаціи законовъ войны, предпринятое Россіей на Брюссельской конференціи, то нельзя не заключить, что это компетентное общество наиболѣе извѣстныхъ современныхъ представителей науки международнаго права находитъ кодификацію началъ международнаго права не только возможною, но даже посвящаетъ этой именно задачѣ почти все свое вниманіе и труды.

Учрежденная въ 1873 году „Association pour la réforme et la codification du droit international" преслѣдуетъ отчасти тѣже цѣли, какъ Институтъ; членами ея могутъ быть всѣ интересующіеся вопросами международнаго права. Никакого умственнаго ценза не полагается.

Наконецъ, въ 1880 году учреждено въ С.-Петербургѣ русское „Общество международнаго права", также поставившее себѣ цѣлью „покровительствовать всѣмъ попыткамъ кодификаціи принциповъ международнаго права".

Институтъ неоднократно высказывалъ положеніе, что ни дипломатическіе переговоры, ни единичные труды юристовъ не въ состояніи служить выраженіемъ просвѣщенной совѣсти цивилизованныхъ народовъ, потому что отдѣльные ученые юристы слишкомъ часто увлекаются своими личными симпатіями и чувствомъ узкаго, хотя и законнаго патріотизма; между тѣмъ какъ дипломаты и практическіе государственные дѣятели по необходимости разсматриваютъ всѣ международныя отношенія съ точки зрѣнія исключительной пользы и политическихъ видовъ конкретнаго государства.

Институтъ международнаго права, усматривая именно въ кодификаціи международныхъ законовъ главнѣйшую свою задачу, поставилъ себѣ цѣлью сообщаемыми на усмотрѣніе всѣхъ европейскихъ правительствъ проектами органическихъ международныхъ актовъ вызвать въ государствахъ сознаніе необходимости вступить на путь правительственной кодификаціи.

Надѣемся, что эта высокая цѣль будетъ достигнута въ недалекомъ будущемъ.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

Глава первая.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНАГО ОБЩЕНІЯ.

I. Понятіе и опредѣленіе права международнаго общенія.

§ 45. Большинство представителей международнаго права до настоящаго времени держится еще того взгляда, что права и обязанности, принадлежащія государствамъ въ области внѣшнихъ отношеній, имѣютъ своимъ единственнымъ основаніемъ суверенитетъ, взаимную самостоятельность и независимость государствъ. Мы отказываемся отъ этой точки зрѣнія, ибо логически она приводитъ къ неразрѣшимой правовымъ образомъ коллизіи законодательствъ и интересовъ отдѣльныхъ народовъ.

Идея государственнаго суверенитета указываетъ только на то, что государство есть самобытная юридическая личность; она не даетъ возможности выяснить, въ какихъ отношеніяхъ находятся государства другъ къ другу, какія обязанности и права соединяютъ ихъ между собою. Съ точки зрѣнія самодержавія государства, понятна вражда и непріязнь, которая обыкновенно раздѣляетъ существующіе замкнутые въ себя народы. Но нельзя представить себѣ въ подобномъ первобытномъ состояніи ни одно современное цивилизованное государство. Постоянныя сношенія, въ которыхъ находятся образованные народы, заставляютъ послѣдніе взаимно ограничивать без-

условное примѣненіе своего самодержавія ради достиженія общими силами тѣхъ благъ, которыя выходятъ за предѣлы средствъ или вѣдомства территоріальной государственной власти. Другими словами, необходимость мирной и устроенной международной жизни государствъ вытекаетъ изъ необходимости ихъ международныхъ сношеній и оборотовъ; порядокъ и право въ этой области зиждутся на международномъ общеніи, а не на суверенности государствъ.

Международное общеніе есть свободный союзъ государствъ для достиженія общими дѣйствіями полнаго развитія своихъ силъ и удовлетворенія своихъ разумныхъ потребностей. Совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ осуществленіе идеи международнаго общенія, составляетъ право международнаго общенія; это есть международное право [1]).

Международное общеніе необходимо въ виду цѣли государства. По своему разумному назначенію государство должно способствовать всѣмъ своимъ могуществомъ всестороннему развитію своихъ подданныхъ. Ни одно государство не будетъ имѣть всѣ средства исполнить это свое призваніе, ограничиваясь только сферою внутренней своей жизни. Для возможно полнаго преуспѣянія, собственнаго и своихъ гражданъ, государства должны входить въ сношенія другъ съ другомъ, искать недостающія имъ средства въ предѣлахъ чужихъ владѣній и съ своей стороны оказывать помощь каждому народу въ достиженіи имъ его законныхъ цѣлей. Въ осуществленіи своихъ жизненныхъ задачъ государства зависятъ другъ отъ друга. Степень ихъ взаимной зависимости опредѣляется степенью ихъ культурнаго развитія и гражданственности. Чѣмъ многосложнѣе и разнообразнѣе потребности народа, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ международныхъ

[1]) Mohl. Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Völkerrechts. (Staatsrecht, Völkerrecht und Politik, Bd. I, S. 579. ff.). — Kaltenborn. Kritik, S. 298. Van Kriecken. Ueber die Begriffe Gesellschaft, Gesellschaftsrecht und Gesellschaftswissenschaft. (Grünhut's Zeitschrift, 1883, S. 34 — 74). Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882, S. 91 u. flg. Особеннаго вниманія заслуживаютъ соображенія этого автора о международномъ общеніи. Срав. также Zaleski. Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft. Dorpat 1866. Капустинъ. Международное право, §§ 5 — 9.

сношеніяхъ; чѣмъ лучше государство сознаетъ свою цѣль, тѣмъ дѣятельнѣе будетъ поддерживать международные обороты. Только въ международномъ общеніи государства могутъ осуществить одушевляющую ихъ идею и жизненное свое назначеніе.

Вступая въ международныя сношенія, каждое государство естественно представляетъ самостоятельные интересы, правовыя понятія, нравственныя воззрѣнія, вообще культуру своего народа. Оно входитъ въ общество государствъ со всею совокупностью тѣхъ присущихъ ему особенныхъ чертъ, въ которыхъ выражается его внутренняя, личная, національная жизнь. Международное общеніе не уничтожаетъ индивидуальности народовъ. Напротивъ, именно здѣсь они приходятъ къ сознанію своихъ особенностей, своей національной самобытности. Подобно тому какъ отдѣльное физическое лицо только въ обществѣ съ другими лицами проникается пониманіемъ свойственныхъ ему личныхъ способностей и силъ, такъ конкретный народъ получаетъ средства самопознанія въ международномъ общеніи. Путемъ постоянныхъ сношеній съ другими народами онъ приходитъ къ уразумѣнію своего индивидуальнаго характера, своихъ силъ, своихъ недостатковъ, своихъ законныхъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, словомъ, вполнѣ вырабатываетъ свою личность [1]).

Поэтому, разсматривая государства, какъ субъектовъ международнаго права, не отдѣльно, самихъ по себѣ, отвлеченно, но въ общеніи другъ съ другомъ, какъ членовъ „международнаго союза" или „международной ассоціаціи", мы не приписываемъ этому общенію характера всемірнаго государства (Weltstaat или civitas maxima Вольфа). Международное общеніе есть свободное общество народовъ, соединенныхъ солидарностью извѣстныхъ своихъ интересовъ и стремленій. Оно не только не отмѣняетъ, но даетъ высшую санкцію независимости отдѣльныхъ государствъ. Безъ существованія международнаго общенія, такія государства, какъ Бельгія, Швейцарія, Голландія или Данія, были бы немыслимы. Незначительныя въ политиче-

[1]) Срав. Treitschke. Gesellschaftswissenschaft, S. 63. — Каченовскій. Курсъ международнаго права, I, стр. 13 и слѣд.

скомъ отношеніи, они не сохранили бы національной независимости отъ посягательствъ великихъ державъ. Если же въ настоящее время они признаются полноправными членами международнаго общества, а Швейцарія и Бельгія даже объявлены вѣчно нейтральными, то безъ всякаго сомнѣнія потому, что современные образованные народы сознаютъ себя членами единаго международнаго общенія, въ которомъ всѣ они одинаково нуждаются для полнаго развитія своей самоличности.

По своему существу это общеніе ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого человѣческаго общества: оно основывается на соединеніи государствомъ собственной своей цѣли съ пользою и интересомъ другихъ государствъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ члены международнаго союза самостоятельны и равноправны. Идеальный порядокъ ихъ взаимныхъ отношеній установится тогда, когда каждый народъ будетъ проникнутъ убѣжденіемъ, что международное общеніе существуетъ для государства и государство для международнаго общенія.

II. Развитіе идеи международнаго общенія.

§ 46. Развитіе идеи международнаго общенія есть собственно исторія международныхъ отношеній вообще и каждаго цивилизованнаго народа въ особенности. Она показываетъ, что народы уже давнымъ давно находились между собою въ сношеніяхъ, но общеніе международное выработалось только въ новѣйшее время.

Ни въ древности, ни въ средніе вѣка не существовало общества государствъ, потому что у народовъ этого времени не было сознанія необходимости взаимной помощи и организованнаго обмѣна продуктовъ умственнаго труда и промышленной дѣятельности, не было сознанія объ общемъ правѣ, регулирующемъ международныя отношенія. Это сознаніе зародилось и развилось въ условіяхъ современной международной жизни. Оно нашло опору въ особенности въ широкомъ развитіи матеріальныхъ интересовъ народовъ и вызванныхъ ими меж-

дународныхъ торговыхъ оборотахъ, достигшихъ огромныхъ размѣровъ въ новое время.

Но какъ ни важны сами по себѣ экономическіе интересы и отношенія, соединяющіе современные народы, они являются только однимъ изъ факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ установилось международное общеніе. Послѣднее есть результатъ всей культуры и цивилизаціи образованныхъ государствъ. Оно выработалось сознаніемъ, все болѣе и болѣе укрѣпляющимся въ народахъ, объ общности самыхъ разнообразныхъ стремленій и потребностей человѣческой жизни, какъ личной, такъ и общественной и государственной у разныхъ народовъ, неудовлетворяемыхъ вполнѣ въ границахъ и собственными средствами отдѣльныхъ государствъ. Поэтому въ основаніи международнаго общенія лежатъ не только хозяйственная дѣятельность и торговыя сношенія народовъ, но совокупность всѣхъ соціальныхъ интересовъ, которые соединяютъ цивилизованныя государства другъ съ другомъ.

Доказательствомъ этого служитъ уже извѣстный намъ фактъ, что международное общеніе обнимаетъ собою только народы европейской цивилизаціи, которая, какъ справедливо говоритъ Гизо, отличается такимъ же разнообразіемъ своихъ идеаловъ, стремленій и сторонъ, какъ и весь окружающій европейскіе народы внѣшній міръ [1]). Всѣ эти различныя стремленія, духовныя и матеріальныя, отличаютъ европейскія образованныя государства отъ восточныхъ и мусульманскихъ народовъ; вмѣстѣ взятыя, они составляютъ тотъ цементъ, который связываетъ эти государства, и только ихъ, въ одинъ международный союзъ.

Отсюда слѣдуетъ, что необходимое условіе прогресса международнаго общенія заключается въ усвоеніи и развитіи государствами всѣхъ основныхъ элементовъ европейской цивилизаціи и культуры. Размѣръ участія каждаго народа въ международномъ общеніи всегда соотвѣтствуетъ степени его просвѣщенія и гражданственности. Если соціальная и государственная жизнь народа достигла высокой степени процвѣтанія, если она не встрѣчаетъ препятствій ни въ гнетѣ

[1]) Guizot, Histoire de la civilisation, p. 3.

политическаго произвола, ни въ всепоглощающемъ вліяніи религіозныхъ воззрѣній, ни въ обскурантизмѣ общества, то такой народъ всегда проникнется сознаніемъ необходимости не только обмѣна произведеній природы и своего труда съ другими народами, но и взаимной помощи народовъ во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности. Только при этомъ условіи могли установиться тѣ разнообразныя международныя сношенія и отдѣльныхъ лицъ, и общественныхъ классовъ, и цѣлыхъ народовъ, которыя происходятъ въ настоящее время среди союза государствъ христіанской или европейской образованности. Для народовъ нецивилизованныхъ идея международнаго общенія непонятна.

Иллюстраціей этого положенія могутъ служить первоначальныя отношенія Россіи къ европейскимъ народамъ. Какъ мы видѣли, русское государство находилось въ сношеніяхъ съ иностранцами уже съ начала XIII ст. Москва заключала трактаты, отправляла и принимала посольства, дозволяла Англичанамъ и Голландцамъ торговать въ Россіи и т. д. Но было бы ошибочно на этомъ основаніи считать Московское государство членомъ международнаго общенія и утверждать, что русскій народъ и его правительство понимали уже въ то время необходимость международныхъ оборотовъ и сношеній съ западными державами. Внѣшнія отношенія Россіи той эпохи были фактическія; по своимъ культурнымъ условіямъ, соціальному и политическому строю Москва дѣлала невозможными постоянныя и правильныя сношенія съ европейскими народами па началахъ равенства и взаимности. Такія сношенія начались не ранѣе царствованія Петра Великаго и только при Екатеринѣ II получили твердую почву. Что же мы видимъ?

Чѣмъ болѣе въ русскомъ правительствѣ и народѣ укрѣпляется желаніе быть дѣйствительно членомъ международнаго общенія, тѣмъ болѣе они стараются пользоваться историческимъ опытомъ и плодами трудовъ европейскихъ государствъ. Русское правительство отказывается отъ притязанія, заявляемаго Москвой, быть признаннымъ выше и лучше всѣхъ другихъ государствъ. Русскій народъ

уже не страшится, какъ въ былое время, что Русскіе, отправляющіеся за границу, „узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять“. Напротивъ, онъ приходитъ къ сознанію своихъ недостатковъ, своей отсталости, своего невѣжества, проникается самосознаніемъ и стремится достигнуть уровня гражданской жизни и культуры, на которомъ стоятъ другіе, болѣе его просвѣщенные народы.

III. Основныя начала права международнаго общенія.

§ 47. Международное общеніе есть основаніе всего международнаго правового порядка. Основныя начала права, нормирующаго международныя отношенія, вытекаютъ изъ задачи и цѣли международнаго общенія.

Международное общеніе имѣетъ своею задачей служить удовлетворенію разумныхъ жизненныхъ потребностей своихъ членовъ, какъ цѣлыхъ государствъ, такъ и общественныхъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ. Его цѣль заключается въ устройствѣ такого международнаго правового порядка, который обезпечивалъ бы мирное и всестороннее развитіе народовъ подъ условіемъ полнаго уваженія ихъ національныхъ интересовъ.

Возможенъ ли такой порядокъ? Не будутъ ли интересы одного народа непремѣнно сталкиваться съ законными потребностями другихъ народовъ? Существованіе современнаго международнаго общенія доказываетъ, что такой порядокъ возможенъ: онъ добытъ жизненнымъ опытомъ народовъ и основывается на сознанной необходимости уважать чужіе интересы, чтобъ обезпечить уваженіе къ своимъ собственнымъ.

На основаніи задачи и цѣли международнаго союза государствъ основныя начала права международнаго общенія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Международное общеніе есть правовой порядокъ между народами, долженствующій обезпечивать самостоятельность и полное развитіе каждаго государства въ связи съ правами и интересами

другихъ. Въ немъ нѣтъ верховной власти, которая распоряжалась бы судьбами принадлежащихъ къ нему народовъ и указывала бы имъ жизненныя цѣли и средства къ ихъ достиженію.

2) Каждое государство прежде всего обязано имѣть въ виду собственную пользу и охранять всѣми силами неприкосновенность своей самодержавности, ибо оно вступаетъ въ общеніе ради лучшаго удовлетворенія своихъ интересовъ и полнаго развитія національной самобытности. Международное общеніе противорѣчило бы цѣли своего существованія, еслибъ не обезпечивало выгоды, благо своихъ членовъ и полную ихъ независимость.

3) Поэтому государство не обязано нужныя ему самому матеріальныя средства расходовать на общую пользу международнаго союза. Это совершенно понятно въ виду того, что подданные жертвуютъ свои силы и свое имущество на непосредственныя нужды своей страны, а не для другихъ народовъ. Но этотъ принципъ нисколько не отмѣняетъ международнаго общенія, основаннаго на идеѣ взаимной помощи и содѣйствія, потому что только подъ условіемъ удовлетворенія собственныхъ потребностей могутъ быть удовлетворяемы нужды другихъ.

4) Международное общеніе обнимаетъ не одни государства, но распространяется на общественные классы и отдѣльныя лица.

5) Вся международная дѣятельность (управленіе) государствъ во время мира и войны мыслима и цѣли ея достижимы только при существованіи международнаго общенія.

6) Взаимное соглашеніе между государствами представляется наилучшимъ средствомъ для выясненія правъ, обязанностей и задачъ членовъ международнаго общенія [1]).

IV. Основныя задачи международнаго общенія.

§ 48. Международное общеніе, какъ мы сказали, должно служить удовлетворенію разумныхъ жизненныхъ потребностей своихъ членовъ. Различные интересы, удовлетвореніе которыхъ предпола-

[1]) Сравн. Seebohm. De la réforme du droit des gens. Paris 1873, p. 35 et ss. Mohl, loc. cit., S. 593 ff.

гаетъ взаимную помощь и содѣйствіе государствъ, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ группамъ, соотвѣтствующимъ троякаго рода субъектамъ, которые являются дѣятелями въ области международныхъ отношеній. Предметомъ международной дѣятельности государствъ, какъ членовъ международнаго союза, могутъ быть во 1-хъ, задачи, относящіяся къ вѣдомству государственной власти каждаго народа; во 2-хъ, тѣ цѣли, которыя преслѣдуютъ въ международной области различныя общественныя группы, существующія въ государствахъ; наконецъ, въ 3-хъ, интересы экономическіе и духовные отдѣльныхъ лицъ, подданныхъ государствъ.

Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ задачъ, лежащихъ на государствахъ, какъ членахъ международнаго общенія.

А. Въ области взаимныхъ государственныхъ отношеній.

Международное общеніе проявляетъ свое дѣйствіе во всѣхъ функціяхъ верховной власти, осуществляемыхъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ.

а) Въ сферѣ законодательства.

Вліяніе международнаго общенія на внутреннее законодательство государствъ огромно, хотя не всегда признается. Внутреннее право каждаго государства, законодательное и обычное, обыкновенно разсматривается, какъ лучшее свидѣтельство національной индивидуальности даннаго народа, какъ выраженіе самобытной народной жизни. Не есть ли положительное право каждаго народа результатъ исключительно его правосознанія? Какимъ же образомъ можно говорить о взаимномъ воздѣйствіи чуждыхъ другъ другу народовъ въ такой по преимуществу личной и самостоятельной дѣятельности каждаго государства, какъ законодательная?

Между тѣмъ положительные факты доказываютъ, что современныя государства могутъ удовлетворительно разрѣшить задачи внутренняго законодательства не иначе, какъ сознавая себя членами международнаго союза. Они необходимо должны принимать во вни-

маніе разнообразные международные обороты, въ которыхъ участвуютъ и они сами, и ихъ подданные; они должны регулировать законодательнымъ образомъ тѣ интересы, которые преслѣдуются во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ. Вотъ почему вліяніе международнаго общенія особенно рельефно обнаруживается на законодательствѣ тѣхъ государствъ, которыя наиболѣе чутко относятся къ законнымъ потребностямъ своихъ подданныхъ, которыя понимаютъ международныя сношенія, какъ орудіе культурнаго развитія народа.

Замѣчательный примѣръ этого вліянія представляетъ новѣйшее законодательство Итальянскаго королевства. Гражданское уложеніе, изданное въ Италіи въ 1865 г., является замѣчательной попыткой изложить въ отдѣльныхъ постановленіяхъ закона тѣ начала международнаго частнаго права, которыя вытекаютъ изъ принципа международнаго общенія и основывались прежде на теоріи юристовъ и судебной практикѣ. Эти начала были приняты законодателями Италіи ради обезпеченія развивающихся международныхъ ея сношеній, какъ начала, совершенно согласныя съ интересами и воззрѣніями итальянскаго народа.

Насколько международныя отношенія могутъ измѣнять исторически и самобытно сложившіяся правовыя нормы, показываетъ современное англійское законодательство. Въ теченіе многихъ столѣтій въ Англіи господствовалъ взглядъ, что англійскій подданный никогда не можетъ выйти изъ ея подданства; что „разъ подданный—всегда подданный“ (Once a subject, always a subject). Такимъ образомъ многія тысячи Англичанъ, эмигрировавшихъ за границу и тамъ натурализованныхъ, продолжая считаться въ Англіи ея законными подданными, въ случаѣ международной войны подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны, иностранцы, какъ бы долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались, въ глазахъ англійскаго законодателя и суда, иностранными подданными. Этотъ противорѣчащій международному общенію взглядъ кореннымъ образомъ измѣнился въ 1870 г., съ изданіемъ парламентскаго акта о натурализаціи, согласно которому всякій Англичанинъ можетъ отказаться отъ подданства Англіи, и иностранцы, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи, могутъ пріобрѣсти всѣ гражданскія и политическія права Англичанъ[1]). Далѣе, законъ 1870 г.

---

[1]) Cutler. The law of naturalization as amended by the Naturalization Acts 1870. London 1871.

относительно условій заключенія англійскою исполнительною властью картельныхъ конвенцій, до того времени весьма стѣснительныхъ, также служитъ доказательствомъ благотворнаго вліянія, которое оказываютъ международныя сношенія на устарѣлыя юридическія возрѣнія англійскаго правительства и народа[1]).

Развитіе всего швейцарскаго законодательства съ 1848 г. до настоящаго времени нельзя понять, разсматривая его исключительно съ точки зрѣнія условій внутренней жизни Швейцаріи. Такъ, пересмотръ швейцарской конституціи въ 1876 г., повлекшій къ усиленію союзной власти надъ автономіей кантоновъ, значительно обязанъ своимъ успѣхомъ международнымъ отношеніямъ. Они требовали, чтобы Швейцарія, какъ полноправный членъ международнаго общенія, дѣйствительно имѣла возможность исполнять свои обязанности въ отношеніи другихъ государствъ, а для этого было необходимо, чтобы Союзный Совѣтъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ международныя сношенія Союза съ ограниченіемъ въ этомъ отношеніи правъ отдѣльныхъ кантоновъ[2]).

Другія государства представляютъ не менѣе примѣровъ законодательныхъ актовъ, вызванныхъ потребностями международной жизни. Укажемъ на русскій законъ 10 февраля 1864 г. о принятіи иностранцевъ въ русское подданство, изданный въ виду необходимости дать опредѣленное юридическое положеніе иностранцамъ, которые находятся въ Россіи и занимаются здѣсь мирною, промышленною или торговою дѣятельностью[3]). Постановленія нашего Устава гражданскаго судопроизводства относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ (ст. 1273 и слѣд.) являются вполнѣ отголоскомъ законодательныхъ постановленій и возрѣній судебной практики, существующихъ по этому вопросу въ другихъ образованныхъ государствахъ.

Вообще новѣйшіе кодексы вырабатываются въ современныхъ государствахъ на основаніи сравнительнаго изученія законодательствъ различныхъ цивилизованныхъ народовъ, потому что послѣдніе проникнуты болѣе или менѣе одинаковыми правовыми возрѣніями, выясненіе которыхъ составляетъ главную задачу законодательной дѣятельности.

Но вліяніе международнаго общенія на законодательство государствъ не исчерпывается приведенными случаями. Общіе международные интересы, въ особенности торговые, составляющіе предметъ

---

1) Срав. Renault. Etude sur l'extradition en Angleterre. Paris 1879.

2) Срав. Annuaire de législation étrangère, t. VI, p. 537 et suiv.; t. VII, p. 568 et suiv.

3) Св. законовъ, т. IX, ст. 1010 и слѣд. Срав. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права, т. I, стр. 206 и слѣд.

*

постоянныхъ сношеній и сдѣлокъ между подданными различныхъ государствъ, вызвали попытки ввести общее международное законодательство по тѣмъ вопросамъ, которые наиболѣе часто возникаютъ въ сферѣ международныхъ, въ особенности коммерческихъ оборотовъ. Настоятельность въ подобномъ законодательствѣ особенно сильно чувствовалась въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ, состоявшемъ изъ множества независимыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особые законы. Съ цѣлью облегчить сношенія между взаимными ихъ подданными были изданы въ 1848 г. Общегерманскій вексельный уставъ, а затѣмъ и Общегерманское торговое уложеніе (1861 г.). Въ послѣднее время былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи общеевропейскихъ законовъ, касающихся финансовыхъ и торговыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ подданными разныхъ государствъ. Сюда относится предложеніе германскаго правительства 1878 г., обращенное ко всѣмъ европейскимъ государствамъ, объ изданіи общаго вексельнаго устава. Голландское правительство еще въ 1874 году предложило издать общій законъ относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Оба предложенія были приняты весьма сочувственно большинствомъ державъ.

Въ 1893 году Голландское правительство вновь обратилось къ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ общимъ совѣтомъ выработать основныя начала международнаго частнаго права. Это предложеніе было сочувственнымъ образомъ принято 13-ю европейскими державами, и въ 1893 году состоялась первая конференція въ Гагѣ, а въ 1894 году вторая. На этихъ двухъ конференціяхъ былъ подписанъ актъ, названный Protocole final, въ которомъ содержатся основные принципы относительно дѣйствія законовъ о бракѣ, разводѣ, правѣ наслѣдованія, опекѣ и попечительствѣ, относительно предварительнаго обезпеченія иска и т. д. Хотя Гагскій актъ еще не получилъ обязательной силы международнаго трактата, все-таки его огромное практическое и научное значеніе обнаружится, безъ сомнѣнія, въ ближайшемъ будущемъ и укрѣ-

пится съ каждымъ годомъ, даже помимо санкціонированія его формальнымъ международнымъ соглашеніемъ [1]).

b) Въ сферѣ администраціи.

Внутреннее управленіе есть безспорно та область дѣятельности верховной власти каждаго государства, которая должна быть совершенно свободна отъ вмѣшательства со стороны другихъ государствъ. Но обязанное руководствоваться въ разрѣшеніи задачъ управленія исключительно пользою своихъ подданныхъ, ни одно правительство не обладаетъ достаточными средствами для полнаго удовлетворенія ихъ законныхъ потребностей. Недостающія ему силы оно восполняетъ помощью другихъ государствъ, членовъ международнаго общенія. Союзъ государствъ имѣетъ своей задачей содѣйствовать своимъ членамъ въ удовлетвореніи какъ общихъ имъ всѣмъ административныхъ интересовъ, такъ и конкретныхъ нуждъ управленія данной страны.

Каждое государство должно имѣть тѣ правительственныя учрежденія и органы, въ которыхъ оно нуждается для цѣлей своего управленія. Но по взаимному соглашенію государствъ существуютъ, кромѣ того международныя административныя учрежденія, съ компетенціей и средствами дѣйствія, отдѣльными отъ мѣстной территоріальной власти. Эти совершенно самостоятельныя учрежденія вызваны убѣжденіемъ заинтересованныхъ государствъ, что своими правительственными органами и властью они не въ состояніи разрѣшить различныя задачи, которыя имѣютъ международное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятся разумными интересами собственныхъ ихъ подданныхъ. Въ виду этого они отказываются отъ осуществленія административныхъ своихъ правъ, которыя прежде разсматривались, какъ неотъемлемая регалія каждаго независимаго государства, или же они бываютъ вынуждены, подъ давленіемъ другихъ правительствъ, признать существованіе какого нибудь устроеннаго международнаго учрежденія.

[1]) Постановленія Гагской конференціи обнародованы Голландскимъ правительствомъ подъ заглавіемъ: Actes de la Conférence de La Haye chargée de réglementer diverses matières de Droit international privé. La Haye 1893 et 1894.

Къ числу международныхъ органовъ администраціи принадлежала Рейнская судоходная коммисія, учрежденная въ 1831 г. и преобразованная въ 1868 г. Она имѣла не только чисто административныя задачи, но и судебныя права[1]). Въ 1856 г. были учреждены Дунайская европейская коммисія и коммисія судоходства по Дунаю прибрежныхъ государствъ. Первая имѣетъ свой собственный флагъ, который покрываетъ неприкосновенностью какъ служебный персоналъ коммисіи, такъ и зданія и имущества, ей принадлежащія; она пользуется различными полицейскими правами, можетъ осматривать всѣ суда, плавающія по Дунаю, налагать взысканія, взимать съ нихъ опредѣленную пошлину и т. д.[2]). Телеграфное и почтовое бюро („международные секретаріаты") въ Бернѣ учреждены для поддержанія единства въ условіяхъ эксплуатаціи почтовой и телеграфной регаліи всѣхъ государствъ, приступившихъ къ международному почтовому и телеграфному союзамъ. Къ международнымъ административнымъ учрежденіямъ относятся также отчасти Женевскій „комитетъ для помощи раненымъ воинамъ", затѣмъ Парижская метрическая коммисія, Константинопольская санитарная инспекція и другія учрежденія, дѣйствующія на основаніи особыхъ международныхъ соглашеній, которыя ихъ создали[3]).

Въ особенности же необходима международная помощь государствамъ въ исполненіи различныхъ положительныхъ задачъ администраціи, находящихся въ вѣдѣніи собственныхъ ихъ органовъ. Перечислить эти задачи нѣтъ никакой возможности. Въ каждой отрасли управленія—въ сферѣ духовной, физической, экономической жизни народовъ—возникаютъ вопросы, которые требуютъ для своего разрѣшенія участія членовъ международной ассоціаціи, ихъ помощи и содѣйствія.

Государство не исполнило бы своего назначенія относительно духовнаго развитія своихъ подданныхъ, еслибъ замкнуло свою территорію для доступа образовательныхъ средствъ, научныхъ идей, произведеній художественной дѣятельности иностранныхъ народовъ, еслибъ оно запретило посѣщать учебныя заведенія другихъ государствъ или участвовать въ научныхъ международныхъ конгрессахъ.

---

[1]) Martens et Cussy. Recueil manuel des traités, t. IV, p. 271.

[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. II, № 160 (стр. 751).

[3]) Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. II, № 174 (стр. 1050).—Moynier. Etude sur la convention de Genève. (Paris 1870). Block. Dictionnaire politique, v. Régime sanitaire, t. II, p. 808.

Регулированіе переселеній, борьба съ эпидеміями и падежами, мѣры противъ голода и другихъ физическихъ бѣдствій получаютъ силою вещей международный характеръ. Чѣмъ сильнѣе развивается промышленная жизнь народа, тѣмъ настоятельнѣе ея обезпеченіе международными трактатами и учрежденіями[1]).

Наконецъ, цивилизованные народы нуждаются въ международныхъ сношеніяхъ даже для возможности сохранить свое самостоятельное политическое бытіе. То правительство, которое не слѣдило бы за изобрѣтеніями и усовершенствованіями въ области военной техники и искусства, вводимыми въ другихъ государствахъ, и не пользовалось бы ими, лишило бы свою страну необходимыхъ средствъ обороны. Китаизмъ приводитъ не только къ пагубному застою во всѣхъ сферахъ жизни, но и къ опасности потерять національную независимость.

с) Въ области судебной власти.

Взаимная помощь государствъ въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго суда съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Съ точки зрѣнія суверенитета государственной власти она опять необъяснима и не должна имѣть мѣста; она понятна и законна, только какъ выраженіе идеи международнаго общенія. Въ самомъ дѣлѣ, если установленіе и отправленіе правосудія составляютъ ближайшую задачу самодержавія государства, то, съ другой стороны, усиливающіеся международные сношенія и обороты все болѣе требуютъ отъ него уступокъ и услугъ въ судебныхъ дѣлахъ на пользу другихъ государствъ. Ни одно современное государство не въ состояніи собственными силами охранить уваженіе къ праву и порядку внутри страны; это—задача международнаго общенія. Никакой мѣстный судъ не можетъ руководствоваться только территоріальными законами и ограничиваться разрѣшеніемъ только тѣхъ тяжбъ, которыя возникаютъ между туземными подданными. Столкновеніе національныхъ законодательствъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, весьма нерѣдкое

[1]) Развитіе этихъ идей см. въ части особенной, главу II и слѣд.

въ современной судебной практикѣ, не разрѣшимо иначе, какъ на основанiи началъ международнаго права.

Въ области гражданскаго правосудiя современныя государства считаютъ себя обязанными признавать законно существующими тѣ юридическiя отношенiя, которыя установились на основанiи и въ предѣлахъ дѣйствiя иностраннаго законодательства. Въ случаѣ споровъ, касающихся этихъ отношенiй, территорiальная судебная власть руководствуется началами не только отечественнаго, но и иностраннаго права. Начало взаимнаго признанiя и общенiя особенно обнаруживается въ соглашенiяхъ между государствами относительно исполненiя рѣшенiй иностранныхъ судовъ.

Охраненiе юридическаго порядка посредствомъ карательной власти во многихъ случаяхъ требуетъ совмѣстнаго дѣйствiя государствъ. Для открытiя преступника или для доказательства его вины часто бываетъ необходимо просить иностранные суды объ отобранiи ими свидѣтельскихъ показанiй или констатированiи извѣстныхъ фактовъ. Затѣмъ, виновное лицо, совершившее преступленiе въ одномъ государствѣ, можетъ укрыться на территорiи другого; тогда возбуждаются переговоры о его выдачѣ, условiя которой составляютъ предметъ картельныхъ конвенцiй, заключаемыхъ государствами.

В. Въ области общественныхъ интересовъ.

§ 49. Еслибы международное право дѣйствительно основывалось на обсолютной самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, то не могло бы и возникнуть вопроса о взаимныхъ ихъ обязанностяхъ въ отношенiи различныхъ обществъ, которыя существуютъ въ ихъ предѣлахъ. Эти общества не имѣли бы международнаго значенiя; ихъ дѣятельность касалась бы только того государства, въ которомъ они организовались. Но мы имѣли уже случай неоднократно указывать на дѣйствительную роль, которую играютъ соцiальные интересы въ развитiи международныхъ сношенiй. Понятно само собой, что въ качествѣ могущественныхъ факторовъ международнаго общенiя, общественныя группы должны находить содѣйствiе и уваженiе къ своимъ

интересамъ со стороны всѣхъ образованныхъ государствъ. Право международнаго общенія опредѣляетъ, какія общественныя группы могутъ участвовать въ международныхъ сношеніяхъ, какъ юридическія лица, и въ чемъ заключается та помощь, на которую онѣ въ правѣ расчитывать со стороны иностранной государственной власти.

Цивилизованныя государства, какъ члены международнаго общенія, въ принципѣ, должны признавать законно существующими всѣ тѣ общества, которыя признаются таковыми въ своемъ государствѣ.

На этомъ основаніи никакія общества, товарищества, компаніи, образовавшіяся противъ воли своего правительства, не разрѣшенныя закономъ, вообще не пользующіяся правами юридическихъ личностей въ собственной странѣ, не должны считаться законными союзами и на чужеземной территоріи. Члены подобныхъ обществъ всегда должны оставаться, въ глазахъ иностраннаго правительства, отдѣльными частными лицами; въ противномъ случаѣ, оно явно нарушитъ суверенныя права чужого государства.

Законно существующіе въ государствѣ соціальные группы и классы имѣютъ право на содѣйствіе своимъ интересамъ въ другихъ государствахъ.

Нельзя перечислить тѣ общества, которыя пользуются въ этомъ смыслѣ международнымъ покровительствомъ. Наиболѣе значительными изъ подобныхъ союзовъ являются, безъ сомнѣнія, церкви, существующія во всѣхъ государствахъ. Содѣйствіе, оказываемое ихъ цѣлямъ иноземной властью, часто принимало огромные размѣры, какъ показываетъ, напримѣръ, экспедиція французскихъ войскъ (1848 г.) въ пользу папы. Общества научно-литературныя фактически, или на основаніи международныхъ соглашеній, имѣютъ право принимать мѣры для защиты заграницей интересовъ своихъ членовъ. Другія общества, различныя торговыя компаніи, сословія, цехи, общины также могутъ пользоваться покровительствомъ въ иностранныхъ государствахъ и, какъ признанныя юридическія лица, могутъ владѣть здѣсь имуществомъ, защищать свои права въ судебномъ порядкѣ и проч...

С. Въ области отношеній отдѣльныхъ подданныхъ.

§ 50. Международное общеніе предоставляетъ каждому человѣку право искать удовлетворенія своихъ жизненныхъ и законныхъ потребностей повсюду въ области международныхъ оборотовъ. На этомъ основаніи государства, какъ члены международной ассоціаціи, обязаны не отказывать въ покровительствѣ закона и мѣстныхъ властей ни одному лицу въ предѣлахъ своей территоріи, какого бы государства оно ни было подданнымъ. Мы видѣли уже выше, насколько этотъ принципъ уваженія человѣческой личности самой по себѣ служитъ масштабомъ для распознанія развитія гражданственности государствъ и взаимныхъ ихъ правовыхъ отношеній.

Въ настоящее время образованныя государства обезпечиваютъ въ своихъ предѣлахъ защиту закона и суда для всѣхъ иностранцевъ. Для лучшаго охраненія свободы сношеній и правъ своихъ подданныхъ они заключаютъ другъ съ другомъ трактаты: коммерческіе, консульскіе, о поселеніи и судоходствѣ и т. д. Государства нецивилизованныя, какъ Китай, Японія, Сіамъ и Марокко даже силою оружія принуждаются уважать законные интересы отдѣльныхъ лицъ. Въ случаѣ непризнанія правъ человѣка образованныя правительства предпринимаютъ общія международныя мѣры. О поголовномъ изгнаніи иностранцевъ изъ предѣловъ государства не можетъ быть рѣчи.

Мало того, современныя государства оказываютъ, на основаніи договоровъ или фактически, матеріальную помощь тѣмъ иностранцамъ, которые по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ нуждаются въ ней. Между Россіей и Англіей заключенъ трактатъ (9-го августа 1880 г.) объ охраненіи и выдачѣ наслѣдствъ, оставшихся послѣ мореходцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. На основаніи соглашеній между Австріей и Швейцаріей, Швейцаріей и Франціей и другими державами, взаимные подданные договаривающихся сторонъ, впавшіе въ бѣдность, получаютъ помощь отъ мѣстной госу-

дарственной казны[1]). Но и помимо договоровъ современные народы считаютъ себя связанными обязанностью взаимной матеріальной помощи, и въ случаѣ войны, наводненія, пожаровъ, голода и другихъ бѣдствій спѣшатъ облегчить нужду пострадавшихъ, жертвуя свой трудъ и свои средства на общечеловѣческое дѣло.

V. Организація международнаго общенія.

§ 51. Необходимость организаціи международнаго общенія вытекаетъ изъ самаго существа союза, ассоціаціи народовъ. Если государства сознаютъ себя связанными общностью извѣстныхъ интересовъ, въ качествѣ членовъ международнаго общенія, если участвуя въ международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, державы проявляютъ свою волю, принимаютъ рѣшенія и дѣйствуютъ, то должно заключить, что онѣ сами чувствуютъ потребность измѣнить фактическое общеніе, ихъ соединяющее, въ формальный юридическій порядокъ.

Международное общеніе не имѣло бы смысла, еслибы взаимныя отношенія государствъ представляли состояніе дикости (état sauvage — Руссо). Но обладая всѣми свойствами правового порядка, общество государствъ не знаетъ и не нуждается въ постоянной организованной международной власти. Оно остается и, по существу своему, должно быть свободной ассоціаціей независимыхъ государствъ, основанной на полномъ уваженіи индивидуальности каждаго народа и опредѣляемой началами международнаго права. Въ основаніи его лежитъ начало независимости государствъ. Его органами служатъ международные конгрессы и конференціи; у него нѣтъ, какъ у государства, органовъ законодательной, исполнительной и судебной власти.

Поэтому попытки организовать международное общеніе въ смыслѣ государственномъ, въ формѣ всемірной монархіи или всемірной республики, должны были оказаться тщетными. Невѣ-

---

[1]) См. Journal du droit international privé, t. VII, p. 27, 620. — Neumann. Recueil, Nouv. Suite, t. IV, p. 4 et suiv.; t. VIII, p. 254 et suiv.

роятно, чтобъ когда либо международное общеніе организовалось по проектамъ и планамъ, составленнымъ въ различныя времена по аналогіи съ формами государства.

Въ основаніи подобнаго рода проектовъ лежатъ предположенія, осуществленіе которыхъ немыслимо и вовсе нежелательно. Всѣ они предполагаютъ или совершенную передѣлку политической карты Европы, или подчиненіе самостоятельныхъ государствъ общей верховной власти. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни основываются исключительно на идеальныхъ соображеніяхъ, съ полнымъ игнорированіемъ существующаго законнаго порядка вещей; другіе, наоборотъ, исходятъ изъ реальныхъ данныхъ и отчасти принимаютъ во вниманіе основныя условія международнаго общенія. Мы укажемъ на болѣе замѣчательныя попытки того и другого рода.

А. Къ проектамъ международной организаціи перваго рода относятся многочисленные планы, составленные съ цѣлью обезпечить вѣчный миръ.

Такъ, французскій король Генрихъ IV, насколько извѣстно изъ записокъ его министра, герцога Сюлли, думалъ для предупрежденія международныхъ войнъ организовать изъ европейскихъ государствъ одну великую „христіанскую республику“. Въ ея составъ входили 15 государствъ съ значительно измѣненными границами. Франція и Англія расширяли свои владѣнія на счетъ Голландіи. Испанія замыкалась на своемъ полуостровѣ, но получала Португалію. Отъ Австріи отдѣлялись Богемія и Венгрія, какъ независимыя королевства. На сѣверѣ Италіи образовывались изъ различныхъ земель самостоятельная конфедерація. Московское государство и Турція вовсе исключались изъ союза. Всѣми дѣлами республики завѣдывалъ общій совѣтъ, составленный изъ 60 уполномоченныхъ отъ государствъ. Онъ долженъ былъ заботиться не только о мирномъ рѣшеніи споровъ, возникающихъ между христіанскими народами, но и не допускать тираническаго правленія внутри государствъ и защищать терпимость къ католикамъ и протестантамъ. Съ мусульманами должна быть вѣчная война республики до совершеннаго изгнанія ихъ изъ Европы. Кромѣ общаго совѣта, были проектированы еще 6 мѣстныхъ совѣтовъ изъ представителей извѣстнаго числа сосѣднихъ государствъ для обсужденія частныхъ ихъ дѣлъ [1]).

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens, t. X, p. 248 et suiv.; p. 287 et suiv. Срав. Ranke. Französische Geschichte, Bd. II, S. 143 ff. Kügelhaus. Der Ursprung

Въ 1713 году аббатъ Сенъ-Пьеръ представилъ Утрехтскому конгрессу свой проектъ вѣчнаго мира. Какъ и планъ Генриха IV, онъ былъ построенъ на мысли о возможности и пользѣ образованія изъ европейскихъ государствъ, не исключая и Россіи, одной лиги или союза, подобнаго старой Германской имперіи. Общій сеймъ долженъ былъ служить законодательнымъ и судебнымъ органомъ союза и имѣлъ принудительную власть въ отношеніи всѣхъ его членовъ. Послѣдніе никогда не могли противопоставлять свои интересы общему и отдѣляться отъ союза. Взаимныя ихъ права опредѣлялись общею конституціей, измѣненія которой могли быть сдѣланы только по единогласному рѣшенію членовъ сейма. На основаніи ея разрѣшаются частные споры между государствами; но въ вопросахъ объ открывшихся наслѣдствахъ земель сеймъ долженъ руководствоваться началомъ равновѣсія государствъ. Лига служитъ гарантіей противъ завоеваній и внутреннихъ революцій, которыя подавляются вмѣшательствомъ союзныхъ державъ.

Примѣръ Германіи, говоритъ Сенъ-Пьеръ, какъ нельзя лучше доказываетъ, что изложенный планъ не есть утопія. Польза же его несомнѣнна: онъ обезпечиваетъ каждому государю его владѣнія и права и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ всѣ предлоги къ вооруженнымъ столкновеніямъ государствъ. Но очевидно, что предложенная Сенъ-Пьеромъ организація превращаетъ международный союзъ въ государственный; она лишаетъ народы высшаго ихъ блага— ихъ независимости, ихъ права быть собственными распорядителями своихъ судебъ внутри и внѣ государства [1]).

Идеи аббата Сенъ-Пьера развивали Жанъ-Жакъ Руссо и многіе другіе писатели и мыслители XVIII и XIX ст. [2]). Между прочимъ, Бентамъ видѣлъ средство спасенія отъ безпрерывныхъ войнъ въ постоянномъ конгрессѣ депутатовъ европейскихъ державъ, который долженъ рѣшать судебнымъ порядкомъ всѣ международные споры и подвергать исключенію изъ Европейскаго союза всякое государство, неповинующееся приговору конгресса. Для исполненія рѣшенія конгресса каждое государство должно уступить для общаго международнаго войска опредѣленный контингентъ своихъ войскъ. Для предупрежденія войнъ Бентамъ призналъ необходимымъ: 1) сократить число постоянныхъ войскъ и 2) освободить колоніи отъ метрополій [3]).

des Planes vom ewigen Frieden in den Memoiren des Herzogs vom Sully. Berlin 1893. Сравн. также Nys. Les origines du droit international, p. 389 et. suiv.

[1]) Вотъ заглавіе проекта С. Пьера: „Projet de traité conclu pour rendre la paix perpétuelle entre les souverains chrétiens, pour maintenir toujours le commerce entre les nations et pour affermir beaucoup davantage les maisons régnantes sur les trônes". Utrecht 1713, 3 vols. Срав. Molinari. L'abbé de St. Pierre, sa vie et ses oeuvres. Bruxelles 1857.

[2]) См. Wheaton. Histoire des progrès, t. I, p. 329 et ss.

[3]) Bentham's works (ed. Bowring), t. II, p. 546 et ss.

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго столѣтія мысль о федераціи европейскихъ государствъ защищалась Кантомъ и Фаллати[1]). Своеобразныя средства обезпечить „вѣчный миръ" предлагали наши соотечественники—Малиновскій, который доказывалъ, что все зло заключается въ посланникахъ, которыхъ надо уничтожить[2]), и князь Платонъ Зубовъ, написавшій въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія фантастическій проектъ о раздѣлѣ Европы[3]). На основаніи этого проекта вся Европа раздѣляется между 15 государствами. Австрія совершенно упраздняется; между тѣмъ какъ къ Россіи присоединяются вся Германія, Австрія, Данія и Швеція. Между прочимъ столицами первой степени въ Россійской Имперіи должны быть: Петербургъ, Берлинъ, Вѣна, Константинополь, Астрахань и Москва. Города 2-й степени: Гамбургъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ и т. д. Трудно себѣ представить что нибудь болѣе фантастическое.

B. Къ проектамъ второго рода, основаннымъ на реальныхъ данныхъ и болѣе соображающимся съ требованіями дѣйствительности, можно отнести:

a) Попытки устроить всемірную монархію. Къ этой цѣли явно стремились наиболѣе видные представители римско-католической церкви въ средніе вѣка (папа Григорій VII, Иннокентій III и другіе) и нѣкоторые государи, напримѣръ Карлъ V, Людовикъ XIV, Наполеонъ I[4]).

b) Проекты организаціи международнаго общества на началахъ представительства. Въ отличіе отъ приведенныхъ выше плановъ, авторы этихъ проектовъ не требуютъ ни произвольнаго измѣненія и затѣмъ насильственнаго сохраненія разъ установленныхъ границъ государствъ, ни поглощенія независимыхъ народовъ въ конфедераціи, государственномъ союзѣ. Насколько возможно они обращаютъ вниманіе на фактическія и жизненныя условія, не позволяющія связывать государства подобной организаціей, но допускаютъ болѣе свободное соединеніе государствъ съ подчиненіемъ ихъ общеевропейскому конгрессу и международному суду.

---

[1]) Kant's Sämmtliche Werke (Rosenkrantz u. Schubert) XII, 229—291.—Fallati. Die Genesis der Völkergesellschaft въ Zeitschrift für die ges. Staatsw. 1844.

[2]) Его соч.: Разсужденіе о мирѣ и войнѣ. 1803 г.

[3]) Лебедевъ. Графы Никита и Петръ Панины. 1863 г., стр. 301 и слѣд.

[4]) Laurent. Histoire, X, 16.

Таковы проекты Сарторія, Парье, Лоримера, Блюнчли, и одного царствовавшаго монарха.

Швейцарскій ученый Сарторій доказывалъ, что миръ и развитіе цивилизованныхъ народовъ могутъ быть достигнуты только посредствомъ учрежденія всемірной представительной республики [1]).

Парье указалъ на возможность учрежденія международной коммисіи, составленной изъ представителей правительствъ и народныхъ собраній отдѣльныхъ государствъ [2]).

Профессору Эдинбургскаго университета Лоримеру принадлежатъ два проекта. На основаніи перваго (1871 года) уполномоченные государствъ (по два отъ каждаго) собираются ежегодно въ Бельгіи или Швейцаріи и образуютъ конгрессъ, обсуждающій и рѣшающій международные вопросы. Голоса депутатовъ не равны, но соразмѣряются съ реальнымъ значеніемъ и важностью представляемыхъ государствъ. Количество голосовъ, принадлежащихъ каждому государству, опредѣляется числомъ его населенія, величиной чистаго дохода и размѣромъ ввоза и вывоза. Конгрессъ самъ рѣшаетъ, имѣетъ ли тотъ или другой вопросъ международный или чисто территоріальный характеръ. Свои рѣшенія онъ можетъ приводить въ исполненіе силою оружія. Конгрессъ назначаетъ членовъ въ международный судъ и отсылаетъ сюда тѣ дѣла, которыя должны быть рѣшены судебнымъ порядкомъ. Апелляціи на приговоры суда подаются конгрессу.—По второму проекту (1877 года) международный конгресъ засѣдаетъ въ Константинополѣ и состоитъ изъ палаты депутатовъ и сената; здѣсь же находится международный судъ; они распоряжаются международной экзекуціонной арміей, составленной изъ контингентовъ различныхъ государствъ [3]).

На представительствѣ государствъ основываетъ свой проектъ также Блюнчли. По его мнѣнію, государства могли бы быть подчинены совѣту, въ которомъ засѣдаютъ лично государи или ихъ уполномоченные, и сенату, состоящему изъ депутатовъ отъ народныхъ собраній; судебныя дѣла должны разрѣшаться международнымъ судомъ [4]).

---

[1]) Sartorius. Organon des vollkommenen Friedens. Zürich 1837. Сравн. Гр. Камаровскій. О международномъ судѣ, стр. 309.

[2]) См. Bluntschli. Das moderne Völkerrecht § 108.

[3]) Revue de droit international, t, III, 1871, p. 1 et ss.; t. IX, 1877, p. 161 et ss. Подробное и послѣднее изложеніе плана Лоримера въ его „Law of Nations, t. II p. 183 etc. См. въ особенности p. 279 etc.

[4]) Die Organisation des europäischen Staatenvereins въ Gegenwart, 1878. № 6, 8 и 9.

Наконецъ, одинъ царствовавшій въ великой имперіи монархъ предложилъ слѣдующую организацію: для „европейской имперіи цивилизаціи или синархіи“ должны быть учреждены въ Европѣ три совѣта: совѣтъ національныхъ церквей; совѣтъ національныхъ государствъ и совѣтъ національныхъ общинъ. Первый долженъ представить религіозную и умственную жизнь—мудрость и науку, второй политическую и юридическую жизнь—правду и справедливость; третій хозяйственную жизнь народовъ—цивилизацію и трудъ. Члены этихъ совѣтовъ избираются [1]).

Противъ всѣхъ этихъ проектовъ можно возразить, что и они придаютъ международному общенію государственную организацію и потому едва ли когда нибудь получатъ практическое осуществленіе.

c) Устройство международныхъ отношеній на основѣ политическаго равновѣсія. Не выставляя опредѣленныхъ плановъ международной организаціи, нѣкоторые писатели смотрятъ на международныя отношенія, какъ на политическую систему, которая поддерживается сохраненіемъ равновѣсія между государствами (Гефтеръ, Монтэгью Бернаръ). Государства суть члены этой системы и обязаны сообща матеріально и нравственно противодѣйствовать захватамъ сильнѣйшаго и всякому опасному измѣненію существующихъ политическихъ отношеній. Шаткость этого принципа доказана выше (стр. 125) [2]).

d) Пентархія (пятидержавіе). Со времени Вѣнскаго конгресса во главѣ международнаго союза стали пять великихъ державъ (Россія, Австрія, Пруссія, Англія и Франція), которыя считали себя въ правѣ не только рѣшать международные вопросы, но и вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Въ основѣ ихъ союза и гегемоніи лежала нравственная идея, что христіанскіе народы обязаны поддерживать между собою миръ и защищать законный порядокъ внутри государствъ. Но стоитъ только припомнить исторію конгрессовъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, чтобы убѣдиться, что пентархія была насиліемъ надъ законными правами и интересами

---

[1]) См. соч.: Mission actuelle des souverains par l'un d'eux. Paris 1882, p. 181 et ss. Авторомъ этого любопытнаго сочиненія ошибочно называли императора бразильскаго.

[2]) Heffter. Völkerrecht, § 5. Mountague Bernard. Four lectures, p. 63, 97 etc.

народовъ. Она доказываетъ только, что не всѣ державы имѣютъ фактически одинаковое значеніе и положеніе въ международномъ обществѣ. Подавляя же самостоятельность другихъ народовъ, она нарушала идею абсолютнаго равенства государствъ, какъ членовъ международнаго общенія, и потому не можетъ быть признана справедливою и желательною формою его организаціи.

Въ виду того, что государственныя учрежденія современныхъ народовъ неодинаковы, что они далеки отъ совершенства и что перенесеніе ихъ на международный союзъ во всякомъ случаѣ несогласно съ внутреннею самостоятельностью государствъ, большинство писателей отказывается устраивать международное общеніе на началѣ государственномъ. Руководствуясь этими же соображеніями, многіе писатели ограничиваютъ его организацію устройствомъ международнаго суда (Фіоре, гр. Камаровскій и др.[1]). Нельзя не сказать, что такія попытки менѣе послѣдовательны, чѣмъ проекты вѣчнаго мира, потому что если долженъ существовать международный трибуналъ, то нѣтъ никакихъ основаній устранять междунароеный конгрессъ, какъ постоянное законодательное учрежденіе. Притомъ международный судъ мало окажетъ вліянія на международныя отношенія, если не будетъ располагать матеріальною силой, обезпечивающей принудительное исполненіе его рѣшеній. Созданіе же международной экзекуціонной арміи едва ли возможно.

VI. Органы международнаго общенія: конгрессы и конференціи.

а) Понятіе о конгрессѣ и конференціи.

§ 52. Оставаясь свободною ассоціаціей независимыхъ народовъ, международное общеніе имѣетъ извѣстныя общія учрежденія, которыми пользуются его члены для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ и другихъ международныхъ дѣлъ и которыя представляютъ зачатки его организаціи. Такое значеніе принадлежитъ между-

[1]) Pasquale Fiore. Sul problema internazionale della società giuridica degli stati. 1878. Гр. Камаровскій, назв. соч., стр. 461 и слѣд.

народнымъ конгрессамъ и конференціямъ, авторитетъ и власть которыхъ, по добровольному соглашенію государствъ, распространяются на весь международный союзъ.

Международные конгрессы и конференціи суть органы международнаго общенія, но никакъ не отдѣльныхъ государствъ, пославшихъ сюда своихъ представителей.

Справедливость этого положенія подтверждаютъ многочисленные историческіе примѣры и положительныя данныя. Конгрессы Вестфальскій (1648 г.), Вѣнскій (1815 г.), Парижскій (1856 г.) и Берлинскій (1878 г.) могли состояться и привели къ опредѣленнымъ результатамъ только потому, что государства, въ нихъ участвовавшія, сознавали свою солидарность, какъ члены международнаго общенія. Установленный ими общій порядокъ вещей выработался взаимнымъ согласіемъ и уступками государствъ въ виду и ради удовлетворенія международныхъ интересовъ. Вѣротерпимость, свобода судоходства, отмѣна торга неграми, смягченіе бѣдствій войны и другія начала современнаго международнаго права, провозглашенныя различными конференціями и конгрессами, были продуктами исторической жизни всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и являются выраженіемъ общаго ихъ правосознанія. Словомъ, ни собраніе конгрессовъ, ни порядокъ ихъ совѣщаній, ни ихъ рѣшенія не будутъ понятны, если не имѣть въ виду международное общеніе, интересы котораго они представляютъ.

Международные конгресы и конференціи суть международныя собранія представителей независимыхъ государствъ для обсужденія общихъ имъ дѣлъ и интересовъ.

b) Различіе между конгрессами и конференціями.

Большинство писателей не проводитъ различія между конгрессами и конференціями[1]). Но они должны быть различаемы. На

[1]) Срав. Bluntschli. Völkerrecht, § 108 ff. Heffter. Völkerrecht, S. 464, § 240. Calvo. Droit international, I, 452. Pradier-Fodéré. Droit diplomatique, II, 421. Zaleski. Die völkerrechtliche Bedeutung der Kongresse. (Dorpat 1874), S. 4. Капустинъ. Международное право, § 8.

основаніи историческихъ прецедентовъ различіе ихъ проявляется: 1) въ личности представителей государствъ, участвующихъ въ тѣхъ и другихъ международныхъ собраніяхъ; 2) въ предметахъ ихъ обсужденія и 3) въ цѣляхъ, подлежащихъ достиженію.

Что касается представительства, то на международныхъ конгрессахъ присутствуютъ или сами государи, какъ это было неоднократно (конгрессы: Вѣнскій, Ахенскій, Троппаускій, Лайбахскій и др.), или же первые ихъ министры и вообще такіе представители государствъ, которые имѣютъ полномочія на заключеніе трактатовъ и соглашеній, составляющихъ предметъ обсужденія конгресса. Напротивъ, въ конференціяхъ участвуютъ делегаты правительствъ, назначенные ad hoc съ рѣшительнымъ или совѣщательнымъ голосомъ, рѣдко министры и никогда не участвуютъ государи. Предметомъ обсужденія конгрессовъ являются вопросы, касающіеся важныхъ жизненныхъ интересовъ государствъ и цѣлаго международнаго союза; конференціи же обсуждаютъ существующія обязательства и ихъ истолковываютъ, или же подготовляютъ рѣшеніе какого-либо важнаго и труднаго дѣла, какъ напр., Брюссельская конференція 1874 г. была созвана для выясненія законовъ войны. Наконецъ, цѣли конгресса и конференціи различны. Первый имѣетъ задачей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, предупреждающее войну и недоразумѣнія между государствами и вообще обезпечивающее сохраненіе международнаго правоваго порядка; вторая — не провозглашаетъ новыхъ началъ, но только развиваетъ существующія, не рѣшаетъ спорныхъ вопросовъ международныхъ отношеній и права, но подготовляетъ ихъ разрѣшеніе.

Должно прибавить, что въ настоящее время основанія, по которымъ конгрессы и конференціи могутъ быть различаемы, далеко не всегда сознаются правительствами. Поэтому на практикѣ нѣкоторыя изъ международныхъ собраній, которыя имѣли вполнѣ характеръ и значеніе конгрессовъ, получили названіе конференцій.

*

c) Дѣлопроизводство конгрессовъ и конференцій.

Относительно обрядовой стороны тѣхъ и другихъ выработались слѣдующія главныя положенія:

1. Порядокъ созыва. Созваніе международныхъ конгрессовъ и конференцій, какъ показываетъ исторія и современная практика, можетъ исходить отъ разныхъ сторонъ.

Во-первыхъ, предложеніе о созывѣ международнаго собранія можетъ взять на себя какая-либо третья посредничествующая держава.

Этотъ порядокъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Въ 1779 г. Екатерина II пригласила Австрію и Пруссію, споривших о Баварскомъ наслѣдствѣ, назначить уполномоченныхъ для улаженія спора на конгрессъ въ Тешенѣ. Несостоявшійся Пражскій конгрессъ 1813 года былъ созванъ по почину Вѣнскаго кабинета съ цѣлью переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между Наполеономъ I съ одной стороны, и Россіей и Пруссіей съ другой. Такую же роль играло австрійское правительство въ отношеніи Россіи и ея противниковъ — Франціи, Англіи и Турціи во время Крымской войны. При посредничествѣ Наполеона III въ 1866 г. былъ заключенъ предварительный Никольсбургскій мирный трактатъ между Пруссіей и Австріей.

Во-вторыхъ, починъ созыва можетъ принадлежать самимъ заинтересованнымъ государствамъ, непосредственно учавствующимъ въ спорѣ.

Всѣ мирные конгрессы, прекращавшіе войны безъ вмѣшательства третьихъ державъ, устраивались по иниціативѣ самихъ воюющихъ державъ.

Въ-третьихъ, при отсутствіи поводовъ къ примирительному посредничеству, вопросъ о созваніи конгресса или конференціи можетъ быть возбужденъ каждой державой для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ международныхъ дѣлъ.

Такъ, въ 1863 г. французскій императоръ обратился ко всѣмъ европейскимъ дворамъ съ предложеніемъ собраться на общеевропей-

скій конгрессъ, имѣющій обсудить существующее положеніе дѣлъ въ Европѣ и устранить поводы къ возможнымъ замѣшательствамъ въ будущемъ. Этотъ грандіозный планъ, скрывавшій желаніе Наполеона III заставить другія государства и самоё Францію вмѣшаться въ польскія дѣла, былъ отклоненъ державами.

2. Участвующія государства. Въ конгрессахъ и конференціяхъ могутъ участвовать только заинтересованныя независимыя государства, пользующіяся полнымъ суверенитетомъ. Государства полунезависимыя, напр. Египетъ, Болгарское княжество и т. п., представляются на международныхъ собраніяхъ тѣми державами, подъ сюзеренитетомъ которыхъ они состоятъ. Кромѣ непосредственно заинтересованныхъ, въ конгрессахъ и конференіяхъ принимаютъ участіе державы-посредницы и всѣ другія, если предметомъ обсужденія являются вопросы, имѣющіе общенародное значеніе. Во всякомъ случаѣ здѣсь должна участвовать держава, о дѣлахъ которой идетъ рѣчь.

Это основное правило справедливости не всегда соблюдалось. Не говоря уже о конгрессахъ, происходившихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже въ послѣднее время встрѣчаются международныя собранія, на которыя не были допущены уполномоченные непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Примѣромъ можетъ служить Парижская конференція (1869 г.), которая обсуждала взаимныя недоразумѣнія между Оттоманскою Имперіей и Греческимъ королевствомъ, возникшія по случаю возстанія въ Кандіи. Здѣсь участвовали представители великихъ державъ и Турціи, но греческій уполномоченный былъ приглашенъ только дать отвѣты на вопросы, поставленные конференціей [1]). Точно также предварительныя совѣщанія Константинопольской коференціи (1876 —1877), созванной, по приглашенію Англіи, для обсужденія окончательныхъ условій мира

[1]) Князь Горчаковъ имѣлъ полное основаніе возмущаться такимъ нарушеніемъ „основнаго принципа справедливости“. Онъ писалъ, 12 (24) декабря 1868 г., въ Парижъ: „Si la Turquie est admise, la Grèce devait l'être aussi. La conférence étant un arbitrage, il serait contre toute équité de n'admettre qu'une des parties en litige“. См. Annuaire de l'Empire de Russie, 1870, p. 177 et ss.

между Сербіей, Черногоріей и Турціей и реформы мѣстнаго управленія въ Босніи, Герцоговинѣ и Болгаріи, происходили безъ участія представителя турецкаго правительства. Порта имѣла основаніе считать подобный образъ дѣйствія европейскихъ державъ нарушающимъ ея честь и достоинство. Наконецъ, протестъ Румыніи противъ постановленій Лондонской конференціи 1883 года, созванной для обсужденія вопросовъ Дунайскаго судоходства, на которую она не была приглашена, представляется вполнѣ уважительнымъ, потому что какъ придунайская держава, она имѣла законное право участвовать въ обсужденіи порядковъ судоходства на Дунаѣ.

3. Представительство. По личному составу конгрессы и конференціи, какъ мы видѣли, различаются между собою. Въ конгрессахъ участвуютъ или сами государи, или ихъ уполномоченные министры; на конференціи правительства назначаютъ своихъ делегатовъ или даже коммиссаровъ, которые доводятъ постановленія конференціи до свѣдѣнія своего правительства. Число представителей, посылаемыхъ отъ каждаго государства на тѣ и другія собранія, зависитъ отъ усмотрѣнія правительствъ.

4. Предметы совѣщаній. Въ этомъ отношеніи конгрессы и конференціи также отличаются другъ отъ друга. Перечислить всѣ вопросы, которые могутъ и должны подлежать разсмотрѣнію международныхъ собраній, нѣтъ никакой возможности. Исторія показываетъ. что обсужденію конгрессовъ и конференцій подвергались не только взаимныя отношенія государствъ, но и внутренніе государственные порядки. Нельзя оправдать подобнаго рода вмѣшательства. Въ принципѣ, какъ органы международнаго общенія, конгрессы и конференціи должны ограничиваться исключительно дѣлами, касающимися союза государствъ.

5. Порядокъ совѣщаній. Сравнительно съ прежнимъ временемъ, дѣлопроизводство современныхъ конгрессовъ и конференцій отличается отсутствіемъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, такъ затруднявшихъ занятія международныхъ собраній въ XVII и XVIII

столѣтіяхъ. Въ настоящее время внѣшняя сторона дипломатическихъ съѣздовъ значительно упростилась.

Они открываются избраніемъ предсѣдателя, которымъ обыкновенно бываетъ первый уполномоченный того государства, на территоріи котораго происходитъ собраніе. Это — знакъ уваженія къ мѣстной власти, гостепріимствомъ которой пользуются представители другихъ государствъ.

Обычное правило выбора въ предсѣдатели лица, представляющаго мѣстную власть, было нарушено въ новѣйшее время только въ двухъ случаяхъ: на Брюссельской конференціи (1874 г.), когда уполномоченный Бельгіи отказался отъ предсѣдательства, предложивъ оказать эту честь представителю Россіи, иниціативѣ которой конференція была обязана своимъ созваніемъ, и на Константинопольской конференціи (1876 — 1877 г.), предварительныя совѣщанія которой происходили подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго, въ качествѣ „doyen du corps diplomatique“ [1]).

По избраніи предсѣдателя, производится обмѣнъ и провѣрка полномочій. Самыя совѣщанія ведутся устно и непосредственно. Иногда учреждаются спеціальныя коммиссіи изъ членовъ собранія для изученія отдѣльныхъ вопросовъ и подготовки ихъ рѣшенія, или для окончательнаго формулированія уже принятыхъ рѣшеній. О каждомъ засѣданіи составляется протоколъ. Если собраніе созвано по предложенію державы-посредницы, то ея уполномоченному принадлежитъ въ собраніи роль посредника; всѣ совѣщанія происходятъ при непосредственномъ его участіи; ему сообщаются документы и переписка, касающіеся дѣла, и, при разногласіи, онъ старается привести стороны къ примирительному соглашенію.

6. Принятіе рѣшеній. Проекты постановленій конгрессовъ и конференцій подлежатъ голосованію. Каждому государству, участвующему въ собраніи, принадлежитъ только одинъ голосъ. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ. Однако, мнѣніе, принятое

[1]) См. „Actes de la conférence de Bruxelles“, протоколъ № 1. — Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1877, p. 237 et suiv.

большинствомъ собранія, не имѣетъ безусловно обязательной силы для меньшинства. Навязываніе его силою противорѣчитъ принципу независимости государствъ. Въ виду этого старанія конгресса должны быть направлены къ тому, чтобы убѣдить меньшинство отказаться отъ своей оппозиціи и согласиться съ большинствомъ. При отсутствіи единогласія цѣль собранія не будетъ достигнута и оно должно считаться несостоявшимся.

7. Исполненіе рѣшеній. Въ международномъ союзѣ нѣтъ исполнительной власти, которая могла бы принудительно осуществлять постановленія конгрессовъ и конференцій. Исполненіе ихъ рѣшеній вполнѣ зависитъ отъ самихъ государствъ, которыя участвовали въ ихъ постановленіи и ихъ приняли. Иногда оно формально поручается одному изъ участниковъ въ международномъ собраніи, или же предпринимается совокупными силами. Вопросъ о средствахъ обезпеченія исполненія рѣшеній конгрессовъ и конференцій до настоящаго времени остается открытымъ.

Глава вторая.

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХЪ СООБЩЕНІЙ.

I. Общія замѣчанія.

§ 53. Непосредственными субъектами международнаго права и дѣятелями въ области международнаго общенія являются независимые народы или государства европейской цивилизаціи.

Въ области международныхъ отношеній государство разсматривается, какъ одно нераздѣльное цѣлое, какъ юридическая личность, которая имѣетъ относительно другихъ государствъ извѣстныя права и обязанности. Государство, какъ цѣлое, выступаетъ тѣмъ дѣятелемъ, который, преслѣдуя въ общеніи съ другими государствами поставленныя себѣ задачи, даетъ направленіе и охрану международнымъ отношеніямъ. Международное право есть результатъ совокупныхъ усилій и взаимодѣйствія образованныхъ государствъ. Въ сношеніяхъ между ними вырабатываются тѣ формы, въ которыя складываются международныя отношенія, установляются тѣ порядки и создаются принципы, коими опредѣляются отношенія какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ ихъ подданныхъ.

Ни монархи, ни частныя лица, ни общества, участвующія въ международныхъ сношеніяхъ, не должны быть считаемы субъектами

международнаго права [1]). Монархи и дипломатическіе агенты (посланники) дѣйствуютъ на международномъ поприщѣ въ роли и съ правами представителей или уполномоченныхъ государства: они не имѣютъ самостоятельныхъ международныхъ правъ. Что касается частныхъ ассоціацій и отдѣльныхъ лицъ, то они ведутъ свои международные обороты подъ контролемъ, покровительствомъ и даже отвѣтственностью государственной власти, въ подданствѣ которой состоятъ.

II. Государство, какъ международная личность.

§ 54. Каждое государство, участвующее въ международномъ общеніи, обладаетъ такою же право- и дѣеспособностью, какъ и отдѣльное физическое лицо въ сферѣ частныхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ государство есть лицо, т. е. существо, которое не только имѣетъ опредѣленныя присущія ему права, но можетъ пріобрѣтать другія, охранять ихъ и входить въ различнаго рода юридическія обязательства.

Но какъ субъектъ международнаго права, государство не есть какая-либо особенная личность, отличная отъ изучаемой въ наукѣ государственнаго права. Международное право беретъ государство, какъ оно есть, какъ оно выработалось исторіей и опредѣляется государственнымъ правомъ. Однимъ изъ лучшихъ по своей точности и ясности опредѣленій государства до настоящаго времени остается опредѣленіе, данное Цицерономъ [2]). Принявъ его, можно сказать, что субъектомъ международнаго права является союзъ людей, соединенныхъ на одной территоріи и подъ одною верховною властью общностью своего права и своихъ интересовъ.

Международное право можетъ удовольствоваться этимъ самымъ простымъ опредѣленіемъ государства. Оно не входитъ въ разсмотрѣніе внутренняго устройства государствъ. Правда, существующіе политическіе порядки всегда оказываютъ замѣтное вліяніе на международ-

[1]) Wheaton. Elements of International Law (ed. by Dana), § 19, — другого мнѣнія.

[2]) „Respublica est coetus multitudinis juris consensu et utilitatis communione sociatus". De republica, lib. I, c. 25.

ныя отношенія: они содѣйствуютъ развитію международныхъ оборотовъ или служатъ для нихъ тормазомъ. Но не дѣло науки международнаго права опредѣлять эти порядки, выяснять ихъ достоинства и относительныя совершенства. Всѣ государства, какую бы форму правленія они ни имѣли, суть одинаково субъекты международнаго права [1]).

Точно также политическое могущество, фактическая сила, принадлежащая народу, нисколько не опредѣляютъ совокупности его международныхъ правъ. Въ качествѣ субъектовъ международнаго права, всѣ государства равны между собою. Всѣмъ имъ принадлежатъ извѣстныя, выработанныя исторіей и существующимъ международнымъ порядкомъ права и соотвѣтствующія имъ обязанности. Но конечно, болѣе сильное, просвѣщенное или экономически процвѣтающее государство на фактѣ всегда будетъ имѣть болѣе средствъ пользоваться своими правами, нежели слабое и культурно неразвитое государство.

Принадлежность государству правъ международной личности предполагаетъ выставленные выше основные признаки субъекта международнаго права. Для участія въ международномъ общеніи безусловно необходимо, чтобы данный народъ находился на опредѣленной территоріи и подчинялся организованной политической власти. Поэтому не могутъ считаться субъектами международнаго права кочующія племена или различнаго рода общественныя группы, какъ бы ни были онѣ вліятельны въ международномъ отношеніи. Восточныя государства также нельзя причислить къ международнымъ лицамъ, по основаніямъ вышеуказаннымъ (см. Введеніе VII) [2]).

Итальянскій ученый Манчини доказываетъ, что субъекты международнаго права — націи, а не государства, какъ они опредѣляются государствен-

[1]) Phillimore. Commentaries, I, p. 81: „It is a sound general principle, and one to be laid down at the treshold of the science of which we are treating, that International Law has no concern with the form, character, or power of the constitution or government of a State, with the religion of its inhabitants, the extent of its domain etc".

[2]) Несмотря на авторитетныя соображенія, высказанныя Sir Travers Twiss (Revue de droit int., t. XV, p. 437—442; 547—563 и t. XVI, p. 237 et suiv.) мнѣ всетаки кажется, что извѣстная „Association africaine internationale" не могла считаться субъектомъ международнаго права и не могла основать государства и дѣйствовать на правахъ независимой державы.

нымъ правомъ. Но нація, будучи, по словамъ Манчини, „естественнымъ союзомъ людей, связанныхъ между собою въ силу единства ихъ территоріи, происхожденія, обычаевъ и языка общеніемъ жизни и соціальнаго сознанія“, не есть государство. Если народность, понимаемая какъ этнографическое цѣлое, сплотится въ одинъ политическій союзъ, т. е. будетъ существовать на одной территоріи и подъ одною верховною властью, тогда она можетъ быть субъектомъ международнаго права. Другими словами: чтобъ быть субъектомъ международнаго права, нація должна сдѣлаться народомъ, государствомъ [1]).

Наконецъ, государству можетъ быть приписываема личность еще въ томъ смыслѣ, что оно умираетъ, сходитъ съ поприща всемірной исторіи и выходитъ изъ международнаго общенія. Государственное право не можетъ предусматривать этого факта; международное право — должно. Исторія представляетъ множество примѣровъ смерти государствъ. Наступленіе этого событія ставитъ вопросъ о наслѣдованіи умершему государству въ его правахъ и обязанностяхъ, разрѣшаемый въ международномъ правѣ.

III. Раздѣленіе государствъ.

§ 55. Всѣ существующія цивилизованныя государства суть члены международнаго общенія и субъекты международнаго права; но степень ихъ международной независимости неодинакова: одни государства обладаютъ полнымъ международнымъ верховенствомъ и не состоятъ ни въ какой иной, кромѣ общей международной зависимости другъ отъ друга; напротивъ, другія, не переставая быть субъектами международнаго права, находятся въ такихъ отношеніяхъ между собою, которыя болѣе или менѣе ограничиваютъ ихъ суверенность. Наконецъ, есть еще государства, внутренне автономныя, но безусловно несамостоятельныя въ международныхъ отношеніяхъ: это полунезависимыя государства, которыя не принадлежатъ къ субъектамъ международнаго права. Такимъ образомъ международное самодержавіе государствъ представляетъ видоизмѣненія и оттѣнки, на основаніи

---

[1]) Mancini. Diritto internazionale, p. 42. См. выше, § 33. Срав. также Bulmerincq. Völkerrecht, § 16.

которыхъ существующія государства могутъ быть раздѣлены на роды и виды.

Международное право различаетъ простыя государства, сложныя и соединенныя.

А. Простое государство не связано особенными международными узами ни съ какимъ другимъ государствомъ; оно есть единый политическій организмъ, имѣющій полное право международнаго представительства.

В. Особенность сложныхъ государствъ состоитъ въ томъ, что они являются соединеніемъ нѣсколькихъ государствъ, связанныхъ извѣстными общими учрежденіями, или одною верховною властью. Дѣятельность этой послѣдней можетъ ограничиваться одними международными отношеніями, или распространяться также на внутреннее управленіе. На этомъ основаніи сложныя государства подраздѣляются на слѣдующіе виды:

a. Союзъ государствъ (confoederatio civitatum, confédération d'Etats, Staatenbund) есть такая форма соединенія, въ которой подчиненіе общимъ учрежденіямъ не исключаетъ внутренней и внѣшней самостоятельности соединенныхъ государствъ.

b. Соединеніе нѣсколькихъ государствъ подъ одною верховною властью (unio civitatum) бываетъ различнаго рода.

α) Личное соединеніе (unio personalis). Соединенныя въ этой формѣ государства связываются другъ съ другомъ личностью правящаго ими суверена или царствующею династіею.

β) Реальное соединеніе (unio realis). Здѣсь связь между государствами выражается не лицомъ государя или династіей, но въ извѣстной общности жизни самихъ государствъ, соединенныхъ между собою вѣчнымъ образомъ.

γ) Союзное государство (Etat fédéral, Bundesstaat). Данныя государства могутъ войти въ постоянное соединеніе подъ одною властью настолько, что образованное изъ нихъ государство явится само субъектомъ международнаго права. Члены такого союзнаго государства подчиняются общей верховной союзной власти, которая обы-

кновенно установляется взаимнымъ ихъ соглашеніемъ и проявляетъ свое дѣйствіе въ особенности въ области международныхъ отношеній, которыми она управляетъ.

д) Полунезависимыя государства (Etats mi-souverains). Они составляютъ юридически часть другого государства. Болѣе или менѣе самостоятельныя въ области внутренняго управленія, они въ международныхъ отношеніяхъ совершенно зависятъ отъ власти другого государства. Сходство между ними и членами союзнаго государства заключается въ томъ, что тѣ и другіе не суть международныя личности, но, въ отличіе отъ нихъ, зависимость членовъ союзнаго государства имѣетъ не международный, а государственный характеръ. Такая полунезависимость государствъ обнаруживается различнымъ образомъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, полунезависимыя государства являются созданіями исключительно международныхъ отношеній, но не народныхъ стремленій и силъ.

Приведенныя разнообразныя политическія формы, существенно вліяя на международную дѣеспособность государствъ, должны быть приняты въ соображеніе и выяснены положительнымъ международнымъ правомъ.

А. Простыя государства.

§ 56. Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній и права простыя государства (Россія, Англія, Франція, Бельгія и др.) могутъ быть считаемы типами самостоятельныхъ и полноправныхъ членовъ международнаго общенія. Ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ они не зависятъ ни отъ какой чужеземной власти и дѣйствуютъ во всѣхъ случаяхъ, какъ единые и нераздѣльные политическіе организмы.

Такія государства могутъ состоять изъ различныхъ частей, не утрачивая чрезъ это своего органическаго единства въ международныхъ отношеніяхъ. Такъ напримѣръ, колоніи часто имѣютъ свои парламенты и войска, но не пользуясь самостоятельнымъ международнымъ представительствомъ, считаются интегральной частью своихъ метрополій. Поэтому всѣ колоніальныя государства (какъ Англія,

Португалія и др.) суть простыя единичныя международныя лица [1]). Государство можетъ включать въ себя также различныя присоединенныя (инкорпорированныя) области, не теряя характера простого государства. Примѣромъ этого служитъ Великобританія, соединенная съ Шотландіей и Ирландіей въ одно королевство на основаніи актовъ 1707 и 1800 г. [2]).

Россія и Польша. Въ западно-европейской литературѣ было высказываемо мнѣніе, что Польша не можетъ составлять нераздѣльную часть Россіи, на общемъ съ другими ея областями и губерніями положеніи. Полное присоединеніе Польши къ Имперіи, будто бы, не оправдывается ни „актами Вѣнскаго конгресса, ни какимъ-либо другимъ законнымъ основаніемъ"; что, напротивъ, присоединеніе это нарушаетъ Вѣнскіе трактаты, создавшіе въ пользу Поляковъ привилегированное положеніе въ составѣ Имперіи. „Господство Россіи поддерживается", какъ говоритъ Кальво, „силой оружія", и Польша сохраняетъ свое законное право освободиться [3]).

Это мнѣніе опровергается фактами и, прежде всего, дѣйствительнымъ значеніемъ Вѣнскаго акта. Въ силу I статьи этого акта, Варшавское герцогство объявлено въ „неразрывной связи" съ Россіей „на вѣчныя времена". „Е. И. Величество, гласитъ далѣе эта статья, предполагаетъ даровать, по своему благоусмотрѣнію, внутреннее устройство сему государству (т. е. герцогству), имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ". Въ 3-мъ пунктѣ той же статьи сказано, что Поляки будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія. Изъ сопоставленія этихъ постановленій и еще болѣе изъ хода занятій Вѣнскаго конгресса ясно видно, что привилегированное и національное управленіе Польши обусловливалось присоединеніемъ ея къ Россіи, на которомъ настаивалъ Императоръ Александръ I по праву завоеванія и противъ чего въ принципѣ союзники нисколько не спорили. Напротивъ, они сильно возражали противъ желанія Александра дать Польшѣ конституціонное устройство [4]). Во всякомъ случаѣ, послѣднее было даровано

[1]) Heffter. Völkerrecht (изд. Geffcken, § 20) ошибочно считаетъ Англію соединеннымъ государствомъ.

[2]) Bluntschli. Völkerrecht, § 79, ошибается, причисляя „колоніальныя государства" (Colonialstaaten) къ разряду полунезависимыхъ государствъ. Австралія и Канада суть неразрывныя части Великобританскаго королевства.

[3]) Calvo. Droit international, I, § 48. Wheaton. Elements § 43. — Lawrence-Wheaton. Commentaire, I, § 303 et ss. Phillimore. loc. cit., I, p. 14 etc. Срав. также Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen, S. 71.

[4]) Подробности см. въ моемъ Собраніи трактатовъ, т. III, стр. 213; т. IV, ч. I, 427 и слѣд.

подъ указаннымъ выше условіемъ, которое въ 1831 г. было нарушено Поляками, возставшими противъ русской власти. Поэтому въ манифестѣ, изданномъ въ 1832 г., послѣ подавленія возстанія, Императоръ Николай I имѣлъ основаніе объявить Поляковъ виновными въ неисполненіи поставленныхъ имъ ранѣе условій и себя, какъ побѣдителя, свободнымъ въ принятіи по отношенію къ Польшѣ мѣръ, требуемыхъ интересами Россіи. Польское возстаніе 1862 г. повлекло за собою, опять на „законномъ основаніи" то устройство, которое имѣетъ Польша въ настоящее время. Словомъ, Россія владѣетъ бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ и другими Польскими областями и считаетъ ихъ неотъемлемою своею частью не менѣе по праву, нежели Пруссія Познанскою провинціей, или Германская имперія — Эльзасомъ и Лотарингіей [1]).

B. Сложныя государства.

а) Союзъ государствъ.

§ 57. Союзъ государствъ есть въ полномъ смыслѣ слова международное соединеніе: оно основывается на общности интересовъ и уваженія внутренней и международной самостоятельности государствъ — членовъ союза. Послѣдніе сохраняютъ право междуна-

[1]) Какъ извѣстно, въ 1863 г., по поводу послѣдняго польскаго бунта западно-европейскіе кабинеты (въ числѣ ихъ былъ и Вѣнскій) также старались доказать, что Россія нарушаетъ Вѣнскіе трактаты 1815 г., распоряжаясь по своему усмотрѣнію въ Царствѣ Польскомъ. Замѣчательно убѣдительно опровергаетъ ихъ доводы князь Меттернихъ, въ письмѣ отъ февраля 1840 г. (см. мое Собр. трактатовъ, IV, ч. I, 527, 528). „Императоръ Александръ", говоритъ князь Меттернихъ, „возстановилъ въ 1815 г. Польское королевство и, устроивъ его, даровалъ ему учрежденія. Устройство этого королевства и его учрежденія были поставлены, этимъ же самымъ монархомъ, подъ нравственную гарантію акта Вѣнскаго конгресса. Въ 1831 г. Царство Польское возстало и, провозгласивъ отреченіе своего Царя, уничтожило въ то же самое время конституцію, данную Александромъ. Успѣхъ не былъ на сторонѣ этого предпріятія. Борьба началась на полѣ сраженія, и Императоръ Николай остался побѣдителемъ. Въ качествѣ побѣдителя Е. И. Величество сдѣлался рѣшителемъ судьбы этой страны. Который изъ двухъ, Царь или Польша, разорвалъ актъ Вѣнскаго конгресса? Очевидно, это была Польша! Каковымъ же представляется, въ виду этихъ событій, законное положеніе подписавшихъ этотъ актъ?.. Защищать теперь устройство, дарованное въ 1815 г. Императоромъ Александромъ..., было бы все равно, что положительно утверждать, что нарушеніе однимъ изъ контрагентовъ договора нисколько не развязываетъ рукъ другому". Сравн. меморандумъ, приложенный къ депешѣ князя Горчакова къ барону Бруннову въ Лондонѣ отъ 26 августа 1863 г. въ Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1864, p. 219 et ss.

роднаго представительства рядомъ съ представительствомъ всего союза, всѣ они могутъ заключать трактаты и отправлять посольства, съ однимъ ограниченіемъ, чтобы совершаемыя ими международныя сдѣлки, или инструкціи, даваемыя дипломатическимъ агентамъ, не противорѣчили интересамъ всего союза и отдѣльныхъ его членовъ; что касается внутренней ихъ автономіи, то въ принципѣ она не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Союзъ возникаетъ по взаимному соглашенію составляющихъ его государствъ съ цѣлью удовлетворенія общихъ имъ международныхъ интересовъ.

Единственная особенность союза государствъ не есть смѣшеніе въ немъ государственныхъ и международныхъ элементовъ [1]). Союзъ не долженъ представлять этого смѣшенія; напротивъ, при нормальномъ устройствѣ онъ охраняетъ внѣшнюю безопасность своихъ членовъ и содѣйствуетъ развитію самостоятельнаго внутренняго ихъ управленія. Образцовое устройство союза государствъ есть прототипъ той организаціи международнаго общенія, о которой можно мечтать и на осуществленіе которой можно надѣяться при дальнѣйшемъ развитіи международныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, огромное культурно-международное значеніе союза государствъ еще не выяснено въ литературѣ [2]).

Въ видѣ союза государствъ были организованы: Нидерландскіе Генеральные штаты (1580, 1609—1795), Швейцарскій союзъ до 1798 г. и снова съ 1803—1848 г., Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 1776—1787 г.; наконецъ, Германскій союзъ (1815—1866 г.).

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 70,—противоположнаго мнѣнія.

[2]) Срав. немногія остроумныя замѣчанія у Stein. Verwaltungslehre, II, 97 и Treitschke. Historische und politische Aufsätze. (Lpz. 1876) 3 Aufl., S. 446 ff. Срав. также Calhoun. A disquisition on government and a discourse on the constitution and government of the United States ed. by Cralle (Columbia 1851), p. 111 etc. Phillimore, loc. cit., I, 133 etc. Brie. Der Bundesstaat (Lpz. 1874). Neumann. Völkerrecht, 19. Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches (Tübingen 1876). Bd. I. S. 70 ff. Heffter. Völkerrecht, § 19, 20. Brie. Theorie der Staatenverbindungen. Stuttgart 1886. Preuss. Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften. Berlin 1889.

Наиболѣе приближался къ чистому типу союза государствъ Германскій союзъ, учрежденный въ 1815 г.

Основанія его устройства были намѣчены уже Парижскимъ мирнымъ трактатомъ 1814 г., постановившимъ (6 ст.), что „Германскія государства будутъ независимы и соединены федеративной связью". Согласно съ этимъ, Вѣнскій конгрессъ выработалъ Актъ союзнаго устройства Германіи, дополненный въ 1820 и слѣдующихъ годахъ [1]).

Германія организовалась въ формѣ конфедераціи или союза 38 (впослѣдствіи 33) независимыхъ государствъ „для внѣшней и внутренней безопасности". Государства взаимно гарантировали свои владѣнія, вошедшія въ составъ союза. Къ числу такихъ владѣній принадлежали только земли съ нѣмецкимъ населеніемъ. Поэтому изъ австрійскихъ областей сюда не входили Италія, Венгрія и славянскія земли, изъ прусскихъ — Познань, восточная и западная Пруссія. Съ другой стороны, членами союза были датскій король (какъ герцогъ гольштинскій и лауенбургскій) и король голландскій (по владѣнію Люксембургомъ и Лимбургомъ).

Органомъ союза служилъ сеймъ, составленный изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ и засѣдавшій во Франкфуртѣ на Майнѣ. Его справедливо можно назвать „постояннымъ конгрессомъ германскихъ государствъ". Сеймъ имѣлъ двѣ формы засѣданій: постоянный совѣтъ (Engerer Rath) и полное собраніе (Plenum); предсѣдательство въ обоихъ принадлежало Австріи. На спеціальной обязанности сейма лежало: 1) попеченіе о международныхъ интересахъ всего союза; 2) сеймъ имѣлъ активное и пассивное право посольства; 3) право объявлять войну и заключать трактаты именемъ союза; 4) посредничество въ случаѣ претензій иностранной державы къ члену союза. Но самостоятельность отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ союзъ, не уничтожалась: они сохраняли свои верховныя международныя права и внутреннее самодержавіе.

Таково было устройство Германскаго союза, которое навсегда останется замѣчательнымъ примѣромъ международной организаціи при полномъ уваженіи къ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ.

[1]) Градовскій. Германская конституція. Спб. 1875—1876, часть I, стр. 13 и слѣд. Wheaton. Histoire, t. II, 132 et ss. Насколько противорѣчивы могли быть мнѣнія даже относительно характера Германскаго союза 1815 года, который, безъ сомнѣнія, былъ союзомъ государствъ, см. любопытныя данныя въ депешахъ барона Бисмарка изъ Франкфурта на Майнѣ, обнародованныхъ v. Poschinger. Preussen im Bundestag 1857—1859, Lpz. 1881—1883, 4 Bde, Bd. III, S. 192, 196 u. flg.

Австро-прусская война 1866 г., удалившая Австрію изъ состава Германіи, привела къ уничтоженію союза. Въ 1867 г. былъ учрежденъ Сѣверо-Германскій союзъ изъ 22 государствъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ рѣки Майна. Пруссія получила въ немъ преобладающее вліяніе и все крѣпче затягивала узелъ союзныхъ связей. Съ этого времени всѣ усилія прусской политики направлены къ тому, чтобы обратить Германскій союзъ въ союзное государство подъ главенствомъ и руководствомъ Пруссіи.

На этомъ пути развивается современное устройство Германіи. Конституція Сѣверо-Германскаго союза во многихъ отношеніяхъ послужила образцомъ для организаціи Германской Имперіи, образовавшейся въ 1871 г. изъ 22 монархическихъ, 3 республиканскихъ нѣмецкихъ государствъ и имперской области Эльзасъ-Лотарингіи.

Устройство новой имперіи до настоящаго времени составляетъ предметъ спора между юристами. Большинство писателей считаетъ ее союзнымъ государствомъ; но другіе полагаютъ, что она есть союзъ государствъ, въ значительной степени сохранившихъ свою внутреннюю и международную автономію. Послѣднее на нашъ взглядъ болѣе правильное мнѣніе [1]).

На основаніи конституціи 1871 г. имперскія дѣла находятся въ завѣдываніи: 1) императора Германскаго (короля прусскаго), 2) Союзнаго совѣта, и 3) Рейхстага. Представительство имперіи, какъ международной личности, принадлежитъ императору: онъ имѣетъ право активнаго и пассивнаго посольства, право объявленія войны и заключенія договоровъ съ иностранными державами. Но эти права не отмѣняютъ вполнѣ международнаго представительства членовъ имперіи. За всѣми ими признано право имѣть своихъ уполномоченныхъ

---

[1]) Срав. Tinsch. Das Recht der deutschen Einzelstaaten bezüglich des Abschlusses völkerrechtlicher Verträge mit besonderer Berücksichtigung ihrer Stellung im Reiche. Erlangen 1882. Laband. Staatsrecht, I, 72. Mohl. Das deutsche Reichsstaatsrecht. Tübingen 1873. S. 29 flg. Schulze. Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. Lpz. 1886. Meyer. Staatsrechtliche Erörterungen über die deutsche Reichsverfassung (Lpz. 1872). S. 12. flg. Rönne. Das Verfassungsrecht des Deutschen Reichs. (Lpz. 1872), S. 29 flg. Градовскій. Германская конституція, ч. II, стр. 16 и слѣд.

при иностранныхъ дворахъ, причемъ понятно, они не могутъ вступать ни въ какіе международные обязательства или переговоры, противные интересамъ имперіи или ея членовъ. Затѣмъ, союзный совѣтъ, который служитъ выраженіемъ суверенитета отдѣльныхъ германскихъ правительствъ и состоитъ изъ ихъ представителей, имѣетъ въ своемъ составѣ особый „комитетъ по иностраннымъ дѣламъ“, въ который входятъ уполномоченные отъ Баваріи, Виртемберга и Саксоніи и два члена отъ другихъ государствъ, по выбору союзнаго совѣта. По закону этотъ комитетъ собирается во всѣхъ случаяхъ, когда требуется принять какія либо важныя международныя мѣры, и онъ долженъ собственно контролировать внѣшнюю политику имперскаго канцлера. Насколько онъ дѣйствительно исполняетъ свое назначеніе, это вопросъ факта. Но его существованіе съ правомъ дипломатическихъ сношеній, принадлежащимъ нѣмецкимъ государствамъ, доказываютъ, что Германская имперія есть союзъ государствъ, а не союзное государство.

b) Соединенныя государства.

§ 58. α) Личное соединеніе. Эта форма соединенія основывается исключительно на общности царствующей въ государствахъ династіи или на томъ фактѣ, что они находятся подъ властью одного государя. Такое соединеніе можетъ быть болѣе или менѣе продолжительное и не уничтожаетъ международную личность каждаго изъ соединенныхъ государствъ: они могутъ имѣть различное международное представительство, заключать отдѣльно и самостоятельно трактаты, даже воевать другъ съ другомъ. Но фактически личное соединеніе всегда значительно вліяетъ на международную политику соединенныхъ государствъ. Оно прекращается съ самой династіей, или съ наступленіемъ того момента, когда различный въ обоихъ государствахъ порядокъ престолонаслѣдія дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее ихъ соединеніе. Раздѣленіе можетъ быть также результатомъ войны между ними[1]).

---

[1]) Grotius. De jure belli ac pacis, I, 2. 7. Martens. Précis, t. I, § 16 et ss. Phillimore. Commentaries, I, p. 96. Heffter. Völkerrecht, § 20. Greasy. First

Исторія знаетъ много примѣровъ личнаго соединенія государствъ. Такъ, избранный въ 1519 г. въ императоры германскіе испанскій король Карлъ V соединялъ подъ своею властью Испанію и Германію, пока не отрекся отъ обоихъ престоловъ (1556 г.). Англійское королевство состояло въ личномъ соединеніи съ курфюршествомъ Ганноверскимъ съ 1714 по 1837 г., когда въ Англіи воцарилась королева Викторія, которая, на основаніи дѣйствующаго въ Ганноверѣ закона о престолонаслѣдіи, не могла занять ганноверскій престолъ. Прусскій король былъ главою княжества Невшательскаго до присоединенія послѣдняго въ 1857 г. къ Швейцаріи [1]). Наконецъ, королевство Нидерландское и Люксембургъ находились до 1890 г. въ личномъ соединеніи подъ властью Нассау-Оранскаго дома (Актъ Вѣнскаго конгресса ст. 67, Лондонскій протоколъ 11-го мая 1867 г.) [2]). Съ 1885 г. вновь учрежденное на Берлинской африканской конференціи „государство Конго" состоитъ въ личномъ соединеніи съ королемъ Бельгійцевъ.

β) Реальное соединеніе. Государства, соединенныя въ этой формѣ, могутъ пользоваться въ сферѣ внутренняго управленія полной автономіей, но въ области международныхъ отношеній являются единою личностью. Въ принципѣ реальное соединеніе есть результатъ соглашенія между двумя полноправными политическими организмами: самоуправленіе какой нибудь провинціи или области отнюдь не устанавливаетъ и не служитъ доказательствомъ реальнаго ея соединенія съ государствомъ, котораго въ дѣйствительности она является органическою частью. Внѣшнимъ образомъ реальное соединеніе выражается обыкновенно въ существованіи извѣстныхъ общихъ для обоихъ государствъ органическихъ учрежденій, но никогда не зависитъ отъ династіи. Прекращается оно или новымъ договоромъ между соединенными государствами, или силою оружія [3]).

---

platform, p. 136. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. I, p. 268. Bluntschli. Völkerrecht, § 74.

[1]) См. трактатъ 1857 г. относ. Невштателя у Martens. Recueil de traités, t. VII (1875), p. 103: „Traité conclu entre l'Autriche, la France, la Gr. Bretagne, la Prusse, la Russie et la Suisse pour faire cesser les droits de souveraineté de la Prusse sur la principauté de Neuchâtel et le comté de Valangin, signé à Paris le 26 mai 1857".

[2]) L. de Hartog. Das Staatsrecht des Königreichs der Niederlande, S. 8, (Marquardsen. Handbuch des öffentl. Rechts, IV Band, I. Halbband).

[3]) Bluntschli, § 75. Klüber. Droit des gens. § 27.

1. Изъ современныхъ государствъ Австрія и Венгрія соединены реальнымъ образомъ. Такое ихъ соединеніе доказываютъ: завѣщаніе императора Фердинанда I 1543 г., статутъ императора Леопольда I 1703 г., въ особенности же прагматическая санкція Карла VI 1723 г., и изданный въ 1804 г., прагматическій законъ Франца II. Всѣ эти акты установили вѣчную нераздѣльность двухъ государствъ. Возстаніе 1848 г., окончившееся пораженіемъ венгерской національной партіи, дало поводъ Вѣнскому правительству вновь подтвердить эту нераздѣльность. Сторонники противнаго мнѣнія, защищающіе личное соединеніе Австріи и Венгріи, ссылаются, между прочимъ, на реформу 1867 г., которая ввела нынѣ дѣйствующую систему австровенгерскаго дуализма и будто бы установила международную автономію Венгріи [1]). Но такое заключеніе не подтверждается актами, основавшими дуализмъ. Напротивъ, въ основѣ этихъ актовъ лежитъ безъ всякаго сомнѣнія мысль, что Австрія и Венгрія составляютъ вѣчно нераздѣльное государство, подъ властью Австрійскаго императора и короля Венгерскаго, представляющаго международные интересы какъ Австріи, такъ и Венгріи нераздѣльно.

2. Норвегія и Швеція также находятся въ реальномъ, а не личномъ соединеніи, что доказывается слѣдующими положительными фактами [2]). Начиная съ 1536—1814 г. Норвегія была соединена съ Даніей подъ властью датскаго короля, представлявшаго въ между-

---

[1]) Jellinek. Staatenverbindungen, S. 79, 221, 226 u. flg. Dantscher von Kollersberg. Der monarchische Bundesstaat Oesterreich-Ungarn und der Berliner Vertrag nebst der Bosnischen Vorlage. Wien 1880. Funck-Brentano et Sorel. Précis, p. 39. Travers-Twiss. Law of Nations, t. I, § 38. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. I, p. 272 etc.—Valfrey. L'Empire constitutionnel d'Autriche, Paris 1868. Bidermann. Die rechtliche Natur der oesterreichisch-ungarischen Monarchie, Wien 1877.

[2]) Другого мнѣнія Phillimore, t. I, § 74. Funk-Brentano et Sorel. Précis, p. 39. Срав. Jellinek. Staatenverbindungen, S. 223 flg. Travers-Twiss. Law ot Nations, I, § 40. Lawrence-Wheaton. Commentaire, I, 268.

На Парижской конференціи 1883 г. относительно подводныхъ кабелей присутствовали делегаты отъ Швеціи и отъ Норвегіи, подававшіе отдѣльно голоса и выражавшіе противоположныя мнѣнія. Этотъ фактъ объясняется независимостью телеграфныхъ управленій обоихъ королевствъ.

народныхъ отношеніяхъ ту и другую. Въ 1814 г., въ благодарность за помощь, оказанную союзникамъ въ борьбѣ съ Наполеономъ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ, Норвегія была присоединена къ Швеціи. Норвежцы не желали подчиниться этому рѣшенію, и только послѣ вооруженнаго столкновенія въ 1814 г. между Швеціей и Норвегіей былъ заключенъ въ городѣ Моссѣ трактатъ, опредѣляющій взаимныя отношенія двухъ государствъ. На основаніи Мосской конвенціи Норвегія сохранила внутреннюю автономію, но признала шведскаго короля своимъ главою и представителемъ въ международныхъ сношеніяхъ. Мало того, конвенція предусматриваетъ тотъ случай, когда прекратится нынѣ царствующая въ Швеціи и Норвегіи династія, и постановляетъ, что въ этомъ случаѣ шведскій и норвежскій народы должны каждый избрать кандидата на шведско-норвежскій престолъ, и если выборъ не падетъ на одно лицо, то уполномоченные ихъ соберутся въ опредѣленномъ городѣ и изберутъ одного государя. Отсюда видно, что связь между двумя государствами не поставлена въ зависимость отъ династіи, но должна существовать постоянно и, слѣдовательно, есть связь реальная. Если же въ послѣднее время Норвежцы стремятся къ тому, чтобъ имѣть своего собственнаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ и свое дипломатическое и консульское представительство заграницею, то явнымъ образомъ стремятся къ полному отдѣленію отъ Швеціи. Иностранныя государства, принявшія дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, назначенныхъ правительствомъ въ Христіаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ признали бы полную международную независимость Норвегіи — республики или королевства, если норвежскій народъ выберетъ себѣ своего особеннаго короля. Шведскій король перестанетъ царствовать надъ Норвегіею съ момента существованія этой страны, какъ международной личности, съ собственнымъ правомъ посольства и консульства.

По странному мнѣнію нѣкоторыхъ писателей[1]), Россія и Великое княжество Финляндское состоятъ между собою въ „реальномъ" соединеніи. Въ

[1]) Какъ напр. Geffcken въ послѣднемъ (1881 г.) изд. Völkerrecht Heffter'a (§ 49). Совершенно вѣрный взглядъ находимъ у Jellinek. Lehre von den Staatenverbindungen, S. 70—71.

основѣ реальнаго соединенія обыкновенно лежитъ взаимное соглашеніе соединяющихся государствъ. Между тѣмъ извѣстно, что Финляндія отошла къ Россіи на основаніи Фридрихсгамскаго мирнаго трактата (1809 г.), заключеннаго между Россіей и Швеціей[1]). Въ 4 статьѣ этого договора сказано: „Всѣ эти (финляндскія) провинціи, съ жителями, городами, портами, крѣпостями, деревнями и островами, равно со всѣми угодьями, будутъ принадлежать отнынѣ въ полную собственность и верховенство Россійской Имперіи и останутся присоединенными къ ней". Очевидно, что Финляндское княжество есть неотъемлемая часть Россіи, ея провинція. Если же она имѣетъ свою конституцію и различныя автономныя учрежденія, то послѣднія предоставлены ей Императорскою властью, а не введены по взаимному соглашенію Княжества и Имперіи, какъ двухъ равноправныхъ контрагентовъ[2]).

§ 59. γ) **Союзное государство.** Съ точки зрѣнія международнаго права, союзное государство должно удовлетворять двумъ основнымъ условіямъ: 1) обладать верховною союзною властью и быть единою международною личностью; 2) будучи единичнымъ субъектомъ международнаго права, оно должно лишать этого характера государства, подчиненныя общей союзной власти[3]).

Прилагая это опредѣленіе къ нынѣшней Германской имперіи, мы должны сказать, что она не есть союзное государство, потому что не отнимаетъ международнаго представительства отъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Но она стоитъ на пути къ союзному государству. Исторія возникновенія союзныхъ государствъ вообще показываетъ, что они образуются изъ союза государствъ подъ давленіемъ международныхъ потребностей. Они—результатъ не столько общности экономическихъ, соціальныхъ, національныхъ интересовъ или географическаго положенія, сколько международнаго положенія извѣстной

---

[1]) Ch. de Martens et Cussy. Recueil manuel, t. II, 338. Полное Собр. зак. № 23883.—Lawrence-Wheaton, I, 342.

[2]) Срав. Mechelin. Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande. Helsingfors 1886. Его же этюдъ въ Marquardsen's Handbuch des öffentl. Rechts, Bd. IV.—Ордина. Покореніе Финляндіи. Спб. 1889, 2 тома. Критика на это сочиненіе проф. Даніельсона: „Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Имперіею". Спб. 1890.—Hisinger. On the validity of the fundamental Laws of Finland. Stockholm 1892.

[3]) См. въ особенности Jellinek, loc. cit., S. 253—314. Срав. также Brie. Zur Lehre von den Staatenverbindungen (Grünhut's Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht, Bd. XI, S. 85 flg.).

группы народовъ, вызывающаго сплоченіе ихъ силъ для охраненія внѣшней безопасности. Во имя этой цѣли они отказываются отъ международныхъ своихъ правъ и подчиняются общей верховной союзной власти.

1. Швейцарскій союзъ. Какъ самостоятельное государство, Швейцарія была признана формальнымъ образомъ въ 1648 г. и представляла союзъ 13 самостоятельныхъ кантоновъ. Во время войнъ противъ французской революціи положеніе Швейцаріи было весьма трудное. Въ 1798 г. въ ея составъ вошли 6 новыхъ кантоновъ. Всѣ швейцарскіе кантоны были независимыми государствами и субъектами международнаго права: они имѣли право самостоятельнаго веденія дипломатическихъ сношеній и заключенія трактатовъ, въ особенности „военныхъ капитуляцій", на основаніи которыхъ поставляли различнымъ дворамъ отборныхъ солдатъ изъ числа своихъ подданныхъ. Положеніе кантоновъ измѣнилось на основаніи конституцій 1798 и 1803 г. Изъ всѣхъ кантоновъ была образована Гельветическая республика подъ властью союзнаго сейма, который собирался поочередно въ Фрейбургѣ, Бернѣ, Золотурнѣ, Базелѣ, Люцернѣ и Цюрихѣ. Предсѣдателемъ сейма и главою союза въ международныхъ сношеніяхъ былъ президентъ (Landammann кантона того города, гдѣ собирался сеймъ.

На Вѣнскомъ конгрессѣ это устройство было измѣнено. Новая конституція (1815 г.) присоединила къ 19 существовавшимъ кантонамъ еще 3, и всѣ они получили гарантію неприкосновенности и вѣчнаго нейтралитета. Цѣль союза заключалась въ охраненіи свободы и независимости всего союза и каждаго кантона. Дѣлами союза завѣдывалъ сеймъ, составленный изъ делегатовъ отъ кантоновъ и засѣдавшій поочередно въ Бернѣ, Цюрихѣ и Люцернѣ. Кантонъ того города, въ которомъ собирался сеймъ, былъ „правительствующимъ кантономъ". Сеймъ управлялъ международными сношеніями, но кантоны сохранили за собою право заключать конвенціи, какъ-то: военныя капитуляціи, о полиціи и объ экономическихъ интересахъ.

Устройство 1815 г. оказалось несостоятельнымъ. Оно слишкомъ разъединило швейцарскіе кантоны во внутреннихъ и въ особенности въ международныхъ отношеніяхъ, и въ Швейцаріи все болѣе утверждалось сознаніе необходимости, въ виду международныхъ интересовъ, сплотиться въ одно цѣлое подъ властью сильной союзной власти. Такъ началась борьба между централистами и автономистами, которая проходитъ чрезъ всю исторію Швейцаріи до новѣйшаго времени.

Въ 1848 г. была издана новая конституція, на основаніи которой Швейцарія объявлена уже союзнымъ государствомъ изъ 25 кантоновъ. Въ рукахъ союзной власти сосредоточилось завѣдываніе международными сношеніями, объявленіе войны, заключеніе мира и трактатовъ и т. д., причемъ кантоны лишились права заключать военныя капитуляціи, но удержали за собою право входить въ соглашенія международныя по дѣламъ, касающимся сосѣдства, полиціи или хозяйственныхъ интересовъ, насколько это не противорѣчитъ интересамъ всего Швейцарскаго государства. Всѣ сношенія кантоновъ съ иностранными державами происходятъ чрезъ посредство союзнаго совѣта и его президента, которые служатъ органами союзной исполнительной власти. Власть законодательная принадлежитъ федеральному собранію, состоящему изъ „національнаго совѣта“ и „совѣта кантоновъ“.

Конституція 1848 г. была пересмотрѣна въ 1874 г. и измѣнена въ смыслѣ расширенія правъ союзной власти по отношенію къ кантонамъ и по вопросу о натурализаціи иностранцевъ въ Швейцаріи[1]).

2. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Исторія устройства этого государства убѣдительно доказываетъ силу того вліянія, которое оказываютъ международные интересы на преобразованіе союза государствъ въ государство союзное.

---

[1]) Bluntschli. Geschichte des schweizerischen Bundesrechts. 2 Aufl. Stuttgart 1875. Cherbuliez. De la démocratie en Suisse. Paris 1843. Orelli. Das Staatsrecht der Schweiz. (Marquardsen. Handbuch des öffentlichen Rechts, Bd. IV, 2 Abth.). См. Staatsarchiv. 1874. № 5177.

По конституціи 1778 г., Сѣверо-Американскіе Штаты составляли союзъ государствъ. Каждый штатъ былъ самостоятельнымъ государствомъ и международною личностью. Понятно само собою, что дѣйствія представителей Штатовъ въ области международныхъ отношеній часто противорѣчили тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовала въ этой же сферѣ высшая союзная власть—президентъ Штатовъ. Центральное правительство не имѣло никакихъ средствъ охранять международные интересы союза и содѣйствовать ихъ развитію: въ его распоряженіи не было ни арміи, ни финансовъ.

Это невозможное съ точки зрѣнія международныхъ отношеній устройство Штатовъ скоро дало себя почувствовать и вызвало агитацію въ пользу установленія болѣе прочнаго порядка, обезпечивающаго цѣлость и неприкосновенность юной республики. Благодаря стараніямъ Гамильтона, Мадисона и другихъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей, въ 1787 г. была издана новая конституція, организовавшая Штаты въ видѣ союзнаго государства [1]. На основаніи ея внутренняя автономія штатовъ осталась въ прежней силѣ, но въ международныхъ сношеніяхъ республика является единымъ нераздѣльнымъ цѣлымъ и субъектомъ международнаго права [2].

Центральными органами штатовъ служатъ: Вашингтонскій **конгрессъ**, состоящій изъ **сената** и **палаты представителей** и **президента**, который есть глава исполнительной власти союза. Въ составѣ сената находится особый „**комитетъ по иностраннымъ дѣламъ**“. Всѣ дипломатическія сношенія Союза находятся въ завѣдываніи президента съ рѣшительнымъ исключеніемъ самостоятельнаго международнаго представительства отдѣльныхъ штатовъ. „Комитетъ по иностраннымъ дѣламъ“ контролируетъ внѣшнюю политику президента. Такимъ образомъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты представляютъ типъ союзнаго государства, какъ особаго вида международной личности [3].

---

[1]) Срав. Story. Commentaries on the Constitution of the United States (Boston 1833), § 243—271. Tocqueville. De la démocratie en Amérique. Paris 1836. Calhoun. A disquisition of governement, p. 132, 201 etc.

[2]) Конституція С.-А. Соединенныхъ Штатовъ начинается слѣдующими словами: „We the people of the United States“.

[3]) Срав. Rüttimann. Das nordamerikanische Bundesstaatsrecht etc. Zürich 1872. Th. II, § 351—382. Holst. Verfassung und Democratie der Vereinigten Staaten von Amerika. Düsseldorf 1873. 3 Bde. Schlief. Die Verfassung der Nord-Amerik. Union, Leipzig 1880. Holst. Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika. (Marquardsen. Handbuch, Bd. IV. Abth. III).

3. Аргентинская республика. Она сдѣлалась независимою съ 1816 г. и состоитъ изъ 14 штатовъ, автономныхъ во внутреннемъ управленіи, въ международныхъ же сношеніяхъ представляемыхъ какъ одно цѣлое, центральною союзною властью. Устройство ея сходно съ конституціей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [1]).

§ 60. д) Полунезависимыя государства. Они суть созданія исключительно международныхъ отношеній и порядка: существованіе ихъ объясняется настоятельною необходимостью найти такой modus vivendi между данными государствами, который предупредилъ бы неизбѣжное между ними столкновеніе; это компромиссъ между противоположными интересами, въ данную минуту не поддающимися окончательному разрѣшенію. Въ этомъ смыслѣ полунезависимость является переходною ступенью отъ полной государственной зависимости къ полному международному суверенитету, или наоборотъ, и только какъ переходная и временная форма она имѣетъ свою raison d'être. Разсматриваемая же съ точки зрѣнія науки о государствѣ, она есть non sens, ибо понятіе государства исключаетъ само по себѣ какую бы ни было не самостоятельность.

Существенный признакъ полунезависимаго государства состоитъ въ подчиненіи внѣшнихъ его сношеній иноземной государственной власти; въ области же внутренняго своего управленія оно, по большей части, совершенно автономно. Обыкновенно также государство платитъ своему сюзерену дань, размѣръ которой опредѣляется или взаимнымъ ихъ соглашеніемъ, или трактатомъ, создавшимъ полунезависимое государство.

Впрочемъ, платежъ трибута не есть безусловный признакъ несамостоятельности. Бывали случаи, когда одно государство уплачивало дань другому, но сохраняло полную международную суверенность. Такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія Вашингтонское правительство платило ежегодно Алжирскому дею опредѣленную сумму въ видѣ откупа отъ захватовъ и продажи въ рабство алжирскими пиратами американскихъ мореходцевъ, не находя удобнымъ вести противъ нихъ

[1]) Phillimore. Commentaries, I, 163. Calvo. Droit international, I, 189.

войну; но чрезъ это Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не стояли, конечно, въ вассальной зависимости отъ Алжирскаго дея.

Полунезависимость государства обнаруживается въ различныхъ формахъ: во 1-хъ, она можетъ вытекать изъ покровительства одного государства надъ другимъ, установляемаго обыкновенно съ цѣлью обезпеченія внѣшней безопасности покровительствуемаго народа, который обязанъ за это подчиняться контролю со стороны покровительствующаго правительства въ области дипломатическихъ сношеній; во-2-хъ, она можетъ выражаться въ вассальныхъ отношеніяхъ государства, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находились вассалы къ своему сюзерену въ средніе вѣка. И въ томъ и другомъ случаѣ автономія международныхъ сношеній государства одинаково является ограниченною [1]).

Вызванная конкретными и преходящими политическими обстоятельствами, полунезависимость прекращается вмѣстѣ съ этими обстоятельствами. При этомъ государству можетъ предстоять двоякаго рода судьба: или въ порядкѣ нормальнаго развитія, оно сдѣлается совершенно независимымъ, станетъ субъектомъ международнаго права, или при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ окончательно подчинится власти того государства, подъ покровительствомъ или сюзеренитетомъ котораго находилось [2]). Первая форма развитія, какъ показываютъ факты и исторія, преобладаетъ на Востокѣ, въ тѣхъ государствахъ, которыя созданы европейскою дипломатіей изъ провинцій Оттоманской Имперіи; на Западѣ же обыкновенно покровительство европейскихъ державъ приводитъ къ совершенному лишенію независимости покровительствуемаго государства, какъ это было, напр., съ Краковской республикой.

Изъ существующихъ государствъ нижеслѣдующія находятся въ положеніи полунезависимыхъ.

1. Египетъ. Современное положеніе этого государства заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду Суэзскаго канала, получив-

[1]) Austin's Jurisprudence, p. 201 — 208.

[2]) „Сюзеренитетъ" есть ограниченный суверенитетъ верховной власти господствующаго государства надъ полунезависимымъ правительствомъ.

шаго всемірное значеніе, какъ артерія международныхъ оборотовъ европейскихъ государствъ съ Востокомъ.

Юридическое положеніе Египта опредѣлено Лондонскою конвенціею 1840 г., заключенной между Австріей, Россіей, Пруссіей и Англіей, и принятой Турціей[1]). Франція въ соглашеніи не участвовала и старалась ему помѣшать. Лондонскою конвенціей былъ подтвержденъ порядокъ вещей, установившійся въ отношеніяхъ между Египтомъ и Портою со времени назначенія египетскимъ губернаторомъ Мегемета-Али (1806 г.).

Знаменитый паша уничтожилъ мамелюковъ, господствовавшихъ въ Египтѣ, водворилъ порядокъ въ странѣ, обезпечилъ развитіе ея промышленности и торговли и создалъ вооруженную силу, которая дала ему возможность считать себя полнымъ господиномъ надъ управляемою имъ областью. Въ 1831 г. Мегеметъ-Али, возставъ противъ султана, завоевалъ Сирію, разбилъ турецкія войска въ Малой Азіи и готовился уже идти на Константинополь. Опасаясь за цѣлость Оттоманской имперіи, европейскія державы рѣшили вмѣшаться въ турецко-египетскую распрю[2]). Благодаря посылкѣ въ Малую Азію русскаго вспомогательнаго корпуса, Мегеметъ-Али примирился съ султаномъ, который предоставилъ ему въ самостоятельное управленіе не только Египетъ, но также Палестину и Сирію. Этотъ миръ скоро былъ нарушенъ Портою, и въ 1838 г. снова началась ея война съ непокорнымъ губернаторомъ. Пораженія, нанесенныя турецкой арміи, вызвали опять заступничество западныхъ державъ, принудившихъ Мегемета-Али прекратить военныя дѣйствія и подчиниться рѣшеніямъ конференціи, собравшейся въ Лондонѣ въ 1840 г.[3]).

Главнѣйшія постановленія Лондонской конференціи заключались въ слѣдующемъ: 1) во внутреннемъ управленіи египетскій вице-король или хедивъ пользуется автономіей, но управляетъ „именемъ султана"; 2) войска и флотъ египетскіе считаются частью оттоманскихъ вооруженныхъ силъ; 3) денежные знаки, выпускаемые египетскимъ казначействомъ, имѣютъ на одной сторонѣ изображеніе султана, на другой—хедива; 4) Египетъ уплачиваетъ Портѣ опредѣ-

---

[1]) Martens (Murhard). Recueil, t. I, p. 158. Neumann. Recueil, t. IV, p. 453.

[2]) См. мое Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IV, ч. I, стр. 435 и слѣд.; стр. 463 и слѣд. Срав. Prokesch-Osten. Mehmed-Ali, Vizekönig von Aegypten. Wien 1877.

[3]) Мое Собраніе трактатовъ т. IV, ч. I, стр. 475 и слѣд.

лонную дань; 6) всѣ международныя сношенія Египта должны происходить чрезъ Константинопольское правительство, и заключаемые послѣднимъ трактаты обязательны для египетскаго вице-короля.

Послѣ 1840 г. между Египтомъ и Портою не было болѣе войнъ, но права хедива постепенно расширялись. На основаніи султанскаго фирмана 1866 г. престолъ египетскій объявленъ наслѣдственнымъ въ прямой нисходящей линіи царствующаго дома (Мегемета-Али). Фирманъ 1873 г. даетъ хедиву право заключать даже международныя конвенціи по торговымъ вопросамъ [1]). Съ прорытіемъ Суэзскаго канала международное значеніе Египта все болѣе выступаетъ на первый планъ. Въ Египтѣ устраиваются смѣшанные суды, въ которыхъ участвуютъ европейцы, для разбора дѣлъ между подданными европейскихъ государствъ и туземцами. Вслѣдствіе финансоваго разстройства этой страны, дошедшаго до такихъ размѣровъ, что хедивъ не былъ въ состояніи уплачивать проценты по заключеннымъ имъ займамъ, была учреждена изъ представителей наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ государствъ—Англіи и Франціи — постоянная финансовая коммисія, имѣющая надзоръ за управленіемъ доходами и расходами Египта [2]). Вліяніе европейскихъ правительствъ на внутреннія дѣла этого государства выразилось наглядно въ 1879 г., когда подъ давленіемъ Франціи и Англіи и съ согласія другихъ европейскихъ правительствъ, бывшій хедивъ Измаилъ - паша долженъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына Тевфика-паши.

Въ виду международнаго значенія Египта и въ особенности въ виду Лондонскаго договора 1840 г., сохраняющаго свою силу до настоящаго времени, юридическое положеніе египетскаго правительства, опредѣленное этимъ договоромъ, должно быть неприкосновенно какъ для Турціи, такъ и для всякой другой державы; оно

---

[1]) См. англійскую „Blue-Book“: Firmans granted by the Sultans to the Viceroys of Egypt, 1843—1873. (Egypt. № 4, 1879). Въ настоящее время египетская дань султану: 750,000 ф. стерл.

[2]) Срав. финансовый отчетъ англичанина Cave (Staatsarchiv, Bd. XXX, № 5759).

созданіе европейскаго соглашенія и только посредствомъ такого же соглашенія можетъ быть измѣнено или отмѣнено. На этомъ основаніи англійская оккупація Египта, продолжающаяся уже нѣсколько лѣтъ (съ 1882 г.), нисколько не отмѣнила обязательности постановленій Лондонской конвенціи 1840 года. Сама Англія не отрицаетъ этого положенія [1]).

2. **Болгарское княжество.** Международное положеніе Болгаріи опредѣляется Берлинскимъ трактатомъ 1878 г. [2]).

На основаніи С.-Стефанскаго прелиминарнаго мира (ст. 6—12), Болгарія должна была образовать „самоуправляющееся, платящее дань княжество съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ" (ст. 6). Уставъ управленія Болгаріи предоставлено выработать собранію ея именитыхъ людей, подъ наблюденіемъ русскаго коммиссара и въ присутствіи коммиссара оттоманскаго. Князь избирается населеніемъ и утверждается Портою съ согласія державъ. Онъ не можетъ быть избранъ изъ членовъ царствующихъ династій великихъ европейскихъ державъ (ст. 7). Турецкія войска должны быть выведены изъ Болгаріи и всѣ прежнія въ ней крѣпости срыты (ст. 8). Границы Болгаріи обнимали обширную территорію, начинаясь у Дуная и доходя до Салоникъ, такъ что Константинополь былъ отрѣзанъ болгарскими владѣніями отъ Македоніи и Ѳессаліи, остававшихся подъ властью Порты.

Берлинскій трактатъ развилъ далѣе тѣ изъ постановленій С.-Стефанскаго мира, которыя касались международнаго юридическаго положенія Болгарскаго княжества, а именно: 1) княжество получило автономію во внутреннемъ управленіи, но поставлено подъ главенство султана, которому обязано платить дань (ст. 1); 2) избранный населеніемъ болгарскій князь утверждается Блистательной Портой съ согласія державъ (ст. 3); 3) трактаты о торговлѣ и судоходствѣ и всѣ дѣйствующія соглашенія между Портою и иностранными державами сохраняютъ силу для Болгаріи, точно также остаются въ

[1]) Съ этой точки зрѣнія коллективная англо-французская нота отъ 7 января 1882 года несогласна съ существующими международными обязательствами. См. Plauchut. L'Egypte et l'occupation anglaise. (Revue des D. M. 1888, livraisons du 1 et 15 décembre etc.).

Kaufmann. Das internationale Recht der egyptischen Staatsschuld. Berlin 1891.

[2]) Срав. статью Bluntschli въ „Revue de droit international" 1881, p. 571 et ss.

силѣ права консульской юрисдикціи, установленныя капитуляціями и обычаями (ст. 8); 4) княжество, какъ часть Оттоманской имперіи, обязано нести на себѣ извѣстную долю государственнаго долга имперіи (ст. 9); 5) уроженцы Болгарскаго княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи, не пользуются льготами и привилегіями иностранныхъ подданныхъ, но подчиняются властямъ и законамъ оттоманскимъ (ст. 12).

Эти постановленія показываютъ, что Болгарія въ международныхъ отношеніяхъ не есть самостоятельный субъектъ права: она зависитъ отъ Порты и поставлена подъ контроль и охрану великихъ державъ, которыя подписали Берлинскій трактатъ. Конгрессъ Берлинскій опредѣлилъ, какія начала должны быть положены въ основу государственнаго права Болгаріи: органическій уставъ княжества, выработанный Болгарскимъ собраніемъ, долженъ обезпечивать всѣмъ гражданамъ равенство передъ закономъ, несмотря на различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ; всѣ болгарскіе уроженцы и иностранцы пользуются свободнымъ внѣшнимъ отправленіемъ своего богослуженія (ст. 5). Поэтому религіозныя преслѣдованія, которыя допустило бы болгарское правительство въ своей странѣ, могутъ вызвать вмѣшательство со стороны великихъ державъ.

Границы Болгарскаго княжества, установленныя С.-Стефанскимъ трактатомъ, подверглись значительному измѣненію. Изъ предположеннаго этимъ актомъ единаго княжества Болгаріи, Берлинскій трактатъ образовалъ двѣ области: Болгарію и Восточную Румелію. Границею между ними служатъ Балканы, со включеніемъ въ составъ Болгаріи Софійскаго санджака (ст. 2).

По заключеніи Берлинскаго трактата, собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Тырновѣ, учредило представительное правленіе въ княжествѣ и избрало княземъ болгарскимъ принца Александра Баттенбергскаго [1]).

[1]) Текстъ болгарской конституціи см. въ Staatsarchiv, Bd. XXXVI, 1879, № 7081. Въ настоящее время болгарская территорія обнимаетъ пространство въ 63,865 □ километр. или 1,160 □ географ. миль съ населеніемъ 2.400,000 жит.

Въ іюлѣ 1881 г. болгарскій князь совершилъ переворотъ, упразднивъ Народное Собраніе и учредивъ на его мѣсто Государственный Совѣтъ. Съ Портою возникли серьезныя недоразумѣнія по поводу уплаты княжествомъ дани и особенно изъ за вопроса объ его дипломатическомъ агентствѣ въ Константинополѣ. По примѣру бывшихъ полунезависимыхъ князей сербскаго и румынскаго, болгарскій князь имѣлъ особаго агента при Портѣ для защиты своихъ интересовъ и вообще сношеній съ правительствомъ султана. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болгарскій уполномоченный отправлялъ свою должность и былъ признаваемъ Портою; но въ Константинополѣ было учреждено „Бюро для привилегированныхъ областей“ — Леванта, острова Самоса, Кандіи, Восточной Румеліи и Болгарскаго княжества — куда и предложено было агенту Болгаріи обращаться по всѣмъ своимъ дѣламъ. Такимъ образомъ княжество было поставлено на одну доску съ турецкими провинціями, вовсе не равными ему по своимъ правамъ и положенію. Болгарскій князь справедливо протестовалъ противъ такого образа дѣйствій турецкаго правительства и, наконецъ, на время прекратилъ вовсе дипломатическія съ нимъ сношенія.

Въ сентябрѣ 1882 г. Порта отказалась отъ своего несправедливаго требованія и согласилась признать за Болгарскимъ агентомъ право сноситься непосредственно по дѣламъ княжества съ Портою.

Съ 1886 года Болгарское княжество соединено съ Восточною Румеліей въ лицѣ князя, назначеннаго также генералъ-губернаторомъ упомянутой провинціи.

3. Восточная Румелія. На югъ отъ Балканъ Берлинскій конгрессъ образовалъ особую провинцію съ наименованіемъ „Восточная Румелія“, которая есть собственно не полунезависимое государство, но область, находящаяся подъ политическимъ и военнымъ управленіемъ султана. Однако, автономія этой провинціи и покровительство, которымъ она пользовалась со стороны великихъ европейскихъ державъ, поставили ее въ дѣйствительности почти въ такое же международное положеніе, въ какомъ находились прежде Дунайскія княжества и Сербія.

Берлинскій трактатъ оставилъ Восточную Румелію подъ „непосредственною политическою и военною властью“ султана на условіяхъ „административной автономіи“ (ст. 13). Она имѣетъ генералъ-губернатора христіанскаго исповѣданія, который назначается на 5 лѣтъ султаномъ, „съ согласія“ державъ (ст. 17). Внутренній поря-

докъ провинціи охраняется туземною стражею при содѣйствіи милиціи, офицеры которой назначаются султаномъ. Султанъ имѣетъ право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая крѣпости и содержа въ нихъ войско; но употребленіе иррегулярныхъ войскъ (башибузуковъ) запрещается. При переходѣ черезъ область регулярныя войска не могутъ дѣлать остановокъ (ст. 15). Генералъ-губернатору предоставлено право призывать оттоманскія войска въ случаѣ внѣшней опасности или внутреннихъ безпорядковъ. О мотивахъ этой мѣры султанъ даетъ объясненіе представителямъ европейскихъ державъ въ Константинополѣ (ст. 16).

Уставъ Восточной Румеліи былъ выработанъ европейскою коммисіей совмѣстно съ Портою; онъ былъ обнародованъ султанскимъ фирманомъ и сообщенъ Портою европейскимъ державамъ [1]). На основаніи этого устава Восточная Румелія имѣла представительное „Областное собраніе", которое вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ самостоятельно завѣдовало всѣмъ административнымъ и судебнымъ управленіемъ области. Но генералъ-губернаторъ не можетъ входить непосредственно въ сношенія съ иностранными державами. Всѣ трактаты, конвенціи и международныя соглашенія, какого бы ни было свойства, заключенные Портою, обязательны для Восточной Румеліи (ст. 21).

Въ новѣйшее время державы согласились на отмѣну дѣйствія капитуляцій въ Восточной Румеліи.

Совокупность постановленій Берлинскаго трактата, касающихся Румеліи, вполнѣ убѣждаетъ, что эта провинція имѣетъ международный характеръ. Суверенитетъ Порты по отношенію къ ней настолько ограниченъ въ области внутренняго управленія и поставленъ въ такія стѣснительныя условія для своего осуществленія, что Восточная Румелія можетъ считаться de facto полунезависимою областью, оставленною рѣшеніемъ международнаго конгресса въ составѣ Оттоманской имперіи. Международный ея характеръ и слитіе съ Болгаріей, какъ говорилъ Блюнчли, дѣло ближайшаго будущаго [2]). Предсказаніе покойнаго профессора Гейдельбергскаго университета осуществилось раньше, чѣмъ ожидали: въ сентябрѣ 1885 г.

---

[1]) См. этотъ уставъ въ Staatsarchiv, Bd. XXXVI, 1879, № 7064.

[2]) Revue de droit int., t. XII, 1881. p. 580. Восточная Румелія занимаетъ пространство въ 35,387 □ килом. и имѣетъ 976,100 жит.

народонаселеніе Восточной Румеліи провозгласило свое соединеніе съ народомъ болгарскимъ, которое въ мартѣ 1886 года получило признаніе со стороны великихъ европейскихъ державъ въ постановленіяхъ Константинопольской конференціи, на основаніи которыхъ князь болгарскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи на пять лѣтъ. Этотъ срокъ получилъ впослѣдствіи молчаливое продолженіе, и непризнанный державами принцъ Кобургскій управляетъ нынѣ Восточною Румеліею.

§ 61. 4. Варварійскія владѣнія: Тунисъ, Триполи и Алжирія. Изъ этихъ трехъ владѣній только первое можетъ считаться полунезависимымъ государствомъ.

Триполи, начиная съ 1835 г., обратилось въ турецкую провинцію безъ всякихъ особенныхъ правъ и привилегій. Генералъ-губернаторы ея назначаются и смѣняются Портою.

Въ прежнее время гнѣздо пиратовъ, Алжирія, послѣ завоеванія Французами въ 1830 г., присоединена къ Франціи и управляется, на основаніи особыхъ законовъ, какъ французская область [1]).

Что касается Туниса, то новѣйшія событія вызвали споръ между Франціей и Портою относительно его международнаго положенія. По мнѣнію французскаго правительства, Тунисъ издавна совершенно независимое государство, ничѣмъ не связанное съ Оттоманскою имперіей. Напротивъ, Порта считаетъ бея тунисскаго своимъ вассаломъ. Не входя въ разсмотрѣніе доводовъ, приводимыхъ въ защиту того и другого взгляда, укажемъ на нѣкоторые факты, доказывающіе, что до послѣдняго времени тунисскій бей и самъ считалъ себя подчиненнымъ султану, и разсматривался таковымъ со стороны другихъ государствъ.

Послѣ завоеванія Сѣверной Африки Турками въ XVI в., тунисскіе беи успѣли сохранить за собою большую самостоятельность. Однако, они не отрицали сюзеренитетъ султана и даже платили ему дань, которую они называли „добровольнымъ приношеніемъ“. За-

[1]) Срав. любопытное сочиненіе Playfair. The scourge of Christendom. Annals of British relations with Algiers prior to the French conquest. London 1884.

висимость Туниса отъ Порты признавали также великія европейскія державы. Въ случаѣ насилій, причиненныхъ ихъ подданнымъ со стороны тунисскихъ разбойниковъ, онѣ обращались съ жалобами и требованіями удовлетворенія чаще къ турецкому правительству, нежели къ тунисскому бею. Такъ, на основаніи Систовскаго трактата 1791 г., Австрія обязываетъ Порту прекратить пиратство тунисскихъ корсаровъ и вознаградить тѣхъ австрійскихъ подданныхъ, которые пострадали отъ ихъ разбоя [1]). Русское правительство, какъ видно изъ торговаго договора 1783 г. (ст. 60 и слѣд.), Ясскаго трактата 1791 г. (ст. 7), Букарестскаго 1812 г. (ст. 12) и Аккерманской конвенціи 1826 г. (ст. 6 и 7), точно также считаетъ отвѣтственнымъ за грабежи тунисцевъ султана. Наконецъ, Порта постоянно называетъ бея генералъ-губернаторомъ Туниса и даетъ ему инвеституру. Наслѣдственность этого званія въ нисходящей линіи бея утверждена султанскимъ фирманомъ въ 1871 г. На фактѣ зависимость Туниса отъ Оттоманской имперіи проявлялась въ разное время болѣе или менѣе осязательно смотря по тому, кто занималъ престолъ тунисскій и кто царствовалъ въ Стамбулѣ. При слабомъ султанскомъ правительствѣ энергическіе беи могли, конечно, игнорировать свою зависимость отъ Порты и заключали самостоятельно трактаты съ европейскими державами. Но въ виду приведенныхъ выше данныхъ вассальныя de jure отношенія Туниса къ Портѣ едвали подлежатъ сомнѣнію [2]).

Послѣ экспедиціи французскихъ войскъ въ апрѣлѣ 1881 г. противъ хрумировъ, положеніе Туниса измѣнилось. Франція заключила съ беемъ трактатъ (11 мая 1881 г.), поставившій тунисскія владѣнія подъ ея покровительство [3]). На основаніи этого договора бей признаетъ надъ собою протекторатъ Франціи; французскія войска

[1]) Neumann. Recueil des traités, I, p. 454.

[2]) Срав. Staatsarchiv, Bd. XXXIX, 1881, №№ 7447, 7469, 7473, 7470 и др. Противоположный взглядъ французскаго правительства защищаетъ, между прочимъ, Engelhardt въ Revue de droit international, t. XII, 1881, p. 331 et ss. См. Phillimore. Commentaries. t. I, p. 121 etc. Lawrence-Wheaton, I, 257.

[3]) Staatsarchiv. Bd. XXXIX, № 7479.

временно занимаютъ избранные ими въ Тунисѣ пункты (ст. 2) и французскій министръ-резидентъ дѣлается посредникомъ въ сношеніяхъ бея съ иностранными державами (ст. 5).

Эти постановленія показываютъ, что Тунисъ въ настоящее время есть полунезависимое по отношенію къ Франціи, но не Турціи, государство. И такъ какъ всѣ полунезависимыя государства, находящіяся въ составѣ Оттоманской имперіи, были созданы путемъ общаго соглашенія между европейскими державами, то отношенія Франціи къ Тунису могли бы быть также опредѣлены только этимъ путемъ. Въ виду несомнѣнныхъ правъ Турціи на Тунисъ, такое положеніе неопровержимо. Въ 1882 году европейскія державы согласились на предложеніе Франціи считать капитуляціи въ Тунисѣ отмѣненными и законно-дѣйствующею французскую юрисдикцію. Только Англія сдѣлала оговорку: она желала признать отмѣну капитуляцій только послѣ того, какъ французскіе суды окажутся на дѣлѣ вполнѣ состоятельными. Но съ 31 декабря 1883 г. англійское правительство согласилось признавать своихъ подданныхъ въ Тунисѣ подсудными французскимъ судамъ.

5. Островъ Самосъ есть привилегированная турецкая провинція, но не полунезависимое государство. Особенное положеніе его въ составѣ Оттоманской имперіи создано закономъ 1832 г. Онъ имѣетъ губернатора изъ христіанъ и пользуется нѣкоторыми другими преимуществами, которыя однако не охраняются никакимъ международнымъ соглашеніемъ и потому могутъ быть отмѣнены Портою.

6. Сирія. Въ 1860 г. христіанское населеніе этой области подверглось неистовствамъ мусульманъ, которыя побудили собравшуюся по этому поводу Парижскую конференцію рѣшить объ отправкѣ корпуса французскихъ войскъ для водворенія въ Левантѣ (Сиріи) порядка и охраненія жизни христіанъ. Послѣ того европейская коммиссія выработала въ 1864 году уставъ этой провинціи, опредѣляющій, что генералъ-губернаторъ ея будетъ избираемъ Портою съ согласія европейскихъ державъ и имѣетъ точно означенныя въ этомъ уставѣ права и обязанности по отношенію къ мѣстному христіан-

скому населенію. Отмѣнить своевольно этотъ уставъ Порта не въ правѣ [1]).

7. Санъ-Марино. Эта микроскопическая республика (18 □ итальянск. м. съ 8.000 ж.) находилась прежде въ предѣлахъ Папской области и подъ покровительствомъ папъ; съ 1862 г. пользуется протекторатомъ Итальянскаго королевства; какъ полусамостоятельное государство существуетъ съ V ст.

8. Республика Андорская. (5.800 ж.). Лежитъ на склонахъ Пиренеевъ. До 1868 г. признавала протекторатъ Франціи и епископа Ургельскаго (въ Испаніи); первой она платила дань въ 960 фр., второму—въ 841 фр. Съ 1868 г. Андора перешла подъ покровительство одной Франціи, но съ 1881 г. французское правительство опять раздѣляетъ свои права съ Ургельскимъ епископомъ. Оба покровителя назначаютъ въ Андору своихъ коммиссаровъ (viguiers), обязанныхъ наблюдать за порядкомъ и спокойствіемъ въ республикѣ.

9. Княжество Монако. Находится въ графствѣ Ницскомъ; до 1861 г. было подъ покровительствомъ Сардиніи, а теперь Франціи. Въ 1861 г. князь уступилъ послѣдней за 4 милл. фр. Roquebrune и Menton. Въ Монако дѣйствуютъ французскія таможенныя власти.

10. Хивинское ханство. Въ теченіе многихъ столѣтій Хива служила притономъ разбойниковъ, грабившихъ русскіе караваны и продававшихъ въ рабство захваченныхъ торговыхъ лицъ. Благопріятное въ военномъ отношеніи положеніе ханства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ недоступными пустынями, заставляло неоднократно терпѣть неудачи снаряжаемыя русскимъ правительствомъ экспедиціи противъ Хивы. Наконецъ, въ 1873 г. она была взята генераломъ Кауфманомъ, и по миру, заключенному съ нею въ томъ же году (24 авг.), ханство поставлено въ вассальныя отношенія къ Россіи.

[1]) См. Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1862, p. 99—104; 1868, p. 141—190. Срав. Calvon. Droit international, t. I, p. 177, 187. Lawrence-Wheaton. Commentaire, I, 122. — На основаніи ст. 23 Берлинскаго трактата Порта обязалась „ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 г. съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми". Подобные же уставы должны быть введены, съ нѣкоторыми исключеніями, и въ другихъ турецкихъ областяхъ.

Ханъ хивинскій объявилъ себя (ст. 1) „покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго". Онъ отказывается отъ права поддерживать непосредственныя отношенія съ князьями и ханами сосѣдними. Онъ никогда „не заключитъ ни коммерческихъ трактатовъ, ни другихъ договоровъ съ этими князьями и ханами и онъ никогда не приметъ участія въ непріязненныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія высшаго русскаго начальства въ Средней Азіи". Въ настоящее время ханъ пользуется въ своихъ владѣніяхъ административною автономіей: назначаетъ своихъ должностныхъ лицъ, собираетъ подати и проч., но дипломатическія его сношенія поставлены подъ контроль туркестанскаго генералъ-губернатора [1]).

11. Бухарское ханство. На основаніи трактата 1873 г. Бухара была поставлена въ близкія торговыя сношенія съ Россіею, которыя послѣ открытія закаспійской желѣзной дороги сдѣлались настолько тѣсными, что въ настоящее время всѣ торговые обороты ханства зависятъ отъ русскаго кредита и русскихъ кредитныхъ учрежденій. Политическая полунезависимость Бухарскаго ханства отъ Россіи не можетъ подлежать сомнѣнію.

12. Туземные князья въ англійской Индіи. Различные договоры, заключенные англійскою властью съ этими князьями, показываютъ, что административная самостоятельность, которою они пользуются, дарована имъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не входили ни въ какого рода международныя сдѣлки, даже въ союзъ другъ съ другомъ, помимо англійскаго правительства [2]).

13. Индійскія племена на территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Какъ аборигены, они въ дѣйствительности являются собственниками Американскаго континента. Вашингтонское правительство и Верховный Союзный судъ

---

[1]) См. Staatsarchiv, Bd. XXVI, 1874, № 3738.

[2]) Процессъ гаеквара Бародскаго, судимаго и низложеннаго по приговору англійскаго суда въ 1875 г., рельефно выяснилъ подчиненное положеніе индійскихъ князей. См. 7 Blue books объ этомъ процессѣ: Report of the Commission appointed to inquire into the Administration of the Baroda State. 1873—1875. Срав. также Creasy. First platform, p. 94.

въ принципѣ признаютъ это ихъ право, но объявляютъ, что они должны находиться подъ исключительнымъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. На основаніи судебныхъ рѣшеній и договоровъ индійскія племена имѣютъ право свободно управлять внутренними своими дѣлами, но иностранныя державы не могутъ входить съ ними въ какія либо сношенія [1]).

§ 62. Многія изъ тѣхъ государствъ, которыя находились въ положеніи полунезависимыхъ, утратили этотъ свой характеръ: они или были инкорпорированы, или образовали самостоятельныя государства. Исторія такихъ государствъ наглядно показываетъ, что полунезависимость есть переходная ступень къ полной зависимости или къ полной независимости. Она даетъ, кромѣ того, много указаній, при помощи которыхъ можно опредѣленнѣе выяснить положеніе нынѣ существующихъ государствъ, связанныхъ покровительствомъ. Въ виду этихъ соображеній считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о государствахъ, бывшихъ до послѣдняго времени полунезависимыми.

1. Румынія. Старыя господарства Молдавія и Валахія, составляющія Румынію, были завоеваны Турками въ XV ст. Рядомъ капитуляцій, заключенныхъ съ побѣдителями (1460, 1511, 1634 гг.), господари румынскіе обезпечили себѣ полную автономію во внутреннемъ правленіи. Они добились того, что Турки дали обѣщаніе не только не вмѣшиваться во внутреннія ихъ дѣла, но и не поселяться въ Румыніи. Зависимость княжествъ отъ Порты выражалась единственно въ томъ, что свободно избираемые ими господари утверждались султаномъ и платили ему опредѣленную въ капитуляціяхъ дань [2]).

Таковы были первоначальныя отношенія Румыніи къ Портѣ на основаніи заключенныхъ между ними договоровъ. Но договоры эти мало уважались со

[1]) Оригинально мнѣніе Calvo (Droit international, I, § 69), полагающаго, что индійскія племена владѣютъ землею въ Соединенныхъ Штатахъ „по праву оккупаціи“ (droit d'occupation). Скорѣе справедливо обратное положеніе, ибо Американцы заняли территоріи, принадлежавшія первобытному населенію Америки.

[2]) Срав. статьи Arntz, Engelhardt и Bluntschli въ Revue de droit international, t. IX, p. 18 et ss.; t. XI, p. 532 et ss.; t. XII, p. 410 et ss. Срав. также мой „Mémoire sur le conflit entre la Grèce et la Roumanie. L'affaire Zappa“. Athènes 1893.

стороны турецкихъ властей. Въ противность своимъ обязательствамъ, Порта постоянно вмѣшивалась въ управленіе княжествами и вводила здѣсь порядки, несогласные съ христіанскими вѣрованіями Румыновъ. Турецкій произволъ и насилія нашли отпоръ въ Россіи, которая со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 г.) взяла на себя покровительство и защиту христіанъ Балканскаго полуострова. Трактатомъ Букарестскимъ 1812 г. (по которому Россія пріобрѣла Бессарабію) и Аккерманскою конвенціей (1826 г.) Молдавіи и Валахіи была гарантирована полная внутренняя автономія. Она подтверждалась Андріанопольскимъ трактатомъ 1829 г. Наконецъ, въ 1830 г. въ Румынію былъ отправленъ, въ качествѣ коммиссара русскаго правительства, гр. Киселевъ, своею дѣятельностью весьма способствовавшій устройству и промышленному и торговому процвѣтанію княжествъ [1]).

Покровительство Россіи надъ Придунайскими княжествами признавалось безспорнымъ до Крымской войны. Оно было измѣнено Парижскимъ трактатомъ 1856 г. въ томъ смыслѣ, что изъ права, осуществляемаго исключительно Россіей, сдѣлалось правомъ всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Послѣдній опредѣлилъ, что оба княжества останутся подъ верховною властью султана, съ сохраненіемъ независимости во внутреннемъ управленіи, но безъ права вести непосредственныя дипломатическія сношенія съ другими государствами. Порта обязывалась немедленно по заключеніи трактата созвать совѣщательныя собранія (диваны) въ обоихъ княжествахъ для обсужденія тѣхъ преобразованій, которыя должны быть введены въ устройствѣ княжествъ. Окончательно это устройство было выработано Парижскою конференціей (1858 г.). Великія державы постановили, что оба княжества будутъ называться общимъ именемъ „Соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи", но каждое будетъ имѣть отдѣльныя государственныя учрежденія и своего господаря, избираемаго населеніемъ изъ природныхъ Румыновъ и утверждаемаго султаномъ. Размѣръ дани, уплачиваемой Портѣ, былъ опредѣленъ особо для каждаго княжества. Это неестественное раздѣленіе на практикѣ, однако, не осуществилось. Въ 1859 г. оба княжества избрали своимъ господаремъ одно лицо, полковника Кузу, который вступилъ въ управленіе Румыніей подъ именемъ Александра-Іоанна I. Великія державы согласились на соединеніе княжествъ, которыя стали именоваться оффиціально „Румынскимъ княжествомъ".

Въ 1866 г. партія, недовольная Кузой, заставила его отречься отъ престола и удалиться изъ Румыніи. На его мѣсто былъ избранъ въ томъ же

---

[1]) См. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1882, т. I, стр. 314 и слѣд.

году принцъ Карлъ-Людвигъ Гогенцоллернскій, послѣ нѣкотораго колебанія признанный великими державами и затѣмъ Портой.

Новое румынское правительство неуклонно стремилось къ тому, чтобы умалить по возможности тѣ обязанности, которыя налагались на княжество его полунезависимостью. Такъ, оно присвоило себѣ право вступать непосредственно въ дипломатическія сношенія съ иностранными державами. Наконецъ, въ маѣ 1877 г., когда русскія войска перешли границу Дунайскихъ княжествъ (на основаніи апрѣльской конвенціи съ румынскимъ правительствомъ), Румынія провозгласила свою независимость и объявила Портѣ войну.

На основаніи Санъ-Стефанскаго договора (ст. 5) Порта признала безусловно независимость Румыніи. Берлинскій трактатъ (ст. 43) также признаетъ ее, но при слѣдующихъ условіяхъ: 1-е, княжество уступаетъ обратно Россіи часть Бессарабской области, отошедшей къ нему по Парижскому трактату 1856 года (ст. 45); 2-е, княжество обезпечиваетъ подданнымъ всѣхъ державъ, торгующимъ и инымъ, пребывающимъ въ Румыніи, полное равенство, безъ различія вѣроисповѣданій, и признаетъ свободу совѣсти и богослуженія за всѣми лицами въ предѣлахъ своихъ владѣній (ст. 44). Благодаря этому условію, румынское законодательство, весьма неблагопріятное въ особенности для евреевъ, послѣ сильной агитаціи было наконецъ измѣнено въ смыслѣ требованій, поставленныхъ Берлинскимъ трактатомъ.

Весною 1881 г. палата народныхъ представителей и сенатъ Румыніи провозгласили своего князя королемъ румынскимъ. Этотъ титулъ признанъ въ настоящее время всѣми европейскими державами.

2. Сербія. Она была завоевана Турками въ 1454 г. и, подобно Румыніи, заключила съ Портой нѣсколько договоровъ, обезпечивающихъ Сербамъ нѣкоторую долю внутренней самостоятельности. Но административная автономія Сербіи никогда не была такъ обширна, какъ въ Румыніи. Только благодаря покровительству Россіи, Сербія стала въ положеніе полунезависимаго отъ Турціи государства[1]).

Прочное основаніе сербскому самоуправленію было положено Бухарестскимъ трактатомъ 1812 г. и Аккерманскою конвенціей 1826 г.,

[1]) См. Brunswick. Recueil des documents relatifs à la Serbie. Constantinople, 1876.

подтвержденныхъ въ своихъ постановленіяхъ, касающихся Сербіи, султанскимъ фирманомъ 1830 г. Сербія получила право самостоятельно завѣдывать внутренними своими дѣлами, съ обязанностью платить султану дань и не входить въ сношенія съ иностранными державами. Сербскія крѣпости были заняты турецкими гарнизонами. Положеніе Сербіи, какъ полунезависимаго княжества, подтверждается Парижскимъ трактатомъ 1856 г. Въ 1867 г. Сербы добились того, что державы заставили Порту вывести свои войска изъ сербскихъ крѣпостей. Въ послѣдней русско-турецкой войнѣ Сербія принимала активное участіе въ качествѣ союзницы Россіи и въ 1877 г. объявила себя независимою.

По миру въ С.-Стефано (ст. 3) Сербія признана независимою, что подтвердилъ и Берлинскій трактатъ (ст. 34), поставивъ однако условіемъ ея независимости обезпеченіе въ Сербскомъ княжествѣ свободы совѣсти и вѣроисповѣданій (ст. 35), неизмѣненіе коммерческихъ сношеній съ иностранными государствами до заключенія новыхъ трактатовъ и т. д. (ст. 37). Въ настоящее время Сербія есть вполнѣ независимое государство подъ властью государя изъ династіи Обреновичей, принявшаго въ февралѣ 1882 г. королевскій титулъ.

3. Іоническія острова. По освобожденіи изъ подъ власти Турокъ они находились подъ протекторатомъ Англіи (съ 1815—1863 г.)[1]). Внутренними дѣлами островов завѣдывалъ на мѣстѣ особый англійскій лордъ-коммиссаръ (Lord High Commissioner); международныя же ихъ сношенія оставались въ исключительномъ вѣдѣніи Лондонскаго кабинета.

Отношеніе островов къ Англіи характеризуется любопытнымъ случаемъ, имѣвшимъ мѣсто во время Крымской войны. Англійскій крейсеръ захватилъ съ контрабандой греческое судно, плававшее подъ флагомъ Іоническихъ островов. При обсужденіи законности этого захвата, англійскій призовый судъ рѣшилъ, что хотя Іоническія острова и находятся подъ протектора-

---

[1]) Phillimore. Commentaries, I, 100 etc. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. I, p. 231 et ss. Jellinek. Staatenverbindungen, S. 129.

томъ Англіи, но могутъ оставаться нейтральными въ случаѣ ея войны съ другими державами.

Въ 1863 г. англійское правительство добровольно отказалось отъ всякой власти надъ Іоническими островами въ пользу Греческаго королевства, неотъемлемою частью котораго они продолжаютъ оставаться до настоящаго времени.

4. Краковская республика. Она была создана Вѣнскимъ трактатомъ 1815 г., объявившимъ городъ Краковъ съ областью, ему принадлежащею, „на вѣчныя времена вольнымъ, независимымъ и совершенно нейтральнымъ" городомъ, подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи (ст. 6). Образованіе этой республики объясняется несогласіями, возникшими на Вѣнскомъ конгрессѣ между Австріей и Россіей относительно раздѣла герцогства Варшавскаго. Великія державы предоставили Кракову политическую независимость подъ условіемъ, чтобы онъ не служилъ убѣжищемъ для политическихъ агитаторовъ и польскихъ выходцевъ, недовольныхъ порядками въ сосѣднихъ государствахъ. Условіе это не было исполнено и потому три покровительствующія державы, въ виду постоянныхъ безпокойствъ, которыя причинялъ имъ Краковъ, рѣшили въ 1846 г. о присоединеніи его къ австрійскимъ владѣніямъ[1]).

Прибавленіе: о Черногоріи. Международное положеніе княжества Черногоріи до 1878 г. оставалось крайне неопредѣленнымъ.

Какъ нѣкоторые публицисты, такъ и державы (Англія еще на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г.) причисляли Черногорію къ полунезависимымъ въ отношеніи Турціи государствамъ. Въ дѣйствительности она никогда не подчинялась Портѣ, не платила ей дани и князья ея не утверждались султаномъ. Когда представитель Оттоманской имперіи на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., Али-паша, между прочимъ, заявилъ, что Черногорія есть зависимое отъ Порты государство, платящее дань султану, и представители другихъ державъ не возражали ему, князь черногорскій немедленно протестовалъ противъ этого заявленія, доказывая, что княжество всегда было неза-

[1]) См. мое Собраніе трактатовъ, т. III, стр. 319, 358 и слѣд.; особенно т. IV, ч. I, 471, 472 и слѣд.; 525 и слѣд.

висимо. Фактическое положеніе, которое постоянно занимала Черногорія по отношенію къ Турціи, служитъ лучшимъ опроверженіемъ притязаній Порты [1]).

Въ С.-Стефанскомъ мирномъ договорѣ Порта признала „окончательно" независимость княжества Черногорскаго (ст. 2) и согласилась на значительное расширеніе его территоріи на счетъ своихъ областей (ст. 1). Особенно важнымъ для княжества пріобрѣтеніемъ былъ портъ Антивари, который открывалъ Черногоріи непосредственный доступъ къ морю.

Постановленія Берлинскаго трактата существеннымъ образомъ измѣнили все положеніе Черногоріи. Согласно 26 ст. трактата „независимость Черногоріи признается Блистательною Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ея не признавали". Въ княжествѣ обезпечивается за всѣми лицами религіозная свобода (ст. 27); Антивари присоединяется къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ: Дульциньо возвращается Турціи, община Спицы включается въ составъ Австріи; Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флота; портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ, на черногорской территоріи, должны быть срыты и новыя не могутъ быть возводимы. Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, въ Антивари и вдоль всего черногорскаго побережья предоставленъ Австро-Венгріи. Княжество должно ввести у себя морскіе законы, дѣйствующіе въ Далмаціи; австро-венгерскіе консулы оказываютъ покровительство черногорской торговлѣ.

Эти постановленія не были вполнѣ исполнены Турціей, именно она объявила, что не можетъ передать Гусинью и Плаву, населеніе которыхъ, вмѣстѣ съ Албанцами, возстало противъ присоединенія къ княжеству. Поэтому, въ 1880 г. ноября 28-го, съ согласія державъ, была заключена новая конвенція между Портой и Черногоріей, на основаніи которой послѣдняя получила, вмѣсто Гусинья и Плавы, часть области Земской и Вермосской съ портомъ Дульциньо.

[1]) Срав. Vaçlik. La souveraineté du Monténégro et le droit des gens moderne de l'Europe. Lpz. 1858. Въ этой брошюрѣ удачно доказывается полная независимость Черногоріи съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Берлинскій трактатъ очевидно поставилъ Черногорію въ худшее положеніе, нежели какое она занимала прежде: изъ фактически независимаго государства, какимъ она была до войны съ Турціей, трактатъ обратилъ ее въ государство, по праву покровительствуемое Австро-Венгріей, которая имѣетъ, конечно, силу и средства давать чувствовать свое покровительство. Слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Блюнчли [1]), что Черногорія съ 285,000 жит. не можетъ въ условіяхъ, созданныхъ для нея Берлинскимъ трактатомъ, не подпасть вліянію сосѣдней великой державы, и трудно ей сохранить свою политическую независимость.

IV. Условія существованія государствъ, какъ международныхъ личностей.

§ 63. Извѣстно, въ чемъ состоятъ основы государства, какимъ кореннымъ требованіямъ оно должно удовлетворять, чтобы считаться субъектомъ международнаго права: оно должно быть обществомъ людей, живущихъ на опредѣленной территоріи, подъ одною верховною властью. Отсутствія одного изъ этихъ условій достаточно, чтобы данная организація не считалась государствомъ и субъектомъ международнаго права. Поэтому какая нибудь политическая партія, хотя бы воюющая (Венгерцы въ 1849 г., Поляки въ 1862 г.), или церковное общество не могутъ быть признаны субъектами международнаго права.

Конкретныя государства, составляющія международную ассоціацію, суть продукты опредѣленнаго историческаго процесса; они подлежатъ его дѣйствію въ каждый данный моментъ своего существованія. Въ этомъ смыслѣ каждое государство возникаетъ, развивается, ростетъ, чахнетъ и умираетъ. Государство „безсмертно“ только въ томъ смыслѣ, что бытіе его не зависитъ отъ существованія налич-

[1]) Revue de droit international, t. XI. 1880, p. 284. См. также дипломатическую переписку по поводу передачи Дульциньо въ Staatsarchiv. Bd. XXXVIII. №№ 7203—7286.

ныхъ подданныхъ: одни поколѣнія гражданъ смѣняются другими, но государство продолжаетъ существовать.

Не дѣло международнаго права изслѣдовать процессъ развитія государствъ. Но признавая членами международнаго общенія существующія конкретныя государства, оно должно имѣть въ виду то вліяніе, которое неизбѣжно оказываютъ на международное ихъ положеніе, на взаимныя ихъ права и обязанности существенныя перемѣны или измѣненія, которымъ они подвергаются въ своемъ развитіи. Такіе факты, какъ образованіе новыхъ государствъ, или важныя измѣненія въ территоріальномъ или личномъ составѣ существующихъ, или наконецъ смерть государства, порождаютъ опредѣленныя отношенія между членами международнаго союза, которыя должны быть нормированы международнымъ правомъ.

А. Признаніе новыхъ государствъ.

§ 64. Государство, будучи продуктомъ развитія народнаго самосознанія, можетъ возникнуть при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Оно можетъ быть создано волею и усиліями какого либо государственнаго дѣятеля или завоевателя; можетъ быть теократіей, можетъ развиться изъ отношеній семейныхъ въ формѣ патріархальнаго государства, или имѣть своимъ основаніемъ вотчинныя отношенія, какъ феодальное государство; можетъ быть образовано путемъ колонизаціи, возстанія и т. д. Всѣ эти формы возникновенія государства не имѣютъ международноправоваго значенія и не подлежатъ анализу науки международнаго права. Онѣ составляютъ предметъ исторіи государственнаго права или всеобщей исторіи. Иное дѣло самый фактъ возникновенія государства. Каждое вновь образовавшееся государство, желающее участвовать въ международномъ общеніи съ правами и обязанностями международной личности, должно быть признано таковымъ со стороны другихъ государствъ; возникновеніе его становится вопросомъ международнаго права. Правильныя международныя сношенія мыслимы только между признающими другъ друга государ-

ствами. Необходимость этого признанія вытекаетъ изъ самаго понятія о международномъ общеніи.

Съ точки зрѣнія международнаго права вопросъ о признаніи государства можетъ возникнуть въ трехъ главныхъ случаяхъ: 1) вслѣдствіе отдѣленія части народа, образующей самостоятельный политическій организмъ, 2) вслѣдствіе созданія изъ нѣскольких областей одного государства и 3) вслѣдствіе принятія новаго титула главою государства[1]).

Такъ напр., отдѣлившіеся отъ Англіи и объявившіе себя независимыми (4 іюля 1776 г.) 13 штатовъ Сѣверной Америки были признаны таковыми со стороны Франціи въ 1778 г.; Южно-американскія колоніи Испаніи и Португаліи, послѣ продолжительной войны съ своими метрополіями, образовали отдѣльныя государства, признанныя таковыми въ 1825 г. Англіей; Бельгія провозгласила свою независимость отъ Голландіи и была признана великими державами въ 1830 г.

Примѣрами государствъ, образовавшихся изъ нѣскольких областей, принадлежавшихъ прежде другимъ государствамъ или составлявшихъ отдѣльныя государства, могутъ служить: Вестфальское королевство и другія государства, созданныя Наполеономъ I, а также Мексиканская имперія, которую устроилъ Наполеонъ III для австрійскаго эрцгерцога Максимиліана.

Переговоры о признаніи новыхъ титуловъ вели: Фридрихъ I, принявшій титулъ короля прусскаго, и Петръ I объ императорскомъ титулѣ.

Признаніе предполагаетъ внутреннюю независимость вновь возникшаго государства, но ея не создаетъ. Государство возникаетъ и существуетъ самостоятельно. Признаніемъ его лишь констатируется его рожденіе. Поэтому нельзя видѣть въ актѣ признанія „нравственное вмѣшательство“ во внутреннія дѣла другого государства, какъ утверждаетъ Филлиморъ. Напротивъ, въ принципѣ признаніе есть всегда не болѣе, какъ формальное засвидѣтельствованіе опредѣленнаго совершившагося факта.

Такъ, извѣстно, что Швейцарія была торжественнымъ образомъ признана независимою на Вестфальскомъ конгрессѣ 1648 г., будучи въ дѣйствительности

[1]) Срав. Phillimore. Commentaries, t. II, p. 16 etc. Hall. International Law, p. 77 etc. Calvo. Droit international, t. I, § 79 et ss. Bluntschli. Völkerrecht § 28 flg.

самостоятельною уже съ XIV в.; точно также Версальскій трактатъ 1783 г., признавая независимость Соединенныхъ Штатовъ Америки, лишь подтверждалъ порядокъ вещей, существовавшій въ этой странѣ съ 1776 г.; Бельгія, удовлетворявшая всѣмъ условіямъ самостоятельнаго государства, была признана таковымъ Лондонскою конференціей 1830 г. Напротивъ, Венгрія не получила, въ 1849 г., признанія своей независимости, по отсутствію въ ней въ то время элементовъ прочной самостоятельной политической организаціи.

Признаніе бываетъ оффиціальное (формальное) или фактическое (неформальное). Оффиціальное признаніе выражается въ оффиціальныхъ актахъ, какъ-то: въ постановленіяхъ конгрессовъ, въ декларацiяхъ, изданныхъ однимъ или нѣсколькими правительствами, въ назначеніяхъ консуловъ или дипломатическихъ агентовъ, вообще въ начатіи правильныхъ международныхъ сношеній. Фактическое признаніе обнаруживается въ начатіи правильныхъ международныхъ сношеній съ новымъ государствомъ безъ всякаго предварительнаго торжественнаго констатированія этого рѣшенія.

Каждое государство свободно констатировать международную независимость образовавшагося государства и нисколько не обязано выжидать признанія ея со стороны другихъ, болѣе заинтересованныхъ державъ. Но, конечно, лучше, если признаніе будетъ дано ранѣе другихъ тѣмъ правительствомъ, которое непосредственно въ немъ заинтересовано.

Исторія представляетъ много примѣровъ, что тѣ государства, отъ территоріи которыхъ отдѣлилась извѣстная часть населенія и образовала самостоятельное государство, весьма неохотно соглашались на его признаніе.

Такъ, напр., Португалія вполнѣ отдѣлилась отъ Испаніи уже въ 1640 г., но этотъ фактъ былъ признанъ испанскимъ правительствомъ только въ 1668 г.; несмотря на это, другія державы уважали фактическую независимость Лиссабонскаго правительства и поддерживали правильныя съ нимъ сношенія. Независимость Нидерландскихъ Штатовъ была признана Испаніей только на Вестфальскомъ конгрессѣ 1648 г.— Лондонская конвенція (1827 г.) признала независимость Греціи отъ Турціи въ то время, когда турецкое правительство продолжало еще смотрѣть на возставшихъ Грековъ, какъ на подданныхъ султана. Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи въ 1830 г., но послѣдняя признала

этотъ фактъ только въ 1839 г.—Англія признала независимость Италіи въ 1860 г., когда Францъ II Неаполитанскій былъ еще въ Гаетѣ и не думалъ отрекаться отъ престола [1]).

Наконецъ, признаніе можетъ быть, кромѣ того, условное или безусловное. Примѣромъ условнаго признанія могутъ служить постановленія Берлинскаго трактата 1878 г., касающіяся независимости Румыніи, Сербіи и Черногоріи.

Юридическія послѣдствія признанія бываютъ двоякаго рода, смотря по тому, послѣдовало ли оно со стороны всѣхъ государствъ, или только нѣкоторыхъ. Въ первомъ случаѣ признанное государство становится полноправнымъ членомъ международнаго общенія; во второмъ—правильныя международныя сношенія поддерживаются новымъ государствомъ только съ державами, его признавшими. Актъ признанія имѣетъ во всякомъ случаѣ огромное нравственное значеніе и вліяніе, въ особенности если онъ послѣдовалъ во время неоконченной еще борьбы государства съ отдѣлившеюся отъ него частью территоріи. Во многихъ случаяхъ онъ разсматривался, какъ casus belli съ тою державою, которая его издавала; такъ напр. смотрѣло англійское правительство на признаніе Франціей сына Якова II Стюарта англійскимъ королемъ и, позднѣе, на признаніе ею же независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [2]).

B. Вліяніе внутреннихъ государственныхъ переворотовъ.

§ 65. Внутренніе государственные порядки несомнѣнно опредѣляютъ фактическое положеніе, которое занимаетъ данное государство среди другихъ народовъ; но сами по себѣ преобразованія или перевороты въ государствѣ не измѣняютъ юридическаго его

---

[1]) См. замѣчательную депешу лорда Росселя 1860 г. у Phillimore, t. II, p. 29.

[2]) Признаніе новаго титула обыкновенно имѣло мѣсто только подъ условіемъ неуменьшенія титула и почетныхъ правъ другихъ государей. Срав. напр. „декларацію отъ 8 іюля 1742 г. Россійскаго Двора о томъ, что признаніе Вѣнскимъ Дворомъ Императорскаго титула за Русскими государями не измѣнитъ ни въ чемъ существующаго церемоніала и правъ Австріи“. Мое Собр. трактатовъ, т. I, № 15; т. V, № 204

положенія, его правъ и обязанностей въ отношеніи другихъ государствъ [1]).

Если всѣ государства, какой бы ни было формы правленія, входятъ въ составъ международнаго общенія, то разумѣется, что каждое государство вольно измѣнять по своему усмотрѣнію и надобности свои внутренніе порядки, свое устройство и управленіе. Всѣ государственныя преобразованія, какъ бы ни были они существенны и въ какомъ бы духѣ они ни были предприняты, являются прежде всего вопросами внутренней политики, а не международнаго права. Необходимо только, чтобы данный народъ существовалъ, какъ независимый политическій организмъ, имѣющій всѣ аттрибуты государства. Такой народъ и при новыхъ внутреннихъ порядкахъ удержитъ свои качества международной личности, будетъ субъектомъ международнаго права. Вслѣдствіе перемѣнъ, совершающихся внутри государства, онъ не утратитъ своихъ прежнихъ международныхъ правъ и не пріобрѣтетъ новыхъ.

Этотъ общій принципъ выраженъ пятью великими державами въ Лондонскомъ протоколѣ 19 февраля 1831 г., давшемъ формальную санкцію независимости Бельгійскаго королевства. Здѣсь между прочимъ сказано: „согласно общему основному началу, трактаты не теряютъ своей обязательности, какимъ бы измѣненіямъ ни подвергалась внутренняя организація народовъ“ [2]).

Крайняя необходимость и разумность этого правила понятны. Еслибъ сила международныхъ обязательствъ зависѣла отъ царствованія какой либо династіи или отъ той или другой формы правленія, тогда измѣненіе правленія или сверженіе династіи служили бы отлич-

---

[1]) Срав. Grotius. De jure belli ac pacis, lib. II, c. IX, 8. Vattel. Droit des gens, liv. II, chap. XII. Kent's International Law (ed. by Abdy), p. 95 etc. Oke Manning's Law of Nations (ed. by Sheldon Amos), p. 98 etc. Martens. Précis, t. I, § 128. Phillimore, t. I, p. 169, 186 et ss. Heffter, § 28, 50. Bluntschli, § 40 ff. Calvo. Droit international, t. I, § 81 et ss.

[2]) „D'après ce principe d'un ordre supérieur, les traités ne perdent pas leur puissance quelsque soient les changements qui interviennent dans l'organisation intérieure des peuples“. См. Martens. Nouv. Recueil, t. XI, p. 209 et ss.

нымъ средствомъ освободить народъ отъ обязанности исполнять заключенные имъ трактаты [1]).

Изъ исторіи можно привести множество примѣровъ, иллюстрирующихъ выставленное выше положеніе. Во время первой и второй англійскихъ революцій (1649 и 1688 гг.) ни англійскій народъ, ни протекторъ Кромвель, ни Вильгельмъ Оранскій не отрицали обязательности для себя трактатовъ, заключенныхъ Карломъ I и вообще династіей Стюартовъ. Въ свою очередь, Стюарты, реставрированные въ лицѣ Карла II (1660), признавали обязательную силу трактатовъ, заключенныхъ Кромвелемъ. Французская революція 1789 г. измѣнила кореннымъ образомъ „старый порядокъ" Франціи; тѣмъ не менѣе, Національное Собраніе 1790 г. нисколько не считало себя свободнымъ отъ обязательствъ, наложенныхъ на Францію международными договорами Людовика XVI и его предшественниковъ, потому что Франція продолжала существовать, какъ единое государство. Правда, этотъ принципъ нашелъ сильныхъ противниковъ въ Національномъ Собраніи 1792 г. и въ дѣятеляхъ Конвента (см. Введеніе, § 26), которые провозглашали необязательность для Франціи трактатовъ, заключенныхъ „тираннами". Но европейскія державы справедливо видѣли въ нарушеніи этихъ трактатовъ нарушеніе своихъ правъ и соединились для вооруженной борьбы съ общимъ врагомъ. Точно также, когда Ламартинъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ второй французской республики (1848 г.), обнародовалъ декларацію, въ которой въ пышныхъ фразахъ отвергалъ обязательность для Франціи Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., великія державы энергически протестовали противъ такого объявленія, доказывая, что означенные трактаты могутъ быть отмѣнены только по взаимному соглашенію государствъ.

Исключеніе составляютъ тѣ международныя обязательства, сила которыхъ, по самому ихъ существу или по соглашенію между сторонами, стоитъ въ зависимости отъ существованія на извѣстномъ престолѣ данной династіи или даннаго монарха: съ лишеніемъ династіи престола или со смертью государя такого рода обязательства прекращаютъ свое дѣйствіе.

Такъ, въ 1535 г. была заключена капитуляція между турецкимъ султаномъ и французскимъ королемъ Франциской I, продолжительность дѣйствія которой, по волѣ контрагентовъ, ограничивалась „жизнью монарховъ", ее подписавшихъ.

[1]) Phillimore (t. I, § 136) справедливо говоритъ: „This good faith is the great moral ligament which binds together the different nations of the globe".

Людовикъ XIV заключилъ съ Іаковомъ II Стюартомъ договоръ, на основаніи котораго обязался помогать ему войсками и деньгами въ борьбѣ съ англійскимъ народомъ, пока Іаковъ II не будетъ снова на англійскомъ престолѣ: договоръ этотъ былъ обязателенъ только для двухъ названныхъ государей, какъ личное ихъ дѣло. Такой же личный характеръ имѣли договоры, заключенные Наполеономъ III съ мексиканскимъ императоромъ Максимиліаномъ.

На основаніи сказаннаго будетъ понятно вліяніе, которое оказываютъ междуцарствія на международное положеніе даннаго государства. Вновь воцарившаяся династія не можетъ не признать обязательствъ международныхъ, законнымъ образомъ заключенныхъ во время междуцарствія, если только послѣднее было жизнеспособно. Въ международныхъ сношеніяхъ узурпаторъ, фактически обладающій властью, считается законнымъ представителемъ своего народа. Поэтому принятые имъ международные акты, какъ акты, совершенные во имя государства, обязательны для легитимнаго правительства, которое возстановитъ свою власть.

На этомъ основаніи Карлъ II, король англійскій, признавалъ трактаты, заключенные Оливеромъ Кромвелемъ. Бурбоны, возстановленные на французскомъ престолѣ въ 1814 г., должны были признать обязательными для себя многіе изъ тѣхъ международныхъ договоровъ, которые заключилъ Наполеонъ I въ качествѣ консула и императора. Гессенскій курфюрстъ, намѣревавшійся неисполнять трактаты, заключенные Вестфальскимъ королемъ, бывшимъ по отношенію къ нему узурпаторомъ, по настоянію великихъ державъ, которыя возвратили ему (въ 1814 г.) прежнія его владѣнія, долженъ былъ признать законность тѣхъ трактатовъ. Напротивъ, для законнаго правительства не обязательны тѣ международные акты, которые предприняты главой возставшей противъ него партіи или части населенія, фактически не достигшей самостоятельности и не существовавшей, какъ независимое цѣлое. Такой характеръ имѣли возстанія Костюшко въ Польшѣ (1794 г.), Манина въ Венеціи и Кошута въ Венгріи (1849 г.).

C. Значеніе территоріальныхъ измѣненій государства.

§ 66. Политическая организація, государственный строй народа составляетъ необходимое условіе существованія государства, какъ международной личности. Столь же реальнымъ его основаніемъ

является его территорія, то пространство земли, на которой живетъ народъ и которая подчиняется исключительно его верховной власти. Если измѣненія въ государственномъ порядкѣ могутъ имѣть значеніе въ области международныхъ отношеній, то тѣмъ болѣе оказываютъ вліянія на взаимныя отношенія государствъ измѣненія, которымъ они подвергаются въ территоріальномъ своемъ составѣ. Порядокъ внутренняго управленія, въ принципѣ, есть дѣло каждаго отдѣльнаго государства, самостоятельно имъ разрѣшаемое и касающееся только его одного. Напротивъ, территоріальныя измѣненія суть всегда измѣненія границъ, раздѣляющихъ данныя государства и устанавливающихъ между ними отношенія сосѣдства; поэтому они всегда отражаются на взаимныхъ правовыхъ отношеніяхъ между государствами.

Измѣненія въ территоріальномъ составѣ государствъ могутъ быть троякаго рода: 1) данное государство можетъ совершенно лишиться своей территоріи, прекратить свое существованіе; 2) оно можетъ потерять часть своихъ владѣній; 3) оно можетъ увеличить свою территорію присоединеніемъ новыхъ владѣній. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ возникаютъ особенныя юридическія отношенія государствъ, какъ членовъ международнаго общенія.

§ 67. 1. Государственная территорія утрачивается. Государство безъ территоріи немыслимо: лишаясь своей территоріи, государство прекращаетъ свое существованіе, выходитъ изъ международнаго общенія. Обыкновенный и главный случай этого рода бываетъ въ настоящее время тогда, когда одно государство со всѣмъ населеніемъ присоединяется къ другому такимъ образомъ, что перестаетъ существовать, какъ независимая международная личность.

Исторія изобилуетъ примѣрами такихъ присоединеній, мирныхъ или путемъ завоеванія. Единодержавное Московское государство образовалось подчиненіемъ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ, присоединеніемъ Великаго Новгорода и Пскова, завоеваніемъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и т. д. Шотландія и Ирландія вошли въ составъ единаго Англійскаго королевства. Наполеонъ I завоевалъ многія государства и создалъ изъ нихъ самостоятельныя

республики, королевства и герцогства. Король прусскій прокламаціей 1866 г. объявилъ о присоединеніи къ Пруссіи Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта-на-Майнѣ.

Другіе случаи „смерти“ государства, приводимые Гефтеромъ и Филлиморомъ, крайне рѣдки и едвали возможны въ настоящее время. Таковы: 1) когда всѣ граждане, составляющіе государство, вымрутъ или будутъ истреблены; 2) когда граждане даннаго государства перестанутъ составлять политическій союзъ вслѣдствіе притѣсненій, выселенія или изгнанія изъ родной земли, какъ это было съ евреями и другими народами древняго міра [1]). Трудно представить себѣ, чтобы нѣчто подобное могло произойти въ наше время.

Юридическія послѣдствія поглощенія одного государства другимъ напоминаютъ отношенія, возникающія между частными лицами въ порядкѣ наслѣдованія: государство, присоединяющее чужую государственную территорію, занимая мѣсто „умершаго“ государства, вполнѣ вступаетъ въ его юридическую личность, въ его права и обязательства.

Относительно преемства международныхъ правъ и обязанностей выработались исторически и признаются теоріей и практикой слѣдующія основныя начала: 1) государство, присоединившее къ себѣ одно или нѣсколько государствъ, остается единичнымъ субъектомъ международнаго права, съ однимъ голосомъ при рѣшеніи международныхъ вопросовъ; 2) въ принципѣ, всѣ международныя права и обязательства, бывшія за „умершимъ“ государствомъ, переходятъ къ „наслѣднику“. Нельзя сказать, что преемство имѣетъ мѣсто „насколько существованіе и продолженіе такихъ обязательствъ возможно“, ибо ограниченіе это слишкомъ эластично [2]). Не перейдутъ къ присоединяющему государству только тѣ права и обязательства

---

[1]) Heffter. Völkerrecht, § 24. Phillimore. Commentaries, I, 168. Bluntschli, Völkerrecht, § 60. Schlief. Das Völkerrecht und die legalen Aenderungen der Ländervertheilung. (Archiv für öffentl. Recht, Bd. XIII, S. 189 etc.). Kiatibian. Conséquences juridiques des transformations territoriales des Etats sur les traités. Paris. 1892.

[2]) Bluntschli. Modernes Völkerrecht, § 50. Срав. также Calvo. Droit international, t. I, § 102.

присоединяемаго, существованіе которыхъ безъ независимости послѣдняго немыслимо [1]).

Наслѣдство, которое получаетъ государство, присоединяющее къ себѣ чужую государственную территорію, состоитъ изъ активныхъ и пассивныхъ правъ. Въ международномъ правѣ не имѣетъ примѣненія beneficium cum inventario, т. е. государство-наслѣдникъ не можетъ поставить условіе, что оно приметъ на себя обязательства присоединяемаго государства, насколько они соотвѣтствуютъ его активу. Къ нему переходятъ всѣ обязательства и права присоединеннаго народа. Они заключаются въ троякаго рода правахъ и имуществахъ. Сюда относятся: 1) всѣ международныя обязательства и трактаты; 2) публичное достояніе (domaine public), какъ-то: правительственныя учрежденія, присутственныя мѣста, казармы, тюрьмы, пути сообщенія, порты, города и т. п.; 3) собственность казенная въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. капиталы и имущества казны.

Къ государству присоединяющему переходятъ, во 1-хъ, всѣ международныя обязательства и трактаты. Поэтому оно обязано принять на себя долги присоединеннаго государства, уплачивать по нимъ проценты и производить ихъ погашеніе въ томъ порядкѣ и размѣрѣ, которые опредѣлены законами того государства. Всѣ коммерческіе трактаты и другіе международные договоры, заключенные присоединеннымъ государствомъ, обязательны для присоединяющаго.

Во 2-хъ, государство присоединяющее дѣлается наслѣдникомъ публичнаго достоянія присоединяемаго народа. Къ нему переходитъ право владѣнія и распоряженія этимъ достояніемъ, право его регламентаціи своими законами и распоряженіями, словомъ, въ сферѣ публичныхъ правоотношеній государство можетъ дѣйствовать

---

[1]) Курляндія находилась до присоединенія къ Россіи въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Когда въ 1794 году происходили между Россіей и Пруссіей переговоры о третьемъ раздѣлѣ Польши, прусскій министръ графъ Гаугвицъ сказалъ г. Алопеусу, представителю Россіи при Берлинскомъ дворѣ: „Ce duché, étant un fief de la Pologne ne peut exister comme tel, dès que la Puissance suzeraine cessera d'être“. (Изъ необнародованнаго письма г. Алопеуса къ вице-канцлеру графу Остерману отъ 22 августа (2 сент.) 1794 г.).

по своему усмотрѣнію, согласно съ своими интересами и пользой. Это право распространяется на все, что служитъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, напр. на запасы оружія, военной аммуниціи, находящіеся въ присоединяемой странѣ и т. д.

Въ 3-хъ, казенная собственность государства, прекратившаго свое существованіе, цѣликомъ поступаетъ въ полное распоряженіе государства-наслѣдника: деньги, лѣса, угодья, земли, вообще недвижимыя и движимыя имущества старой казны становятся его собственностью.

Исторія новѣйшаго времени представляетъ нѣсколько интересныхъ случаевъ примѣненія только-что изложенныхъ началъ. Сардинское королевство, присоединивъ къ себѣ въ 1860 г. другія итальянскія государства, приняло на себя ихъ обязательства (всѣ государственные долги) и получило право на ихъ публичное достояніе и казенную собственность. Прекративъ (1870 г.) независимое существованіе Папской области, Итальянское правительство приняло на себя обязанность уплачивать проценты по государственнымъ займамъ и исполнять международныя обязательства, которыя были заключены папами, въ качествѣ свѣтскихъ государей. Точно также Пруссія, закономъ 22 сентября 1866 г., уничтожившимъ международную независимость Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта-на-Майнѣ, объявила себя отвѣтственною за ихъ долги и всѣ международныя обязательства.

§ 68. 2. **Государственная территорія уменьшается.** Уменьшеніе территоріи даннаго государства можетъ быть болѣе или менѣе значительное; во всякомъ случаѣ, государство не лишается чрезъ это политической своей независимости и остается субъектомъ международнаго права. Поэтому какъ бы ни были обширны провинціи, отпавшія отъ государства, за нимъ все-таки остаются всѣ прежнія его международныя обязательства.

Такъ, напримѣръ, Пруссія послѣ Тильзитскаго мира (1807 г.) лишилась почти третьей части своихъ владѣній, но не перестала существовать, какъ независимое королевство и потому должна была исполнить международныя обязательства, заключенныя ею при другихъ условіяхъ. Саксонское королевство потеряло на основаніи Вѣнскаго акта (1815 г.) половину своей территоріи, но не освободилось отъ международныхъ обязательствъ, оставаясь независимымъ государствомъ. Австрія лишилась послѣ 1859 г. богатѣйшей своей области—Ломбардіи; въ 1866 г. она потеряла Венецію, но

ея международныя обязательства остались въ прежней силѣ. Тоже самое надо сказать о Франціи послѣ 1815 г. и 1871 г., о Турціи послѣ 1829 г. или 1878 г.

Государственная территорія уменьшается или вслѣдствіе несчастной войны государства, или вслѣдствіе междоусобной войны. Въ первомъ случаѣ обыкновенно часть территоріи побѣжденнаго государства присоединяется къ владѣніямъ побѣдителя; во второмъ — отдѣлившіяся провинціи или колоніи образуютъ новое государство или соединяются съ государствами существующими. Наиболѣе важнымъ и труднымъ для разрѣшенія представляется вопросъ о переходѣ международныхъ обязательствъ главнаго государства къ провинціямъ, отдѣлившимся отъ него послѣ междоусобной войны.

По общему правилу, междоусобная война должна оставаться дѣломъ спора исключительно между непосредственно заинтересованными сторонами. Законное правительство имѣетъ полное право принимать всѣ мѣры для возстановленія своего авторитета и противодѣйствія стремленію мятежной области получить независимое существованіе. Всякое вмѣшательство въ борьбу нейтральныхъ державъ будетъ недозволеннымъ вторженіемъ во внутреннія дѣла даннаго государства[1]). Однако, междоусобная война можетъ пріобрѣсти международное значеніе. Происходя въ сосѣдствѣ съ границами другого государства, она дѣлаетъ необходимымъ принятіе со стороны послѣдняго мѣръ, обезпечивающихъ неприкосновенность его территоріи. Междоусобіемъ могутъ быть нарушены коммерческіе интересы нейтральныхъ державъ. Понятно, что въ этихъ случаяхъ третьи государства не будутъ оставаться безучастными зрителями борьбы. Вопросъ заключается въ томъ, при какихъ условіяхъ они имѣютъ право объявить, что возставшая область есть независимое государство?

Существованіе самостоятельнаго государства есть вопросъ факта; оно можетъ быть только констатируемо на основаніи обстоятельствъ,

[1]) Срав. депеши князя Горчакова къ барону Стёклу въ Вашингтонъ, отъ 28 іюня 1861 г. и 9 января 1862 г., по поводу междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1862, p. 104 et ss.

въ которыхъ дѣйствительно находится данный народъ. Примѣняя это требованіе къ возставшей области, нейтральныя правительства, прежде чѣмъ провозглашать ея независимость, должны убѣдиться, подтверждаютъ ли факты то, что они намѣрены утверждать. Только этимъ путемъ можно провѣрить дѣйствительное положеніе борющихся сторонъ и добросовѣстнымъ образомъ признать взаимную ихъ самостоятельность.

Въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ вопросъ посланіе президента Гранта 1875 г. относительно острова Кубы. Въ отвѣтъ на требованіе нѣкоторыхъ членовъ Вашингтонскаго правительства объявить возставшихъ Кубанцевъ независимыми отъ Испаніи, Грантъ заявилъ, что пока продолжается открытая борьба между метрополіей и колоніей, онъ не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ междоусобіе. Особенно рельефно выяснено это значеніе междоусобной войны въ перепискѣ между посланникомъ Сѣверныхъ Штатовъ, Адамсомъ, и лордомъ Росселемъ по поводу признанія въ 1863 г. Лондонскимъ кабинетомъ независимости Южанъ. Наконецъ (въ 1849 г.) Вашингтонское правительство отказало въ своемъ признаніи независимости Венгріи, послѣ того какъ отправленный имъ агентъ (нѣкто Маннъ) донесъ, что венгерское революціонное правительство въ дѣйствительности не жизнеспособно [1]).

Такимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что нейтральныя правительства могутъ по праву немедленно признать возставшую область независимымъ государствомъ и стать на ея сторону въ междоусобной войнѣ [2]). Въ этомъ случаѣ вмѣшательство было бы признаніемъ факта, который окончательно еще не опредѣлился, и правительства взяли бы на себя не принадлежащую имъ роль судей справедливости междоусобной войны. Но, съ другой стороны, нельзя отказать постороннимъ державамъ въ правѣ поддерживать фактическія, особенно торговыя сношенія съ возставшею провинціей или колоніей и принимать мѣры для охраненія въ ея предѣлахъ законныхъ интересовъ своихъ подданныхъ.

---

[1]) Wheatons's Elements of International Law, ed. by Dana, p. 34 etc., notes № 15, 16. Hall's International Law, p. 75. Calvo. Droit international, t. I, § 83.

[2]) Vattel. Droit des gens, liv. II, chap. VI, § 56. Halleck's International Law, p. 73 etc. Dana's Wheaton. Elements, part. I, § 23. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. I, p. 213 et ss. Bluntschli. Völkerrecht, § 47 ff.

Съ этою цѣлью Англія, Франція и Россія отправили своихъ консульскихъ агентовъ въ Грецію, боровшуюся за свою свободу противъ турецкаго правительства.

Изъ дѣлъ Государственнаго архива приводимъ слѣдующій сюда относящійся интересный случай. Въ 1811 г. прибылъ въ С.-Петербургъ американецъ Паркеръ съ цѣлью установить правильныя коммерческія сношенія между отдѣлившимися отъ Испаніи южно-американскими колоніями Каракасъ, Венецуэлла и Санта-Фе. Государственный канцлеръ отказалъ въ формальномъ признаніи независимости этихъ колоній, но все-таки внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе въ томъ смыслѣ, что „открытіе торговыхъ сношеній съ означенными провинціями, не представляя никакихъ для насъ (Россіи) неудобностей, разрѣшено быть слѣдуетъ, съ тѣмъ только, чтобъ оное разрѣшеніе было точно основано на общихъ правилахъ системы твердой земли, для нейтральныхъ державъ установленныхъ“ (sic!). Но Государственный Совѣтъ не согласился съ мнѣніемъ Государственнаго канцлера. Большинствомъ 21 голоса противъ 4, онъ постановилъ, „что доколѣ правительство трехъ провинцій, домогающихся о вступленіи съ нами въ торговыя сношенія, не утвердится прочнымъ образомъ и нами торжественно признано не будетъ, домогательства американца Паркера удовлетворить не слѣдуетъ“. Императоръ Александръ I утвердилъ мнѣніе большинства 27-го октября 1811 г.

Такое рѣшеніе Государственнаго Совѣта нельзя не признать весьма основательнымъ. Никакихъ интересовъ русскихъ подданныхъ въ вышеупомянутыхъ трехъ отложившихся колоніяхъ не было, которые требовали бы покровительства Россіи. При отсутствіи этого условія, вступленіе нейтральныхъ державъ въ торговыя сношенія съ возставшими провинціями справедливо будетъ разсматриваться законнымъ воюющимъ правительствомъ, какъ вмѣшательство и политическая демонстрація.

Совершившееся отдѣленіе части территоріи отъ главнаго остова государства приводитъ къ слѣдующимъ юридическимъ послѣдствіямъ. Тѣ международныя обязательства, которыя лежатъ спеціально на отдѣлившейся области, остаются за нею и отходятъ отъ государства, къ которому она принадлежала. Эти обязательства могутъ быть мѣстныя или личныя. Къ первымъ относятся напр. частноправовыя обязательства по владѣнію желѣзными дорогами, которыя находятся въ отдѣлившейся части государства. Они обыкновенно регулируются по взаимному соглашенію заинтересованныхъ государствъ.

Такъ, Франкфуртскій трактатъ 1871 г. опредѣлилъ права и обязательства германской союзной власти въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ Эльзаса и Лотарингіи: она должна была или принять на себя всѣ частнодолговыя обязательства, лежавшія на этихъ дорогахъ, или выкупить ихъ за опредѣленную сумму.

Государственные долги переходятъ въ извѣстной части на отдѣлившуюся область.

Напримѣръ, Бельгія обязалась (ст. 13 Бельгійско-Голландскаго договора 1839 г.) уплачивать 5 милліоновъ ежегодной ренты въ счетъ государственнаго долга Голландіи, образовавшагося съ 1815—1830 г. На основаніи Цюрихскаго трактата 1859 г. Сардинія взяла на себя уплату части австро-ломбардскаго долга. Болгарія (ст. 9 Берлинскаго трактата) обязана нести на себѣ часть государственнаго долга Турціи, имѣющую быть опредѣленной Портою по соглашенію съ державами.

Что касается личныхъ обязательствъ, падающихъ на государство, присоединяющее къ себѣ область, или на образовавшееся изъ отдѣлившихся провинцій новое государство, то они особеннаго значенія не имѣютъ. Права, принадлежащія населенію уступаемой мѣстности, напримѣръ относительно исповѣданія опредѣленной вѣры или правъ иностранцевъ, пребывающихъ въ этой мѣстности, должны сохранять свою силу подъ властью новаго правительства, насколько они не противорѣчатъ интересамъ всего населенія государства, ибо правительство всегда имѣетъ право установить такой порядокъ въ предѣлахъ своей территоріи, который отвѣчаетъ пользѣ всего народа.

§ 69. 3. Государственная территорія увеличивается. Вопросъ объ увеличеніи государственной территоріи находится въ тѣсной связи съ вопросомъ объ ея уменьшеніи. Обыкновенно государство расширяетъ свою территорію на счетъ чужихъ владѣній, такъ что если одна территорія увеличивается, то другая уменьшается; поэтому юридическія послѣдствія уменьшенія и увеличенія территорій вполнѣ соотносительны. Къ сказанному объ этихъ послѣдствіяхъ въ предыдущемъ § 68 остается прибавить нѣсколько словъ.

Присоединяя къ себѣ часть чужой территоріи, государство пріобрѣтаетъ по отношенію къ ней всѣ права суверенитета, какъ въ случаѣ присоединенія цѣлаго государства; относящіяся сюда начала указаны выше (§ 67). Въ особенности переходятъ къ пріобрѣтающему

государству тѣ права и обязательства, которыя спеціально принадлежатъ присоединяемымъ владѣніямъ, какъ напримѣръ ихъ долги и долговыя требованія. Съ другой стороны, присоединяемая часть получаетъ всѣ права и принимаетъ на себя всѣ обязанности новаго цѣлаго [1]).

Присоединеніе чужихъ владѣній можетъ быть безусловное или условное. Недоразумѣнія, могущія возникнуть относительно условій присоединенія, лучше всего предупреждаются взаимнымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ государствъ, которое обыкновенно лежитъ въ основаніи территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Такъ, въ Берлинскомъ трактатѣ (1878 г.) подробно опредѣлены условія, на которыхъ пріобрѣли части оттоманской территоріи Сербія, Черногорія и Румынія. Княжества обязались уважать религіозную свободу всѣхъ лицъ въ предѣлахъ своихъ владѣній (ст. 27, 35, 44); Сербія и Черногорія приняли на себя часть оттоманскаго долга (ст. 33 и 42). Мы указали выше, на какихъ условіяхъ Черногорія присоединила къ себѣ портъ Антивари съ его округомъ. Точно также въ Ништадскомъ трактатѣ (1721 г.) Швеція выговорила въ пользу населенія уступленнаго Россіи Остзейскаго края извѣстныя льготы и права. Великое княжество Финляндское отошло къ Россіи по Фридрихсгамскому трактату 1809 г. также на извѣстныхъ условіяхъ.

На практикѣ неоднократно возбуждался вопросъ о времени, въ теченіи котораго условія подобнаго рода обязательны для государства, и о послѣдствіяхъ ихъ нарушенія. Существуетъ мнѣніе, что государство связывается ими навсегда, и если нарушитъ ихъ, то теряетъ право на дальнѣйшее владѣніе пріобрѣтенною областью. Едва ли можно согласиться съ этимъ взглядомъ; во-первыхъ, само населеніе присоединенной на условіяхъ мѣстности можетъ своимъ поведеніемъ дать законный поводъ къ несоблюденію выговоренныхъ въ ея пользу привилегій; во-вторыхъ — и это главное — вѣчной обязательности этихъ условій противостоитъ естественный законъ развитія соціальной и государственной жизни, которому подчиняются всѣ народы.

---

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 59. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. I, 214. Hall. Intern. Law, p. 85.

V. Международныя свойства государствъ.

§ 70. Подъ международными свойствами государствъ мы разумѣемъ присущія государствамъ качества, безъ которыхъ они немыслимы въ области международныхъ отношеній и на которыхъ основываются взаимныя ихъ права. Такими основными и необходимыми ихъ свойствами являются: 1) суверенитетъ, 2) дѣеспособность и 3) равноправность. Всѣ три принадлежатъ каждому государству, участвующему въ международномъ общеніи, и предполагаются этимъ общеніемъ.

а) Суверенитетъ. Въ суверенитетѣ или верховенствѣ выражается независимость государства, какъ въ сферѣ внутренняго управленія, такъ и международныхъ сношеній.

Въ области международныхъ отношеній суверенитетъ не имѣетъ того объема, какъ въ государственномъ управленіи. Различіе немедленно обнаруживается, какъ только государство вступитъ въ сношенія съ другими народами и пожелаетъ заключать съ ними обязательства и пользоваться международными правами: тогда силою самихъ вещей оно вынуждено будетъ дѣлать уступки, уважать законные интересы и права другихъ народовъ, должно отказаться отъ безусловнаго осуществленія своего верховенства. Абсолютное въ смыслѣ государственнаго права, начало суверенитета опредѣляется въ международномъ общеніи взаимными отношеніями, которыя существуютъ между народами, и ими ограничивается.

Суверенитетъ государствъ есть необходимое предположеніе ихъ международной личности: правовыя отношенія могутъ установиться только между государствами, автономными во внутреннемъ управленіи и независимыми (въ указанной выше степени) во внѣшней своей дѣятельности. Полунезависимыя государства являются аномаліей. Народъ, утратившій свое верховенство, подчиняется дѣйствію не международнаго, но государственнаго права, и наоборотъ, общеніе, которое пріобрѣло суверенитетъ, становится субъектомъ международнаго права [1]).

[1]) Срав. Jellinek. Staatenverbindungen, S. 16 u. flg.

b) Дѣеспособность. Государство, какъ международная личность, должно изъявлять свою волю и дѣйствовать. Безъ дѣеспособности государство не можетъ ни руководить сношеніями своего народа, ни вступать въ соглашенія съ другими государствами, ни осуществлять задачи международнаго управленія. Правоспособность государствъ совпадаетъ съ ихъ дѣеспособностью. Разъ государство образовалось и признано членомъ международнаго общенія, оно не можетъ быть недѣеспособнымъ. Ограничивающіе дѣеспособность возрастные сроки непримѣнимы къ государствамъ.

Исключеніе составляютъ полунезависимыя государства, которыя напоминаютъ своею ограниченною дѣеспособностью физическихъ лицъ, находящихся подъ опекой или попечительствомъ. Таково напр. положеніе египетскаго правительства, контролируемаго въ финансовыхъ дѣлахъ особо назначеннымъ англійскимъ совѣтникомъ финансовъ, или тунисскаго бея, дипломатическія сношенія котораго, на основаніи договора съ Франціей 11-го мая 1881 г., должны происходить при посредствѣ аккредитованнаго при беѣ французскаго министра-резидента. Логика и справедливость требуютъ, чтобы такія несамостоятельныя государства отвѣтствовали за свои дѣйствія предъ иностранными правительствами настолько, насколько свободна ихъ дѣеспособность. За дѣйствія правительства египетскаго хедива или тунисскаго бея должны въ извѣстной степени отвѣчать европейскія державы, подъ попечительствомъ которыхъ они находятся.

Мнѣніе это отчасти подтверждается и практикой. Когда въ 1871 г. извѣстный строитель желѣзныхъ дорогъ, Струсбергъ, заключивъ съ румынскимъ правительствомъ договоръ о постройкѣ дорогъ, не получилъ ее вслѣдствіе неутвержденія контракта палатою румынскою, то обратился съ жалобою къ князю Бисмарку, который сдѣлалъ по этому дѣлу представленіе не только Букарестскому кабинету, но и Портѣ, доказывая, что она отвѣчаетъ за дѣйствія своего вассальнаго государства. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣло наше правительство на отвѣтственность Порты за пиратство подданныхъ Варварійскихъ владѣній, и Аккерманской конвенціей 1826 г. формально обязало турецкое правительство къ уплатѣ вознагражденія тѣмъ Русскимъ, которые пострадали отъ этихъ пиратовъ.

c) Равноправность. Подобно тому какъ отдѣльныя лица, граждане, равны передъ закономъ, такъ независимыя государства равны передъ международнымъ правомъ: всѣ они имѣютъ опредѣленныя основныя права, которыми могутъ пользоваться и которыя должны быть взаимно уважаемы. Равноправность государствъ вытекаетъ изъ понятія о международномъ общеніи; въ этомъ смыслѣ она есть „теоретическое" начало. Но было бы несправедливо не признавать за нею никакого практическаго значенія и отрицать положительныя ея основанія.

Принципъ равноправности государствъ прекрасно формулированъ сѣверо-американцемъ Сомнеромъ въ засѣданіи Вашингтонскаго Сената 23 марта 1871 г. Вотъ его слова: „Не подобаетъ совершать противъ маленькаго и безсильнаго народа то, что мы не рѣшаемся сдѣлать народу великому и могущественному и что мы не допустили бы предпринять противъ насъ самихъ" [1]). Общеніе, соединяющее современные образованные народы, требуетъ, чтобы они признавали взаимныя равныя права.

Если равенство между ними не всегда уважается на практикѣ, то этимъ не колеблется сила принципа. Практическое воззрѣніе Функъ-Брентано и Сореля, которые говорятъ, что „помимо случаевъ, когда равенство государствъ дѣйствительно находитъ примѣненіе, оно есть пустое слово" [2]), опровергается фактомъ международнаго общенія, немыслимаго безъ равноправности его членовъ. Неосновательно также мнѣніе Лоримера, который видитъ въ принципѣ абсолютнаго равенства правъ и обязанностей государствъ начало ложное въ теоріи и неосуществимое или безсмысленное на практикѣ; какъ извѣстно, онъ построилъ оба свои проекта международной организаціи на принципѣ „фактическаго неравенства" государствъ [3]).

Но юридическое начало равноправности членовъ международнаго общенія вовсе не исключаетъ фактическаго ихъ неравенства — неравенства по могуществу, количеству населенія, богатству и пр.

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 81. Calvo. Droit international, t. I, p. 386.

[2]) Funck-Brentano et Sorel. Précis du droit des gens, p. 401.

[3]) Lorimer въ Revue de droit international, 1877, p. 165. Впрочемъ, менѣе рѣзко выражается это мнѣніе почтеннымъ профессоромъ Эдинбургскаго университета въ его Law of Nations, t. I, p. 105 etc.

Частныя лица точно также должны быть равны передъ закономъ; гражданское равенство есть великое „теоретическое" начало, завоеванное европейской цивилизацiей; но не всѣ частныя лица имѣютъ одинаковую возможность пользоваться своими законными правами, примѣнять ихъ. Такъ и государства „великiя", могущественныя обладаютъ большими средствами осуществлять свои права, нежели маленькiя и безсильныя. Но изъ этого не слѣдуетъ, что первыя могутъ по праву предписывать законы безсильнымъ народамъ.

Притязанiя нѣкоторыхъ государствъ называться „великими державами" представляются съ точки зрѣнiя международнаго права ни на чемъ не основанными, хотя это названiе признается за ними въ виду особеннаго ихъ политическаго могущества и международнаго значенiя. Но во всякомъ случаѣ ничѣмъ не могутъ быть оправданы попытки этихъ государствъ распоряжаться судьбою остальныхъ, вмѣшиваться въ ихъ внутреннiя дѣла и управлять ихъ международными интересами[1]). Изъ принципа равноправности такое вмѣшательство не вытекаетъ, ибо онъ не требуетъ, чтобы всѣ государства имѣли одинаковые порядки и осуществляли свои международныя права „одинаковымъ образомъ". Государство свободно въ сферѣ внутренняго управленiя и можетъ предоставлять на своей территорiи болѣе правъ своимъ подданнымъ, нежели иностранцамъ, можетъ даровать большiя преимущества подданнымъ однихъ государствъ сравнительно съ другими. Наконецъ, начало равенства между государствами не отмѣняетъ установленныхъ международною практикою и въ особенности постановленiями Вѣнскаго и другихъ конгрессовъ XIX в. ранга и титуловъ государствъ и ихъ представителей, которые, впрочемъ, не сообщаютъ ихъ обладателямъ никакой власти въ международныхъ отношенiяхъ.

[1]) На основанiи протокола, подписаннаго въ Троппау 19 ноября 1820 г., уполномоченные трехъ сѣверныхъ великихъ державъ объявили, что „союзныя державы" (т. е. Австрiя, Россiя и Пруссiя) исключатъ изъ Европейскаго союза всякое государство, которое во внутреннемъ своемъ устройствѣ вслѣдствiе „мятежа" подверглось измѣненiямъ. См. мое Собранiе трактатовъ, т. IV, ч. I, № 122. Срав. Lawrence. Essays on some disputed questions in modern Int. Law., p. 191 etc.

§ 71. По началу суверенитета каждое государство въ правѣ принять тотъ титулъ, какой только пожелаетъ; но чтобы пріобрѣсти международное значеніе, онъ нуждается въ признаніи со стороны другихъ государствъ. Для такого признанія необходимо, чтобы достоинство и рангъ, соединяющіеся съ титуломъ, который принимаетъ государство, соотвѣтствовали мѣсту и положенію, которыя оно дѣйствительно занимаетъ въ международномъ общеніи; государство незначительное въ политическомъ отношеніи не можетъ притязать на титулъ и рангъ, принадлежащіе большимъ государствамъ [1]).

Державы, участвовавшія въ Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г., отказали въ королевскомъ титулѣ Гессенскому курфюрсту, находя, что просьба курфюрста объ этомъ титулѣ „не оправдывается никакимъ достаточнымъ основаніемъ". Напротивъ, королевскій титулъ Бранденбургскихъ курфюрстовъ, принятый въ 1701 г. Фридрихомъ I, былъ признанъ всѣми державами, ибо международное значеніе, которымъ уже тогда пользовалась Пруссія, вполнѣ соотвѣтствовало этому титулу. Тоже самое надо сказать о русскомъ императорскомъ титулѣ, который былъ принятъ Петромъ Великимъ въ 1721 г., по заключеніи Ништадскаго мира, и въ разное время признанъ европейскими кабинетами [2]). Въ новѣйшее время прокламація англійскаго правительства (1876 г.) о принятіи великобританскою королевою титула „императрицы Индіи" была сообщена всѣмъ державамъ и принята ими безпрекословно. Державы согласились на признаніе Румынскаго княжества и Сербіи королевствами (1881—1882 г.).

Неопредѣленность ранга государей вызывала въ прежнее время постоянныя пререканія между представителями различныхъ державъ о первенствѣ или предсѣданіи (droit de préséance). Исторія XVI, XVII и даже XVIII в. полна примѣрами споровъ, часто комическихъ, но иногда серьезно возмущавшихъ миръ Европы, о томъ, кто долженъ предсѣдательствовать на международномъ собраніи,

[1]) Срав. интересную книгу Marshal (International vanities, London 1875), въ которой приводится множество любопытныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о смѣшномъ тщеславіи государствъ во взаимныхъ отношеніяхъ.

[2]) Прежде другихъ признали Голландія и Пруссія, въ 1722 г. (см. мое Собраніе трактатовъ, т. V, № 204); Вѣнскій дворъ (Австрія) въ 1744, Франція въ 1762 г., Польша только въ 1764.

въ какомъ порядкѣ засѣдать, подписывать договоръ, быть принятымъ на аудіенціи государствъ и т. п.[1]). Эти нескончаемые споры обращали на себя вниманіе папъ, которые по просьбѣ спорящихъ и въ силу высшей власти, приписываемой себѣ римскими первосвященниками, опредѣляли ранги и титулы государей.

Такъ папа Юлій II издалъ въ 1504 г. распоряженіе, согласно которому первое мѣсто должно было принадлежать римскому императору; за нимъ слѣдовали: римскій король, король французскій, кастиліанскій, аррагонскій, португальскій, англійскій и т. д. О московскомъ царѣ не упоминалось. Подобные регламенты имѣли практическое значеніе конечно только до тѣхъ поръ, пока авторитетъ папскій былъ всеобщимъ и безспорнымъ.

Въ настоящее время рангъ и церемоніальныя права государей опредѣляются нижеслѣдующими обычными и договорными правилами.

1) До настоящаго времени различные монархи удержали за собой религіозные титулы, которые были пожалованы ихъ предшественникамъ римскими первосвященниками въ виду особенныхъ заслугъ передъ церковью. Такъ, французскій король назывался „roi très chrétien" или „filius primogenitus ecclesiae"; англійскій король — „defensor fidei"; императоръ австрійскій въ качествѣ короля венгерскаго—„Majesté Apostolique"; испанскій король—„roi catholique"; португальскій—„roi très fidèle"; бывшіе польскіе короли титуловались „rois orthodoxes".

2) Католическія государства признаютъ первенство за представителемъ папы, — обычай, необязательный для Россіи и протестантскихъ государствъ.

3) Первое мѣсто между самостоятельными государствами занимаютъ тѣ, которымъ принадлежатъ „королевскія почести" (honneurs royaux). Таковы: имперіи, королевства, великія герцогства и великія республики—французская, швейцарская и сѣверо-американская (въ прежнее время Венеція и Голландскіе Штаты).

---

[1]) Marshal. International vanities, p. 17 etc.; p. 95 etc. Срав. также Macaulay. History of England. t. IV, p. 788 etc. Nys. Les origines, p. 332.

Къ преимуществамъ, соединяющимся съ королевскими почестями, относятся: титулъ „Величества“ (Majesté), особые гербы, различныя церемоніальныя права и право посылать дипломатическихъ агентовъ перваго класса, пословъ — ambassadeurs. Между императорами, королями и республиками признается полное равенство ранга и церемоніальныхъ правъ. Швейцарія и Соединенные Штаты Америки не назначаютъ пословъ по собственной волѣ, а не по отсутствію права. Необходимо еще замѣтить, что родственныя и семейныя отношенія между суверенами, равно какъ и политическіе союзы не измѣняютъ порядка мѣстъ и рангъ государствъ [1]).

Императорскій титулъ не имѣетъ никакихъ формальныхъ преимуществъ передъ королевскимъ. Попытки установить различіе между ними въ теоріи и тѣмъ оправдать то предпочтеніе, которое на практикѣ обыкновенно дается императорскому титулу, до сихъ поръ не удавались.

Блюнчли видитъ это различіе во „всемірномъ“ значеніи имперіи и въ ея господствѣ надъ „нѣсколькими народностями“. Но этому мнѣнію противорѣчатъ какъ исторія, такъ и положительные факты. Англія издавна уже владычествуетъ надъ многими народами и, конечно, имѣетъ всемірное значеніе, однако носитъ титулъ королевства [2]). Прусскіе короли не измѣнили своего титула на императорскій, несмотря на то, что пользовались огромнымъ международнымъ значеніемъ уже со времени Фридриха II Великаго. Наконецъ германскій императоръ есть въ настоящее время глава единаго германскаго народа, составляющаго съ 1871 г. имперію. Замѣчаніе Блюнчли, что „императорскій рангъ“ не обусловленъ „императорскимъ титуломъ“, не устраняетъ недоразумѣнія [3]).

4) Полунезависимыя государства должны стоять ниже независимыхъ государствъ и во всякомъ случаѣ уступаютъ первенство тому государству, отъ котораго зависятъ [4]).

[1]) Положеніе Вѣнскаго конгресса 7-го (19-го) марта 1815 года относительно дипломатическихъ агентовъ, ст. VI. См. мое Собраніе трактатовъ, т. III, стр. 529 и слѣд.

[2]) Терминъ „British Empire“ (Британская Имперія) выражаетъ принципъ международнаго единства всѣхъ англійскихъ владѣній.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht, § 85—86.

[4]) Срав. Bluntschli, loc. cit. § 93. Непонятно, какимъ образомъ, по мнѣнію

5) Относительно взаимныхъ сношеній и переписки между государствами, а также морскихъ салютовъ выработались опредѣленныя правила, указывающія на рангъ государствъ [1]).

6) Особенныя соглашенія между данными государствами о рангѣ признаются прочими державами, какъ напр. соглашеніе о предсѣданіи между государями, входившими въ составъ старой Германской имперіи.

7) Измѣненіе формы правленія не измѣняетъ ранга государства. Англія пользовалась королевскими почестями при Кромвелѣ, какъ и при Стюартахъ; новѣйшая Французская республика остается „великою державою" [2]).

VI. Основныя международныя права государствъ.

§ 72. Основныя права государствъ неразрывно связаны съ международными свойствами послѣднихъ и, слѣдовательно, со всѣмъ положеніемъ государствъ въ качествѣ международныхъ личностей. Они принадлежатъ каждому независимому государству, каковы бы ни были политическое его могущество, величина его территоріи или обязательныя отношенія къ другимъ народамъ. Безъ этихъ правъ государства не въ состояніи достигнуть разумной цѣли международной жизни; безъ нихъ они не члены международнаго общенія. Права государствъ пріобрѣтаемыя создаются договорами и зависятъ отъ обстоятельствъ и времени; права основныя присущи государствамъ, неотчуждаемы и всегда должны быть на лицо.

Государство не можетъ отказаться отъ своихъ основныхъ международныхъ правъ, не отрекаясь отъ самого себя, своей независи-

---

Блюнчли, сѣверо-американскій штатъ Виргинія можетъ считаться полунезависимымъ государствомъ и почему полунезависимыя государства въ отношеніи несюзеренныхъ державъ могутъ находиться въ равномъ съ ними положеніи „согласно ихъ значенію въ семьѣ народовъ"?

[1]) См. Phillimore. Commentaries, t. II, § 34. Calvo. Droit international, t. I, § 318 et ss. Martens. Précis, § 158—163.

[2]) Dana's Wheaton. Elements, part. II, chap. III, § 152 etc. Dudley Field. Outlines of an International Code, § 16, 17. Heffter. Völkerrecht, § 27, 28.

мости. Поэтому трактаты, нарушающіе или отмѣняющіе основныя права государствъ, незаконны и не имѣютъ обязательной силы. Такіе трактаты возможны только при двухъ условіяхъ: 1) если государство безсильно возстановить свое нарушенное право, или же 2) находится въ состояніи полнѣйшаго разложенія. Государство, обладающее задатками жизни, рано или поздно сброситъ съ себя подобныя ограниченія и возстановитъ свою международную личность во всемъ объёмѣ. Такъ какъ основныя права неразрывно связаны съ существованіемъ государствъ, то всякое посягательство на нихъ есть casus belli.

Эти основныя права суть: 1) право самосохраненія; 2) право территоріальности; 3) право независимости; 4) право на уваженіе и честь; 5) право на международныя сообщенія и 6) право принужденія [1]).

§ 73. 1. Право самосохраненія. Это право непосредственно вытекаетъ изъ факта существованія государства. Подобно человѣку, государство въ правѣ и обязано охранять свою жизнь всѣми средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи. Въ правѣ на самосохраненіе заключается не только право борьбы противъ нападающихъ, но и право предупрежденія неминуемо грозящей опасности. Пользоваться этимъ правомъ составляетъ обязанность государства: народъ, не желающій защищать свою жизнь, не имѣетъ права на самостоятельность [2]).

Изъ права самосохраненія вытекаетъ необходимость для государства имѣть средства для охраненія своей жизни. Къ таковымъ принадлежатъ: 1) совокупность вооруженныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; 2) крѣпости и укрѣпленія всѣхъ родовъ; 3) между-

[1]) Heffter. Völkerrecht § 29 u. ff. Travers-Twiss. Law of Nations, t. I, p. 143 etc. Wheaton. Elements, part. II, chap. I. § 60 etc. Hall. International Law., p. 226 etc. Creasy. First platform, p. 147 etc. Calvo. Droit international, t. I, p. 224 et ss. Neumann. Grundriss, § 8. Hartmann. Institutionen des praktischen Völkerrechts, § 7—17.

[2]) Сравн. Stein. Die Lehre vom Heerwesen (Stuttgart 1872). S. 4 u. ff. Trendelenburg. Naturrecht auf dem Grunde der Ethik (Lpz. 1868). § 152, 177, 195. Jhering. Der Zweck im Recht, Bd. I, S. 416 u. ff.

народные союзы оборонительные и наступительные. Вообще всѣ средства обороны, несоединенныя съ посягательствомъ на независимость другихъ невраждебныхъ народовъ, законны. Цѣлью мѣръ, принимаемыхъ подъ предлогомъ самосохраненія, не должно быть уничтоженіе самостоятельности другого мирнаго государства или нарушеніе основныхъ условій его жизни.

Поведеніе Англіи въ отношеніи Даніи въ 1807 г., когда Копенгагенъ подвергся бомбардированію за то только, что датское правительство отказалось исполнить совершенно незаконное требованіе Англичанъ—немедленно передать въ ихъ распоряженіе свой флотъ, который, какъ они думали, могъ достаться Наполеону I и быть употребленъ противъ Англіи—служитъ примѣромъ вопіющаго злоупотребленія силою, прикрываемаго маскою самозащиты[1]).

Условія примѣненія права обороны государствами имѣютъ много общаго съ началами, дѣйствующими къ отношеніи самообороны частныхъ лицъ. Самооборона государства не должна быть неограниченною: она начинается съ момента дѣйствительнаго нападенія или съ момента явной угрожающей опасности. Съ этой точки зрѣнія нельзя считать незаконнымъ нападеніе Фридриха II на Саксонію въ 1756 г., ибо ранѣе чѣмъ предпринять его, прусскій король имѣлъ въ рукахъ доказательства враждебныхъ противъ него замысловъ саксонскаго курфюрста[2]).

Придерживаться другого взгляда въ этомъ вопросѣ значитъ открывать дверь всевозможнымъ насиліямъ и захватамъ. Въ прошломъ столѣтіи необходимостью противодѣйствовать нарушенію политическаго равновѣсія оправдывались явно завоевательныя войны. Иное дѣло несомнѣнное стремленіе даннаго народа ко всемірной монархіи: въ такомъ случаѣ государства для самосохраненія должны принять общія оборонительныя мѣры[3]).

Мѣры самосохраненія могутъ быть приняты какъ въ предѣлахъ

[1]) Современный англійскій юристъ Hall (International Law., p. 230) находитъ возможнымъ оправдывать такое поведеніе Англіи, жестокимъ образомъ осужденное многими англійскими писателями. Срав. Allison. History of Europe, t. VI, p. 474.

[2]) Ranke. Zur Geschichte von Oesterreich und Preussen, S. 224 ff.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht, § 99.

территоріи государства, которому угрожаетъ нападеніе или опасность, такъ и внѣ его предѣловъ.

Примѣрами могутъ служить слѣдующіе случаи. Въ 1838 г., въ англійской Канадѣ, во время возстанія, мѣстныя власти получили достовѣрныя свѣдѣнія, что на американской территоріи, при участіи подданныхъ С. Штатовъ, снаряжается корабль „Caroline", который долженъ доставить возставшимъ Канадцамъ военные запасы и вооруженныхъ людей. Тогда правительство Канады распорядилось объ отправкѣ черезъ озеро военной команды, которая захватила корабль, разоружила его и затѣмъ спустила по Ніагарскому водопаду. Вашингтонское правительство подняло споръ по этому дѣлу обвиняя канадскія власти въ нарушеніи территоріальной неприкосновенности Соединенныхъ Штатовъ, но отказалось отъ требованія удовлетворенія, послѣ того какъ англійское правительство доказало, что дѣйствія его были вызваны необходимостью обороны[1]).

Другой случай имѣлъ мѣсто въ 1873 г., когда происходило возстаніе на островѣ Кубѣ. Испанцы задержали въ открытомъ морѣ корабль „Virginius", плававшій подъ американскимъ коммерческимъ флагомъ, и распорядились о повѣшеніи снятыхъ съ него людей на томъ основаніи, что захваченный корабль былъ нанятъ возставшими Кубанцами для подвоза имъ оружія и припасовъ. Американское правительство протестовало противъ остановки своего судна и наказанія его экипажа, опираясь на то, что открытое море для всѣхъ свободно, но прекратило споръ, какъ только было доказано, что принятая мѣра являлась самообороною и выяснилось, что самое судно не имѣло никакого права поднимать американскій флагъ [2]).

Предметомъ оборонительныхъ мѣръ является охраненіе правъ и интересовъ или непосредственно государства, или какого-либо общественнаго класса, или отдѣльныхъ лицъ. Дѣйствіе или продолжительность примѣненія этихъ мѣръ опредѣляется значительностью и продолжительностью самаго нападенія или опасности.

Наконецъ, очевидно, что всякое ограниченіе права самосохраненія есть положительное посягательство на существованіе народа и должно быть разсматриваемо, какъ временная несообразность.

Примѣровъ такихъ ограниченій встрѣчается очень много. Въ прошломъ

---

[1]) Phillimore. Commentaries, I, p. 255. Hall. International Law, p. 227.

[2]) Woolsey. Introduction to the study of International Law. London 1878, 5-th. ed. Appendix № 3. Hall, loc. cit., p. 232 etc. Относительно дѣла „Virginius" Staatsarchiv, Bd. XVII и XVIII, № 5284—5427.

столѣтіи трактатами Утрехтскимъ (1713 г.), Ахенскимъ (1748 г.) и Парижскимъ (1763 г.) Франція обязалась не укрѣплять Дюнкирхена; по Парижскому договору 1815 г. она же обязалась не возстановлять укрѣпленія Гюнингена; Россія, на основаніи Парижскаго мирнаго договора 1856 г., должна была срыть всѣ укрѣпленія по берегамъ Чернаго моря, не возводить новыя и не содержать въ Черномъ морѣ военнаго флота. По настоянію русскаго правительства ограниченія эти, какъ извѣстно, были отмѣнены въ 1871 г. Въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 г. есть нѣсколько такихъ ограничивающихъ статей: Болгарія обязалась срыть въ своихъ предѣлахъ старыя крѣпости и не должна сооружать новыя (ст. 11); отъ Черногоріи отняго право имѣть военныя суда и строить укрѣпленія на рѣкѣ Боянѣ и по прибрежью (ст. 29); для обезпеченія свободы судоходства по Дунаю постановлено о срытіи всѣхъ крѣпостей и укрѣпленій по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ-Воротъ до устья и о запрещеніи возводить новыя; на этомъ пространствѣ не могутъ плавать никакія военныя суда, кромѣ станціонеровъ, которые имѣютъ право подниматься только до Галаца (ст. 52).

§ 74. 2. Право территоріальности (jus territoriale). Оно имѣетъ непосредственную связь съ правомъ самосохраненія и заключается въ исключительномъ господствѣ государства на всемъ пространствѣ своей территоріи. Поэтому 1) ни одно государство не имѣетъ права распространять свою власть на чужую территорію и предпринимать здѣсь какія-либо правительственныя дѣйствія. Иностранная территорія даетъ убѣжище всѣмъ лицамъ, преслѣдуемымъ въ своемъ государствѣ. Войска и военныя суда воюющихъ державъ останавливаются у границъ иностранной территоріи. 2) Всякое дѣйствіе государства, клонящееся къ уменьшенію или ограниченію территоріальной власти другого государства, даетъ послѣднему законный поводъ принять репрессивныя мѣры.

Каждое государство въ правѣ требовать, чтобы иностранныя державы не возбуждали его подданныхъ къ возстанію, къ отдѣленію отъ государства или выселенію. Манифестъ Екатерины II (1763 г.), которымъ подданные Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ приглашались къ переселенію въ Россію, разсматривался германскими правительствами, какъ нарушеніе законныхъ ихъ правъ[1]. Точно также Австрія считала неуваженіемъ своей территоріаль-

[1] Въ донесеніи (необнародованномъ) князя Долгорукова изъ Берлина, отъ 14 (25) октября 1763 г., говорится, что выселеніе прусскихъ подданныхъ въ Россію задержи-

ности и своихъ интересовъ приглашеніе, обращенное въ свое время русскимъ правительствомъ къ австрійскимъ Славянамъ о переселеніи ихъ на югъ Россіи въ колонію „Новая Сербія“ [1]).

3) Всѣ лица и имущества, въ особенности недвижимыя, находящіяся на территоріи, подчиняются территоріальнымъ законамъ и юрисдикціи.

4) Ни одно государство не должно нарушать естественныхъ условій и отношеній, въ которыя поставлено самою природою другое государство. Что природа дала всѣмъ, не можетъ быть присвоиваемо отдѣльнымъ государствомъ въ свою собственность. Если наприм. рѣка протекаетъ черезъ владѣнія нѣсколькихъ государствъ, то ни одно изъ нихъ не имѣетъ права измѣнить ея направленія къ ущербу другихъ.

Занятіе или присоединеніе части чужой территоріи есть безъ сомнѣнія такое существенное измѣненіе пространства дѣйствія права территоріальности даннаго государства, которое оправдываетъ отпоръ и требованіе удовлетворенія. Болѣе подробное разсмотрѣніе права государства на территорію составляетъ предметъ главы III.

§ 75. 3. Право независимости. Это основное международное право государства есть выраженіе государственнаго верховенства (суверенитета) и осуществляется: 1) въ полной свободѣ внутренняго устройства и управленія государства (измѣненіе формы правленія, изданіе законовъ, назначеніе должностныхъ лицъ, устройство мѣстнаго управленія и т. д.); 2) въ правѣ самостоятельно управлять международными сношеніями (направленіе внѣшней политики, назначеніе дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, заключеніе трактатовъ, развитіе вооруженныхъ силъ и проч.).

Провозглашая полную внутреннюю и внѣшнюю независимость го-

вается всѣми способами со стороны прусскаго правительства, которое приказало всѣмъ пограничнымъ властямъ не пропускать переселенцевъ. Даже были приняты мѣры, чтобъ манифестъ не сдѣлался извѣстнымъ. См. П. С. З. №№ 11880, 11881 и 11896.

[1]) Австрійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, баронъ Претлакъ, даже обвинялъ русскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ въ подстрекательствѣ Сербовъ къ переселенію и требовалъ, чтобъ ему это было возбранено. См. мое Собраніе трактатовъ т. I, стр. 184.

сударства, надо помнить, что праву на собственную независимость всегда соотвѣтствуетъ обязанность уважать чужую независимость. Одно съ другимъ связано неразрывно. Франція при Наполеонѣ I сама вызвала событія 1814 и 1815 гг., относясь съ неуваженіемъ къ независимости другихъ народовъ.

§ 76. О вмѣшательствѣ. Вмѣшательствомъ называютъ непрошенное заинтересованными и находящимися въ спорѣ сторонами вступательство въ ихъ дѣла и взаимныя отношенія. Если спорящія государства сами обратятся къ третьей державѣ съ просьбой о разрѣшеніи ихъ спора, тогда мы будемъ имѣть дѣло не съ вмѣшательствомъ, а посредничествомъ. Затѣмъ очевидно, что непрошенное вторженіе въ чужія дѣла, по существу самаго дѣйствія, не есть право какого-либо государства; поэтому непозволительно говорить о „правѣ вмѣшательства“; допускаемое въ немногихъ случаяхъ, вмѣшательство оправдывается совершенно исключительными обстоятельствами, но не правомъ въ юридическомъ смыслѣ.

Оно можетъ быть: 1) вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла другого народа, или 2) во внѣшнія отношенія, существующія между конкретными державами.

Мотивы вмѣшательства бываютъ различные. Въ особенности часто выставляютъ въ оправданіе вмѣшательства необходимость самосохраненія, необходимость исполнить заключенный трактатъ и призывъ къ вмѣшательству со стороны одной изъ спорящихъ сторонъ. Коль скоро обѣ стороны согласны на вмѣшательство, будетъ имѣть мѣсто, какъ мы уже сказали, посредничество. Средствами вмѣшательства служатъ или дипломатическія ноты, или сила оружія.

Разсмотримъ отдѣльно оба вида вмѣшательства[1]).

[1]) Литература этого весьма спорнаго въ свое время вопроса очень богата. Срав. Phillimore. Commentaries, t. I, p. 463 etc. Hall. Int. Law. § 88. Heffter. Völkerrecht, § 44. Bluntschli. Völkerrecht, § 474. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. II, p. 489 etc. Amari. Nouvel exposé du principe de non-intervention (Revue de droit int. 1873). Mill. Dissertations and discussions (London 1867), t. III, p. 153. Strauch. Zur Interventions-Lehre. Heidelberg 1879. Въ русской литературѣ: Гр. Камаровскій. Начало невмѣшательства. Москва 1874.

I. Вмѣшательство во внутреннія дѣла. Какъ относительно понятія, такъ и границъ этого рода вмѣшательства въ литературѣ объ интервенціи высказываются крайне разнообразные и неопредѣленные взгляды, которые открываютъ широкое поле для произвола въ ихъ истолкованіи и примѣненіи. Тѣмъ, не менѣе большинство современныхъ писателей говоритъ о вмѣшательствѣ, какъ объ исключеніи изъ нормальнаго порядка международныхъ отношеній, и всѣ они отрицаютъ „право" вмѣшательства, которое еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія принадлежало къ безспорнымъ истинамъ. Въ такой перемѣнѣ взглядовъ нельзя не видѣть великаго завоеванія на пользу права. Задача современной науки въ этомъ вопросѣ заключается въ устраненіи тѣхъ исключеній изъ начала невмѣшательства, которыя допускаются еще авторитетными публицистами и часто подрываютъ силу самаго принципа.

При разсмотрѣніи вопроса о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла, не такъ важно проводить различіе между поводами къ вмѣшательству, какъ между его субъектами и объектами. Вмѣшательство представляется различнымъ, смотря по тому, примѣняется ли оно въ сношеніяхъ между цивилизованными государствами, или въ сношеніяхъ этихъ послѣднихъ съ народами нецивилизованными.

a) Въ сношеніяхъ между цивилизованными народами вмѣшательство въ принципѣ не допускается: оно всегда незаконно, ибо противорѣчитъ независимости государствъ. Притомъ оно и не приводитъ къ цѣли, унижая правительство, въ пользу котораго предпринято, и раздражая и оскорбляя народъ, противъ котораго направлено. Исторія начала XIX ст. лучшее доказательство справедливости этого положенія[1]). Вотъ почему теперь вмѣшательство не защищается даже политическими дѣятелями.

Съ этой точки зрѣнія всѣ исключенія изъ принципа невмѣшательства представляются опасными. Однако, мы не отрицаемъ, что

[1]) Срав. протоколъ конгресса въ Троппау отъ 7 (19) ноября 1820 г. Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. I, № 122, р. 282. Mémoires du prince de Metternich, t. III, p. 417, p. 441 et ss.

возможны особенные случаи, когда вмѣшательство во внутреннія дѣла образованнаго государства можетъ имѣть мѣсто. Это именно тѣ случаи, когда вмѣшательство вызывается интересами международнаго общенія. Мы допускаемъ, по исключенію, коллективное вмѣшательство и настаиваемъ именно на общихъ дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ противъ даннаго государства по взаимному соглашенію не только двухъ или трехъ державъ, но всѣхъ руководящихъ.

Къ случаямъ такого вмѣшательства можно отнести слѣдующіе: 1) когда вмѣшательство основано на трактатѣ, напр. въ томъ случаѣ, когда извѣстныя государства взяли на себя поручительство въ обезпеченіи устройства данной страны. Такъ, гарантія liberum veto въ сеймахъ Польской республики, принятая на себя Россіей, Австріей и Пруссіей, оправдывала вмѣшательство этихъ державъ во внутреннія дѣла Польши. Само собою разумѣется, что поручительство за сохраненіе въ другомъ государствѣ существующихъ порядковъ представляется совершенно ненормальнымъ явленіемъ. Но если оно основано на трактатѣ, оно не можетъ быть отрицаемо. 2) Если внутренній государственный переворотъ нарушаетъ положительныя законныя права другихъ державъ; угрозой такого нарушенія было, напримѣръ, объявленіе Ламартина 1848 г. о необязательности для республиканской Франціи Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г. Какъ извѣстно, оно вызвало энергическій протестъ заинтересованныхъ правительствъ. 3) Если вмѣшательство вызывается вмѣшательствомъ другого государства (контръ-вмѣшательство).

b) Въ сношеніяхъ цивилизованныхъ народовъ съ нецивилизованными вмѣшательство находитъ полное примѣненіе въ приведенныхъ выше трехъ случаяхъ; но, кромѣ того, въ отношеніи Турціи, Китая, Японіи и другихъ азіатскихъ государствъ вмѣшательство образованныхъ державъ по принципу законно въ томъ случаѣ, когда христіанское населеніе тѣхъ земель подвергается варварскому гоненію или избіенію. Въ данномъ случаѣ вмѣшательство оправдываютъ общность религіозныхъ интересовъ и соображенія человѣколюбія, т. е. начала естественнаго права, которыя вообще опре-

дѣляютъ сношенія образованныхъ народовъ съ необразованными. Въ сношеніяхъ между цивилизованными державами этотъ мотивъ, вопреки мнѣнію Блюнчли и Филлимора, не долженъ имѣть примѣненія, ибо народъ образованный даетъ своимъ подданнымъ законное обезпеченіе религіозной свободы [1]).

II. Вмѣшательство во внѣшнія отношенія Главными поводами къ такому вмѣшательству обыкновенно служили: нарушеніе трактатовъ и въ особенности необходимость сохраненія политическаго равновѣсія. И здѣсь, въ принципѣ, мы признаемъ обязанность невмѣшательства во всѣхъ случаяхъ, когда отношенія между конкретными державами не нарушаютъ непосредственно интересовъ международнаго общенія; иначе вмѣшательство уничтожитъ ту самостоятельность, которая должна необходимо принадлежать каждому государству въ области международныхъ отношеній. Поэтому вмѣшательство во внѣшнія отношенія законно, если предпринято съ цѣлью положить конецъ явному стремленію даннаго государства основать всемірную монархію. Законнымъ поводомъ къ вмѣшательству служитъ также нарушеніе трактатовъ, разъ только послѣдніе имѣютъ силу общеобязательныхъ международныхъ законовъ. Другіе подобные этимъ случаи указать трудно. Но необходимо имѣть въ виду, что вмѣшательство во внѣшнія отношенія существенно отличается отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла. Послѣднее есть почти всегда посягательство на независимость и національную самостоятельность народа, тогда какъ первое само по себѣ такого характера не имѣетъ, ибо существующія цивилизованныя государства во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ находятся въ близкой связи между собою и зависятъ другъ отъ друга. Только никакъ нельзя признать за какимъ-нибудь однимъ государствомъ или союзомъ государствъ, въ родѣ пентархіи, исключительное право вмѣшиваться во взаимныя отношенія другихъ державъ или имѣть надзоръ за всѣми международными сношеніями, которыя происходятъ въ предѣлахъ опредѣленной части материка или части свѣта.

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 478. Phillimore. Commentaries, t. I, § 409 etc.

§ 77. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты претендуютъ на руководство внѣшними отношеніями всѣхъ американскихъ государствъ. Извѣстный афоризмъ: „Америка принадлежитъ Американцамъ“ Соединенные Штаты давно уже обратили въ положеніе: „Америка принадлежитъ Сѣверо-американцамъ—янки“. Они запрещаютъ Чили, послѣ почти двухлѣтней удачной войны съ Перу и Боливіей, присоединить къ себѣ какую-нибудь часть перуанской территоріи. Въ ноябрѣ 1881 г. они объявили правительству Чили что „противно законамъ, долженствующимъ господствовать въ сношеніяхъ между образованными народами, ставить какъ conditio sine qua non мира, присоединеніе къ Чили владѣній, безспорно принадлежащихъ Перу“.

Опираясь на свое мнимое право господства въ Америкѣ, Вашингтонское правительство протестуетъ противъ малѣйшей попытки вмѣшательства Европы въ дѣла американскихъ государствъ. Извѣстно, что мексиканская экспедиція Наполеона III въ 1866 г. окончилась катастрофой, между прочимъ, благодаря тому, что правительство Соединенныхъ Штатовъ настояло на удаленіи французскихъ войскъ изъ Мексики. Но вашингтонское правительство идетъ еще далѣе и въ послѣднее время не признаетъ за европейскими государствами даже права вступать между собою въ какія-либо соглашенія о тѣхъ артеріяхъ всемірной торговли и международныхъ сношеній, которыя находятся въ Америкѣ и представляютъ особенную важность для державъ, имѣющихъ въ Америкѣ владѣнія или колоніи. Бывшій Вашингтонскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Блэнъ (Blaine), въ своемъ циркулярѣ (октябрь 1881 г.) и депешѣ къ американскому посланнику въ Лондонѣ (отъ 19-го ноября 1881 г.) силится доказать, что Панамскій перешеекъ и въ частности каналъ, имѣющій его прорѣзать, должны находиться подъ исключительнымъ контролемъ Соединенныхъ Штатовъ, даже вопреки трактату, который былъ заключенъ по этому именно предмету между Англіей и Соединенными Штатами въ 1850 г. (такъ назыв. Клэйтонъ-Бульверовскій трактатъ) [1].

Наконецъ, въ засѣданіи отъ 7 января 1889 г. Вашингтонскій сенатъ постановилъ пригласить президента объявить всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что всякое участіе ихъ въ постройкѣ канала чрезъ перешеекъ Центральной Америки признается со стороны Соединенныхъ Штатовъ вреднымъ для интересовъ и благоденствія этого государства.

[1]) См. Phillimore. Commentaries, t. I, p. 244—251.

Мы возвратимся къ этому вопросу въ особенной части нашей системы. Здѣсь же коснемся только принципіальной стороны тѣхъ воззрѣній, которымъ слѣдуетъ Вашингтонское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ европейскимъ государствамъ въ Америкѣ.

Европейское международное право, которое Сѣверо-Американскіе Штаты формально признали обязательнымъ для себя, положительно не допускаетъ, чтобы какой-либо одинъ народъ исключительно господствовалъ въ предѣлахъ извѣстнаго материка. Въ особенности не можетъ Вашингтонское правительство исключать изъ Америки тѣ европейскія государства, которыя владѣютъ здѣсь землями или имѣютъ колоніи и которыя поэтому должны считаться отчасти американскими государствами. Еще менѣе допустимы притязанія Штатовъ съ точки зрѣнія международнаго общенія. Послѣднее не создаетъ ни для одного американскаго государства какого-либо особеннаго привиллегированнаго въ отношеніи другихъ государствъ положенія. Наконецъ, эти претензіи не находятъ объясненія даже въ теоріи Монрое.

Такъ называется ученіе о невмѣшательствѣ, формулированное президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, Монрое, въ его посланіи къ Вашингтонскому конгрессу отъ 2-го декабря 1833 г.: оно легло въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ протестовъ Вашингтонскаго правительства противъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла Америки.

Въ чемъ же заключается эта знаменитая теорія? Посланіе Монрое можетъ быть выражено въ слѣдующихъ трехъ главныхъ положеніяхъ: 1) европейскія державы не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла американскихъ государствъ, какъ вмѣшивалась, напримѣръ, пентархія въ дѣла Неаполя или Испаніи; 2) посланіе не опредѣляетъ, въ чемъ собственно будетъ состоять противодѣйствіе Соединенныхъ Штатовъ такому вмѣшательству, но только заявляетъ, что послѣднее будетъ сочтено угрозою и опасностью для Штатовъ, наконецъ, 3) колонизація въ Америкѣ объявлена недопустимою на томъ основаніи, что весь материкъ американскій находится уже подъ властью цивилизованныхъ правительствъ.

Стоитъ только прочесть эти три положенія, чтобы увидѣть совершенную невозможность вывести изъ нихъ заключеніе, будто Соединенные Штаты имѣютъ право надзора надъ внѣшними сношеніями всѣхъ американскихъ государствъ. Нельзя не замѣтить, кромѣ того, что „теорія Монрое" была и остается личнымъ мнѣніемъ главы административной власти въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1823 г. и никогда не получала силы закона. Меньше всего можетъ она имѣть обязательную силу международнаго закона для европейскихъ цивилизованныхъ государствъ [1]).

§ 78. 4. Право на уваженіе и честь. Государство, какъ международная личность, должно пользоваться такимъ же правомъ на честь и нравственное достоинство, какъ и нравственная личность человѣка. Всякое посягательство на эту честь даетъ право требовать удовлетворенія. Государство, которое не въ состояніи охранить свою честь, теряетъ право на уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ на свою независимость, которыя всегда совпадаютъ [2]).

Изъ права на уваженіе и честь государства вытекаютъ:

1) Необходимость уваженія символическихъ знаковъ національной чести государства, какъ-то: флага, герба, титула. Оскорбленіе этихъ знаковъ есть оскорбленіе государства.

Къ поруганію государственной чести относится: пользованіе чужимъ титуломъ или гербомъ: оно всегда вызывало непріязненныя отношенія между государствами. Такъ, французскіе короли враждебно смотрѣли на англійскихъ, которые во время Столѣтней войны и долгое время послѣ титуловали себя „королями Франціи". Марія Стюартъ заимствовала гербъ англійской королевы и поплатилась за то головою. Оскорбленіе флага также всегда считалось однимъ изъ тяжелыхъ преступленій противъ чести государства.

Такъ, когда въ 1784 г. австрійское судно, желавшее, вопреки трактатамъ, войти въ Шельду, подверглось выстрѣламъ голландской батареи, Іосифъ II

---

1) Dana's Wheaton. Elements, p. 98 etc. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. II, p. 310 et ss.

2) Phillimore. Commentaries, t. II, p. 41 etc. Heffter. Völkerrecht, § 32.

*

счелъ себя оскорбленнымъ и требовалъ удовлетворенія отъ Голландскихъ Штатовъ. Поруганіе русскаго флага въ Анконѣ Австрійцами въ 1799 г. привело къ полному разрыву между Россіей и Австріей. Китайское правительство должно было дать удовлетвореніе Англіи, флагъ которой подвергся обстрѣливанію со стороны Китайцевъ на рѣкѣ Пейхо (1860 г.) [1]).

2) Государства требуютъ уваженія и для физическихъ лицъ, которыя представляютъ ихъ въ международныхъ отношеніяхъ. Оскорбленіе монарховъ или дипломатическихъ агентовъ можетъ вызвать войну.

Вообще всякое дѣйствіе, направленное противъ чести другого государства или выражающее презрѣніе къ нему, есть нарушеніе основного права государства на уваженіе и честь.

Съ другой стороны, честь предписываетъ каждому государству не позволять себѣ совершенія безчестныхъ дѣйствій по отношенію къ другимъ государствамъ. Государства ни въ какомъ случаѣ не должны покровительствовать контрабандной торговлѣ своихъ подданныхъ, поддѣлывать чужіе кредитные знаки или монету, возбуждать подданныхъ другого государства противъ законнаго правительства и т. п.

§ 79. 5. Право международныхъ сообщеній. Это право вытекаетъ изъ самаго существа международнаго общенія и лежитъ въ основаніи международнаго права; при отсутствіи международныхъ сношеній, очевидно, не было бы и юридическихъ нормъ, которыя къ нимъ примѣняются.

Вопросъ о правѣ международныхъ сообщеній значительно утратилъ въ настоящее время прежнюю свою практическую важность, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи цивилизованныхъ государствъ. Нельзя предположить, чтобы какое-либо современное образованное государство желало изолироваться отъ другихъ народовъ и стремилось прекратить всякія съ ними сношенія. Напротивъ, всѣ они находятъ необходимымъ пользоваться своимъ правомъ: они допускаютъ на

---

[1]) Мое Собраніе трактатовъ, т. II, стр. 372. Милютинъ. Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей, т. II, стр. 447 и слѣд. Letters and Journals of James Earl of Elgin ed. by Walrond (London 1872), p. 315.

свою территорію иностранцевъ, поддерживаютъ торговые и другіе международные обороты своихъ подданныхъ, заключаютъ съ этою цѣлью трактаты и т. д.

Нельзя, однако, согласиться со всѣми выводами, которые дѣлаютъ изъ права международныхъ сношеній современные ученые. Такъ, напримѣръ, Гефтеръ утверждаетъ[1]), что ни одна держава не можетъ отказать въ допущеніи на свою территорію подданныхъ дружественнаго государства, разъ удостовѣрена ихъ самоличность. Намъ кажется, что изъ права на международныя сообщенія никакъ не вытекаетъ обязанности для государства принимать къ себѣ иностранцевъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Международное общеніе оставляетъ каждому правительству свободу опредѣлить тѣ условія (паспорты, необходимость легитимаціи и пр.), при соблюденіи которыхъ могутъ происходить международныя сношенія въ предѣлахъ его территоріи. Условія эти могутъ быть удобны или неудобны для иностранцевъ, но они законны, какъ выраженіе территоріальной власти, и не противорѣчатъ праву международныхъ сношеній. Поэтому, въ принципѣ, государство имѣетъ право изгнать изъ своихъ предѣловъ всякаго иностранца, который не подчинится условіямъ, поставленнымъ для пребыванія его здѣсь мѣстными законами.

Гефтеръ приводитъ еще другіе примѣры незаконнаго ограниченія международныхъ сообщеній, между прочимъ, попытку народа уморить голодомъ другой народъ прекращеніемъ международныхъ съ нимъ сношеній: едва-ли такіе случаи возможны въ настоящее время.

Практически болѣе важнымъ является вопросъ о правѣ международныхъ сообщеній образованныхъ государствъ съ нецивилизованными или полудикими народами. Спрашивается, имѣютъ ли право образованныя державы силою заставить нецивилизованное государство отказаться отъ своей замкнутости и открыть свои земли и гавани для сношеній съ иностранцами? На этотъ вопросъ надо отвѣтить отрицательно: между образованными и варварскими народами не существуетъ взаимности, нѣтъ международнаго общенія, а слѣдовательно не можетъ быть и взаимныхъ правъ и обязанностей, относящихся до международныхъ сообщеній. Естественное же право, обязательное въ ихъ сношеніяхъ, исключаетъ всякія насилія, не вызванныя собственнымъ незаконнымъ поведеніемъ варваровъ[2]).

---

[1]) Heffter. Völkerrecht, S. 76.
[2]) Calvo. Droit international, t. I, p. 450 et ss.

6. Право принужденія. Каждому государству, какъ международной личности, присуще право охранять всѣми законными средствами свои права и интересы въ отношеніи какъ другихъ государствъ, такъ и ихъ подданныхъ. Право принужденія имманентно всѣмъ дѣйствіямъ и мѣропріятіямъ государствъ въ области взаимныхъ ихъ отношеній. Оно находится въ латентномъ состояніи въ мирное время, когда законные интересы и права государства уважаются. Оно вступаетъ въ дѣйствіе съ момента возникновенія серьезнаго международнаго столкновенія и исключительно господствуетъ во время войны.

VII. Государи, какъ субъекты правъ въ международныхъ отношеніяхъ.

§ 80. Въ наукѣ международнаго права многіе авторитетные писатели выражаютъ мнѣніе, что государи и президенты республикъ являются международными личностями и, подобно государствамъ, должны считаться субъектами международнаго права [1]). Мнѣніе это неосновательно, такъ какъ международныя отношенія суть исключительно отношенія, устанавливающіяся подъ покровительствомъ и отвѣтственностью государствъ и поэтому право, которое ихъ опредѣляетъ, имѣетъ своими единственными субъектами самостоятельные народы. Но въ лицѣ монарховъ выражается суверенитетъ государства; государь есть первый представитель своего народа во внѣшнихъ отношеніяхъ и въ этомъ качествѣ пользуется опредѣленнымъ международнымъ положеніемъ, которое должно быть за нимъ признаваемо.

Права, принадлежащія монархамъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, весьма значительны. Многія изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, становятся въ разрѣзъ съ территоріальною властью государства, въ предѣлахъ котораго находится иностранный монархъ. Кромѣ того, монархамъ принадлежатъ различныя почетныя и церемоніальныя права.

---

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, 127. Heffter. Völkerrecht, § 48. Bluntschli. Völkerrecht, § 125 u. ff. Martens. Précis, § 164 et ss.

На основаніи обычая государи, царствующіе въ различныхъ государствахъ, признаются членами одной „семьи". Соотвѣтственно этой фикціи, они поддерживаютъ между собою родственныя по формѣ отношенія. Они увѣдомляютъ другъ друга о своемъ восшествіи на престолъ, назначаютъ особыхъ уполномоченныхъ присутствовать на коронаціи и другихъ торжествахъ, справляемыхъ въ честь государя, и извѣщаютъ другъ друга о всѣхъ радостныхъ и горестныхъ событіяхъ въ своей семейной жизни. Въ перепискѣ они называютъ другъ друга „братьями". [1]) Наконецъ, какъ члены одной „семьи", монархи признаютъ взаимно тѣ почетныя названія и титулы, которые имъ присвоены законами ихъ государствъ.

Президенты республикъ занимаютъ иное сравнительно съ государями международное положеніе. Правда, всѣ государства, какой бы ни были они формы правленія, въ международныхъ отношеніяхъ равны между собою, и съ этой точки зрѣнія президенты республикъ, какъ представители своихъ государствъ, казалось бы, должны были пользоваться тѣми же международными правами, какъ и монархи. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно и рѣшаютъ вопросъ нѣкоторые юристы. Однако, такое теоретически оправдываемое равенство не вполнѣ проводится на практикѣ и, надо сказать, по совершенно законному юридическому основанію. Дѣло въ томъ, что на основаніи устройства республиканскихъ государствъ президенты суть только представители исполнительной власти, а не всей верховной власти, которая сосредоточивается въ народѣ. Въ качествѣ лицъ, избранныхъ на президентскую должность, они въ международныхъ отношеніяхъ являются прежде всего съ характеромъ частныхъ лицъ и только на основаніи и въ предѣлахъ законнаго полномочія лицами, представляющими свой народъ. Вотъ почему они не причисляются къ членамъ „семьи" сувереновъ и не пользуются всѣми принадлежащими государямъ почетными правами.

Что касается другихъ международныхъ правъ, признаваемыхъ за монархами, то они распространяются на президентовъ респуб-

[1]) Срав. чрезвычайно интересную переписку между Екатериною II и Іосифомъ II, изданную Arneth, подъ заглавіемъ: Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869.

ликъ, насколько эти лица уполномочены быть представителями своихъ государствъ въ международныхъ отношеніяхъ. Къ такимъ правамъ относятся: право представительства и внѣземельности.

§ 81. *a*. Право представительства (jus repraesentationis omnimodae). Право представительства государей основывается на предположеніи, что въ лицѣ государя сосредоточивается верховная власть государства. Понятно, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ, когда примѣняется это право, должны быть на лицо фактическія и юридическія основанія, оправдывающія означенное предположеніе. Если данный государь не обладаетъ суверенными правами или лишенъ престола, то не можетъ и претендовать на особенныя преимущества, которыя соединяются съ международнымъ положеніемъ царствующаго суверена: такой государь не будетъ представителемъ своего народа, и воля его не будетъ волею государства.

Въ настоящее время монархи, царствующіе въ конституціонныхъ государствахъ, никакъ не могутъ сказать о себѣ, подобно Людовику XIV: „L'Etat c'est moi". На основаніи конституцій различныхъ западно-европейскихъ государствъ король есть только „глава исполнительной власти". Въ этомъ качествѣ онъ дѣйствуетъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Всѣ государи, царствующіе въ представительныхъ монархіяхъ, ограничены въ своихъ международныхъ актахъ формальностью контрасигнированія отвѣтственныхъ министровъ, согласіемъ палатъ на заключаемые международные договоры, независимостью судебныхъ мѣстъ и т. д. Дѣйствія государей, нарушающія условія и формы, предписанныя для нихъ закономъ, будутъ очевидно превышеніемъ власти и не могутъ быть обязательны для государства.

Такимъ образомъ каждый монархъ имѣетъ настолько права международнаго представительства, насколько признано за нимъ законами его страны; внутреннее законодательство каждаго государства опредѣляетъ основаніе и предѣлы этого права [1]).

Равнымъ образомъ внутреннее законодательство опредѣляетъ, кто долженъ въ данное время считаться государемъ въ странѣ и ея

---

[1]) Klüber. Droit des gens, § 49. Heffter. Völkerrecht. § 53, 54. Dana's Wheaton. Elements, § 95. Phillimore. Commentaries, t. II, § 101. Hall. International Law, p. 137 etc.

представителемъ? Не дѣло иностранныхъ правительствъ разрѣшать этотъ вопросъ. Какія бы чувства они ни питали къ воцарившемуся монарху или къ данной формѣ правленія, они должны признавать и уважать въ лицѣ главы чужого государства законнаго представителя народа. Отказъ въ такомъ признаніи есть оскорбленіе государства.

Въ случаѣ междоусобной войны и узурпаціи можетъ возникнуть затрудненіе, кого считать представителемъ государства — главу ли возставшей партіи или узурпатора, или же прежнее легитимное правительство? По принципу невмѣшательства, иностранныя государства обязаны воздерживаться отъ всякаго участія въ усобицахъ другого народа и не оказывать помощи ни одной изъ борющихся сторонъ. Они должны выжидать исхода борьбы: окончательное торжество извѣстной партіи отдаетъ въ ея распоряженіе верховную власть въ государствѣ, и тогда самъ собою разрѣшается вопросъ, кто будетъ его представителемъ въ международныхъ отношеніяхъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при захватѣ престола ни одна иностранная держава не призвана быть судьей, на чьей сторонѣ право, законно или незаконно воцареніе государя, — это дѣло того народа, въ которомъ совершился переворотъ. Для международныхъ отношеній важно только существованіе государства и фактическое его представительство. Поэтому тотъ, кто *дѣйствительно* обладаетъ властью надъ народомъ, есть единственный его представитель въ международныхъ отношеніяхъ. Такое обладаніе властью предполагаетъ, что данное правительство пользуется признаніемъ своего народа.

Какъ опредѣлить, существуетъ ли такое признаніе? Оно можетъ быть *фактическое*, именно въ томъ случаѣ, когда народъ безпрекословно подчиняется власти даннаго лица, или же *формальное*, когда народъ (какъ напр. во Франціи въ 1852 г.) выражаетъ согласіе на подчиненіе посредствомъ всеобщаго голосованія (suffrage universel). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ власть лица есть несомнѣнно дѣйствительная власть, и она признается за таковую и въ области международныхъ отношеній.

Исторія европейскихъ государствъ богата примѣрами, которые подтверждаютъ приведенныя теоретическія начала. Въ Россіи уже въ XVII в. цари, какъ напр. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1613 г., увѣдомляли европейскія государства о своемъ восшествіи на престолъ и просили признавать ихъ государями. Въ XVIII в. подобныя извѣщенія со стороны воцарившихся русскихъ государей и государынь становятся общимъ правиломъ. Елизавета Петровна, занявъ императорскій престолъ (1741 г.), немедленно объявила о томъ европейскимъ кабинетамъ и настаивала предъ ними не только на признаніи этого факта, но и ея титула Императрицы Всероссійской и всѣхъ связанныхъ съ нимъ почетныхъ правъ. Въ Англіи въ царствованіе Генриха VII былъ изданъ парламентскій актъ (1494 г.), который гласилъ, что англійскимъ королемъ долженъ считаться дѣйствительный король (actually King), какъ бы онъ ни занялъ престола—въ порядкѣ ли наслѣдованія или по избранію, и это начало всегда принималось за правило со стороны англійскаго народа [1]). Протекторъ Кромвель, Карлъ II Стюартъ и Вильгельмъ III Оранскій были одинаково право- и дѣеспособными представителями Англіи. Во Франціи Наполеонъ I отвѣтилъ государямъ, которые не хотѣли признать въ немъ верховнаго главу французскаго народа, что онъ столько же нуждается въ этомъ признаніи, сколько нуждается въ признаніи солнце. Людовикъ-Филиппъ и Наполеонъ III, фактически обладавшіе верховною властью и признанные французскимъ народомъ, соединяли въ своихъ рукахъ и право международнаго представительства Франціи, которое уважалось другими государствами. Но когда „правительство національной обороны", стоявшее послѣ 4-го сентября 1870 г. фактически во главѣ Французовъ, вступило съ княземъ Бисмаркомъ въ переговоры объ условіяхъ мира, то германскій канцлеръ въ депешѣ отъ 14-го января 1871 г. требовалъ, чтобы это правительство получило формальное признаніе со стороны представителей французскаго народа, собранныхъ въ Національномъ Собраніи [2]). Національное же Собраніе должно было утвердить прелиминарный Франкфуртскій мирный договоръ.

Факты эти показываютъ, что при данныхъ обстоятельствахъ бываетъ особенно необходимо убѣдиться и имѣть ручательства въ томъ, что правительство, выступающее отъ имени народа, есть дѣйствительно народное и можетъ обязывать свое государство международными трактатами.

---

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, p. 16 etc.

[2]) См. Staatsarchiv, Bd. XX, 1871, № 4283. Циркулярною нотою отъ 26-го августа 1874 года князь Бисмаркъ предложилъ европейскимъ державамъ признать правительство маршала Серрано въ Испаніи. Многія державы приняли это предложеніе, но Россія не согласилась, имѣя сомнѣніе въ прочности этого правительства. Это сомнѣніе скоро оправдалось.

Наконецъ, въ Италіи Викторъ-Эммануилъ былъ признанъ королемъ итальянскимъ, какъ только въ этой странѣ установился порядокъ вещей, доказывавшій дѣйствительную его власть надъ нею [1]).

Если законодательство и существующій въ странѣ порядокъ одни опредѣляютъ, кто долженъ быть признанъ ея представителемъ, то отсюда слѣдуетъ, что не можетъ имѣть права представительства государь, лишенный престола или отказавшійся отъ него. Трактаты, заключенные такимъ государемъ, не имѣютъ для народа обязательной силы.

Поэтому трактаты, которые были заключены Людовикомъ XIV съ Яковомъ II, лишившимся англійскаго престола, не могли обязывать правительство Вильгельма III, который занялъ престолъ удалившагося Якова. Очевидно также, что графъ Детроа, хлопотавшій въ Европѣ объ устройствѣ коалиціи противъ французской республики для востановленія Бурбоновъ, не могъ принимать на себя обязательствъ отъ имени Франціи, республиканское правительство которой не уполномочивало его на эту миссію. Точно также Наполеонъ III не имѣлъ права вести переговоры отъ имени Франціи послѣ Седанскаго погрома, когда онъ удалился въ Германію военно-плѣннымъ и былъ низложенъ революціонною партіей 4-го сентября 1870 г. Между тѣмъ извѣстно, что съ нимъ велись переговоры о заключеніи мира: они не удались, но еслибъ мирный трактатъ и былъ подписанъ плѣннымъ ех-императоромъ или императрицей Евгеніей, то не былъ бы обязателенъ для Франціи, которая послѣ 4-го сентября управлялась и вела борьбу съ нѣмецкою арміей при посредствѣ только правительства Гамбетты.

Наконецъ, на томъ же основаніи король нидерландскій не могъ послѣ 1831 г., когда Бельгія формально отдѣлилась отъ Голландіи, обязывать своими трактатами Бельгійцевъ.

Каждый государь, дѣйствительно обладающій властью и признанный своимъ народомъ, пользуется въ силу права представительства всѣми почетными и другими правами и преимуществами, которыя вообще признаются за верховнымъ главою народа. Непризнаніе за нимъ этихъ правъ, напримѣръ титуловъ, принадлежащихъ ему

[1]) Гораздо позже другихъ признала Россія королевство итальянское и Виктора-Эммануила королемъ единой Италіи. Это было въ 1862 году. См. циркулярную ноту князя Горчакова отъ 6 августа 1862 года въ Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1863, p. 127.

по законамъ своего государства, или ненаименованіе его въ перепискѣ обычнымъ именемъ „брата", есть оскорбленіе народа, которымъ онъ управляетъ.

Наполеонъ III не могъ простить императору Николаю I, что онъ не назвалъ его въ письмѣ своимъ „братомъ" (Monsieur mon frère), но прямо „любезный другъ" (Mon cher ami), и эта обида была въ дѣйствительности одною изъ причинъ, вызвавшихъ Крымскую войну, которая привела къ Парижскому трактату 1856 г.[1]).

§ 82. *b.* Право экстерриторіальности (droit d'exterritorialité). На основаніи международнаго обычая и судебной практики за государями признается право экстерриторіальности (внѣземельности), въ силу котораго они не подлежатъ, находясь на чужой территоріи, дѣйствію мѣстныхъ законовъ и властей. Въ объясненіе этого права создана фикція, что государи, во время пребыванія въ чужомъ государствѣ, продолжаютъ оставаться на своей территоріи. Фикція эта должна быть понимаема, какъ образное выраженіе того исключительнаго положенія, которымъ пользуются государи заграницей: она отнюдь не должна быть принимаема за основаніе права экстерриторіальности, ибо таковымъ являются единственно интересы международныхъ сношеній.

Право экстерриторіальности принадлежитъ государю при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ признанъ государемъ со стороны территоріальной власти; 2) если ему не запрещено вступить на иностранную территорію; 3) если территоріальная власть не находится съ нимъ въ войнѣ; 4) если государь желаетъ пользоваться этимъ правомъ: онъ можетъ отказаться отъ него, путешествуя или пребывая заграницей incognito, на правахъ частнаго лица.

Такъ поступилъ напр. Петръ В., совершивъ первое свое путешествіе по западной Европѣ подъ именемъ дворянина Петра Михайлова.

Но государь, пожелавшій оставаться incognito, не теряетъ права во всякое время объявить свое званіе и, отказавшись отъ incognito, пользоваться всѣми преимуществами, присвоенными государю. Такъ голландскій король, проживавшій въ Вевѣ (въ Швейцаріи) въ качествѣ частнаго лица, былъ при-

[1]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, t. I, p. 97.

сужденъ по одному случаю къ уплатѣ штрафа, но не подвергся взысканію послѣ того, какъ заявилъ оффиціально о своемъ званіи.

5) Никакой государь не пользуется правомъ экстерриторіальности въ томъ государствѣ, гдѣ онъ состоитъ на службѣ.

Изъ права экстерриторіальности вытекаютъ: 1) неподчиненіе государя мѣстной полицейской власти; 2) освобожденіе отъ платежа податей и налоговъ, и 3) уголовная и гражданская неподсудность мѣстнымъ судамъ[1]).

Какъ основаніе этихъ привиллегій, выставляютъ правило: „par in parem non habet potestatem"; но какъ мы сейчасъ увидимъ, всѣ онѣ далеко не имѣютъ безусловнаго характера.

1) Мѣра неподчиненія государя полицейскимъ распоряженіямъ территоріальной власти зависитъ отъ требованій общественной безопасности. Поэтому и для него обязательны тѣ распоряженія мѣстной полиціи, неисполненіе которыхъ угрожало бы этой безопасности.

2) Что касается налоговъ и податей, то государь освобождается только отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе личный характеръ и могутъ придти въ столкновеніе съ внѣшнимъ достоинствомъ главы государства. Всѣ другіе пошлины и сборы, напр. почтовые и телеграфные, съ недвижимой собственности, за совершеніе договоровъ купли-продажи и др., уплачиваются государями наравнѣ съ частными лицами.

3) Относительно уголовной неподсудности монарховъ нѣтъ разногласія ни между представителями науки, ни въ судебной практикѣ: она всѣми признается[2]). Но въ настоящее время она большого практическаго значенія не имѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно

[1]) Сравн. Martens. Précis, t. II, p. 11 et ss. Bynkershoek. Traité du juge compétent des ambassadeurs tant pour le civil, que pour le criminel, trad. par Barbeyrac (La Haye 1723), chap. III. p. 17 et ss. Phillimore. Commentaries, t. II, p. 129 etc. Bluntschli. Völkerrecht, § 137.

[2]) Bynkershoek, loc. cit., p. 24 et ss. Phillimore. Commentaries, II, p. 131 etc. Dana's Wheaton. Elements, § 95. Heffter. Völkerrecht, § 42. Bluntschli. Völkerrecht, § 141. Hall's International Law, § 49.

предположить, чтобъ государь совершилъ на иностранной территоріи уголовное преступленіе. Скорѣе онъ можетъ быть виновенъ въ преступленіи политическомъ. Въ такомъ случаѣ между заинтересованными государствами возбудятся дипломатическіе переговоры, и если дѣло не уладится этимъ путемъ, можетъ возникнуть война; но преступленіе не будетъ предметомъ уголовнаго разбирательства. Судъ и казнь надъ Конрадиномъ и Маріей Стюартъ были дѣломъ политической мести.

Тѣмъ не менѣе, многіе юристы приводятъ, какъ законное основаніе для начатія уголовнаго преслѣдованія противъ иностраннаго монарха, его преступное поведеніе въ чужомъ государствѣ. Если государь ведетъ себя какъ „разбойникъ", говоритъ Бинкерсгукъ, то съ нимъ надо поступать какъ съ врагомъ [1]). Конечно, территоріальное правительство не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ преступленій, совершаемыхъ государемъ: по началу самообороны оно въ правѣ принять необходимыя мѣры предосторожности, вызываемыя этими преступленіями, можетъ быть, даже захватить государя и выслать его заграницу. Какъ мѣры, принятыя въ исключительныхъ обстоятельствахъ, эти распоряженія нисколько не противорѣчатъ началу внѣземельности; но очевидно они не составляютъ уголовнаго преслѣдованія.

4) Болѣе спорны предѣлы гражданской неподсудности монарховъ. Старые писатели защищали тотъ принципъ, что государь, въ силу своего права экстерриторіальности, не можетъ быть ни отвѣтчикомъ, ни истцомъ въ иностранныхъ судахъ: но въ это начало положили брешь нѣкоторыя судебныя рѣшенія, въ особенности постановленныя въ новѣйшее время. На основаніи этихъ рѣшеній въ лицѣ государя различается двоякій характеръ: суверена и частнаго лица. Какъ суверенъ, иностранный государь свободенъ отъ гражданской подсудности; какъ частное лицо — не свободенъ, напримѣръ въ томъ случаѣ, когда искъ возникаетъ изъ владѣнія имъ недвижимою собственностью, изъ совершенныхъ имъ торговыхъ сдѣлокъ и т. п. [2]).

---

[1]) Bynkershoek. Traité du juge compétent, chap. XVIII; „Si un prince agissant en vrai brigand, ne respecte ni la vie, ni les biens, ni l'honneur de tous ceux qu'il lui prend fantaisie d'insulter, s'il porte partout l'horreur et l'effroi... il est permis certainement de se saisir de sa personne et peut-être, même de le faire mourir".

[2]) Laurent. Droit civil international, t. III, p. 44 et ss. Phillimore's Commentaries, t. II, p. 134 etc. Hall's International Law, p. 139. Lawrence-Wheaton.

Обыкновенно гражданскіе суды не признавали своей компетентности въ разсмотрѣніи исковъ, которые были вчинены противъ иностраннаго государя, какъ верховнаго главы государства.

Въ 1851 г. въ англійскомъ судѣ (Lord Mayor's Court) вчиненъ былъ искъ противъ королевы португальской „какъ царствующей государыни и верховнаго главы португальскаго народа". Судъ лорда-мэра объявилъ себя некомпетентнымъ и присудилъ истца къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Тотъ же судъ и на томъ же самомъ основаніи отказался отъ разсмотрѣнія иска, предъявленнаго къ королевѣ испанской объ уплатѣ по чеку испанской государственной казны. Но искъ герцога брауншвейгскаго къ королю ганноверскому въ 1844 г. былъ судомъ принятъ, такъ какъ былъ вчиненъ противъ короля ганноверскаго въ качествѣ герцога кумберлэндскаго и, слѣдовательно, подданнаго королевы Викторіи [1]).

Вышеуказаннаго различія придерживается также французская судебная практика. Въ 1847 г. сенскій судъ отказалъ въ искѣ нѣкоего Солона, который требовалъ съ египетскаго вице-короля, Мегемета-Али, 100,000 фр. убытковъ, будто бы понесенныхъ имъ, Солономъ, вслѣдствіе неисполненія отвѣтчикомъ заключеннаго съ нимъ контракта; мотивомъ отказа послужила ссылка на некомпетентность французскихъ судовъ въ рѣшеніи исковъ, возбуждаемыхъ противъ иностраннаго правительства [2]). Точно также въ 1872 г. парижскій апелляціонный судъ призналъ себя некомпетентнымъ въ присужденіи брильянтщику Лемэтру суммы въ 51.479 фр., взыскиваемыхъ съ австрійскаго императора Франца-Іосифа за ордена, заказанные мексиканскимъ императоромъ Максимиліаномъ, на томъ основаніи, что такой заказъ былъ правительственнымъ актомъ, въ разсмотрѣніе котораго французскій судъ не въ правѣ входить [3]). На томъ же основаніи въ 1870 г. парижскій судъ отказалъ въ искѣ французской подданной Массе, которая требовала присужденія съ императора всероссійскаго 500,000 фр. убытковъ за ущербъ, понесенный истицей отъ закрытія ея торговаго заведенія въ Петербургѣ, вынужденнаго мѣстною полиціей [4]).

Изъ бельгійской судебной практики заслуживаетъ вниманія арестъ, наложенный приговоромъ суда (въ 1876 г.) на турецкія пушки въ Антверпенской

Commentaire, t. III, p. 420 et ss. Bluntschli. Völkerrecht, § 139—140. v. Bar въ Journal du droit int. privé, 1885, p. 645 et suiv.

[1]) Phillimore. Commentaries, II, p. 136.

[2]) Phillimore, loc. cit., t. II, p. 138, 608 etc.

[3]) Revue de droit international, t. IV, p. 656; t. V, p. 245 et ss.

[4]) Calvo. Droit international, t. I, p. 568.

гавани по просьбѣ одного заводчика, который имѣлъ искъ къ турецкому правительству и желалъ этимъ его обезпечить. Посольство турецкое въ Брюсселѣ протестовало противъ этой мѣры и обратилось къ мюнхенскому профессору Гольцендорфу съ просьбой дать свое заключеніе. Послѣдній доказывалъ, что бельгійскіе суды не могутъ судить турецкое правительство, что поэтому наложенное на пушки запрещеніе незаконно, и оно было снято [1]). Въ 1892 году англійскій апелляціонный судъ призналъ себѣ неподсуднымъ искъ, предъявленный англичанкою Мигелль (Mighell) къ султану Іогорскому, на томъ основаніи, что иностранный монархъ всегда неподсуденъ англійскому суду, не исключая случая, когда онъ путешествуетъ, какъ частное лицо.

Съ другой стороны, можно привести немногіе случаи, когда иностранный судъ признавалъ себя компетентнымъ разбирать иски, предъявленные къ иностранному монарху или правительству. Это именно тѣ случаи, когда публичный характеръ отвѣтчика не выступалъ на первый планъ, когда государь или правительство дѣйствовали въ интересѣ и качествѣ частныхъ лицъ.

Такъ, въ 1870 г. парижскій судъ призналъ себя вполнѣ компетентнымъ для присужденію въ пользу супруговъ Казалини опредѣленной суммы, которую они отыскивали съ королевы испанской и ея мужа. Въ 1872 г. сенскій судъ принялъ къ разсмотрѣнію искъ, вчиненный противъ испанской королевы ювелирами братьями Меллеріо, объ уплатѣ за поставленные отвѣтчицѣ брильянты. Въ данномъ случаѣ было доказано, что королева заказывала драгоцѣнности лично для себя и для своей дочери, безъ всякаго отношенія къ испанской коронѣ, и къ тому же въ то время королева уже не занимала испанскаго престола. На этомъ основаніи судъ присудилъ отвѣтчицу къ уплатѣ, и приговоръ этотъ былъ подтвержденъ парижскимъ судомъ. Равнымъ образомъ сенскій судъ, рѣшеніемъ 3-го марта 1875 г., отказалъ турецкому правительству въ искѣ, вчиненномъ на основаніи ст. 2078 Code civil, противъ кредиторовъ Турціи за продажу даннаго имъ залога [2]).

По установившейся практикѣ судъ признаетъ свою компетентность также въ томъ случаѣ, когда самъ государь вчинаетъ искъ противъ частнаго лица. Въ этомъ смыслѣ высказалась палата

---

[1]) Holtzendorff's Jahrbuch des deutschen Reiches 1877, I, 179 flg.

[2]) Revue de droit international, t. V. 1873, p. 246. Laurent. Droit civil international, t. III, p. 74. Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. III, p. 428. Annuaire de l'Institut de droit international, 1877, p. 229.

лордовъ въ 1833 г. по поводу иска, начатаго испанскимъ королемъ [1]).

Приведенныя рѣшенія показываютъ, что если суды и отдаютъ преимущество публичному характеру государя или правительства, противъ которыхъ вчинаются иски, то далеко не склонны къ признанію ихъ безусловной гражданской неподсудности. Какъ ни затруднительно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ констатировать, дѣйствовалъ ли государь въ качествѣ частнаго лица, или какъ представитель верховной власти, но установить это различіе, какъ доказываетъ практика, все-таки возможно.

Во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Гольцендорфа, что начало гражданской неподсудности монарховъ принято „единогласно" авторитетами международнаго права [2]). Широкому толкованію этого начала въ особенности противорѣчатъ конституціонные законы государствъ, ибо на основаніи ихъ государь не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и не при всѣхъ условіяхъ является суверереннымъ представителемъ народа.

Въ виду этого большинство современныхъ юристовъ допускаетъ извѣстныя ограниченія принципа гражданской неподсудности государей. Такъ, во 1-хъ, никто не отрицаетъ, что государь, владѣющій недвижимостью въ иностранномъ государствѣ, подчиняется, по началу lex rei sitae, вѣдомству мѣстнаго суда во всѣхъ дѣлахъ, касающихся этой собственности. Но если эта недвижимость, съ разрѣшенія территоріальной власти, пріобрѣтена иностраннымъ правительствомъ для какой нибудь государственной надобности и въ виду этой надобности эксплуатируется, то подсудность мѣстному суду будетъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Во 2-хъ, если государь служитъ въ иностранномъ государствѣ или занимается здѣсь торговлей или промыслами, то подсуденъ на общемъ основаніи мѣстнымъ судамъ. Наконецъ, въ 3-хъ, допускается, какъ сказано выше, подсудность мѣстнымъ

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, p. 142. Calvo. Droit international, t. I, § 541.

[2]) Holtzendorff's Jahrbuch 1877, S. 181.

судамъ тѣхъ исковъ, которые вчинаются самими иностранными правительствами [1]).

Такъ напр. въ 1868 г. сенскій судъ принялъ искъ, начатый Вашингтонскимъ правительствомъ противъ французскаго поставщика Arman, и рѣшилъ его не въ пользу истца: судъ призналъ „Соединенные Штаты и президента Джонсона" неосновательно начавшими искъ и присудилъ ихъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ [2]).

То обстоятельство, что мѣстные суды считаютъ себя компетентными въ случаѣ предъявленія исковъ самими иностранными государями или правительствами, невольно заставляетъ поставить вопросъ: если подсудность признается въ этомъ случаѣ, то почему не признавать ее, когда частное лицо вчинаетъ искъ противъ иностранныхъ монарховъ! Вполнѣ убѣдительныхъ юридическихъ доводовъ противъ такого признанія во многихъ случаяхъ вовсе нѣтъ. Почему напр. брюссельскій судъ отказался отъ разсмотрѣнія иска, предъявленнаго къ австрійскому императору, какъ опекуну князей Турнъ и Таксисъ? Государь, какъ всякое частное лицо, долженъ подлежать гражданской отвѣтственности за дѣйствія опекаемыхъ имъ лицъ. Затѣмъ, если король есть только „глава исполнительной власти", то дѣйствія его, предпринятыя внѣ этой роли, конечно могутъ быть подсудны гражданскимъ судамъ. Отъ гражданской подсудности не изъемлются, наконецъ, всевозможныя юридическія сдѣлки, которыя совершаетъ государь, какъ представитель фиска [3]).

Правительствующій сенатъ, рѣшеніемъ отъ 7 апрѣля 1893 года, по дѣлу Агаркова, предъявившаго искъ къ Итальянскому правительству, въ лицѣ его Военнаго министерства, цѣною въ 10,000 руб., за незаконное завладѣніе его землею въ Таврической губерніи и устройство на ней кладбища для останковъ сардинскихъ солдатъ, умершихъ въ Крымскую войну, призналъ Итальянское правительство подсуднымъ русскимъ судебнымъ мѣстамъ по этому дѣлу на томъ основаніи, что всѣ иски относительно поземельной собственности подлежатъ территоріальному суду.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія юридической, право гражданской неподсудности монарховъ должно быть истолковываемо въ

---

1) Срав. составленныя Институтомъ международнаго права правила относительно подсудности исковъ, предъявленныхъ къ иностраннымъ государствамъ и государямъ, въ „Tableau général de l'Institut de Droit international, p. 116 и слѣд.

2) Lawrence-Wheaton. Commentaire, t. III, p. 427. Срав. также Westlake. Private International Law (London 1880), § 182.

3) См. въ особенности Laurent. Droit civil international, t. III, p. 60, 96 et ss. Foelix. Traité du droit international privé. (Paris 1866) publ. par Demangeat, t. I, p. 419 et ss. Heffter. Völkerrecht, S. 118.

ограничительномъ смыслѣ. Но существуютъ практическія основанія, которыя оправдываютъ ея широкое примѣненіе: 1) постановленныя противъ государей рѣшенія судовъ трудно исполнимы, и 2) могутъ даже вызвать непріятныя послѣдствія для территоріальной власти. Эти практическія соображенія не устраняютъ, конечно, необходимости правильной юридической постановки вопроса.

Если царствующіе государи неподсудны гражданскимъ судамъ только какъ суверены, то государи, лишенные престола, очевидно не имѣютъ никакого права на эту привиллегію: она можетъ быть признана за ex-государями только развѣ изъ вѣжливости (courtoisie) или благосклонности территоріальной власти къ даннымъ лицамъ, но никакъ не по праву.

VIII. Международное положеніе членовъ семейства и свиты государей.

§ 83. Члены царствующихъ домовъ и лица, принадлежащія къ свитѣ государей, не пользуются, во время нахожденія своего на иностранной территоріи, ни правомъ экстерриторіальности, ни въ частности неподсудностью, хотя нѣкоторые писатели и утверждаютъ, что они должны ими пользоваться въ томъ же объемѣ, какъ и государи. Въ особенности защищаютъ эти права для супруги царствующаго государя и для наслѣдника престола [1]). Но такъ какъ ни одно изъ этихъ лицъ не можетъ считаться ни верховнымъ главою государства, ни даже представителемъ исполнительной власти, то нѣтъ рѣшительно никакого юридическаго основанія признавать за ними требуемыя права. Если на практикѣ такое признаніе и имѣетъ мѣсто, то служитъ лишь знакомъ особенной дружбы къ иностранному государству или къ его главѣ, а не есть обязанность, вытекающая изъ началъ международнаго права. Точно также признаніе различнаго рода почетныхъ титуловъ и правъ, принадлежащихъ членамъ семействъ государей, есть дѣло взаимныхъ дружелюбныхъ отношеній между

[1]) Срав. Heffter. Völkerrecht, § 55. Bluntschli. Völkerrecht, § 145 flg.

государствами и вѣжливости, которыя не подлежатъ опредѣленію науки международнаго права.

Тѣмъ болѣе не могутъ претендовать на внѣземельность лица, которыя составляютъ свиту государя. Но въ теоріи и на практикѣ возникало сомнѣніе, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти лица къ своему государю во время пребыванія на иностранной территоріи? Не сообщаетъ ли право экстерриторіальности государю какихъ-либо правъ надъ сопровождающими его лицами?

Филлиморъ говоритъ, что „за государями, путешествующими въ чужой странѣ, должна быть признана въ извѣстной мѣрѣ юрисдикція надъ членами ихъ свиты“ [1]). Принимая во вниманіе, что лица, составляющія свиту государя, не пользуются правомъ экстерриторіальности и что внѣземельность самихъ государей не можетъ быть понимаема въ томъ смыслѣ, что они осуществляютъ на чужой территоріи всѣ права, которыя имъ принадлежатъ въ собственной странѣ, нельзя согласиться, что государи могутъ имѣть право суда надъ лицами свиты.

Исторія, правда, знаетъ примѣры, что путешествующіе монархи присвоивали себѣ такое право. Такъ, шведская королева Христина, во время пребыванія во Франціи въ 1657 г., велѣла казнить своего камергера Мональдески [2]). Случай этотъ подалъ поводъ юристамъ высказать свои соображенія, насколько Христина имѣла права, находясь во Франціи, судить и подвергнуть наказанію лицо, принадлежавшее къ ея свитѣ. Между прочимъ, нѣкоторые писатели оправдывали поступокъ королевы ея экстерриторіальностью. Однако, если даже согласиться съ Филлиморомъ, что внѣземельность даетъ государю право юрисдикціи—что, какъ мы видѣли, невѣрно—то и въ такомъ случаѣ здравый смыслъ и юридическая логика подсказываютъ, что государь не можетъ имѣть на чужой территоріи больше правъ, нежели на своей собственной. Съ этой точки зрѣнія никакое наказаніе съ уголовнымъ характеромъ, произвольно наложенное государемъ на лицъ своей свиты, очевидно, не будетъ терпимо территоріальною властью, потому что во всѣхъ государствахъ оно должно являться послѣдствіемъ только приговора законнаго суда. Но этого мало. Еслибъ даже иностранный монархъ могъ, по законамъ своего

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, p. 131: „a certain amount of jurisdiction“.
[2]) Charles de Martens. Nouvelles causes célèbres, t. II, Apend. № IV.

государства, произвольно наказывать своихъ подданныхъ, то и тогда ему не позволено было бы осуществлять свое право ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ, ибо ни одно изъ нихъ не допуститъ въ своихъ предѣлахъ иноземную юрисдикцію. Вотъ почему ни персидскій шахъ, ни турецкій султанъ, путешествовавшіе по Европѣ, не могли проявлять здѣсь свои абсолютныя права надъ лицами своей свиты [1]).

IX. Общественные классы, какъ субъекты правъ въ области международныхъ сообщеній.

§ 84. Излагая ученіе о международномъ общеніи (гл. I), мы указывали уже на значеніе, которое имѣютъ для международныхъ сношеній различнаго рода соціальныя группы, существующія въ государствахъ, равно какъ и на задачи, которыя лежатъ по отношенію къ нимъ на государствахъ, соединенныхъ международнымъ общеніемъ. Послѣднее требуетъ, чтобы государства взаимно уважали тѣ права, которыя принадлежатъ общественнымъ классамъ на основаніи законовъ мѣста ихъ возникновенія. Такимъ образомъ общественныя группы, товарищества, компаніи, признанныя законно существующими въ своихъ государствахъ, дѣйствуютъ въ области международныхъ отношеній, какъ субъекты извѣстныхъ правъ, которыя осуществляются ими повсюду, гдѣ только признано европейское международное право. Права эти могутъ быть охраняемы трактатами, но высшую санкцію даетъ имъ международное общеніе и международное право.

Права, безспорно принадлежащія обществамъ въ международныхъ сношеніяхъ, не дѣлаютъ однако этихъ обществъ субъектами международнаго права. Каждое общество есть субъектъ только тѣхъ правъ, которыя признаны за нимъ государственнымъ закономъ. Послѣдній опредѣляетъ законность существованія данной общественной группы; международное право — ея право и дѣеспособность въ

---

[1]) Срав. въ особенности Laurent, loc. cit., III, § 57. Martens. Précis, t. II, § 172. Klüber. Droit des gens, § 49. Vattel. Droit des gens, liv. IV, chap. IX, 124. Другого мнѣнія также Bluntschli. Völkerrecht, § 147.

международныхъ отношеніяхъ. Международное право не можетъ признать, что данное общество существуетъ, если оно не признано государственнымъ закономъ, или принять его за самостоятельный политическій организмъ, если оно не является таковымъ по началамъ государственнаго права.

Такъ, общество, соединенное одинаковыми религіозными вѣрованіями, не есть государство и потому не можетъ претендовать на одинаковую съ государствомъ независимость международную и на признаніе себя субъектомъ международнаго права. Съ этой точки зрѣнія совершенно неосновательны притязанія римской куріи на суверенитетъ въ области международныхъ отношеній, заявляемыя во имя главенства папъ надъ римско-католическою церковью, ибо послѣдняя занимаетъ въ различныхъ государствахъ юридическое положеніе только общества, признаннаго мѣстнымъ закономъ. На этомъ основаніи конкордаты, т. е. тѣ договоры, которые заключаетъ римская курія съ разными правительствами, не суть международные договоры, но соглашенія между государствомъ, какъ субъектомъ международнаго права, и представительницей общества, за которымъ государство признаетъ извѣстныя права.

Не можетъ быть субъектомъ международнаго права также общество, соединенное узами одинаковаго національнаго или племенного происхожденія. Какъ естественное общество, нація должна находиться подъ покровительствомъ государственнаго закона и государственной власти: признавать за нею самостоятельныя международныя права значитъ посягать на права государства. Тоже самое надо сказать и о всѣхъ другихъ общественныхъ союзахъ.

Въ международныхъ отношеніяхъ каждому законному обществу принадлежатъ слѣдующія основныя права: 1) право на признаніе со стороны всѣхъ цивилизованныхъ государствъ законности своего существованія; 2) право на повсемѣстное преслѣдованіе своихъ законныхъ цѣлей въ условіяхъ и предѣлахъ, поставленныхъ территоріальною властью, и 3) право на защиту своихъ законныхъ правъ предъ судами иностраннаго государства. Права территоріальнаго правительства въ отношеніи иностранныхъ обществъ опредѣляются законами каждаго государства; они во многомъ сходны съ его правами въ отношеніи иностранцевъ (см. ниже), но только должны быть интерпретируемы еще шире.

X. Частныя лица, какъ субъекты правъ въ области международныхъ сообщеній.

§ 85. Подобно обществамъ, отдѣльныя частныя лица не суть субъекты международнаго права, но имѣютъ въ области международныхъ отношеній опредѣленныя права, которыя вытекаютъ: 1) изъ человѣческой личности, взятой самой по себѣ; 2) изъ положенія этихъ лицъ, какъ подданныхъ государства.

А. Права человѣка въ международныхъ отношеніяхъ.

Всѣ современныя цивилизованныя государства согласны, что человѣкъ есть лицо, т. е. субъектъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ, которыя должны быть уважаемы въ области взаимныхъ ихъ отношеній. Поэтому каждое лицо, независимо отъ своего подданства или національности, находитъ въ настоящее время покровительство своей личности и собственности на всемъ пространствѣ дѣйствія международнаго права. Въ охранѣ лица заключается конечное назначеніе государства и цѣль международныхъ отношеній.

Уваженіе человѣческой личности есть, безъ сомнѣнія, та черта, которая особенно рѣзко отличаетъ современныя государства отъ древнихъ. Тогда какъ въ древности рабство было институтомъ juris gentium — пользовалось защитой закона и суда у всѣхъ народовъ, международное право провозглашаетъ, какъ неопровержимую истину, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть собственностью другого, что рабства не должно существовать. Правило: „L'air fait libre" получило силу закона во всѣхъ современныхъ образованныхъ государствахъ.

Въ области международныхъ отношеній Россія также придерживалась этого начала, и огромныя заслуги ея въ дѣлѣ прекращенія торга людьми несомнѣнны. Но русскія судебныя установленія крѣпостнической Россіи не могли себѣ объяснить, какимъ образомъ вступленіе иностранца-невольника на русскую территорію, населенную нѣсколькими десятками милліоновъ крѣпостныхъ, дѣлаетъ его свободнымъ. Слѣдующее интересное дѣло, извлеченное изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, можетъ служить этому лучшею иллюстраціей.

Въ 1820 г. негръ Доминго Ивановъ обратился къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору гр. Милорадовичу съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснилъ, что онъ и два его брата были въ 1811 году насильственнымъ образомъ вывезены изъ Бразиліи португальскимъ генеральнымъ консуломъ въ С.-Петербургѣ, Лопесомъ, который отпустилъ его служить, но затѣмъ оставилъ его у себя, подвергая его всевозможнымъ истязаніямъ, въ качествѣ невольника. Ссылаясь на указъ 17 августа 1815 г., „коимъ всѣ выходцы изъ заграницы, разныхъ націй люди свободны отъ рабства [1])", негръ Ивановъ просилъ признать его свободнымъ отъ рабства и защитить отъ Лопеса. Португальскій посланникъ, въ качествѣ начальства генеральнаго консула, представилъ паспортъ негра въ доказательство, что онъ купленъ Лопесомъ въ Бразиліи, въ числѣ другихъ рабовъ. Надворный судъ призналъ предъявленныя Лопесомъ доказательства достаточными, чтобы утвердить за нимъ право собственности надъ негромъ. Палата же гражданскаго суда рѣшила въ противномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что требуемыя указомъ 1783 г. октября 20-го доказательства о правѣ собственности не были представлены Лопесомъ. Наконецъ Прав. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Палаты гражд. суда, „находя, что португальскій консулъ Лопесъ присвоиваетъ во владѣніе арапа Доминга Иванова по покупкѣ якобы его въ Ріоянейро; но на такую покупку доказательствъ не представилъ, кромѣ перевода съ паспорта, въ коемъ упоминается о 3 невольникахъ, отправленныхъ до мѣста назначенія, а чтобы въ оный помѣщенъ былъ и Доминго Ивановъ не объясняется". Сверхъ того Лопесъ пропустилъ срокъ на подачу апелляціонной жалобы. Итакъ негръ Ивановъ получилъ свободу только за отсутствіемъ доказательствъ о правѣ собственности португальскаго генеральнаго консула.

Для цивилизованныхъ государствъ рабство настолько ненавистный институтъ, что они ведутъ противъ него международную борьбу. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны факты, доказывающіе, что современные народы солидарны въ стремленіи уничтожить рабство повсюду, гдѣ оно еще существуетъ. Общія международныя мѣры, которыя были приняты государствами для достиженія этой цѣли, несомнѣнно подтверждаютъ, что безусловное уваженіе къ человѣческой личности есть именно тотъ принципъ, которымъ руководствуются европейскіе народы во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ.

Исторія мѣропріятій, направленныхъ къ повсемѣстной отмѣнѣ невольничества, представляетъ трoякаго рода попытки, сдѣланныя

[1]) Такого указа отъ 17 августа 1815 г. въ Полномъ Собр. Зак. не имѣется.

государствами для обезпеченія правъ человѣка въ международныхъ отношеніяхъ. Прежде всего государства приняли общія мѣры съ цѣлью прекратить торгъ европейцами, который практиковался въ особенности въ Варварійскихъ владѣніяхъ и въ Средней Азіи. Болѣе настойчивой и систематической борьбы потребовала торговля чернокожими, которая имѣла огромное значеніе для самихъ европейскихъ государствъ, благодаря колоніальной политикѣ, господствовавшей въ прошломъ вѣкѣ. Наконецъ, въ новѣйшее время развивается торгъ китайцами (кули), который ради интересовъ цивилизаціи долженъ, въ свой чередъ, вызвать рѣшительныя мѣры къ его прекращенію.

а) Борьба противъ торга европейцами. Мы уже имѣли случай упомянуть о трактатахъ, которые были заключены разными государствами какъ съ варварійскими беями, такъ и съ Турціей, чтобы прекратить или, по крайней мѣрѣ, насколько возможно парализовать самое ужасное послѣдствіе корсарства на Средиземномъ морѣ — продажу въ рабство захваченныхъ пиратами мореходцевъ. Извѣстно, что Соединенные Штаты Америки платили алжирскому дею ежегодно дань, лишь бы освободить своихъ моряковъ отъ угрожавшей имъ участи. Но только въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря Англіи и Франціи, пиратство и торговля бѣлыми, процвѣтавшія у сѣверныхъ береговъ Африки, прекращены окончательно.

Англійскому правительству принадлежитъ честь энергическаго почина въ этомъ дѣлѣ. Въ 1816 г. оно предписало лорду Эксмаусу, начальствовавшему англійскою средиземною эскадрой, поставить алжирскому дею ультиматумъ относительно немедленнаго освобожденія всѣхъ бѣлыхъ невольниковъ, находившихся въ Алжирѣ. Когда это требованіе не было уважено, лордъ Эксмаусъ, исполняя данныя ему инструкціи, подвергъ бомбардированію прибрежные алжирскіе города, послѣ чего дей согласился: 1) отмѣнить навсегда невольничество въ Алжирѣ и 2) выдать Англичанамъ всѣхъ европейцевъ, бывшихъ рабами въ его странѣ. Завоеваніе Алжира Французами въ 1830 г. положило навсегда конецъ невольничеству бѣлыхъ въ сѣверной Африкѣ [1]).

---

[1]) Phillimore. Commentaries, t. I, p. 345.—По конвенціи, заключенной 2 марта 1882 г. между Англіей и Персіей, англійскія суда получили право останавливать суда

Такую же роль играла Россія на Черномъ морѣ и въ самое послѣднее время въ Средней Азіи. Кавказъ и Малая Азія долгое время были притонами промышленниковъ, которые покупали здѣсь невольниковъ и невольницъ и потомъ отправляли ихъ въ Константинополь. Насколько было возможно, русское правительство препятствовало этому ремеслу. Въ 1817 и въ 1818 г. возникли даже серьезныя недоразумѣнія между нимъ и Портою по дѣлу объ остановкѣ въ Севастопольской гавани турецкихъ судовъ съ невольниками, которые предназначались къ продажѣ въ Константинополѣ. Русскія власти задержали суда вмѣстѣ съ грузомъ и объявили невольниковъ свободными. На настоятельныя требованія Порты о вознагражденіи владѣльцевъ живаго товара императоръ Александръ I категорически заявилъ, что всякій невольникъ, вступившій на его территорію, получаетъ свободу [1]). Но Россія имѣла мало средствъ бороться со зломъ, пока Кавказъ не перешелъ въ ея владѣніе.

Въ Средней Азіи русское правительство до сихъ поръ неустанно ведетъ борьбу съ укоренившимся въ этой странѣ обычаемъ захвата людей и продажи ихъ въ рабство. Съ цѣлью обуздать набѣги, которые дѣлаютъ на русскія границы сосѣднія варварскія племена, населяющія Среднюю Азію, Россія вынуждается къ періодическимъ военнымъ экспедиціямъ въ степи и завоеванію инородцевъ. Въ мирныхъ договорахъ, заключенныхъ ею съ завоеванными средне-азіатскими ханствами, Хивою и Бухарою (1873 г.), имѣются статьи, которыя обязываютъ побѣжденныхъ къ освобожденію рабовъ и отмѣнѣ невольничества на будущее время [2]). Послѣдній походъ генерала Скобелева противъ Туркменовъ также имѣлъ своимъ результатомъ, кромѣ освобожденія нѣсколькихъ тысячъ рабовъ, обязательство, принятое этимъ народцемъ, не захватывать болѣе русскихъ подданныхъ и не продавать ихъ въ рабство.

b) **Отмѣна торга неграми.** Здѣсь не мѣсто останавливаться на любопытнѣйшей исторіи возникновенія торговли чернокожими и развитія ея до размѣровъ, вызвавшихъ, наконецъ, уголовныя и полицейскія мѣры въ различныхъ государствахъ, съ цѣлью ея огра-

---

подъ персидскимъ флагомъ, если можно ихъ заподозрить въ торговлѣ рабами. Захваченные невольники освобождаются, а персидскіе мореходцы, торгующіе невольниками, передаются персидскому суду.

[1]) Изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Ст. 17 трактата съ Бухарою: „Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вящей славы Е. И. Величества, высокопочтенный эмиръ Сеидъ-Музефаръ постановилъ: отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія“. Такого же содержанія ст. 17 мирнаго трактата съ Хивою.

ниченія и прекращенія. Мы укажемъ только на самые выдающіеся моменты этой исторіи[1]).

Торговля неграми началась съ 1443 г., когда португальцы въ первый разъ обмѣняли захваченныхъ ими мавровъ на болѣе сильныхъ и способныхъ къ работамъ въ колоніяхъ негровъ. Скоро убѣдилось въ великихъ выгодахъ этой рабочей силы англійское правительство. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Англичане употребляли всѣ силы, чтобы сосредоточить торговлю неграми въ своихъ рукахъ. Наконецъ, на основаніи Утрехтскаго трактата (1713 г.) они получили монополію поставки негровъ для испанскихъ колоній въ Америкѣ. Но въ концѣ прошлаго столѣтія эта унизительная для Англіи роль возбудила сильнѣйшій протестъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи. Благодаря агитаціи, поднятой такими замѣчательными людьми, какъ Кларксонъ, Вильберфорсъ, Вильямъ Питтъ, Фоксъ и др., англійское правительство должно было согласиться не только на отмѣну торга неграми въ своихъ колоніяхъ, но приложить всѣ старанія, чтобы другія державы также рѣшились положить ему конецъ.

Дѣйствуя согласно желанію своего народа, Лондонскій кабинетъ, поддерживаемый въ силу отдѣльной статьи перваго Парижскаго трактата 1814 г. Франціей, настоялъ на Вѣнскомъ конгрессѣ на томъ, чтобы восемь державъ обязались принять общія мѣры „для полной и окончательной отмѣны зла, которое такъ долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человѣчество“ [2]). Сверхъ того, уполномоченный Англіи на Вѣнскомъ конгрессѣ, лордъ Кастльри, предложилъ три мѣры, какъ наиболѣе дѣйствительныя, по его мнѣнію, чтобы уничтожить невольничество: 1) обязательство державъ не дозволять привозъ къ себѣ колоніальныхъ товаровъ изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ рабство не будетъ отмѣнено по истеченіи опредѣленнаго для того срока; 2) установленіе надзора за африканскими берегами и признаніе права осмотра кораблей, подозрѣваемыхъ въ перевозкѣ негровъ; 3) учрежденіе въ Парижѣ „постояннаго комитета“ изъ представителей великихъ державъ для контроля надъ исполненіемъ мѣръ, принятыхъ противъ невольничества.

Совѣщанія объ этомъ вопросѣ уполномоченныхъ державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ закончились подписаніемъ деклараціи 27-го января (7-го февраля) 1815 г. Державы торжественно объявили о неотложной необходимости скорѣйшаго прекращенія торга неграми, но не указывали ни времени, когда именно оно должно послѣдовать, ни средствъ, которыми оно обезпечивалось.

[1]) Срав. Leone Levi. History of British commerce, 1872, p. 36, 195.

[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. III, стр. 495 и слѣд.

Переговоры, продолжавшіеся послѣ того между державами, привели къ выработкѣ двухъ совершенно противоположныхъ системъ борьбы съ укоренившимся зломъ. Одна, которую защищали Сѣверо-Американскіе Штаты и Франція, исходила изъ принципа полнаго суверенитета каждаго государства и противилась контролю иностранныхъ правительствъ, въ особенности осмотру судовъ, подозрѣваемыхъ въ перевозкѣ негровъ. Напротивъ, другая — англійская система видѣла въ прекращеніи невольничества общенародное дѣло; она домогалась, чтобы правительства, ради высокой поставленной для себя задачи, отказались отъ мелочныхъ опасеній за свою независимость и, въ частности, неприкосновенность своего коммерческаго флага. Убѣжденное въ практичности своей системы, англійское правительство всѣми силами старалось склонить другія державы къ заключенію съ нимъ такихъ именно договоровъ, которые разрѣшали бы взаимный осмотръ кораблей.

Усилія Англіи увѣнчались успѣхомъ. До послѣдняго времени она заключила около 40 трактатовъ на основѣ своей системы; напр. въ 1822 г. съ Испаніей и Нидерландами; въ 1824 г. съ Швеціей; въ 1826 г. съ Португаліей; въ 1831 и 1833 гг. съ Франціей; въ 1841 г. съ Австріей, Пруссіей и Россіей. Договоръ 1841 г. опредѣляетъ особенно подробно тѣ мѣры, каторыя должны быть примѣнены для дѣйствительнаго прекращенія невольничества; онъ былъ возобновленъ въ 1879 г., когда къ нему приступила Германская имперія. На основаніяхъ этого же договора Англія заключила трактатъ съ Соединенными Штатами въ 1862 г. [1])

Участіе Россіи въ трактатѣ 1841 г. можетъ казаться непонятнымъ, въ виду того, что трудно предположить возможность занятія русскими подданными торгомъ неграми. Императоръ Александръ I открыто высказался въ этомъ именно смыслѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ: онъ согласился поддерживать изъ человѣколюбія старанія Англіи, но принять на себя особенныя обязательства для преслѣдованія русскихъ негро-торговцевъ отказался. Имераторъ Николай I придерживался того же самаго взгляда. Но въ 1838 году случилось слѣдующее происшествіе. Нотою отъ 24-го іюня 1838 г. англійскій министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ Мильбанкъ сообщилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что два русскихъ судна задержаны въ Гаваннѣ съ грузомъ негровъ. Одно судно называлось „Голубка“ или „Голубчикъ“. По немедленно произведенному въ Одессѣ разслѣдованію оказалось, что „Голубка“ или „Голубчикъ“ испанское судно, купленное одесскимъ купцомъ, который отрицалъ, что имѣлъ какое-нибудь понятіе о такой противозаконной торговлѣ со стороны шкипера. Почти черезъ годъ, нотою 22-го мая (3 іюня) 1839 г., англійскій посланникъ сооб-

[1]) Dana's Wheaton. Elements of Inter. Law, p. 203 note.

щаетъ русскому правительству, что близъ Барселоны англійскій военный корабль остановилъ бригъ подъ русскимъ флагомъ „Голубчикъ“, очевидно занимающійся торговлею невольниками. Посланникъ справедливо предполагалъ, что „Голубчикъ“ и „Голубка“ одно и то же судно. Захваченное англійскимъ крейсеромъ русское судно было приведено имъ въ Портсмутъ и представлено въ распоряженіе графа Киселева, русскаго посланника при С.-Джемскомъ дворѣ. Графъ Киселевъ протестовалъ въ энергическихъ выраженіяхъ предъ лордомъ Пальмерстономъ противъ арестованія въ открытомъ морѣ русскаго судна и привода его въ англійскій портъ. Но лордъ Пальмерстонъ воспользовался этимъ происшествіемъ, чтобы выразить графу Киселеву надежду, что это дѣло наведетъ Государя Императора на мысль о необходимости содѣйствія другимъ державамъ въ мѣрахъ прекращенія торга неграми [1]. Эта надежда вполнѣ оправдалась въ 1841 году, хотя по разслѣдованію дѣла оказалось, что продажа испанскаго судна одесскому купцу, Испанцу по рожденію, была совершенно фиктивна и что весь экипажъ и шкиперъ судна были Испанцы. Непонятнымъ только осталось, какимъ образомъ оно получило право на поднятіе русскаго коммерческаго флага.

Главныя условія трактата 1841 года и другихъ поименованныхъ актовъ состоятъ въ нижеслѣдующемъ: 1) дозволяется крейсерамъ, плавающимъ близъ африканскихъ береговъ, останавливать и подвергать осмотру подозрительныя суда; 2) задержанныя съ неграми суда должны быть отправлены въ портъ того государства, подъ флагомъ котораго они плаваютъ (или въ другой портъ, смотря по условію), и здѣсь судъ долженъ опредѣлить слѣдуемое негро-торговцу наказаніе; 3) захваченное виновное судно конфискуется и изъ его стоимости назначается опредѣленное вознагражденіе крейсеру; 4) торгъ невольниками приравнивается къ морскому разбою (ст. 1411, 1630 улож. о наказ.).

Заслуги Англіи въ прекращеніи торговли неграми велики. Въ 1808 г. она объявила этотъ торгъ незаконнымъ въ предѣлахъ своихъ владѣній. Въ 1824 г., по предложенію лорда Брума, англійскій парламентъ издалъ законъ, которымъ торговля невольниками признается пиратствомъ. До 1838 г. Англія освободила въ своихъ колоніяхъ 780,993 негра и выплатила за нихъ плантаторамъ 20 милліоновъ фунт. стерл.

---

[1] Нота графа Киселева къ графу Нессельроде отъ 29-го августа (10 сентября) 1839 г. Вотъ слова лорда Пальмерстона изъ ноты его къ графу Киселеву отъ 15 августа 1839 г.: „this case may be thought by the Emperor to afford valid reasons to induce His Imperial Majesty to concur with the other Powers of Europe in a Treaty, which will prevent the Russian flag from being hereafter used for purposes of Slave-trade“. (Все это дѣло извлечено изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ невольничество отмѣнено въ 1865 году; въ Бразиліи въ 1871 году; наконецъ, на островѣ Кубѣ въ 1877 году.

Но не смотря на громадныя жертвы, принесенныя почти всѣми государствами для прекращенія торга неграми, онъ всетаки продолжаетъ существовать; только съ западнаго берега Африки эта торговля перешла на восточный. И теперь еще крейсеры нерѣдко захватываютъ суда негро-торговцевъ, которые везутъ свой товаръ въ Египетъ, Аравію и другія страны и сбываютъ его болѣе или менѣе открыто. Вотъ почему Германія, Австрія, Россія и Англія нашли необходимымъ въ 1879 г. возобновить трактатъ 1841 г., а Лондонскій благотворительный комитетъ, организованный для содѣйствія отмѣнѣ невольничества (Anti-Slave trade Society), все еще агитируетъ въ пользу исполненія всѣми державами деклараціи Вѣнскаго конгресса и тѣхъ конвенцій, которыя онѣ заключили для противодѣйствія негро-торговлѣ [1]). Самымъ послѣднимъ и наиболѣе замѣчательнымъ международнымъ актомъ въ борьбѣ противъ негро-торговли является „Генеральный актъ“ Брюссельской антиневольнической конференціи 1890 года. Въ немъ содержится цѣлая система мѣропріятій для окончательнаго искорененія торговли неграми. Эти мѣры касаются не только морскихъ, но равнымъ образомъ сухопутныхъ сообщеній. Борьба противъ негро-торговцевъ перешла во внутрь африканскаго континента, и право осмотра подозрительныхъ судовъ въ открытомъ морѣ является только вспомогательнымъ средствомъ борьбы цивилизованныхъ государствъ противъ зла, отъ котораго еще до сихъ поръ страдаетъ Африка.

c) Торгъ кули. Онъ получилъ большое развитіе въ послѣднее время. Именемъ „кули“ называютъ Китайцевъ, которыхъ разные промышленники вербуютъ въ китайскихъ портахъ и отправляютъ въ Америку и на острова Тихаго океана, гдѣ они должны, исполняя подписанные ими контракты, работать въ полномъ смыслѣ слова какъ негры.

Исторія новѣйшаго времени представила уже множество возмутительныхъ фактовъ, относящихся къ вербовкѣ и эксплуатаціи „китайскихъ не-

[1]) Исторія дипломатическихъ переговоровъ о запрещеніи торга неграми и современное положеніе этого вопроса лучше всѣхъ изложилъ v. Martitz. Das internationale System zur Unterdrückung des afrikanischen Sklavenhandels in seinem heutigen Bestande (въ Archiv für öffentliches Recht von Laband und Stoerck, Bd. I, S. 1 u. flg.).

вольниковъ"; но они до сихъ поръ не вызвали достаточно сильныхъ и общихъ мѣръ, направленныхъ къ прекращенію этого новаго вида рабства. Правда, въ 1866 г. само китайское правительство издало законъ, который долженъ былъ регламентировать наемъ „кули" для предупрежденія обмановъ при заключеніи ими контрактовъ; но Англія и Франція увидѣли въ этой совершенно законной и справедливой мѣрѣ нарушеніе своихъ торговыхъ интересовъ, обезпеченныхъ договорами, и противятся ея примѣненію [1]).

§ 86. Въ настоящее время всѣ образованныя государства признаютъ за человѣкомъ, какъ таковымъ, безотносительно къ его подданству или національности, извѣстныя основныя права, которыя неразрывно связаны съ человѣческою личностью, а именно:

1) Право на существованіе и развитіе физической личности,—слѣдовательно, право на пріобрѣтеніе средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, трудомъ физическимъ, торговыми оборотами, занятіемъ промыслами или инымъ законнымъ образомъ; въ этомъ отношеніи каждый человѣкъ пользуется совершенною свободой въ предѣлахъ, поставленныхъ закономъ.

2) Право на развитіе своихъ духовныхъ и умственныхъ способностей и силъ; слѣдовательно, право пользоваться всѣми средствами, которыя представляетъ страна для образованія человѣка и удовлетворенія его эстетическихъ стремленій, какъ-то: школами, библіотеками, музеями и пр.

Содѣйствіе, которое оказываютъ государства каждому человѣку въ области его экономической дѣятельности и духовной жизни, составляетъ спеціальную задачу международнаго управленія (см. особенную часть, раздѣлъ I, глава II).

3) Каждому человѣку принадлежитъ право на сообщенія и свободное передвиженіе въ предѣлахъ международнаго союза государствъ. Прикрѣпленіе къ землѣ, освященное средневѣковыми обычаями и законами для glebae adscripti, противорѣчитъ общему порядку вещей, юридическимъ и нравственнымъ понятіямъ, господ-

[1]) Срав. Gareis. Das heutige Völkerrecht und der Menschenhandel. (Berlin 1879). S. 30 flg. См. также Leutner. Der schwarze Kodex. (Code noir). Der afrikanische Sklavenhandel und die Brüsseler General-Akte v. 2 Juli 1890. Innsbruck 1891.

ствующимъ въ современныхъ образованныхъ государствахъ. Согласно порядку, связывающему между собою государства, право на выселеніе (эмиграцію) должно быть признано неотъемлемымъ правомъ человѣка; отмѣна этого права становится въ разрѣзъ съ международнымъ правомъ.

Изъ вышеуказанныхъ правъ, признаваемыхъ за каждымъ лицомъ въ области международныхъ сношеній, вытекаютъ другія неотъемлемыя права человѣка: право на неприкосновенность личности, жизни, чести, здоровья, право владѣть собственностью, вступать въ обязательства, право на заключеніе семейнаго союза и т. п. Предѣлы и условія пользованія ими разсматриваются въ международномъ уголовномъ и частномъ правѣ. Здѣсь достаточно замѣтить, что еслибъ государства дѣйствительно считали эти права присущими человѣческой личности и санкціонированными международнымъ общеніемъ, то устранились бы сами собою многіе случаи коллизіи законодательствъ и взаимныя препирательства государствъ, объяснимые лишь излишне преувеличеннымъ значеніемъ, которое правительства придаютъ територіальному закону или просто своимъ усмотрѣніямъ [1]).

B. О правахъ государства въ отношеніи подданныхъ и иностранцевъ.

§ 87. Въ области международныхъ сношеній человѣкъ является не только лицомъ съ присущими ему основными правами, но также подданнымъ государства, которое имѣетъ по отношенію къ нему опредѣленныя права и обязанности, и иностранцемъ, по отношенію къ которому имѣетъ извѣстныя права и обязанности територіальная власть. Такимъ образомъ государству принадлежатъ извѣстныя основныя права: 1) относительно своихъ подданныхъ, находящихся заграницей, и 2) относительно иностранцевъ, пребывающихъ на его територіи.

а) Въ отношеніи подданныхъ. Государство самостоятельно опредѣляетъ тѣ права и обязанности, которыя оно имѣетъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, но насколько правоотношенія между нимъ и этими лицами ограничиваются предѣлами государственной

---

[1]) Срав. Heffter. Völkerrecht, § 58. a.

территоріи. Если они выходятъ за эти предѣлы — что́ при современномъ развитіи международныхъ сношеній бываетъ весьма часто — то должны быть опредѣлены съ точки зрѣнія международнаго общенія и права, его регулирующаго. Таковы отношенія государства къ тѣмъ подданнымъ, которые находятся заграницей или вообще поддерживаютъ международные обороты. Съ точки зрѣнія международнаго права эти отношенія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Во время пребыванія заграницей подданные остаются подчиненными верховной власти своего государства. Согласно съ этимъ они должны и на иностранной территоріи исполнять отечественные законы и всѣ распоряженія своего правительства, насколько, конечно, это представляется фактически возможнымъ въ виду законовъ, изданныхъ мѣстною властью и обязательныхъ для иностранцевъ, пребывающихъ на ея территоріи. Если поэтому подданный совершитъ обыкновенное или государственное преступленіе внѣ предѣловъ своего отечества, то можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности въ своей странѣ даже въ томъ случаѣ, если уже онъ судился и былъ наказанъ за то преступленіе въ иностранномъ государствѣ.

2) Изъ самаго существа подданническихъ отношеній слѣдуетъ, что подданные ни въ какомъ случаѣ не могутъ прибѣгнуть къ защитѣ иностраннаго правительства противъ отечественной власти. Подобныя обращенія къ иностранному государству составляютъ государственную измѣну и должны быть отклоняемы.

3) Государственная власть имѣетъ право во всякое время вызвать своихъ подданныхъ изъ заграницы (jus avocandi), когда найдетъ это нужнымъ. Поводомъ къ вызову можетъ служить исполненіе подданнымъ воинской повинности или какой-либо другой законной обязанности, дѣлающее необходимымъ его присутствіе въ родной странѣ; объявленіе войны тому государству, въ которомъ онъ проживаетъ, и т. д. Но такъ какъ иностранное правительство вообще не должно вмѣшиваться въ отношенія, существующія между даннымъ государствомъ и его подданными, то какъ бы ни были уважи-

тельны причины ихъ вызова, оно не обязано содѣйствовать его исполненію [1]).

Такъ, во время франко-германской войны немногіе прусскіе подданные, находившіеся въ предѣлахъ Россіи, не смотря на вызовъ своего правительства, не возвратились въ отечество, чтобы принять участіе въ войнѣ, и хотя очевидно не исполняли своей законной обязанности, но не были и не могли быть насильно отправлены въ Пруссію. Обязанность такой ихъ высылки могла бы лежать на русскомъ правительствѣ только на основаніи спеціальнаго соглашенія по этому предмету съ Пруссіей; но подобнаго рода соглашенія сами по себѣ не оправдываются ни международнымъ правомъ, ни тѣми нормальными отношеніями, которыя собственно должны существовать между правительствомъ и его подданными.

Правительства могутъ требовать отъ иностранцевъ, изъявившихъ желаніе получить натурализацію, предварительнаго предъявленія свидѣтельства объ исполненіи ими на родинѣ всѣхъ законныхъ обязанностей и въ особенности воинской повинности. Но такое требованіе можетъ быть объяснено только желаніемъ предупредить какія-нибудь международныя недоразумѣнія.

4) На государствѣ лежитъ обязанность охранять своихъ подданныхъ и ихъ законные интересы отъ посягательствъ иностранныхъ правительствъ. Для этой цѣли всѣ государства имѣютъ заграницей дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, главная обязанность которыхъ быть защитниками правъ и интересовъ своихъ соотечественниковъ. Когда и въ какихъ предѣлахъ должна быть оказана эта защита, государственные законы обыкновенно не опредѣляютъ. Въ этомъ отношеніи каждое правительство должно руководиться главнѣйше сознаніемъ своего достоинства и общей лежащей на немъ обязанности представлять своихъ подданныхъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Перечислить всѣ случаи, когда имѣетъ мѣсто заступничество государства за своихъ подданныхъ, нѣтъ возможности: каждый законный интересъ подданнаго, нарушенный мѣстною властью, можетъ оправдывать это заступничество. На практикѣ наиболѣе часто его вызывали слѣдующіе случаи.

---

[1]) Весьма любопытныя данныя относительно jus avocandi въ прошломъ столѣтіи можно найти въ Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, Bd. VI, № 512; Bd. VII, № 4.032, 4.042, 4.073, 4.129 flg.

Каждый подданный, находящійся заграницей, долженъ быть защищаемъ мѣстными судами противъ незаконныхъ посягательствъ на свою личность, собственность и другія безспорныя права. Какъ мы уже говорили, всѣ они вытекаютъ изъ самаго существа международныхъ отношеній и для бытія своего не нуждаются ни въ международныхъ трактатахъ, ни въ постановленіяхъ внутренняго законодательства, ихъ предусматривающаго. Отказъ въ ихъ признаніи есть отказъ въ правосудіи. Поэтому, если мѣстные суды не пожелаютъ дать имъ свою охрану, тогда, безъ сомнѣнія, отечественная власть обязана заступиться за своего потерпѣвшаго подданнаго и требовать, чтобы иностранное правительство относилось къ нему съ такимъ же уваженіемъ, какъ и къ подданнымъ другихъ государствъ.

Часто вызывали защиту государства коммерческія предпріятія его подданныхъ и въ особенности несостоятельность какого-либо правительства въ уплатѣ процентовъ и погашеніи долга по заключеннымъ имъ внѣшнимъ займамъ. Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы бумагъ, выпущенныхъ иностраннымъ государствомъ, нерѣдко настаивали передъ своими правительствами не только о вмѣшательствѣ въ ихъ пользу дипломатическимъ путемъ, но даже мѣрами принужденія. Такія заявленія дѣлали напр. англійскіе и французскіе подданные по случаю несостоятельности Турціи, Египта и Португаліи, которая не желала платить долги, сдѣланные ся королемъ дономъ Мигуелемъ въ 1832 г. [1]). Какъ слѣдуетъ относиться правительству къ подобнымъ ходатайствамъ, это мастерски разрѣшилъ лордъ Пальмерстонъ въ своей январской депешѣ 1848 г. Онъ говоритъ, что если Англичане отдаютъ свои капиталы иностранному государству, то, разумѣется, въ надеждѣ выгодъ, которыя получатъ отъ своей сдѣлки; но при этомъ они должны принять въ расчетъ и рискъ, которому неизбѣжно подвергнутся въ случаѣ несостоятельности своего должника; не принявъ въ расчетъ это обстоятельство, они должны мириться съ участью, постигающею всякаго спекулянта, который ошибся въ своихъ предположеніяхъ [2]).

Логическій выводъ изъ этихъ соображеній тотъ, что англійское правительство не считаетъ себя обязаннымъ заступаться за тѣхъ своихъ подданныхъ, которые ввѣрили свои капиталы чужому государству и пострадали

---

[1]) Срав. Becker. Emprunt D. Miguel. Paris 1874; 2-de partie 1875.

[2]) „It is therefore simply a question of discretion“, говорится въ депешѣ: „with the British Government whether this matter should or should not be taken up by diplomatic negotiation, and the decision of that question of discretion turns entirely upon British and domestic considerations“. См. Phillimore. Commentaries, t. II, p. 10. Hall's International Law, p. 236 etc.

отъ его банкротства. Такого же взгляда держится и французское правительство. Какъ Англія, такъ и Франція, если и брали на себя въ послѣднее время защиту своихъ подданныхъ — кредиторовъ Турціи — то только дружественными ходатайствами въ ихъ пользу передъ Портою или султаномъ. Вмѣшательство Англіи и Франціи въ дѣла Египта было вызвано не столько заботливостью объ интересахъ англо-французскихъ кредиторовъ Измаила-паши, сколько соображеніями высшей политики. Къ такимъ же послѣдствіямъ приводятъ и другія коммерческія предпріятія, устраиваемыя подданными въ чужихъ государствахъ, напр. сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, постройка заводовъ и пр.: они вызовутъ дѣятельное заступничество своего правительства только въ томъ случаѣ, если интересы подданныхъ будутъ нарушены вопреки законамъ той страны, гдѣ устроились предпріятія.

b) Въ отношеніи иностранцевъ. Юридическое положеніе иностранцевъ въ государствѣ опредѣляется какъ внутреннимъ законодательствомъ, такъ и международными договорами. Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотримъ эти акты, здѣсь же постараемся выяснить общія основныя права, которыя имѣетъ территоріальная власть въ отношеніи иностранцевъ, согласно началамъ международнаго права.

1) Каждое государство, въ силу своего самодержавія, имѣетъ несомнѣнно право опредѣлить условія, при которыхъ оно согласно допустить иностранцевъ на свою территорію. Въ этомъ отношеніи автономія мѣстной власти ограничивается лишь слѣдующими требованіями международнаго общенія: не объявлять иностранцевъ безправными на своей территоріи и внѣ закона, а также не подвергать ихъ поголовному изгнанію изъ страны, какъ дѣлалось это въ Спартѣ (ксенелазія). Принятіе государствомъ подобныхъ мѣръ было бы равносильно его отказу отъ участія въ международныхъ сношеніяхъ и поставленію себя внѣ международнаго общенія [1]).

2) По отношенію къ территоріальной власти иностранцы, находящіеся въ государствѣ, являются временными подданными (subditi

[1]) Какъ широко смотрѣло русское правительство прошлаго столѣтія на этотъ вопросъ—извѣстно. Срав. указъ Екатерины II отъ 22 іюля 1763 г. съ манифестомъ „о дозволеніи всѣмъ иностранцамъ поселяться гдѣ пожелаютъ, и о дарованныхъ имъ правахъ“. Полное собр. зак. № 11.880. Срав. также №№ 11.881 и 11.896. Вниманія и даже заимствованія заслуживаетъ бельгійскій законъ объ иностранцахъ 6-го февраля 1885 г. (См. Archives diplomatiques, 1886, № 1, p. 69).

temporarii). Они подчиняются какъ юрисдикціи этого государства, такъ и всѣмъ порядкамъ, обязательнымъ вообще для туземныхъ подданныхъ и спеціально для иностранцевъ. Порядки эти могутъ быть невыгодны и стѣснительны; могутъ коренным образомъ расходиться съ поряками, дѣйствующими въ другихъ государствахъ; могутъ быть даже несостоятельны съ точки зрѣнія здравой политики и государственнаго хозяйства; но разъ они не противорѣчатъ международнымъ трактатамъ, иностранцы обязаны имъ подчиняться: это уже ихъ дѣло предвидѣть свое юридическое положеніе въ странѣ, въ которой они желаютъ находиться.

Съ этой точки зрѣнія нельзя признать основательнымъ протестъ, заявленный англійскимъ правительствомъ по дѣлу о высылкѣ изъ Петербурга въ 1881 г. англійскаго подданнаго еврея Левисона, который нарушилъ законы о евреяхъ, дѣйствующіе въ Россіи. Лондонскій кабинетъ первоначально называлъ мѣру, принятую русскимъ правительствомъ относительно Левисона, несогласною ни съ трактатами, заключенными между Россіей и Англіей, ни съ началами международнаго права, ни съ условіями правильныхъ международныхъ сношеній, которыя должны существовать между образованными государствами. На это можно возразить, что каждое государство свободно принимать въ отношеніи иностранцевъ всѣ мѣры, которыя оно найдетъ цѣлесообразными, лишь бы онѣ не нарушали заключенныхъ имъ трактатовъ и не исключали безусловно международныхъ съ нимъ сношеній [1]).

Территоріальнымъ законамъ и властямъ, по исключенію, не подчиняются: монархи, дипломатическіе агенты, военныя суда и вспомогательныя войска, которые въ качествѣ органовъ или представителей своихъ государствъ, пользуются правомъ экстерриторіальности. Въ этомъ именно вопросѣ заключается существенное различіе между государствами цивилизованными и нецивилизованными: въ послѣд-

---

[1]) Впрочемъ, какъ видно изъ депеши лорда Грэнвилля къ англійскому послу въ С.-Петербургѣ отъ 28 (16) декабря 1881 г., само англійское правительство убѣдилось, по новомъ внимательномъ изученіи этого дѣла, что англійскіе евреи не могутъ имѣть въ Россіи больше правъ, чѣмъ пользуются сами русскіе евреи въ Имперіи, и что статьи 1 и 11 нынѣ дѣйствующаго коммерческаго трактата 1858 г. могли предоставить британскимъ подданнымъ только права, которыя русскіе законы признаютъ за русскими подданными.

нихъ иностранцы въ значительной степени не подчиняются ни территоріальной власти, ни мѣстному суду. (См. Особ. часть, глава I, § 24—26 [1]).

3) Какъ временные подданные, иностранцы обязаны не нарушать мѣстнаго юридическаго порядка. Въ случаѣ нарушенія ими уголовныхъ или полицейскихъ законовъ страны, они подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ, установленнымъ за правонарушеніе въ законѣ, и не могутъ претендовать ни на какія въ этомъ отношеніи привилегіи сравнительно съ туземными подданными. Такъ, они подсудны за преступленія мѣстнымъ уголовнымъ судамъ, даже экстраординарнымъ, если таковые существуютъ въ государствѣ. Они могутъ быть на общемъ законномъ основаніи подвергнуты аресту и содержимы въ обыкновенныхъ мѣстахъ заключенія. Объ особенныхъ тюрьмахъ для иностранцевъ или объ обязанности мѣстной власти доносить подлежащему правительству объ арестахъ тѣхъ или другихъ его подданныхъ не можетъ быть рѣчи [2]).

Политическіе эмигранты по меньшей мѣрѣ не пользуются никакими преимуществами сравнительно съ другими иностранцами: нѣтъ никакихъ основаній требовать для нихъ особеннаго покровительства территоріальной власти. Такъ смотритъ на политическихъ выходцевъ, наприм., швейцарское правительство, которое, въ особенности въ послѣднее время, неоднократно напоминало эмигрантамъ, укрывающимся въ Швейцаріи, что они могутъ пользоваться гостепріимствомъ страны только подъ условіемъ полнаго уваженія ея законовъ и правительственныхъ мѣръ, которыя обязательны для всѣхъ безъ исключенія лицъ, проживающихъ на швейцарской территоріи. Точно въ такомъ же положеніи находятся политическіе эмигранты въ Англіи.

---

[1]) Какія въ этомъ отношеніи чрезвычайныя привилегіи нецивилизованнымъ государствамъ навязываются державами европейско-американскими, можно видѣть изъ Мадридской конвенціи 1880 г. относительно Марокко. (См. Archives diplomatiques, 1885, № 7, p. 13, 62 et suiv.

[2]) Лучшее опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей государства и иностранцевъ можно найти въ постановленіяхъ института международнаго права, принятыхъ на Женевскомъ съѣздѣ его членовъ въ 1892 году, подъ заглавіемъ: „Règles internationales sur l'admission et l'expulsion des étrangers". „См. Tableau général de l'Institut de droit int. p. 136 etc. Срав. также Chantre. Du séjour et de l'expulsion des étrangers. Genéve 1891.

Но не всѣ повинности, исполняемыя туземными подданными, могутъ быть распространены на иностранцевъ. Пребывая временно на чужой территоріи, иностранцы остаются по закону подданными своего государства. Поэтому они должны быть свободны отъ всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ повинностей, которыя несогласны съ законными ихъ отношеніями къ своимъ государствамъ или которыя предполагаютъ именно туземное подданство, какъ напр. воинская повинность, служба по выборамъ и пр.

4) Всѣ иностранцы имѣютъ право на свободный выѣздъ изъ государства, если только выполнили свои обязательства въ отношеніи частныхъ лицъ и мѣстной власти [1]).

---

[1]) Объ иностранцахъ въ Россіи см. Цвѣтаева. Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII ст. (Русскій Вѣстникъ, 1887). Его-же. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII в. Москва, 1886. (Рецензія Пыпина въ Вѣстн. Евр., Январь, 1888.

Глава третья.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРІЯ И ПУТИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ СООБЩЕНІЙ.

I. О государственной территоріи вообще.

§ 88. Территорія есть пространство земли и воды, подчиняющееся исключительно верховной власти государства. Государственная власть въ отношеніи территоріи есть территоріальная власть: она обнаруживается въ верховномъ господствѣ надъ опредѣленною территоріей и надъ всѣмъ, что на ней находится. Quidquid est in territorio est etiam de territorio [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что и территорія, и исключительная власть надъ нею опредѣленнаго народа безусловно необходимы для существованія государства: безъ нихъ, какъ и безъ гражданъ, населяющихъ территорію, государство немыслимо и не можетъ быть субъектомъ международнаго права.

Изъ понятія о государственной территоріи слѣдуетъ, что она включаетъ въ себя не только сушу, но и водныя пространства—моря, озера, рѣки—которыя подчиняются власти государства. Составъ территорій бываетъ различенъ и въ другомъ отношеніи: владѣнія однихъ государствъ обра-

[1]) Martens. Précis, § 72 etc. Heffter. Völkerrecht. § 65 ff. Bluntschli. Völkerrecht, § 276 ff. Phillimore. Commentaries, t. I, p. 264 etc. Travers-Twiss. Law of Nations, t. I, § 105 etc. Dudley-Field. Code of International Law, § 27. Hall's International Law, p. 134 etc. Calvo. Droit international, t. I, p. 312 etc. Bulmerincq. Völkerrecht, § 43 flg.

зуютъ компактную массу, одно неразрывное цѣлое, у другихъ, напротивъ, представляютъ разрозненныя части, болѣе или менѣе отдаленныя отъ общаго государственнаго центра, напр. колоніи. Это не измѣняетъ принципа: всѣ территоріальныя владѣнія государства, гдѣ бы они ни находились, разсматриваются въ международномъ правѣ, какъ одно нераздѣльное цѣлое подъ одною верховною властью. Здѣсь не мѣсто указывать на стратегическое и вообще политическое значеніе, которое имѣютъ для государства географическое положеніе его территоріи и ея топографіи, цѣлостность или дробность его владѣній, геометрическая ихъ форма: все это вопросы военной науки и политики, но не международнаго права.

Территоріальной власти принадлежитъ верховное и исключительное господство надъ всѣми своими владѣніями. Въ этомъ смыслѣ территорія есть объектъ международной собственности государства: каждое государство одно распоряжается и пользуется своею территоріей, не допуская вмѣшательства другихъ государствъ. По отношенію къ частнымъ имуществамъ, которыя находятся на территоріи, государству принадлежитъ верховное право покровительства и распоряженія, т. е. совокупность публичныхъ правъ, но отнюдь не собственность по началамъ частнаго права, не dominium, но imperium. Въ отличіе отъ этой собственности, право территоріальной власти на имущество своихъ подданныхъ и иностранцевъ, пребывающихъ въ государствѣ или владѣющихъ здѣсь недвижимостью, называется dominium eminens. Изъ него вытекаетъ: 1) право государства облагать налогами частную собственность; 2) право отчуждать ее въ видахъ общественной пользы (право экспропріаціи); 3) въ крайней необходимости, напр. во время военныхъ дѣйствій, право совершенно ее уничтожить, даже безъ вознагражденія собственника.

Наконецъ, въ отношеніи тѣхъ земель, которыя входятъ въ составъ территоріи, но не принадлежатъ никому, которыя не заселены или покинуты своими владѣльцами, территоріальная власть имѣетъ право завладѣнія (оккупаціи): она не только распоряжается такими землями на правѣ государственной власти, но и владѣетъ ими, какъ частный собственникъ. Поэтому, присвоеніе незанятыхъ земель безъ разрѣшенія государства не должно имѣть мѣста; такія земли не

„безхозяйныя вещи“ (res nullius), которыя, по ученію римскихъ юристовъ, принадлежатъ въ собственность „первому ими завладѣвшему“. Какъ часть государственной территоріи, онѣ принадлежатъ прежде всего территоріальной власти, отъ которой уже зависитъ опредѣлить, на какихъ условіяхъ она согласна отдать ихъ во владѣніе частныхъ лицъ.

Этотъ взглядъ имѣетъ огромное практическое значеніе для тѣхъ государствъ, которыя, подобно С.-А. Соединеннымъ Штатамъ, занимаютъ до такой степени обширную территорію, что полное занятіе всего ея пространства можетъ совершиться только въ теченіе многихъ лѣтъ. Придерживаясь того начала, что земли, составляющія сѣверо-американскую территорію, подлежатъ верховной власти Штатовъ, Вашингтонское правительство совершенно послѣдовательно распространяетъ свою власть и на тѣ изъ нихъ, которыя находятся во владѣніи Индѣйцевъ: оно или пріобрѣтаетъ эти земли покупкою, или отнимаетъ безъ вознагражденія владѣльцевъ [1]).

II. Границы территоріи.

§ 89. Важность точнаго опредѣленія границъ государства не требуетъ особенныхъ объясненій. Граница территоріи обозначаетъ предѣлы господства территоріальной власти и дѣйствія закона данной страны: она указываетъ, гдѣ кончается власть одного государства и начинается власть другого. Слѣдовательно, уже съ точки зрѣнія внутренняго управленія нельзя не желать такого разграниченія между государствами, которое не возбуждало бы сомнѣній. Еще болѣе необходимымъ представляется оно для мирныхъ и устроенныхъ международныхъ сношеній, ибо пограничныя столкновенія, вызываемыя неопредѣленностью границы, не только порождаютъ недоразумѣнія между государствами, но и служатъ тормазомъ, препятствующимъ развитію международныхъ пограничныхъ оборотовъ.

Границы государственныя обыкновенно раздѣляются въ наукѣ международнаго права на два рода: 1) границы физическія или естественныя и 2) условныя или договорныя (искусственныя).

---

[1]) Срав. Schlief. Die staatsrechtliche Stellung der Territorien innerhalb der Nordamerikanischen Union. (Archiv für öffentl. Recht, IV Band, 1889, S. 314 u. flg.

1) Къ естественнымъ границамъ относятъ моря, рѣки, горы, степи и мели.

Въ прежнее время полагали, что естественныя границы установлены самою природою, что онѣ всегда и безусловно раздѣляютъ государства и не должны находиться въ предѣлахъ ихъ территорій. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ принимали и за наилучшее очертаніе территоріальныхъ владѣній, такое, которое даетъ народу всѣ средства удовлетворить свои потребности и развить свои силы. Поэтому сложилось мнѣніе, что каждый народъ, достигнувшій естественныхъ предѣловъ своей территоріи, не будетъ уже имѣть ни оснований, ни права къ дальнѣйшему ея расширенію, и, наоборотъ, долженъ всѣми силами стараться о пріобрѣтеніи новыхъ земель, если его владѣнія не совпадаютъ съ чертою, предназначенною ему природою. На основаніи такого взгляда выработалась извѣстная теорія объ „естественныхъ границахъ" государствъ, нашедшая талантливыхъ защитниковъ, въ особенности во Франціи. Насколько состоятельна эта теорія, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что сами ея разрабатыватели рѣшительно не могли согласиться, какія собственно границы установлены самою природою, какъ окончательныя, хотя бы только для ихъ отечества: мнѣнія на счетъ „естественныхъ границъ" французскихъ, не говоря уже о другихъ, сильно расходятся между собою [1]).

Въ положительномъ международномъ правѣ господствуютъ слѣдующія начала, примѣняемыя къ естественнымъ границамъ государствъ.

Относительно морскихъ границъ принято, какъ общее правило, что прибрежныя государства простираютъ свою власть надъ моремъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла съ берега. Это начало выражается афоризмомъ, который высказалъ еще Бинкерсгукъ: „terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis" или „quousque mari e terra imperari potest" [2]). Предполагаютъ, что на такомъ пространствѣ моря государство въ состояніи поддерживать свою власть. Но такъ какъ ширина этого пространства при непрерывныхъ усовершенствованіяхъ въ артиллеріи не можетъ быть постоянною, то государства или

---

[1]) Срав. M. Block. Dictionnaire de la politique v. „Frontières naturelles". Escher. Handbuch der praktischen Politik. Lpz. 1863, Bd. I, S. 94 u. ff.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, cap. VIII. De dominio maris, cap. 2. Phillimore. Commentaries, I, 235. Woolsey. Introduction, p. 50. Въ особенности замѣчанія въ книгѣ Perels. Das internationale öffentliche Seerecht der Gegenwart (Berlin, 1882). S. 24 flg.

должны издавать законы, или вступать въ соглашеніе между собой, на основаніи которыхъ морская граница принимается на разстояніи опредѣленнаго количества миль отъ берега. Если прибрежныя государства сталкиваются въ морской границѣ, то должны провести срединную линію, которая и будетъ ихъ раздѣлять [1]).

Въ древности и въ средніе вѣка море въ особенности считалось препятствіемъ, созданнымъ самою природою для разъединенія людей. Но при современномъ развитіи морскихъ сношеній можно сказать, что море „воздвигаетъ стѣну между врагами и носитъ мостъ, соединяющій друзей".

Второю естественною границей считаютъ рѣки. Если государства раздѣляются рѣкою, то за пограничную между ними черту принимается линія, проходящая по срединѣ рѣки. На судоходныхъ рѣкахъ эту линію проводятъ по тальвегу (фарватеру) [2]). Понятно, что съ измѣненіемъ русла рѣки не измѣняется положеніе рѣчной пограничной черты. При полномъ измѣненіи направленія рѣки границей остается старое русло.

Рѣки собственно никогда не служили естественными преградами, раздѣлявшими народы. Напротивъ, разселеніе народовъ по бассейнамъ главнѣйшихъ рѣкъ прямо показываетъ, что онѣ издавна уже были средствомъ для сближенія между людьми. Еще болѣе рельефно выступаетъ такой ихъ характеръ въ новѣйшее время, когда судоходныя рѣки, протекающія по территоріямъ различныхъ государствъ, являются въ полномъ смыслѣ слова артеріями международныхъ сообщеній. На этомъ основаніи о пограничныхъ рѣкахъ можно сказать: 1) что онѣ самою природою предназначены къ соединенію, а не раздѣленію государствъ; 2) что свобода судоходства по нимъ, обезпечиваемая трактатами, уже сама собою вытекаетъ изъ трудности разграничить на нихъ территоріальное вѣдомство прибрежныхъ государствъ; 3) для такого разграниченія безусловно необходимо соглашеніе между пограничными государствами. Все это доказываетъ, что въ дѣйствительности рѣка можетъ служить лишь

---

[1]) Срав. англійскій законъ 1878 г.: „Territorial Waters Jurisdiction Act.". Gessner. Le droit des neutres sur mer. Berlin 2 éd. 1876, p. 22 et ss. См. ниже §§ 99 и 100.

[2]) Срав. ст. IV Фридрихсгамскаго трактата 1809 г., заключеннаго между Россіей и Швеціей: „Dans le cours des rivières de Tornéa et de Muonio, les îles situées à l'est du Thalweg appartiendront à la Russie, et celles à l'ouest du Thalweg à la Suède".

искусственною, договорною границей, но никакъ не естественною. Впрочемъ, стратегическое значеніе рѣкъ несомнѣнно.

Если государства отдѣляются другъ отъ друга горами, то границею считается линія, образующая хребетъ горъ, или линія водораздѣла. Какъ и моря, горы не являются въ настоящее время естественною стѣной, которая разобщаетъ государства: благодаря прорытію тоннелей (каковы Монъ-Сенисскій и Сенъ-Готардскій) и желѣзнымъ дорогамъ, даже высочайшія горы не служатъ болѣе неодолимымъ препятствіемъ для международныхъ сообщеній.

Наконецъ, степи и отмели, безъ сомнѣнія, стѣсняютъ сообщенія между государствами и въ этомъ смыслѣ могутъ и теперь еще считаться естественными границами, но для безспорности той черты, которая именно раздѣляетъ государства на этихъ пространствахъ, безусловно необходимо ихъ соглашеніе.

Остается заключить, что такъ называемыя „естественныя" границы не составляютъ сами по себѣ пограничной, раздѣляющей государства черты, а имѣютъ это значеніе только на основаніи трактатовъ, рѣшающихъ, въ какомъ направленіи должна идти граница. Другими словами, естественныя границы получили теперь договорный, искусственный характеръ. Въ настоящее время признаются только условныя границы и о нихъ справедливѣе, нежели объ естественныхъ границахъ, можно сказать, что онѣ установлены самою природою, силою вещей, тѣмъ естественнымъ порядкомъ международныхъ отношеній, которому подчиняются всѣ современныя образованныя государства.

2) Искусственныя или договорныя границы опредѣляются въ демаркаціонныхъ актахъ, которые заключаютъ государства, и состоятъ изъ условной математической линіи, точки и направленіе которой означаются названіями урочищъ, нумерами пунктовъ, нанесенныхъ на карту, линіями водораздѣловъ и т. п. Внѣшними знаками границы служатъ столбы, рвы, плавучія бочки и пр. Точное ея опредѣленіе и въ особенности поддержаніе знаковъ, по которымъ она можетъ быть распознана, весьма важно, ибо изъ-за нихъ про-

исходятъ постоянно споры и столкновенія между населеніемъ и пограничными властями [1]).

Примѣчаніе. Въ послѣднее время публицисты указали еще на особенныя, такъ назыв. „соціальныя" границы, раздѣляющія государства. Они показали, что при проведеніи границъ между государствами необходимо обращать вниманіе на экономическія и общественныя условія, въ которыхъ находятся жители раздѣляемой области. Нельзя отдѣлять отъ государства часть какой-либо мѣстности, представляющей въ цѣломъ, со всѣмъ своимъ населеніемъ, одну хозяйственную единицу. Естественнымъ послѣдствіемъ такого раздѣленія явится уничтоженіе благосостоянія края, не оправдываемое мудрою политикой государствъ; притомъ насильственно разъединенныя части будутъ всегда стремиться къ своему соединенію и могутъ дать поводъ къ столкновеніямъ, весьма нежелательнымъ и опаснымъ для международнаго мира. Въ пользу теоріи „соціальныхъ границъ" можно привести много разумныхъ доводовъ, вполнѣ заслуживающихъ серьезнаго вниманія правительствъ. [2])

III. О способахъ пріобрѣтенія территоріальныхъ владѣній.

§ 90. Государство, какъ международная личность, имѣетъ право на пріобрѣтеніе и отчужденіе территоріальныхъ владѣній и всякаго рода собственности, ему принадлежащей. Въ какихъ предѣлахъ государство осуществляетъ это право—это вопросъ, разрѣшаемый внутреннимъ законодательствомъ каждой страны.

Способы пріобрѣтенія международной собственности можно раздѣлить на два рода: первоначальные (acquisitio originaria) и производные (acquisitio derivativa). И къ тѣмъ, и другимъ вполнѣ или отчасти примѣнимы начала, выработавшіяся въ римскомъ правѣ [3]).

1) Первоначальные способы пріобрѣтенія. Такъ называются всѣ способы, которыми одно государство увеличиваетъ свою

---

[1]) См. демаркаціонные акты относительно Польши въ моемъ Собраніи трактатовъ, т. II, №№ 50 и 52.

[2]) Срав. Inama-Sternegg въ Tübinger Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. Bd. XXV. Heft 3 u. 4.

[3]) Ortolan. Des moyens d'acquérir le domaine international. Paris, 1849. Heimburger. Der Erwerb der Gebietshoheit. Eine staats- und völkerrechtliche Studie. Karlsruhe 1888.

международную собственность, не лишая другое его владѣній. Къ нимъ относятся: приращеніе, давность и завладѣніе.

a) Приращеніе (accessio). Этотъ способъ пріобрѣтенія не имѣетъ большого значенія для государствъ. Въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда государственная территорія увеличивается приращеніемъ, основаніемъ могутъ служить, вообще говоря, начала, принятыя въ гражданскомъ правѣ. Къ такимъ случаямъ принадлежатъ: поднятіе морскаго дна, образованіе на рѣкѣ острова и наносъ (alluvio). Всѣ подобнаго рода естественныя приращенія составляютъ собственность прибрежнаго государства.

Поэтому, когда въ устьяхъ рѣки Миссисипи образовался островъ и Англія объявила его своимъ на томъ основаніи, что первымъ увидѣло его англійское судно, Вашингтонское правительство справедливо возстало противъ этихъ притязаній, такъ какъ островъ находился въ устьяхъ рѣки, принадлежащей Соединеннымъ Штатамъ. Приращеніе территоріи можетъ быть послѣдствіемъ также человѣческаго труда, напр. такихъ работъ, какія издавна уже ведутся въ Голландіи, съ цѣлью осушенія земли, покрытой озерами или морскими водами [1].

b) Давность (usucapio). Въ отличіе отъ частнаго права, международныя отношенія допускаютъ дѣйствіе давности въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ. Значеніе ея въ этой области можетъ быть выражено въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Международное право не признаетъ давностнаго срока, ибо государство владѣетъ данною территоріей, пока можетъ и намѣрено поддерживать надъ нею свою верховную власть.

2) Въ области международныхъ отношеній нѣтъ случаевъ нарушенія теченія давности. Государственная власть можетъ фактически лишиться своего владѣнія, но можетъ всегда стараться возвратить его тѣмъ или другимъ образомъ.

3) Въ международныхъ отношеніяхъ дѣйствительное значеніе имѣетъ только одна незапамятная давность (antiquitas, vetustas, cujus contraria memoria non existit). На ней покоится вся поли-

[1] Phillimore. Commentaries, t. I, p. 282. Travers Twiss. Law of Nations t. I, p. 171. Martens. Précis, t. I, § 45. Bluntschli. Völkerrecht, § 288.

тическая карта, все существованіе фактическое цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ государствъ. Сила времени и санкція исторіи заставляютъ умолкнуть всѣ претензіи и обвиненія, которымъ въ свое время могли давать поводъ насилія и несправедливости, совершенныя государствами для расширенія своихъ территорій. Въ этомъ смыслѣ къ государствамъ какъ нельзя болѣе примѣнимы слова: „beati possidentes“! Совершившійся фактъ, покрытый незапамятною давностью, законенъ передъ международнымъ правомъ [1]).

c) Завладѣніе (occupatio). Подъ именемъ завладѣнія понимается занятіе государствомъ никому не принадлежащей земли, т. е. территоріи, не состоящей подъ властью другихъ государствъ. Исторія примѣненія этого способа весьма поучительна, такъ какъ имъ было создано политическое могущество и значеніе финансовое, промышленное и торговое многихъ современныхъ народовъ [2]).

Въ XV и XVI ст., когда совершались самыя замѣчательныя открытія новыхъ земель, государства, овладѣвшія этими землями, расходились между собою въ рѣшеніи вопроса, какое собственно пространство должна обнимать власть правительства, въ пользу котораго дѣлалось открытіе. По большей части открытія происходили съ морскаго берега и не шли въ глубь страны: однако, государства, отъ имени которыхъ были заняты прибрежные пункты объявляли себя господами не только береговой полосы, но всей земли, имъ совершенно неизвѣстной, которая лежала внутри новооткрытаго континента или острова. На этомъ основаніи Португальцы претендовали на всю Африку, Испанцы на Южную Америку, Англичане на Сѣверную Америку; послѣдніе вслѣдствіе того, что венеціанецъ Кабото проѣхалъ въ 1496 г. съ ихъ кораблями вдоль американскаго берега съ 56° по 38° сѣверной широты.

Весьма естественно, что при такомъ широкомъ толкованіи завладѣнія правительства нерѣдко сталкивались на той или другой территоріи, которую каждое изъ нихъ считало своею по праву первоначальнаго открытія. За разрѣшеніемъ своихъ споровъ они обращались къ папамъ, которые не стѣснялись присуждать въ пользу различныхъ народовъ цѣлыя страны.

---

[1]) Весьма подробно обсуждается этотъ вопросъ у Grotius. De jure belli, lib. II, cap. IV. Vattel. Droit des gens, liv. I, chap. XVI; liv. II, chap. XI. Phillimore, Commentaries, t. I, chap. XIII. Hall's Inter. Law, p. 100 etc. Heffter. Völkerrecht § 12, 13.

[2]) Ahrens. Cours du droit naturel (1868), t. II, p. 125.

Такъ, буллою 1454 ф., папа Николай V отдалъ Португальцамъ всю Гвинею въ Африкѣ, съ правомъ покорять обитающія тамъ варварскія племена, и запретилъ другимъ европейскимъ народамъ предпринимать здѣсь завоеванія. На основаніи буллы папы Александра VI, изданной въ 1493 г., Испанцы получили въ собственность какъ всѣ открытыя ими, такъ и могущія быть открытыми земли на разстояніи 100 миль на западъ и югъ отъ Азорскихъ острововъ. Земли, лежащія внѣ этой линіи, на Атлантическомъ океанѣ, отъ сѣвернаго до южнаго полюса, были присуждены Англичанамъ. Такія ни на чемъ неоснованныя распоряженія оспаривались съ разныхъ сторонъ уже въ XVI ст. [1]).

До самого послѣдняго времени вопросъ о завладѣніи имѣлъ исключительно историческій интересъ. Но съ 1878 года, благодаря возрожденію колонизаторскихъ стремленій во Франціи, Германіи, Англіи и въ особенности дѣятельности „Международнаго Африканскаго Общества“, учрежденнаго королемъ Бельгійцевъ Леопольдомъ II, весьма значительныя земли были заняты европейцами въ Африкѣ, въ особенности на берегахъ рѣки Конго и на островахъ Тихаго Океана. Возникшія отсюда столкновенія привели къ сознанію необходимости опредѣлить взаимныя территоріальныя претензіи и самыя условія дѣйствительности оккупаціи. Съ этою цѣлью была созвана въ октябрѣ 1884 года Берлинская африканская конференція, окончившая свои занятія въ февралѣ 1885 года подписаніемъ весьма замѣчательнаго международнаго акта [2]).

На основаніи постановленій Берлинской конференціи и современнаго международнаго права, для дѣйствительности завладѣнія, какъ способа пріобрѣтенія международной собственности, должны быть на лицо слѣдующія условія [3]):

[1]) Phillimore. Commentaries, t. I, § 231.

[2]) Исторія новѣйшихъ колонизаторскихъ стремленій европейскихъ державъ и Берлинской конференціи изложена въ моей статьѣ: „Африканская конференція въ Берлинѣ. Колоніальная политика современныхъ государствъ“. (Вѣстникъ Европы за ноябрь и декабрь 1885 г.). Она переведена также на французскій языкъ и издана въ Брюсселѣ въ 1886 г. съ дополненіями. См. также Archives dipl., 1885, №№ 5—9.

[3]) Salomon. L'occupation des territoires sans maître. Paris, 1889. Срав. также Adam. Völkerrechtliche Okkupation und deutsches Kolonialstaatsrecht. (Archiv für öffentliches Recht, 1891, Heft II). Симсонъ. О завладѣніи по международ. праву. Спб. 1894.

1) Въ субъективномъ отношеніи необходимо, чтобы завладѣніе послѣдовало отъ имени и съ согласія государственной власти. Если оно совершается должностными лицами, органами государства, то не можетъ быть сомнѣнія, какой народъ долженъ считаться собственникомъ занятой земли. Завладѣніе, предпринятое частными лицами, требуетъ утвержденія со стороны правительства, въ пользу котораго оно послѣдовало.

2) Завладѣніе дѣйствительно, если государство, являющееся его субъектомъ, недвусмысленно намѣрено подчинить своей власти и пользоваться тѣмъ пространствомъ, которое открыто, занято и присоединено къ его территоріи. Внѣшнимъ образомъ такое намѣреніе (animus possidendi) выражается водруженіемъ государственнаго флага или герба и иными символическими актами, но болѣе и лучше всего фактическимъ занятіемъ новооткрытой земли: установленіемъ въ ней правительственнаго порядка, посылкой войскъ, возведеніемъ укрѣпленій и т. п.

3) Объектомъ завладѣнія могутъ быть только никому не принадлежащія земли и области, обитаемыя варварскими племенами. Надо сознаться, что въ отношеніи послѣднихъ цивилизованныя государства, къ своему стыду, рѣдко когда дѣйствовали съ правдой и справедливостью, достойной образованныхъ и христіанскихъ народовъ. Какъ свидѣтельствуетъ исторія колонизаціи Южной и Сѣверной Америки, европейскія правительства, въ большинствѣ случаевъ, были убѣждены, что стоитъ только какому-нибудь искателю приключеній прибыть въ страну, населенную дикарями, чтобъ ipso facto она перешла въ „собственность" государства, отъ имени котораго это лицо заблагоразсудитъ дѣйствовать. Исключеніе составляетъ Вашингтонское правительство, которое, какъ мы уже говорили, обыкновенно вознаграждаетъ тѣхъ Индѣйцевъ, земли которыхъ отходятъ къ территоріи Штатовъ и которыя такимъ образомъ лишаются своей безспорной собственности [1]).

[1]) Dana's Wheaton. Elements, note 24 (p. 69). Bluntschli. Völkerrecht § 280.

4) Предѣлы завладѣнія опредѣляются фактическою возможностью для правительства поддерживать свой авторитетъ на занятомъ пространствѣ. Гдѣ не проявляется власти государства, тамъ нѣтъ завладѣнія, ибо оккупація обязательна, насколько дѣйствительна. Какіе признаки доказываютъ дѣйствіе государственной власти — это вопросъ, разрѣшаемый для каждаго отдѣльнаго случая согласно съ мѣстными условіями и тѣми средствами, которыя находятся въ данное время въ рукахъ оккупанта [1]).

Нельзя поэтому выставить, какъ дѣлаетъ это Блюнчли, общее начало, что оккупантъ въ правѣ считать своими владѣніями не только дѣйствительно занятые имъ пункты, но и всѣ земли, которыя вмѣстѣ съ этими пунктами, „по самой природѣ", составляютъ одно органическое цѣлое. Такъ напр. государство, завладѣвшее только устьемъ рѣки, овладѣваетъ, по мнѣнію Блюнчли, и всѣмъ ея теченіемъ [2]).

Факты, однако, могутъ противорѣчить этому утвержденію и въ такомъ случаѣ то, что выдается за безусловное правило, не найдетъ никакого примѣненія: только дѣйствительное завладѣніе создаетъ для оккупанта извѣстныя права и налагаетъ на другія государства соотвѣтственныя обязанности.

5) Держава, занимающая какую-нибудь область съ цѣлью завладѣнія, обязана довести объ этомъ дипломатическимъ путемъ до свѣдѣнія другихъ государствъ. Въ этомъ актѣ объявленія (acte de notification) должны быть приблизительно обозначены границы завладѣваемой области.

Эти правила подтверждаются различными примѣрами изъ исторіи международныхъ отношеній. Таковыми могутъ служить: 1) споръ между Испаніей и Соединенными Штатами относительно Луизіаны [3]); 2) споръ между Англіей и Соединенными Штатами изъ за Оррегонской территоріи; онъ окончился въ 1846 г. заключеніемъ конвенціи [4]); 3) занятіе въ 1879 г. французскими войсками острова Матаконгъ на западномъ берегу Африки (Англія и Франція [5]); 4) споръ между Россіей съ одной стороны Англіей

[1]) Vattel Droit. des gens, liv. I, ch. XVII, § 208.
[2]) Bluntschli, § 282.
[3]) Phillimore. Commentaries, I, 278 etc.
[4]) Calvo. Droit international, I, § 217.
[5]) Journal de St. Pétersbourg du 1 avril 1879.

и Соединенными Штатами — съ другой, по поводу указа, изданнаго императоромъ Александромъ I, отъ 4-го (16-го) сентября 1821 г.[1]). На основаніи этого указа объявлялось русскою территоріей все пространство, порты и заливы по всему сѣверо-западному берегу Америки, начиная отъ Берингова пролива до 51° сѣверной широты, также и Алеутскіе и Курильскіе острова, начиная отъ Берингова пролива до южнаго мыса острова Урупа, т. е. до 45°50′ сѣверной широты (§ 1). Иностраннымъ судамъ воспрещалось даже приближаться къ этимъ русскимъ берегамъ на разстояніе менѣе 100 англійскихъ миль.

Этотъ указъ встрѣтилъ энергическій протестъ со стороны Вашингтонскаго и Англійскаго правительствъ, которыя доказывали, что распоряженіе Русскаго правительства нарушаетъ „всѣ общепризнанные принципы международныхъ законовъ и обычаевъ". Русское же правительство оправдывало указъ необходимостью охранять интересы Русско-Американской Компаніи и основывало его на „правѣ перваго открытія, перваго занятія и безпрерывнаго владѣнія" означенными островами и воднымъ пространствомъ. Но императоръ Александръ I, желая предупредить столкновеніе съ Соединенными Штатами, отдалъ русскимъ крейсерамъ приказаніе не удаляться слишкомъ въ море для преслѣдованія контрабандой торговли и подвоза оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ согласіе вступить въ переговоры по этому предмету.

Въ 1824 г. Россія отказалась отъ чрезмѣрныхъ своихъ притязаній и заключила конвенціи какъ съ Соединенными Штатами, такъ и съ Англіей, въ 1825 г., которыя существенно парализовали дѣйствіе указа 1821 г.[2]).

§ 91. 2. Производные способы пріобрѣтенія. Къ способамъ пріобрѣтенія международной собственности, называемымъ производными, принадлежатъ всѣ способы, посредствомъ которыхъ одно государство пріобрѣтаетъ отъ другого часть его территоріи, свободно или принужденно имъ уступаемую. Свободныя уступки территорій широко практиковались въ прежнія времена, когда монархи смотрѣли на государственныя владѣнія, какъ на свою вотчину. Отдача территорій въ даръ, обмѣнъ ихъ на другія владѣнія, продажа или назна-

[1]) П. С. З. № 28.747.

[2]) Изъ бумагъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящихся къ этому интересному дѣлу, заслуживаютъ особеннаго вниманія депеша гр. Нессельроде къ русскому посланнику въ Вашингтонѣ, г. Полетикѣ, и инструкція барону Тулу, назначенному для улаженія этого спора въ Вашингтонъ, отъ 27 іюня 1823 г.

ченіе въ приданое были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени. „Счастливые“ австрійскіе браки вошли даже въ пословицу. Въ современныхъ государствахъ, и конституціонныхъ и абсолютныхъ, государственная территорія не признается болѣе „собственностью“ государя: она есть нераздѣльная собственность всего народа и можетъ быть отчуждена не иначе, какъ на основаніи закона. Въ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія для уступки владѣній необходимо согласіе палатъ.

Общій признакъ всѣхъ производныхъ способовъ пріобрѣтенія заключается въ договорѣ, взаимномъ соглашеніи между государствами пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ извѣстную территорію. Къ производнымъ способамъ относятся: покупка, добровольная уступка и пріобрѣтенія по праву завоеванія.

a) Купля-продажа. Въ настоящее время она является способомъ пріобрѣтенія совершенно исключительнымъ и рѣдко практикуемымъ въ международныхъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ она допустима только при одномъ условіи: чтобы покупка не распространялась на населеніе. Въ случаѣ продажи территоріи, жители, ее населяющіе, получаютъ право выселиться изъ нея въ теченіе опредѣленнаго срока.

Примѣрами покупокъ территоріи, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время, служатъ: пріобрѣтеніе С.-А. Соединенными Штатами русско-американскихъ владѣній, проданныхъ Россіей за 7.200,000 долларовъ, и покупка ими же, въ 1868 г., датскихъ острововъ Св. Ѳомы и Св. Іоанна (за 7.500,000 дол.). Послѣдняя покупка до сихъ поръ не утверждена Вашингтонскимъ Сенатомъ [1]).

b) Добровольная уступка и обмѣнъ. Они также рѣдко случаются въ настоящее время. Въ 1863 г. Греческое королевство пріобрѣло такимъ образомъ отъ Англіи Іоническіе острова. Какъ на добровольную уступку можно отчасти смотрѣть и на передачу

[1]) Вашингтонское правительство, вопреки законамъ Соединенныхъ Штатовъ и началамъ международнаго права, не находило до сихъ поръ нужнымъ представить заключенную конвенцію къ ратификаціи со стороны сената. См. Parton. The Danish Islands: are we bound in honor to pay for them? (Boston, 1869). — The St. Thomas treaty. A series of letters to the Boston Daily Advertiser. (New-York, 1869).

Франціи въ 1860 г., согласно Туринской конвенціи, графствъ Ниццы и Савойи. На основаніи конвенціи 1890 г. островъ Гельголандъ былъ уступленъ Англіею Германіи въ обмѣнъ за приращеніе англійскихъ владѣній въ Африкѣ насчетъ Германіи[1]).

c) Завоеваніе (debellatio). Этотъ древнѣйшій способъ пріобрѣтенія до настоящаго времени остается наиболѣе часто примѣняемымъ. Для дѣйствительности передачи владѣнія, вынужденной завоеваніемъ, необходимы: 1) согласіе договаривающихся державъ, выраженное въ мирномъ трактатѣ; 2) фактическое завладѣніе уступленной областью, которое доказывается занятіемъ ея и подчиненіемъ управленію пріобрѣтающаго государства; наконецъ, 3) фактическая покорность населенія, живущаго въ передаваемой мѣстности.

Въ послѣднее время это третье условіе толковалось въ томъ смыслѣ, что для законности уступки и присоединенія, основанныхъ на завоеваніи или требуемыхъ какими-либо другими обстоятельствами и соображеніями, необходимо формальное согласіе народонаселенія отчуждаемой территоріи (плебисцитъ). Безпристрастная оцѣнка доводовъ, которые были приведены какъ въ защиту, такъ и въ опроверженіе этого мнѣнія, убѣждаетъ, однако, въ полной юридической его несостоятельности[2]).

Необходимость плебисцита при уступкѣ и присоединеніи земель выставляется, прежде всего, какъ непреложное требованіе европейской цивилизаціи и прогресса международныхъ отношеній. Безвозвратно миновало то время— говорятъ защитники плебисцита—когда государи произвольно распоряжались достояніемъ народовъ и своими подданными, когда ихъ личная воля была единственнымъ закономъ для государствъ. При настоящемъ уровнѣ образованности немыслимо, чтобъ населеніе какой-либо территоріи разсматривалось какъ стадо или какъ крѣпостные, которыхъ можно уступить другому государству вмѣстѣ съ ихъ землею, помимо ихъ воли и согласія. Если народъ свободно установляетъ форму своего правленія, если черезъ своихъ выборныхъ онъ при-

[1]) См. Archives diplomatiques, 1892, № 9.

[2]) Срав. Stoerk. Option und Plebiscit (Lpz. 1879). S. 39. ff.—Lieber. „De la valeur des plébiscites dans le droit international" (Revue de droit int., t. III, p. 139 et ss.).—Padelletti въ Revue de droit int., t. III, p. 464 et ss.—Mohl. Staatsrecht. Völkerrecht und Politik, Bd. I, S. 293. — Rolin Jaequemyns въ Revue de droit int., t. III, p. 172, 536.—Calvo. Droit int., I, § 220. — Funck-Brentano et Sorel. Précis, p. 335 et ss. Fusinato. Annessione (Estratto del Enciclopedia Giuridica). Torino, 1891.

нимаетъ участіе въ законодательствѣ и управленіи своей страны, то справедливо ли насиловать его свободу актомъ уступки, подчиняя его правительству, не имъ созданному, и законамъ, въ изданіи которыхъ онъ не участвовалъ? Избѣжать этой несправедливости можно только однимъ путемъ: предоставивъ самому населенію отчуждаемой области высказаться, желаетъ ли оно присоединенія къ чужому государству? Если большинство голосовъ отвѣтитъ отрицательно, такое присоединеніе не должно имѣть мѣста.

Факты изъ новѣйшей практики, повидимому, доказываютъ, что сами правительства настолько убѣждены въ справедливости только что приведенныхъ соображеній, что находили нужнымъ, при передачѣ владѣній, дѣйствительно обращаться къ плебисциту. На основаніи Туринской конвенціи 1860 г. населеніе Ниццы и Савойи всеобщимъ голосованіемъ выразило свое согласіе на переходъ подъ власть французскаго императора. Населеніе Іоническихъ островов, уступленныхъ въ 1863 г. Греческому королевству, также было спрошено о желаніи подчиниться этому государству. Наконецъ, въ 5 ст. Пражскаго мирнаго трактата 1866 г. постановлено условіе, что Пруссія не присоединитъ къ себѣ сѣверной части Шлезвига противъ воли ея населенія, выраженной плебисцитомъ.

Однако, ближайшее ознакомленіе съ обстоятельствами, при которыхъ были заключены подобнаго рода трактаты, дѣлаетъ очевиднымъ, что если государства соглашались на плебисцитъ, то или въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакого сомнѣнія въ его результатѣ, или когда вынуждались къ тому обстоятельствами.

Въ самомъ дѣлѣ, относительно Іоническихъ острововъ, состоявшихъ подъ опекой Англичанъ, было уже извѣстно до 1863 г., что они желаютъ соединенія съ Греціей; въ Ниццѣ же и Савойѣ, симпатіи которыхъ были на сторонѣ Италіи, заранѣе были приняты нужныя мѣры, чтобъ исходъ голосованія не оказался противнымъ присоединенію. Въ этихъ двухъ случаяхъ всеобщее голосованіе было или пустою формою, или комедіей, не дѣлавшей чести ни ея участникамъ, ни европейской цивилизаціи. Что касается пресловутой 5 ст. Пражскаго договора, то, навязанная Пруссіи посредничествомъ Наполеона III, она, какъ извѣстно, не получила исполненія, а въ 1878 г., по соглашенію съ Австріей, была и вовсе отмѣнена. Затѣмъ, ни во Франкфуртскомъ договорѣ 1871 г., ни въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 г. нѣтъ постановленій о плебисцитахъ, относящихся къ какой-либо изъ тѣхъ областей, которыя были присоединены къ Германіи, Россіи и другимъ государствамъ.

Такимъ образомъ факты не доказываютъ, чтобъ государства сознавали необходимость оправдывать плебисцитомъ свои территоріальныя пріобрѣтенія,

или чтобъ само это средство являлось надежною гарантіей, обезпечивающей народную свободу. Не выдерживаютъ критики и теоретическія соображенія, приводимыя въ его защиту. Съ точки зрѣнія права, всякій трактатъ, въ томъ числѣ и объ уступкѣ территоріи, разъ онъ заключенъ компетентною властью, обязателенъ для всего государства: это основной принципъ современнаго публичнаго права, и онъ не терпитъ никакихъ исключеній. Населеніе той части территоріи, которая присоединяется, на основаніи договора, къ другому государству, должно подчиниться своей судьбѣ, не имѣя никакого права противопоставлять свою волю рѣшенію государственной власти. Если же согласиться, что плебисцитъ есть необходимое условіе для уступки территоріи въ томъ случаѣ, когда она является послѣдствіемъ неудачной войны, то не значитъ ли это признать, что часть населенія въ правѣ своимъ „нѣтъ" компрометировать судьбу всего государства? Наконецъ, съ практической точки зрѣнія возникаетъ масса неразрѣшимыхъ недоумѣній относительно примѣненія плебисцита. Въ какихъ формахъ долженъ происходить плебисцитъ? Какъ устроить голосованіе? Что если населеніе уступленной области скажетъ „нѣтъ"?

Одно несомнѣнно: если воюющій знаетъ, что отъ свободнаго голосованія населенія зависитъ исходъ войны, то онъ заставитъ населеніе сказать „да"; онъ будетъ вести военныя дѣйствія не только противъ войскъ, но также мирнаго населенія, и силою принудитъ его согласиться на присоединеніе.

Намъ кажется, что соображенія эти должны убѣдить въ неосновательности мнѣнія о необходимости плебисцита въ международныхъ отношеніяхъ. Не имѣя за собой никакихъ юридическихъ основаній, онъ остается въ устахъ публицистовъ — фразой, а въ рукахъ политическихъ дѣятелей — мишурой, прикрывающей обыкновенно эгоистическія цѣли.

Въ международномъ правѣ существуетъ другое средство, могущее вполнѣ удовлетворить законныя чувства населенія присоединяемой области, именно — населенію, которое должно отойти къ другому государству, дается свобода въ теченіе опредѣленнаго срока сдѣлать выборъ (Option) между прежнимъ правительствомъ и новымъ. Уже въ XVII и XVIII ст. встрѣчаются примѣры предоставленія права такого выбора. Въ новѣйшее время оно вошло въ обычай[1]).

---

[1]) Срав. дѣльный трудъ Cogordan. La nationalité au point de vue des rapports internationaux (Paris, 1879), p. 293 et ss.

Такъ, на основаніи ст. 2 Франкфуртскаго мира, жителямъ Эльзаса и Лотарингіи, присоединенныхъ къ Германіи, дозволялось до 1-го окт. 1871 г. выселиться во Францію и остаться ея подданными. Въ трактатѣ Константинопольскомъ (1879 г.) жителямъ турецкихъ областей, отошедшихъ къ Россіи на основаніи Берлинскаго трактата, предоставленъ трехгодичный срокъ, со дня ратификаціи трактата (3 февр. 1879 г.), въ теченіи котораго они могутъ свободно удалиться отсюда, „продавая свои недвижимыя имущества" (ст. 7). Послѣднее ограниченіе, обыкновенно не встрѣчающееся въ другихъ мирныхъ трактатахъ новѣйшаго времени, справедливо назвать „устарѣлымъ условіемъ" (une clause surannée) [1]).

IV. О способахъ отчужденія и утраты территоріи.

§ 92. Въ принципѣ территоріальныя владѣнія составляютъ неотчуждаемую собственность государства. Но на практикѣ ни одинъ народъ не обезпеченъ отъ такихъ обстоятельствъ, когда онъ, добровольно или вынужденно, долженъ отказаться отъ части своихъ владѣній, или даже утратить всю свою территорію. На этомъ основаніи можно говорить о способахъ, которыми государства отчуждаютъ или теряютъ свою международную собственность.

Вообще всѣ производные способы пріобрѣтенія владѣній для одного государства суть способы потери для другого. Чаще всего государство утрачиваетъ свою собственность помимо своей воли. Къ случаямъ такой утраты относятся: завоеваніе и отложеніе части народонаселенія.

Напр., въ 1857 г. Невшатель отпалъ отъ Пруссіи и вошелъ въ составъ Швейцарскаго Союза; въ 1860 г. различныя итальянскія государства присоединились къ Сардиніи; Техасъ въ 1845 г. отошелъ къ С.-А. С. Штатамъ, несмотря на протестъ Мексики.

Гораздо рѣже встрѣчаются примѣры добровольнаго отказа со стороны государствъ отъ принадлежащихъ имъ владѣній. Мы уже приводили ихъ, говоря о производныхъ способахъ пріобрѣтенія. Сюда же слѣдуетъ отнести и добровольное оставленіе государствомъ на произволъ судьбы какой-либо своей области или острова, ихъ по-

---

[1]) Cogordan, loc. cit., p. 301.

кинутіе (derelictio). Оставленныя владѣнія считаются утраченными государствомъ и подлежатъ завладѣнію, какъ вещи никому непринадлежащія.

§ 93. Прибавленіе: положеніе Кипра и Босніи и Герцеговины. Островъ Кипръ и провинціи Боснія и Герцеговина входятъ номинально въ составъ Оттоманской имперіи, но на основаніи особыхъ трактатовъ заняты — первый Англіей, а вторыя — Австро-Венгріей. Такимъ образомъ юридическое положеніе этихъ земель представляется совершенно особеннымъ и небывалымъ въ исторіи международныхъ отношеній.

a. Кипръ. Въ 1878 г., іюня 4-го, между Англіей и Оттоманской имперіей былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ. Трактатъ этого союза гласитъ, что въ случаѣ присоединенія Россіей Батума, Ардагана и Карса, Англія соединитъ свои силы съ турецкими для защиты турецкихъ владѣній. „En échange“ султанъ обѣщаетъ Англіи ввести необходимыя реформы на пользу христіанскихъ своихъ подданныхъ и, сверхъ того, съ цѣлью поставить Англію въ возможность располагать необходимыми для исполненія ея обязательства средствами, соглашается назначить (désigner) островъ Кипръ „pour être occupée et administrée par elle (l'Angleterre)“.

Изъ этого постановленія видно, что островъ Кипръ былъ предоставленъ Англіи въ управленіе, прежде всего, какъ залогъ, что Турція исполнитъ свое обѣщаніе—ввести реформы въ христіанскихъ своихъ провинціяхъ, и, разумѣется, какъ средство, облегчающее Англіи возможность оказывать содѣйствіе Турціи въ случаѣ новой войны ея съ Россіей.

Согласно буквальному смыслу трактата, верховная власть надъ Кипромъ принадлежитъ султану; Англія же осуществляетъ ее фактически. Островъ находится подъ управленіемъ Англіи, которая поставлена въ положеніе полной его распорядительницы: она назначаетъ сюда своихъ чиновниковъ, собираетъ и расходуетъ подати и налоги съ мѣстнаго населенія и т. д. Сопоставляя фактическое владѣніе островомъ англійскаго правительства и юридическую власть надъ нимъ султана, нельзя не сказать, что подобное положеніе Кипра, съ точки зрѣнія и государственнаго, и международнаго права, чрезвычайное.

Во всякомъ случаѣ, изъ трактата, создавшаго для Кипра такое чрезвычайное положеніе, слѣдуетъ: 1) что островъ отданъ только въ управле-

ніе Англіи: законнымъ его государемъ долженъ считаться султанъ; 2) что онъ занятъ Англіей условно—до введенія обѣщанныхъ султаномъ реформъ: какъ только онѣ послѣдуютъ, островъ долженъ перейти опять въ управленіе турецкихъ властей; 3) что de jure онъ остается неразрывною составною частью Оттоманской имперіи, по отношенію къ которой англійскому правительству принадлежитъ роль только управляющаго—negotiorum gestor'a; 4) что поэтому всѣ трактаты, заключенные съ Турціей и дѣйствующіе въ ея предѣлахъ, обязательны для острова Кипра и, слѣдовательно, для Англіи, въ качествѣ управляющей островомъ. На этомъ основаніи она собственно должна признавать въ предѣлахъ Кипра и юрисдикцію иностранныхъ консуловъ, созданную капитуляціями европейскихъ державъ съ Турціей. Однако, заинтересованныя государства согласились на ея ограниченіе на островѣ, пока имъ управляетъ Англія. Наконецъ, 5) жители острова Кипра не англійскіе подданные, но турецкіе [1]). Поэтому, находясь въ другихъ провинціяхъ Турціи, внѣ территоріи острова, они безусловно подчиняются всѣмъ турецкимъ законамъ и въ частности не могутъ претендовать на юрисдикцію англійскихъ консуловъ, которою пользуются подданные англійской королевы.

b. **Боснія и Герцеговина.** Относительно этихъ областей Берлинскій трактатъ 1878 г. постановилъ (ст. 25), что онѣ „будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей“. Австро-венгерское правительство не желаетъ принять на себя управленіе Новобазарскимъ санджакомъ, и потому оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи попрежнему. Но для того, чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать

---

[1]) Saripolos. La législation anglaise dans l'île de Chypre (Revue de droit int., t. XII, p. 389 et ss.). Esperson. L'Angleterre et les capitulations dans l'île de Chypre. (Revue de droit int., t. X, p. 587 et ss.). Весьма правиленъ взглядъ Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen, S. 117 flg.

Примѣчаніе. Съ января 1879 г. существуетъ въ Никосси, на островѣ, верховный англійскій судъ, подъ предсѣдательствомъ верховнаго коммиссара, изъ коммиссара-судьи и коммиссаровъ-депутатовъ. Въ провинцію посылаются коммиссары-депутаты. Сверхъ того, въ верховномъ судѣ участвуютъ ассессоры. Этотъ судъ устранилъ консульскіе суды — но съ явнаго или молчаливаго согласія заинтересованныхъ европейскихъ державъ.

Для мусульманъ остались прежніе мусульманскіе суды. Но лордъ-коммиссаръ можетъ перенести всякое дѣло изъ мусульманскаго суда въ верховный судъ христіанскій

гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго Боснійскаго вилайета.

„Съ этой цѣлью правительства Австро-Венгріи и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ". Въ исполненіе этого послѣдняго пункта между Австро-Венгріей и Турціей была заключена конвенція 21-го апрѣля 1879 г., опредѣляющая точнымъ образомъ тѣ условія, на которыхъ „занятіе" австро-венгерское должно имѣть мѣсто.

Разсчитанное на прочное умиротвореніе Босніи и Герцеговины, но не на присоединеніе ихъ къ Австро-Венгріи, „занятіе", на которое далъ свое согласіе Берлинскій конгрессъ, поставило эти провинціи въ самое странное положеніе, не могущее быть подведеннымъ — какъ выражается Блюнчли—ни подъ какую извѣстную юридическую категорію [1]).

На основаніи обоихъ приведенныхъ актовъ, въ особенности послѣдняго (1879 г.), Боснія и Герцеговина поставлены въ слѣдующія условія:

1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что султанъ есть верховный владѣтель обѣихъ провинцій, оставшихся частью Оттоманской имперіи. Правда, въ данномъ случаѣ власть турецкаго падишаха представляется въ видѣ „nudum jus"; тѣмъ не менѣе, какъ право, ее отрицать нельзя, не извращая буквальнаго смысла заключенныхъ трактатовъ.

2) Берлинскій конгрессъ далъ Австро-Венгріи порученіе, признанное и Портою, „занимать и управлять" Боснію и Герцоговину неопредѣленное время. По духу актовъ Берлинскаго конгресса и конвенціи 1879 г. такое порученіе невозможно считать, однако, совершенно свободнымъ отъ всякихъ условій: Австро-Венгрія торжественно приняла на себя обязанность, въ виду своихъ пограничныхъ интересовъ, и въ особенности ради обезпеченія европейскаго мира, водворить порядокъ и спокойствіе въ занятыхъ областяхъ, поддерживать которые, какъ показалъ опытъ, было выше силъ турецкаго управленія. Отсюда слѣдуетъ, что австро-венгерское правительство должно доказать свою способность выполнить эту задачу; въ противномъ случаѣ не было бы никакого разумнаго и юридическаго основанія къ продолженію его оккупаціи. Должно надѣяться, что Австро-Венгрія исполнитъ свой долгъ.

3) Населеніе Босніи и Герцоговины состоитъ въ турецкомъ подданствѣ. Поэтому законъ 3-го ноября 1881 г., изданный австро-венгерскимъ правительствомъ о введеніи въ этихъ областяхъ воинской повинности и обра-

[1]) Bluntschli. Le Congrès de Berlin. (Revue de droit int., t. XIII, 1881), p. 585.

щающій Босняковъ и Герцеговинцевъ въ подданныхъ Австро-Венгріи, есть, безъ сомнѣнія, актъ, насилующій ихъ совѣсть и прямыя обязанности по отношенію къ султану, законному государю.

4) Обыватели Босніи и Герцеговины подчинены австро-венгерскимъ властямъ, пока остаются въ предѣлахъ этихъ провинцій: удалившись отсюда, они возвращаются въ законное состояніе турецкихъ подданныхъ, обязанныхъ подчиняться установленіямъ и законамъ Оттоманской имперіи.

Общій выводъ изъ этихъ положеній ясенъ самъ собою: Боснія и Герцеговина находятся въ положеніи невозможномъ юридически и не особенно способномъ умиротворить этотъ край; называвать его „оккупаціей", по меньшей мѣрѣ, странно [1]).

V. Ограниченія права территоріальности.

§ 94. Каждое независимое государство, въ принципѣ, имѣетъ неограниченное право собственности въ отношеніи своей территоріи. Отсюда слѣдуетъ, что государственная власть вольна распоряжаться своей международной собственностью и не только ею пользоваться, но и ограничивать ее разнаго рода обязательствами.

Право территоріальности можетъ быть ограничено установленіемъ ренты, лена и ипотеки, которыя практиковались особенно часто въ прежнее время [2]).

Пожизненныя ренты, уплачиваемыя изъ доходовъ казны, часто устанавливались въ старой Германской имперіи въ пользу различныхъ медіатизированныхъ и немедіатизированныхъ нѣмецкихъ князей. Такъ, рѣшеніемъ имперскаго сейма

[1]) Другого мнѣнія Neumann. L'empire austro-hongrois, la Bosnie et l'Herzégovine. (Revue de droit int., XI, 1879, p. 39 et ss). Въ ложности вышеизложеннаго воззрѣнія на положеніе Босніи и Герцеговины меня не убѣдилъ также Вѣнскій проф. Ламмашъ въ своей интересной, посвященной мнѣ, статьѣ: „Friedrich von Martens und der Berliner Vertrag" (Grünhut's Zeitschrift für Privat und öffentliches Recht., Bd. XI, S. 405 u. flg.). Срав. мѣткія замѣчанія Rivier въ Revue de droit int., t. XI, 1879, p. 144 et ss. Также Jellinek. Staatenverbindungen, S. 115 — 117 и Revue de droit int., t. XVI, p. 95. E. de Laveleye. La Bosnie et l'Herzégovine. Paris, 1886. Срав. еще Lingg. Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegowina. (Archiv für öffentl. Recht, 1890, S. 480 u. flg. Авторъ признаетъ обѣ провинціи австрійскими владѣніями (sic!!). Совершенно противоположнаго мнѣнія: Schneller. Die staatsrechtliche Stellung von Bosnien und der Herzegovina. Lpz. 1892.

[2]) Heffter. Völkerrecht, § 71. Calvo. Droit international, I, § 222 et ss.

и Соединенными Штатами — съ другой, по поводу указа, изданнаго императоромъ Александромъ I, отъ 4-го (16-го) сентября 1821 г.[1]). На основаніи этого указа объявлялось русскою территоріей все пространство, порты и заливы по всему сѣверо-западному берегу Америки, начиная отъ Берингова пролива до 51° сѣверной широты, также и Алеутскіе и Курильскіе острова, начиная отъ Берингова пролива до южнаго мыса острова Урупа, т. е. до 45°50′ сѣверной широты (§ 1). Иностраннымъ судамъ воспрещалось даже приближаться къ этимъ русскимъ берегамъ на разстояніе менѣе 100 англійскихъ миль.

Этотъ указъ встрѣтилъ энергическій протестъ со стороны Вашингтонскаго и Англійскаго правительствъ, которыя доказывали, что распоряженіе Русскаго правительства нарушаетъ „всѣ общепризнанные принципы международныхъ законовъ и обычаевъ“. Русское же правительство оправдывало указъ необходимостью охранять интересы Русско-Американской Компаніи и основывало его на „правѣ перваго открытія, перваго занятія и безпрерывнаго владѣнія“ означенными островами и воднымъ пространствомъ. Но императоръ Александръ I, желая предупредить столкновеніе съ Соединенными Штатами, отдалъ русскимъ крейсерамъ приказаніе не удаляться слишкомъ въ море для преслѣдованія контрабандой торговли и подвоза оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ согласіе вступить въ переговоры по этому предмету.

Въ 1824 г. Россія отказалась отъ чрезмѣрныхъ своихъ притязаній и заключила конвенціи какъ съ Соединенными Штатами, такъ и съ Англіей, въ 1825 г., которыя существенно парализовали дѣйствіе указа 1821 г.[2]).

§ 91. 2. Производные способы пріобрѣтенія. Къ способамъ пріобрѣтенія международной собственности, называемымъ производными, принадлежатъ всѣ способы, посредствомъ которыхъ одно государство пріобрѣтаетъ отъ другого часть его территоріи, свободно или принужденно имъ уступаемую. Свободныя уступки территорій широко практиковались въ прежнія времена, когда монархи смотрѣли на государственныя владѣнія, какъ на свою вотчину. Отдача территорій въ даръ, обмѣнъ ихъ на другія владѣнія, продажа или назна-

[1]) П. С. З. № 28.747.

[2]) Изъ бумагъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящихся къ этому интересному дѣлу, заслуживаютъ особеннаго вниманія депеша гр. Нессельроде къ русскому посланнику въ Вашингтонѣ, г. Полетикѣ, и инструкція барону Туплу, назначенному для улаженія этого спора въ Вашингтонъ, отъ 27 іюня 1823 г.

ченіе въ приданое были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени. „Счастливые“ австрійскіе браки вошли даже въ пословицу. Въ современныхъ государствахъ, и конституціонныхъ и абсолютныхъ, государственная территорія не признается болѣе „собственностью“ государя: она есть нераздѣльная собственность всего народа и можетъ быть отчуждена не иначе, какъ на основаніи закона. Въ государствахъ съ представительнымъ образомъ правленія для уступки владѣній необходимо согласіе палатъ.

Общій признакъ всѣхъ производныхъ способовъ пріобрѣтенія заключается въ договорѣ, взаимномъ соглашеніи между государствами пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ извѣстную территорію. Къ производнымъ способамъ относятся: покупка, добровольная уступка и пріобрѣтенія по праву завоеванія.

a) Купля-продажа. Въ настоящее время она является способомъ пріобрѣтенія совершенно исключительнымъ и рѣдко практикуемымъ въ международныхъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ она допустима только при одномъ условіи: чтобы покупка не распространялась на населеніе. Въ случаѣ продажи территоріи, жители, ее населяющіе, получаютъ право выселиться изъ нея въ теченіе опредѣленнаго срока.

Примѣрами покупокъ территоріи, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время, служатъ: пріобрѣтеніе С.-А. Соединенными Штатами русско-американскихъ владѣній, проданныхъ Россіей за 7.200,000 долларовъ, и покупка ими же, въ 1868 г., датскихъ острововъ Св. Ѳомы и Св. Іоанна (за 7.500,000 дол.). Послѣдняя покупка до сихъ поръ не утверждена Вашингтонскимъ Сенатомъ [1]).

b) Добровольная уступка и обмѣнъ. Они также рѣдко случаются въ настоящее время. Въ 1863 г. Греческое королевство пріобрѣло такимъ образомъ отъ Англіи Іоническіе острова. Какъ на добровольную уступку можно отчасти смотрѣть и на передачу

---

[1]) Вашингтонское правительство, вопреки законамъ Соединенныхъ Штатовъ и началамъ международнаго права, не находило до сихъ поръ нужнымъ представить заключенную конвенцію къ ратификаціи со стороны сената. См. Parton. The Danish Islands: are we bound in honor to pay for them? (Boston, 1869). — The St. Thomas treaty. A series of letters to the Boston Daily Advertiser. (New-York, 1869).

тельно международную собственность, сервитуты международные всѣ реальнаго характера. Личные сервитуты, которые допускаетъ Филлиморъ, не имѣютъ смысла въ области международныхъ отношеній, потому что государство само, какъ юридическая личность, не можетъ быть объектомъ сервитутнаго права [1]).

По своему происхожденію международныя договорныя повинности бываютъ двоякаго рода: основаніемъ ихъ можетъ служить или формальное согласіе государства, вынужденное или добровольное, т. е. трактатъ; или же незапамятная давность, т. е. молчаливое признаніе государствомъ даннаго сервитута. Прекращаются онѣ также различнымъ образомъ: по взаимному соглашенію заинтересованныхъ державъ; вслѣдствіе односторонняго отказа пользоваться сервитутомъ — формальнаго или молчаливаго; наконецъ, уничтоженіемъ самаго предмета повинности. Съ переходомъ территоріальныхъ владѣній къ новому государству, лежащія на нихъ повинности не прекращаются, но падаютъ на новаго владѣльца, если только онъ не былъ ихъ субъектомъ.

Какъ jura in re aliena, международныя повинности, по общему правилу, распространяющемуся на всѣ безъ исключенія подобнаго рода права, должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ. Сервитутъ не можетъ уничтожить независимости государства. Вообще можно сказать, что только тѣ сервитуты имѣютъ разумное основаніе, которые вызваны общностью экономическихъ или политическихъ интересовъ государствъ. Такія мѣры, какъ устройство станцій желѣзныхъ дорогъ на чужой территоріи, или запрещеніе прохода чрезъ Дарданеллы и Босфоръ военныхъ судовъ всѣхъ націй, оправдываются международнымъ общеніемъ. Для лучшаго уясненія сущности и объема международныхъ сервитутовъ, мы приводимъ ниже различные примѣры ихъ, сгруппированные по видамъ тѣхъ правъ, на ограниченіе которыхъ — отрицательное и положительное — они направлены.

§ 95. а. Отрицательныя международныя повинности. Содержаніемъ отрицательныхъ международныхъ сервитутовъ являются

[1]) Phillimore. Commentaries, t. I, p. 331.

обязательства государства не пользоваться тѣми или другими изъ принадлежащихъ ему территоріальныхъ правъ. Примѣрами такихъ ограниченій, принимаемыхъ на себя государствомъ по договору, могутъ служить нижеслѣдующія.

1) Ограниченіе права государства увеличивать свыше опредѣленнаго числа свою армію, строить крѣпости и содержать военныя суда.

Обязательства этого рода неоднократно налагались на государства. На основаніи Утрехтскаго трактата 1713 г. (ст. 10) Франція обязалась не возводить вновь укрѣпленій Дюнкирхена, которыя были срыты. Россія и Турція, согласно Парижскому трактату 1856 г. (ст. 11, 13 и 14), обязались уничтожить укрѣпленія и не возводить новыя по берегамъ Чернаго моря, равно какъ не содержать на этомъ морѣ военный флотъ. Въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 г. имѣется цѣлый рядъ статей, ограничивающихъ въ разсматриваемомъ отношеніи права государствъ. Въ ст. 52 читаемъ: „Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которой признается обще-европейскій интересъ, высокія договаривающіяся стороны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ-Воротъ до ея устья будутъ срыты и новыхъ возводимо не будетъ". — На основаніи 11 ст., княжество Болгарское должно срыть у себя старыя крѣпости и не сооружать новыхъ. Относительно Черногоріи постановлено, что она не должна воздвигать никакихъ укрѣпленій на рѣкѣ Боянѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя необходимы для мѣстной защиты Скутарской крѣпости. Антивари закрытъ для военныхъ судовъ. Черногорія лишена права имѣть военный флотъ или военныя суда. Укрѣпленія между озерами и прибрежьемъ на черногорской территоріи будутъ срыты и новыя не будутъ возводимы (ст. 29).

Одна изъ статей Берлинскаго трактата, именно 59, касающаяся Россіи, возбуждаетъ сомнѣнія. Она гласитъ, что Е. В. Императоръ Всероссійскій намѣренъ сдѣлать Батумъ „порто-франко, по преимуществу коммерческимъ". Въ виду такого постановленія имѣетъ ли Россія право возводить морскія укрѣпленія для защиты Батума? Принимая во вниманіе протоколы Берлинскаго конгресса, разъясняющіе обстоятельства, при которыхъ послѣдовало объявленіе Батума порто-франко, можно сказать только одно: портъ этотъ не долженъ быть обращенъ въ военную гавань и лишенъ значенія свободнаго порта. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобъ Батумъ не могъ быть охраняемъ русской вооруженной силой, какъ охраняется всякая другая область, входящая въ составъ Россіи. Необходимо, кромѣ того, не упускать

изъ вида, что ст. 59 Берлинскаго трактата только повторяетъ сдѣланное на конгрессѣ добровольное заявленіе русскаго Государя,—заявленіе, въ которомъ не было никакихъ оговорокъ относительно территоріальныхъ правъ Россіи надъ портомъ. Права эти всегда предполагаются за государствомъ, и такъ какъ въ настоящемъ случаѣ формальнаго отреченія отъ нихъ со стороны компетентной власти не послѣдовало, очевидно, они были сохранены за собой правительствомъ русскимъ и продолжали существовать въ полной силѣ.

Впрочемъ, извѣстно, что Высочайшимъ указомъ отъ 23 іюня 1886 г. на имя министра финансовъ Государь Императоръ объявилъ, что въ виду неудобствъ, вызванныхъ существованіемъ порто-франко въ Батумѣ, порто-франко отмѣняется. Это распоряженіе вызвало серьезное возраженіе только со стороны Англіи. Но въ настоящее время ст. 59 Берлинскаго трактата отмѣнена [1]).

2) Обязательство государства ограничивать свое неотъемлемое право юрисдикціи въ отношеніи иностранцевъ.

Примѣры такихъ обязательствъ представляютъ договоры европейскихъ государствъ съ восточными. Въ силу капитуляцій, заключенныхъ съ Турціей, Японіей, Китаемъ, Персіей и другими азіятскими странами, подданные европейскихъ державъ, находясь въ этихъ земляхъ, подчиняются не мѣстному суду, но своимъ консуламъ, которые руководствуются отечественными законами. Договоры Россіи съ Китаемъ—Тьянцзинскій 1859 г. (ст. 7), Пекинскій 1860 г. (ст. 8)—толкуютъ въ томъ смыслѣ, что они налагаютъ подобнаго же рода повинность на наше отечество въ отношеніи подданныхъ Поднебесной имперіи: Китайцы, совершившіе преступленіе на русской территоріи должны быть, будто-бы, препровождаемы на китайскую границу и выданы, для суда надъ ними, китайскимъ властямъ. Но обстоятельства и условія, въ виду которыхъ были заключены названные договоры, заставляютъ отрицать существованіе подобной повинности, нынѣ положительно отмѣненной указомъ 8 іюня 1882 г.

3) Ограниченіе государственной власти въ отношеніи какой-либо церкви или вѣроисповѣданія въ предѣлахъ территоріи.

Въ этомъ отношеніи представляется интереснымъ то положеніе, которое занимаютъ папа и Ватиканъ на итальянской территоріи. На основаніи закона о гарантіи, изданнаго въ Италіи 13 мая 1871 г., папа имѣетъ „почести суверена“ (ст. 3); дворецъ папы и всѣ помѣщенія, которыя занимаютъ лица служащія при папскомъ дворцѣ, пользуются правомъ экстерриторіальности; въ 7 ст. закона, между прочимъ, опредѣлено, что „никакое итальянское долж-

[1]) Срав. Rolin-Jacquemyns. Chronique du droit international (1885 — 1886). Revue de droit int. 1887, № 1.

ностное лицо не можетъ войти въ Ватиканъ“. Всѣ эти существенныя ограниченія территоріальныхъ правъ итальянскаго правительства вызваны, разумѣется, совершенно особеннымъ международнымъ значеніемъ, которое безспорно принадлежитъ первосвященнику римско-католической церкви, и желаніемъ, въ виду этого значенія, отклонить отъ итальянскаго королевства всякія нареканія въ стѣсненіяхъ папы [1]).

§ 96. в. Положительныя международныя повинности. Подъ международными сервитутами положительными понимаются обязательства государства дозволять (терпѣть) въ своихъ предѣлахъ различныя дѣйствія, совершаемыя чужой, обыкновенно сосѣдней государственной властью. Наиболѣе часто государства выговаривали въ свою пользу слѣдующія права, которыя они могли осуществлять на иностранной территоріи:

1) Право предпринимать въ предѣлахъ другого государства извѣстныя правительственныя дѣйствія, исполняемыя посредствомъ собственныхъ должностныхъ лицъ.

Сюда относится право государства преслѣдовать дезертировъ на чужой территоріи. Обыкновенно державы пользуются этимъ правомъ взаимно, опредѣляя ближайшія его условія въ договорахъ о выдачѣ преступниковъ. Такъ напр. въ картельной конвенціи, заключенной между Россіей и Австріей въ 1808 г., было постановлено (ст. 8), что отряды, посылаемые для преслѣдованія дезертировъ, должны остановиться на границѣ, и если дезертиръ скрылся за нею, могутъ отправить для его розыска „не болѣе одного или двухъ человѣкъ“ съ паспортами до ближайшаго мѣста, гдѣ эти люди обращаются къ начальству съ требованіемъ выслать команду для отысканія и задержанія бѣглеца [2]).

Иногда государства заключаютъ договоры даже о переходѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, своихъ войскъ на чужую территорію. Такой договоръ былъ заключенъ въ 1833 г. между Россіей и Австріей, въ виду борьбы, которую вели въ то время обѣ сосѣднія державы съ революціонерами въ польскихъ своихъ областяхъ. Въ трактатѣ опредѣлено (ст. 5), что если одной изъ договаривающихся державъ необходимо, для успѣха своихъ дѣйствій противъ мятеж-

[1]) Bluntschli. Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes. Nördlingen 1876, S. 9 u. ff. См. также Holtzendorff. Völkerrechtliche Erörterungen zum italienischen Garantiegesetz. (Jahrbuch für Gesetzgebung, IV, 1876, S. 303 ff.).

[2]) Мое „Собраніе трактатовъ“, т. III, стр. 15.

ныхъ Поляковъ, перевести свои войска на территорію другой державы, то такой переходъ, по ея требованію, будетъ ей дозволенъ [1]).

Къ числу правительственныхъ же дѣйствій, совершаемыхъ на чужой территоріи, принадлежитъ устройство въ иностранномъ государствѣ, по соглашенію съ нимъ и распоряженію заинтересованной державы, необходимыхъ для нея таможенныхъ станцій, пристаней, мостовъ, амбаровъ и т. п. сооруженій. Право подобныхъ построекъ выговорила себѣ, напр., Россія на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, въ предѣлахъ владѣній Хивы и Бухары (см. договоры 1873 г. съ Хивинскимъ ханомъ, ст. 6 и 7, и съ эмиромъ Бухарскимъ, ст. 4).

Государство можетъ простирать свою власть также на чужія территоріальныя воды. Въ подобномъ положеніи находились по отношенію къ Австро-Венгріи турецкія гавани Клекъ и Суторина, въ южной Далмаціи. Онѣ принадлежали прежде Рагузской республикѣ, которая уступила ихъ Турціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія обѣ гавани были заняты Французами и потомъ перешли подъ власть Австрійцевъ. Возвративъ ихъ опять Портѣ, Австрія оставила, однако, за собой власть надъ всею бухтою и прилегающимъ къ ней турецкимъ побережьемъ и содержала здѣсь стаціонера, который не пропускалъ къ турецкому берегу даже военныя суда, принадлежащія Туркамъ. Во время недавняго возстанія въ Албаніи турецкое правительство только послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ получило разрѣшеніе доставить свои войска къ мѣсту возстанія чрезъ Клекскую бухту [2]). Въ настоящее время слѣдуетъ считать Клекъ и Суторину австрійскими владѣніями.—На основаніи 29 ст. Берлинскаго трактата Австро-Венгрія имѣетъ полицейскій, морской и санитарный надзоръ также вдоль всего черногорскаго побережья.

2) Право государства пользоваться путями сообщенія въ другомъ государствѣ.

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о дружескихъ услугахъ или вѣжливости, оказываемой однимъ государствомъ другому, но о международномъ обязательствѣ, сервитутѣ проѣзда по чужой территоріи. Такъ напр. по Тильзитскому трактату 1807 г. (ст. 16) Пруссія обязалась не препятствовать военнымъ сообщеніямъ, имѣющимъ происходить чрезъ ея территорію между королевствомъ Саксонскимъ и Варшавскимъ герцогствомъ. По Франкфуртскому акту 1819 г. (Recès de Francfort) австрійскія, прусскія и баварскія войска

[1]) Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. I, стр. 457.

[2]) Attlmayer. Die Elemente des internationalen Seerechts und Sammlung von Verträgen. Wien, 1872, Bd. I, S. 113 ff.

получили право прохода (droit de passage) чрезъ владѣнія баденскія, гессенскія и ольденбургскія (ст. 6, 23, 32)[1]).

3) Право государства занять чужую территорію при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ или постоянное занятіе войсками чужой крѣпости или города.

Напримѣръ, Швейцарскій Союзъ, на основаніи Вѣнскаго трактата 1815 г. (ст. 92), можетъ временно занимать своими войсками провинціи Чіаблезе (Chablais) и Фосиньи (Faucigny). Обѣ эти провинціи были объявлены, наравнѣ съ Щвейцаріей, вѣчно нейтральными, и для обезпеченія ихъ неприкосновенности Вѣнскій конгрессъ опредѣлилъ, что въ случаѣ войны между сосѣдними съ Швейцаріей державами, войска Сардинскаго короля, которому принадлежали провинціи, должны изъ нихъ выступить и, если окажется нужнымъ, могутъ быть замѣнены швейцарскими войсками. Такъ какъ въ 1860 г. Чіаблезе и Фосиньи были присоединены къ Франціи, то сервитутъ, наложенный въ отношеніи ихъ на Сардинію, долженъ теперь исполняться Французской республикой.

Примѣромъ международной повинности, заключающейся въ постоянномъ занятіи чужими войсками крѣпости, можетъ служить оккупація Люксембурга прусскимъ гарнизономъ, продолжавшаяся до 1867 г., на томъ основаніи, что этотъ городъ, принадлежащій Нидерландскому королю, былъ объявленъ Актомъ Вѣнскаго конгресса 1815 г. (ст. 67) „въ военномъ отношеніи“ крѣпостью, принадлежащей Германскому Союзу[2]). Извѣстно, что великія державы на конференціи въ Лондонѣ въ 1867 г. постановили о срытіи укрѣпленій Люксембурга и провозгласили вѣчный его нейтралитетъ.

VI. Объ открытомъ морѣ.

§ 97. Въ настоящее время признается безспорной аксіомой положительнаго международнаго права, что открытое море совершенно свободно и что на немъ не можетъ господствовать ничья государственная власть, хотя бы фактически она и имѣла возможность предписывать здѣсь законы другимъ государствамъ. Изъ этого положенія слѣдуетъ, что всѣ находящіяся въ открытомъ морѣ суда подлежатъ исключительно власти того государства, подъ флагомъ котораго они

[1]) Martens et Cussy. Recueil manuel, t. III, p. 432 et ss.

[2]) Мое „Собраніе трактатовъ“, т. III, стр. 283, 284 и 298.

плаваютъ; отсюда вытекаютъ многія другія важныя юридическія правила какъ публичнаго, такъ и частнаго и уголовнаго международнаго права, которыя имѣютъ неоспоримо громадное значеніе для международныхъ морскихъ сношеній и оборотовъ.

На чемъ же основывается этотъ принципъ? Оправдывается онъ весьма различнымъ образомъ. Одни писатели говорятъ, что море, какъ стихія, не можетъ подчиняться чьей либо исключительной власти и по самымъ естественнымъ своимъ свойствамъ или природѣ есть общее достояніе всѣхъ народовъ. Другіе въ особенности указываютъ на невозможность въ открытомъ морѣ осѣдлости и точнаго опредѣленія границъ, раздѣляющихъ на немъ государства.

Но всѣ эти объясненія мало убѣдительны. При современномъ развитіи морскихъ вооруженныхъ силъ и техники обороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обширныя части морей и даже океановъ могутъ быть фактически заняты государствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и черта такого занятія, разъ оно совершилось, могла бы быть опредѣлена не менѣе точно, чѣмъ сухопутныя границы. Единственнымъ юридическимъ основаніемъ свободы открытаго моря слѣдуетъ признать ея необходимость для развитія международныхъ оборотовъ. Принципъ свободы моря вытекаетъ изъ общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ. Установила его не природа, но сознаніе всѣми народами, что море есть та естественная связь, которая всѣхъ ихъ соединяетъ, что отъ свободы его зависитъ ихъ благосостояніе, развитіе ихъ силъ, все положеніе ихъ, какъ членовъ международнаго общества. Вотъ почему посягательство на эту свободу есть посягательство на неотъемлемыя права народовъ, есть преступленіе противъ всѣхъ государствъ, и общій ихъ отпоръ такому правонарушенію совершенно законенъ [1]).

---

[1]) Срав. Gessner. Le droit des neutres sur mer, p. 15 et ss. Perels. Das internationale Seerecht, § 4.—Hautefeuille. Des droits et des devoirs des nations neutres en temps de guerre maritime (2 éd . 1858), t. I, p. 34 et ss. Ortolan. Règles internationales et diplomatie de la mer (1864), t. I, p. 105 et ss. Bluntschli. Völkerrecht, § 304 ff.—Heffter. Völkerrecht, § 74 ff.—Phillimore. Commentaries, I, § 196.—Hall's Int. Law, p. 115 etc. Nys. Les origines du droit international, p. 379 et suiv.

Начало: „море свободно", общепризнанное въ настоящее время, расходится съ тѣми возрѣніями на открытое море, которыя господствовали прежде въ законахъ и практикѣ морскихъ государствъ. Несмотря на то, что уже римское право отрицало возможность права собственности въ отношеніи открытаго моря, [1]) все-таки какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новое время до XVII ст. не было недостатка въ претензіяхъ на исключительную собственность въ открытыхъ моряхъ и цѣлыхъ океанахъ. Объявивъ то или другое море подъ своею властью, государства преслѣдовали и захватывали иностранные корабли, плававшіе въ его предѣлахъ, требовали отъ нихъ морскихъ салютовъ въ знакъ подчиненія, облагали ихъ пошлиной и подчиняли своей юрисдикціи. Такія притязанія заявляли: Венеціанская республика на Адріатическое море; Генуя—на Лигурійское; Португалія на Индійскій океанъ и часть Атлантическаго къ югу отъ Марокко; Испанцы—на Мексиканскій заливъ и Тихій океанъ; Англичане на моря, окружающія Соединенное Англійское королевство, и на Сѣверное море; Данія и Швеція на Балтійское море; наконецъ, Турція на Черное море. Трудно было разрѣшить на основаніи какого-либо общаго безспорнаго начала тѣ пререканія государствъ, которыя возникали изъ этихъ притязаній, и нѣтъ ничего удивительнаго, что единственнымъ ихъ судьей былъ признанъ папа, который и присуждалъ моря и части океановъ, кому и какъ находилъ нужнымъ.

Съ XVII ст. во взглядахъ на открытое море постепенно происходитъ перемѣна. Претензіи отдѣльныхъ народовъ на монополію морской торговли и судоходства мало по малу были оставлены, встрѣтивъ живую критику со стороны различныхъ писателей и, наконецъ, отпоръ самихъ государствъ. Однимъ изъ первыхъ поборниковъ свободы моря выступилъ Гуго Гроцій въ своемъ сочиненіи „Mare liberum", изданномъ въ 1609 г. Противоположныя возрѣнія защищалъ англичанинъ Джонъ Сельденъ, опровергавшій Гроція въ разсужденіи, озаглавленномъ: „Mare clausum" (1635 г.).

Современные юристы и законодательства единогласно признаютъ, что открытое море свободно, и ни одинъ народъ не можетъ считать его своею собственностью. Въ настоящее время не только океаны, но и части ихъ, соединенныя съ открытымъ моремъ, признаются свободными и общедоступными, хотя бы онѣ были окружены владѣніями одного государства. Нѣкоторыя ограниченія этого принципа, допус-

[1]) См. I. 2 § 1 Dig. de div. rerl: „Et quidem naturali jure omnium communia sunt illa: ar, aqua profluens et mar. et per hoc litora maris".

каемыя на практикѣ, оправдываются лишь требованіями безопасности прибрежной страны.

Поэтому съ современной точки зрѣнія нельзя расширять территоріальную власть государства надъ прилегающими къ нему морями до предѣловъ, которые уничтожали бы свойственный имъ характеръ открытыхъ морей. Съ этой точки зрѣнія не имѣли основанія претензіи Швеціи на собственность въ Балтійскомъ морѣ, которое, находясь въ соединеніи съ океаномъ, должно всегда оставаться свободнымъ для всѣхъ государствъ [1]). Не болѣе основательны были и притязанія Порты на Мраморное море и Черное, даже когда оно было окружено владѣніями Турокъ. Тоже самое надо сказать о домогательствахъ Венеціанцевъ въ отношеніи Адріатическаго моря, Англіи—на окружающія ее моря (Narrow-Seas) и др. Въ отличіе отъ этихъ морей, Азовское море, хотя и соединяется съ Чернымъ и Средиземнымъ морями, скорѣе закрытое море, нежели свободное: во 1-хъ, связь его съ океаномъ весьма отдаленная; въ 2-хъ, оно не только окружено со всѣхъ сторонъ владѣніями Россіи, но и входъ въ него находится подъ русскими пушками; наконецъ, въ 3-хъ, по своей величинѣ оно должно считаться собственно заливомъ, а не моремъ.

Напротивъ, Карское море нельзя признать русскимъ. Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, защищающіе противоположное мнѣніе, ссылаются въ подкрѣпленіе своего взгляда на географическое положеніе этого моря, на тѣ климатическія условія, въ которыхъ оно находится, наконецъ, на историческія данныя. Разсмотримъ эти доводы въ отдѣльности. Что касается географическаго положенія, то одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ, что Карское море непосредственно связано съ Сѣвернымъ океаномъ и совершенно открыто для доступа судовъ. Если затѣмъ говорятъ, что Карское море въ продолженіи 9-ти мѣсяцевъ покрыто льдомъ, который составляетъ какъ бы продолженіе русской территоріи, то на это можно возразить, что ледъ никѣмъ еще не приравнивался къ сушѣ и, кромѣ того, свобода Карскаго моря можетъ интересовать другія государства, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія судоходства на немъ, а оно бываетъ возможно только въ тѣ 3 мѣсяца, когда это море свободно ото льда.

[1]) Phillimore. Commentaries, I, § 179. — Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens, t. I, p. 205 et ss.—Perels. Internationales Seerecht, S. 36.

Неубѣдителенъ наконецъ и тотъ доводъ, что уже царь Михаилъ Ѳеодоровичъ издалъ въ 1620 году указъ, касавшійся рыболовства на Карскомъ морѣ, и что этотъ указъ не встрѣтилъ никакихъ возраженій со стороны западныхъ державъ. Очевидно, при этомъ забываютъ, что въ то время ни Россія, ни тѣмъ болѣе Карское море нисколько не интересовали европейскія государства, которыя поэтому едва ли и знали о существованіи московскаго указа. Впрочемъ, вопросъ о принадлежности Карскаго моря Россіи, надо полагать, и до нынѣ мало занимаетъ европейскія государства, потому что распоряженія объ этомъ морѣ, изданныя русскимъ правительствомъ въ 1833 и въ 1869 г., не вызвали ни съ чьей стороны протеста. На этомъ основаніи—и только на этомъ—можно утверждать, что Карское море фактически до сихъ поръ принадлежитъ Россіи, но съ юридической точки зрѣнія оно открытое и свободное море.

Въ совершенно другомъ сравнительно съ открытыми морями положеніи находятся тѣ моря, которыя не только окружены территоріальными владѣніями одного и того же государства, но и не имѣютъ никакой связи съ океанами. Это—закрытыя моря: они состоятъ подъ властью того государства, въ предѣлахъ котораго лежатъ.

На этомъ основаніи Мертвое море въ Азіи принадлежитъ Оттоманской имперіи, владѣніями которой окружено. Каспійское море также закрытое, и хотя оно омываетъ берега, принадлежащіе Россіи и Персіи, но должно считаться русскимъ, такъ какъ въ Туркменчайскомъ договорѣ съ Россіей (1828 г.) персидскій шахъ, изъ особеннаго уваженія къ Русскому императору, согласился (ст. 8) предоставить ему на вѣчныя времена исключительное право содержать на Каспійскомъ морѣ военныя суда, и „никакая другая держава не можетъ имѣть на немъ судовъ военныхъ". Согласно съ этимъ Каспійское море подчиняется исключительно русскимъ законамъ и властямъ.

§ 98. Изъ принципа свободы открытыхъ морей вытекаютъ весьма важныя юридическія и практическія послѣдствія. Открытыя моря свободны для судоходства и сообщеній всѣхъ народовъ. Равнымъ образомъ ни одному народу не можетъ быть воспрещено въ открытомъ морѣ заниматься рыболовствомъ и другими мирными промыслами. Затѣмъ, если всѣ народы имѣютъ одинаковое право пользоваться открытымъ моремъ, то отсюда слѣдуетъ, что никакое государство не должно подчинять другія своимъ законамъ относительно

условій и предѣловъ этого пользованія, ни подвергать суду иностранныхъ мореходцевъ или задерживать и осматривать плавающіе въ открытомъ морѣ чужіе корабли. Всѣ суда, находящіяся въ открытомъ морѣ, подлежатъ юрисдикціи исключительно своихъ государствъ, Корабли и въ особенности военные суда и флоты разсматриваются въ открытомъ морѣ, какъ оторванныя части государственной территоріи; отсюда, однако, ошибочно выводятъ не только право судна на мѣсто имъ занимаемое въ водѣ, но также на пространство моря его окружающее на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Такой выводъ ничѣмъ не оправдывается[1]). — Государства отвѣчаютъ за дѣйствія своихъ подданныхъ, совершенныя въ открытомъ морѣ. Въ виду этого каждое государство обязано принять всѣ мѣры къ тому, чтобы морскія сношенія, рыболовство и иные промыслы, производимые на морѣ, велись его подданными правильнымъ и безобиднымъ для другихъ народовъ образомъ. И такъ какъ, съ другой стороны, въ развитіи морскихъ оборотовъ равно заинтересованы всѣ государства, то общія соглашенія ихъ относительно мѣръ къ поддержанію порядка въ открытомъ морѣ, облегченію судоходства и устраненію различнаго рода препятствій, его стѣсняющихъ, представляются столько же желательными, сколько и необходимыми по самому существу морскихъ международныхъ сношеній. Поэтому то морскіе законы и трактаты о мореплаваніи разныхъ образованныхъ народовъ отличаются такимъ сходствомъ между собой. Относящіяся сюда законодательныя и договорныя постановленія будутъ приведены въ особенной части.

VII. О береговомъ или территоріальномъ морѣ.

§ 99. Подъ береговымъ или территоріальнымъ моремъ вообще разумѣется та часть моря, которая омываетъ владѣнія прибрежнаго государства. Она признается собственностью этого государства, считается продолженіемъ прибрежной территоріи и подлежитъ

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 318. — Phillimore. Commentaries, t. I, p. 241.—Perels. Seerecht. S. 47 ff.

его власти. Необходимость такого признанія сознавалась издавна и можетъ быть оправдана многими разумными соображеніями.

Прежде всего, собственная безопасность государства требуетъ, чтобы оно принимало въ открытомъ морѣ, на извѣстномъ разстояніи отъ берега, всѣ мѣры, могущія предупредить внезапныя нападенія на него извнѣ и служить ему защитой во время войны. Располагая властью надъ территоріальнымъ моремъ, государство получаетъ также возможность отправлять необходимый для него полицейскій и санитарный надзоръ надъ судами.

Далѣе, господство въ прибрежныхъ водахъ даетъ государству средства успѣшно бороться съ контрабандной торговлей и удовлетворять свои фискальные интересы. Для жителей морскаго берега исключительная власть прибрежнаго государства обезпечиваетъ возможность существованія рыболовствомъ. Наконецъ, порядокъ и безопасность самыхъ торговыхъ оборотовъ, производимыхъ иностранцами морскимъ путемъ, вполнѣ оправдываютъ допущеніе власти государства на прибрежной полосѣ моря: въ прежнее время государства, съ помощью этой власти, могли охранять береговое море и вообще морскія сообщенія отъ пиратовъ, которые безнаказанно совершали разбои, оставаясь въ открытомъ морѣ [1]).

Въ силу господства надъ береговымъ или территоріальнымъ моремъ, государство подчиняетъ своимъ законамъ, своему суду и распоряженіямъ все, что находится и что совершается въ предѣлахъ этого моря. Всѣ таможенныя и полицейскія мѣры, имъ установленныя, обязательны для иностранцевъ, пребывающихъ въ этой чертѣ. Преступленія, совершенныя ими въ портахъ государства, преслѣдуются и наказываются по его законамъ. Всѣ сдѣлки, въ которыя они вступаютъ между собой или съ туземными подданными во время пребыванія въ водахъ государства, вѣдаются по принципу мѣстнымъ судомъ. Словомъ, для этихъ лицъ и для ихъ юридическихъ отношеній законъ прибрежнаго государства столь же обязателенъ,

---

[1]) Срав. Hautefeuille. Des droits et des devoirs des nations neutres, t. I, p. 232 et ss.

какъ обязателенъ вообще территоріальный законъ для всѣхъ иностранцевъ, которые находятся на чужой территоріи.

Въ виду широкихъ правъ, которыми пользуется государство въ отношеніи территоріальнаго моря, чрезвычайно важно опредѣлить, на какое разстояніе оно простирается. Гдѣ оканчивается власть прибрежнаго государства и начинается открытое море? Понятно само собой, что съ увеличеніемъ протяженія береговаго моря въ той же мѣрѣ съуживается открытое море и стѣсняется свободное мореходство. Между тѣмъ, насколько свобода открытаго моря составляетъ общій интересъ для всѣхъ государствъ, настолько же отдѣльныя государства бываютъ заинтересованы въ возможно большемъ расширеніи своего береговаго моря. Чѣмъ шире его границы, тѣмъ лучше обезпечены доходы казны, тѣмъ прибыльнѣе для подданныхъ занятіе морскими промыслами, къ которымъ, въ береговыхъ водахъ, иностранцы обыкновенно не допускаются. Вотъ почему и до настоящаго времени нѣкоторыя государства объявляютъ береговыми морями такія пространства, которыя въ дѣйствительности переходятъ уже въ открытое море и этимъ нарушаютъ его свободу.

Примѣромъ чрезмѣрныхъ въ этомъ отношеніи притязаній можетъ служить приведенный уже выше (стр. 356) указъ Императора Александра I отъ 4-го (16-го) сент. 1821 г. Указъ гласилъ, что все пространство моря отъ Берингова пролива до 54° сѣв. широты, на разстояніи 100 ит. миль отъ Азіатскаго и Американскаго материка, признается русскимъ моремъ, и иностраннымъ судамъ, подъ страхомъ конфискаціи, запрещалось заниматься на этомъ пространствѣ рыболовствомъ. Встрѣтивъ рѣшительный протестъ со стороны С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, Александръ I долженъ былъ согласиться на измѣненіе своего указа. Впрочемъ, русское правительство также въ прошломъ столѣтіи высказывало такое пониманіе границъ береговаго моря, которое не оправдывается ни международными обычаями, ни теоріею международнаго права. Такъ, 26 января 1779 г. Адмиралтействъ-Коллегіи былъ данъ указъ устроить крейсерство двухъ военныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ въ Сѣверномъ морѣ „отъ Бѣлаго моря до Капъ-Норда и въ окружности онаго, составляя изъ эскадры своей такую цѣпь, дабы безъ вѣдома его ни одно судно прокрасться не могло". Эта мѣра была вызвана нападеніями американскихъ корсаровъ на русскія суда. Напротивъ, „Высочайше утвержденныя правила для партикулярныхъ корсаровъ" 31-го дек. 1787 г. (П. С. З. № 16599) при-

знаютъ власть нейтральнаго государства на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега [1]). Наконецъ, нынѣ дѣйствующія „Правила о призахъ и репризахъ" 1869 г. опредѣляютъ, что „подъ именемъ свободнаго моря разумѣть должно воды, не находящіяся подъ пушечными выстрѣлами береговыхъ батарей, или отстоящія отъ берега на разстояніи трехъ морскихъ миль" (ст. 21).

При опредѣленіи границы береговаго моря теорія международнаго права исходитъ изъ того положенія, что власть прибрежнаго государства кончается тамъ, гдѣ она фактически не можетъ быть поддержана. „Terrae dominium finitur ubi finitur armorum vis" [2]). На этомъ основаніи Бинкерсгукъ и за нимъ другіе юристы говорятъ, что граница береговыхъ водъ опредѣляется пушечнымъ выстрѣломъ съ берега. Но какъ мы имѣли уже случай замѣтить, такой масштабъ, при постоянныхъ усовершенствованіяхъ въ огнестрѣльномъ оружіи, представляетъ величину весьма измѣнчивую и неопредѣленную. Поэтому практически вопросъ лучше всего разрѣшается посредствомъ международныхъ соглашеній. Въ настоящее время многіе трактаты, заключенные государствами, равно и многіе писатели по международному праву принимаютъ за крайнюю черту береговаго моря линію, простирающуюся на 3 англ. мили (1 геогр. м.) отъ максимальнаго предѣла отлива [3]).

Это опредѣленіе было принято въ послѣднее время также законами разныхъ западно-европейскихъ государствъ. Такъ, англійскій законъ 1878 г.: „Territorial Waters Jurisdiction Act" ограничиваетъ пространство береговой юрисдикціи королевства разстояніемъ въ 3 англ. мили. Обстоятельства, вызвавшія названный актъ, показываютъ, насколько важно въ практическомъ отношеніи знать, гдѣ именно кончается береговое море государства.

---

[1]) Любопытное разсужденіе о разсматриваемомъ вопросѣ составилъ баронъ Бруновъ въ январѣ 1837 г. подъ заглавіемъ: „De la juridiction qu'une puissance, qui possède le rivage, est en droit d'exercer sur la mer circonvoisine". (Архивъ М. И. Д.).

[2]) Bynkershoek. De dominio maris, cap. II.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht § 302. — Heffter. Völkerrecht § 75. — Gessner. Droits des neutres, p. 22 et ss. Perels. Seerecht, S. 26. Phillimore. Commentaries, t. I, § 198. Срав. также ст. 337 нашего Таможеннаго устава и ст. 21 Свода о призахъ и репризахъ.

Поводомъ къ изданію англійскаго закона послужило столкновеніе, случившееся недалеко отъ англійскаго берега, между германскимъ судномъ „Franconia“ и англійскимъ кораблемъ „Strathclyde“, который, получивъ пробоину, затонулъ. Противъ капитана германскаго корабля было возбуждено уголовное дѣло, вслѣдствіе гибели при столкновеніи одного пассажира англійскаго судна. Англійскіе трибуналы не могли согласиться между собою относительно вопроса о подсудности. Судъ второй инстанціи призналъ себя некомпетентнымъ, въ виду отсутствія въ англійскихъ законахъ опредѣленія пространства береговаго моря. Судебная же практика представляла множество совершенно противорѣчивыхъ толкованій относительно пространства дѣйствія англійской территоріальной власти въ открытомъ морѣ. При такихъ обстоятельствахъ правительство взяло на себя законодательный починъ въ этомъ вопросѣ и добилось принятія парламентомъ закона 1878 года [1]).

Однако, совершенно ошибоченъ окончательный выводъ, дѣлаемый изъ постановленій нѣкоторыхъ трактатовъ и мнѣній писателей въ томъ смыслѣ, что будто общеобязательнымъ закономъ должно считать 3-хъ мильное пространство береговаго или территоріальнаго моря. Такого обязательнаго международнаго закона нѣтъ и быть не можетъ. Напротивъ, правило Бинкерсгука есть единственно вѣрный масштабъ для опредѣленія власти прибрежнаго государства надъ частями открытаго моря, омывающаго его берега. При современномъ развитіи артиллеріи должно сказать, что власть прибрежнаго государства, распространяющаяся на пушечный выстрѣлъ отъ берега, простирается навѣрно на 10 миль отъ берега. Къ этой истинѣ приблизился Институтъ международнаго права, объявивъ въ 1894 году, на Парижской своей сессіи, что территоріальное море простирается на 6 миль. Такое положеніе несравненно разумнѣе мнимо-обязательнаго закона о 3-хъ мильномъ разстояніи [2]). Наконецъ, нельзя не замѣтить, что на основаніи новѣйшихъ международныхъ соглашеній 1892, 1893 и 1894 годовъ, Россія, Англія и Соединенные Американскіе Штаты, съ цѣлью предупредить истребленіе породы котиковъ въ

[1]) Perels. Seerecht, S. 86 ff.

[2]) См. мою статью: „Le tribunal d'arbitrage de Paris et la mer territoriale“ (Revue générale de Droit international public, 1894, 1-re livraison). Пренія Института международ. права и принятыя имъ правила въ Annuaire de l'Institut de Droit international l'année 1894.

сѣверной части Тихаго океана, согласились между собою признать на 10 миль отъ берега право особенной охраны за прибрежными русскими и американскими властями, и на разстояніи 60 миль отъ берега установить особенный общій режимъ для наблюденія и преслѣдованія незаконнаго убоя котиковъ.

§ 100. Иногда территоріальнымъ моремъ, въ тѣсномъ смыслѣ, называютъ заливы, рейды, бухты и вообще морскія воды, которыя окружены владѣніями одного государства [1]). Что такія части моря должны считаться подъ властью прибрежнаго государства, это едва ли требуетъ доказательствъ, такъ какъ даже часть моря, прилегающая къ берегамъ государства, береговое море, подчиняется законамъ прибрежной страны. Но для этого необходимо, чтобъ заливы, бухты и рейды были дѣйствительно окружены владѣніями одной державы. Поэтому если даже входъ въ заливъ находится подъ властью даннаго государства, а надъ остальнымъ прибрежьемъ господствуетъ другая держава, то господствующее надъ входомъ государство, не имѣетъ права собственности надъ всѣмъ заливомъ.

Съ этой точки зрѣнія долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ, имѣла ли Австро-Венгрія право на распоряженіе Клекской бухтой, о которой мы уже говорили? Такъ какъ эта бухта прилегала къ турецкимъ берегамъ, Австро-Венгрія же господствовала только надъ входомъ въ бухту, то правительство австро-венгерское никакъ не въ правѣ было считать ее частью своихъ территоріальныхъ водъ и, слѣдовательно, стѣснять доступъ черезъ нее Турокъ къ своему прибрежью: она была столько же собственность Австро-Венгріи, сколько и Порты.

Согласно сдѣланному опредѣленію къ территоріальнымъ морямъ можно причислить: Финскій и Рижскій заливы, Зюдерзее, море между Англіей и островомъ Уайтомъ (The Solent). Во времена владычества Швеціи надъ Финляндіей заливъ Ботническій былъ территоріальнымъ моремъ этой державы [2]). Въ 1872 г. англійское

[1]) Примѣчаніе. Весьма часто публицисты смѣшиваютъ „береговое“ и „территоріальное“ море, обозначая и то и другое или однимъ общимъ названіемъ территоріальнаго моря, или же не соединяютъ ни подъ какимъ общимъ терминомъ заливы бухты, рейды и т. д. Срав. напр. Perels. Seerecht, S. 21, 87.

[2]) Heffter (Völkerrecht, § 76 *a*) утверждаетъ, что Ботническій заливъ принадлежитъ въ настоящее время на правѣ общей собственности Россіи и Швеціи. Едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Ботническій заливъ—часть свободнаго моря.

правительство издало распоряженіе, на основаніи котораго заливъ въ Нью-Фаундлэндѣ (Bay of Conception), вдающійся на 40 м. въ островъ и имѣющій 15 м. ширины, объявленъ территоріальнымъ моремъ Англіи. Но нельзя признать территоріальными морями такъ назыв. King's (или Queen's) Chambers, т. е. части моря, заключающіяся между англійскимъ берегомъ и умственной линіей, проводимой между двумя ближайшими мысами этого берега, а также заливы Мексиканскій и Гудсонскій [1]).

Необходимо замѣтить, что власть прибрежнаго государства какъ надъ береговымъ, такъ и надъ территоріальнымъ морями не должна быть понимаема въ смыслѣ полнаго исключенія этихъ водъ изъ числа естественныхъ артерій международныхъ оборотовъ. Даже не всѣ суда, находящіяся въ этихъ водахъ, подчиняются законамъ и юрисдикціи прибрежныхъ государствъ. Если какое-либо купеческое судно только проходитъ чрезъ линію береговаго или территоріальнаго морей, то не становится еще чрезъ это подсуднымъ прибрежнымъ властямъ. Для такой подсудности необходимо, чтобъ судно продлило здѣсь свое пребываніе, бросило якорь или приступило къ разгрузкѣ товаровъ [2]).

Въ этомъ смыслѣ и разрѣшило наше правительство два относящіеся сюда случая, имѣвшіе мѣсто на Черномъ морѣ. Въ 1836 г. на разстояніи болѣе чѣмъ 10 милей отъ Кавказскаго берега было задержано мѣстными властями англійское судно „The Lord Ch. Spencer“, которое обвинялось въ контрабандной торговлѣ. По распоряженію правительства оно немедленно получило свободу на томъ основаніи, что русская территоріальная власть не простирается на 10 милей. Вмѣстѣ съ тѣмъ русское правительство заявило англійскому, что нисколько не желая препятствовать законнымъ и мирнымъ сношеніямъ въ предѣлахъ русскихъ водъ или открытаго моря, оно, однако, не допуститъ, чтобъ

---

[1]) Срав. Hall's International Law., p. 128 — Woolsey. Introduction § 56.— Phillimore. Commentaries, t. I, p. 220, 239. Bluntschli. Völkerrecht, § 310.

[2]) Ortolan. Règles internationales et diplomatie de la mer, t. I, liv. II, chap. 7, 8. Hall (Int. Law, p. 126) признаетъ полное право собственности, не только право господства, за территоріальною прибрежною властью: „Accordingly, on the assumption that any part of the sea is susceptible of appropriation, no serious question can arise as to the existence of property in marginal waters“.

морскимъ путемъ подвозили населенію Кавказа оружіе или возбуждали его къ борьбѣ съ русскою властью. Согласно съ этимъ въ 1837 г. англійскій же пароходъ „Vixen", задержанный близъ Сухумъ-Кале и уличенный въ подвозѣ Кавказскимъ горцамъ военной контрабанды, подвергся конфискаціи, несмотря на всѣ протесты Англіи и даже угрозы войной [1]).

Какъ видно изъ всего сказаннаго, власть прибрежнаго государства надъ береговымъ и территоріальнымъ морями должна разсматриваться не какъ право собственности, частнаго владѣнія, но какъ право владычества, господства, оправдываемаго интересами государственными и международными [2]).

VIII. О проливахъ.

§ 101. Нѣтъ надобности объяснять значенія проливовъ для международныхъ оборотовъ. Въ виду безпрепятственнаго сообщенія чрезъ проливы государства издавна и много разъ вступали въ международныя соглашенія, въ особенности относительно проливовъ, соединяющихъ открытыя моря. Въ современной теоріи и практикѣ установились слѣдующія главныя начала, опредѣляющія власть прибрежныхъ государствъ надъ проливами.

Если проливъ находится подъ пушечными выстрѣлами одного и того же государства, то считается подъ властью послѣдняго и разсматривается, какъ территоріальное его владѣніе; если же проливъ раздѣляетъ два государства и имѣетъ не болѣе 6 англ. милей ширины, то линія, проводимая чрезъ средину пролива, служитъ границей между обоими государствами [3]).

Такъ, Дарданеллы и Босфоръ, окруженные владѣніями Оттоманской имперіи, должны быть признаны турецкими проливами. Керченскій проливъ принадлежитъ Россіи.

---

[1]) Изъ дѣлъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Всеподданнѣйшіе отчеты за 1836 и 1837 года.

[2]) Срав. Perels. Internationales Seerecht, S. 42 ff.

[3]) Bluntschli, § 303.—Phillimore. Commentaries, t. I, p. 224 etc. Heffter. Völkerrecht, § 76.

Но намъ кажется правильнѣе съ точки зрѣнія свободы судоходства различать проливы, соединяющіе два свободныхъ моря, отъ тѣхъ, которые соединяютъ закрытое море съ свободнымъ. Проливъ, которымъ соединяются открытыя моря, долженъ быть свободенъ для коммерческихъ судовъ всѣхъ государствъ, независимо отъ того, окружаютъ ли его владѣнія одной державы, или нѣтъ. Только для военныхъ судовъ можетъ быть запрещенъ проходъ, если того требуетъ безопасность владѣющаго проливомъ государства. Напротивъ, проливъ, ведущій въ закрытое море, подчиняется неограниченной власти прибрежнаго государства. Различіе, проводимое нами, является естественнымъ послѣдствіемъ общаго начала — свободы открытыхъ морей.

Принимая во вниманіе это различіе, понятно, почему державы согласились настоять на отмѣнѣ пошлины, взимавшейся Даніей со всѣхъ судовъ, которыя проходили чрезъ Зундскій проливъ. Въ данномъ случаѣ пошлина стѣсняла свободу судоходства между открытыми морями—Балтійскимъ и Нѣмецкимъ — и противорѣчила этой свободѣ. По почину Вашингтонскаго правительства державы по Копенгагенскому трактату 1857 г. выкупили Зундскую пошлину за опредѣленную сумму, на счетъ которой Датское правительство обязалось содержать маяки и другія учрежденія, необходимыя для безопасности прохода судовъ черезъ Зундъ.

Босфоръ и Дарданеллы также соединяютъ открытыя моря и потому, не смотря на то, что принадлежатъ Турціи, должны оставаться свободными для торговыхъ сношеній. Эта свобода формальнымъ образомъ была обезпечена въ первый разъ Лондонскимъ договоромъ 1841 г. и затѣмъ подтверждена трактатами: Парижскимъ 1856 г., Лондонскимъ 1871 г. и Берлинскимъ 1878 г., которые вмѣстѣ съ тѣмъ дали Портѣ право не пропускать чрезъ проливы военныя суда [1]).

IX. О рѣкахъ.

§ 102. Въ наукѣ международнаго права вполнѣ справедливо проводится различіе между рѣками, протекающими по территоріи одного государства, и тѣми, которыя протекаютъ по территоріальнымъ вла-

[1]) Perels. Seerecht, S. 35 ff. — Dana's Wheaton. Elements § 190 etc. Срав. также Staatsarchiv. Bd. 16 № 3558, Bd. 20 № 4239.

дѣніямъ разныхъ государствъ. Относительно первыхъ всѣ согласны, что онѣ на всемъ своемъ протяженіи, отъ истоковъ и до устьевъ, подчиняются исключительно власти того государства, на территоріи котораго находятся. Что касается вторыхъ, то stricto jure каждое изъ государствъ, по владѣніямъ которыхъ протекаетъ одна и та же рѣка, вольно распоряжаться и пользоваться принадлежащей ему частью ея по своему усмотрѣнію. Однако, многія государства до такой степени злоупотребляли этимъ своимъ правомъ, что сдѣлали почти невозможнымъ торговлю и судоходство по международнымъ рѣкамъ. Для устраненія вредныхъ для торговли послѣдствій, проистекавшихъ какъ отъ злоупотребленій территоріальною властью надъ подобными рѣками, такъ и отъ разнообразія правилъ, примѣняемыхъ къ одной и той же рѣкѣ въ предѣлахъ различныхъ государствъ, были предприняты попытки подчиненія всѣхъ рѣкъ, протекающихъ по разнымъ территоріямъ, однообразному режиму и болѣе или менѣе постояннымъ правиламъ [1]).

На основаніи Вѣнскаго акта 1815 г. державы, по владѣніямъ которыхъ протекаетъ или которымъ служитъ границею одна и та же судоходная рѣка, обязались, съ общаго согласія, установить правила для судоходства по этой рѣкѣ (ст. 108), при чемъ въ основаніе уставовъ, которые такимъ образомъ должны быть выработаны, имѣютъ войти извѣстныя общія начала, предначертанныя въ Вѣнскомъ трактатѣ. Эти начала, обезпечивающія полную свободу судоходства по международнымъ рѣкамъ, получили примѣненіе къ Рейну, Эльбѣ и Шельдѣ. Парижскій трактатъ 1856 г. распространилъ ихъ также на Дунай, и кромѣ того, для развитія судоходства на этой рѣкѣ, постановилъ объ учрежденіи „Европейской Дунайской коммиссіи", облеченной по отношенію къ судоходству на нижнемъ Дунаѣ такими правами, которыя во многихъ отношеніяхъ становятся въ разрѣзъ съ верховенствомъ территоріальнымъ прибреж-

¹) Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens, t. II, p. 184 et. ss. — Engelhardt. Du régime conventionnel des fleuves internationaux. Paris, 1879. — Bluntschli. Völkerrecht, § 312 — 316. — Heffter. Völkerrecht, § 77. — Phillimore. Commentaries, t. I, § 162 etc.—Hall's Int. Law., p. 106 etc.

ныхъ государствъ и нисколько не вытекаютъ изъ постановленій Вѣнскаго конгресса. Впрочемъ, Европейская Дунайская коммиссія, какъ учрежденіе, существованіе котораго нисколько не оправдывается пользою судоходства, давно должна была закрыться и уступить свое мѣсто „прибрежной коммиссіи". Уваженіе къ свободѣ рѣчного судоходства нисколько не требуетъ принятія мѣръ, явнымъ и безполезнымъ образомъ нарушающихъ законные права и интересы прибрежныхъ государствъ. Между тѣмъ, Берлинскій трактатъ 1878 г. не только подтвердилъ постановленія Парижскаго относительно Дуная, но еще развилъ ихъ въ смыслѣ, прямо нарушающимъ постановленія Вѣнскаго акта 1815 г. Лондонской конвенціей 10 марта 1883 г. существованіе Европейской Дунайской коммиссіи продолжено на 21 годъ [1]).

---

[1]) Въ особенной части (т. II.) мы возвратимся къ этому существенно важному вопросу о судоходствѣ по рѣкамъ.

Глава четвертая.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ.

I. О международныхъ договорахъ вообще.

§ 103. Международный договоръ есть соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ государствъ. Онъ устанавливаетъ извѣстныя обязательственныя отношенія между государствами, которыя его заключили, и всегда служилъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для выясненія и опредѣленія правовыхъ отношеній, даже принциповъ права, которые должны господствовать въ области международныхъ сношеній. Наконецъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что трактаты должны быть соблюдаемы договаривающимися сторонами: „Pacta sunt servanda".

Таковы общія основныя начала, которыя выставляются въ ученіи о международныхъ договорахъ всѣми юристами[1]). Но разногласіе немедленно обнаруживается, если спросить: на чемъ основывается обязательная сила трактатовъ? Нѣкоторые писатели приписываютъ трактатамъ по преимуществу обязательность нравственную, утверждая, что честь и достоинство государствъ, подписавшихъ

[1]) Срав. Mountague Bernard. Four lectures, p. 163 etc.—Phillimore, t. II, p. 64 etc. Halleck. Int. Law. chap. VIII. — Hall, Int. Law., p. 271 etc. — Martens. Précis, t. I, § 53 et ss. — Bluntschli. Völkerrecht, § 402 ff. — Heffter. Völkerrecht, § 81 ff.—Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen. Lpz. 1877. — Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge. Wien, 1880. — F. Laghi, Teoria dei trattati internazionali. Parma, 1882. — Nippold. Der völkerrechtliche Vertrag. Bern, 1894.

договоръ, требуютъ добросовѣстнаго его исполненія. Другіе выводятъ эту обязательность изъ предписаній религіи, или говорятъ, что законы природы предписываютъ народамъ опредѣлять взаимныя отношенія договорами, которые поэтому должны быть соблюдаемы. Затѣмъ, въ послѣднее время подробно развивается теорія, основывающая силу трактатовъ на „самоограниченіи воли" заключившихъ ихъ государствъ [1]). Наконецъ, по мнѣнію Блюнчли, обязательная сила международныхъ договоровъ вытекаетъ изъ „правосознанія человѣческаго рода" [2]).

Всѣ эти объясненія мало доказательны. Такъ, прежде всего, положеніе, выставленное Блюнчли, до того растяжимо, что съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ обязательствамъ международнымъ, и ко всякому другому виду юридическихъ отношеній, существующихъ не только между государствами, но и между отдѣльными лицами и обществами. Не болѣе убѣдительно и то мнѣніе, что обязательная сила трактатовъ вытекаетъ изъ „самоограниченія воли" государствъ. Вѣдь если подписывая трактатъ государство находитъ нужнымъ ограничить свою волю, то нарушая его можетъ сослаться на то, что такое ограниченіе оно находитъ излишнимъ. Наконецъ, ни нравственность, ни религія, ни законы природы очевидно не составляютъ юридическихъ основаній, оправдывающихъ соблюденіе договоровъ.

Обязательность, и слѣдовательно значеніе юридическое международныхъ договоровъ основывается единственно на признаніи правоспособности одного государства другимъ. Государства должны признать другъ друга субъектами права; они должны признать взаимныя права, иначе никакія сношенія между ними невозможны. Другими словами, обязательность международныхъ договоровъ вытекаетъ изъ понятія о международномъ общеніи. Ubi societas, ibi jus est. Вступая въ международныя сношенія, государства подчиняются дѣйствію непреложныхъ жизненныхъ потребностей и отношеній, опре-

---

[1]) Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge, S. 31 ff.

[2]) Bluntschli. loc., cit. § 410.

дѣляющихъ уже условія, при которыхъ государства въ состояніи достигнуть свои разумныя цѣли. Эти условія принимаютъ видъ юридическихъ нормъ, а такъ какъ международные договоры являются формулированіемъ жизненныхъ отношеній, существующихъ между государствами, то нормы эти и должны составлять содержаніе договоровъ, заключаемыхъ государствами, и насколько онѣ обязательны, настолько же обязательны самые договоры.

Отсюда слѣдуетъ, что цѣли и отношенія, изъ коихъ слагается международная жизнь, должны отражаться на международныхъ обязательствахъ или трактатахъ. Въ виду этого изученіе трактатовъ не только желательно, но и необходимо для ознакомленія съ внѣшними отношеніями государствъ. Мало того, заключаемые ради обезпеченія интересовъ государствъ, трактаты служатъ показателемъ, на какой ступени развитія находится гражданская и культурная жизнь народовъ, которые ихъ заключили, и насколько правильно устроенъ государственный ихъ порядокъ. Если въ устройствѣ государства нѣтъ гарантій для полнаго уваженія интересовъ народа, то и трактаты, именемъ его заключенные, будутъ выраженіемъ можетъ быть геніальныхъ мыслей, можетъ быть произвола тѣхъ лицъ, которыя имѣли возможность распоряжаться его судьбою, но никакъ не потребностей и стремленій народа.

Очевидно также, что если жизненныя отношенія и цѣли опредѣляютъ содержаніе международныхъ договоровъ, то исполненіе ихъ тѣмъ лучше обезпечивается, чѣмъ болѣе будутъ уважены въ заключаемыхъ обязательствахъ тѣ правила, нормы, которыя устанавливаются самими жизненными взаимными отношеніями государствъ. Интересъ, собственная польза заставляютъ государства заключать международные договоры, и интересъ, польза обезпечиваютъ признаніе ихъ обязательности. Въ европейскомъ международномъ союзѣ не существуетъ суда, который обязывалъ бы принудительно къ соблюденію трактатовъ. Что же касается нравственной силы обязательствъ, то ея значенія въ международныхъ отношеніяхъ не слѣдуетъ преувеличивать.

Вообще обязательная сила трактатовъ, какъ и всякаго закона нравственнаго или юридическаго, зависитъ не столько отъ фактической ихъ охраны, сколько отъ той силы обязательности, которую мы имъ приписываемъ и за ними признаемъ. На этомъ основаніи можно поставить правиломъ, что степень обязательности и исполнимости международныхъ договоровъ опредѣляется мѣрой ихъ соотвѣтствія дѣйствительнымъ разумнымъ потребностямъ государствъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

Положеніе это объясняетъ, почему такъ часто нарушаются международные договоры. Въ оправданіе непрочности трактатовъ, вошедшей въ поговорку, обыкновенно указываютъ на то обстоятельство, что интересы и польза государствъ, лежащіе въ основѣ трактатовъ, часто бываютъ противоположны и приходятъ въ столкновеніе. Мнѣ кажется, что подобныя „коллизіи интересовъ“ — если онѣ не фраза—являются результатомъ не столько дѣйствительнаго порядка вещей, сколько послѣдствіемъ взаимнаго недовѣрія и подозрѣній, раздѣляющихъ государства, и въ особенности личныхъ страстей и предубѣжденій, которыми проникнуты люди, руководящіе международными сношеніями и заключающіе международныя сдѣлки. Истинная причина частаго нарушенія трактатовъ не „коллизія интересовъ“, но то обстоятельство, что трактаты нерѣдко заключаются безъ знанія и достаточнаго уваженія взаимныхъ разумныхъ отношеній и пользы контрагентовъ.

Доказательствомъ служитъ Парижскій трактатъ 1856 г. въ тѣхъ своихъ постановленіяхъ, которыя касались Россіи и шли въ разрѣзъ съ ея основными правами, какъ независимой державы. Россія могла и должна была отказаться отъ этихъ постановленій, и она поступила, какъ о томъ предсказывали заранѣе и какъ было отлично извѣстно самимъ договаривающимся на Парижскомъ конгрессѣ державамъ.

Насколько сама жизнь налагаетъ свою печать на международные договоры и даетъ имъ свое содержаніе, это можно видѣть изъ всѣхъ трактатовъ, которые были заключены Россіей съ народами европейскими или азіатскими. Такъ напр. договоры Россіи съ Пруссіей, начиная съ 1517 г., когда былъ заключенъ первый союзный

между ними трактатъ, и до настоящаго времени, находятся въ тѣсной связи какъ съ географическимъ положеніемъ обоихъ государствъ, такъ и цѣлями національной политики, которыя оба они преслѣдовали [1]). Точно также трактаты между Россіей и Китаемъ отражаютъ на себѣ фактическія условія, въ которыхъ происходили сношенія между ними: сосѣдство обѣихъ державъ, общіе торговые интересы и т. д. [2]).

При отсутствіи законодательной власти, регулирующей международныя отношенія, договоры государственные получаютъ особенное значеніе, какъ источникъ международнаго права (см. введеніе, § 43, II).

II. Условія заключенія и юридической силы трактатовъ.

§ 104. Чтобы быть дѣйствительными, международные договоры должны удовлетворять извѣстнымъ основнымъ условіямъ, которыя относятся: 1) къ лицамъ, заключающимъ обязательства (субъективныя условія) и 2) къ самому предмету договоровъ (условія объективныя). Въ обоихъ отношеніяхъ выработались и признаются въ положительномъ международномъ правѣ нижеслѣдующія главныя начала.

А) Субъективныя условія.

Первое существенное субъективное условіе для дѣйствительности международныхъ договоровъ заключается въ томъ, чтобы они были совершены между государствами вполнѣ независимыми. Полунезависимыя государства не обладаютъ правоспособностью къ заключенію договоровъ и если въ дѣйствительности обязывались или обязываются ими, то благодаря своему ненормальному съ точки зрѣнія между-

---

[1]) Срав. Введеніе къ тому V моего Собранія трактатовъ.

[2]) Срав. мою брошюру: Le conflit entre la Russie et la Chine, ses origines son développement et sa portée universelle. Bruxelles 1880, p. 8 et ss. Русскій переводъ Телесницкаго 1881 г.

народнаго права положенію [1]). Соглашенія между независимыми государствами и римской куріей (конкордаты) не суть международные договоры, потому что представительница римско-католической церкви—римская курія—не можетъ считаться субъектомъ международнаго права. Напротивъ, договоры между необразованными государствами и государствами европейской культуры и цивилизаціи называются трактатами, но къ нимъ должны быть примѣнены начала не европейскаго международнаго права, но права естественнаго.

Второе субъективное условіе, дѣлающее международный договоръ обязательнымъ, выражается въ требованіи, чтобы онъ былъ заключенъ лицами, уполномоченными обязываться отъ имени даннаго государства и при соблюденіи порядковъ, существующихъ у него на этотъ случай.

Въ абсолютной монархіи государь имѣетъ неограниченное право обязывать свой народъ трактатами. Въ государствахъ же представительныхъ осуществленіе этого права весьма часто обставлено извѣстными предусмотрѣнными въ законѣ формальностями, и глава государства безъ согласія народныхъ представителей не всегда можетъ считаться дѣеспособнымъ къ подписанію международныхъ обязательствъ. Поэтому правительство должно знать внутренніе порядки того государства, съ которымъ желаетъ вступить въ договоръ [2]).

Международные договоры заключаются отъ имени верховной государственной власти, которая одна имѣетъ право обязывать свой народъ и представлять его въ области международныхъ отношеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ трудно рѣшить, кто долженъ считаться обладателемъ верховной власти въ государствѣ, наприм. въ слачаѣ узурпаціи, междоусобной войны, при существованіи двухъ кандидатовъ на открывшійся престолъ и т. п. Вообще

[1]) Срав. въ Staatsarchiv, Bd. XXIX, № 5482 идентичныя инструкціи, данныя Россіей, Германіей и Австро-Венгріей своимъ посламъ при Портѣ на счетъ права Дунайскихъ княжествъ самостоятельно заключать торговые трактаты.

[2]) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen, S. 103 ff. Срав. также Unger. Ueber die Gültigkeit von Staatsverträgen. (Grünhut's Zeitschrift, Bd. VI, S. 349 ff).

только то правительство въ правѣ вступать въ международные договоры, которое de facto является представителемъ государства и которому народъ дѣйствительно подчиняется. Вопросъ о происхожденіи данной государственной власти не относится къ области международнаго права.

Обыкновенно монархи уполномочиваютъ къ заключенію договоровъ тѣхъ или другихъ лицъ, которыя и дѣйствуютъ отъ имени государства. Каждый трактатъ, заключенный правильно лицомъ на то уполномоченнымъ, обязателенъ для государства по утвержденіи его въ установленномъ порядкѣ, и наоборотъ, не имѣетъ никакой обязывающей силы, если заключенъ лицомъ не уполномоченнымъ или превысившимъ свои полномочія. Въ послѣднемъ случаѣ трактатъ будетъ простымъ обѣщаніемъ (sponsio), за исполненіе котораго государство не отвѣчаетъ.

Такъ напр. главнокомандующіе войсками и начальники эскадръ во время войны не пользуются правомъ заключать безъ формальнаго уполномочія со стороны верховной государственной власти прелиминарныя условія мира. Поэтому еслибъ они вступили въ подобнаго рода обязательства, то таковыя не имѣли бы никакой юридической силы. Но въ полномочія этихъ лицъ обыкновенно входитъ право заключенія перемирій и различнаго рода другихъ военныхъ конвенцій (напр. картелей о выдачѣ или размѣнѣ военноплѣнныхъ): подписанныя ими, онѣ получаютъ непосредственно обязательную силу. Вопросъ о правѣ главнокомандующаго арміей соглашаться на предлагаемыя ему условія мира весьма подробно разсматривался юристами въ особенности по поводу исторіи въ Кавдинскихъ ущельяхъ [1]).

§ 105. Третье субъективное условіе заключается въ необходимости утвержденія или ратификаціи международныхъ договоровъ. Подъ ратификаціею разумѣется формальное принятіе верховною государственною властью трактата, заключеннаго уполномоченными къ тому лицами. Авторитеты международнаго права согласны между собою, что ратификація необходима для обязательной силы и дѣйствія договора. Раньше чѣмъ подписать трактатъ, уполномоченные на его заключеніе обмѣниваются своими полномо-

[1]) См. въ особенности Vattel. Droit des gens, liv. II, § 209 et ss.

чіями и подписываютъ его на основаніи данныхъ имъ инструкцій. Тѣмъ не менѣе, онъ не будетъ связывать контрагентовъ, если затѣмъ не будетъ ратификованъ компетентною государственною властью. Право такого утвержденія принадлежитъ исключительно верховной государственной власти каждой изъ договаривающихся сторонъ, кѣмъ бы ни осуществлялась эта власть, однимъ ли монархомъ, или государемъ вмѣстѣ съ другими учрежденіями. При какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ должна послѣдовать ратификація, это опредѣляется внутреннимъ устройствомъ каждаго государства. Но если она дана, договоръ считается начавшимъ свое дѣйствіе обыкновенно не съ момента его утвержденія, но подписанія уполномоченными лицами: „Ratihabitio retrotrahitur ad initium negotii“. Согласно съ этимъ въ договорѣ обозначается число и годъ его заключенія и заносится отдѣльная статья, которая гласитъ, что договоръ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ такой-то срокъ [1]).

§ 106. Приведенныя правила выставляются всѣми писателями, какъ безспорныя и освященныя обычаемъ. Разногласіе начинается съ вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ отказъ отъ ратификаціи долженъ быть признанъ основательнымъ, законнымъ и справедливымъ? Можно ли утверждать, что государство вольно всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ не давать своей санкціи договору?

Одни писатели, какъ напр. Гроцій и Пуфендорфъ, полагаютъ, что такой отказъ незаконенъ, разъ уполномоченные не вышли изъ предѣловъ своихъ полномочій. Другіе, какъ Бинкерсгукъ, Ваттель, Мартенсъ, высказываются въ томъ смыслѣ, что государство связывается договоромъ, заключеннымъ его представителями, если они не нарушили данныхъ имъ секретныхъ инструкцій. Отказъ въ ра-

---

[1]) Grotius. De jure belli ac pacis, lib. II, cap. XI, § 12. Bynkershoek. Quaestiones juris publ., cap. VII. Vattel. Droit des gens, liv. II, § 156. Martens Précis, liv. II, § 48. Klüber. Droit des gens, § 142. Phillimore. Commentaries, t. II, p. 75. Hall. Int Law, p. 276. Bluntschli, loc. cit. § 419—421. Heffter, § 87. Wurm. Die Ratification von Staatsverträgen (Deutsche Vierteljahrsschrift 1845, S. 163 ff.). Amari. Trattato sul dirrito internazionale, p. 758 Calvo. Droit int., t. I, p. 654 et ss. Jellinek, loc. cit., S. 53. Unger, loc. cit. VI, 355 ff.

тификаціи при наличности послѣдняго условія хотя и будетъ, по мнѣнію этихъ писателей, „нарушеніемъ чести и добрыхъ отношеній“; но его нельзя назвать неосновательнымъ. Наконецъ, новѣйшіе юристы — Гефтеръ, Блюнчли, Голль, Филлиморъ — находятъ отказъ въ ратификаціи вообще „опаснымъ“ въ виду „огромной важности международныхъ актовъ“ и потому думаютъ, что произвольный отказъ, если не съ юридической, то съ нравственной точки зрѣнія несправедливъ и не долженъ быть допущенъ.

Для правильнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса необходимо, какъ намъ кажется, исходить изъ понятія о прерогативахъ верховной государственной власти. Какъ принципъ, должно быть защищаемо общее положеніе, что договоръ международный до ратификаціи не есть собственно договоръ, актъ, имѣющій какую-либо обязательную силу. Для обязательности договора ратификація настолько же необходима, насколько необходима санкція верховной власти для юридической годности любого проекта закона, и какъ верховная власть можетъ отказаться отъ утвержденія всякаго законоположенія, выработаннаго и принятаго палатами или государственнымъ совѣтомъ, такъ же точно она всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ въ правѣ не утвердить трактата, который подписали ея уполномоченные.

Но ошибочно мнѣніе, что верховная власть никогда не можетъ передать это свое право никакому другому лицу. Въ исключительныхъ случаяхъ осуществленіе права ратификаціи можетъ быть поручено извѣстнымъ должностнымъ лицамъ или особымъ повѣреннымъ. Такъ напримѣръ, во время войны главнокомандующему дается иногда полномочіе не только на самостоятельное заключеніе картелей, но и предварительнаго мира, даже право привести предположенныя мирныя условія въ исполненіе, не дожидаясь утвержденія государя. Право санкціи договоровъ иногда ввѣряется управителямъ пограничныхъ и дальнихъ провинцій, напр. у насъ пользовался этимъ правомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ въ отношеніи договоровъ, заключаемыхъ имъ съ среднеазіатскими власти-

телями, а въ Англіи вице-король Остъ-Индіи. Въ 1801 г. трактатъ, заключенный между Россіей и Франціей, былъ ратификованъ, по порученію императора Александра I, гр. Морковымъ [1]).

Въ возможности подобнаго рода уполномочій и состоитъ собственно различіе между санкціей законопроектовъ и ратификаціей трактатовъ. Впрочемъ, въ настоящее время всѣ международные договоры обыкновенно утверждаются лично государями, не исключая и тѣхъ, которые заключаются губернаторами отдаленныхъ областей, тѣмъ болѣе, что развитіе телеграфныхъ сообщеній вполнѣ позволяетъ контролировать въ этомъ отношеніи дѣйствія уполномоченныхъ лицъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ ратификація не была вовсе необходима для приведенія въ исполненіе договоровъ. Такъ напр. на Лондонской конференціи 1840 г., опредѣлившей мѣры для улаженія турецко-египетскаго столкновенія, особою секретною статьей, подписанной уполномоченными державъ, было постановлено, что выработанныя мѣры немедленно будутъ приведены въ исполненіе, не дожидаясь ихъ ратификаціи. Такая поспѣшность дѣйствія союзниковъ вызывалась совершенно исключительными обстоятельствами, въ которыхъ находилась въ то время Турція, благодаря побѣдамъ надъ нею Мегемета-Али [2]). Понятно, что нѣтъ никакой надобности въ ратификаціи и тогда, когда государи сами непосредственно заключаютъ другъ съ другомъ договоръ, не требующій, по формѣ управленія въ ихъ государствахъ, согласія на него какого-либо законодательнаго учрежденія. Въ этой формѣ заключили между собою весьма важный оборонительный и наступательный союзъ Екатерина II и Іосифъ II, обмѣнявшись письмами отъ 12 апр. и 18 мая 1781 г., въ которыхъ подробно изложены условія договора [3]). Въ новѣйшее время Виллафранкскій миръ между Франціей и Ав-

[1]) Martens. Recueil des traités, Suppl. t. II, p. 551. De Clercq. Recueil des traités t. I, p. 467.

[2]) См. Guizot. Mémoires pour servir á l'histoire de mon temps. Paris, 1860, t. IV, p. 324 et ss.

[3]) Мое Собраніе трактатовъ, т. II, № 36.

стріей 1859 г. былъ заключенъ также личными объясненіями Наполеона III съ Францемъ-Іосифомъ.

§ 107. Отказъ въ ратификаціи не только дозволителенъ, но и безусловно необходимъ въ слѣдующихъ главныхъ случаяхъ: когда уполномоченные, подписавшіе договоръ, превысили свои полномочія,—когда компетентное государственное учрежденіе—парламентъ, конгрессъ или государственный совѣтъ—не даетъ согласія на принятіе договора;—когда произошло существенное измѣненіе въ обстоятельствахъ, при которыхъ договоръ былъ подписанъ (если напр., государь, отъ имени и по полномочію котораго велись переговоры, лишился престола, или если уничтожился самый предметъ договора и т. п.); — наконецъ, когда окажется, что подписаніе трактата было результатомъ насилія надъ волей уполномоченныхъ лицъ или состоялось вслѣдствіе ихъ обмана или ошибки.

Въ особенности важное значеніе имѣетъ согласіе палатъ: неодобреніе ими договора всегда разсматривается, какъ законная причина отказа отъ ратификаціи. Но необходимо, чтобы палаты или другое компетентное учрежденіе были поставлены въ возможность высказать свое мнѣніе, т. е. дѣйствительно были спрошены на счетъ договора. Это иногда упускается изъ вида.

Въ 1885 г. президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливландъ отказался представить на ратификацію конгресса актъ Берлинской африканской конференціи, подписанный двумя уполномоченными Соединенныхъ Штатовъ, на томъ основаніи, что этотъ актъ возлагаетъ на республику обязанность гарантировать неприкосновенность государства Конго. Соединенные Штаты должны, по словамъ президентскаго посланія, ограничить свою дѣятельность только одною Америкою. Но любопытно, что въ то же время единственнымъ и первымъ дипломатическимъ агентомъ при правительствѣ государства Конго является мистеръ Тисдель, назначенный Вашингтонскимъ правительствомъ.

Вышеупомянутая (стр. 357) конвенція 1867 года, заключенная между Даніей и Соединенными Штатами, о продажѣ послѣднимъ за сумму въ 7.500.000 долларовъ принадлежащихъ Даніи острововъ св. Ѳомы и св. Іоанна не была утверждена. Въ обоихъ государствахъ конвенція, какъ было условлено, должна была получить утвержденіе въ теченіи шести мѣсяцевъ послѣ ея подписанія. Датское правительство дѣйствительно въ назначенный

срокъ ратификовало трактатъ, по утвержденіи его въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, и даже приступило къ его исполненію, обнародовавъ прокламацію о передачѣ острововъ подъ власть Соединенныхъ Штатовъ. Между тѣмъ, предсѣдатель комитета по иностраннымъ дѣламъ Вашингтонскаго сената, извѣстный Сомнеръ, своевольно отказался представить его на обсужденіе сената. Правительство Вашингтонское должно было уговориться о новомъ срокѣ для ратификаціи. Когда же Сомнеръ впослѣдствіи внесъ трактатъ въ сенатъ, онъ былъ отвергнутъ требуемымъ большинствомъ [1]).

Съ другой стороны, если верховная власть утверждаетъ договоръ безъ спроса компетентнаго учрежденія, то контрагентъ имѣетъ право требовать его исполненія, ибо не его дѣло входить въ разсмотрѣніе, насколько содоговаривающееся правительство, утверждая трактатъ, нарушаетъ свои законы.

Поэтому Вашингтонское правительство, заключивъ въ 1831 г. договоръ съ Франціей объ уплатѣ ею 25 м. фр. убытковъ, причиненныхъ Штатамъ еще во время Наполеоновскихъ войнъ, и выдавъ на часть этой суммы вексель, послѣ того, какъ французское правительство приступило къ исполненію договора и его ратификовало, считало себя въ правѣ настаивать на уплатѣ по векселю, несмотря на то, что французскія палаты не утвердили этого договора [2]).

Но если трактатъ не ратификованъ однимъ изъ контрагентовъ, то другой не вправѣ такъ поступать, какъ будто ратификація дѣйствительно послѣдовала.

На этомъ основаніи Соединенные Штаты поступили бы незаконно, еслибъ согласились съ предположеніемъ своего правительства считать обязательнымъ для Испаніи договоръ, заключенный между нею и Штатами въ 1819 г., игнорируя то обстоятельство, что трактатъ этотъ, неутвержденный кортесами, не получилъ ратификаціи испанскаго правительства.

Какъ мы сказали, безъ ратификаціи договоръ не имѣетъ обязательной силы. Еслибъ до утвержденія его одна изъ сторонъ приступила къ его исполненію, а ратификаціи не послѣдуетъ, то она можетъ возвратиться къ прежнему положенію вещей. Отказомъ въ ратификаціи возстановляется status quo ante, насколько,

---

[1]) Parton. The Danish Islands, p. 43. Schuyler. American diplomacy, p. 23. Срав. также Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen, S. 163—211.

[2]) Calvo. Droit international, t. I, § 708.

конечно, это фактически возможно. Поэтому благоразумнѣе не совершать ничего изъ постановленнаго въ договорѣ раньше, чѣмъ онъ не будетъ окончательно утвержденъ.

Если право отказа отъ ратификаціи международнаго трактата несомнѣннымъ образомъ принадлежитъ верховной власти государства-контрагента, то, съ другой стороны, не менѣе несомнѣнно, что такой отказъ долженъ относиться ко всему трактату, а не къ той или другой его части. Подобная частичная ратификація въ формѣ заявленія о признаніи обязательности только нѣкоторыхъ статей подписаннаго трактата не допускалась до послѣдняго времени и была бы явною безсмыслицею.

Однако, современное французское правительство, подъ давленіемъ пустозвонныхъ рѣчей членовъ Палаты депутатовъ, отказалось въ 1891 году ратификовать весь Генеральный Актъ Брюссельской Конференціи о торговлѣ неграми 1890 года. Изъ 100 статей оно исключило 24 и только 76 статей были ратификованы французскимъ правительствомъ. Весьма желательно, чтобъ этотъ прискорбный и безпримѣрный фактъ не нашелъ бы подражанія въ будущемъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла и практики допустимъ только полный отказъ отъ ратификаціи подписаннаго уполномоченными международнаго акта.

§ 108. Относительно дѣйствія ратификаціи установилось правило, что она имѣетъ обратную силу, именно—дѣлаетъ договоръ обязательнымъ съ самаго момента подписанія его уполномоченными. Ratihabitio retrotrahitur ad initium negotii.

Это общепризнанное начало, провозглашаемое какъ аксіома всѣми писателями по международному праву, вполнѣ несостоятельно. Если международный договоръ до своего утвержденія есть не болѣе, какъ проектъ обязательства или простое обѣщаніе, не имѣющее юридической силы, то, очевидно, невозможно относить его дѣйствіе къ моменту подписанія, которое не дѣлаетъ договоръ обязательнымъ. Дѣйствіе договора можетъ и должно начинаться только съ момента ратификаціи.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько случаевъ, когда государства отказывали въ ратификаціи. Изъ русской исторіи можно указать на слѣдующіе относящіеся сюда примѣры: 1) Трактатъ 2-го марта 1711 г. между Рос-

сiей и Пруссiей не былъ утвержденъ королемъ прусскимъ, какъ доносилъ о томъ Головкинъ: „Поелику трактатъ оный выгодамъ Прусскаго двора не полезенъ, да и опасно возстать противъ Шведовъ, дабы тѣмъ не раздражить ихъ, для того оный и долженъ остаться недѣйствительнымъ“ [1]). 2) Союзная конвенцiя съ Пруссiей 13-го (24-го) сентября 1712 г. опять не была ратификована Фридрихомъ I, который теперь ссылался на превышенiе уполномоченнымъ своей власти. Дѣйствительная причина, какъ и въ первомъ случаѣ, заключалась въ боязни прусскаго короля вступить въ открытую борьбу противъ Шведовъ [2]). 3) Трактатъ 13-го декабря 1732 года между Пруссiей, Австрiей и Россiей о содѣйствiи избранiю на Польскiй престолъ португальскаго принца Эммануила и въ Курляндскiе герцоги прусскаго принца, а также о присоединенiи къ Пруссiи нѣкоторыхъ Германскихъ земель, не былъ ратификованъ Карломъ VI на томъ основанiи, что будто бы цезарскiй посланникъ не имѣлъ никакого уполномочiя на заключенiе подобнаго договора. Вслѣдствiе того трактатъ не получилъ юридической и обязательной силы ни для которой изъ договаривавшихся сторонъ [3]). 4) Союзный трактатъ между Россiей (Петромъ III) и Пруссiей (Фридрихомъ II) отъ 8-го (19-го) iюня 1762 года остался не ратификованнымъ вслѣдствiе государственнаго переворота, происшедшаго въ томъ же году въ Россiи 28-го iюня (восшествiе на престолъ Екатерины II) [4]). 5) Трактатъ 20-го iюля 1806 г., заключенный между Россiей и Францiей, не былъ утвержденъ Александромъ I, такъ какъ Государь нашелъ, что уполномоченный его, Убри, превысилъ данныя ему полномочiя [5]). 6) „Ливадiйскiй“ трактатъ Россiи съ Китаемъ, заключенный въ С.-Петербургѣ 20-го сентября 1879 г. при посредствѣ китайскаго посла Чунхоу и ратификованный русскимъ императоромъ, не получилъ силы вслѣдствiе неутвержденiя его Пекинскимъ правительствомъ, которое обвинило своего посла въ превышенiи власти [6]).

Кромѣ того, замѣчательны нижеслѣдующiе три случая неутвержденiя заключенныхъ трактатовъ, имѣвшiе мѣсто въ новѣйшее время: 1) Въ 1841 г. между Англiей, Францiей, Россiей, Австрiей и Пруссiей былъ заключенъ трактатъ относительно общихъ мѣръ для прекращенiя торга неграми. Не добившись согласiя на него французскихъ палатъ, которыя считали выгово-

---

[1]) Мое Собр. тракт., т. V, стр. 88, приложенiе № 1 (стр. 379).

[2]) Мое Собр. тракт., т. V, стр. 90, приложенiе № 2 (стр. 386).

[3]) Мое Собр. тракт., т. I, стр. 64, прилож. № 1 (стр. 311 и слѣд.).

[4]) Ibidem, т. V, прилож. № 3. Срав. Соловьева. Исторiя, т. XXV, стр. 88 и слѣд.

[5]) Garden. Histoire générale des traités, t. IX, p. 308 et ss.

[6]) Моя брошюра: Le conflit entre la Russie et la Chine, p. 67 et ss.

ренное Англичанами право осмотра купеческихъ судовъ несогласнымъ съ честью и достоинствомъ коммерческаго флага французскаго, правительство Луи-Филиппа отказало въ его ратификаціи. Этотъ отказъ, не заключая въ себѣ ничего незаконнаго, былъ уваженъ другими державами, но бывшій въ то время первый министръ Франціи, Гизо, предпослалъ ему такія соображенія, съ основательностью которыхъ положительно нельзя согласиться. Гизо доказывалъ, что каждое правительство вольно давать или не давать своей санкціи подписанному его уполномоченными трактату совершенно по своему усмотрѣнію и не мотивируя отказа никакими благовидными доводами [1]).

Защищать это мнѣніе едва ли возможно, потому что если право ратификаціи составляетъ безспорную прерогативу верховной государственной власти, то все-таки осуществленіе этого права предполагаетъ достаточныя разумныя основанія, оправдывающія его примѣненіе въ глазахъ другихъ контрагентовъ; отказъ же въ ратификаціи по произволу или капризу не будетъ справедливымъ и не достоинъ государства.

2) Лондонскій трактатъ 1869 г. между Англіей и Соединенными Штатами относительно Алабамскаго вопроса, заключенный вполнѣ уполномоченными лицами, не былъ утвержденъ Вашингтонскимъ конгрессомъ и потому остался безъ ратификаціи. 3) Въ 1876 г. между Англіей и Китаемъ была заключена конвенція въ Чифу, на основаніи которой ограничивался торгъ опіумомъ, но за то Англичане получили нѣкоторыя новыя льготы и права. Китайское правительство имѣло неосторожность привести эту конвенцію отчасти въ исполненіе до ратификаціи, и такъ какъ Лондонскій кабинетъ, въ концѣ концовъ, таковой не далъ, то англійскіе подданные успѣли отчасти воспользоваться выгодами, которыя представляла конвенція и отмѣнить которыя китайское правительство уже не могло [2]).

§ 109. Четвертое субъективное условіе составляетъ свободная воля договаривающихся сторонъ. Для силы трактатовъ необходимо соглашеніе, единство воли контрагентовъ относительно тѣхъ обязательствъ, которыя они взаимно или односторонне на себя при-

---

[1]) Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. VI, chap. XXXVI, p. 161.

[2]) Mayers. Treaties between the Empire of China and foreign Powers. Shanghai 1877, p. 44. Fry. China, England and Opium (Contemporary Review, jan. 1878, p. 313 etc.). Christlieb. Le commerce indo-britannique de l'opium. Paris, 1879.

нимаютъ. Ошибка и обманъ, уничтожая это единство, дѣлаютъ международное отношеніе недѣйствительнымъ. Въ этомъ отношеніи государственные договоры ничѣмъ не отличаются отъ договоровъ частно-правовыхъ. Но они существенно различны въ другомъ отношеніи: въ юридическихъ сдѣлкахъ между частными лицами принужденіе всегда уничтожаетъ обязательную силу договора; напротивъ, международные договоры, заключенные вынужденнымъ образомъ, въ принципѣ обязательны, какъ, напримѣръ, всѣ договоры о мирѣ.

Это положеніе основывается на общей презумпціи о свободѣ дѣйствія государствъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Государство, побѣжденное въ войнѣ съ другою державою и подъ давленіемъ своего несчастія подписывающее мирный трактатъ, въ дѣйствительности не располагаетъ полной свободой, но формально остается свободнымъ, имѣя выборъ между продолженіемъ войны и заключеніемъ мира. Притомъ, объявляя войну, оно должно предвидѣть неизбѣжныя послѣдствія пораженія и знаетъ, что въ случаѣ неудачи должно будетъ согласиться на тѣ условія мира, которыя поставитъ побѣдитель. Въ этомъ смыслѣ мирные трактаты суть договоры, вынужденные правомѣрно, и должны быть соблюдаемы [1]).

Но трактатъ не будетъ дѣйствителенъ, если физическія лица, уполномоченныя къ его заключенію, или государь подвергнутся насилію или устрашенію и подъ вліяніемъ этого обстоятельства подпишутъ договоръ. Въ данномъ случаѣ воля тѣхъ лицъ, которыя дѣйствуютъ отъ имени государства, находится подъ давленіемъ принужденія, исключающаго возможность свободнаго рѣшенія, и потому договоръ не можетъ быть обязателенъ.

Такими вынужденными и потому недѣйствительными были обязательства, подписанныя испанскимъ королемъ Фердинандомъ VII въ 1807 г. въ Байоннѣ, объ отреченіи отъ престола и другія, къ которымъ его принудилъ своими угрозами Наполеонъ I. Напротивъ, мирный договоръ, который заключилъ французскій король Францискъ I, находясь въ плѣну въ Мадридѣ, въ 1526 г.,

---

[1]) Heffter. Völkerrecht, § 85—98. Bluntschli. Völkerrecht, § 408.

а также актъ объ отреченіи отъ престола, подписанный Наполеономъ I въ Фонтенебло (1814 г.), являлись послѣдствіемъ давленія обстоятельствъ, но не физической силы или угрозъ, направленныхъ лично противъ этихъ государей, и слѣдовательно не могли считаться не имѣющими обязательной силы.

Точно также, еслибы Наполеонъ III, въ 1870 г., во время заключенія въ Вильгельмсгеге и продолжая оставаться императоромъ Французовъ, подписалъ трактатъ о мирѣ съ Германіей, то договоръ этотъ былъ бы дѣйствительнымъ, насколько онъ не вынуждался насиліемъ надъ личностью плѣннаго императора [1]).

Наконецъ, пятое субъективное условіе есть **взаимность изъявленія воли**. Для дѣйствительности трактата необходимо, чтобы **предложеніе**, сдѣланное одной стороной, было **принято** другою. Только при этомъ условіи можно говорить о единствѣ воли контрагентовъ, которое предполагается договорами. Но нѣтъ надобности, чтобъ предложеніе непремѣнно предшествовало его принятію. Можно указать на рѣдкіе, правда, случаи, когда согласіе давалось ранѣе самаго предложенія.

Такъ, декларація Швеціи 7-го ноября 1772 г. о сохраненіи мира заключала въ себѣ принятіе контръ-деклараціи Даніи, послѣдовавшей двумя днями позже (9-го ноября 1772 г.) [2]).

B. Объективныя условія.

§ 110. Предметомъ (causa) международныхъ обязательствъ можетъ быть все, что только принадлежитъ къ области международныхъ отношеній и оборотовъ. Но само собою разумѣется, что каждое государство можетъ обязываться только относительно тѣхъ вещей и правъ, которыя фактически или юридически состоятъ въ его распоряженіи и власти. Такимъ образомъ предметъ международнаго договора опредѣляется дѣеспособностью заключившихъ его государствъ. Въ частности въ отношеніи своего объекта международные договоры подчиняются слѣдующимъ требованіямъ:

Во-первыхъ, необходимо, чтобы существовала физическая и нравственная возможность исполненія международнаго договора. Обя-

[1]) Dana's Wheaton. International Law, § 267. Martens. Précis, liv. II, chap. II, § 58, v. Neumann. Grundriss, § 28.

[2]) Martens. Recueil des traités, t. III, p. 248; Suppl. t. II, p. 170.

зательства, неисполнимыя физически и безнравственныя, не имѣютъ юридической силы. Разумно можно желать только возможнаго физически; должно — только возможнаго нравственно.

Если многіе трактаты въ дѣйствительности явно нарушали эти условія, въ особенности обязывая къ дѣйствіямъ безнравственнымъ, то это не доказываетъ, чтобы они были возможны и допустимы съ юридической точки зрѣнія.

Блюнчли перечисляетъ тѣ случаи, когда договоры должны быть признаны недѣйствительными по своему предмету. Именно не имѣютъ силы трактаты. устанавливающіе рабство или ему покровительствующіе; объявляющіе иностранцевъ ex lex; отмѣняющіе свободу открытаго моря; предписывающіе религіозныя гоненія или вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ; наконецъ, договоры, установляющіе всемірное владычество[1]). Конечно, подобные трактаты не могутъ считаться обязательными. Но многіе изъ нихъ въ настоящее время уже немыслимы и, кромѣ того, едва ли они исчерпываютъ всѣ случаи юридической негодности договоровъ въ отношеніи ихъ содержанія.

Какъ общее правило, обнимающее всѣ подобнаго рода договоры, можно выставить положеніе, что всякій трактатъ, ограничивающій или уничтожающій основныя права государства, для него нравственно необязателенъ настолько, чтобъ не сдѣлать попытки къ его отмѣнѣ. Напротивъ, отяготительность договора, его невыгода или laesio enormis не должны служить основаніемъ къ отказу отъ его исполненія.

Во-вторыхъ, по существу договоръ обязателенъ только для заключившихъ его сторонъ. Никакое государство, вступающее въ договоръ, не можетъ, безъ уполномочія, обязывать таковымъ третью державу. Какъ ни важны по своему предмету и содержанію коллективные трактаты, но обязательны они только для контрагентовъ.

Согласно съ этимъ договоръ между Пруссіею и Соединенными Штатами 1785 г., имѣвшій огромное значеніе въ виду того, что договаривающіяся стороны обязались имъ уважать взаимно во время войны частную собственность своихъ подданныхъ на сушѣ и на морѣ и отказались отъ права выдачи каперскихъ патентовъ, былъ обязателенъ только для этихъ державъ. Парижская декларація 16-го апрѣля 1856 г., окончательно отмѣнившая капер-

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 411, 412.

ство, формально непринятая С.-А. С. Штатами, Мексикой и Испаніей, не обязательна для этихъ государствъ.

Въ-третьихъ, право, уже уступленное по договору извѣстному государству, не можетъ быть вновь уступлено другому государству.

Франція въ 1740 году справедливо, съ формальной стороны, отказалась признать право Маріи-Терезіи на престолъ Карла VI, такъ какъ уже ранѣе обязалась въ пользу Баваріи не давать своего согласія на порядокъ престолонаслѣдія, установленный прагматическою санкціей. Въ 1774 г. Порта обязалась признавать за русскимъ посломъ первое мѣсто послѣ австрійскаго интернунція, но такъ какъ это мѣсто было обезпечено представителю Франціи въ Константинополѣ въ 1604 г., въ отношеніи Россіи Порта, очевидно, не могла исполнить своего обязательства.

III. Объ участіи третьихъ державъ въ договорахъ.

§ 111. По общему правилу трактатъ обязателенъ только для контрагентовъ. Объ участіи въ немъ третьей державы возникаетъ рѣчь вслѣдствіе вступленія или присоединенія къ главнымъ сторонамъ посторонняго государства, на котораго распространяются чрезъ это заключенныя ими обязательства. Это присоединеніе бываетъ добровольное или принужденное, формальное или неформальное (оффиціозное) и обнаруживается: 1) въ видѣ дружескихъ услугъ; 2) посредничества; 3) присоединенія; 4) приступленія, и 5) вмѣшательства [1]).

1. Дружескія услуги (bons offices). Онѣ оказываются по доброму желанію третьей державы, или по просьбѣ договаривающихся сторонъ, и состоятъ въ улаженіи соглашенія между послѣдними, въ склоненіи ихъ къ миролюбивому окончанію спора, или въ ходатайствѣ передъ однимъ контрагентомъ въ пользу другого. Правительство, оказывающее „добрыя услуги", не участвуетъ въ договорѣ и не есть сторона въ обязательствѣ. Примѣровъ заключенія международныхъ сдѣлокъ при посредствѣ „дружескихъ услугъ" посторонняго государства очень много, и приводить ихъ излишне.

---

[1]) Срав. Calvo. Droit international, I, § 685 et ss. Heffter. Völkerrecht, § 88.

2. Посредничество (médiation). Сравнительно съ предыдущимъ, этотъ видъ участія въ договорѣ третьей державы представляетъ гораздо больше опредѣленности. Посредничествующая держава участвуетъ въ переговорахъ формальнымъ образомъ, обыкновенно по приглашенію обѣихъ сторонъ или одной изъ нихъ, въ рѣдкихъ случаяхъ самостоятельно, и старается устроить соглашеніе на основѣ своихъ предложеній. Роль ея прекращается только съ заключеніемъ договора или вслѣдствіе полной неудачи переговоровъ. Исполненія принятаго при ея посредничествѣ обязательства она не обезпечиваетъ, но можетъ стать стороной на основаніи особаго акта приступленія къ договору.

Какъ примѣръ посредничества, можно привести участіе Екатерины II въ улаженіи спора между Австріей и Пруссіей о Баварскомъ наслѣдствѣ. Извѣстно, что благодаря посредничеству русской императрицы состоялось заключеніе Тешенскихъ трактатовъ (1779 г.), къ которымъ она сама приступила, принявъ на себя формально гарантію ихъ исполненія [1]). Въ такой же роли, но безъ приглашенія сторонъ, выступилъ въ 1866 г. Наполеонъ III и настоялъ на подписаніи Австріей и Пруссіей Никольсбургскаго прелиминарнаго мирнаго договора.

Наконецъ, въ самое послѣднее время Германія была посредницей по созванію конгресса въ Берлинѣ и заключенію Берлинскаго трактата 1878 г. Сравнивая дѣйствія этой послѣдней съ ролью Наполеона въ австро-прусской войнѣ, нельзя не замѣтить, что посредничество можетъ осуществляться въ различныхъ формахъ и имѣть различный характеръ. Князь Бисмаркъ самъ опредѣлилъ въ 1878 году свою роль посредника, сказавъ, что онъ только исполняетъ обязанности „честнаго маклера" для спорящихъ сторонъ. Навязываемое контрагентамъ посредничество утрачиваетъ собственно значеніе посредничества и переходитъ во вмѣшательство.

3. Присоединеніе (adhésion). Это есть формальное заявленіе со стороны какой-либо державы о признаніи обязательности для нея извѣстнаго трактата, уже заключеннаго государствами. Такое заявленіе дѣлается обыкновенно по приглашенію договаривающихся сторонъ и распространяется лишь на извѣстные принципы, выставленные въ договорѣ, или на часть обязательствъ, принимаемыхъ

---

[1]) Мое Собраніе трактатовъ, т. II, № 35.

третьимъ государствомъ безусловно или съ извѣстными оговорками. Вообще присоединеніе есть менѣе торжественное принятіе трактата, нежели приступленіе, и часто переходитъ въ это послѣднее.

Такъ напр. къ деклараціи императрицы Екатерины II 28-го февраля 1780 г. о началахъ морскаго международнаго права многіе державы сперва „присоединились“, заявивъ, что онѣ признаютъ эти начала согласными какъ съ своими интересами, такъ и съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ; но затѣмъ, по предложенію Екатерины, тѣже державы заключили формальные акты (трактаты и конвенціи) съ Россіей и обязались взаимно охранять принципы, провозглашенные въ деклараціи, всѣми своими морскими и сухопутными военными силами (первый Вооруженный нейтралитетъ). Это было уже „приступленіе“ къ акту, изданному Екатериной.

Парижская декларація 1856 г., подписанная восьмью державами на Парижскомъ конгрессѣ, была затѣмъ сообщена всѣмъ другимъ государствамъ, которыя почти всѣ „присоединились“ къ ней, но не „приступили“, ибо между ними не было заключено особыхъ актовъ, опредѣляющихъ (подобно трактатамъ Вооруженнаго нейтралитета) условія, при которыхъ эта декларація должна быть соблюдаема. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы Парижская декларація имѣла менѣе обязательной силы, нежели декларація Екатерины II, такъ какъ форма признанія ни въ чемъ не измѣняетъ юридическаго существа обязательства.

4. Приступленіе (accession). Подъ этимъ актомъ разумѣется формальное и торжественное вступленіе третьей державы въ договоръ, принятіе его цѣликомъ на совершенно равныхъ съ главными договаривающимися сторонами правахъ. Для дѣйствительности такого акта необходимо, чтобъ онъ былъ принятъ первыми договаривающимися державами.

Въ этой формѣ послѣдовало признаніе различными государствами обязательности для нихъ Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., акта Священнаго союза и др.

5. Вмѣшательство (intervention). Мы уже говорили (§ 76), что вмѣшательствомъ, въ отличіе отъ посредничества, слѣдуетъ называть всякаго рода нежелаемое сторонами вторженіе въ происходящіе относительно заключенія трактата переговоры или въ состоявшееся уже соглашеніе. Оно всегда имѣетъ насильственный характеръ и, въ принципѣ, не должно имѣть мѣста. Оно правомѣрно въ одномъ

только случаѣ: когда заключенный трактатъ или переговоры нарушаютъ законныя права посторонней державы.

Съ этой именно точки зрѣнія должно быть обсуждаемо вмѣшательство Англіи и Австро-Венгріи въ обязательственныя отношенія между Россіей и Турціей, установленныя прелиминарнымъ С.-Стефанскимъ мирнымъ трактатомъ 1878 года. Какъ основаніе своего протеста противъ постановленій этого договора, онѣ выставляли нарушеніе Россіей Парижскаго трактата 1856 года, который поставилъ судьбу Оттоманской имперіи подъ коллективную охрану участвовавшихъ на Парижскомъ конгрессѣ державъ.

IV. О внѣшней формѣ международныхъ договоровъ.

§ 112. Для международныхъ договоровъ внѣшняя форма далеко не имѣетъ такой важности, какая придается ей въ частномъ обязательномъ правѣ. Собственно объ обязательности той или другой формы трактатовъ не можетъ быть рѣчи, ибо въ области международныхъ отношеній нѣтъ верховной власти, которая могла бы предписывать соблюденіе какихъ-либо формъ. И дѣйствительно, международныя обязательства заключаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ [1]).

Вообще можно сказать, что внѣшняя форма международныхъ договоровъ опредѣляется важностью ихъ содержанія и способами ихъ заключенія. Но будутъ ли они называться трактатами, или конвенціями, протоколами или дипломатическими нотами, они одинаково обязательны для подписавшихъ ихъ государствъ.

Поэтому несостоятельно мнѣніе, выражаемое нѣкоторыми государственными дѣятелями, что д е к л а р а ц і я не есть международный актъ, равнозначащій договору, и не имѣетъ его обязательности. Они утверждаютъ, что декларація провозглашаетъ извѣстныя общія начала, разумность которыхъ государства, къ ней присоединяющіяся или ее издающія, констатируютъ своими подписями, нисколько однако не обязываясь къ непремѣнному ихъ соблюденію.

[1]) Martens. Précis, § 58 et ss. Hartmann. Institutionen des Völkerrechts, S. 135. Schmalz. Europäisches Völkerrecht (1817), S. 52. Bluntschli. Völkerrecht, § 417 ff. Neumann. Grundriss, § 29.

Но факты противорѣчатъ такому мнѣнію.

Обязательность Парижской морской деклараціи до сихъ поръ еще не оспаривалась ни однимъ государствомъ. Вообще признана также Петербургская декларація 1868 г. о неупотребленіи во время войны разрывныхъ пуль вѣсомъ менѣе 400 гр. и уважается, какъ всякій договоръ, заключенный государствами. Несомнѣнна также обязательность деклараціи 1-го (13-го) января 1885 года относительно выдачи преступниковъ между Россіей и Пруссіей.

Какъ показываетъ практика, международные договоры могутъ быть заключены даже обмѣномъ писемъ между государями. Въ такой именно формѣ заключили важныя обязательства относительно политическихъ интересовъ императрица Екатерина II и германскій императоръ Іосифъ II[1]).

Согласно сказанному, различныя названія международныхъ договоровъ не оказываютъ никакого вліянія ни на характеръ обязательствъ, принимаемыхъ на себя государствами, ни на ихъ силу. Обыкновенно трактатами называются тѣ международные договоры, которые заключаются въ особенно торжественныхъ формахъ и случаяхъ, какъ напр. по окончаніи войны (трактаты о мирѣ).

Они начинаются возваніемъ: „Во имя Св. Троицы", если заключены между христіанскими державами, или—въ договорахъ съ Портою—„Во имя Всемогущаго Бога". Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ и поводовъ, вызвавшихъ заключеніе трактата, и наименованіе уполномоченныхъ державъ, которые участвовали въ переговорахъ. При этомъ исчисляются должности, титулы и ордена, принадлежащіе этимъ лицамъ. Самый трактатъ излагается въ видѣ отдѣльныхъ статей и подписывается уполномоченными. Ратификація дается по заключеніи трактата собственноручнымъ подписаніемъ главы государства.

Что касается конвенцій, то по формѣ своей онѣ менѣе торжественны, начинаются прямо съ изложенія мотивовъ, за которыми излагаются статьи и слѣдуютъ подписи уполномоченныхъ. Ратификація необходима и дается въ той же формѣ, какъ и для трактатовъ.

---

[1]) См. мое Собраніе трактатовъ, т. II, № 36.

Всѣ международные договоры пишутся въ настоящее время на французскомъ языкѣ. Только Англія остается неизмѣнно вѣрна своему языку и на немъ даетъ всѣ инструкціи своимъ уполномоченнымъ и сообщаетъ ноты.

Въ сочиненіяхъ по международному праву былъ споръ относительно вопроса, можетъ ли государство обязываться словесными договорами? Такъ какъ общеустановленной для международныхъ договоровъ формы не существуетъ, то обязательства государствъ, принимаемыя словесно, вполнѣ возможны и должны исполняться такъ же свято, какъ и обязательства письменныя. Нѣтъ никакихъ юридическихъ основаній оспаривать ихъ допустимость и обязательность въ области свободныхъ международныхъ отношеній [1]).

На практикѣ иногда заключались такіе договоры. Въ 1697 г. состоялся въ этой формѣ союзъ между Россіей и Пруссіей. Петръ В. и курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ III, при личномъ свиданіи въ Пилау дали торжественно обѣщаніе, „чтобъ въ удобной и потребной случай, другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ Шведа вспомогать всѣми своими силами". Затѣмъ подавъ другъ другу руки, государи обмѣнялись поцѣлуями и скрѣпили свой договоръ клятвою [2]).

Впрочемъ, хотя словесные международные договоры возможны и въ настоящее время, тѣмъ не менѣе конституціонные порядки въ современныхъ государствахъ мало благопріятны для ихъ заключенія.

V. Виды международныхъ договоровъ.

§ 113. Въ наукѣ международнаго права неоднократно дѣлались попытки раздѣлить (классифицировать) международные договоры на извѣстные виды. Но сдѣланные до сихъ поръ опыты этого рода не были особенно удачны.

Уже Гуго Гроцій пробовалъ установить такое дѣленіе трактатовъ, которое отвѣчало бы особому существу международныхъ обязательственныхъ отношеній. Такимъ дѣленіемъ было, по его мнѣнію, раздѣленіе трактатовъ: 1) на договоры, коими опредѣляются обязательства, сами собою вытекающія изъ естественнаго права, и 2) договоры, дополняющіе тѣ обязательства

---

[1]) Martens. Précis, § 49. Heffter. Völkerrecht (Geffcken), S. 190. Klüber. Droit des gens, § 141.

[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. V, № 182, стр. 52.

новыми, естественному праву неизвѣстными [1]). Но какія именно обязанности имѣютъ своимъ источникомъ естественное право, это опредѣлить едва ли возможно вслѣдствіе неясности самаго понятія естественнаго права.

Въ новѣйшее время Гефтеръ раздѣлилъ трактаты на слѣдующіе три вида: 1) договоры установительные (Constitutiv-Verträge), на основаніи которыхъ государства пріобрѣтаютъ извѣстныя права, таковы: договоры о границахъ, о раздѣлѣ, о займѣ и т. п.; 2) договоры опредѣлительные (Regulatorische Verträge), коими регулируются политическія и соціальныя отношенія государствъ, напр. договоры объ условіяхъ взаимныхъ сношеній между государствами; наконецъ, 3) договоры о товариществѣ или союзные (Gesellschafts-Verträge), обязывающіе государства къ общимъ дѣйствіямъ ради достиженія опредѣленной цѣли [2]).

Но это дѣленіе крайне сбивчиво. Собственно всѣ договоры, какъ установительные, такъ и другіе, одинаково создаютъ извѣстныя права и налагаютъ обязанности, а также всѣ они, а не одни только опредѣлительные трактаты — какъ полагаетъ Гефтеръ — регулируютъ „условія взаимныхъ сношеній государствъ".

По мнѣнію Блюнчли, трактаты можно раздѣлить: 1) на обязательства, заключаемыя непосредственно между двумя или нѣсколькими государствами, и 2) на договоры и сдѣлки, которые совершаются между подчиненными должностными лицами и мѣстами [3]). Дѣленіе это еще неудачнѣе, ибо государства сами, очевидно, не могутъ заключать договоровъ; таковые же отъ его имени заключаются различными уполномоченными; но всѣ договоры, кѣмъ бы они ни были заключены, обыкновенно утверждаются верховною государственною властью.

Весьма многіе писатели дѣлятъ международные договоры просто на трактаты и конвенціи. Различіе между трактатами и конвенціями они усматриваютъ въ томъ, что первые требуютъ постояннаго, непрерывнаго дѣйствія со стороны государства; напротивъ, вторыя исполняются совершеніемъ одного опредѣленнаго акта.

Этой классификаціи придерживаются напр. Ваттель, Мартенсъ, Уитонъ и изъ русскихъ ученыхъ профессоръ Стояновъ [4]). Послѣдній говоритъ, что изъ всѣхъ раздѣленій договоровъ это представляется наиболѣе простымъ и

---

[1]) De jure belli ac pacis, lib. II, cap. XV, § 5.

[2]) Heffter. Völkerrecht, § 89 ff.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht, § 442.

[4]) Vattel. Droit des gens, liv. II, § 153, 192. Martens. Précis, § 58. Dana's Wheaton. Int. Law, § 268. Стояновъ. Очерки, стр. 447 и слѣд.

цѣлесообразнымъ, и прибавляетъ, что, въ отличіе отъ трактатовъ, конвенціями „установляется чье-нибудь реальное право на вещи“.

Относительно этого дѣленія можно замѣтить, что оно вообще основано на случайномъ фактѣ большей или меньшей торжественности формы и способа заключенія договоровъ, а не на различномъ характерѣ ихъ содержанія. Кромѣ того, дѣленіе это, въ особенности какъ понимаетъ его Стояновъ, совершенно несостоятельно съ юридической точки зрѣнія. Нельзя согласиться, чтобъ всѣ конвенціи осуществлялись „единовременно“, ни тѣмъ болѣе чтобъ ими установлялось „реальное право на вещь“. Такъ напр. картели о выдачѣ преступниковъ называются конвенціями, но никакого вещнаго права, понятно, не установляютъ. Не создаютъ ничего подобнаго также конвенціи, заключаемыя въ интересахъ правосудія, охраненія литературной и художественной собственности, натурализаціи и мн. др.

Наконецъ, есть еще мнѣніе, что международные договоры могутъ быть раздѣлены на реальные и личные. Подъ первыми разумѣются договоры, связывающіе государства, какъ юридическія личности; подъ вторыми — договоры, коими обязываются только монархи, ихъ подписавшіе. Эта классификація не имѣетъ большого практическаго значенія, такъ какъ въ настоящее время огромное большинство трактатовъ заключаютъ государства, какъ субъекты международнаго права; число же личныхъ договоровъ, касающихся интересовъ однихъ государей, весьма ничтожно.

По содержанію, независимо отъ внѣшней своей формы, международные договоры могутъ быть, по нашему мнѣнію, раздѣлены только на политическіе и соціальные. Подъ эти двѣ категоріи, имѣющія точно опредѣленный и вполнѣ отличный другъ отъ друга характеръ, подходятъ всѣ международныя обязательства, какой бы формы они ни были и какъ бы они ни назывались [1]).

Къ договорамъ политическимъ принадлежатъ всѣ трактаты, касающіеся интересовъ и правъ государствъ, какъ напр. договоры о территоріальныхъ владѣніяхъ государствъ, о международныхъ повин-

[1]) Jellinek. Von den Staatenverbindungen, S. 106 исходилъ изъ тѣхъ же основныхъ положеній и пришелъ, совершенно самостоятельно, къ тѣмъ же выводамъ. Онъ раздѣляетъ международные договоры на административные (Verwaltungsverträge) и политическіе (politische) договоры. Первые совпадаютъ съ „соціальными“ договорами по нашему раздѣленію. Іеллинекъ, сочиненіе котораго вышло нѣсколькими мѣсяцами позже появленія перваго русскаго изданія настоящаго тома и до появленія нѣмецкаго его изданія, не могъ знать принятой нами системы.

ностяхъ, о правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи открытаго моря, всѣ мирные трактаты и др. Договоры соціальные имѣютъ въ виду удовлетвореніе соціальныхъ интересовъ и культурныхъ потребностей какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и лицъ. Къ нимъ должны быть отнесены конвенціи о литературной собственности, выдачѣ преступниковъ, натурализаціи, правахъ и обязанностяхъ различныхъ духовныхъ обществъ, въ особенности же международные торговые договоры, о судоходствѣ и мореплаваніи.

Въ виду вышесказаннаго о вліяніи соціальныхъ интересовъ на международныя отношенія понятно, что увеличеніе числа соціальныхъ международныхъ договоровъ есть лучшее доказательство развитія международныхъ сношеній и оборотовъ. Мнѣніе извѣстнаго англійскаго юриста и политическаго дѣятеля, Монтэгю Бернара, что вообще число трактатовъ уменьшается и что чѣмъ меньше ихъ будетъ, тѣмъ лучше для международнаго мира, это мнѣніе болѣе парадоксально, чѣмъ основательно[1]). Не уменьшеніе числа вообще договоровъ показываетъ развитіе мирныхъ международныхъ отношеній, но сокращеніе только трактатовъ съ политическимъ содержаніемъ. Дѣйствительно, число политическихъ международныхъ договоровъ, сравнительно говоря, уменьшается въ послѣднее время. Въ особенности это можно видѣть на союзныхъ договорахъ, которые заключались съ XVII и XVIII ст. въ огромномъ множествѣ. Нѣкоторые монархи того времени находились въ союзѣ чуть не со всѣми государствами. Заключались оборонительные и наступательные союзы, на срокъ и безъ срока, противъ опредѣленныхъ государствъ или всѣхъ державъ. Союзные договоры часто нарушались и потому рѣдко служили дѣлу мира и развитію международныхъ отношеній. Исключеніе составляютъ первый и второй Вооруженные нейтралитеты, заключенные съ прямою цѣлью охраненія мирныхъ коммерческихъ сношеній отъ посягательствъ морскихъ воюющихъ державъ, въ особенности Англіи. Въ настоящее время формальные

[1]) Mountague Bernard. Four Lectures, p. 194.

союзы представляютъ рѣдкое и исключительное явленіе. Современныя государства проникнуты тѣмъ сознаніемъ, что союзы между ними установятся сами собою чрезъ связывающіе ихъ взаимные интересы, а не какими-либо политическими комбинаціями, лишенными реальной почвы.

VI. Исполненіе международныхъ договоровъ.

§ 114. Подобно частнымъ обязательствамъ, международные договоры должны быть исполняемы добросовѣстнымъ образомъ. Безъ этого условія они не имѣли бы рѣшительно никакого значенія и смысла. Исполненіе bona fide предполагаетъ согласіе его не только съ буквой, но и духомъ договора. Допускаемое нѣкоторыми писателями различіе въ исполненіи главныхъ и второстепенныхъ постановленій трактата несостоятельно[1]). Такъ какъ всѣ статьи договора одинаково подписаны и утверждены верховною властью, то всѣ онѣ одинаково обязательны, и нарушеніе одной, хотя бы и не важной, равносильно нарушенію цѣлаго трактата. Въ виду первостепенной важности международныхъ договоровъ, нельзя достаточно категорически настаивать на положеніи: „Pacta sunt servanda". Пріостановка въ ихъ исполненіи или совершенное ихъ неисполненіе можетъ быть допущено только съ согласія всѣхъ договорившихся сторонъ.

Это начало было выражено и скрѣплено подписью главнѣйшихъ европейскихъ державъ на Лондонской конференціи 1871 г., въ приложеніи къ протоколу засѣданія 5-го (17-го) января. Здѣсь сказано: „Уполномоченные Сѣверной Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Италіи, Россіи и Турціи, собранные сегодня на конференціи, признаютъ за существенное начало международнаго права, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ трактата, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія

---

[1]) Martens. Précis, § 59. См. критическія замѣчанія Пинейро-Ферейра. Срав. также Hall. International Law, p. 295 etc.

договаривавшихся сторонъ, достигнутаго посредствомъ дружественнаго соглашенія“.

Таковы основные принципы, относительно которыхъ теорія и практика согласны между собою. Что касается средствъ и формъ исполненія международныхъ обязательствъ, то они опредѣляются внутреннимъ законодательствомъ и администраціей каждой страны. Во всякомъ случаѣ государство, подписавшее договоръ и давшее ему свою ратификацію, обязано его обнародовать и вообще принять всѣ мѣры, посредствомъ которыхъ можетъ быть достигнуто и обезпечено его исполненіе [1]).

Въ конституціонныхъ государствахъ тѣ договоры, которые для своей дѣйствительности требуютъ согласія палатъ, не подлежатъ публикаціи ранѣе, нежели оно не послѣдуетъ. Договоры, не нуждающіеся въ такомъ согласіи, обнародуются въ порядкѣ изданія административныхъ распоряженій. У насъ всѣ трактаты публикуются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ точно также, какъ законы или Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Необнародованіе договоровъ можетъ быть равносильно ихъ неисполненію. Поэтому каждая сторона въ обязательствѣ въ правѣ требовать отъ другой, чтобы договоръ, заключенный между ними, былъ доведенъ до свѣдѣнія тѣхъ, которые обязаны его исполнять. Секретные статьи и договоры не публикуются, но, конечно, и они должны быть сообщены всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыхъ могутъ касаться.

VII. Международные способы обезпеченія договоровъ.

§ 115. Отсутствіе международнаго суда и невозможность примѣненія къ государствамъ принудительныхъ средствъ для исполненія

[1]) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen, S. 329. Относительно момента вступленія договора въ дѣйствіе срав. напр. ст. 8 русско-германской конвенціи 1879 г., „о непосредственныхъ сношеніяхъ между судебными учрежденіями Варшавскаго судебнаго округа и германскими пограничными судебными мѣстами по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ“: „Elle sera exécutoire à dater du trentième jour après sa promulgation dans les formes prescrites par les lois en vigueur dans les territoires d’état des Hautes Parties contractantes“.

ими принятыхъ на себя обязательствъ издавна уже побуждали изыскивать способы наилучшаго обезпеченія заключённыхъ трактатовъ. Какъ показываетъ исторія и международная практика, съ этой цѣлью прибѣгали къ различнымъ средствамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя примѣняются до настоящаго времени, другія же вышли изъ употребленія и имѣютъ лишь историческій интересъ. Разсмотримъ главные изъ способовъ этого рода и покажемъ, насколько они дѣйствительны съ юридической точки зрѣнія [1]).

1. Присяга. Это былъ обыкновенный способъ обезпеченія международныхъ договоровъ въ средніе вѣка, но практиковался и въ новое время.

Такъ, словесный договоръ 1697 г. между Петромъ В. и Курфирстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ III былъ скрѣпленъ обоюдной торжественной присягой этихъ государей [2]). Въ послѣдній разъ присяга была примѣнена къ договору между Швейцаріей и Франціей, заключенному въ Солотурнѣ въ 1777 г. [3]).

Практическая несостоятельность этого средства очевидна. Какъ чисто религіозный обрядъ, присяга можетъ связывать только лицъ, которыя ее принесли, но ни въ какомъ случаѣ не государство, какъ юридическую личность, которая есть единственный субъектъ международнаго обязательства. Впрочемъ, уже въ средніе вѣка это средство сильно дискредитировали разрѣшенія папъ, даваемыя за деньги [4]).

2. Заложники (otages). Какъ и присяга, представленіе заложниковъ въ обезпеченіе трактатовъ было обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка.

Послѣдній извѣстный случай примѣненія этого средства относится къ 1748 г., когда для исполненія Ахенскаго трактата, заключеннаго въ томъ

---

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, p. 77 etc. Heffter. Völkerrecht, § 96.— Vattel. Droit des gens, liv. II, chap. XV, § 225 et ss. — Calvo. Droit international, t. I, § 701 et ss.

[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. V, стр. 52.

[3]) Klüber. Droit des gens, § 155.

[4]) Сравн. соображенія у H. Grotius. De jure belli ac pacis, II, 13.

же году между Франціей и Англіей, потребовалось отправить въ Парижъ, въ качествѣ заложниковъ, двухъ англійскихъ пэровъ [1]).

Теперь это средство не употребляется, ибо нисколько не достигаетъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, государство, которому даны заложники, имѣетъ по отношенію къ нимъ только одно право — удерживать ихъ у себя до исполненія договора. Подвергать ихъ какимъ либо мученіямъ или казнить ихъ оно не можетъ. Да и что выиграетъ оно отъ лишенія жизни заложниковъ по отношенію къ заключенному обязательству?

Теперь заложники берутся иногда въ военное время при совершенно особенныхъ условіяхъ, о которыхъ мы скажемъ при разсмотрѣніи права войны.

3. Закладъ и залогъ (оккупація). Заклады вещей (движимости) съ цѣлью обезпечить исполненіе договора встрѣчались рѣдко даже въ прежнее время. Едва ли не единственный примѣръ такой сдѣлки представляетъ закладъ Польшею своихъ коронныхъ бриллiантовъ Пруссіи [2]). Залогъ же имѣетъ нѣкоторое практическое значеніе и теперь. Онъ состоитъ въ занятіи войсками одного государства части территоріи другого, пока послѣднее не исполнитъ своего обязательства.

Залогъ употреблялся часто въ прежнее время, но признается дѣйствительнымъ средствомъ и понынѣ. Въ 1713 г. Петръ I отдалъ завоеванный Штетинъ со всею Шведскою Помераніей прусскому королю съ условіемъ, чтобъ онъ открыто сталъ на сторону Россіи въ войнѣ со Швеціей и охранялъ бы эти владѣнія отъ Шведовъ [3]). Въ 1808 г. Пруссія вынуждена была отдать въ залогъ Наполеону I крѣпости Штетинъ, Кюстринъ и Глогау до уплаты 140 м. фр. На основаніи второго Парижскаго трактата 1815 г. союзныя войска должны были занимать восточные департаменты Франціи, пока она не уплатитъ 700 м. фр. контрибуціи. Версальскій мирный трактатъ 1871 г. также постановилъ, что обезпеченіемъ уплаты Франціей въ пользу Германіи

---

1) Wenck. Codex juris g., t. II. p. 352 etc.

2) Günther. Europäisches Völkerrecht in Friedenszeiten (Altenburg, 1793), Bd. II, S. 153 ff.—Phillimore. Commentaries, t. II, p. 79.—Martens. Précis t. I, § 63.

3) Мое Собраніе трактатовъ, т. V, № 187.

5-ти миллья рдовъ контрибуціи будетъ служить оккупація германскими войсками части французской территоріи [1]).

Бываютъ кромѣ того случаи, когда правительство предоставляетъ частнымъ лицамъ—своимъ кредиторамъ—въ видѣ залога тотъ или другой источникъ государственныхъ доходовъ, обезпечивающій исправное погашеніе займа и уплату процентовъ. Такими залогами пользуются напр. англійскіе и французскіе кредиторы Турціи и Египта.

Юридическія отношенія между государствами залогодателемъ и залогодержателемъ не вполнѣ подходятъ подъ понятіе о залогѣ гражданскаго права. Различіе выражается какъ въ предметѣ, такъ и дѣйствіи этого рода обязательствъ. Предметомъ международнаго залога является территорія государства, а не частная собственность. Затѣмъ, тогда какъ въ частно-правовыхъ отношеніяхъ просроченный залогъ обыкновенно подлежитъ продажѣ, въ отношеніяхъ международныхъ, въ случаѣ неисполненія обязательства, заложенная (занятая) территорія присоединяется къ владѣніямъ оккупанта. О положеніи частныхъ лицъ — кредиторовъ государства — мы уже говорили выше (гл. I, § 87): представленіе имъ залога со стороны правительства ни въ чемъ не измѣняетъ этого положенія.

Право на залогъ прекращается съ выполненіемъ обязательства, которое имъ обезпечивается, или же и ранѣе по взаимному соглашенію сторонъ.

4. Поручительство (гарантія). Изъ всѣхъ международныхъ способовъ обезпеченія договоровъ—этотъ наиболѣе удовлетворяетъ своей цѣли. Онъ основывается на дѣйствительномъ сознаніи государствами солидарности своихъ интересовъ, въ виду которой они принимаютъ на себя обязательство обезпечить отдѣльно или сообща исполненіе даннаго трактата, защищать права даннаго народа или охранять извѣстное положеніе вещей (status quo). По существу

---

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 428.

своему актъ гарантіи есть дополнительный договоръ и судьба его связана съ главнымъ [1]).

По своему содержанію поручительство международное представляетъ слѣдующіе три главные вида.

1) Поручительство въ пользу сохраненія извѣстнаго порядка вещей. Такъ напр. европейскія державы до настоящаго времени гарантируютъ вѣчный нейтралитетъ Швейцаріи, Бельгіи, Люксембурга, Іоническихъ острововъ и государства Конго [2]).

2) Поручительство за исполненіе извѣстнаго дѣйствія, напр. за уплату долга. Такъ, греческій заемъ 1833 г. былъ гарантированъ Франціей, Англіей и Россіей; — турецкій 1855 г. — Англіей и Франціей [3]).

3) Поручительство въ сохраненіи извѣстнаго внутренняго строя народа. Напр. конвенціей 1775 г. между Россіей, Австріей и Пруссіей была гарантирована неприкосновенность старой польской конституціи. За исполненіе органическаго устава Восточной Румеліи поручились державы, делегаты которыхъ принимали участіе въ его составленіи.

Нельзя не замѣтить, что этотъ третій видъ поручительства ненормаленъ, ибо каждое государство должно оставаться независимымъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Поручительство за сохраненіе даннаго государственнаго порядка у народа обыкновенно служило предлогомъ къ вмѣшательству въ его дѣла.

Въ отношеніи формы различаются простая и сложная гарантія.

Простое поручительство бываетъ въ томъ случаѣ, когда какое либо третье государство одно ручается за исполненіе даннаго договора. Такъ напр. Марія Терезія гарантировала союзный трак-

---

[1]) Phillimore. Commentaries, t. II, chap. VII. — Hall. International Law, p. 287 etc. — Bluntschli. Völkerrecht, § 431 ff. — Heffter. Völkerrecht, § 97. — Dana's Wheaton. International Law, § 277. — Neumann. Grundriss, § 35 a. — Calvo. Droit int., t. I, § 702.—Milovanowitch. Les traités de garantie au XIX siècle. Paris 1888.

[2]) Jellinek. Von den Staatenverbindungen, S. 135. —Bulmerincq. Völkerrecht, S. 200.

[3]) Martens et Cussy. Recueil manuel, t. V, p. 341.

татъ 4-го мая 1758 г. между Франціей и Даніей [1]). Въ данномъ случаѣ государство-поручитель самостоятельно опредѣляетъ, когда наступитъ моментъ для настаиванія на исполненіи гарантированнаго договора.

Сложная форма поручительства является, во-первыхъ, въ видѣ взаимной гарантіи государствами неприкосновенности своихъ владѣній или правъ.

Примѣромъ можетъ служить Мюнхенгрецкая конвенція 1833 г., на основаніи которой Россія и Австрія обоюдно гарантировали другъ другу спокойное и мирное владѣніе польскими провинціями (ст. 1). Въ 1807 г. Россія и Франція Тильзитскимъ трактатомъ взаимно поручились за цѣлость принадлежащихъ имъ владѣній [2]).

Во-вторыхъ, коллективная гарантія есть общее поручительство нѣсколькихъ государствъ за сохраненіе извѣстнаго порядка вещей или неприкосновенности владѣній и правъ даннаго народа.

Трактатомъ 1832 г. Англія, Франція и Россія поручились сообща за сохраненіе независимости Греціи. Трактаты Вѣнскій 1815 г. и Лондонскіе 1831, 1839 и 1867 гг. постановили о вѣчномъ нейтралитетѣ Швейцаріи, Бельгіи и герцогства Люксембургскаго. Въ 1856 г. Австрія, Франція и Англія заключили между собой договоръ о гарантіи неприкосновенности Оттоманской имперіи.

Поручительство вызывается или интересами только непосредственно участвующихъ въ немъ державъ, или интересами всего международнаго общенія. Въ первомъ случаѣ актъ гарантіи есть обыкновенно дополнительный договоръ къ главному, во второмъ — это самостоятельный актъ. Обстоятельства и условія возникновенія гарантіи могутъ быть выяснены только изученіемъ исторіи ея заключенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Дѣйствіе поручительства различно. Если гарантія вызвана только интересами государствъ-поручителей, то они обязаны исполнить свой долгъ или отдѣльно, или вмѣстѣ, по требованію государства, за права котораго они поручились. Если между пору-

[1]) Мое Собраніе трактатовъ т. I, № 25, стр. 265.
[2]) Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. II, № 136.

чителями не состоится соглашенія на счетъ общихъ дѣйствій, то каждый поручитель можетъ исполнить свой долгъ отдѣльно. Относительно дѣйствій коллективной гарантіи ни въ теоріи, ни на практикѣ нѣтъ единогласія.

Въ 1867 г., по случаю принятія на себя правительствомъ англійскимъ поручительства въ вѣчной неприкосновенности Люксембурга, лордъ Дерби, въ палатѣ пэровъ, разрѣшилъ вопросъ о послѣдствіяхъ этого акта для Англіи. По его мнѣнію, Англія взяла на себя обязанность, въ случаѣ посягательства на Люксембургъ, дѣйствовать сообща съ другими гарантами, но отнюдь не обязана одна жертвовать собою въ пользу исполненія поручительства. Такое толкованіе противорѣчитъ однако фактамъ [1]).

Во время франко-прусской войны, когда нейтралитетъ Бельгійскаго королевства подвергался опасности, англійское правительство обратилось ко всѣмъ державамъ, поручившимся за цѣлость Бельгіи, съ предложеніемъ вновь подтвердить ее формальнымъ актомъ. Заинтересованные кабинеты отклонили это предложеніе, находя, что существующія обязательства достаточно ясны и не требуютъ новаго опредѣленія. Однако Англія этимъ не удовольствовалась и заключила особые договоры съ Франціей и Пруссіей, постановлявшіе, что въ случаѣ нападенія на Бельгію одной изъ этихъ державъ, войска англійскія соединятся съ другой для совмѣстнаго дѣйствія противъ нападателя.

Дѣйствительно, при коллективной гарантіи, принятой на себя державами въ виду общенародныхъ интересовъ, всѣ онѣ обязаны вмѣстѣ исполнить поручительство, но въ случаѣ разногласія каждая отдѣльно сохраняетъ за собою право вмѣшательства и даже обязана одна содѣйствовать осуществленію гарантіи на собственный страхъ и рискъ.

Въ чемъ состоятъ мѣры, принимаемыя поручителемъ для выполненія своего обязательства, это чисто вопросъ факта. Ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать отъ поручителя, чтобъ онъ жертвовалъ своею жизнью для охраненія чужой независимости. Ultra posse nemo tenetur. Отъ него нельзя также требовать совершенія какого либо безнравственнаго или физически невозможнаго дѣйствія.

[1]) См. Hall, Int. Law, p. 289 etc.

Поручительство прекращается по соглашенію между гарантами; вслѣдствіе отказа отъ поручительства того государства, въ пользу котораго оно заключено; истеченіемъ срока дѣйствія договора, наконецъ, съ уничтоженіемъ объекта гарантіи.

VIII. О толкованіи международныхъ договоровъ.

§ 116. Старые писатели весьма подробно останавливались на тѣхъ правилахъ, согласно которымъ должны быть толкуемы договоры неясные или возбуждающіе сомнѣніе. Правила эти они заимствовали изъ римскаго права [1]).

Соглашаясь вполнѣ, что начала гражданскаго права примѣнимы къ интерпретаціи трактатовъ, все-таки должно избѣгать опасности слишкомъ распространять ихъ на международные договоры, такъ какъ субъекты, объекты и дѣйствіе этихъ послѣднихъ отличны отъ частноправовыхъ обязательствъ. Мы ограничимся приведеніемъ главнѣйшихъ правилъ, безусловно примѣнимыхъ къ толкованію трактатовъ.

Всѣ международные договоры должны быть толкуемы bona fide: всегда необходимо предполагать, что государства, его подписавшія, имѣли въ виду добросовѣстное его толкованіе и исполненіе. Лучшими толкователями договоровъ являются сами государства-контрагенты, если они между собою согласны.

Интерпретація трактатовъ заключается въ истолкованіи: 1) словъ и 2) элементовъ, мыслей, содержанія договора.

Толкованіе словъ состоитъ въ выясненіи: a) буквальнаго смысла словъ, b) ихъ грамматической конструкціи и c) логической связи между словами и предложеніями.

Содержаніе договоровъ истолковывается опредѣленіемъ: a) историческаго происхожденія трактата; b) согласія его постанов-

[1]) Grotius. De jure belli ac pacis, lib. II, cap. XVI. — Vattel. Droit des gens, liv. II, chap. XVII. — Martens. Précis, § 52 et ss. — Phillimore, II, chap. VIII. — Heffter, § 95. — Calvo, I, § 713 et. ss. Hall, p. 281 etc.

леній съ господствующими началами международнаго права, и с) намѣренія, цѣли, духа договора.

Само собою разумѣется, что при интерпретаціи словъ должно понимать ихъ въ обыкновенномъ смыслѣ, а не въ какомъ нибудь странномъ и невозможномъ. Противорѣчія между отдѣльными статьями устраняются примѣненіемъ логики и выясненіемъ намѣренія договаривавшихся сторонъ. Понятно также, что всякое спеціальное постановленіе договора отмѣняетъ или ограничиваетъ дѣйствіе общаго, что сомнительное постановленіе должно быть интерпретируемо въ смыслѣ наименѣе отяготительномъ для обязанной стороны и т. д.

Примѣровъ примѣненія этихъ правилъ на практикѣ очень много. Приведемъ одинъ, взятый нами изъ дѣлъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ 1845 г. Австрія обратилась къ императору Николаю I съ просьбой быть третейскимъ судьей въ спорѣ ея съ Сардиніей, возникшемъ изъ конвенціи, заключенной между ними въ 1751 г. Сардинское правительство разрѣшило привозъ транзитомъ изъ Генуи въ Тессинскій кантонъ 4.000 центнеровъ соли. Австрія протестовала, ссылаясь на актъ 1751 г., который запрещалъ торговлю солью между Сардиніей и швейцарскими кантонами. Когда же сардинское правительство стало доказывать, что транзитная торговля не запрещена договоромъ 1751 года, который, кромѣ того, уже потерялъ обязательную силу, Австрія увеличила пошлины на пьемонтскія вина. Императоръ Николай не взялъ на себя обязанности третейскаго судьи, но выразилъ мнѣніе, что по духу спорной конвенціи право на сторонѣ Сардиніи, по буквѣ — на сторонѣ Австріи [1]).

IX. Прекращеніе дѣйствія и обязательности международныхъ договоровъ.

§ 117. Обязательная сила трактата уничтожается, если при его заключеніи нарушено какое-либо изъ субъективныхъ или объективныхъ условій его юридической годности, о которыхъ сказано выше. Такъ, напримѣръ, явный обманъ, ошибка или насиліе надъ личностью уполномоченнаго дѣлаютъ договоръ ничтожнымъ. Въ этомъ

[1]) Депеша графа Нессельроде къ графу Медему въ Вѣну отъ 13-го іюля 1845 г. и Всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде отъ 2-го іюля 1846 года.

отношеніи къ международнымъ договорамъ приложимы начала гражданскаго обязательственнаго права. Но трактаты не подчиняются никакимъ предписаніямъ гражданскаго права относительно обязательныхъ формъ заключенія договоровъ.

Дѣйствіе международнаго договора по праву прекращается: 1) вслѣдствіе совершенія акта, установленнаго договоромъ, если только послѣдній не обязываетъ къ постоянному дѣйствію: 2) вслѣдствіе наступленія резолютивнаго условія; 3) вслѣдствіе наступленія срока, на который договоръ заключенъ; 4) въ силу обоюднаго или, если это разрѣшено договоромъ, односторонняго отказа отъ договора; 5) вслѣдствіе гибели объекта; 6) вслѣдствіе смерти обязавшагося субъекта. Въ послѣднемъ случаѣ предполагается, что договоръ заключенъ государемъ и касается личныхъ его интересовъ. Выше мы замѣтили, что договоры, лично заключаемые монархами, почти не встрѣчаются въ настоящее время. Наконецъ, 7) договоръ утрачиваетъ обязательность по причинѣ существеннаго измѣненія обстоятельствъ, въ виду или ради которыхъ онъ былъ заключенъ[1]).

Изъ перечисленныхъ случаевъ требуютъ нѣкотораго объясненія: во 1-хъ, заключеніе договоровъ на срокъ, во 2-хъ, перемѣна въ условіяхъ, при которыхъ государства принимаютъ на себя обязательства.

Трактаты, заключенные на срокъ, обыкновенно отличаются опредѣленностью взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ и добровольностью самаго соглашенія. По истеченіи срока такіе договоры весьма часто возобновляются, при чемъ возможность ихъ возобновленія большею частью спеціально оговаривается въ отдѣльной статьѣ, гласящей, что оба контрагента въ правѣ продолжить дѣйствіе договора, и та сторона, которая не желаетъ этого, обязана предувѣдомить о томъ другую по крайней мѣрѣ за годъ до истеченія срока; въ противномъ случаѣ договоръ считается молчаливо продолженнымъ еще на годъ.

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 450 ff. — Heffter. Völkerrecht, § 99. Jellinek. Rechtliche Natur der Staatenverträge, S. 30. — Vattel. Droit des gens, liv. II, § 296.—Martens. Précis, § 60, 61.—Hall's Int. Law, p. 292 etc.

Подобнаго рода условіе имѣется напр. въ конвенціяхъ о литературной собственности, заключенныхъ Россіей съ Франціей и Бельгіей на 10 лѣтъ. По истеченіи 9-ти лѣтъ русское правительство, кажется, желало заявить о своемъ отказѣ отъ этихъ конвенцій, но только въ 1885 году оно объявило Франціи и Бельгіи, что отказывается отъ дальнѣйшаго соблюденія какъ конвенціи, заключенной съ первою державою въ 1861 году, такъ и конвенціи, заключенной въ 1862 году съ Бельгіей.

Къ срочнымъ договорамъ принадлежатъ всѣ торговые трактаты, договоры о мореплаваніи, о выдачѣ преступниковъ и др. Напротивъ, мирные трактаты всѣ заключаются „на вѣчныя времена". Условіе это—вмѣстѣ съ характеристической чертой мирныхъ договоровъ — вынужденностью ихъ заключенія — приводитъ къ тому, что такіе договоры обыкновенно скоро по ихъ подписаніи нарушаются. Въ виду этого нельзя не согласиться, въ принципѣ, съ предложеніемъ Дж. Ст. Милля, который, по поводу отказа Россіи въ 1870 г. отъ исполненія извѣстныхъ статей Парижскаго трактата, доказывалъ, до какой степени нелѣпо связывать государство „вѣчными" обязательствами. Онъ высказалъ то мнѣніе, что разумно можно обязать народъ только договоромъ, заключеннымъ на опредѣленный срокъ, не превышающій жизни одного поколѣнія [1]).

Дѣйствительно, нѣтъ смысла ограничивать, тѣмъ болѣе вовсе отмѣнять мирнымъ трактатомъ какое-нибудь основное право государства „на вѣчныя времена". Но выставить болѣе или менѣе точный срокъ для обязательности такихъ договоровъ все-таки трудно. Лучше заранѣе предвидѣть возможность ихъ пересмотра и поставить время его въ зависимость отъ какихъ-нибудь условій.

Относительно перемѣны обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало заключеніе трактата, необходимо замѣтить, что послѣдній всегда подписывается съ молчаливымъ предположеніемъ, что онъ будетъ имѣть

---

[1]) J. St. Mill. Treaty Obligations въ журналѣ „Fortnightly Review", 1 Декабря 1870 г. См. также мѣткія замѣчанія Rolin-Jaequemyns въ Archives de droit international, t. I, p. VIII et ss.

силу, пока останутся неизмѣнными условія, при которыхъ онъ былъ подписанъ. Это такъ называемая „clausula rebus sic stantibus“, правда, часто прикрывала произвольное нарушеніе договоровъ и понималась въ томъ смыслѣ, что всякое измѣненіе обстоятельствъ влечетъ на законномъ основаніи прекращеніе дѣйствія договора. Но злоупотребленія не доказываютъ, конечно, чтобъ самое правило не имѣло никакого значенія. Изъ существа международныхъ договоровъ слѣдуетъ, что государство можетъ разумно обязываться только въ виду государственной цѣли, и всякое заключенное имъ обязательство существуетъ, пока согласно съ этою цѣлью. Поэтому дѣйствіе трактата прекращается при такомъ измѣненіи взаимнаго положенія сторонъ, которое дѣлаетъ означенную цѣль недостижимой, а дальнѣйшее признаніе трактата ставитъ государство въ опасность.

Иллюстраціей правильнаго примѣненія условія „rebus sic stantibus“ можетъ служить слѣдующій случай. Въ 1855 г. Австрія заключила съ римской куріей конкордатъ, на основаніи котораго послѣдняя получила въ предѣлахъ Австрійской имперіи широкія права, въ особенности относительно народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ въ 1870 г. папа Пій IX провозгласилъ догматъ непогрѣшимости римскаго первосвященника. Само собой разумѣется, что этотъ фактъ кореннымъ образомъ измѣнилъ взаимныя отношенія представителя римско-католической церкви и государствъ, и въ виду такой перемѣны австрійское правительство было въ правѣ отказаться отъ конкордата, заключеннаго при совершенно другихъ обстоятельствахъ [1]).

X. Прибавленіе: Международныя обязательства изъ дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій.

§ 118. Гефтеръ первый перенесъ ученіе гражданскаго права объ обязательствахъ quasi ex contractu и ex delicto въ сферу международнаго права [2]). Заслуга его въ этомъ отношеніи неотрицаема. Дѣйствительно, въ международныхъ отношеніяхъ не только формальныя соглашенія, но и различнаго рода дѣйствія, повидимому ничего

---

[1]) См. Staatsarchiv, №№ 4938, 4939, 4940.

[2]) Heffter. Völkerrecht, S. 160 ff. — Neumann. Grundriss, § 36, b.

общаго съ договорами неимѣющія, приводятъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и трактаты. Теорія Гефтера въ этомъ вопросѣ страдаетъ только тѣмъ недостаткомъ, что смѣшиваетъ гражданское право съ международнымъ.

I. Обязательства quasi ex contractu. Они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко въ международныхъ отношеніяхъ. Въ числѣ примѣровъ подобныхъ обязательствъ Гефтеръ приводитъ между прочимъ случай negotiorum gestio съ международнымъ характеромъ, дающій право на вознагражденіе, именно—когда какой-либо иностранный государь или республиканское правительство примутъ на себя регентство въ странѣ по причинѣ малолѣтства или неправоспособности ея государя. Едва ли что-нибудь подобное можетъ имѣть мѣсто въ настоящее время. Примѣромъ международнаго обязательства quasi ex contractu скорѣе можетъ служить обязанность вознагражденія государства за занятіе войсками и управленіе чужой территоріи, вызываемое обстоятельствами военнаго времени.

Такъ напр. русскіе войска и чиновники, по окончаніи послѣдней восточной войны, больше года оставались въ Болгаріи и въ Восточной Румеліи съ цѣлью охраненія этихъ провинцій и поддерживанія въ нихъ порядка. Фактъ этотъ создалъ въ пользу Россіи право на вознагражденіе, признанное Берлинскимъ трактатомъ; но оно существовало бы и безъ такого признанія.

II. Обязательства ex delicto. Преступленіе даетъ потерпѣвшему право на вознагражденіе за причиненный ему матеріальный ущербъ и нравственную обиду. Хотя въ области международныхъ отношеній нельзя говорить о преступленіяхъ, совершаемыхъ народомъ, но и здѣсь возможны нарушенія права, устанавливающія, какъ и въ частныхъ отношеніяхъ, обязательство виновной стороны вознаградить матеріально, возвратить вещь или дать нравственное удовлетвореніе потерпѣвшему государству.

Нарушеніе чужого права въ международныхъ отношеніяхъ можетъ быть совершено: 1) самими государствами или суверенами; 2) должностными лицами и 3) частными лицами.

Изъ этихъ случаевъ наиболѣе простыми являются первые два. Нѣтъ сомнѣнія, что если права государства будутъ нарушены дру-

гимъ государствомъ, его главою или чиновниками, то потерпѣвшій народъ имѣетъ право требовать убытки и удовлетворенія съ виновной стороны.

Когда русскій посланникъ въ Лондонѣ, Матвѣевъ, былъ въ 1708 году остановленъ на улицѣ, вытащенъ изъ кареты и посаженъ въ тюрьму за неплатежъ долга въ 50 ф. стер., то Петръ В. немедленно потребовалъ удовлетворенія. Англійское правительство ничего не возражало противъ этого требованія и не только сейчасъ же освободило Матвѣева, но и издало законъ о неподсудности дипломатическихъ агентовъ англійскимъ властямъ, списокъ котораго былъ препровожденъ къ Петру съ торжественнымъ посольствомъ.

Болѣе спорною представляется отвѣтственность государства за преступленія, совершенныя его подданными. На основаніи общепризнанныхъ началъ права частное лицо, въ принципѣ, само отвѣчаетъ за всѣ преступленія или нарушенія права, въ которыхъ будетъ виновно. Оно подлежитъ суду иностраннаго государства, если находится и совершило правонарушеніе въ его предѣлахъ; если же удалится въ свое отечество или будетъ виновно въ преступленіи противъ чужого государства, совершенномъ на отечественной территоріи, то наказуется по своимъ законамъ. Объ отвѣтственности государства за дѣйствія своего подданнаго можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если по требованію заинтересованной стороны оно не приметъ никакихъ мѣръ къ преслѣдованію и наказанію виновнаго. Въ такомъ случаѣ устанавливается солидарность между государственной властью и частнымъ лицомъ—правонарушителемъ. Тогда вопросъ получаетъ международный характеръ и улаживается дипломатическимъ путемъ.

Наконецъ, въ области международныхъ отношеній существуютъ еще такія недозволенныя дѣйствія, которыя одинаково нарушаютъ интересы всѣхъ народовъ и поэтому должны преслѣдоваться повсемѣстно. Сюда относятся: морской разбой, торговля невольниками, разрушеніе морского кабеля и вообще поврежденіе средствъ международныхъ сообщеній.

20 —

1-50

